Старая Москва

М. И. Пыляева.

Изданіе А. С. Суворина.

СТАРАЯ МОСКВА

СТАРАЯ МОСКВА

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БЫЛОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ

М. И. ПЫЛЯЕВА

СЪ 132 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1891

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 октября 1890 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОТЪ АВТОРА

Настоящая книга составлена мною по тому же плану, какъ и ранѣе изданныя сочиненія мои „Старый Петербургъ“ и „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“. Я не имѣлъ въ виду написать полную исторію Москвы, а лишь собралъ здѣсь устныя сказанія современниковъ и тѣ свѣдѣнія о ней, которыя разсѣяны въ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ и которыя рисуютъ преимущественно бытъ и нравы первопрестольной столицы въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Многіе изъ рисунковъ, воспроизведеныхъ въ настоящемъ изданіи, появляются въ печати въ первый разъ и заимствованы главнымъ образомъ изъ богатаго и всегда радушно открытаго для занимающихся драгоцѣннаго собранія гравюръ П. Я. Дашкова.

ГЛАВА I.

Москва при Екатеринѣ II.—Улицы и мостовая.—Рогатки и фонари.—Характеристика высшаго общества того времени.—Роскошь нарядовъ, экипажей и пр.—Модный молодой человѣкъ.—«Новоманерныя петербургскія слова».—Великосвѣтскій жаргонъ.—Тетушка Петровской эпохи.—Жизнь на улицахъ въ праздники.—Кулачные бои.—Мѣсто народныхъ гуляній.—Рысистые бѣга.—Святочныя катанья по городу.—Полицiймейстеръ Эртель и графъ А. Орловъ.—Праздники въ Москвѣ во время коронаціи Екатерины II.—Поѣздка царицы на поклоненіе мощамъ святителя Сергія.—Описаніе торжествъ въ лаврѣ.—Уличный маскарадъ.—«Торжествующая Минерва». Авторы этого зрѣлища: Волковъ, Сумароковъ и Херасковъ.—Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова.—Церковь св. Кира и Іоанна въ память восшествія императрицы на престолъ.—Павловская больница.—Проектъ Воспитательнаго дома.—Постройка зданія.—Пожертвованія П. А. Демидова.—Чудачества Демидова.—Переписка съ Бецкимъ.—Благотворительная дѣятельность послѣдняго.

ОСКВА при императрицѣ Екатеринѣ II жила еще вѣрная преданіямъ сѣдой старины. По разсказамъ современниковъ, въ ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразованій Петра Великаго.

Старина въ Москвѣ сохранялась не только въ общественномъ быту, но и во внѣшнемъ устройствѣ города.

Москва при Екатеринѣ II представляла нѣсколько сплошныхъ городовъ и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточіемъ нѣсколькихъ міровъ».

Имя города Москвѣ давали только каменныя стѣны Кремля, Китая и Бѣлаго города. Настоящій же городъ строился не по плану

заморскаго зодчаго, а по прихоти каждаго домохозяина; хотя Бантышъ-Каменскій въ біографіи князя В. Голицына и говоритъ, что въ угоду этому боярину было построено въ Москвѣ до 3,000 каменныхъ домовъ, но врядъ ли это было на самомъ дѣлѣ. Улицы были неправильныя, гдѣ черезчуръ узкія, гдѣ не въ мѣру уже широкія, множество переулковъ, закоулковъ и тупиковъ часто преграждались строеніями.

Дома раздѣляли иногда цѣлыя пустоши, иногда и цѣлыя улицы представляли ничто иное, какъ одни плетни или заборы, изрѣдка прерываемые высокими воротами, подъ двускатной кровлей которыхъ виднѣлись мѣдные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворахъ давали знать лаемъ одни псы въ подворотняхъ.

Дома богатыхъ людей ютились на широкихъ дворахъ въ кущахъ вѣковыхъ деревъ; здѣсь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

Къ богатымъ барскимъ усадьбамъ прилегала большая часть густо скученныхъ простыхъ деревенскихъ избъ, крытыхъ лубкомъ, тесомъ и соломой. На улицахъ существовала почти вездѣ невылазная грязь и стояли болота и лужи, въ которыхъ купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улицъ не была въ тѣ времена вымощена камнемъ, а по старому обычаю мощена была фашинникомъ или бревнами. Такія улицы еще существовали въ Москвѣ до пожара 1812 года. Грязь съ московскихъ улицъ шла на удобреніе царскихъ садовъ и ежегодно это удобреніе туда свозилось по нѣсколько сотъ возовъ [1]). Насколько непроходимы были улицы Москвы отъ грязи, видно изъ того, что иногда откладывались въ Кремлѣ крестные ходы.

Мостить улицы камнемъ стали въ Москвѣ съ 1692 года, когда Петръ Великій издалъ указъ, по которому повинность мостить камнемъ московскія улицы разложена была на все государство [2]). Сборъ дикаго камня распредѣленъ по всей землѣ: съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и со всѣхъ вотчинъ служилаго сословія, по числу крестьянскихъ дворовъ, съ десяти дворовъ одинъ камень, мѣрою въ аршинъ, съ другого десятка—въ четверть, съ третьяго—два камня, по полуаршину, наконецъ съ четвертаго десятка—мелкаго камня, чтобы не было меньше гусинаго яйца, мѣрою квадратный аршинъ. Съ гостей и вообще торговыхъ людей эта повинность была разложена по ихъ промысламъ. Всѣ же крестьяне, въ извозѣ или такъ пріѣзжавшіе въ Москву, должны были въ городскихъ воротахъ представлять по три камня ручныхъ, но чтобъ меньше гусинаго яйца не было.

На ночь большія улицы запирались рогатками, у которыхъ сторожа были изъ обывателей, рогатки вечеромъ ставились въ десять часовъ, а утромъ снимались за часъ до разсвѣта. Сторожа при рогаткахъ стояли иные съ оружіями, другіе же съ палками или «грановитыми дубинами». При опасностяхъ сторожа били въ трещетки.

Первыя рогатки въ Москвѣ учреждены были при Іоаннѣ III, въ 1504 году; у нихъ стояли караулы и никого не пропускали безъ фонарей; за пожарами наблюдала полиція съ башенокъ, называемыхъ тогда «лантернами»; послѣднія устраивались надъ съѣзжими дворами. Первые фонари въ Москвѣ были зажжены осенью 1730 года, во время пребыванія двора въ Москвѣ; поставлены они были на столбахъ, одинъ отъ другого на нѣсколько саженъ; фонари были въ первое время слюдяные.

Нѣкоторымъ обывателямъ, у которыхъ окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнахъ свѣчи; какъ послѣднія, такъ и фонари, горѣли только до полуночи. Въ 1766 году всѣхъ фонарей на столбахъ было 600; въ 1782 году фонарей было уже 3,500 штукъ, а въ 1800 году фонарей въ Москвѣ стояло до 6,559 шт. Каждый фонарь въ первое время по постановкѣ обошелся казнѣ по одному рублю. На большихъ улицахъ разставлены фонари были чрезъ 40 саженъ; по переулкамъ, отъ кривизны ихъ, противъ этого вдвое.

Въ екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственнаго и нравственнаго развитія—подъ золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такія противорѣчія заставили литераторовъ того времени выступить съ обличительнымъ протестомъ противъ нравовъ высшаго общества, гдѣ на первомъ планѣ была только одна мода. По требованіямъ моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ и съ золотымъ галуномъ, и не носить такого кафтана для свѣтскаго человѣка значило быть осмѣяннымъ. Щеголь долженъ былъ имѣть такихъ дорогихъ кафтановъ по нѣскольку и какъ можно чаще перемѣнять, шубы были бархатныя, съ золотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ ленточка; манжеты носились тонкія кружевныя, чулки носили шелковые со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ,

иногда осыпанныхъ брилліантами, табакерокъ съ миніатюрными портретами красавицъ или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой, и другія драгоцѣнныя бездѣлки; на пальцахъ множество колецъ, а въ рукахъ трость.

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать голову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, было хлопотливое и не легкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, щеголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре. Кудри завивали на подобіе «заливныхъ трубъ и винныхъ боченковъ», какъ острилъ журналъ «Пустомеля».

Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листковъ, проводилъ свое время модный молодой человѣкъ, носившій въ екатерининское время названія: щеголя, вертопраха и петиметра. «Проснувшись онъ въ полдень, или немного позже, первое мажетъ лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропитъ себя пахучими водами, потомъ набрасываетъ пудреманъ и по нѣскольку часовъ проводитъ за туалетомъ, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налѣпливая мушки, смотря по погодѣ петиметрскаго горизонта. По окончаніи туалета онъ садится въ маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ».

Въ бесѣдѣ съ щеголихами онъ воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости; его за это называютъ «рѣзвымъ ребенкомъ». Признаніе въ любви онъ дѣлаетъ всегда быстро; напримѣръ, разсказывая красавицѣ о какомъ ни на есть любовномъ приключеніи, онъ вдругъ прерываетъ разговоръ: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? Вить я влюбленъ въ васъ до дурачества»;—и бросаетъ на нее «гнилой взглядъ». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметръ продолжаетъ говорить ей похвалы.

Послѣ этого разговора щеголиха и петиметръ бываютъ нѣсколько дней безумно другъ въ друга влюблены. Они располагаютъ дни свои такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ «сѣринькой» [3]) ѣздимъ въ англійскую комедію, въ «пестринькой» бываемъ во французской, въ «колетца»—въ маскарадѣ, въ «мѣдный тазъ»—въ концертѣ, въ «сайку»—смотримъ русскій спектакль, въ «умойся»—дома, а въ «красное»—ѣздимъ прогуливаться за городъ. Такимъ образомъ петиметръ держитъ ее «болванчикомъ» до того времени, какъ встрѣтится другая.

На жаргонѣ петиметровъ было много словъ, буквально переведенныхъ съ французскаго языка; такія слова назывались «новоманерныя петербургскія слова». Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ языкъ. «Живописецъ» Новикова приводитъ интересные образцы этого моднаго щегольского нарѣчія.

Напримѣръ, слово «болванчикъ» было ласкательное—его придавали другъ другу любовники, оно значило то же, что idole de mon ame; «ахъ, мужчина, какъ ты забавенъ! Ужесть, ужесть! Твои

Московскіе франты въ концѣ XVIII вѣка.
По рисунку Делабарта.

гнилые взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могутъ». Маханьемъ называлось волокитство. «Ха, ха, ха! ахъ, монкеръ, ты уморилъ меня!» «Онъ живетъ три года съ женою и по сю пору ее любитъ!» «Перестань, мужчина, это никакъ не можетъ быть, три года имѣть въ головѣ своей вздоръ!» «Безподобно и безпримѣрно» въ особенномъ новомъ смыслѣ, напримѣръ: «Безподобные люди! она дурачится по-дѣдовски и тѣмъ безподобно его терзаетъ, а онъ такъ теменъ въ свѣтѣ, что по сю пору не примѣтилъ, что это ни

чуть не славно и совсѣмъ неловко; онъ такъ развязенъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтѣ». На простомъ языкѣ эти странныя слова безъ смысла обозначали слѣдующее: «Рѣдкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсѣмъ не понятливъ въ щегольскомъ обхожденіи и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любитъ ее равномѣрно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, страстныхъ признаній и сплетенъ двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ, и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ староверствомъ. Торжество моды было тогда, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины и имѣли свой особенный кругъ знакомыхъ: жена была окружена роемъ поклонниковъ, а мужъ содержалъ «метрессу», которая стоила большихъ денегъ.

Но, не смотря на приведенныя нами крайности, порожденныя французскимъ вліяніемъ, въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ еще много сохранялось старины. Сатирическіе журналы рисуютъ этихъ представителей старины, разумѣется, въ каррикатурѣ и на нихъ нельзя опираться, какъ на документы. Но въ извѣстной степени ихъ показанія все-таки заслуживаютъ вниманія.

Во «Всякой Всячинѣ», напримѣръ, описывается визитъ молодого племянника у старой тетки: «Не успѣлъ послѣдній войти къ ней и поклониться, какъ она закричала на него: «басурманъ, какъ ты въ комнаты благочинно войти не умѣешь?» Я извинился, говоря, что я такъ спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она глядѣла, на него нахмурившись, въ комнатѣ было темно, тетка сидѣла на кровати, племянникъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но тутъ встрѣтилъ непреоборимыя препятствія. Между ними находились слѣдующіе одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоялъ, направо, большой сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая между двумя карлицами и двѣ богадѣльницы. Передъ ними, ближе къ кровати, лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; далѣе странница и двѣ ея внучки,—дѣвушки-невѣсты; да дура. Странница съ внучками лежали на перинахъ; у кровати занавѣсы были открыты, вѣроятно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта

очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Племянникъ такъ и недостигъ со своимъ поклономъ къ теткѣ, онъ передавилъ человѣкъ пять и перебилъ множество посуды и въ концѣ-концовъ былъ очень радъ, что кой-какъ выскочилъ по-здорову изъ комнатъ своей родственницы».

Если можно было встрѣтиться съ такимъ образомъ жизни въ дворянскомъ быту, то еще проще была въ то время жизнь посадскихъ людей и простолюдиновъ.

Напримѣръ, когда богатый человѣкъ ѣдалъ на серебрѣ десятки кушаньевъ, простолюдинъ ѣлъ хлѣбъ пополамъ съ соломой, лебедой, спалъ прямо на полу въ дыму съ телятами и овцами, а лѣтомъ и осенью простой народъ прямо спалъ на улицахъ; на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ мылись лица обоего пола, прямо, открыто на воздухѣ; стирали свое бѣлье. Ниже мы прилагаемъ изображеніе Серебрянскихъ банъ на рѣкѣ Яузѣ—бани эти существовали еще въ XVI столѣтіи. Въ виду этихъ банъ въ приходѣ Николы въ Воробьинѣ стоялъ нѣкогда родовой домъ драматурга А. Н. Островскаго. Здѣсь талантливый писатель написалъ цѣлый рой своихъ неувядаемыхъ комедій. Теперь въ домѣ Островскаго открыто распивочное заведеніе и какъ разъ, гдѣ помѣщался письменный столъ безсмертнаго художника, стоитъ стойка кабатчика. Описывая картину тогдашняго уличнаго быта, мы находимъ, что на «Вшивомъ рынкѣ» собиралась цѣлая толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись, и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто ковромъ.

Посадскіе и простой народъ лѣтомъ ходили въ халатахъ или рубахахъ, а зимою носили тулупы, крытые китайкою или нанкою; лѣтомъ на головахъ имѣли круглыя шляпы и картузы, а зимою шапки и мѣховые картузы. Отличительный нарядъ женщины простого сословія было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были ситцевыя, но зажиточные носили «канаватныя» съ золотомъ—бывали такія накидки цѣною по сту рублей и болѣе; выйти безъ такой накидки изъ дому почиталось за стыдъ; обыкновенная одежда бабъ состояла изъ рубашки съ широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилыхъ женщинъ былъ у рубашекъ высокій воротъ и широкій воротникъ, юбка и душегрѣйка или шушунъ,—послѣдніе были разныхъ покроевъ; голову повязывали платкомъ. Встарину

всѣ купчихи носили юбки и кофты, а на головахъ платки; послѣдніе были парчевые, глазетовые, тканые, съ золотыми каймами, шитые золотомъ, битые канителью; бывали платки по сту и болѣе рублей; дамы, какъ въ богатыхъ, такъ и въ бѣдныхъ домахъ, носили бумажные вязаные колпаки. По праздникамъ же выходили на улицу въ дорогихъ кокошникахъ, убранныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на шеѣ было «перло» (жемчужная нитка).

Въ праздничные дни всѣ женщины являлись на улицу — старыя садились на скамейкахъ или на «завалинкахъ» у воротъ и судачили, молодыя качались на улицахъ на качеляхъ и доскахъ. Зимою катались женщины и мужчины на конькахъ по льду, также катались на салазкахъ съ горъ.

Въ Китай-городѣ, позади Мытнаго двора, была устроена такая катальная гора извѣстнымъ Ванькой Каиномъ; она долго послѣ него носила названіе Каиновой. Зимою народъ также въ праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составляли двѣ враждебныя стороны. По свисту обѣ стороны бросались другъ на друга и бились жестоко, многіе выходили навѣкъ изъ битвы изуродованными, другихъ выносили мертвыми.

Вступая въ единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Въ екатерининское время на Москвѣ кулачнымъ ратоборствомъ славился половой изъ пѣвческаго трактира Герасимъ, родомъ ярославецъ; это былъ небольшого роста мужикъ, плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета гдѣ-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову; послѣдній былъ большой охотникъ до такихъ ратоборствъ. Въ зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись подъ старымъ Каменнымъ или Троицкимъ мостомъ, подъ которымъ была мельница, и рѣчка Неглинная для этого запружалась; отъ запрудки здѣсь образовывался широкій прудъ, почти во всю длину теперешняго верхняго кремлевскаго сада. Въ кулачныхъ бояхъ принимало участіе и высшее тогда дворянское сословіе. Въ дни, когда не было боевъ, охотники до рысаковъ потѣшались на борзыхъ коняхъ, въ маленькихъ саночкахъ, либо въ пошевняхъ.

Здѣсь же объ масляницѣ строились горы, балаганы (комедіи) и было народное гулянье, гдѣ знать московская, чиновники и горожане съ своими семействами проѣзжали кругомъ гулянья, простые же люди катывались съ горъ; женщины толпились около комедій

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій, проѣзжающій своего рысака Барса.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры того времени Бликланда.

какою нибудь золоченою, либо серебряною фигурою, напримѣръ головою Медузы, Сатира, льва, медвѣдя съ ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь была манежная кургузая, въ мундштукѣ съ кутасами и клапанами, въ шорахъ съ постромками, впрягалась въ двѣ кривыя оглобли, съ сѣделкою, безъ дуги.

Охотникъ садился въ барское мѣсто, самъ правилъ вожжами, на запяткахъ сидѣлъ верхомъ гусаръ, держалъ легкій бичъ, щелкалъ по воздуху и кричалъ: «поди, поди, берегись». Такія святочныя катанья продолжались до 1812 года.

Проѣздки и кулачныя потѣхи на пруду существовали только до 1797 года; въ этому году мельница подъ каменнымъ Троицкимъ мостомъ уничтожена, Неглинный прудъ спущенъ, горы съ комедіями переведены на Москву-рѣку, къ воспитательному дому. По Кремлевскому берегу, который до этого былъ въ природномъ видѣ, стали отъ самаго каменнаго до деревяннаго Москворѣцкаго выводить изъ камня набережную. Да притомъ въ это время поступившій новый оберъ-полиціймейстеръ Эртель строго запретилъ на улицахъ скорую ѣзду.

Почти въ эти же года пріѣхалъ въ Москву на постоянное свое житье чесменскій герой графъ А. Г. Орловъ, устроилъ свой бѣгъ подъ Донскимъ и началъ кататься въ легкихъ бѣговыхъ саночкахъ, съ русскою упряжью, какъ ѣздятъ и теперь. Вся московская знать стала искать съ нимъ знакомства и съ его позволенія стала выѣзжать къ нему на бѣгъ, строго подражая ему въ упряжкѣ, и съ этого времени нѣмецкія нарядныя санки стали свозиться въ желѣзный рядъ на Неглинную, какъ старье, и тутъ въ пожаръ 1812 года они сгорѣли чуть ли не всѣ. Въ лѣтнее время охотники до конскаго бѣга изъ купеческаго сословія выѣзжали на Московское поле, между заставами Тверскою и Прѣсненскою, либо на Донское поле, что было между улицъ Серпуховскою и Шабаловскою; оба эти мѣста были песчаны, широки и малопроѣзжи.

Охотники катались на дрожкахъ-волочкахъ—это были тѣ же бѣговыя дрожки, только пошире, на желѣзныхъ осяхъ, безъ передняго щитка. Эти волочки и послужили графу Орлову образчикомъ для бѣговыхъ дрожекъ теперешняго вида. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія появился для такого катанья новый видъ дрожекъ, который у извозчиковъ слылъ подъ именемъ «калиберца».

Въ тридцатитрехлѣтнее царствованіе Екатерины II Москва видѣла много веселыхъ и тяжелыхъ дней. Веселые дни начались съ пріѣздомъ императрицы для коронаціи 13-го сентября 1762 года [1]). Въ этотъ день состоялся торжественный въѣздъ государыни.

Улицы Москвы были убраны шпалерами изъ подрѣзанныхъ елокъ, на углахъ улицъ и площадяхъ стояли арки, сдѣланныя изъ зелени съ разными фигурами.

Дома жителей были изукрашены разноцвѣтными матеріями и коврами. Для торжественнаго въѣзда государыни устроено нѣсколько тріумфальныхъ воротъ: на Тверской улицѣ, въ Земляномъ городѣ, въ Бѣломъ городѣ, въ Китай-городѣ Воскресенскія и Никольскія въ Кремлѣ.

У послѣднихъ тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ Екатерину II московскій митрополитъ Тимофей съ духовенствомъ и сказалъ императрицѣ поздравительную рѣчь. Въѣздъ государыни былъ необыкновенно торжественъ, Екатерина ѣхала въ золотой каретѣ, за ней слѣдовала залитая золотомъ свита. Клики народные не смолкали.

Чинъ коронованія [5]) происходилъ въ воскресенье; стеченіе народа въ Кремль началось еще наканунѣ, хотя въ тотъ день шелъ большой дождь; въ день же коронованія утро было пасмурно, но къ вечеру погода разгулялась. По первому сигналу изъ 21 пушки въ пять часовъ утра, всѣ назначенныя къ церемоніи персоны начали съѣзжаться въ Кремлевскій дворецъ, а войска построились въ 8 часу около соборной церкви и всей Ивановской площади.

Въ 10 часу затрубили трубы и забили въ литавры, и по этому сигналу двинулась процессія въ церковь. Государыня между тѣмъ, во внутреннихъ своихъ покояхъ приготовившаяся къ священнымъ таинствамъ мѵропомазанію и причащенію, вошла въ большую аудіенцъ-камеру, куда уже всѣ регаліи изъ сенатской камеры принесены были и положены на столахъ по обѣ стороны трона.

Когда всѣ государственные чины собрались, императрица сѣла подъ балдахинъ въ кресла свои. Въ это время духовникъ государыни, Благовѣщенскаго собора протопопъ Ѳеодоръ, сталъ кропить святою водою путь государыни.

Какъ только государыня изъ дворца вышла на Красное Крыльцо, начался звонъ во всѣ колокола и военная салютація. При приближеніи къ соборнымъ дверямъ государыню встрѣтилъ весь церковной синклитъ, до двадцати архіереевъ и болѣе сорока архимандритовъ во главѣ съ архіепископомъ новгородскимъ, который поднесъ государынѣ для цѣлованія крестъ; митрополитъ московскій окропилъ святою водою. Государыня сѣла на приготовленный ей престолъ.

Въ это время она надѣла на себя порфиру и орденъ Андрея Первозваннаго, а когда возложила на себя корону, то на Красной площади произведена была стрѣльба. Послѣ этого всѣ чины двора

Бѣгъ въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.
Съ англійской гравюры того времени.

принесли ей поздравленіе, а новгородскій архіепископъ Димитрій сказалъ ей поздравительное слово.

Выходъ изъ храма былъ неменѣе торжественъ—всѣ войска при видѣ государыни въ коронѣ и порфирѣ производили салютаціи. Государыня пошла въ Архангельскій соборъ, гдѣ поклонилась усопшимъ предкамъ, послѣ этого въ Благовѣщенскій соборъ и тамъ приложилась къ святымъ мощамъ и затѣмъ возвратилась во дворецъ.

Императрица Екатерина въ своей аудіенцъ-камерѣ сѣла подъ балдахинъ и жаловала многихъ разными милостями. Потомъ царица отправилась въ Грановитую палату, гдѣ происходилъ обѣдъ.

Во время стола исполнялся концертъ на хорахъ, вокальный и инструментальный. По окончаніи стола государыня возвратилась въ свои покои и въ тотъ день ничего болѣе не происходило. При наступленіи ночи весь дворецъ кремлевскій и всѣ публичныя строенія, какъ и колокольня Ивана Великаго, были иллюминованы.

Въ полночь государыня вышла инкогнито на Красное Крыльцо и любовалась на иллюминацію. Въ эту ночь, по словамъ очевидца, вся Москва пылала огнями; на выстроенныхъ ко дню пріѣзда государыни тріумфальныхъ воротахъ горѣли разные щиты: на одномъ былъ представленъ геліотропъ (цвѣтъ, подобный солнцу), а подъ нимъ гора съ надписью: «отъ всего міра видима буду»; на другихъ виднѣлся мечъ съ надписью: «законъ управляетъ, мечъ защищаетъ»; на другихъ воротахъ представленъ орелъ, держащій въ когтяхъ громовыя стрѣлы, надпись гласила: «защищеніе величества»; на другихъ виднѣлся царскій жезлъ съ надписью: «жезлъ правости, жезлъ царствія твоего»; на другихъ былъ изображенъ вензель Екатерины, поддерживаемый ангелами, а подъ нимъ Россія, съ надписью: «слава Богу, показавшему намъ свѣтъ»; на порталахъ изображена была радуга съ надписью: «предвѣстіе вёдра»; на слѣдующихъ четыре части свѣта, изъ которыхъ Европа «особливо весело себя оказывала». Повсюду виднѣлись крылатые «геніусы» и «фамы», «которые въ трубы поздравленіе говорили».

Въ довершеніи всего этого, напротивъ самаго Кремля, къ Замоскворѣчью, былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ.

На шестой день послѣ коронаціи Екатерина II дала праздникъ для народа. Народное празднество происходило на Красной площади и на Лобномъ мѣстѣ.

Въ день праздника по улицамъ разъѣзжали торжественныя колесницы, украшенныя рѣзною позолотой, на которыхъ стояли жареные быки, лежали пирамидами дичь и разнаго сорта хлѣбъ. За

этими колесницами тянулись роспуски, установленные посеребренными и позолоченными бочками меда и пива.

На Красной площади стояло множество столовъ съ различными яствами. Тамъ же были устроены фонтаны, которые били краснымъ и бѣлымъ виномъ. Тоже и на нѣкоторыхъ перекресткахъ главныхъ улицъ были столы для бѣдныхъ, гдѣ ихъ угощали закусками и питіями.

Близь Кремля къ этому дню были разбиты шатры, украшенные разноцвѣтными флагами, гдѣ раздавались пряники и разныя сладости народу.

Въ другихъ мѣстахъ возвышались балаганы и амфитеатры, гдѣ представляли акробаты, фокусники, ходили по канату персіяне и т. д. Сама императрица, въ сопровожденіи большой свиты, разъѣзжала по улицамъ Москвы, любуясь народнымъ празднествомъ; въ это время окружавшіе ея герольды бросали въ народъ серебряные жетоны. Такія празднества въ Москвѣ продолжались цѣлую недѣлю.

Послѣ коронаціонныхъ празднествъ Екатерина отправилась въ Троицкую лавру; путь императрицы отличался необыкновенною торжественностью. Государыня выѣхала изъ Москвы 17-го октября и прибыла въ лавру въ тотъ же день въ восьмомъ часу. У воротъ обители были расположены по бокамъ сорокъ молодыхъ воспитанниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнцами на головахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ; при прибытіи императрицы они запѣли слѣдующій кантъ:

Гряди, желаннѣйшая мати,
Гряди съ дрожайшимъ Павломъ къ намъ,
Гряди отъ гроба даръ пріяти
Въ созданный чудотворцемъ храмъ и пр.

Это пѣніе продолжалось до самаго входа императрицы въ храмъ; при вступленіи въ церковь пѣвчіе запѣли: «Достойно есть»; въ это время государыня прикладывалась къ святымъ мощамъ, послѣ чего ей было возглашено многолѣтіе. При торжественныхъ кликахъ многолѣтія государыня вышла изъ храма; здѣсь опять на паперти встрѣтили ее семинаристы и запѣли уже другой кантъ:

Пріиди, Екатерина,
Вторая къ намъ Елизаветъ,
Надежда всѣхъ едина,
Пріиди, о презлатыхъ намъ лѣтъ,
    И Павла возведи съ собою,
    Идуща спѣшною ногою.

Во время этого шествія продолжалась пушечная пальба и колокольный звонъ. Придя въ приготовленные покои для императрицы, архимандритъ съ братіею и учителями поднесъ хлѣбъ-соль, намѣстникъ лавры Инокентій произнесъ торжественную рѣчь и затѣмъ еще пѣли канты семинаристы.

На другой день послѣ литургіи государыня со свитой обѣдала у настоятеля лавры, осматривала ризницу и различныя церковныя древности, потомъ отправилась въ семинарію въ богословскую палату, гдѣ были собраны какъ учителя, такъ и воспитанники, одѣтые «въ бѣломъ съ золотыми травами платьѣ», имѣя въ рукахъ вѣтви и зеленые на головахъ вѣнцы, ожидая съ наичувствительнѣйшимъ желаніемъ свою всемилостивѣйшую видѣть государыню и, «какъ токмо собраніе юношества увидѣло монархиню, радостію сердечно взыгравъ, воспѣли слѣдующій кантъ:

Сидящей на Россійскомъ тронѣ
Вы, музы, въ вашемъ Геликонѣ
Приличный стихъ воспойте
И радость въ насъ откройте,
Сокрытую въ сердцахъ.
Дни ваши нынѣ преблаженны,
Ликуй, ликуй, Парнасъ священный,
Зря на Екатерину,
Надежду всѣхъ едину;
Науки продолжай»...

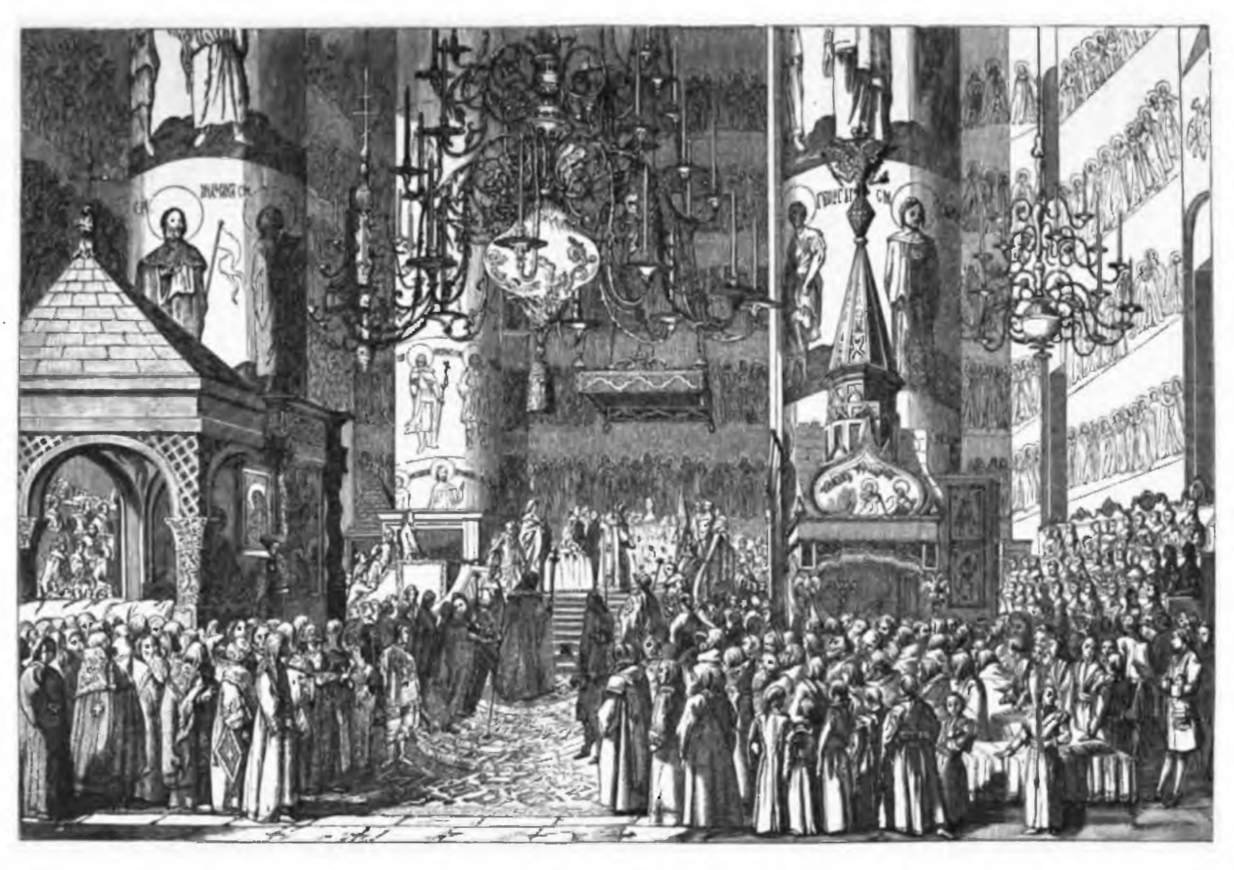
и т. д.

Послѣ этого канта ученики привѣтствовали государыню на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, стихами и рѣчами. Въ заключеніе сказалъ рѣчь ректоръ семинаріи Платонъ и затѣмъ настоятель лавры Лаврентій поднесъ государынѣ оду; послѣдняя начиналась такъ:

Не можетъ толь насъ веселить
Весна своей красою,
Ни въ жаркій день кто прохладить
Сердца всѣхъ насъ водою.
Коль ты пришествіемъ своимъ,
Дрожайшая наша мати, и т. д.

Государыня послѣ осматривала библіотеку семинаріи; въ тотъ же вечеръ Екатерина посѣтила опять семинарію, гдѣ давалась учениками драма «О Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи». По преданію, эта драма тянулась очень долго; по окончаніи представленія вся лавра была иллюминована.

«Въ субботу, по утру, 19-го октября, государыня, приложившись къ мощамъ, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, изволила выдти за святыя ворота, потомъ «сѣдши въ линію, путь



Коронованіе императрицы Екатерины II.
Съ гравюры Калпашникова.

въ царствующій свой градъ воспріяла въ началѣ девятаго часу, присемъ производилась пушечная пальба съ колокольнымъ звономъ. Проѣзжая слободою Клементьевою, изволила въ народъ бросить деньги» [6]).

Императрица послѣ коронаціи изъ первопрестольной не уѣзжала, а пробыла тамъ цѣлую зиму. Москва въ дни пребыванія государыни увидѣла невиданные до этого празднества и маскарады. Роскошь и великолѣпіе послѣднихъ доходила до сказочнаго волшебства.

Такъ первый такой грандіозный маскарадъ былъ данъ въ послѣдніе дни масляницы. Устройство этого маскарада было препоручено придворному актеру Ѳедору Григорьевичу Волкову; всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ немъ было болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ; двѣсти огромныхъ колесницъ были везены запряженными въ нихъ волами отъ 12 до 24-хъ въ каждой.

Маскарадъ назывался «Торжествующая Минерва» [7]). Въ немъ, какъ гласило печатное объявленіе, «изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели». Маскарадъ въ теченіе трехъ дней, начиная съ десяти часовъ утра и до поздняго времени, проходилъ по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровской.

По возвращеніи послѣдняго къ горамъ, начиналось всеобщее катанье, на театрѣ давались кукольныя комедіи, «фокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія»; вмѣстѣ съ желающими смотрѣть на это торжество въ маскахъ и безъ маски вызывались изъ публики желающіе «бѣгаться на лошадяхъ».

Маскарадное шествіе открывалось предвозвѣстниками торжества съ большою свитою и затѣмъ раздѣлялось на отдѣлы; передъ каждымъ отдѣломъ несли особенный знакъ. Первый знакъ былъ посвященъ Момусу или «Упражненіе малоумныхъ»; за нимъ слѣдовалъ хоръ музыки, кукольщики, по сторонамъ двѣнадцать человѣкъ на деревянныхъ коняхъ.

За ними ѣхалъ верхомъ «Родомантъ» забіяка, храбрый дуракъ; подлѣ него шелъ пажъ, поддерживая его косу. Послѣ него шли служители Панталоновы, одѣтые въ комическое платье, и Панталонъ-пустохватъ въ портшезѣ; потомъ шли служители глупаго педанта, одѣтые скарамушами, слѣдовала сзади и книгохранительница безумнаго враля; далѣе шли дикари, несли мѣсто для арлекина, затѣмъ вели быка съ придѣланными на груди рогами; на немъ сидѣлъ человѣкъ, у котораго на груди было окно,—онъ держалъ модель кругомъ вертящагося дома.

Эту группу программа маскарада объясняла такъ: Момъ, видя человѣка, смѣялся, для чего боги не сдѣлали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ его сердце можно было смотрѣть; быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на грудяхъ роговъ и тѣмъ лишили его большей силы, а надъ домомъ смѣялся, отчего нельзя его такъ сдѣлать, что если худой сосѣдъ, то его поворотить на другую сторону. За этой группой слѣдовалъ «Бахусъ», олицетворяя «Смѣхъ и безстыдство».

Картина представляла пещеру Пана, въ которой плясали нимфы, сатиры, вакханки; сатиры ѣхали на козлахъ, на свиньяхъ и обезьянахъ. Колесница Бахуса заложена была тиграми.

Троицкая-Сергіева лавра въ XVIII столѣтіи.
Съ гравюры того времени Малютина.

Здѣсь вели осла, на которомъ сидѣлъ пьяный Силенъ, поддерживаемый сатирами, наконецъ, пьяницы тащили сидящаго на быкѣ толстаго краснолицаго откупщика; къ его бочкѣ были прикованы корчемники и шесть крючковъ, слѣдовали цѣловальники, двѣ стойки съ питьемъ, на которыхъ сидѣли чумаки съ балалайками. Эту группу заключалъ хоръ пьяницъ.

Третья группа представляла «Дѣйствіе злыхъ сердецъ»: она представляла ястреба, терзающаго голубя, паука, спускающагося на муху, кошачью голову съ мышью въ зубахъ и лисицу, давящую пѣтуха. Эту группу заключалъ нестройный хоръ музыки; музыканты были наряжены въ видѣ разныхъ животныхъ.

Четвертое отдѣленіе представляло «Обманъ»; на знакѣ была изображена маска, окруженная змѣями, кроющимися въ розахъ,

съ надписью: «Пагубная прелесть»; за знакомъ шли цыгане, цыганки пьющіе, поющіе и пляшущіе колдуны, ворожеи и нѣсколько дьяволовъ. Въ концѣ слѣдовалъ Обманъ въ лицѣ прожектеровъ и аферистовъ.

Пятое отдѣленіе было посвящено посрамленію невѣжества; на знакѣ были изображены: черныя сѣти, нетопырь и ослиная голова. Надпись была: «Вредъ непотребства». Хоръ представлялъ слѣпыхъ, ведущихъ другъ друга; четверо, держа замерзшихъ змѣй, грѣли и отдували ихъ. Невѣжество ѣхало на ослѣ. Праздность и Злословіе сопровождала толпа лѣнивыхъ.

Шестое отдѣленіе было «Мздоимство»: на знакѣ виднѣлись изображенія: гарпія, окруженная крапивой, крючками, денежными мѣшками и изгнанными бѣсами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба». Ябедники и крючкотворцы открывали шествіе, подьячіе шли съ знаменами, на которыхъ было написано «Завтра». Нѣсколько замаскированныхъ длинными огромными крючьями тащили за собою зараженныхъ «акциденціею», т. е. взяточниковъ, обвѣшанныхъ крючками; повѣренные и сочинители ябедъ шли съ сѣтями, опутывая и стравливая идущихъ людей; хромая «правда» тащилась на костыляхъ, сутяги и аферисты гнали ее, колотя въ спину туго набитыми денежными мѣшками.

Седьмое отдѣленіе было—міръ навыворотъ или «превратный свѣтъ»; на знакѣ виднѣлось изображеніе летающихъ четвероногихъ звѣрей и человѣческое лицо, обращенное внизъ. Надпись гласила: «Непросвѣщенные разумы». Хоръ шелъ въ развратномъ видѣ, въ одеждахъ на изнанку, нѣкоторые музыканты шли задомъ, ѣхали на быкахъ, верблюдахъ; слуги въ ливреяхъ везли карету, въ которой разлеглась лошадь; модники везли другую карету, гдѣ сидѣла обезьяна; нѣсколько карлицъ съ трудомъ поспѣвали за великанами; за ними подвигалась люлька съ спеленатымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ грудной мальчикъ. Въ другой люлькѣ лежала старушка, играла въ куклы и сосала рожокъ, а за нею присматривала маленькая дѣвочка съ розгой; затѣмъ везли свинью, покоющуюся на розахъ. За нею брелъ оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ, гдѣ игралъ козелъ на скрипкѣ и пѣлъ оселъ. Везли Химеру, которую расписывали маляры и пѣснославили риѳмачи, ѣхавшіе на коровахъ.

Восьмое отдѣленіе глумилось надъ спѣсью; знакъ былъ—павлиный хвостъ, окруженный нарцисами, а подъ ними зеркало, съ отразившеюся надутою харею, съ надписью: «Самолюбіе безъ достоинствъ».

Девятая группа изображала «Мотовство и бѣдность». На знакѣ виденъ былъ опрокинутый рогъ изобилія, изъ котораго сыпалось золото; по сторонамъ курился ѳиміамъ. Надпись гласила: «Безпечность о добрѣ». Хоръ шелъ въ платьяхъ, обшитыхъ картами; шли карты всѣхъ мастей, за ними слѣдовала слѣпая Фортуна, затѣмъ счастливые и несчастные игроки. Брели и нищіе съ котомками.

Шествіе замыкала колесница Венеры съ сидящимъ возлѣ Купидономъ. Къ колесницѣ были прикованы гирляндами цвѣтовъ нѣсколько особъ обоего пола. Затѣмъ шла Роскошь съ ассистентами-мотами. Хоръ поющихъ бѣдняковъ и скупцовъ въ характерныхъ маскахъ. За симъ начиналось самое торжественное и великолѣпное изъ всего маскарада: первою катилась колесница Юпитера и затѣмъ слѣдовали персонажи, изображающіе золотой вѣкъ. Впереди виднѣлся хоръ аркадійскихъ пастуховъ, за ними слѣдовали пастушки и шелъ хоръ отроковъ съ оливковыми вѣтвями, славя дни золотого вѣка и пришествіе Астреи на землю. Двадцать четыре часа, въ блестящей золотомъ одеждѣ, окружали золотую колесницу этой богини; послѣдняя призывала радость, вокругъ нея тѣснились толпой стихотворцы, увѣнчанные лаврами, призывая миръ и счастіе на землю. Далѣе являлся уже цѣлый Парнасъ съ Музами и колесница Аполлона; потомъ шли земледѣльцы съ ихъ мирными орудіями, несли миръ и жгли въ облакахъ дыма военныя оружія.

Затѣмъ слѣдовала группа Минервы съ добродѣтелями: здѣсь были науки, художества, торжественные звуки трубъ и удары литавръ предшествовали колесницѣ Добродѣтели; послѣднюю окружали маститые старцы въ бѣлоснѣжной одеждѣ съ лаврами на головахъ. Герои, прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ коняхъ, за ними шли философы, законодатели; хоры отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ зеленѣющими вѣтвями въ рукахъ предшествовали колесницѣ Минервы и пѣли хвалебные гимны. Хоры и оркестры торжественной музыки гремѣли побѣдоносные марши.

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, озаренной лучезарными свѣтилами.

Три дня двигалась эта процессія по московскимъ улицамъ. Не смотря на холодную погоду, всѣ окна, балконы и крыши домовъ были покрыты народомъ. Императрица смотрѣла на маскарадъ, объѣзжая улицы въ раззолоченной каретѣ, запряженной въ восемь неаполитанскихъ лошадей, съ цвѣтными кокардами на головахъ. Екатерина сидѣла въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ, съ звѣздами на груди и въ брилліантовой діадемѣ.

За нею тянулся огромный поѣздъ высокихъ, тяжелыхъ золотыхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ, каретъ, очень похожихъ на вѣера, на низкихъ колесахъ; въ каретахъ виднѣлись распудренныя головы вельможныхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками, съ большими стальными пуговицами и т. д.

Въ другихъ осми-стекольныхъ ландо сидѣли роскошно одѣтыя дамы въ атласныхъ робронахъ и калишахъ на проволокѣ, въ пышныхъ полонезахъ, въ глазетовыхъ платьяхъ и длинохвостыхъ робахъ съ прорѣзами на боку, съ фижмами или бочками; головы были также распудрены; сзади каретъ стояли лакеи, одѣтые турками, гусарами, арабами, албанцами.

Въ день этого народнаго маскарада во дворцѣ была играна итальянская опера «Іосифъ Прекрасный въ Египтѣ». Автору Ѳ. Г. Волкову, по словамъ его біографа Н. И. Новикова, маскарадъ этотъ стоилъ жизни.

Разъѣзжая верхомъ для наблюденія за порядкомъ маскарада, онъ сильно простудился, вскорѣ слегъ въ постель и черезъ два мѣсяца скончался. Волковъ составлялъ програму этого маскарада не одинъ; его сотрудникомъ былъ извѣстный въ то время драматургъ Александръ Петровичъ Сумароковъ. Онъ былъ и первымъ директоромъ россійскаго театра. Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи—современники ставили его наравнѣ съ Мольеромъ и Расиномъ, плакали отъ его драмъ и смѣялись до слезъ, любуясь его комедіями. Большія похвалы ему воздавалъ и великій Вольтеръ.

Про Сумарокова существуетъ множество анекдотовъ, характеризующихъ его вспыльчивость и доброе сердце. Онъ первый ввелъ разговоры актеровъ со сцены на злобы дня; такъ, узнавъ, что дѣти профессора Крашениникова, извѣстнаго описателя Камчатки, остались послѣ смерти отца въ бѣдности, онъ заставилъ одного изъ героевъ своей комедіи сказать съ подмостковъ сцены слѣдующее: «отецъ ѣздилъ въ Камчатное и въ Китайчатое государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ и потому Крашениниковыми называются».

Монологъ актера попалъ въ цѣль, кто-то изъ вельможъ исходатайствовалъ пенсію несчастнымъ у императрицы. Другой разъ, встрѣтивъ раненаго офицера, который просилъ милостыню, онъ, не имѣя при себѣ денегъ, снялъ съ себя мундиръ, шитый золотомъ, и отдалъ офицеру, а самъ возвратился домой въ кафтанѣ своего лакея и тотчасъ же отправился во дворецъ къ государынѣ просить для бѣднаго пособія.

Не смотря на такіе порывы великодушія, этотъ сострадательный человѣкъ въ минуты гнѣва ломалъ палки на спинахъ своихъ бѣдныхъ подчиненныхъ актеровъ единственно за то, что они плохо декламировали стихи. Сумароковъ умеръ въ Москвѣ 1-го октября 1777 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ,—могила его у самой задней ограды, прямо противъ Святыхъ воротъ Донского монастыря [8]). На мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ Сумароковъ, теперь лежитъ профессоръ московскаго университета П. С. Щепкинъ.

Воспитательный Домъ въ Москвѣ.
Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

Сотрудникомъ Сумарокову, при составленіи стихотворной программы маскарада, даннаго во время коронаціи, былъ тоже извѣстный стихотворецъ Мих. Матв. Херасковъ [9]); это былъ очень угрюмый, важный и напыщенный человѣкъ.

Въ нѣжной юности съ нимъ случилось очень странное приключеніе; его нянька посадила на окошко, а въ то время проходила толпа цыганъ, которые и похитили его. Къ счастью, вскорѣ вспомнили о цыганахъ, догнали ихъ и отняли ребенка.

Не случилось бы послѣдняго, Херасковъ пѣлъ бы цыганскія пѣсни, а не героевъ нашей исторіи. Въ домѣ Хераскова собирались по вечерамъ всѣ московскіе литераторы и читали свои ли-

тературныя произведенія, и, какъ говоритъ Дмитріевъ, похвала Хераскова всегда ограничивалась одними словами: гладко, очень гладко!

Херасковъ, какъ и Сумароковъ, былъ страстный любитель до театральныхъ представленій; при немъ въ университетѣ существовалъ постоянный театръ съ богатымъ гардеробомъ, а также и свой собственный у него въ домѣ. На первомъ театрѣ играли студенты и даже женскія роли исполняли они же. Такъ, извѣстный впослѣдствіи профессоръ П. И. Страховъ на этомъ театрѣ являлся въ роли «Семиры», очаровывая зрителей и самого автора А. П. Сумарокова.

Съ подмостковъ этого же театра перешли на московскій публичный театръ два студента Ивановъ и Плавильщиковъ—первый былъ извѣстенъ на сценѣ подъ именемъ актера Калиграфова. П. И. Страховъ нерѣдко игрывалъ и въ операхъ у Хераскова на домашнемъ театрѣ, хотя не зналъ нотъ и не имѣлъ голоса. Вотъ какъ, по словамъ Страхова, проходили такія исполненія на сценѣ: «Херасковъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я исполнялъ въ его оперѣ «Добрые солдаты», первую роль молодого «Пролета». Надо было угождать доброму начальнику и вотъ я разыгрывалъ ее пополамъ съ превосходнымъ университетскимъ теноромъ Мошковымъ, тогда еще гимназистомъ; онъ пѣлъ мои аріи за кулисами, а я лишь расхаживалъ по сценѣ, размахивалъ руками и молча разѣвалъ ротъ, какъ будто бы пѣлъ. Нашъ капельмейстеръ, глухой Керцелли, мастерски поддерживалъ оркестромъ нашу хитрость и послѣ никто изъ зрителей не хотѣлъ даже вѣрить нашимъ продѣлкамъ».

Въ первые годы царствованія Екатерины II Москва увидѣла много новыхъ построекъ. Такъ, въ ознаменованіе восшествія государыни на престолъ, была воздвигнута на Солянкѣ, «на Кулишкахъ», по плану архитектора Бланка, церковь во имя св. Кира и Іоанна. Храмъ былъ освященъ митрополитомъ Амвросіемъ, въ присутствіи самой императрицы, въ 1768 году. По окончаніи литургіи, государыня отбыла въ Петербургъ. Въ этой церкви сохраняется «царское мѣсто», нарочно устроенное для этого дня. Въ этой церкви имѣется придѣлъ во имя Живоначальной Троицы. Изъ надписи, находящейся на доскѣ надъ дверями, видно, что на этомъ мѣстѣ была церковь во имя Троицы и что въ пожаръ 1754 года она сгорѣла, и въ 1758 году церковь опять возобновлена и освящена митрополитомъ Тимоѳеемъ.

Въ годъ пребыванія Екатерины II въ Москвѣ, послѣ коронаціи, былъ изданъ указъ о крытіи гонтомъ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ казенныхъ и частныхъ зданій, и въ этотъ же годъ государыня повелѣла открыть Воспитательный домъ [10]), сперва въ Китаѣ-го-

родѣ, и затѣмъ уже, въ слѣдующемъ году, въ Бѣломъ городѣ, въ день рожденія государыни.

Въ 1763 году, въ память выздоровленія наслѣдника престола, была устроена еще Павловская больница за Серпуховскими воротами. Мысль основать Воспитательный домъ въ Москвѣ принадлежала Ив. Ив. Бецкому.

Въ своей запискѣ онъ просилъ государыню для постройки дома дать мѣсто, такъ называемое «Гранатный дворъ» (послѣдній стоялъ тамъ, гдѣ теперь правая сторона Воспитательнаго дома; онъ принадлежалъ пушечному двору, основанному во времена царя Ѳеодора), съ Васильевскимъ садомъ подлѣ Москвы-рѣки, со всею около лежащею казенною землею и строеніемъ, купно съ отданною отъ Адмиралтейства мельницею, что на Яузѣ, и старую городскую стѣну употребить въ строеніе. Эта стѣна, вѣроятно, тогда еще существовала и простиралась отъ Бѣлаго города по берегу Москвы-рѣки къ стѣнѣ Китай-города. Васильевскій садъ былъ посаженъ отцомъ Іоанна Грознаго, великимъ княземъ Василіемъ IV.

На постройку этого зданія открылась добровольная подписка по церквамъ всей Россіи. Сама государыня съ наслѣдникомъ была первая вкладчица.

Апрѣля 21-го 1764 года, въ день рожденія государыни, при громѣ пушекъ, состоялась закладка зданія. Генералъ-фельдмаршалъ П. С. Салтыковъ первый положилъ каменѣ въ основаніе этого зданія, съ надписью означенія времени заложенія и съ двумя мѣдными досками, на которыхъ было вырѣзано на латинскомъ и русскомъ языкѣ слѣдующее: «Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская, для сохраненія жизни и воспитанія въ пользу общества въ бѣдности рожденныхъ младенцевъ, а притомъ и въ прибѣжище сирыхъ и неимущихъ родильницъ, повелѣла соорудить сіе зданіе, которое заложено 1764 г. апрѣля 21-го дня».

Въ день закладки, въ ознаменованіе благотворенія, было собрано болѣе пятидесяти бѣдныхъ невѣстъ и отдано съ приданымъ замужъ за ремесленниковъ, и затѣмъ болѣе тысячи человѣкъ бѣдныхъ въ этотъ день были угощаемы обѣдомъ.

Въ память закладки была выбита медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ поясного портрета государыни, а на другой сторонѣ изображена была Вѣра, имѣющая на головѣ покрывало и держащая въ правой рукѣ крестъ; облокотившись на постаментъ при церковномъ зданіи, она повелѣваетъ «Человѣколюбію», представленному въ образѣ жены, поднять найденнаго на пути ребенка и отнести въ основанный милосердіемъ государыни домъ. Вверху, кругомъ,

видны слова Спасителя: «И вы живы будете» (Іоаннъ, гл. XI, ст. 19), внизу за чертою: «Сентября 1-го дня 1763 года», т. е. день учрежденія.

Въ 1771 году при этомъ Воспитательномъ домѣ былъ учрежденъ извѣстнымъ своими причудами и странностями Прокофіемъ Акинфіевичемъ Демидовымъ [11]) «Родильный институтъ». Демидовъ на это учрежденіе прислалъ Бецкому 200,000 рублей.

Когда Демидовъ, въ 1772 году, посѣтилъ Воспитательный домъ, то опекунскій совѣтъ поднесъ послѣднему золотую медаль и благодарственное свидѣтельство, до сихъ поръ сохраняющееся въ портретной галереѣ дома; оно написано на пергаментѣ и украшено миніатюрною живописью, превосходно исполненною академикомъ Козловымъ. По поводу этого посѣщенія было напечатано тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стихотвореніе подъ заглавіемъ «Вывѣска къ жилищу Прокофія Акинфіевича Демидова». Вотъ начало этого стихотворенія:

«Демидовъ здѣсь живетъ,
Кой милосердія примѣръ даетъ,
Свидѣтель въ томъ
Несчастнымъ домъ.

Польщенный такимъ пріемомъ, Демидовъ подарилъ Воспитательному дому большой каменный домъ свой, находившійся въ Донской улицѣ, въ приходѣ церкви «Ризъ-Положенія».

Не смотря на вниманіе и почетъ, которые опекунскій совѣтъ постоянно оказывалъ Демидову, послѣдній своими причудами и дурачествами не мало причинялъ ему огорченій и очень часто приводилъ это почтенное учрежденіе «въ недоумѣніе». Такъ, напримѣръ, узнавъ, что опекунскій совѣтъ крайне нуждается въ деньгахъ, обѣщалъ сперва дать взаймы 20,000 руб., но вмѣсто денегъ прислалъ въ него четыре скрипки по числу членовъ: Вырубова, Умскаго и князей Голицына и Гагарина.

Въ другой разъ, въ 1780 году, когда совѣтъ, по приказанію Бецкаго, препроводилъ къ Демидову оба его бюста, мраморный и бронзовый, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ для себя одинъ изъ нихъ, то Демидовъ ихъ не принялъ и отослалъ при слѣдующемъ отзывѣ: «Отъ Московскаго Воспитательнаго дома объявлено мнѣ, чтобы я отъ господъ опекуновъ взялъ бюстъ, и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ив. Ив. Бецкаго. Въ третьемъ году, когда я былъ въ Питерѣ у Ивана Ивановича, при мнѣ сдѣланъ гипсовый бюстъ, а сказывалъ онъ, что многимъ мраморные дѣлаются и потому мнѣ

ненадобно; о чемъ съ моею благодарностью хошъ сіе, хошъ напишите высокопочтенному совѣту, а паче Ивану Ивановичу, въ оное не входитъ и мнѣ не пишетъ, какой изъ того планъ хочетъ сдѣлать? Для того ли, что живущій мой домъ, по смерти моей, считаться будетъ къ Воспитательному дому? Я же скоро умру и объ

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ.

Съ портрета, принадлежащаго Н. И. Путилову.

этомъ его превосходительству сказывалъ. Онъ смѣялся: кто прежде умретъ? И такъ, съ высокопочитаніемъ и моею преданностью остаюсь» [12]).

Демидовымъ выстроены также примыкающія къ квадрату постройки «Корделожи».

Послѣ Демидова и другіе стали приносить свои пожертвованія въ кассу Воспитательнаго дома. Такъ, 3-го марта 1774 года, ночью, отъ неизвѣстнаго прислано было къ Бецкому письмо съ препровожденіемъ въ особомъ ящикѣ десяти тысячъ рублей, половина золотомъ, а другая ассигнаціями; какъ письмо, такъ и ящикъ запечатаны были печатью, изображающею солнце, освѣщающее шаръ земной, съ надписью: non sibi, sed populi.

Письмо было нанисано по-французски. Въ немъ неизвѣстный благотворитель, между прочимъ, говоритъ: «Не спрашивайте меня, государь мой, объ моемъ отечествѣ; я произведенъ на свѣтъ не въ сей обширной имперіи, но отечеству моему долженъ я только рожденіемъ, а Россіи обязанъ тысячею несравненно превосходнѣйшихъ выгодъ».

Сверхъ 10,000 рублей, доставленныхъ при этомъ письмѣ, неизвѣстный благотворитель обѣщалъ прислать въ другой срокъ, 29-го іюня 1774 года, еще 20,000 руб. и въ третій срокъ, 3-го октября, также 20,000 руб.

Это пожертвованіе вызвало со стороны Бецкаго самую оживленную переписку, съ заявленіемъ глубокой благодарности благотворителю, напечатанной въ то время въ прибавленіи къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

Въ числѣ воспитанниковъ этого благотворительнаго заведенія каждый годъ выпускается нѣсколько съ фамиліею «Гомбургцовыхъ»—послѣдняя дается питомцамъ по слѣдующему случаю:

Въ 1767 году, въ августѣ 31-го, въ полдень было подано привратнику дома неизвѣстнымъ лицомъ запечатанное письмо, съ надписью: «Императорскаго Воспитательнаго дома высокопочтеннымъ господамъ членамъ совѣта въ Москвѣ», въ срединѣ конверта было письмо, извѣщающее, что покойная свѣтлѣйшая ландграфиня и наслѣдная принцесса Гессенъ-Гомбургская Настасья Ивановна, урожденная княгиня Трубецкая, вручила сей неизвѣстной сумму денегъ съ завѣщаніемъ употребить ее на пользу бѣдныхъ; съ 1755 года сумма эта, отданная въ ростъ, составила уже 10,000 рублей, и представляется теперь въ совѣтъ на содержаніе изъ процентовъ сей суммы на вѣчныя времена столькихъ воспитанниковъ, сколько позволитъ сумма процентовъ. Совѣтъ исполнилъ волю благодѣтельной завѣщательницы и содержимыхъ 20 воспитанниковъ назвалъ «Гомбургцами».

Въ 1767 году для управленія этимъ благотворительнымъ заведеніемъ былъ учрежденъ «Опекунскій совѣтъ». Въ этомъ году Екатерина II неожиданно посѣтила заведеніе, и въ память своего

посѣщенія положила въ кружку богатый вкладъ и двухлѣтнему питомцу Никитѣ пожаловала 300 червонцевъ. Самъ Бецкій Воспитательному дому принесъ въ даръ въ разное время 162,995 рублей. Памятники трудовъ и заслугъ Бецкаго не ограничились одной Москвой; въ Петербургѣ онъ посвятилъ лучшіе свои годы на попеченіе общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь). Бецкій родился въ Стокгольмѣ въ 1704 году; князь И. Ю. Трубецкой былъ отцомъ его, мать была шведка, баронесса Вреде. Трубецкой вступилъ въ бракъ во время своего плѣна, при жизни своей первой жены. Съ восшествіемъ Екатерины II Бецкій является въ числѣ первыхъ сановниковъ императрицы. И. И. Бецкій достигъ маститой старости, умеръ 93 лѣтъ отъ роду. Бецкій очень любилъ сельское хозяйство; на террасѣ дома его былъ устроенъ висячій садъ, гдѣ онъ разводилъ шелковичныхъ червей на листьяхъ тутовыхъ деревьевъ. Въ кабинетѣ Бецкаго была устроена по китайскому образцу духовая печь, въ которой онъ, посредствомъ пара, выводилъ изъ яицъ цыплятъ.

Бѣганье послѣднихъ около него служило для него большимъ развлеченіемъ и обращало его мысли къ другимъ птенцамъ, о призрѣніи которыхъ онъ такъ много потрудился. Вообще воспитывать безродныхъ была его страсть; изъ числа такихъ его питомцевъ былъ и извѣстный нѣкогда оберъ-полицiймейстеръ Петербурга и впослѣдствіи сенаторъ Иванъ Савичъ Горголи. Этотъ Горголи былъ образцомъ рыцаря и франта. Никто такъ не бился на шпагахъ, никто такъ не игралъ въ мячи, никто не одѣвался съ такимъ вкусомъ, какъ онъ. Онъ первый началъ носить высокіе, тугіе галстухи на щетинѣ, прозванные его именемъ «горголіями». Въ 1808 году его посылали съ какимъ-то порученіемъ къ Наполеону, бывшему тогда въ Байонѣ, и по пріѣздѣ оттуда его назначили с.-петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ. По природѣ онъ былъ очень добрый и давалъ много воли своимъ подчиненнымъ. Вскорѣ по его назначеніи явилось въ городѣ стихотвореніе, которое оканчивалось слѣдующимъ двустишіемъ:

«Какъ не любить по доброй волѣ
Ивана Савича Горголи».

Когда это стихотвореніе попалось на глаза Горголи, то онъ, улыбнувшись, добавилъ:

«А то онъ вамъ задастъ же соли»...

Горголи былъ женатъ на одной изъ воспитанницъ И. И. Бецкаго.

ГЛАВА II.

Моровая язва.—Общая паника на улицахъ столицы.—Мортусы.—Воспоминанія Страхова. — Бѣгство главнокомандующаго изъ Москвы. — Народный бунтъ. — Убійство архіепископа Амвросія.—П. Д. Еропкинъ.—Пріѣздъ князя Г. Г. Орлова въ Москву. — Судъ надъ убійцами архіепископа. — Нѣсколько анекдотовъ изъ жизни графа Орлова. — Отъѣздъ Орлова заграницу, — Торжества 1773 г. — Тріумфальныя ворота.—Фельдмаршалъ Румянцевъ.—Случай съ нимъ въ молодости. — Характеръ его. — Домъ Суворова въ Москвѣ. — Награды Румянцеву.— Нѣсколько анекдотовъ изъ жизни Румянцева.

Въ 1771 ГОДУ МОСКВУ посѣтило ужасное бѣдствіе—въ январѣ мѣсяцѣ въ столицѣ открылась страшная моровая язва. Занесена была чума въ Москву войскомъ изъ Турціи; врачи предполагали, что ее впервые завезли вмѣстѣ съ шерстью на суконный дворъ, стоявшій тогда у моста, за Москвою-рѣкою.

Здѣсь съ 1-го января по 9-е марта умерло 130 человѣкъ; слѣдствіе открыло, что на праздникѣ Рождества, одинъ изъ фабричныхъ привезъ на фабрику больную женщину съ распухшими желѣзами за ушами и что вскорѣ по привозѣ она умерла. Чума съ быстротой переносилась изъ одного дома въ другой; самый сильный разгаръ чумы въ Москвѣ продолжался четыре мѣсяца: августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Жители столицы впали въ уныніе, самъ главнокомандующій, графъ Салтыковъ, бѣжалъ изъ Москвы въ свою деревню; въ городѣ въ это бѣдственное время не было ни полиціи, ни войска; разбои и грабежи стали производиться уже явно среди бѣлаго дня.

По словамъ очевидца, Подшивалова, народъ умиралъ ежедневно тысячами; фурманщики, или, какъ ихъ тогда называли, «мортусы» въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ, длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе поднимали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ прежде покойниковъ хоронили. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу.

Трупы умершихъ выбрасывались на улицу, или тайно зарывались въ садахъ, огородахъ и подвалахъ.

Вотъ какъ описываетъ это страшное время П. И. Страховъ, профессоръ Московскаго университета, бывшій еще гимназистомъ; братъ его состоялъ письмоводителемъ въ Серпуховской части, при особо назначенномъ на это время смотрителѣ за точнымъ исполненіемъ предохранительныхъ и карантинныхъ мѣръ противъ заразы. Этотъ Страховъ жилъ у Серпуховскихъ воротъ и отъ отца своего имѣлъ приказъ непремѣнно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашній день было умершихъ во всей Москвѣ, а Страховъ-гимназистъ каждое утро обязанъ былъ ходить къ брату за такими записочками. Прямая и короткая дорога была ему туда и назадъ по Земляному валу чрезъ живой Крымскій мостъ.

— «Вотъ бывало, говоритъ онъ,—я въ казенномъ разночинскомъ сюртукѣ изъ малиноваго сукна съ голубымъ воротникомъ и обшлагами на голубомъ же стамедномъ подбоѣ, съ мѣдными желтыми большими пуговицами и въ треугольной поярковой шляпѣ, бѣгу отъ братца съ бумажкою въ рукѣ по валу, а люди-то изъ разныхъ домовъ по всей дорогѣ и выползутъ и ждутъ меня, и лишь только завидятъ, бывало, и кричатъ: дитя, дитя, сколько? А я-то лечу, привскакивая, и кричу имъ, напримѣръ: шестьсотъ, шестьсотъ, и добрые люди, бывало, крестятся и твердятъ: слава Богу, слава Богу! это потому, что наканунѣ я кричалъ семьсотъ, а третьяго дня восемьсотъ! Смертность была ужасная и росла до сентября такъ, что въ августѣ было покойниковъ чуть-чуть не восемь тысячъ, въ сентябрѣ же хватило за двадцать тысячъ, въ октябрѣ поменьше двадцати тысячъ, а въ ноябрѣ около шести тысячъ» [13]).

Отецъ Страхова еще на Святой недѣлѣ принялъ самыя строгія мѣры предосторожности. На дворѣ своемъ, у воротъ, разложилъ костры изъ навоза и поручилъ сыну-гимназисту, чтобы ни день, ни ночь не допускалъ ихъ гаснуть; заколотилъ наглухо ворота, калитку заперъ на замокъ и ключъ отдалъ ему же, строго-настрого приказавъ всѣхъ приходившихъ, не впуская во дворъ, опрашивать и впускать въ калитку не иначе, какъ старательно окуривъ у костра.

— Далѣе, говоритъ Страховъ,—нашъ приходъ весь вымеръ до единаго двора, уцѣлѣлъ одинъ нашъ дворъ; вездѣ ворота и двери были настежъ растворены. Въ домѣ нашего священника послѣдняя умерла старуха; она лежала зачумленная подъ окномъ, которое выходило къ намъ на дворъ, стонала и просила, ради Бога, испить водицы. Въ это время батюшка нашъ самъ читалъ для всѣхъ насъ правила ко святому причащенію, остановился и грозно закричалъ намъ: «Боже храни, кто изъ васъ осмѣлится подойти къ поповскому окну, выгоню того на улицу и отдамъ негодяямъ», такъ тогда называли мортусовъ, т. е. колодниковъ, приставленныхъ отъ правительства для подбиранія мертвыхъ тѣлъ по улицамъ и на дворахъ. Окончивъ чтеніе, самъ онъ вынулъ изъ помела самую обгорѣлую палку, привязалъ къ ея черному концу ковшъ, почерпнулъ воды и подалъ несчастной.

Уголь и обгорѣлое дерево тогда было признано за лучшее средство къ очищенію воздуха. Первая чумная больница была устроена за заставой въ Николоугрешскомъ монастырѣ. Вскорѣ число больницъ и карантиновъ въ Москвѣ прибавилось, также были предприняты и слѣдующія гигіеническія мѣры: въ чертѣ города было запрещено хоронить и приказано умершихъ отвозить на вновь устроенныя кладбища, число которыхъ возросло до десяти, затѣмъ велѣно погребать въ томъ платьѣ, въ которомъ они умерли. Фабрикантамъ на суконныхъ фабрикахъ было приказано явиться въ карантинъ, не являвшихся же приказано было бить плетьми; сформированъ былъ батальонъ сторожей изъ городскихъ обывателей и наряженъ въ особые костюмы. Полиціей было назначено на каждой большой дорогѣ мѣсто, куда московскимъ жителямъ позволялось приходить и закупать отъ сельскихъ жителей все, въ чемъ была надобность. Между покупщиками и продавцами были разложены большіе огни и сдѣланы надолбы, и строго наблюдалось, чтобы городскіе жители до пріѣзжихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ. Деньги же при передачѣ обмакивались въ уксусъ.

Но, не смотря на всѣ эти строгія мѣры, болѣзнь переносилась быстро. Такъ, одинъ мастеровой изъ села Пушкина, испугавшись моровой язвы, отправился къ себѣ въ деревню, но ему хотѣлось купить женѣ обновку и онъ купилъ въ Москвѣ для нея кокошникъ, который впослѣдствіи оказался принадлежавшимъ умершей отъ чумы. Все семейство мастерового умерло быстро, а затѣмъ и все село лишилось обитателей. Точно такимъ образомъ вымеръ и городъ Козелецъ отъ купленнаго въ Черниговѣ кафтана.

Какъ мы уже выше говорили, паника въ Москвѣ настолько была сильна, что бѣжалъ даже московскій главнокомандующій графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (извѣстный побѣдитель Фридриха II при Кунерсдорфѣ) въ свое подмосковное имѣніе Марѳино; вмѣстѣ съ нимъ выѣхали губернаторъ Бахметевъ и оберъ-полиціймейстеръ Ив. Ив. Юшковъ. За оставленіе своего поста графъ былъ императрицею уволенъ.

Послѣ него чумная Москва подпала подъ дѣятельный надзоръ генералъ-поручика Еропкина; послѣднему именнымъ указомъ было приказано, чтобъ чума «не могла и въ самый городъ С.-Петербургъ вкрасться» и отъ 31-го марта велѣно было Еропкину не пропускать никого изъ Москвы, не только прямо къ Петербургу, но и въ мѣстности, лежащія на пути; даже проѣзжающимъ черезъ Москву въ Петербургъ запрещено было проѣзжать чрезъ московскія заставы. Мало того, отъ Петербурга была протянута особая сторожевая цѣпь подъ начальствомъ графа Брюса.

Цѣпь эта стягивалась къ тремъ мѣстамъ: въ Твери, въ Вышнемъ Волочкѣ и въ Бронницахъ. Но, не смотря на всѣ заставы и мѣры, предпринимаемыя полиціей, чума все болѣе и болѣе принимала ужасающіе размѣры,—фурманщики уже были не въ состояніи перевозить всѣхъ больныхъ, да и большая часть изъ нихъ перемерла; пришлось набирать послѣднихъ изъ каторжниковъ и преступниковъ, приговоренныхъ уже къ смерти.

Для этихъ страшныхъ мортусовъ строили особые дома, дали имъ особыхъ лошадей, носилки, крючья для захватыванія труповъ, смоляную и вощаную одежду, маски, рукавицы и проч. Картина города была ужасающая—дома опустѣли, на улицахъ лежали не погребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные звоны колоколовъ, вопли дѣтей, покинутыхъ родными, и вотъ, въ ночь на 16-е сентября, въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ. Причина бунта, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій [14]), была слѣдующая. Въ началѣ сентября, священникъ церкви Всѣхъ Святыхъ (на Кулишкахъ) сталъ разсказывать будто о видѣнномъ снѣ одного фабричнаго—послѣднему привидѣлась во снѣ Богородица, которая сказала, что такъ какъ находящемуся на Варварскихъ воротахъ ея образу вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ никто не пѣлъ молебновъ и не ставилъ свѣчей, то Христосъ хотѣлъ послать на Москву каменный дождь, но Она умолила Его и упросила послать на Москву только трехмѣсячный моръ. Этотъ фабричный помѣстился у Варварскихъ воротъ, собиралъ деньги на какую-то «всемірную свѣчу» и разсказывалъ свой чудесный сонъ.

Толпы народа повалили къ воротамъ, священники бросили свои церкви, разставили здѣсь аналои и стали служить молебны. Икона помѣщалась высоко надъ воротами—народъ поставилъ лѣстницу, по которой и лазилъ, чтобъ ставить свѣчи; очень понятно, что проходъ и проѣздъ былъ загроможденъ. Чтобы положить конецъ этимъ сборищамъ, весьма вредно дѣйствующимъ при эпидеміяхъ, митрополитъ Амвросій думалъ сперва убрать икону въ церковь, а собранную на нее въ поставленномъ тамъ сундукѣ не малую сумму отдать на Воспитательный домъ. Но, не рѣшаясь лично взять на себя отвѣтственность, онъ посовѣтовался съ Еропкинымъ; послѣдній нашелъ, что брать икону въ смутное время не безопасно, но что сундукъ можно взять, и для этого послалъ небольшой отрядъ солдатъ съ двумя подьячими для наложенія печатей на сундукъ.

Народъ, увидя это, закричалъ: «Бейте ихъ! Богородицу грабятъ! Богородицу грабятъ!» Вслѣдъ затѣмъ ударили въ городской набатъ у Спасскихъ воротъ и стали бить солдатъ. Архіепископъ Амвросій, услыхавъ набатъ и видя бунтъ, сѣлъ въ карету своего племянника, жившаго также въ Чудовомъ монастырѣ, и велѣлъ ѣхать къ сенатору Собакину; послѣдній со страху его не принялъ и отъ него владыко поѣхалъ въ Донской монастырь.

Мятежники кинулись въ Кремль, многотысячная толпа была вооружена и неистово вопила: «Грабятъ Богородицу!» Толпа ворвалась въ Чудовъ монастырь и накинулась на все: въ комнатахъ и въ церквахъ рвала, уничтожала и кощунствовала; вслѣдъ затѣмъ были разбиты чудовскіе погреба, отдаваемые въ наймы купцу Птицыну—все вино было выпито. Между тѣмъ Амвросій, видя себѣ неизбѣжную гибель, просилъ у Еропкина, чтобы онъ далъ ему пропускной билетъ за городъ. Вмѣсто билета Еропкинъ прислалъ ему для охраны его особы одного офицера конной гвардіи, но пока закладывали для Амвросія лошадей, толпа ворвалась въ Донской монастырь. Амвросій, предчувствуя свою гибель, отдалъ свои часы и деньги племяннику своему, находившемуся при немъ все время, и велѣлъ ему искать спасенія, а самъ пошелъ въ церковь, одѣвъ простое монашеское платье; увидѣвъ, что толпа черни стремится въ храмъ, Амвросій пріобщился святыхъ тайнъ и затѣмъ запрятался на хорахъ церкви.

Бунтовщики кинулись въ алтарь и стали всюду искать свою жертву. Они не щадили ничего, опрокинули престолъ. Увидя, что хоры заперты, они отбили замокъ и кинулись туда, и тамъ, не найдя Амвросія, хотѣли сойти, какъ какой-то мальчикъ замѣтилъ ноги и платье несчастнаго мученика и закричалъ: «Сюда! сюда!

Объявленіе герольдами на Кремлевской площади о короновании императрицы Екатерины II.
Съ гравюры Калпашникова.

архіерей здѣсь». Толпа съ яростью накинулась на невинную жертву и потащила его изъ храма. Здѣсь, выведя его въ заднія ворота къ рогаткѣ, ему сдѣлали нѣсколько вопросовъ, на которые онъ отвѣтилъ и, казалось, слова архипастыря тронули многихъ, какъ вдругъ изъ сосѣдняго монастырскаго кабака выбѣжалъ пьяный дворовый человѣкъ г. Раевскаго, Василій Андреевъ, и закричалъ:

«Чего глядите вы на него? Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ?»

Сказавъ это, онъ первый ударилъ невиннаго страдальца коломъ въ лѣвую щеку и повергъ его на землю, а затѣмъ и остальные изверги накинулись на несчастнаго архіепископа и убили его.

По словамъ біографа Амвросія, тѣло его лежало на улицѣ весь день и ночь. На мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ архіепископъ, въ память этого прискорбнаго случая былъ воздвигнутъ каменный крестъ. Убійцы, покончивъ съ Амвросіемъ, кинулись было къ Еропкину, который жилъ на Остоженкѣ, въ домѣ, гдѣ теперь коммерческое училище [15]), но тотъ уже въ это время вызвалъ стоявшій въ тридцати верстахъ отъ Москвы великолуцкій полкъ, принялъ надъ нимъ начальство и отправился съ нимъ въ Кремль.

Выѣхавъ изъ Спасскихъ воротъ, онъ увидѣлъ, что вся площадь была покрыта народомъ. Еропкинъ подъѣхалъ къ бунтовщикамъ верхомъ вмѣстѣ съ своимъ берейторомъ и сталъ ихъ уговаривать разойтись, но толпа кинулась къ Кремлю, кидая въ Еропкина каменьями и полѣньями; одно изъ нихъ попало ему въ ногу и сильно ушибло. Видя, что увѣщанія не дѣйствуютъ, Еропкинъ, поставивъ передъ Спасскими воротами два орудія, приказалъ стрѣлять холостыми зарядами въ народъ. Толпа, увидя, что убитыхъ нѣтъ, закричала: «мать крестная Богородица за насъ» и кинулась къ Спасскимъ воротамъ. Тогда Еропкинъ приказалъ зарядить картечью и на этотъ разъ грянулъ выстрѣлъ, оставившій многихъ убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ этого толпа въ страхѣ кинулась на Красную площадь и прилегающія улицы; вслѣдъ за ней поскакали драгуны, переловившіе многихъ бунтовщиковъ. Еропкинъ два дня не слѣзалъ съ лошади и былъ первымъ во всѣхъ стычкахъ съ народомъ. По усмиреніи бунта, онъ послалъ къ императрицѣ донесеніе о происшествіи, испрашивая прощенія за кровопролитіе.

Екатерина милостиво отнеслась къ поступку Еропкина и наградила его Андреевскою лентою черезъ плечо и дала 20,000 рублей изъ кабинета и хотѣла пожаловать ему четыре тысячи душъ крестьянъ, но онъ отказался, сказавъ:

— Насъ съ женой только двое, дѣтей у насъ нѣтъ, состояніе имѣемъ, къ чему же намъ набирать себѣ лишнее.

Позднѣе, когда онъ былъ московскимъ главнокомандующимъ, то не переѣхалъ въ казенный домъ и денегъ, отпускаемыхъ казной для пріема гостей, не бралъ.

Въ посѣщеніе императрицей Екатериной II Москвы онъ давалъ ей праздникъ у себя въ домѣ и когда она его спросила:

— Что я могу для васъ сдѣлать, я желала бы васъ наградить.

Братья Орловы во время Московской чумы 1771 года.
Съ гравюры того времени.

Онъ отвѣчалъ:

— Матушка государыня, доволенъ твоими богатыми милостями, я награжденъ не по заслугамъ: андреевскій кавалеръ, начальникъ столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и опять ему сказала:

— Вы ничего не берете на угощеніе Москвы, а между тѣмъ у васъ открытый столъ, не задолжали вы? я заплатила бы ваши долги.

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, государыня, я тяну ножки по одежкѣ, долговъ не имѣю, и что имѣю, тѣмъ угощаю, милости просимъ кому угодно

моего хлѣба-соли откушать. Да и статочное ли дѣло, матушка государыня, мы будемъ должать, а ты, матушка, станешь за насъ платить долги.

Видя, что Еропкину дать нечего, государыня прислала женѣ его орденъ св. Екатерины.

По наружности П. Д. Еропкинъ былъ высокаго роста, весьма худощавый, нѣсколько сгорбленный, очень пріятной внѣшности, въ молодости онъ былъ красавцемъ и замѣчательнымъ силачемъ. Глаза у него были большіе, очень зоркіе, но довольно впалые, носъ орлиный; онъ пудрился, носилъ пучекъ и былъ причесанъ въ три локона (à trois marteaux). Еропкинъ былъ очень уменъ, великодушенъ, благороденъ, безкорыстенъ и, какъ немногіе, въ обхожденіи очень простъ. Ѣзжалъ онъ цугомъ въ шорахъ съ верховымъ впереди, при остановкахъ у воротъ и у подъѣздовъ верховой трубилъ въ рожокъ, давая тѣмъ знать о пріѣздѣ главнокомандующаго. Вставалъ онъ по утрамъ рано, начиналъ всегда день молитвою и когда одѣвался, то заставлялъ прочесть себѣ житіе святого того дня. Со своихъ крестьянъ оброку бралъ въ годъ не больше двухъ рублей. Родился Еропкинъ въ 1724 году, умеръ въ 1801 году легко, точно уснулъ, отыгравъ три пульки въ рокомболь. Еропкинъ былъ замѣчательный стрѣлокъ изъ лука, онъ снималъ стрѣлой яблоко съ головы мальчика.

По усмиреніи бунта, въ Москву былъ присланъ князь Гр. Гр. Орловъ; онъ пріѣхалъ въ столицу 26-го сентября, когда стояли ранніе холода и чума замѣтно уже ослабѣвала. Вмѣстѣ съ Орловымъ прибыли команды отъ четырехъ полковъ лейбъ-гвардіи съ необходимымъ числомъ офицеровъ. По приказу Орлова состоялось, 4-го октября, торжественное погребеніе убитаго Амвросія.

Префектъ московской академіи Амвросій на похоронахъ сказалъ замѣчательное слово. Въ теченіе цѣлаго года покойнаго поминали во всѣ службы, а убійцамъ возглашалась анаѳема. Убійцы Амвросія, Василій Андреевъ и Иванъ Дмитріевъ, были повѣшены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено убійство. Къ висѣлицѣ были приговорены еще двое—Алексѣй Леонтьевъ и Ѳедоръ Дѣяновъ, но висѣлица должна была достаться одному изъ нихъ по жребію; остальные шестьдесятъ человѣкъ: купцовъ, дьячковъ, дворянъ, подьячихъ, крестьянъ и солдатъ было приказано бить кнутомъ, вырѣзать ноздри и сослать въ Рогервикъ на каторгу; захваченныхъ на улицѣ малолѣтнихъ приказано было высѣчь розгами, а двѣнадцать человѣкъ, огласившихъ мнимое чудо, велѣно сослать вѣчно на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей.

И съ этихъ же дней вышелъ приказъ прекратить набатный звонъ по церквамъ и ключи отъ колоколенъ имѣть у священниковъ. Казнь надъ преступниками была совершена 21-го ноября. По пріѣздѣ въ Москву, Орловъ многими благоразумными мѣрами способствовалъ окончательному уничтоженію этой гибельной эпидеміи и возстановленію порядка. Онъ съ неустрашимостью сталъ

П. Д. Еропкинъ.
Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

обходить всѣ больницы, строго смотрѣлъ за леченіемъ и пищей, самъ глядѣлъ, какъ сожигали платье и постели умершихъ отъ чумы и ласково утѣшалъ страждущихъ. Не смотря на такія высокочеловѣческія мѣры, москвичи смотрѣли на него недружелюбно, и на первыхъ же порахъ подожгли Головинскій дворецъ, въ которомъ онъ остановился.

Но вскорѣ народъ оцѣнилъ его заботы и сталъ охотно идти въ больницы и довѣрчиво принимать всѣ мѣры, вводимыя Орловымъ. По истеченіи мѣсяца съ небольшимъ послѣ его пріѣзда, государыня уже писала ему: «Что онъ сдѣлалъ все, что должно было истинному сыну отечества, и что она признаетъ нужнымъ вызвать его назадъ».

Около 16-го ноября Орловъ выѣхалъ изъ Москвы; отъ шестинедѣльнаго карантина въ городѣ Торжкѣ императрица освободила его собственноручнымъ письмомъ. Въѣздъ Орлова въ Петербургъ отличался необыкновенной торжественностью; въ Царскомъ Селѣ, на дорогѣ въ Гатчину, ему были выстроены тріумфальныя ворота изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, по рисунку архитектора Ринальди; вмѣстѣ со множествомъ пышныхъ надписей и аллегорическихъ изображеній на воротахъ красовался слѣдующій стихъ тогдашняго поэта, В. И. Майкова: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

Въ честь Орлова была выбита медаль, на одной сторонѣ которой онъ былъ изображенъ въ княжеской коронѣ, на другой же представленъ городъ Москва, и впереди въ полномъ ристаніи на конѣ сидящій, въ римской одеждѣ, князь Орловъ, «аки бы въ огнедышащую бездну ввергающійся», въ знакъ того, что онъ съ неустрашимымъ духомъ, за любовь къ отечеству и для спасенія Москвы, живота своего не щадилъ. Кругомъ надпись: «Россія таковыхъ сыновъ въ себѣ имѣетъ», внизу: «За избавленіе Москвы отъ язвы въ 1771 году».

По поводу первой надписи Карабановъ разсказываетъ, что Орловъ не принялъ самою императрицею вручаемыя ему для раздачи медали и, стоя на колѣняхъ, сказалъ:

— Я не противлюсь, но прикажи перемѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества.

Выбитыя золотыя медали были брошены въ огонь и появились съ поправленною надписью «таковыхъ сыновъ Россія имѣетъ». Послѣ Москвы Орловъ никакихъ уже больше полномочій не получалъ и жилъ на покоѣ. Подъ конецъ своей жизни онъ влюбился въ свою двоюродную сестру, Е. Ник. Зиновьеву. Они обвѣнчались вопреки постановленіямъ греко-россійской церкви.

Незаконный бракъ былъ судимъ въ совѣтѣ и члены приговорили ихъ заключить въ монастырь, одинъ только Кириллъ Разумовскій былъ за Орлова, сказавъ товарищамъ-судьямъ, что «лежащаго не бьютъ, и еще такъ недавно всѣ бы изъ насъ считали себя счастливыми быть приглашенными на эту свадьбу».

Больница Екатерининскаго времени.

Съ рисунка Дергоена прошлаго столѣтія.

Императрица Екатерина не утвердила приговора, сказавъ, что рука ея не подпишетъ подобной бумаги и было бы грѣшно забыть, чѣмъ она обязана Орлову. Государыня на другой день назначила красавицу-жену Орлова въ свои статсъ-дамы, наградивъ ее орденомъ св. Екатерины и нѣсколькими вполнѣ царскими подарками.

Года черезъ четыре послѣ своей свадьбы Орловъ повезъ свою супругу заграницу на воды—у ней открылась чахотка. Княгиня Орлова черезъ годъ скончалась въ Лозаннѣ. Смерть нѣжно-любимой жены сильно повліяла на Орлова—онъ помѣшался въ разсудкѣ и почти безумный возвратился въ Петербургъ и отсюда былъ отвезенъ братьями въ Москву и помѣщенъ тамъ въ ихъ домѣ, подъ Донскимъ, въ знаменитомъ Нескучномъ.

Въ ночь на 13-е апрѣля 1783 г. Орловъ скончался. 17-го апрѣля, съ царскою почестью, онъ былъ отпѣтъ въ Донскомъ монастырѣ и затѣмъ перевезенъ въ подмосковное село Орловыхъ, Отраду. Здѣсь тѣло князя покоилось только до 1832 года; въ этомъ году графиня Анна Алек. Орлова-Чесменская перенесла прахъ его въ построенный ею новгородскій Юрьевскій монастырь и положила рядомъ съ его братьями.

Москва при Екатеринѣ видѣла всѣхъ замѣчательныхъ лицъ своей эпохи; въ стѣнахъ Бѣлокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII вѣка. Москва при Екатеринѣ, какъ говоритъ Карамзинъ, прослыла «республикой», въ ней было больше свободы въ жизни, но не въ мысляхъ, болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели въ Петербургѣ, гдѣ умы развлекаются дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями.

Князь Вяземскій говоритъ: въ Петербургѣ сцена, въ Москвѣ зрители; въ немъ дѣйствуютъ, въ ней судятъ. И какіе большіе актеры, обломки славнаго царствованія Екатерины, проживали въ былое время въ Москвѣ, какихъ лицъ измѣнчивая судьба не закидывала въ затишье московской жизни. Орловы, Остерманы, Голицыны, Разумовскіе, Долгорукіе, Дашкова,—одна послѣдняя княгиня своею историческою знаменитостію, своенравными обычаями, могла придать особенный характеръ тогдашнимъ московскимъ гостинымъ.

Но не одни опальные и недовольные, покидая службу, переселялись въ Москву,—были и такіе, которые, достигнувъ извѣстнаго чина, оставляли службу и жили для семейства въ древней столицѣ. Многіе изъ помѣщиковъ пріѣзжали на зиму въ Москву и

жили открытыми домами. Московское благородное собранiе и дворянскiй клубъ, начиная отъ вельможнаго до мелкопомѣстнаго дворянина, собирали въ свои залы по вторникамъ отъ трехъ до пяти тысячъ человѣкъ. Эти вторники для многихъ служили исходными днями браковъ, семейнаго счастiя и блестящихъ судебъ.

Бальный костюмъ кавалерственной дамы ордена св. Екатерины, въ концѣ XVIII столѣтiя.

Съ гравюры прошлаго вѣка Саблина.

Но особенно отличались москвичи своими пышными, почти сказочными празднествами, когда имъ приходилось чествовать государыню или заѣзжихъ полководцевъ. Такъ, напримѣръ, съ зимы 1773 года въ Москвѣ затѣвалось еще небывалое по великолѣпiю и роскоши празднество въ честь побѣдъ нашихъ войскъ въ Турцiи.

Съ весны на Ходынкѣ стали возводиться разныя крѣпости, города, на подобiе отнятыхъ у турокъ, строились также театры

галереи, храмы, бесѣдки и проч. Дворянство и купечество воздвигло для встрѣчи государыни и виновника торжествъ графа Румянцева-Задунайскаго двое тріумфальныхъ воротъ. Первыя тріумфальныя ворота были воздвигнуты на средства московскаго дворянства у Тверской заставы.

Улица, идущая отъ этой заставы, въ то время называлась не Тверскою, а Царскою. Ворота были вышиною въ сорокъ восемь аршинъ, украшены они были столбами коринѳской архитектуры, на мѣсто крыши на нихъ находился пьедесталъ для вызолоченой статуи—посланницы небесъ въ видѣ воинственной женщины, въ правой рукѣ которой была громовая стрѣла, а въ лѣвой щитъ съ именемъ императрицы и пальмовою вѣтвью,—внутренняя же часть воротъ представляла храмъ побѣдъ. Другія тріумфальныя ворота были построены на средства купечества у бывшаго тогда каменнаго большого зданія, съ тяжелыми желѣзными воротами, которыя на ночь въ то время замыкались.

Замѣчательно, что эти желѣзныя ворота были украдены ворами въ одну темную ночь, и, не смотря на тщательные поиски полиціи, не отысканы.

Вторыя тріумфальныя ворота были убраны скульптурными и живописными изображеніями, представляющими подвиги нашихъ войскъ: вмѣсто кровли на нихъ было нѣсколько ступеней, на которыхъ помѣщалась статуя въ восемь аршинъ вышиною, представляющая «славу» (фаму).

Помимо этихъ двухъ воротъ, Никольскія и Воскресенскія ворота были также украшены разными символическими изображеніями изъ миѳологіи. Екатерина желала, чтобы виновникъ торжества, графъ П. А. Румянцевъ, явился въ столицу въ древней колесницѣ, подобно римскому побѣдителю. Но побѣдитель оттомановъ униженно просилъ государыню о вступленіи въ Москву безъ торжествъ и почестей. Екатерина уступила Румянцеву, но съ тѣмъ только, чтобы онъ принялъ съ привѣтствіями и поздравленіями всѣхъ собравшихся для этого случая въ Москвѣ сановниковъ и военныхъ.

Скромный кагульскій герой, по словамъ современниковъ, въ молодости отличался необыкновеннымъ удальствомъ; особенно Румянцевъ не зналъ препятствій по части побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ и очень часто торжествовалъ надъ непреклонными.

Такъ, однажды, заплативъ одному оскорбленному мужу двойной штрафъ, онъ въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ, сказавъ мужу, что послѣдній не можетъ жаловаться, потому что получилъ уже впередъ удовлетвореніе.

Объ этомъ поступкѣ молодого полковника Румянцева было доведено до свѣдѣнія набожной Елисаветы Петровны, и въ уваженіе заслугъ отца его, провинившагося въ нескромной шалости Румянцева императрица отправила къ отцу для исправленія, и будущій фельдмаршалъ понесъ тѣлесное отеческое наказаніе, хотя и былъ въ полковническомъ чинѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій былъ высокаго роста, станъ имѣлъ очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крѣпкимъ сложеніемъ, не забывалъ никогда, что читалъ и видалъ, не зналъ болѣзней, семидесяти лѣтъ отъ роду дѣлалъ въ день по пятидесяти верстъ верхомъ, не уставая, велъ жизнь въ лагерѣ какъ простой солдатъ, вставалъ по утрамъ на зарѣ, и, не смотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не дѣлалъ никого изъ подчиненныхъ несчастными, а только трунилъ надъ сибаритами и лѣнтяями.

Такъ, разъ, обозрѣвая на разсвѣтѣ свой лагерь, замѣтилъ офицера, отдыхавшаго въ халатѣ, началъ съ нимъ разговаривать, взялъ его подъ руку, вывелъ изъ палатки, прошелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ въ шатеръ фельдмаршальскій, окруженный генералами и штабомъ. Дѣлами своими занимался самъ, безъ помощи секретаря; самъ распечатывалъ и читалъ свои письма и бумаги. Обыкновенно онъ ничего не подписывалъ въ присутствіи своего секретаря, чтобы на досугѣ съ спокойнымъ духомъ перечесть написанное.

Въ его время князь Потемкинъ представлялъ въ государствѣ первое лицо и могуществомъ своимъ затемнялъ заслуги всѣхъ преемниковъ на военномъ поприщѣ. Потемкинъ много непріятностей причинилъ Румянцеву, но послѣдній никогда не жаловался на это, а единственно только избѣгалъ говорить о немъ. Когда до Румянцева дошло извѣстіе о его смерти, то великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ.

— Чему удивляетесь вы? сказалъ онъ своимъ домашнимъ.— Потемкинъ былъ мнѣ соперникомъ, но Россія лишилась въ немъ усерднѣйшаго сына.

Румянцевъ любилъ часто бесѣдовать о своемъ другѣ Суворовѣ, который всегда являлся къ нему въ полномъ мундирѣ и забывалъ при немъ шутки свои. Суворовъ, по преданію, тоже избѣгалъ тѣхъ торжествъ, которыя были предложены побѣдителямъ въ Москвѣ. Онъ также скромно проживалъ тогда близь церкви Вознесенія, на правой рукѣ, второй или третій домъ, если идти отъ Кремля. Не-

задолго до 1812 года домъ Суворова былъ купленъ какимъ-то медикомъ и позднѣе, послѣ пожара, принадлежалъ купцу Вейеру.

Вся родня князя Италійскаго похоронена при церкви Ѳеодора Студійскаго. Эта церковь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Суворовскаго родового дома, она была прежде монастырёмъ, устроеннымъ въ память Смоленской Богоматери. Въ этой церкви геніальный полководецъ пріучалъ себя читать апостола и при всякомъ выѣздѣ изъ Москвы никогда не оставлялъ своихъ родителей безъ особыхъ поминовеній. Онъ тутъ и въ церкви Вознесенія служивалъ то молебны, то панихиды. Московскіе старожилы, жившіе въ пятидесятыхъ годахъ, еще помнили, какъ Александръ Васильевичъ самъ, сдѣлавъ три земные поклона передъ каждою мѣстною иконою, ставилъ свѣчку, какъ онъ служивалъ молебны стоя на колѣняхъ, и какъ онъ благоговѣйно подходилъ подъ благословеніе священника.

За Кучукъ-кайнарджійскій миръ, который такъ торжественно праздновала Москва на Ходынскомъ полѣ, Румянцевъ получилъ до двѣнадцати наградъ. Подъ конецъ своей жизни онъ избралъ мѣстопребываніемъ своимъ помѣстье Ташань, въ окрестностяхъ Кіева, тамъ онъ построилъ себѣ дворецъ, но для своего жилья выбралъ только двѣ комнаты. Любимымъ его занятіемъ было чтеніе книгъ.

— Вотъ мои учителя, говорилъ Румянцевъ, указывая на нихъ.

Часто, въ простой одеждѣ, сидя на пнѣ, удилъ онъ рыбу. Однажды пріѣзжіе отыскивали въ саду кагульскаго героя, чтобы посмотрѣть на него, и обратились къ Румянцеву съ вопросомъ, гдѣ бы увидать графа?

— Вонъ онъ, сказалъ ласково Румянцевъ:—наше дѣло города плѣнить, да рыбу ловить.

Въ богато-убранномъ дворцѣ графа, въ нѣсколькихъ комнатахъ, стояли простые дубовые стулья.

— Если великолѣпныя комнаты, говорилъ онъ,—внушаютъ мнѣ мысль, что я выше кого-либо изъ людей, то пусть сіи простые стулья напоминаютъ, что и я такой же простой человѣкъ, какъ и всѣ.

Графъ Румянцевъ очень любилъ курить изъ глиняныхъ трубокъ; назначенный къ нему въ армію, во время турецкой войны, одинъ чиновникъ по дипломатической части вздумалъ угодить ему, захвативъ для него цѣлый ящикъ такихъ трубокъ, но не позаботился уложить ихъ. Фельдмаршалъ очень обрадовался, потому что трубокъ у него оставалось немного, и приказалъ раскрыть при себѣ ящикъ, а

когда увидѣлъ одни обломки, то, разсердясь, сказалъ, указывая на свое сердце: «тутъ-то много», а потомъ на голову: «да здѣсь нѣтъ».

Супруга графа Румянцева, зная непостоянство своего мужа, по случаю какого-то праздника, послала въ армію къ нему подарки, въ числѣ которыхъ было нѣсколько кусковъ на платье его любезной. Задунайскій, тронутый до слезъ, сказалъ о супругѣ:

Архіепископъ Амвросій Зертысъ-Каменскій.
Съ портрета, принадлежащаго Н. Д. Быкову.

— Она человѣкъ придворный, а я—солдатъ; ну, право, батюшки, еслибы зналъ ея любовника, послалъ бы тоже ему подарки.

Румянцевъ умеръ отъ удара, 3-го декабря 1796 года, на 72-мъ году отъ рожденія. По смерти, когда открыли его кабинетъ, то нашли въ его бумагахъ пакетъ съ надписью: «относящееся лично до

меня». Думали, что это завѣщаніе, но, открывъ, нашли два письма: одно было отъ императрицы, которая предлагала ему санъ гетмана малороссійскаго; второе заключало скромный отказъ Румянцева и просьбу это достоинство замѣнить званіемъ генералъ-губернатора.

Послѣ его смерти были найдены многочисленныя доказательства его благотворительности и щедрости; пенсіоны, которые онъ давалъ втайнѣ бѣднымъ, доходили до 20,000 руб. въ годъ. Тѣло Румянцева съ воинскою пышностью было отвезено въ Кіевъ, гдѣ было выставлено въ продолженіе восьми дней и затѣмъ предано землѣ въ церкви Кіевской лавры.

Въ память побѣдъ Румянцева былъ сооруженъ въ Петербургѣ гранитный обелискъ въ 70 футовъ вышины, по плану архитектора Брена. На мраморномъ пьедесталѣ обелиска надпись: «Румянцева побѣдамъ».

Празднованіе мира съ Турціей отличалось необыкновенною торжественностью: въ дни празднествъ вся Москва, по словамъ современниковъ, очутилась на Ходынскомъ полѣ, всѣ лавки въ городѣ были закрыты, лучшіе товары были перевезены во временно устроенные магазины на Ходынкѣ, большая часть азіятскихъ товаровъ, продаваемыхъ на Макарьевской ярмаркѣ, была привезена тоже сюда.

Въѣздъ императрицы въ Москву былъ очень пышенъ. Государыня въѣхала въ золотой каретѣ, запряженной восьмеркой лошадей, богато убранныхъ; при въѣздѣ въ Воскресенскія ворота, по всѣмъ церквамъ раздался колокольный звонъ, пошла перекатная пушечная пальба и заиграла военная музыка. Москвичи встрѣтили царицу хлѣбомъ-солью. Екатерина остановилась на Пречистенкѣ во дворцѣ, гдѣ теперь домъ князя Голицына.

По случаю предполагаемаго мирнаго торжества съ турками къ этому Пречистенскому дворцу были сдѣланы огромныя деревянныя пристройки изъ брусьевъ. Кабинетъ императрицы помѣщенъ былъ возлѣ парадныхъ комнатъ на большую улицу и по вышинѣ былъ очень холоденъ и плохо закрытъ отъ непогоды и вѣтра. Не смотря на это, государыня очень долго занималась въ немъ дѣлами. По словамъ современниковъ, ея секретари: Тепловъ и Кузьминъ, просто коченѣли въ немъ отъ холода.

Однажды императрица замѣтила, что они очень прозябли, и приказала подать имъ кофею, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то отъ непривычки почувствовали біеніе сердца и сильное головокруженіе; государыня, расхохотавшись, сказала:

Архіепископъ Амвросій Зертысъ-Каменскій въ гробу.

Съ портрета, писаннаго масляными красками въ концѣ XVIII столѣтія и находящагося въ Даниловомъ монастырѣ въ Москвѣ.

— Теперь знаю средство согрѣвать васъ отъ стужи.

По пріѣздѣ въ Москву, въ тотъ же день вечеромъ государыня отправилась въ Кремль въ Успенскій соборъ ко всенощной.

Тамъ государыня была помазана священнымъ елеемъ и приложилась къ ризѣ Господней. На другой день, въ пятницу, 16-го іюля, была назначена торжественная церемонія. Въ 6 часовъ утра данъ былъ сигналъ изъ пяти пушекъ собираться войскамъ, и гренадеры лейбъ-гвардіи были поставлены въ два ряда по всѣмъ улицамъ, по которымъ должно было идти тріумфальное шествіе изъ Пречистенскаго дворца. Къ 10-ти часамъ съѣхались всѣ придворныя особы въ Кремлевскій дворецъ, и затѣмъ двинулось шествіе, предводительствуемое герольдами и церемоніймейстерами.

Государыня шла въ малой коронѣ подъ балдахиномъ, несомымъ генералами, рядомъ съ ней наслѣдникъ престола въ адмиральскомъ мундирѣ съ бриллiантовыми эполетами, передъ государыней шелъ Румянцевъ, по старонамъ процессіи шли кавалергарды въ своихъ богатыхъ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ, въ шлемахъ съ перьями; процессію замыкали статсъ-дамы и первые чины двора, залитые въ золото и бриллiанты.

Съ первыхъ шаговъ процессіи началась пушечная пальба, загремѣли трубы и литавры и раздался со всѣхъ церквей колокольный звонъ. Въ это же время изъ Успенскаго собора двинулась духовная процессія съ архіереями и придворнымъ духовенствомъ и у вратъ храма приняла императрицу съ крестомъ и святой водою и проводила къ царскому мѣсту противъ алтаря.

Послѣ литургіи и благодарственнаго молебна духовенство принесло поздравленіе императрицѣ и затѣмъ церемоніальное шествіе опять возобновилось. Государыня отправилась теперь въ Грановитую палату, гдѣ стоялъ для нея тронъ и подлѣ лежали государственныя регаліи и рядомъ съ ними патенты и награды отличившимся въ турецкую войну.

Грановитая палата была издавна мѣстомъ, гдѣ русскіе цари давали аудіенціи въ торжественныхъ случаяхъ; построена она еще въ 1473 году итальянскимъ архитекторомъ Маркомъ Фрязинымъ и окончена братомъ его Петромъ Фрязинымъ; получила она названіе Грановитой отъ граней, которыми покрыты наружныя ея стѣны.

Грановитая палата носила также названіе Большой золотой государевой палаты; послѣднее названіе произошло уже отъ внутренняго ея убранства; ея стѣны и своды въ екатерининское время были росписаны по золоту. На самой срединѣ палаты находилась

четырехсторонняя колонна, которая вверху, соединяясь со стрѣлками сводовъ, поддерживаетъ послѣднія; ширина каждой колонны была полтора аршина, колонна со всѣхъ сторонъ была украшена въ древнемъ греческомъ стилѣ лѣпною работою, изображающею птицъ, звѣрей и другихъ химерическихъ животныхъ подъ золотомъ; вокругъ колонны бронзовая, художественно сдѣланная вызолоченная рѣшетка, по которой въ нѣсколько рядовъ придѣланы подсвѣчники.

Налѣво отъ входа устроено на трехъ скамейкахъ, въ видѣ амфитеатра, мѣсто для музыкантовъ; направо, въ углу, подъ бархатнымъ балдахиномъ тронъ государей, возвышающійся на четырехъ ступеняхъ; подзоры балдахина обшиты бахрамою и украшены висящими на шнурахъ кистями; вся палата обита темно-малиновымъ бархатомъ; шесть оконъ освѣщаютъ палату, послѣднія почти на сажень отъ пола и не велики, и даютъ небольшой свѣтъ, отчего вся палата носитъ видъ величественной таинственности; въ простѣнкахъ оконъ расположены въ симетріи по три герба, густо вызолоченные. Въ Грановитой палатѣ царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1552 году, три дня угощалъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ, отличившихся при покореніи Казани.

Одного серебра для подарковъ посламъ и боярамъ было издержано имъ болѣе 400 пудовъ. Пожары въ XVI и XVII вѣкѣ не разъ уничтожали великолѣпное внутреннее убранство Грановитой палаты; до Петра Великаго палата удерживала свой первоначальный видъ, но затѣмъ, позднѣе, внутренній видъ ея измѣнился къ худшему, вся живопись ея по штукатуркѣ была сбита и своды перекрашены запросто.

Въ 1880-хъ годахъ было приступлено къ возстановленію палаты въ первоначальный видъ, была найдена старинная подробная опись древней стѣнописи.

При передѣлкѣ стѣнъ, когда былъ снятъ малиновый бархатъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ штукатуркой, открылись слѣды древнихъ живописныхъ по золоту орнаментовъ, украшавшихъ стѣны залы, а самая кладка показала слѣды пожаровъ и многократныхъ исправленій.

Теперь стѣнопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимірской губерніи, села Палеха, братьями Бѣлоусовыми. Въ Грановитой палатѣ хранится, на большомъ поставцѣ, серебряная посуда—даръ русскимъ царямъ отъ иноземныхъ властителей; главное мѣсто въ палатѣ занимаетъ такъ называемый «красный уголъ», гдѣ, какъ и встарину, стоитъ теперь царскій тронъ.

Въ Грановитой палатѣ Екатерина II наградила героевъ турецкой войны многими милостями. Изъ Грановитой палаты государыня возвратилась во дворецъ на Пречистенку уже въ своей походной каретѣ. За императрицей скакала на коняхъ ея блестящая военная свита; здѣсь были гусары, кавалергарды, кирасиры, затѣмъ албанцы и множество разныхъ военныхъ.

Графъ Румянцевъ ѣхалъ за императрицей въ богатой каретѣ цугомъ. Въ Воскресенскихъ воротахъ государыню привѣтствовалъ хоръ музыки торжественнымъ маршемъ. За государыней слѣдовалъ верхомъ, въ красномъ плащѣ, съ двумя герольдами и князь Потемкинъ, бросая изъ мѣшка въ народъ серебряные жетоны, выбитые въ память мира съ турками. На жетонахъ изображены были двѣ масличныя вѣтви и надпись: на одной сторонѣ—«миръ съ турками», а на другой—«пріобрѣтенъ побѣдами». Черезъ день былъ назначенъ большой пріѣздъ ко дворцу, гдѣ была представлена мать фельдмаршала Румянцева, на которую императрица возложила ленту св. Екатерины. Мать фельдмаршала, графиня Марья Андреевна, была дочь графа Андрея Артамоновича Матвѣева.

По словамъ графа Сегюра: «Она въ старости маститой, въ параличѣ, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображеніе, обширную память; разговоръ ея былъ столь же привлекателенъ, поучителенъ, какъ исторія хорошо написанная». О бракѣ отца Румянцева съ ней существуетъ слѣдующее преданіе. Когда заслуги отца Румянцева при дворѣ Петра Великаго стали замѣтны и послѣдній сдѣлался любимцемъ царя, то одинъ изъ вельможъ предложилъ ему руку своей дочери и тысячу душъ въ приданое. Румянцевъ, какъ извѣстно, былъ бѣднякъ, сынъ небогатаго костромского дворянина. Осчастливленный подобнымъ предложеніемъ, Румянцевъ бросился къ ногамъ царя, испрашивая согласія на бракъ, отъ котораго зависѣло все благополучіе его жизни. Поднявъ Румянцева, Петръ спросилъ:

— Видѣлъ ли ты невѣсту и хороша ли она?

— Не видалъ, отвѣчалъ Румянцевъ,—но говорятъ, что она не дурна и не глупа.

— Слушай, Румянцевъ, продолжаетъ государь,—балу я быть дозволяю, а отъ сговора удержись. Я самъ буду на балѣ и посмотрю невѣсту; если она дѣйствительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастію.

До 10-ти часовъ вечера ожидали царя, и полагая, что какое либо важное дѣло помѣшало ему сдержать данное слово, начали танцовать; но вдругъ Петръ явился въ домъ невѣсты своего лю-

бимца, увидѣлъ ее, стоя въ дверяхъ въ толпѣ любопытныхъ зрителей и, сказавъ про себя довольно громко: «ничему не бывать», уѣхалъ. Хозяинъ и женихъ были чрезвычайно огорчены этимъ непріятнымъ событіемъ.

На другой день Румянцевъ съ печальнымъ видомъ явился къ царю.

— Нѣтъ, братъ, произнесъ царь, лишь только увидѣлъ его,— невѣста тебѣ не пара и свадьбѣ не бывать, но не безпокойся, я твой сватъ. Положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую, а чтобъ этого вдаль не откладывать, приходи вечеромъ и мы поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ли я говорю.

Въ назначенное время государь отправился съ Румянцевымъ къ графу Матвѣеву.

— У тебя есть невѣста? спросилъ Петръ, когда Матвѣевъ вышелъ ему навстрѣчу,—а я привезъ ей жениха.

ГЛАВА III.

Разсказы про Румянцева.—Пречистенскій дворецъ.—Народное гулянье на Ходынскомъ полѣ.—Фейерверкъ и парадные спектакли.— Устройство праздниковъ по плану Екатерины II.— Присутствіе императрицы на праздникахъ.—Пріѣздъ турецкаго посла.—Парадный пріемъ турецкаго посланника Абдулъ-Керима.— Подарки султана.—Главнокомандующій Москвы князь М. Н. Волконскій.—Характеристика этого вельможи.— Ассигнаціонный банкъ въ Москвѣ.— Первое появленіе ассигнацій.—«Мѣновныя лавки».—«Фальшивыя ассигнаціи».—Пугачевскій бунтъ. — Толки о немъ въ Москвѣ.—Привозъ Пугачева въ Москву.— Судъ надъ Пугачевымъ и казнь его на Болотѣ.—Пріѣздъ императрицы въ Москву.— Реформы Екатерины II и разныя милости.— Указъ объ экипажахъ и ливреяхъ.—Пребываніе государыни въ Москвѣ.

ЕОЖИДАННОЕ предложеніе привело графа въ большое замѣшательство тѣмъ болѣе, что онъ считалъ Румянцева, какъ бѣднаго дворянина, недостойнымъ руки своей дочери. Государь тотчасъ отгадалъ мысль Матвѣева.

— Ты знаешь, произнесъ онъ,—что я его люблю и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими.

Нечего было дѣлать графу, пришлось согласиться на желаніе такого свата. Девятнадцатилѣтняя дочь графиня Марья Андреевна была объявлена невѣстою Румянцева.

Существуетъ еще другое преданіе про эту свадьбу. Бывши еще въ дѣвушкахъ, графиня Матвѣева была замѣчена Петромъ I, и однажды Петръ, изъ ревности, разсердясь на нее въ Екатерингофѣ, тѣлесно наказалъ ее на чердакѣ изъ своихъ рукъ и вскорѣ

послѣ того, противъ желанія ея родителей, выдалъ за неимущаго дворянина Румянцева.

Послѣ свадьбы Румянцевъ былъ произведенъ въ бригадиры съ пожалованіемъ ему нѣсколькихъ деревень. Въ царствованіе императрицы Екатерины I и Петра II онъ быстро шелъ по службѣ, но въ грозное время временщика Бирона, за отказъ принять должность главноуправляющаго государственными доходами, былъ лишенъ чиновъ и знаковъ отличія и сосланъ въ Казанскую губернію на жительство.

Тамъ три года, какъ преступникъ, подъ строгимъ карауломъ влачилъ онъ бѣдственную жизнь. Наконецъ, былъ прощенъ и назначенъ губернаторомъ въ Казань, а потомъ въ Малороссію.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ онъ получилъ постъ полномочнаго посланника въ Константинополѣ, затѣмъ съ успѣхомъ занималъ на конгрессѣ въ Або мѣсто полномочнаго отъ россійскаго двора, гдѣ успѣлъ склонить шведскихъ министровъ къ выгодному миру для Россіи, за что и награжденъ графскимъ титуломъ—онъ вскорѣ послѣ этого и умеръ въ 1749 году, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Жена его графиня Марья Андреевна скончалась 4-го мая 1788 года, на 90 году отъ рожденія, и погребена въ Невскомъ монастырѣ, въ Благовѣщенской церкви.

Сынъ фельдмаршала графъ Николай Петровичъ былъ большой любитель и собиратель древностей, рукописей, рѣдкостей и разныхъ диковинокъ; музей его теперь извѣстенъ въ Москвѣ. Графъ имѣлъ свой домъ на Покровкѣ и тамъ во многихъ комнатахъ на потолкахъ были рисованныя и барельефныя изображенія баталій, гдѣ участвовалъ его отецъ Задунайскій.

Этотъ домъ впослѣдствіи купилъ какой-то купецъ и соскоблилъ и счистилъ всѣ эти славныя воспоминанія. Сынъ фельдмаршала живалъ не подолгу въ Москвѣ; онъ служилъ въ Петербургѣ и былъ канцлеромъ до 1812 года.

Подъ конецъ своей жизни графъ Н. П. Румянцевъ отличался большими странностями. При немъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ состоялъ его домашній шутъ, гермофродитъ «Іонъ Ивановичъ», или, какъ тогда всѣ называли, «Анна Ивановна»; послѣдній ходилъ въ чепцѣ и женскомъ капотѣ, вязалъ чулокъ и шилъ въ пяльцахъ. Этотъ шутъ отличался крайне сварливымъ характеромъ, брюзжалъ и злился на всѣхъ и часто дрался. Колотушки его нерѣдко попадали и на долю самого графа, который сносилъ ихъ съ христіанскимъ смиреніемъ.

По разсказамъ, этотъ шутъ послѣ такихъ побоевъ приносилъ къ Румянцеву всегда горсть мѣдяковъ въ вознагражденіе за побои и на эти мѣдныя деньги графъ покупалъ деревянное масло, которое и теплилъ передъ своимъ образнымъ кіотомъ въ спальнѣ.

Время пребыванія императрицы въ Москвѣ, какъ мы выше говорили, ознаменовалось народными праздниками. Всѣ эти празднества были устроены по мысли государыни.

Вотъ какъ она излагаетъ свои планы празднествъ въ письмѣ къ Гримму:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о праздникахъ по случаю мира, послушайте, что я вамъ разскажу, и не вѣрьте всѣмъ вздорамъ, которые пишутъ въ газетахъ. Сочинили было проектъ, похожій на всѣ праздники: храмъ Янусу, храмъ Бахусу, храмъ діаволу и его бабушкѣ и преглупыя аллегоріи, нелѣпыя уже потому, что онѣ были чудовищно громадны: это были геніальныя усилія породить что-то, вполнѣ лишенное здраваго смысла.

«Сильно разсерженная этими великолѣпными и обширными проектами, которые я отвергла, я въ одно прекрасное утро призвала своего архитектора Баженова и сказала ему:

«— Другъ мой, въ трехъ верстахъ отъ города есть лугъ; вообразите себѣ, что этотъ лугъ Черное море, что изъ города доходятъ до него двумя путями; ну, такъ одинъ изъ этихъ путей будетъ Донъ, а другой—Днѣпръ; при устьѣ перваго вы построите обѣденный залъ и назовете его Азовомъ; при устьѣ другого вы устроите театръ и назовете его Кинбурномъ. Вы обрисуете пескомъ Крымскій полуостровъ, тамъ поставьте Керчь и Еникале, двѣ бальныя залы; налѣво отъ Дона вы расположите буфетъ съ виномъ и мясомъ для народа, противъ Крыма вы зажжете иллюминацію, чтобы представить радость двухъ имперій о заключеніи мира. За Дунаемъ вы устроите фейерверкъ, а на той землѣ, которая должна представлять Черное море, вы разставите освѣщенныя лодки и суда; берега рѣкъ, въ которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминованными домами, и вотъ у васъ будетъ праздникъ безъ вымысловъ, но за то прекрасный, а особливо естественный».

«Мой другъ, восхищенный этой мыслію, тотчасъ схватился за нее, и такъ готовится праздникъ. Я забыла вамъ сказать, что направо отъ Дона будетъ ярмарка, окрещенная именемъ Таганрога... Правда, что море на твердой землѣ не совсѣмъ имѣетъ смыслъ, но простите этотъ недостатокъ...»

Увеселительное строеніе, воздвигнутое на рѣкѣ Ходынкѣ, близъ Москвы, по случаю празднованія мира съ Турціей въ 1775 году.

Съ рисунка того времени архитектора М. Казакова (Подлинникъ находится въ Эрмитажѣ).

Празднества какъ мы уже говорили, вышли чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастія, которое бы омрачило народное веселье. Народное гулянье открылось на Ходынкѣ 21-го іюля; торжества начались съ утра этого дня и тянулись нѣсколько дней подъ-рядъ. На полѣ, какъ мы уже говорили, были построены разные крѣпости и города съ турецкими названіями; были здѣсь залы бальные и обѣденные, стоялъ и театръ, былъ

Башня у Никольскихъ воротъ въ Кремлѣ.

выстроенъ и потѣшный деревянный дворецъ; впослѣдствіи онъ былъ перенесенъ на Воробьевы горы и поставленъ на каменныя подклѣти, оставшіяся отъ прежнихъ царскихъ теремовъ.

Кругомъ этого дворца разбитъ большой садъ и аллеи. Всѣ постройки на Ходынскомъ полѣ были сдѣланы на турецкій образецъ, съ разными вычурами: башнями, каланчами, съ высокими минаретами, какъ при мечетяхъ. На полѣ была устроена огромная

ярмарка или базаръ на восточный манеръ, стояли кофейные дома, давалось народу даровое угощеніе, обѣды и разныя театральныя представленія. Мѣста для зрителей были устроены на подмосткахъ, въ видѣ кораблей съ мачтами и парусами, въ разныхъ мѣстахъ, которыя названы именами морей, гдѣ Черное, Азовское, гдѣ рѣка Донъ; на островѣ Фанагоріи устроенъ театръ для балансеровъ; въ Азовѣ и въ Ногайскихъ ордахъ стояли обѣденные столы съ жареными быками, съ золочеными рогами, на каланчахъ били фонтаны виномъ.

Съ прибытіемъ государыни на поле празднествъ былъ поданъ сигналъ къ началу пиршества, многотысячная толпа быстро расхватала всѣ яства. Государыня смотрѣла на гулянье съ красиво устроенной для нея галереи, на которой стояла роскошно отдѣланная серебромъ и покрытая тигровымъ бархатомъ и бѣлымъ атласомъ съ букетами мебель, въ окнахъ галереи виднѣлись фарфоровыя вазы съ цвѣтами. Для императрицы и августѣйщаго семейства въ Азовской крѣпости былъ приготовленъ на пяти столахъ обѣдъ на 139 персонъ, послѣ обѣда на театрѣ давали французскую комедію.

Послѣ этого шла въ одной изъ галерей и русская опера «Иванъ Царевичъ», затѣмъ былъ маскарадъ, гдѣ танцовали особенный для этого случая кадриль кавалеры и дамы, одѣтые въ богатые турецкіе и рыцарскіе костюмы.

На другой день государыня въ городкѣ «Таганрогѣ» закупала богатые азіятскіе товары на большія суммы, вечеромъ она отправилась на корабли, съ которыхъ и смотрѣла на блистательный фейерверкъ, изображавшій Чесменскую битву. Фейерверкъ этотъ устраивалъ генералъ-поручикъ Мелиссино. Послѣ фейерверка государыня на возвратномъ пути ко дворцу проѣзжала по дорогѣ, по однѣмъ сторонамъ которой были устроены деревянные щиты съ разноцвѣтными шкаликами и плошками. По закрытіи торжествъ, вскорѣ въ Кремлѣ былъ парадный пріемъ турецкаго посла съ грамотой о вѣчномъ мирѣ и подарками.

Присланный посолъ отъ турецкаго султана былъ Абдулъ-Керимъ. Церемоніальный въѣздъ его отъ подъѣздного дома на Якиманской улицѣ, черезъ Каменный мостъ, затѣмъ по Моховой, Никольской, въ посольскій домъ на Солянкѣ былъ необыкновенно пышенъ; посолъ ѣхалъ въ золотой каретѣ въ восьмерку бѣлыхъ лошадей съ многочисленной свитой арабовъ, гайдуковъ, скороходовъ, окруженной придворными чинами, въ золотыхъ кафтанахъ.

Аудіенція его у императрицы вышла также не менѣе торжественна. Подарки, поднесенные посломъ, были необыкновенно цѣнны: въ нихъ обнаружилась вся роскошь сказочнаго Востока.

Торжественная аудіенція турецкому посольству.

Съ гравюры Калпашкинова.

Въ числѣ подарковъ было золотое зеркало, осыпанное алмазами и рубинами съ арабскою надписью слѣдующаго содержанія: «Благословеніе и счастіе, удовольствіе и спасеніе, честь и побѣда, благая помощь и сила, власть и могущество, слава и долголѣтіе владѣльцу». Драгоцѣннѣйшій вѣеръ съ алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, такой же цѣны сѣдло, усыпанное многоцѣнными камнями, пернатъ и сабля, украшенная алмазами, яхонтами и жемчугами. Екатерина II осталась довольна подарками своего друга Абдулъ-Гамида, какъ она въ шутку называла султана, и въ своихъ письмахъ къ иностранцамъ говорила: «Мнѣ кажется, что дружба и согласіе, которыя установились между возлюбленнымъ моимъ братомъ Абдулъ-Гамидомъ и мною, заставляютъ многихъ худѣть». Хотя миръ съ турками и былъ заключенъ, но завистливая Европа не переставала интриговать въ Турціи; точно также и въ то время, какъ теперь, турки безпрестанно нарушали условія мирнаго договора. По этому поводу государыня писала черезъ два года къ Гримму: «По имени миръ нашъ существуетъ, на дѣлѣ же марабу (этимъ именемъ она часто называетъ турокъ) ежедневно его нарушаютъ пунктъ за пунктомъ и потомъ опять хотятъ ставить заплаты... Мой братецъ Абдулъ-Гамидъ все тотъ же». Окончательнаго подписанія нѣкоторыхъ пояснительныхъ статей кучукъ-кайнарджійскаго мира императрица дождалась только спустя четыре года послѣ войны, въ чемъ ей помогъ своимъ вліяніемъ французскій посланникъ Сенъ-При; послѣдній получилъ за это отъ императрицы андреевскую звѣзду съ алмазами.

Послѣ Салтыкова былъ назначенъ въ Москву главнокомандующимъ князь М. Н. Волконскій (1713—1789). Это былъ одинъ изъ выдающихся вельможъ вѣка Екатерины, умный и добрый, съ низшими необыкновенно обходительный, и гордый только съ временщиками. Императрица два раза мирила его съ Потемкинымъ. Онъ успѣшно отправлялъ всѣ важныя государственныя должности, возлагаемыя на него государыней. Въ 1771 году назначенный главнокомандующимъ въ Москву; на этомъ важномъ тогда посту онъ блистательно управляетъ столицей и дѣятельно ведетъ переписку съ императрицей; при немъ въ Москвѣ учреждается банкъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій, директоромъ котораго, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, назначается графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.

Первая контора ассигнаціоннаго банка была открыта на Мясницкой, въ приходѣ архидіакона Евпла: здѣсь былъ размѣнъ ассигнацій и мѣдной монеты; послѣдняя хранилась въ подвалахъ и

особыхъ кладовыхъ; то и другое имѣло необыкновенную сырость и мѣшки съ мѣдью, производя постоянную розсыпь, требовали новаго счета, новой повѣрки; позднѣе въ этомъ домѣ была винная контора. Сперва ассигнаціи въ публикѣ встрѣтили недовѣріе, но вскорѣ кредитъ бумажныхъ денегъ и требованіе на нихъ сильно возросли, но банкъ туго ихъ выдавалъ, вслѣдствіе этого въ Москвѣ открылись мѣняльныя лавки или, какъ ихъ тогда называли, «мѣновныя лавки»; промѣнъ въ послѣднихъ въ первое время существовалъ слѣдующій: мѣняя крупныя ассигнаціи на мелкія, платили промѣну по грошу съ рубля; размѣнивая ассигнаціи на мѣдь, брали по пяти копѣекъ съ рубля; размѣнивая рублевики на ассигнаціи — по десяти копѣекъ съ рубля; а рублевики на мѣдныя деньги — по восьми копѣекъ съ рубля; первыя ассигнаціи были слѣдующаго достоинства: 25, 50, 75 и 100 рублей.

По случаю появившихся фальшивыхъ ассигнацій, передѣланныхъ изъ 25-ти-рублеваго достоинства въ 75-ти-рублевыя, повелѣно впредь не дѣлать 75-ти-рублевыхъ ассигнацій и всенародно было объявлено, чтобы каждый частный человѣкъ, имѣющій такія ассигнаціи, въ установленный срокъ представлялъ ихъ для обмѣна на другого достоинства.

Поддѣлывателями ассигнацій явились два брата Пушкиныхъ, Сергѣй и Михаилъ, и Ѳедоръ Сукинъ. Сергѣй Пушкинъ привезъ изъ-за границы штемпеля, литеры и бумагу для дѣланія поддѣльныхъ ассигнацій. Екатерина II ревностно взялась за преслѣдованіе поддѣлывателей и собственноручную прислала записку Волконскому, въ которой выписываетъ наказаніе виновнымъ: «Сергѣя Пушкина, который для дѣланія штемпеля ѣздилъ въ чужіе края и съ оными при обратномъ пути на границѣ пойманъ, слѣдовательно, болѣе другихъ заботился о произведеніи сего вреднаго государственному кредиту дѣла, лишить чиновъ и дворянства и взвести на эшафотъ, гдѣ надъ нимъ переломить шпагу и поставить на лбу В, заключить его вѣчно, какъ вреднаго обществу человѣка, въ какую ни есть крѣпость. Михаила Пушкина, какъ сообщника сего дѣла, лишить чиновъ и дворянства и сослать въ ссылку въ дальнія сибирскія мѣста. Ѳеодора Сукина, чрезъ колебаніе совѣсти котораго сіе вредное дѣло открылось и Сергѣй Пушкинъ пойманъ, то смотря болѣе на его неокаменѣлость въ преступленіи, нежели на его дѣйствительную вину повелѣваемъ лишить всѣхъ чиновъ и сослать въ ссылку въ Оренбургскую губернію. Имѣніе же всѣхъ сихъ отдать ближнимъ ихъ по законамъ наслѣдникамъ».

Кредитъ государственныхъ ассигнацій послѣ того сильно поколебался и только пятнадцать лѣтъ спустя пріобрѣлъ въ народѣ снова свою цѣнность. Въ 1786 году ассигнаціи были обмѣнены на новые образцы, заготовлено было ихъ на 50.000,000 руб.; всѣхъ обмѣнено было прежнихъ ассигнацій на сумму 46.219,250 руб.

Князь М. Н. Волконскій.

Съ портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

Въ слѣдующемъ году ассигнацій было выпущено уже на сто милліоновъ рублей. Къ концу царствованія Екатерины ассигнацій въ обращеніи было на 157 милліоновъ руб.

Съ 1768 по 1786 годъ бумага для ассигнацій дѣлалась на красносельской бумажной фабрикѣ графа Сиверса.—есть преданіе; что въ первое время не хватило матеріала для приготовленія бумаги — и

что Екатерина приказала выдать все свое старое дворцовое бѣлье: скатерти и салфетки.

Позднѣе была учреждена казенная бумажная мельница въ Царскомъ Селѣ.

Первыя ассигнаціи приготовлялись на бѣлой бумагѣ, имѣли видъ четвероугольника, по сторонамъ съ внутренними просвѣчивающимися прописями; вверху «любовь къ отечеству», внизу «дѣйствуетъ въ пользу онаго», съ лѣвой стороны «государственная казна» и съ правой достоинство ассигнаціи прописью, въ концѣ слѣдовали для возбужденія большаго довѣрія подписи: двухъ сенаторовъ, совѣтника правленія и директоровъ банка, писанныя собственноручно перомъ. Первыя ассигнаціи были въ обращеніи 18 лѣтъ.

Легкій способъ и неограниченное право выпускать ассигнаціи, замѣняющія наличныя деньги, дали поводъ министру финансовъ во времена Николая I графу Е. Ф. Канкрину назвать ихъ «сладкимъ ядомъ государства». При Павлѣ I число ассигнацій возросло до 212 милл.; при Александрѣ I въ 1810 году сумма ихъ достигала до 577 милл. Съ 1812 по 1817 годъ масса всѣхъ ассигнацій, обращавшихся въ народѣ, простиралась до 836 милл., зато и достоинство ихъ упало на 75 процентовъ противъ серебряной монеты.

Въ теченіе этого времени народъ привыкъ считать серебряную монету въ 25 коп. или четвертакъ ассигнаціоннымъ рублемъ, и серебряная монета въ 25 коп. принималась за сто копѣекъ мѣдной монеты. Есть свидѣтельство, что въ Отечественную войну Наполеонъ, желая подорвать окончательно нашъ кредитъ, пустилъ въ ходъ массу фальшивыхъ ассигнацій; по выходѣ французовъ изъ Москвы, крестьяне представляли военному начальству доставшіяся имъ, по разнымъ случаямъ, во время непріятельскаго нашествія, сторублевыя ассигнаціи французскаго издѣлія, такъ искусно поддѣланныя, что даже въ ассигнаціонномъ банкѣ приняли ихъ съ перваго взгляда за настоящія; онѣ отличались отъ русскихъ только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована.

Данилевскій, въ своей исторіи 1812 года, говоритъ о письмѣ Бертье къ Наполеону, гдѣ послѣдній, между прочимъ, изъявляетъ свою горесть о потерѣ «послѣдней своей коляски, въ которой были самыя тайныя бумаги». Данилевскій добавляетъ: «Въ ней найдено было нами очевидное доказательство плутовства Наполеона: доска для дѣланія фальшивыхъ сторублевыхъ русскихъ ассигнацій».

Извѣстный слѣдователь по раскольничьимъ дѣламъ И. Липранди увѣряетъ, что эти фальшивыя ассигнаціи печатались въ

Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ: московскіе старожилы ему указывали въ 1846 году на двѣ комнаты на этомъ кладбищѣ, въ одной изъ которыхъ стоялъ станокъ для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, а въ другой жили французскіе жандармы.

Возвращаемся опять къ дѣятельности московскаго главнокомандующаго, князя Волконскаго. При возникновеніи пугачевскаго бунта, императрица дѣятельно ведетъ съ нимъ переписку, совѣтуя ему «успокоивать умы жителей древней столицы». Князю Волконскому привелось также быть главнымъ дѣятелемъ въ судѣ надъ самозванцемъ. Въ Москвѣ чернь была въ такомъ настроеніи, что правительство одно время боялось, «чтобы Пугачевъ не надѣлалъ въ ней какой ни на-есть пакости». Вѣра въ него, какъ въ Петра III, тамъ была очень сильна; въ этихъ-то видахъ Москва и была избрана мѣстомъ для суда и казни Пугачева.

Князь Волконскій хотѣлъ сдѣлать ввозъ Пугачева какъ можно болѣе гласнымъ; онъ приказалъ изготовить особенную повозку, на которой стояла висѣлица, и къ ней, стоя, долженъ былъ быть прикованъ Пугачевъ; на верху надъ нимъ должна быть доска, на которой большими буквами выписаны всѣ его злодѣянія.

Но императрица проектъ князя не одобрила, а приказала «его привезти днемъ подъ конвоемъ (окромѣ тѣхъ, кои съ нимъ) сотъ до двухъ донскихъ казаковъ и драгунъ безъ всякой дальней афектаціи и не показывая дальное уваженіе къ сему злодѣю и измѣннику». Пугачева привезли въ Москву въ десять часовъ утра, 4-го ноября 1774 года.

Народъ массами встрѣтилъ повозку съ нимъ и провожалъ въ безчисленномъ количествѣ по всѣмъ улицамъ до Монетнаго двора (въ Охотномъ ряду), гдѣ была приготовлена тюрьма для Пугачева. Множество каретъ съ дамами собралось къ Воскресенскимъ воротамъ; думали, что Пугачевъ подойдетъ къ окну. Но этого ему сдѣлать было нельзя: по привозѣ въ тюрьму, его приковали къ стѣнѣ.

Жена и сынъ его помѣщены были въ отдѣльной комнатѣ. Слѣдователи: Шешковскій и Галаховъ поселились въ той же тюрьмѣ; черезъ часъ прибылъ въ тайную экспедицію и князь Волконскій. Къ судьямъ въ судейскую комнату ввели Пугачева, который палъ на колѣни. Князь Волконскій сталъ говорить съ нимъ «исторически», какимъ онъ образомъ, гдѣ и когда онъ содѣялъ злодѣйства и т. д. На вопросы Пугачевъ отвѣчалъ спокойно и ясно: «мой грѣхъ, виноватъ» и проч. Послалъ Волконскій и за женой Пугачева. Казачка не знала о дѣлахъ мужа и отвѣчала на всѣ вопросы невѣдѣніемъ; Пугачевъ бросилъ ее еще за три года.

Для участія въ окончательномъ судѣ, прибыли въ Москву генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и П. С. Потемкинъ, возившій въ Петербургъ слѣдственное дѣло. 9-го января 1775 года была подписана сентенція. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію. Казнь совершилась 16-го января 1775 года въ Москвѣ, на Болотѣ. Вотъ что передаютъ очевидцы о казни Пугачева: «Эшафотъ былъ воздвигнутъ на серединѣ площади; вокругъ были поставлены пѣхотные полки,—начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Здѣсь же былъ и оберъ-полиціймейстеръ Архаровъ со своими подчиненными.

«На высотѣ лобнаго мѣста или эшафота стояли палачи. Позади фронта все пространство низкой лощины Болота, всѣ кровли были усѣяны зрителями; любопытные даже стояли на козлахъ и запяткахъ каретъ и колясокъ. Вдругъ все всколебалось и съ шумомъ заговорило: «везутъ! везутъ!»

«Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; онъ держалъ въ рукахъ двѣ толстыя зажженныя свѣчи изъ желтаго воска, который, отъ движенія оплывая, залѣплялъ ему руки; напротивъ его сидѣлъ священникъ въ ризѣ съ крестомъ и еще секретарь тайной экспедиціи; за санями слѣдовалъ отрядъ конницы. Пугачевъ былъ съ непокрытою головою и кланялся на обѣ стороны.

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Когда Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, взошелъ на эшафотъ, раздалось «на караулъ!» и одинъ изъ чиновниковъ сталъ читать манифестъ.

«При произнесеніи чтецомъ имени злодѣя, Архаровъ спрашивалъ: «Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?»—Такъ, государь отвѣчалъ послѣдній, я и проч. Во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, тогда какъ его сподвижникъ, Перфильевъ, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю.

«По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота.

«Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ оторопѣлымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ, кланялся на всѣ стороны, говоря прерывистымъ голосомъ: «прости, народъ православный».

«Послѣ этого экзекуторъ далъ знакъ палачамъ и палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ и стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ всплеснулъ руками, опрокинулся назадъ и вмигъ окровавленная го-

Казнь Пугачева.

Съ рисунка художника Шарлеманя.

**Подлинное изображенїе
бунтовщика и обманщика
ЕМЕЛЬКИ ПУГАЧЕВА.**

Betrachtet dießes Bild u. lernet wohl bedencken,
wie mancher Mensch auf Erd, sich läßt vom
Teufel lencken.
daß er selbst Teufel wird die menschliche Geschlechte
u. thut was wieder Gott u. wieder daß e Rechte.
Schaut aber nur aufs End der groß u. klein Rebelle
so wird sich jeder zeit auch solches End darstelle.
um Schauder Furcht u. Qual durch alle Gliedern
dringen.

**Wahre Abbildung
des Rebellen *und* Betrugers
IEMELKA PUGATSCEW.**

Drum laßt Euch Pugatschew jezt zur Ent-
schliessung bringen.
an Gott u. seine Wörd zu werden kein Rebelle.
Den bleibt die Straf nicht aus bey Menschen auf d. Stelle
so muß der Schöpfer selbst weit strenger sich erzeige
damit das Geschöpffe lernt sich vor seinem
Richter beugen
u. dießes wohl bedenckt daß der so andern schadt
am meist sich selbste schadt mit jeder bößen That.

Пугачевъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

лова уже висѣла въ воздухѣ, палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же. Четвертованіе было исполнено надъ трупами. Отрѣзанныя части тѣла нѣсколько дней выставлены были около московскихъ заставъ и, наконецъ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами, а пепелъ развѣянъ палачами. Внукъ Пугачева былъ живъ еще въ 1890 году; онъ жилъ въ одной изъ московскихъ богадѣленъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ казни Пугачева въ Москву прибыла императрица Екатерина и здѣсь принимала участіе въ удовольствіяхъ столицы, гдѣ въ то время праздники слѣдовали за праздниками.

Роскошью и разнообразіемъ ихъ Екатерина старалась возвысить блескъ своего двора и затмить пережитое ею тревожное время. Со дня открытія законодательной комиссіи, болѣе шести лѣтъ передъ этимъ, Екатерина не позабыла своего неудовольствія на старую столицу и, возвратясь снова въ ея бѣлокаменныя стѣны, говорила, что чума не истребила всего политическаго яда, коренящагося въ этомъ городѣ.

Весною 1775 года въ Москвѣ изготовлялись важнѣйшія изъ реформъ екатерининскаго царствованія—новыя губернскія учрежденія, которыя явились главнымъ результатомъ законодательной комиссіи; образцомъ для этихъ учрежденій послужило устройство остзейскихъ провинцій. Разумѣется, подобный образецъ имѣлъ большую поддержку въ остзейцахъ, занимавшихъ многія значительныя мѣста при дворѣ и въ администраціи. Екатерина хотѣла сначала ввести новыя учрежденія только въ Твери, въ видѣ опыта.

Но, какъ увѣряетъ Сиверсъ, совѣтъ, состоявшій изъ придворныхъ льстецовъ, бросился къ ея ногамъ и со слезами умолялъ немедленно обратить въ законъ такое великое благодѣяніе. Императрица уступила, и проектъ сдѣлался закономъ.

Въ Москвѣ также въ это время вышелъ манифестъ «о высочайшихъ дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ по случаю заключеннаго мира съ турками»; въ числѣ пунктовъ этого манифеста былъ одинъ, который унижалъ достоинство гражданъ и облегчалъ чиновникамъ и недобросовѣстнымъ богачамъ способы притѣснять мелкихъ торговцевъ.

Пунктъ этотъ предписывалъ гражданамъ, не имѣющимъ капитала свыше 500 руб., называться не купцами, а мѣщанами, и платить по прежнему подушные; купцы же всѣхъ трехъ гильдій освобождались отъ подушнаго и обязывались платить по одному проценту съ «объявленнаго имъ по совѣсти» капитала. Про этотъ

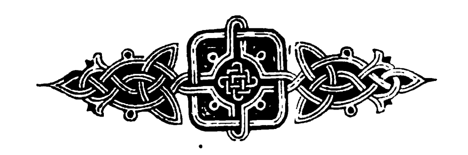
манифестъ государыня писала къ Гриму, что онъ ее лишаетъ полутора милліона дохода. Также не менѣе неудовольствія въ Москвѣ произвелъ указъ и 3-го апрѣля 1775 года объ экипажахъ и ливреяхъ.

Главнымъ мотивомъ для распредѣленія экипажей и ливрей соотвѣтственно разнымъ рангамъ выставлено желаніе уменьшить «день ото дня умножающуюся роскошь». Сакенъ, саксонскій посланникъ, доносилъ своему двору, будто этотъ указъ произвелъ въ Москвѣ большее неудовольствіе, нежели бѣдствія чумы и пугачевщина, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала покидать столицу. Государыня въ этотъ пріѣздъ пробыла въ Москвѣ почти годъ и на этотъ разъ видимо осталась довольна древней столицей.

О своихъ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ вотъ что она писала Гримму: «Я въ восторгѣ, что сюда пріѣхала, и здѣсь всѣ большіе и малые въ восторгѣ, что меня видятъ... Этотъ городъ есть фениксъ, воскресающій изъ пепла; я нахожу народонаселеніе замѣтно уменьшеннымъ и причиной тому чума: она навѣрное унесла въ Москвѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но перестанемъ говорить объ этомъ. Вы хотите имѣть планъ моего дома? Я вамъ пришлю его, но не легка штука опознаться въ этомъ лабиринтѣ.

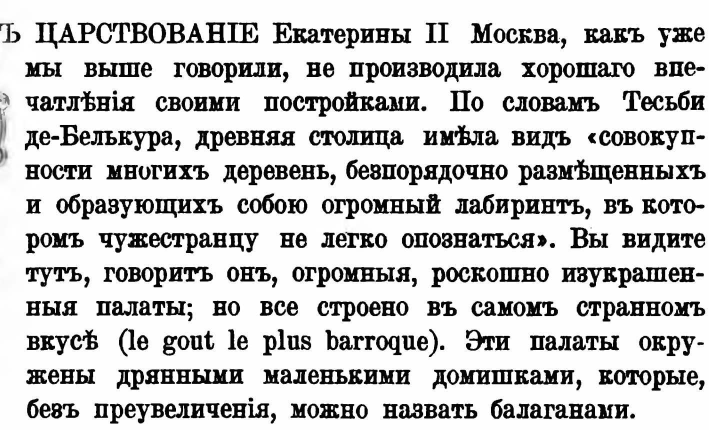
«Я пробыла здѣсь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. Въ жизни я не видала столько дверей; я ужъ полдюжины велѣла уничтожить и все-таки ихъ вдвое болѣе, чѣмъ требуется».

Какія неудобства императрица испытывала, видно, между прочимъ, изъ словъ: «Сидя между тремя дверями и тремя окнами», а также изъ слѣдующей выдержки: «У меня въ Москвѣ очень дурное помѣщеніе въ грязномъ кварталѣ, домъ мой высокъ и самъ по себѣ, и по мѣстоположенію, которое онъ занимаетъ; сосѣднія испаренія распространяютъ тамъ міазмы, болѣе полезныя въ истерикѣ, чѣмъ пріятныя, и я удаляюсь оттуда почаще»...



ГЛАВА IV.

Разсказы капитана де-Белькура про Москву.—Подъѣздной дворецъ.—Загородные дома въ Петровскомъ. — Землянки французовъ. — Башиловка. — Архитекторъ Матвѣй Казаковъ.— Лобное мѣсто.—Историческое прошлое его.— Салтычиха.— Убійцы Жуковы.—«Тайная канцелярія».—Истязанія и пытки.—Вольная типографія.—Н. И. Новиковъ.—Дѣятельность московскихъ масоновъ.—Гроза, постигшая ихъ.—Университетская типографія.—Старые московскіе типографщики и книгопродавцы.—Возвращеніе Новикова въ Москву. — Характеристика Новикова. — Разсказы про масоновъ.—Обрядъ посвященія въ масоны.—Банкеты масоновъ.— Число масонскихъ ложъ въ Москвѣ.—Запрещеніе масонскихъ ложъ въ 1822 и 1826 годахъ.—Забытая масонская ложа.



ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ Екатерины II Москва, какъ уже мы выше говорили, не производила хорошаго впечатлѣнія своими постройками. По словамъ Тесьби де-Белькура, древняя столица имѣла видъ «совокупности многихъ деревень, безпорядочно размѣщенныхъ и образующихъ собою огромный лабиринтъ, въ которомъ чужестранцу не легко опознаться». Вы видите тутъ, говоритъ онъ, огромныя, роскошно изукрашенныя палаты; но все строено въ самомъ странномъ вкусѣ (le gout le plus barroque). Эти палаты окружены дрянными маленькими домишками, которые, безъ преувеличенія, можно назвать балаганами.

Даже самый царскій дворецъ въ Кремлѣ состоитъ изъ безпорядочныхъ, полуразрушенныхъ построекъ, какъ будто онъ только что выдержалъ осаду отъ варваровъ-разрушителей. Улицы дурно расположены и также дурно содержатся.

Благоустроенныхъ общественныхъ зданій нѣтъ, ни одно даже не заслуживаетъ такого названія. Белькуръ восхищается только одними тріумфальными (Красными) воротами, существующими по сейчасъ.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1775 году императрица Екатерина II повелѣла, въ память побѣдъ россійскихъ войскъ надъ оттоманами, заложить подъѣздной дворецъ за Тверской заставой, на пустомъ мѣстѣ, принадлежащемъ московскому Высоко-Петровскому монастырю.

Постройку дворца государыня препоручила извѣстному зодчему Матвѣю Казакову. Дворецъ былъ названъ по мѣстности—«Петровскимъ» и выстроенъ въ готическомъ вкусѣ. Екатерина II въ первый разъ остановилась въ этомъ дворцѣ въ 1787 году.

Есть преданіе, что государыня во время своего пребыванія здѣсь отослала всѣ назначенные для нея караулы солдатъ, сказавъ, что она хочетъ остаться во дворцѣ подъ охраной своего народа. И послѣ того, какъ передаетъ преданіе, толпы народа, стали тѣсниться около дворца, остерегая другъ друга, говоря:—«не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки». Возлѣ этого дворца уже въ первое время стояли загородные дома: гр. Апраксина, кн. Волконскаго, Голицына и другихъ, а также въ лежащей около большой вѣковой рощѣ ютилось нѣсколько загородныхъ трактировъ и ресторановъ; одинъ изъ такихъ, подъ названіемъ «Gastronome Russe», долго славился своими гастрономическими обѣдами; его содержалъ французъ-поваръ.

Въ Отечественную войну Петровская роща пострадала отъ непріятелей; самыя большія деревья были вырублены на батареи. Французы въ этой мѣстности построили себѣ роскошныя землянки съ рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми изъ лучшихъ барскихъ московскихъ палатъ. Но когда въ Кремлѣ вспыхнулъ пожаръ и французы начали выбираться изъ Москвы, то и императоръ Наполеонъ выбралъ своимъ мѣстожительствомъ Петровскій дворецъ, а гвардія и свита его еще гуще размѣстилась въ этихъ землянкахъ.

При выступленіи непріятеля изъ Москвы, многіе отдѣльные отставшіе его отряды въ этой мѣстности были разбиты крестьянами, и трупы убитыхъ были зарыты въ этихъ землянкахъ. Но собственно Петровскій паркъ обстроился только въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ эти годы вся мѣстность отъ Тверской заставы до Петровскаго дворца была раздѣлена на участки и отдана желающимъ здѣсь строиться.

Самое большое пространство земли взялъ тогдашній начальникъ комиссіи для построеній А. А. Башиловъ; онъ выстроилъ здѣсь вокзалъ, гдѣ давались праздники съ цыганами, фейерверками и т. п. Въ его же время былъ построенъ и Петровскій лѣтній театръ. Улица Башиловка получила названіе отъ имени этого землевладѣльца.

Петровскій дворецъ Казаковъ выстроилъ въ семь лѣтъ. Государынѣ очень понравилось зданіе дворца. Кромѣ этого дворца, Казаковымъ въ Москвѣ построены: Голицынская и Павловская больницы, соборная церковь въ Зачатіевскомъ монастырѣ и зданіе присутственныхъ мѣстъ въ Кремлѣ. Въ этомъ зданіи считается образцовымъ произведеніемъ зодчества ротонда съ куполомъ, надъ которымъ видна императорская корона съ надписью: «Законъ».

До 1812 года здѣсь стоялъ колоссальный золотой св. Георгій на конѣ, изображающій гербъ Московской губерніи. Эта ротонда была назначена для общихъ собраній губернскаго дворянства и для баллотированія новыхъ членовъ черезъ каждые три года. Куполъ этотъ считается по своей величинѣ чудомъ архитектурнаго искусства. Существуетъ разсказъ, что когда, по его отдѣлкѣ, были вынуты всѣ подмостки и лѣса, начальникъ кремлевской экспедиціи М. М. Измайловъ пригласилъ всѣхъ извѣстныхъ тогда архитекторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Баженовъ, для освидѣтельствованія зданія и купола, и когда зодчіе выразили нѣкоторое сомнѣніе въ прочности его, то Казаковъ взошелъ на поверхность купола и болѣе получаса стоялъ на немъ.

Этотъ опытъ, довольно наивный надо сказать, восхитилъ всѣхъ архитекторовъ и, по возвращеніи Казакова, онъ былъ принятъ рукоплесканіями и криками «ура». Въ первое время по постройкѣ противъ главнаго входа въ великолѣпной аркѣ воздвигнутъ былъ императорскій тронъ, обширныя галереи съ обѣихъ сторонъ также были отдѣланы барельефами и гербами уѣздныхъ городовъ Московской губерніи. Когда, въ 1787 году, Екатерина II съ блестящей свитою обозрѣвала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее М. М. Измайлову:

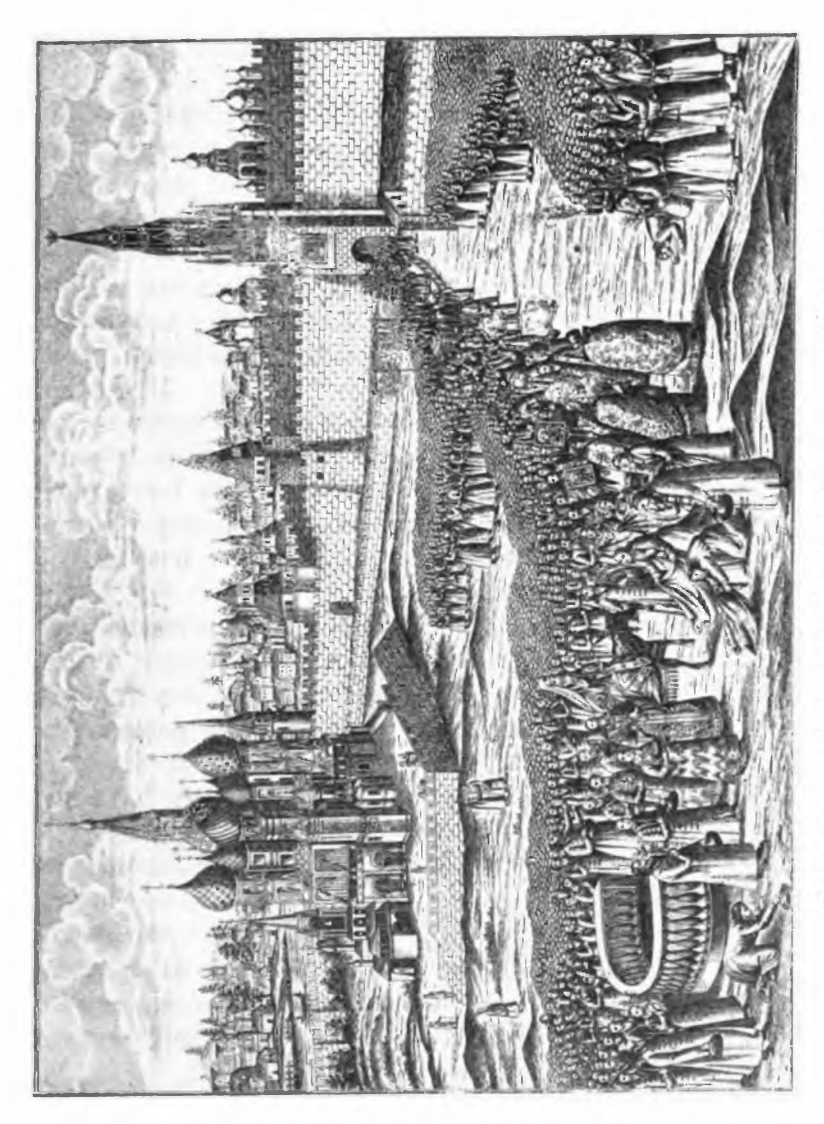
— Я ожидаю, что благородные дворяне при первомъ своемъ собраніи здѣсь для выборовъ, смотря на этотъ тронъ, припомнятъ, что я дала имъ и всему ихъ потомству грамату съ правами и преимуществами важными.

Послѣ этого государыня обратилась къ Казакову, сказавъ:

— Какъ все хорошо, какое искусство! Это превзошло мое ожиданіе; нынѣшній день ты подарилъ меня удовольствіемъ рѣдкимъ;

съ тобою я сочтуся, а теперь вотъ тебѣ мои перчатки, отдай ихъ своей женѣ и скажи, что это на память моего къ тебѣ благоволенія.

При выходѣ государыни изъ зданія, мастеровые привѣтствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала



Крестный ходъ (шествіе на осляти) въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ старинной голландской гравюры.

имъ выдать 500 рублей. Казаковъ за постройку получилъ слѣдующій чинъ, брилліантовый перстень и значительную пенсію. Казаковъ пользовался благоволеніемъ императоровъ: Павла I и Александра I. Имъ построено въ Москвѣ множество частныхъ домовъ;

онъ умеръ 79 лѣтъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по пріѣздѣ его изъ Москвы въ Рязань, во время нашествія французовъ въ 1812 году.

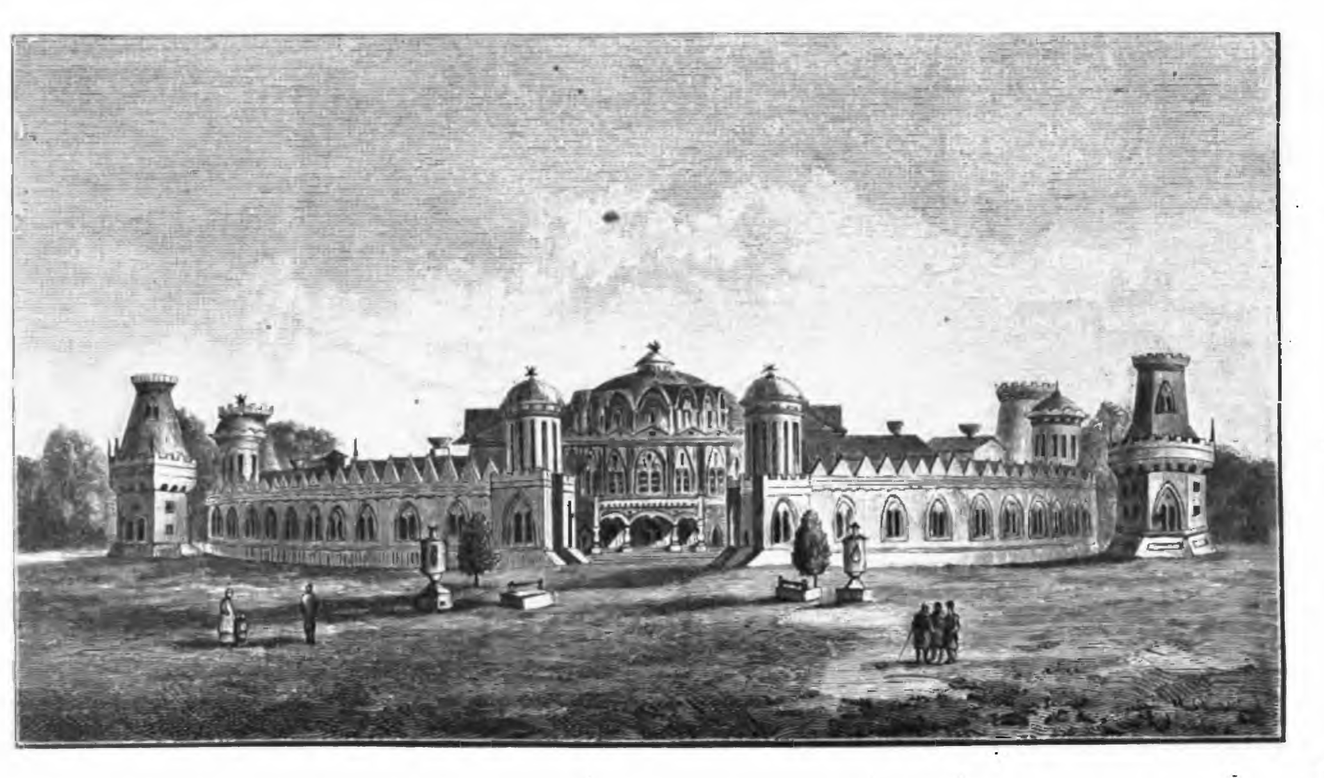
На мѣстѣ, гдѣ было воздвигнуто имъ колоссальное зданіе въ Кремлѣ, нѣкогда стояли палаты князя Трубецкого и упраздненныя церкви св. Козьмы-Даміана, Филиппа митрополита и Введенія во храмъ Богородицы.

Въ числѣ построекъ нехудожественныхъ и капитальныхъ, но важныхъ въ исторіи Москвы въ царствованіе Екатерины II на Красной площади, противъ Спасскихъ воротъ, было перестроено «Лобное мѣсто»; до этого оно было кирпичное съ деревянною рѣшеткой, которая запиралась желѣзнымъ засовомъ, имѣло навѣсъ или шатеръ на столбахъ; государыня приказала сдѣлать его изъ дикаго бѣлаго тесанаго камня, круглый помостъ его съ амвономъ оградить каменными перилами, а съ запада ступенчатый входъ съ желѣзною рѣшеткой и съ дверью.

Позднѣе, при императорѣ Павлѣ I, московское купечество хотѣло здѣсь поставить подъ куполомъ огромный крестъ съ изображеніемъ страстей Христовыхъ, рая и ада, также св. мѣстъ Іерусалима, хранящійся въ соборной церкви Срѣтенскаго монастыря, но почему-то этотъ планъ не осуществился, хотя проектъ и былъ одобренъ митрополитомъ Платономъ.

Лобное мѣсто издревле имѣло религіозное и государственное значеніе; сюда ставились приносимые въ Москву св. мощи и образа, здѣсь служились молебны, здѣсь объявлялись указы народу и отсюда народъ узнавалъ объ избираемыхъ на царство царяхъ, отсюда патріархъ раздавалъ народу свое благословеніе и здѣсь же совершались казни, вѣроятно, по мѣсту, недалекому отъ застѣнка, который помѣщался въ Константиновской башнѣ. При Петрѣ I Лобное мѣсто было обставлено головами стрѣльцовъ, воткнутыми на колъ, и только при Петрѣ II, по указамъ 1727 г. іюня 10-го и сентября 17-го, сняты висѣлицы и столбы, на которыхъ были тѣла казненныхъ. Лобное мѣсто получило свое названіе по валявшимся тамъ черепамъ. Но полагаютъ также, что названіе это произошло и отъ возвышеннаго мѣста, каѳедры (lobium), съ которой нерѣдко цари говорили съ народомъ.

Отсюда Іоаннъ Грозный торжественно просилъ прощенія у земли и обѣщалъ, въ присутствіи митрополита и депутатовъ государства, быть судьею и обороной своихъ подданныхъ; тамъ же онъ, въ 1570 г., объявлялъ свой судъ надъ обвиненными боярами; отсюда Василій Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ; съ этого же



Петровскій дворецъ въ Москвѣ.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

мѣста Лжедмитрій просилъ дозволенія оправдаться ему передъ народомъ; съ Лобнаго же мѣста, патріархъ въ Вербное воскресенье, по совершеніи молебствія, ѣхалъ до соборной церкви на осляти, ведомомъ царемъ. У Лобнаго же мѣста бывало самое раннее весеннее гулянье въ Лазареву субботу; называлось оно «Подъ вербою».

Архитекторъ М. Ѳ. Казаковъ.
Съ гравированнаго портрета Аѳонасьева (Изъ собранія Д. А. Ровинскаго).

Здѣсь была небольшая ярмарка, на которой продавалась верба для наступающаго праздника недѣли Ваій или Входа во Іерусалимъ; придѣльный храмовой праздникъ этого дня былъ въ Покровскомъ соборѣ, извѣстномъ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго. Съ Лобнаго мѣста нанимались попы служить обѣдни въ домовыя церкви.

У Лобнаго мѣста при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стояли пушки и былъ царевъ кабакъ, называемый «Подъ пушками». На этомъ же Лобномъ мѣстѣ была поставлена на эшафотѣ палачемъ Салтычиха въ саванѣ, со свѣчею въ рукѣ, съ листомъ на груди, на которомъ было написано: «мучительница и душегубица». Салтычиха, Дарья Михайловна, была вдова Салтыкова и по связямъ покойнаго своего мужа принадлежала къ самымъ знатнымъ людямъ того вѣка; загублено ею было крестьянъ и дворовыхъ людей до 138 душъ.

Гнѣвъ Салтычихи происходилъ только отъ одной причины,—за нечистое мытье бѣлья или половъ. Побои Салтыкова наносила собственноручно палкою, скалкою, полѣньями, или при ея глазахъ несчастныхъ добивали плетями ея конюхи и гайдуки.

Замѣчательно, что сердце этой ужасной женщины было доступно любви: она питала самую нѣжную, сердечную любовь къ инженеру Тютчеву. Жила эта тигрица въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на углу Кузнечнаго моста и Лубянки. Дѣло Салтычихи тянулось шесть лѣтъ. Салтычиха отъ всего отпиралась, говоря, что всѣ доносы были сдѣланы на нее изъ злобы. Судья просилъ императрицу, чтобы она дозволила употребить надъ ней пытку; государыня не согласилась, но только приказала передъ глазами Салтычихи произвесть пытку надъ кѣмъ нибудь изъ осужденныхъ, но и это не привело послѣднюю къ раскаянію. Но, наконецъ, «душегубицу и мучительницу» приказано было заключить въ подземную тюрьму подъ сводами церкви Ивановскаго монастыря, пищу приказано ей было подавать туда со свѣчею, которую опять гасить, какъ скоро она наѣстся. Пищу подавалъ ей солдатъ, сперва въ окно, потомъ въ дверь.

По сказанію старожиловъ, отъ своего тюремщика она родила ребенка. Салтычиха была въ старости очень толстая женщина, и когда народъ приходилъ смотрѣть въ окошечко, самовольно отдергивая зеленую занавѣсочку, желая посмотрѣть на злодѣйку, употреблявшую, по общей молвѣ, въ пищу женскія груди и младенцевъ, то Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое въ лѣтнюю пору окошечко. Салтычиха была заключена въ склепѣ тридцать три года, умерла въ 1800 году и похоронена въ Донскомъ монастырѣ. Застѣнокъ, въ которомъ она сидѣла, разобранъ, вмѣстѣ съ церковью, въ 1860 году.

Въ царствованіе Екатерины II отправленіе карательнаго правосудія, съ принесеніемъ публичнаго покаянія, совершалось какъ на Лобномъ мѣстѣ, такъ и на улицахъ Москвы. Государыня такими

гласными обрядами хотѣла дѣйствовать на духъ и нравственность народа, возбуждая омерзеніе къ ужаснымъ преступленіямъ. Изъ такихъ примѣровъ извѣстенъ былъ въ 1766 году еще одинъ, когда по московскимъ улицамъ, при громадномъ стеченіи народа, отрядъ солдатъ съ заряженными ружьями, со священникомъ съ крестомъ,

Наталья Ѳедоровна Лопухина.
Съ портрета принадлежащаго князю А. Б. Лобанову-Ростовскому.

провожалъ босыхъ, скованныхъ мужчину и женщину, въ саванахъ, съ распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убійцы своей матери и сестры.

Они останавливались предъ дверьми Успенскаго собора, передъ церквями св. Петра и Павла въ Басманной, Параскевы Пятницы

на Пятницкой, у Николы Явленнаго на Арбатѣ и т. д. Тамъ читался имъ манифестъ.

Преступники, стоя на колѣняхъ, должны были прочесть сочиненную на этотъ случай молитву и неоднократно повторять предъ народомъ покаяніе. Въ екатерининское время Тайная канцелярія была уничтожена, но вскорѣ открылась «Тайная экспедиція», что было одно и то же. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія сторожилы московскіе еще помнили желѣзныя ворота этой «тайной», гдѣ караулъ стоялъ во внутренности двора; страшно было, говорили, ходить мимо нихъ. Въ застѣнкахъ и каменныхъ мѣшкахъ содержались заподозрѣнные и оговоренные люди въ кандалахъ, колодкахъ и нерѣдко съ кляпомъ во рту. Туда не допускались ни родные, ни знакомые, ворота отпирались только при особенныхъ случаяхъ или рано утромъ, или поздно ночью. Мѣста заключенія назывались встарину «порубами», «ямами», погребами, каменнымъ мѣшкомъ, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь. Въ Константиновской башнѣ, по стѣнѣ Московскаго Кремля, къ ней ведущей, существуетъ по сейчасъ крытый корридоръ съ узенькими окошечками, гдѣ содержались приговоренные къ пыткѣ съ заклепанными устами, которыя расклепывались для отвѣта и для принятія скудной пищи, и прикованные къ стѣнѣ, въ которой были желѣзные пробои и кольца.

Употребительнѣйшая изъ пытокъ въ то время была дыба или виска: истязуемому завертывали и связывали назадъ руки веревкою, за которую поднявъ кверху на блокѣ, утвержденномъ на потолкѣ, вывертывали руки изъ суставовъ, а къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на которыя становился палачъ и подпрыгивалъ, увеличивая мученія истязуемыхъ.

Кости, выходя изъ суставовъ, хрустѣли, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. Въ такомъ положеніи пытаемаго часто били кнутомъ по обнаженной спинѣ такъ, что кожа лоскутьями летѣла, и послѣ еще встряхивали по спинѣ зажженнымъ вѣникомъ.

Когда снимали съ дыбы, палачъ вправлялъ руки въ суставы, схвативъ за руки и вдругъ дернувъ на-передъ.

Иногда, для вынужденія признанія у преступника, передъ нимъ пытали «на заказъ» другого злодѣя, дабы тѣмъ вынудить правду у обвиняемаго, также кормили подозрѣваемаго соленымъ и сажали его въ жарко натопленную баню, не давая ему пить до тѣхъ поръ, пока не вымучатъ признанія, часто ложнаго.

При истязаніяхъ сѣкли иногда и сальными свѣчами; послѣднія причиняли ужасное мученіе. Допрашивали «подлинную» также подлинниками или смоляными кнутами, къ хвостамъ которыхъ прикрѣплялись кусочки свинца. Наказывали кнутомъ преступника, положивъ его на спину другого. Аббатъ Шапдатрошъ [17]) приводитъ въ своемъ путешествіи описаніе такого наказанія надъ Натальей Лопухиной, статсъ-дамой, первой красавицей своего времени, въ царствованіе Елисаветы Петровны, за участіе въ заговорѣ маркиза Ботта.

«Простая одежда, говоритъ онъ,—придавала новый блескъ ея прелестямъ. Одинъ изъ палачей сорвалъ съ нея небольшую епанчу, покрывавшую грудь ея; стыдъ и отчаяніе овладѣли ею, смертельная блѣдность показалась на челѣ ея, слезы полились ручьями. Вскорѣ обнажили ее до-пояса въ виду любопытнаго, молчаливаго народа; тогда одинъ изъ палачей нагнулся, между тѣмъ другой схватилъ ее руками, приподнялъ на спину своего товарища, наклонилъ ея голову, чтобы не задѣть кнутомъ. Послѣ кнута ей отрѣзали часть языка».

Екатерина II запретила наказывать на спинахъ другихъ, а приказала дѣлать на станкѣ и козѣ. Въ застѣнкахъ нерѣдко истязуемаго подымали на блокѣ вверхъ, разводили подъ нимъ огонь и мучили его жаромъ и дымомъ или привязывали его на колъ, такъ что можно было его вертѣть надъ огнемъ, какъ жаркое на вертелѣ, Для вывѣдыванія тайны также забивали подъ ногти спицы или гвозди; это называлось: «вывѣдать всю подноготную».

При Биронѣ иногда виновныхъ бросали съ камнемъ въ рѣку, чтобы «слѣдъ простылъ». Ранѣе этого такъ казнили отцеубійцъ на Руси: связавъ имъ руки и привѣсивъ камень или надѣвъ на голову куль, кидали въ воду. Также, по преданію народному, ихъ живыми опускали на дно могилы, а на нихъ ставили гробъ съ тѣломъ убитаго и такимъ образомъ засыпали землей.

За поддѣлку денегъ лили въ горло олово и отсѣкали руки. При Петрѣ I было введено колесованіе, заимствованное отъ шведовъ, и вѣшаніе за ребра—колесовали разбойниковъ и вѣшали за ребра воровъ; за поджоги и колдовство сжигали живыми. Послѣднюю казнь несли также еретики и неудачные врачи. Къ жесточайшимъ мукамъ причисляли также литье воды по каплямъ на обритую голову, при чемъ на уши клали горячіе угли.

Противъ тайнаго судилища на площади стояло, въ екатерининское время, низенькое каменное зданіе вольной типографіи, содержателемъ которой былъ извѣстный Н. И. Новиковъ.

Кромѣ этой типографіи у Новикова было еще двѣ, одна въ Армянскомъ переулкѣ, въ домѣ, теперь занимаемомъ Лазаревскимъ институтомъ, и другая—у Сухаревой башни, въ домѣ Генрихова; у Новикова была еще и четвертая, тайная; послѣдняя помѣщалась въ одномъ изъ его домовъ.

Другая тайная типографія масоновъ была у И. В. Лопухина. О Новиковской типографіи упоминаетъ князь Трубецкой въ письмѣ къ неизвѣстному петербургскому брату-масону.

«Увѣдомляю тебя, мой другъ, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографію, въ которой нужныя переведенныя книги для братьевъ печататься будутъ. Бр. Новиковъ посылаетъ тебѣ при семъ начатыя въ оной печататься книги: «О молитвѣ» и «Духъ масонства». Сокрывай оныя отъ всѣхъ, а употребляй только самъ для своего чтенія и познанія».

Изъ тайной же типографіи московскихъ масоновъ вышла по всей вѣроятности и книга, которую Сопиковъ называетъ рѣдчайшею (6211), именно «Божественная и истинная метафизика» Пордеча, вышедшая безъ означенія года и мѣста печати. Во второй типографіи печатались на французскомъ языкѣ небольшіе сборники условныхъ масонскихъ знаковъ, ударовъ и т. д., и здѣсь же, у Лопухина, былъ отпечатанъ и его «Catechisme moral pour les vrais» F. M. 5790. Катехизисъ этотъ, какъ говоритъ Лопухинъ, онъ отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ [18]).

Въ числѣ домовъ Новикова въ Москвѣ былъ, теперь извѣстный своею доходностью и обширностью, такъ называемый Шиповъ домъ и зданіе нынѣшнихъ Спасскихъ казармъ. Новиковъ, помимо домовъ, имѣлъ обширную книжную лавку въ Москвѣ и комиссіонеровъ въ шести губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Новиковъ имѣлъ въ Москвѣ много друзей, въ числѣ которыхъ были самые вліятельные люди, какъ, напримѣръ, московскій главнокомандующій князь Долгоруковъ-Крымскій, преемникъ его графъ З. Г. Чернышевъ, гр. П. Панинъ, московскій кураторъ университета Херасковъ и мн. другіе.

Послѣдній и далъ возможность снять Новикову въ аренду типографію Московскаго университета и издавать «Московскія Вѣдомости»; при Новиковѣ послѣднія, вмѣсто малой четверки, стали печататься въ большую и въ двѣ колонны и выдаваться по средамъ и субботамъ. Въ кабинетѣ этого содержателя типографіи стали собираться вельможи и профессора и люди замѣчательные по своимъ дарованіямъ; одни содѣйствовали успѣхамъ россійской

словесности своимъ вліяніемъ, другіе своими трудами и совѣтами. «Вѣдомостей» тогда расходилось уже до 4,000 экземпляровъ.

Желая пріохотить публику къ чтенію, онъ завелъ первую въ Москвѣ библіотеку для чтенія, открытую въ его домѣ у Никольскихъ воротъ, для безденежнаго пользованія всѣми желающими. Книжная дѣятельность Новикова росла, типографскіе станки работали безъ устали, Москва зажила сильнымъ литературнымъ движеніемъ.

Н. И. Новиковъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета Боровиковскаго.

Когда было назначено освидѣтельствованіе книгъ, находящихся въ магазинахъ Новикова, то реестръ показалъ, что ихъ было 362 книги разнаго названія, 3 названія отпечатанныхъ, но не поступившихъ въ продажу, и 55 названій еще печатавшихся въ его типографіяхъ. Но скоро гроза постигла Новикова, общество мартинистовъ обратило на себя вниманіе правительства и въ числѣ первыхъ такихъ жертвъ былъ Новиковъ и его близкій другъ Ив. Вл. Лопухинъ. Главнокомандующій тогда въ Москвѣ князь Ал. М. Прозоровскій приказалъ книжные магазины и типографію

Новикова запечатать и 11-го февраля 1793 г., по указу Екатерины II, всѣхъ новиковскихъ изданій было сожжено 18,656 книгъ. Лопухина сослали на жительство въ деревню, Новикова же постигла участь болѣе тяжкая.

Онъ жилъ тогда въ деревнѣ своей и сильно скучалъ, предчувствуя еще большую бѣду и, какъ разсказывали его дѣти, нѣсколько дней сряду прилеталъ на крышу его дома воронъ и зловѣщимъ своимъ крикомъ не давалъ покоя ни хозяину, ни его семейству. Вскорѣ Новиковъ былъ арестованъ, взятъ подъ стражу и привезенъ въ Москву, гдѣ содержался три недѣли. За Новиковымъ въ село его «Авдотьино» былъ посланъ цѣлый эскадронъ полицейскихъ драгунъ, подъ начальствомъ князя Жевахова.

По этому случаю графъ К. Г. Разумовскій сказалъ князю Прозоровскому:

— Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ! Старичонка, скорченнаго гемороидами, взялъ подъ караулъ. Да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащили бы его.

Для слѣдствія надъ Новиковымъ присланъ былъ въ Москву извѣстный Шешковскій и послѣ вопросныхъ пунктовъ, данныхъ имъ Новикову, на которые онъ отвѣчалъ удовлетворительно, ему была предложена подписка въ томъ, что онъ отказывается отъ своихъ убѣжденій и признаетъ ихъ ложными. Новиковъ не согласился дать подписку и былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ; по просьбѣ его, ему было дозволено взять съ собою одну книгу—Библію, которую онъ читалъ во время своего заточенія и выучилъ всю наизусть.

Въ Шлиссельбургѣ сначала содержали его очень строго, но впослѣдствіи императрица дозволила ему прогуливаться внутри крѣпости. Тамъ Новиковъ содержался до вступленія на престолъ Павла I. О судьбѣ Новикова въ Москвѣ ходили разные тайные слухи. Такъ, въ дневникѣ А. Т. Болотова находимъ подъ числомъ 12-го января 1796 года:

«Славнаго Новикова и домъ, и все имѣніе, и книги продаются въ Москвѣ изъ магистрата, съ аукціона—и типографія, и книги, и все. Особливое нѣчто значило. Повидимому, справедливъ тотъ слухъ, что его нѣтъ уже въ живыхъ, — сего возстановителя литературы».

Послѣ Новикова университетская типографія поступила на откупъ къ извѣстному въ свое время архитектору, ученику и помощнику Баженова, Василію Ивановичу Окорокову, съ его родственникомъ Цвѣтушкинымъ. Въ это время типографія и книжная

и газетная лавка перемѣщены были отъ Воскресенскихъ воротъ на Тверскую, въ домъ бывшей межевой канцеляріи, который впослѣдствіи былъ пожалованъ Екатериною II московскому университету.

Съ этого времени и Вражскій Успенскій переулокъ, идущій съ Тверской на Никитскую улицу, сталъ называться «Газетнымъ», потому что въ немъ была первая газетная лавка, гдѣ подписчикамъ раздавались московскія газеты.—Впослѣдствіи тамъ, гдѣ была книжная лавка, существовала церковь университетскаго благороднаго пансіона.

По возвращеніи изъ Шлиссельбурга Новиковъ по зимамъ жилъ въ Москвѣ, а лѣтомъ въ селѣ Авдотьинѣ; пріѣхалъ онъ изъ ссылки дряхлымъ старикомъ, въ разодранномъ тулупѣ. Московскіе старожилы, жившіе еще въ пятидесятыхъ годахъ, хорошо помнили старика Новикова, ходившаго съ палкой, въ гороховомъ широкомъ сюртукѣ, черномъ бархатномъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ. Черные волосы его, уже тогда рѣдкіе на лбу и на вискахъ, зачесанные назадъ, открывали красивый его лобъ, брови его дугою, орлиный носъ; нижняя часть лица, выражала кротость и добродушіе.

Вотъ какъ описала наружность Новикова княгиня Е. Р. Дашкова въ письмѣ къ Ив. В. Лопухину:

«Мнѣ онъ тотчасъ же бросился въ глаза и я бы тотчасъ его узнала, безъ всѣхъ вашихъ рекомендацій, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакамъ съ черными особенно глянцовитыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я какъ-то боюсь его; въ его прекрасномъ лицѣ есть что-то тайное».

Всегдашнимъ спутникомъ Новикова въ прогулкахъ по улицамъ Москвы былъ его душевный другъ, тоже масонъ, бывшій правитель канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ графа Чернышева О. И. Гамалѣя; послѣдній былъ небольшого роста, имѣлъ высокій лобъ, маленькіе глаза, съ нависшими бровями; въ обществѣ былъ молчаливъ, отчего казался суровымъ, но у себя въ кабинетѣ былъ очень ласковъ и словоохотливъ, говорилъ очень убѣдительно и съ одушевленіемъ.

Вышедши въ отставку, онъ не имѣлъ ничего и потому былъ приглашенъ Новиковымъ жить у него въ деревнѣ, гдѣ къ окошку его комнаты приходило множество нищихъ, и онъ всегда самъ выходилъ на крыльцо, разговаривалъ съ ними и раздавалъ мѣдныя деньги. Гамалѣя получалъ пенсіи сто рублей въ годъ; въ службѣ онъ былъ безкорыстенъ и никогда никто не смѣлъ ничего пред-

ложить ему въ знакъ благодарности. Разсказываютъ, что одинъ богатый московскій купецъ, будучи чѣмъ-то ему обязанъ, хотѣлъ угостить его обѣдомъ, и узнавъ, что онъ любитъ рыбный столъ, доставъ лучшую и рѣдкую рыбу, онъ позвалъ своихъ знакомыхъ и пригласилъ Гамалѣя; послѣдній принялъ его приглашеніе только съ условіемъ, чтобы весь столъ былъ приготовленъ изъ любимой его рыбы, самой дешевой плотвы.

Купецъ понялъ намѣреніе честнаго Гамалѣя, отказалъ своимъ гостямъ и долженъ былъ съ нимъ вдвоемъ ѣсть плотву, которой, можетъ, и вкусу до того времени не зналъ.

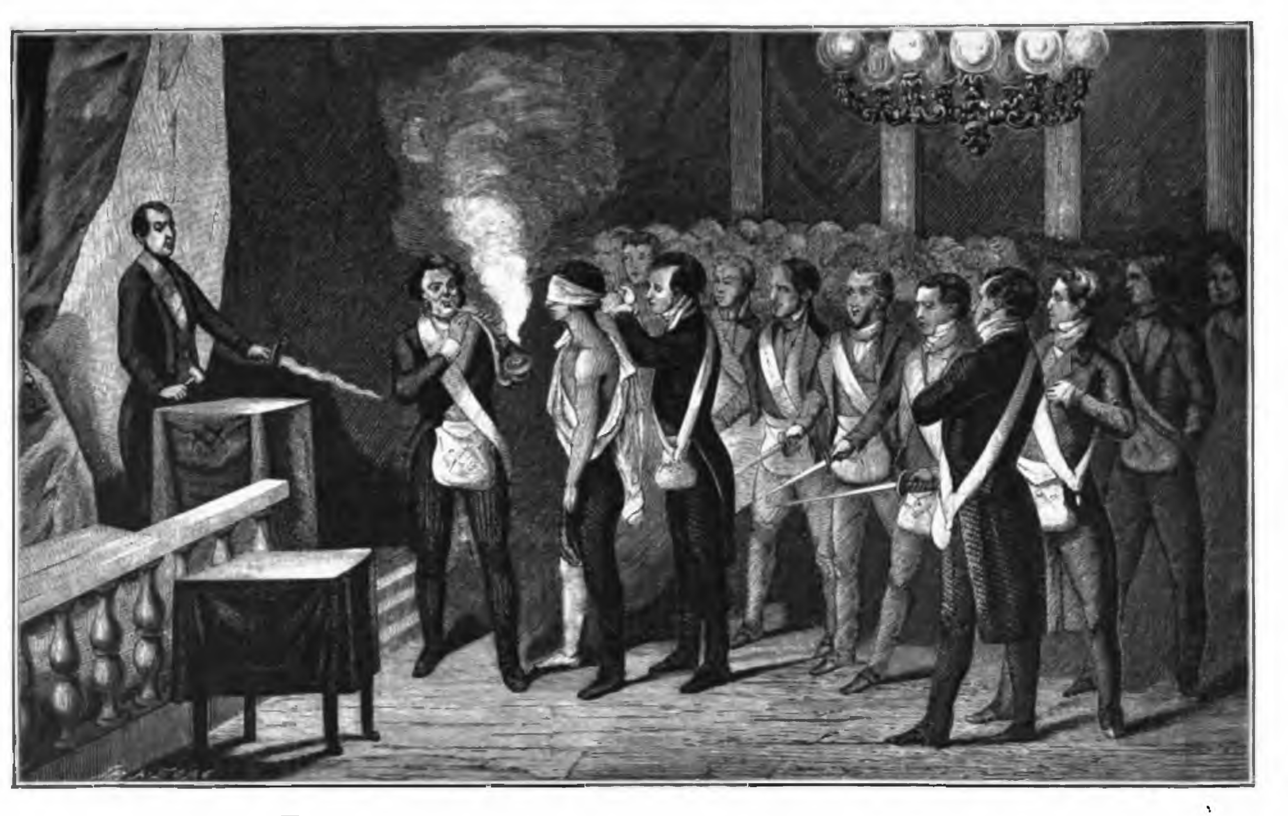
Самъ Новиковъ былъ такой же глубоко-религіозный и чисто-нравственный человѣкъ, какъ и другъ его; про него выразился митрополитъ Платонъ: «дай Богъ, чтобы во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ». Новиковъ обладалъ огромными талантами, образованіемъ и благороднѣйшимъ характеромъ; онъ былъ главою кружка московскихъ масоновъ; лучшіе люди его времени, какъ напримѣръ: графъ Чернышевъ, Лопухинъ, Репнинъ, Тургеневъ; митрополиты: Платонъ, Михаилъ (Десницкой) и Серафимъ (Глаголевской), считали его своимъ другомъ.

Новиковъ умѣлъ адептамъ своимъ словомъ внушать подвиги чисто христіанской братской любви.

Извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій случай, когда въ Москвѣ былъ голодъ и на съѣстные припасы стояла неслыханная дороговизна. Въ одномъ изъ собраній своего общества, бѣдствія неимущаго класса были описаны имъ такъ краснорѣчиво, что одинъ изъ слушателей всталъ, подошелъ къ оратору и прошепталъ ему что-то на ухо; это былъ человѣкъ не старый, извѣстный богачъ премьеръ-маіоръ Григ. Мак. Походяшинъ [19]). Рѣчь Новикова такъ сильно на него подѣйствовала, что онъ тутъ же отдалъ на помощь бѣднымъ все свое огромное состояніе.

На деньги этого богача Новиковымъ была открыта безденежная раздача хлѣба неимущимъ въ Москвѣ; это изумило всѣхъ москвичей, хотя и привыкшихъ къ благотворительнымъ дѣйствіямъ Новикова. Никто не могъ понять, откуда взялись средства къ такому благодѣянію, когда четверть ржи стоила двадцать рублей.

Съ этой минуты добровольно разорившійся Походяшинъ исполнился какого-то благоговѣнія къ Новикову. Въ Москвѣ думали, что онъ разорился на леченіе своей жены, и только впослѣдствіи узнали настоящую причину его бѣдности. Походяшинъ пережилъ Новикова; надъ смертнымъ одромъ его висѣлъ портретъ Новикова, и смотрѣть на него было единственнымъ утѣшеніемъ человѣка,



Пріемъ въ масонскую ложу вновь поступающаго члена.
Съ старинной гравюры.

жившаго когда-то въ роскоши и умиравшаго на чердакѣ, въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Просвѣщеннѣйшіе москвичи весьма сочувственно относились къ дѣятельности Новикова и были усерднѣйшими его адептами. Но не смотря на всѣ добрыя дѣла московскихъ масоновъ и очевиднѣйшую ихъ благонамѣренность, въ тогдашнемъ обществѣ объ нихъ ходила самая дурная слава.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ такой дурной славы, безъ сомнѣнія, должно считать ту таинственность, въ которую ихъ ученіе облекало всѣ собранія. Державинъ говоритъ о своей теткѣ Блудовой, считающей появившихся въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умервщвляютъ, и тому подобныя бредни.

Про масоновъ говорили также, что въ ихъ обществѣ мужчины и женщины живутъ всѣ безразлично одни съ другими, что члены ихъ дурачатъ идіотовъ и обираютъ ихъ, что они идолопоклонники, служенія свои производятъ на высотахъ или подвалахъ, причемъ исполняютъ многіе магическіе обряды, проводятъ на землѣ черты и фигуры, разводятъ огни, дѣлаютъ заклинанія, клянутся на мертвой головѣ, спятъ въ гробахъ со скелетами и проч.

Разсказывали также про обряды посвященія, что брали при этомъ клятвы служить дьяволу. Также порицали всѣ знаки и непонятныя слова для профановъ при встрѣчахъ и при разговорахъ масоновъ другъ съ другомъ.

Но вотъ кто были эти страшные московскіе масоны или мартинисты, во главѣ которыхъ стоялъ Новиковъ. По словамъ записки Карамзина, составленной для того, чтобы напомнить о печальной судьбѣ семейства Новикова, они были не что иное, какъ христіанскіе мистики; толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ государю.

Помимо этого, мартинисты имѣли и другое глубокое значеніе: они проповѣдывали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталовъ въ пользу благотворительности бѣднымъ и несчастнымъ, и заботились объ устройствѣ больницъ, аптекъ и школъ. Нравственная сторона ихъ ученія заслуживаетъ полной симпатіи; она вполнѣ объяснена въ катехизисѣ П. В. Лопухина, отпечатан-

Посвященіе въ масоны.

Съ старинной англійской гравюры.

номъ на французскомъ языкѣ и въ другихъ масонскихъ сочиненіяхъ.

Наклонность къ мистицизму, составлявшему одно изъ существенныхъ качествъ масоновъ, была характеристическую чертою вѣка; мистицизмъ возникъ въ противовѣсъ крайнему ученію энциклопедистовъ.

Существуетъ разсказъ, что глубоко-религіозный Новиковъ былъ выбранъ друзьями-масонами безъ всякихъ предварительныхъ объясненій. Однажды посѣщавшіе его пріятели собрались къ нему въ извѣстномъ числѣ и послѣ небольшого вступленія, не требуя отъ него обѣта, прочли ему принятіе и, противъ ожиданія, его поздравили членомъ своего общества.

— Мы знаемъ тебя, говорили они,—знаемъ, что ты честный человѣкъ, и увѣрены, что не нарушишь тайны.

Общество, въ которое введенъ Новиковъ, составляло «Великую провинціальную ложу», мастеромъ которой былъ И. П. Елагинъ, секретаремъ ложи извѣстный стихотворецъ В. И. Майковъ [20]). Между московскими масонами, въ первое время по открытіи ложъ, находилось много людей, серьезно преданныхъ благу человѣчества, желавшихъ распространенія просвѣщенія и благотворительности.

Но позднѣе, въ павловское и александровское время, принадлежать къ масонамъ было лишь простою модой, завезенною изъ-за границы и большинство свѣтскихъ людей вступало въ ложу лишь ради заманчивой таинственности и тѣснаго равенства, соединяющихъ между собою вообще масоновъ, не смотря на различіе сословій и національностей.

Избраніе такихъ «профановъ» въ первую степень масона «шотландскаго ученика» въ ложахъ сопровождалось разными таинственными пріемами. Посвященнаго съ завязанными глазами, полураздѣтаго, съ оголеннымъ плечомъ и рукою водили по подземельямъ, заставляли клясться на библіи и мечѣ, окружали остріями мечей, ставили на кабалистическій треугольникъ или коверъ, клали въ гробъ, заставляли переплывать воду или пробѣгать черезъ огонь и т. д.

Въ концѣ концовъ испытываемому вручали передникъ и перчатки и давали еще небольшой ключъ изъ слоновой кости, отпирающій дверь ложи; при этомъ шотландскому ученику сообщался пароль или слово, по которому онъ узнавалъ брата-масона; помимо этого объяснялись также ему, какъ дѣлать рукопожатіе и другіе знаки при встрѣчахъ съ незнакомыми братьями-масонами.

Масоны позднѣйшей уже, Александровской эпохи, любили носить различные знаки, въ видѣ булавокъ, брелокъ, перстней съ

мертвой головой и т. д. Одно время отличительнымъ признакомъ всякаго масона былъ длинный ноготь на мизинцѣ. Такой ноготь носилъ и Пушкинъ; по этому ногтю узналъ, что онъ масонъ, художникъ Тропининъ, придя рисовать съ него портретъ. Тропининъ передавалъ покойному князю М. А. Оболенскому, у котораго этотъ портретъ хранился, что когда онъ пришелъ писать и увидѣлъ на рукѣ его ноготь, то сдѣлалъ ему знакъ, на который Пушкинъ ему не отвѣтилъ, а погрозилъ ему пальцемъ. Это безспорно лучшій портретъ нашего поэта принадлежитъ теперь дочери князя М. А. Оболенскаго, княгинѣ А. М. Хилковой.

Каждый вступающій въ масоны въ екатериненское время предъ введеніемъ въ ложу обязанъ былъ клятвенно обѣщать исполнить наистрожайше слѣдующее: 1) Прилежное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ. 2) Непоколебимую вѣрность и покорность своему государю, съ особливою обязанностью охранять престолъ его не только по долгу общей вѣрноподданнымъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства, и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все ѣному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противъ властей державныхъ. 3) Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своей религіи и т. д. (только одни христіане могли быть выбраны въ масоны).

Затѣмъ слѣдовало «пріуготовленіе».

Въ назначенной комнатѣ приготовлялось три стола, покрытые одинъ чернымъ, другой бѣлымъ, третій желтымъ; на первомъ лежала Библія, раскрытая на 6 и 7 главахъ книги премудрости Соломоновой, знакъ рыцаря, т. е. крестъ въ сердцѣ, обнаженный мечъ, погашенный свѣтильникъ, кость мертвой головы, надъ которой зажженная лампада, небольшой сосудъ съ чистою водою и дощечка съ надписью: «Познай себя, обрящеши блаженство внутрь тебя сущее». На второмъ столѣ полагалось изображеніе пламенной звѣзды, а на третьемъ рукомойникъ съ водою, бѣлыя перчатки и мастерская золотая лопатка.

Введеніе профана къ пріуготовленію:

Онъ вводился съ завязанными глазами, въ мантіи, на которой изображено на лѣвой сторонѣ обвитое змѣемъ сердце, посреди сердца—малый свѣтъ, еще помраченный тьмою. Затѣмъ слѣдовала первая бесѣда — братъ-вводитель обращался къ вводимому съ вопросами: восчувствовалъ ли онъ, что тьма его окружаетъ, истинно ли

Посвященіе въ мастера масонской ложи.
Съ старинной гравюры.

желаетъ искать премудрости? и т. п., и потомъ надѣвалъ на него знакъ рыцаря, прикрѣпленный къ шнурку, на которомъ пять узловъ—въ ознаменованіе, что онъ долженъ обуздать свои чувства. Вторая бесѣда — поступающій въ общество долженъ омыть свои глаза и тутъ же ему вручается мечъ на борьбу съ царствомъ тьмы и возженный свѣтильникъ для освѣщенiи пути къ храму премудрости. Третья бесѣда — вмѣсто прежней надѣвается на него другая мантія, у которой лѣвая сторона бѣлая, съ изображеніемъ кровоточиваго сердца, окруженнаго лучами свѣта; правая же сторона мантіи темная. Кандидатъ омываетъ руки, надѣваетъ бѣлыя перчатки и вводитель привѣшиваетъ ему лопатку.

Принятіе. Вводитель стучится въ двери къ предсѣдателю, и на вопросъ: «кто тамъ?» братъ обрядоначальникъ отвѣчаетъ: «Испытанный, омовенный, знаменіемъ избранія и ранами, на добромъ подвигѣ полученными, украшенный, желатель премудрости». «Таковому не должно и не можно воспретить входъ», отвѣчаетъ предсѣдатель. Кандидатъ входитъ и даетъ обѣщаніе стараться всѣми силами: 1) испрашивать премудрости отъ Бога, служить Ему и кланяться духомъ и истиною; 2) хранить душу и тѣло отъ оскверненія и прилежно убѣгать всего, что можетъ препятствовать наитію духа премудрости, ибо въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлесѣ, повиннемъ въ грѣхѣ; 3) любить ближнихъ и служить имъ желаніемъ, мыслями, словами, дѣлами, примѣромъ.

Послѣ разныхъ обрядовъ и наставленій, предсѣдатель даетъ ему золотое кольцо, съ вырѣзаннымъ внутри крестомъ и словами: «помни смерть»; рыцарскій знакъ надѣвается на него уже на розовой лентѣ, а мантія бѣлая; вмѣстѣ съ этимъ нарицается ему новое имя.

Выборы въ степени «учениковъ, братьевъ и мастеровъ» и въ другія высшія степени всегда зависѣли отъ собранія «Великой ложи». Всѣ масоны, не смотря на различіе національностей и положенія, были связаны между собою тѣсными узами.

Самыя торжественныя собранія у масоновъ происходили наканунѣ праздника Рождества Христова.

Въ этотъ вечеръ всѣ собирались во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, подъ предводительствомъ старшаго настоятеля, читались торжественныя рѣчи, затѣмъ садились за столъ, бесѣдовали «въ благоустройномъ веселіи и пѣніяхъ благочестивыхъ», продолжая это до самой полуночи. Какъ же скоро пробьетъ 12 часовъ, то по знаку настоятеля всѣ вставали и, воспѣвъ радостную пѣснь въ прославленіе Спасителя міра, закрывали собраніе.

Въ этотъ вечеръ дѣлался главнѣйшій сборъ деньгами на какую либо «чувствительнѣйшую помощь ближнимъ, во славу рождшагося Спаса».

Въ масонскихъ собраніяхъ XVIII вѣка пѣлись различные хоры и пѣсни, многіе изъ такихъ пѣсенъ сопровождались постукиваніемъ рюмокъ и стакановъ—рюмки и стаканы, употребляемые на масонскихъ банкетахъ, были особенной формы, съ толстымъ и крѣпкимъ дномъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ были еще живы два-три старика изъ придворныхъ пѣвчихъ, которые пѣвали въ былые годы масонскія пѣсни въ ложахъ. Сборникъ масонскихъ пѣсенъ былъ отпечатанъ тайно въ какой-то типографіи, съ обозначеніемъ города Кронштадта.

Въ Москвѣ масонскихъ ложъ существовало болѣе сорока. Первая изъ масонскихъ ложъ «Кліо» была основана въ 1763 году; есть извѣстіе, что императрица Екатерина II была попечительницей (tutrice) ложи Кліо [21]). Черезъ десять лѣтъ спустя въ Москвѣ была основана вторая ложа «Трехъ мечей» (Zu den drei Degen); въ этой ложѣ былъ мастеромъ извѣстный другъ Новикова—Шварцъ. Ложа располагала большими денежными средствами, которыя получила отъ графини Чернышевой. Въ 1774 году была основана третья ложа въ Москвѣ, пріѣзжими купцами-иностранцами, и носила она названіе «La Reunion des Etrangers». Въ 1775 году изъ Петербурга перенесены ложи: «Латоны» и «Горуса» (Horus), и въ этотъ же годъ, подъ управленіемъ Новикова, открыты четыре еще младшія ложи, гдѣ мастерами были: Лопухинъ, Гамалѣя, Кутузовъ и Ключаревъ, и въ этотъ же годъ была перенесена изъ Петербурга въ Москву «Ложа Озириса» и также основанъ въ Москвѣ орденъ «Тампліерства» барономъ Бенингсомъ. Ешевскій говоритъ [22]), что братья-масоны усомнились въ законности Бенингсова основанія и обращались чрезъ посредство ложи «Трехъ глобусовъ» къ герцогу Брауншвейгскому. Въ 1779 г. основаны ложи: «Аписа», «Трехъ христіанскихъ добродѣтелей» (zu den drei christichen Tugenden), «Трехъ Знаменъ» или «Матерь-ложа»; мастеромъ здѣсь былъ П. А. Татищевъ; подъ начальствомъ Татищева въ Москвѣ работали еще три другихъ масонскихъ ложи: въ одной изъ нихъ мастеромъ стула былъ сынъ Татищева, въ другой купецъ Таусенъ.

Около этого же времени въ Москвѣ, по показанію Новикова, были еще двѣ ложи «настоящихъ французскихъ»; въ одной изъ этихъ ложъ главнымъ двигателемъ былъ пріѣзжавшій въ то время въ Москву извѣстный графъ Каліостро.

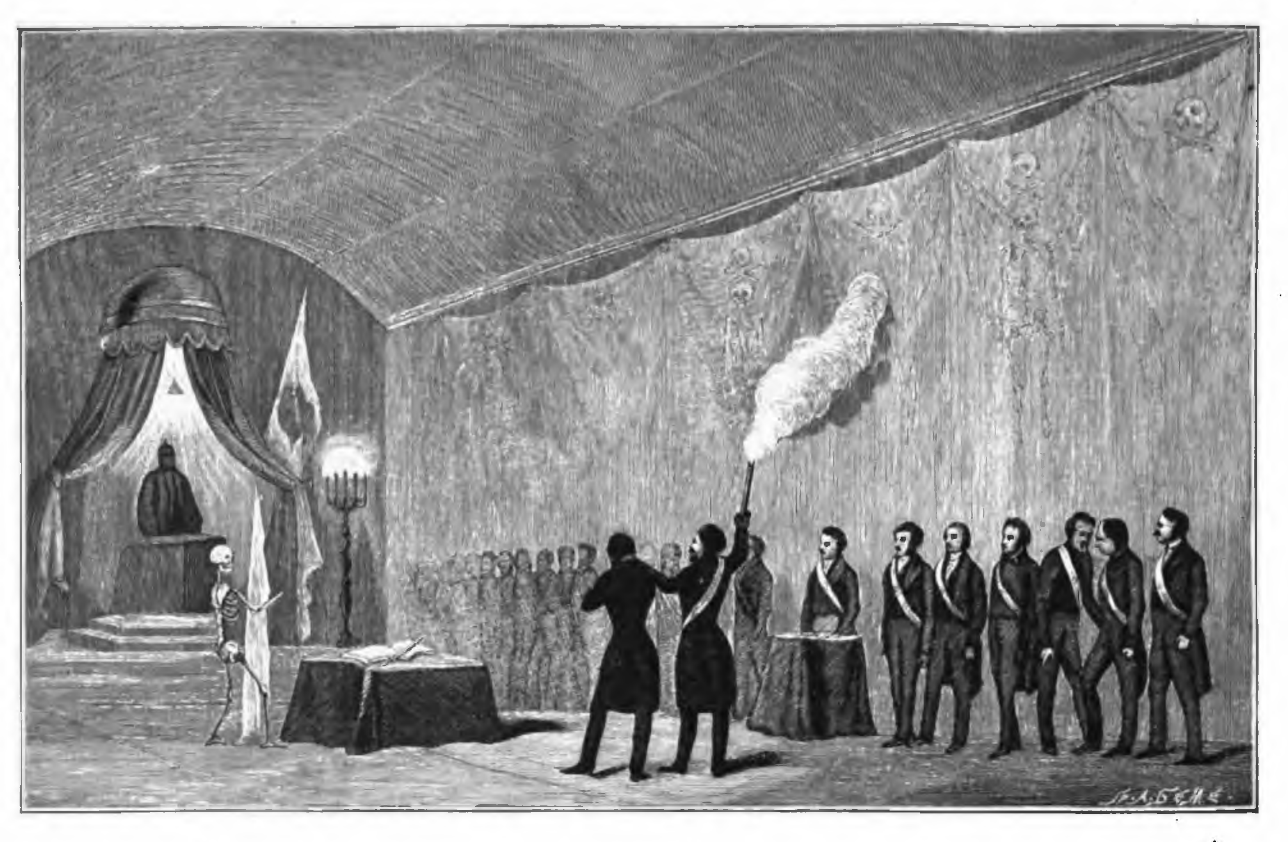
Въ 1786 году была въ Москвѣ еще эклектическая ложа «Гармонія», гдѣ соединялись «братья» разныхъ ложъ для лучшаго устройства русскаго масонства. Мастеромъ былъ въ ней извѣстный Шварцъ. Въ 1782 году, 21-го октября, была основана ложа «Девкаліона»; мастеромъ стула здѣсь былъ извѣстный Гамалѣя.

Въ 1783 году открывается въ Москвѣ ложа «Сфинкса»; подъ начальствомъ князя Гагарина, эта ложа была признана четвертой ложей-матерью. Въ 1784 году въ Москвѣ возникаетъ ложа «Блистающей звѣзды», подъ руководствомъ мастера стула И. Вл. Лопухина; затѣмъ ложа «св. Моисея», гдѣ мастеромъ былъ Ѳ. П. Ключаревъ, и ложа «Свѣтоноснаго треугольника», здѣсь мастеромъ стула былъ А. М. Кутузовъ, и въ этомъ же году, 1-го сентября, московскіе розенкрейцеры учреждаютъ «Типографскую компанію».

1785 и 1786 годъ для московскихъ масоновъ полны разныхъ тревогъ; въ эти годы масонство со стороны правительства подпадаетъ подъ строгій присмотръ. 23-го декабря выходитъ указъ Екатерины II къ митрополиту Платону и графу Брюсу объ испытаніи Новикова въ законѣ Божіемъ и разсмотрѣніи изданныхъ имъ книгъ; черезъ мѣсяцъ слѣдуетъ другой указъ московскому губернатору П. В. Лопухину объ осмотрѣ масонскихъ больницъ и школъ.

Въ этомъ году ходятъ въ московскомъ обществѣ упорные слухи, что нѣкоторыя масонскія собранія стали превращаться въ политическіе клубы; молва обвиняетъ въ якобинствѣ гр. Строганова, Репнина, Шувалова и еще нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. Въ 1786—1787 гг. московскіе розенкрейцеры просятъ покровительства у великаго князя Павла Петровича. Въ 1788 году основывается въ Москвѣ ложа «Пламенѣющей звѣзды» (zum flammenden Stern). Въ мартѣ 1790 г. опять гроза наступаетъ для масоновъ. Екатерина II поручаетъ князю Прозоровскому слѣдить безъ огласки за московскими масонами; въ слѣдующемъ году уже въ Москву пріѣзжаютъ гр. Безбородко и Архаровъ для развѣдыванія о масонахъ; въ ноябрѣ этого же года уничтожается типографская компанія.

Въ 1792 году, какъ мы выше уже упомянули, обыскъ типографіи Новикова и арестъ его самого и заключеніе въ крѣпость въ Шлиссельбургѣ. Затѣмъ строго слѣдятъ за всѣми масонами, дѣлаютъ обыски и идутъ аресты. Такъ, возвращавшихся изъ-за границы масоновъ Невзорова и Колокольникова сперва заключаютъ въ Невскій монастырь, а послѣ сажаютъ ихъ въ крѣпость.



Торжественное засѣданіе масонской ложи.
Съ старинной гравюры.

Въ 1793 году выходитъ указъ Екатерины объ истребленіи запрещенныхъ и вредныхъ новиковскихъ изданій; вслѣдствіе этого сожжено на Болотѣ руками палачей болѣе 18,656 книгъ.

Въ послѣдующемъ году и въ царствованіе императора Павла I въ Москвѣ о масонствѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, но несомнѣнно, что ложи за всѣ эти года дѣйствовали, но держались въ большой тайнѣ. Снова же масонскія ложи въ Москвѣ воскресаютъ уже въ царствованіе императора Александра Благословеннаго; въ числѣ первыхъ ложъ этой эпохи здѣсь извѣстны были «Ложа тройственнаго спасенія», основанная отъ «Астреи»; мастеромъ стула здѣсь былъ купецъ Розенштраухъ; ложа эта помѣщалась въ Демидовомъ переулкѣ, въ приходѣ Богоявленія Господня; «братьями» были здѣсь почти все иностранцы.

Затѣмъ въ то время не менѣе извѣстна также была ложа «Ищущихъ манны», гдѣ мастеромъ стула былъ С. П. Фонвизинъ, риторъ Ал. Ив. Поздѣевъ, извѣстный орловскій помѣщикъ Малоархангельскаго уѣзда; первый стуартъ былъ Вас. Львов. Пушкинъ. Въ 1822 году вышло запрещеніе тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ и затѣмъ въ 1829 г. новое подтвержденіе этого запрещенія. Но, кажется, не смотря на строгое запрещеніе, масонскія ложи тайно еще въ Москвѣ существовали, хотя въ крайне ограниченномъ числѣ.

Такъ, пишущему эти строки передавалъ извѣстный московскій старожилъ, директоръ московскаго архива, покойный князь М. А. Оболенскій, что еще въ концѣ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія гдѣ-то на Полянкѣ существовала тайно масонская ложа, гдѣ, по ходившимъ въ городѣ слухамъ, мастеромъ стула былъ извѣстный въ то время проповѣдникъ одной изъ церквей на Арбатѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ на Мясницкой улицѣ, напротивъ почтамта, въ домѣ бывшемъ Кусовникова, существовалъ цѣлый рядъ комнатъ со всѣми аттрибутами и украшеніями прежняго масонства. Владѣльцы этого дома, очень состоятельные, но скупые старики, мужъ съ женой, поселившіеся безъ прислуги въ домѣ тотчасъ по уходѣ французовъ изъ Москвы, съ переѣздомъ въ домъ и войдя въ первую изъ такихъ масонскихъ залъ, обитую всю чернымъ, со скелетомъ въ углу и съ ремешками на стѣнахъ, какъ они называли іероглифы, изъ суевѣрнаго страха и перепуга такъ и не рѣшились обойти всѣхъ комнатъ, а заблагоразсудили заколотить двери навсегда.

Оригиналы-старики прожили въ домѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, ни разу не переступивъ порога таинственныхъ и страшныхъ комнатъ формазоновъ.

А. А. Мартыновъ [23]) говоритъ, что домъ Кусовниковыхъ ранѣе болѣе 80-ти лѣтъ былъ во владѣніи Измайловыхъ, и позднѣе, когда перешелъ къ послѣднимъ владѣльцамъ, то многіе годы являлъ собою видъ запустѣнія и одичалости въ центрѣ московскаго движенія: ворота его рѣдко растворялись, на дворѣ виднѣлся обширный огородъ. Владѣльцы его вели жизнь загадочно отшельническую, не имѣли прислуги, кромѣ дворника, и выѣзжали кататься лишь по ночамъ. Въ Москвѣ объ этомъ домѣ ходило не мало толковъ.

ГЛАВА V.

Второй пріѣздъ Екатерины въ Москву.—Село Коломенское.—Послѣдній пріѣздъ Екатерины въ Москву.— Аненгофскій садъ и дворецъ.— Празднества во время пребыванія Екатерины въ Москвѣ.— Соколиное поле.— Сокольники и его прошлое.— Народныя празднества при императорѣ Александрѣ I.— Первое мая въ Сокольникахъ встарину. — Дача графа Растопчина. — Начало московскихъ народныхъ гуляній.—Старые кунштмейстеры, балансеры, великаны, скоморохи, гусляры и проч.— Гулянье на масляницѣ.— Кулачные бои.— Санное катанье и маскарадъ.

Въ КОНЦѢ іюня 1787 года Москва снова увидѣла Екатерину II. Императрица пріѣхала въ древнюю столицу на возвратномъ пути своего путешествія изъ Крыма. Въ Москвѣ государыня намѣревалась отпраздновать двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Екатерина ѣхала съ блестящей свитой, при ней были три посланника: англійскій—Фитцъ Гербертъ, французскій—Сегюръ и австрійскій—Кобенцелъ. Государыня въ шутку называла ихъ своими карманными министрами. Затѣмъ въ свитѣ былъ еще князь де-Линь, графъ Ангальтъ и въ числѣ другихъ замѣчательныхъ лицъ, сопровождавшихъ государыню въ путешествіи, находились графы: Чернышевъ, Безбородко и Дмитріевъ-Мамоновъ. Послѣдняго государыня называла «краснымъ кафтаномъ» (Habit rouge). «Подъ этимъ краснымъ кафтаномъ», говорила она, «скрывается превосходнѣйшее сердце, соединенное съ большимъ запасомъ честности. Наружность его также совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: черты лица правильны, чудные черные глаза съ тонко-нарисованными бровями, ростъ нѣсколько

выше средняго, осанка благородная, поступь свободная» и т. д. (Такой, какъ описываетъ императрица, блестящей наружности портретъ графа Мамонова, кажется единственный, виситъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, въ круглой агатовой комнаткѣ; писанъ онъ карандашемъ на небольшой бѣлой мраморной дощечкѣ; молодой красавецъ изображенъ одѣтымъ въ какой-то маскарадный костюмъ).

Государыня, не доѣзжая десяти верстъ до Москвы, остановилась въ селѣ Коломенскомъ; пріѣхавъ сюда, императрица уже нашла своихъ внуковъ, расположившихся здѣсь съ начала іюня мѣсяца. Государыня остановилась во дворцѣ, построенномъ въ шесть мѣсяцевъ. Начатъ онъ былъ почти въ день выѣзда императрицы въ путешествіе. Стоялъ онъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ и нынѣшній, близь церкви Вознесенія, но онъ былъ гораздо обширнѣе теперешняго.

По разсказамъ коломенскихъ старожиловъ, зданіе Екатерининскаго дворца занимало большую часть той площади, которая теперь находится между воротами Вознесенскою и Георгіевскою церквами и садомъ, примыкающимъ къ одноэтажному павильону, находящемуся на лѣвой сторонѣ нынѣшняго дворца. Екатерининскій дворецъ былъ о четырехъ этажахъ: два нижніе были каменные, а верхніе—деревянные.

Около дворца стоялъ «Оперный домъ», а противъ дворца черезъ Москву-рѣку былъ деревянный мостъ. Въ этомъ дворцѣ жила императрица, а съ нею и внуки ея Александръ и Константинъ. До сихъ поръ еще въ Коломенскомъ живо преданіе о томъ, какъ учился подъ кедромъ Александръ и какъ онъ съ братомъ Константиномъ стрѣлялъ изъ пистолета въ Дьяковскомъ оврагѣ [24]). Дворецъ, въ которомъ жила Екатерина II, безжалостно приказалъ сломать бывшій начальникъ Кремлевскаго дворца князь Н. Б. Юсуповъ и перевезти его въ Кремль. Старый же дворецъ царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ родился Петръ Великій, былъ сломанъ еще въ 1767 году. Въ это время дворецъ былъ настолько ветхъ, что не было уже возможности поддерживать его, а потому императрица и приказала разобрать его; уважая отечественныя древности, Екатерина приказала сдѣлать вѣрнѣйшую модель стараго дворца, которая, какъ пишетъ А. Корсаковъ [25]), долгое время хранилась вмѣстѣ съ прочими рѣдкостями въ московской оружейной палатѣ, но гдѣ находится теперь—неизвѣстно [26]). По разсказамъ Бергхольца, бывшаго въ немъ 4-го мая 1722 года, въ немъ было 270 комнатъ и 3,000 оконъ. «Въ числѣ комнатъ есть красивыя и большія, но все вообще такъ ветхо, что уже не вездѣ можно ходить, почему нашъ

вожатый въ одномъ мѣстѣ просилъ насъ не ступать по двое на одну доску и мы, конечно, не пошли бы, еслибы намъ объ этомъ было сказано прежде; но онъ думалъ, что такъ какъ самъ императоръ еще недавно всюду ходилъ тамъ, то и насъ необходимо поводить». «Коломенскій дворецъ», добавляетъ Бергхольцъ, «построенъ 60 лѣтъ тому назадъ отцомъ его величества, который и самъ не далѣе, какъ за 27 лѣтъ еще жилъ въ немъ, и потому назначилъ теперь извѣстную сумму на его возобновленіе». Въ петровское время въ лѣтнее время въ селѣ Коломенскомъ стояло до 31,000 солдатъ лагеремъ.

Коломенскіе плодовые сады, скотный и птичій дворы были первые въ Россіи. Всѣ празднества, бывшія во время коронаціи Екатерины I, Петра II, Анны и Елизаветы, устраивались въ этомъ дворцѣ. Императоръ Петръ II часто ѣзжалъ сюда на охоту, а въ 1729 году провелъ здѣсь все лѣто. Особенно императрица Елисавета Петровна заботилась о поддержаніи и сохраненіи дворца своего дѣда, гдѣ въ то время хранилась и колыбель великаго ея родителя. Императрица, живя въ Москвѣ, любила пріѣзжать въ Коломенское съ знатнѣйшими лицами своего двора и угощала ихъ тамъ столомъ по старинному царскому положенію.

Императрица Екатерина также очень любила Коломенское и поэтически описывала его въ своихъ письмахъ, хотя и говорила про него, что Коломенское относится къ Царскому Селу, какъ плохая театральная пьеска къ трагедіи Лагарпа. Императрица прожила въ Коломенскомъ три дня и въ воскресенье, 27-го іюня, наканунѣ дня своего вступленія на престолъ, утромъ въ десятомъ часу былъ назначенъ парадный въѣздъ въ столицу. Поѣздъ открывалъ впереди всѣхъ земскій исправникъ московскаго округа съ засѣдателями и полицейскими драгунами, за нимъ ѣхалъ почтъ-директоръ съ своими чиновниками и почтальонами верхомъ, потомъ конвойная губернская команда, выборные изъ дворянства, почетные дворяне верхомъ и затѣмъ уже карета императрицы, впереди которой шли два скорохода, а за нимъ двѣнадцать паръ ординарцевъ, карета въ восемь лошадей цугомъ, у стеколъ стояли великаны; государыня сидѣла съ великими князьями, а сзади кареты ѣхалъ московскій губернаторъ генералъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

По приближеніи государыни къ городскимъ воротамъ встрѣтили императрицу главнокомандующій московскій П. Д. Еропкинъ съ генералами и прочими высшими чинами и поѣхали въ свитѣ по бокамъ ея кареты, за ними уже слѣдовали въ придвор-

Коломенскій дворецъ.

Съ рѣдчайшей гравюры, сдѣланной за годъ до разрушенія дворца. (Изъ собраній П. Я. Дашкова).

ныхъ каретахъ чужестранные министры и придворный штатъ, составлявшій свиту императрицы. У самой Серпуховской заставы были устроены тріумфальныя ворота съ разными символическими

Извощичья стоянка въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.
Съ гравюры Гейслера.

и аллегорическими изображеніями; въ боковыхъ нишахъ воротъ помѣщались два оркестра музыки: инструментальный и вокальный.

Здѣсь же ожидали прибытія императрицы всѣ городскія власти, именитое купечество, ремесленные цехи со старшинами, и отъ

первыхъ стояли городской голова и выборные съ хлѣбомъ-солью: Когда поѣздъ подъѣхалъ къ воротамъ, городу было дано знать 51-мъ выстрѣломъ изъ пушекъ, поставленныхъ у заставы; съ приближеніемъ же кареты императрицы къ воротамъ, раздалась музыка и послышалось пѣніе «кантовъ», на пріѣздъ государыни сочиненныхъ. По принятіи государынею хлѣба-соли кортежъ двинулся дальше. У каменнаго Всесвятскаго моста императрицу ожидали директоръ главнаго народнаго училища съ учителями и учениками, поставленными по обѣимъ сторонамъ улицы. Лишь только императрица проѣхала мостъ, городскою артиллеріею былъ произведенъ 101 выстрѣлъ и во всей Москвѣ раздался колокольный звонъ.

При въѣздѣ Екатерины въ Воскресенскія ворота заиграла поставленная на нихъ бальная, а на гауптвахтѣ полковая музыка. Въ Спасскихъ воротахъ, гдѣ ожидалъ ее московскій оберъ-комендантъ съ своими чинами, играла гарнизонная музыка.

Государыня отправилась въ Успенскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Платономъ съ духовенствомъ. По окончаніи литургіи государыня прикладывалась къ святымъ иконамъ и мощамъ. Г. Любецкій передаетъ слѣдующій любопытный разсказъ о нареченіи въ этотъ день Платона митрополитомъ. Протодіаконъ получилъ во время литургіи тайное повелѣніе императрицы: при словахъ «преосвященнаго Платона, приносящаго св. дары Господеви и Богу нашему»—провозгласить его митрополитомъ. Платонъ, думая, что протодіаконъ ошибся, замѣтилъ ему это изъ алтаря, но когда тотъ снова повторилъ то же самое, тогда Платонъ догадался, въ чемъ было дѣло. Онъ выступилъ въ царскія двери, поклонился государынѣ и отблагодарилъ ее импровизованною рѣчью.

Послѣ обѣдни императрица посѣтила Платона и потомъ со свитой отправилась къ главнокомандующему Москвы, гдѣ былъ приготовленъ для государыни и всѣхъ высшихъ особъ обѣденный столъ.

А. Корсаковъ говоритъ: «Это былъ четвертый и послѣдній тріумфальный въѣздъ нашихъ государей изъ Коломенскаго въ Москву. Былъ еще пятый въѣздъ, но это былъ не радостный, встрѣченный съ горемъ и плачемъ и съ унылымъ звономъ колоколовъ московскихъ. То былъ печальный поѣздъ, тянувшійся изъ Таганрога съ прахомъ Александра Благословеннаго».

Екатерина II, въ свой пріѣздъ 1787 года, остановилась въ Пречистенскомъ дворцѣ, въ первые же проѣзды въ Москву государыня жила въ Головинскомъ дворцѣ, противъ Нѣмецкой слободы, за Яузою. Послѣдній дворецъ существовалъ еще при императорѣ

Петрѣ Великомъ; при этомъ государѣ голландецъ Тимофей Брантгофъ разводилъ здѣсь садъ.

Императрица Анна Іоанновна очень любила этотъ садъ и приказывала даже называть его своимъ именемъ «Анненгофъ». Когда эта государыня въ первое время жила здѣсь, то передъ дворцомъ лежалъ одинъ только большой лугъ и не было ни одного деревца.

Разъ императрица, гуляя со своими приближенными, сказала: «Очень бы пріятно было гулять здѣсь, ежели бы тутъ была роща: въ тѣни ея можно бы было укрыться отъ зноя». Нѣсколько дней спустя было назначено во дворцѣ особенное торжество, по случаю какой-то побѣды. Императрица, вставъ утромъ рано, по обыкновенію подойдя къ окну, чтобы посмотрѣть на погоду, была поражена удивленіемъ: передъ глазами ея стояла обширная роща изъ старыхъ деревьевъ.

Изумленная царица потребовала объясненія этого чуда, и ей доложили, что ея придворные, которымъ она нѣсколько дней тому назадъ, гуляя по лугу, выразила свое желаніе имѣть здѣсь рощу, воспользовались мыслью государыни, и тогда же вечеромъ разбили лугъ на участки, и каждый, кому какой достался по жребію участокъ, со своими слугами въ одну ночь насадилъ его отборными деревьями.

П. Львовъ, у котораго мы заимствуемъ это преданіе, говоритъ, что еще въ его время здѣсь были деревья, на которыхъ можно было видѣть имена придворныхъ, которые ихъ сажали. Глинка говоритъ, что роща, принадлежащая къ дворцу, была будто бы насажена еще самимъ Петромъ Великимъ, и что государь здѣсь лично дѣлалъ окопы; мѣсто же подъ садъ взято у Лефорта.

Въ Анненгофскій садъ были выписаны разныхъ родовъ деревья изъ Персіи; но всѣ эти заморскія растенія отъ худого присмотра погибли въ дорогѣ, не прибывъ еще въ Москву. По отчетамъ садовника Дениса Брокета, для этого сада часто были покупаемы у жителей Нѣмецкой слободы тюльпаны, нарцисы, лиліи и другія цвѣточныя и луковичныя растенія.

Изъ производства интендантской конторы, въ которой состоялъ Анненгофскій садъ и дворецъ, видно, что ежегодно на содержаніе сада и устройство его отпускаема была сумма въ 30,000 р. Завѣдывалъ ими оберъ-гофмейстеръ Сем. Андр. Салтыковъ и оберъ-архитекторъ Растрелли. Кромѣ того, ближайшимъ смотрителемъ надъ строеніемъ Анненгофскихъ садовъ былъ архитекторъ Петръ Гейденъ. Въ Анненгофскихъ садахъ кромѣ главнаго садовника находился смотритель изъ военныхъ. Таковымъ былъ въ 1741 году

подпрапорщикъ Афанасій Өедоровъ, съ жалованьемъ по 1 рублю въ мѣсяцъ.

Интересны также существовавшія тогда цѣны на растенія. Такъ изъ справки видно, что крестьянинъ Филатовъ обязался перевезти въ новый Анненгофскій садъ изъ вотчины князя В. Урусова, Московскаго уѣзда, изъ села Садковъ—Знаменское тожъ, по Серпуховской дорогѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Москвы, изъ рощи липовыхъ деревъ штамбовыхъ 2,000, шпалерныхъ 1,000 и болѣе, цѣною съ вырываніемъ и перевозкою: за штамбовыя по 6 руб., а за шпалерныя по 3 рубля за сотню. Въ 1741 году весною крестьянинъ цесаревны Елисаветы Петровны доставилъ для посадки въ новый садъ разныя деревья, толщиной «въ рублевикъ» и «въ полтинникъ», а именно: ильмы по 6 к. за дерево, ясени по 6 к. за дерево, кленъ по 3 рубля за сто, орѣшникъ толщиною «въ полтинникъ» по 1 рублю за сто. Садовые ученики получали жалованье въ треть по 5 рублей. Они носили мундиръ: «кафтаны сѣрые, камзолы красные, штаны козлиные».

Изъ такихъ же отчетовъ и описей Анненгофскаго сада видимъ, что въ тѣ годы въ саду было девять прудовъ съ рыбою и нѣсколько бесѣдокъ; также тамъ стояли каменныя статуи «Венусъ», Самсонъ, сфинксы золоченые и проч.

О пространствѣ, какое занималъ Анненгофскій садъ, точныхъ указаній нѣтъ. Впрочемъ, объ обширности его можно судить изъ того, что въ 1740 году наряжены были главною дворцовою канцеляріею дворцовые крестьяне изъ селъ Троицкаго-Голенищева, Измайлова, Коломенскаго, Софьина и Братовщина, для перевозки въ садъ одного только навоза изъ Остоженскихъ конюшенъ.

Въ какихъ размѣрахъ здѣсь были устроены оранжереи, можно заключить изъ того, что на отопленіе ихъ отпускалось ежемѣсячно 45 саженъ.

Вскорѣ послѣ кончины Анны Іоанновны деревянный дворецъ сгорѣлъ. Слѣды этого дворца существовали еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; П. С. Валуевъ, бывшій президентъ кремлевской экспедиціи, устроилъ на фундаментѣ этого дворца галерею и бесѣдку. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія здѣсь было самое модное гулянье. Императрица Елисавета Петровна приказала невдалекѣ отъ стараго дворца построить новый, тоже деревянный. Дворецъ этотъ въ народѣ сталъ называться «Головинскимъ»; названіе это произошло отъ того, что какъ строитель дворца, такъ и поставщикъ матеріаловъ для дворца оба носили одну фамилію—Головиныхъ.

Во время чумы въ Москвѣ, въ этомъ дворцѣ поселился присланный изъ Петербурга князь Гр. Гр. Орловъ, но чуть ли не на третій день по его пріѣздѣ Головинскій дворецъ, какъ мы уже говорили, сгорѣлъ до основанія. Одни полагали, что дворецъ сгорѣлъ отъ неосторожности во время топки камина, другіе же увѣряли, что отъ поджога. Императрица Екатерина II на мѣсто прежняго деревяннаго приказала построить каменный, назначивъ строителемъ знаменитаго русскаго зодчаго В. И. Баженова. Какъ планъ Головинскаго дворца, такъ и всѣ украшенія въ немъ, были разсматриваемы и утверждены Екатериною II. Всѣ эмблемы лѣпной работы, которыя были надъ окнами и дверями въ большой залѣ, были избраны императрицею и каждая изъ нихъ представляла торжество какой нибудь добродѣтели.

Императоръ Павелъ I приказалъ этотъ огромный каменный дворецъ превратить въ казармы, помѣстивъ въ немъ четыре батальона московскаго гарнизоннаго полка, и назвать дворецъ Екатерининскими казармами. Въ 1812 году Головинскій дворецъ былъ почти разрушенъ французами и только въ 1823 году возобновленъ и перестроенъ подъ надзоромъ генералъ-маіора Ушакова, директора Смоленскаго кадетскаго корпуса, а въ слѣдующемъ 1824 году, по волѣ императора Александра Благословеннаго, изъ Костромы сюда переведенъ смоленскій кадетскій корпусъ (бывшее псковское благородное училище), что теперь первый московскій кадетскій корпусъ, столѣтній юбилей котораго праздновался лѣтъ десять тому назадъ.

Но возвращаясь къ пребыванію Екатерины II въ Москвѣ, мы видимъ, что съ пріѣздомъ императрицы празднества и торжества пошли каждый день зауряДъ. Тогдашнее вельможное барство древней столицы одинъ передъ другимъ старалось отличиться своими балами. Кромѣ такихъ праздниковъ, государыня часто совершала увеселительныя поѣздки на загородныя гулянья, какъ, напримѣръ, Сокольничье поле. Здѣсь въ тѣ времена обыкновенно собирались цыгане, кочевавшіе тогда на Филяхъ; тогдашніе цыгане ходили въ своихъ яркихъ національныхъ одѣяніяхъ, мужчины въ кафтанахъ съ перехватами и широкихъ восточныхъ шальварахъ, а женщины въ яркихъ разноцвѣтныхъ платьяхъ съ перекинутыми на одно плечо алыми, выцвѣтшими шалями и съ золотыми монетами въ ушахъ, вмѣсто серегъ.

Государыня ѣздила со всею пышностью: впереди, передъ каретою ея, ѣхалъ взводъ лейбъ-гусаръ, въ блестящихъ мундирахъ, сзади сопровождалъ ее подобный же конный отрядъ гвардей-

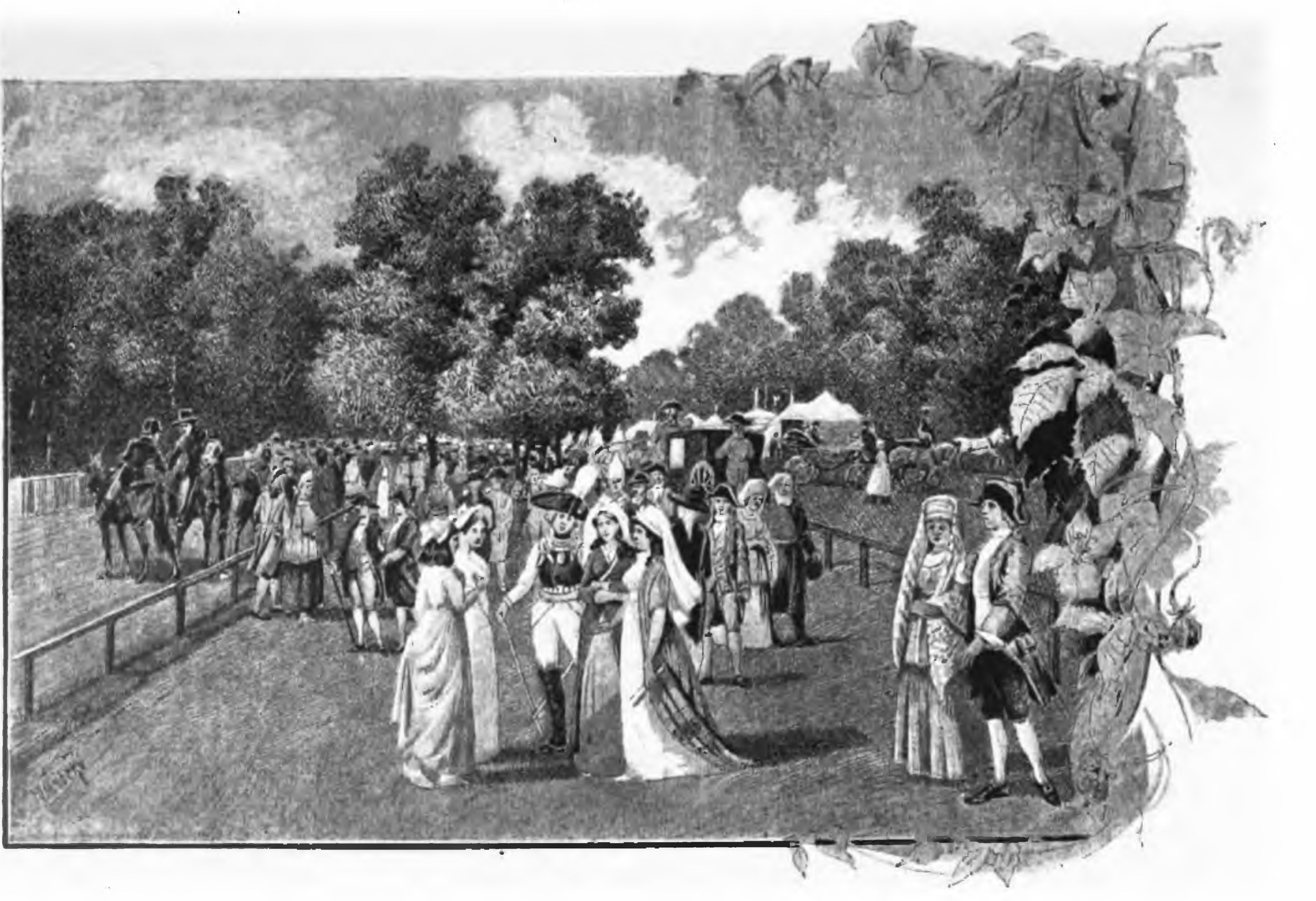
ской свиты; поздно вечеромъ путь императрицы освѣщался факелами. Появленіе государыни на какой нибудь улицѣ производило полное волненіе въ народѣ, всюду неслись восторженные крики и толпа кидалась бѣгомъ провожать царицынъ поѣздъ.

Нерѣдко государыня посѣщала и Сокольничью рощу. Въ Сокольникахъ, на нѣмецкихъ станахъ, особенно шумно праздновался день 1-го мая городскими жителями. Обычай здѣсь праздновать первый день весны шелъ со временъ Петра Великаго. Сокольничья роща была частью Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле русскіе государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ народѣ это гулянье слыветъ подъ именемъ «нѣмецкаго стана или нѣмецкихъ столовъ». Преданіе гласитъ [27]), что здѣсь было первое становище нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ финскимъ названіемъ «Кукуя» или Кукуй.

Сюда на новоселье нѣмцы собирались вспоминать родной свой праздникъ «первое мая». Любопытство привлекало сюда и русскихъ, у которыхъ впослѣдствіи и обрусѣлъ этотъ чужестранный праздникъ, но названіе «нѣмецкихъ становъ» удержалось. Когда въ Москву приведены были плѣнные шведы, Петръ I, поселивъ ихъ близь Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разныя мастерства въ науку русскихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ матросской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. У царя стоялъ дворецъ въ Сокольничьей рощѣ; въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были еще цѣлы старыя липы царской посадки; стояли онѣ въ саду Чориковой дачи.

Здѣсь государь угощалъ нѣмецкихъ и шведскихъ мастеровъ, по обычаю ихъ страны, своими столами. Это угощеніе и прослыло «нѣмецкими столами» и изъ нѣмецкаго гулянья сдѣлалось чисто русскимъ народнымъ гуляньемъ «перваго мая». Существуетъ преданіе, что государь здѣсь устраивалъ воинскія потѣхи съ примѣрными сраженіями, осадой и взятіемъ крѣпостей и самъ съ ними участвовалъ въ ратоборствахъ. При дочери Петра, императрицѣ Елисаветѣ, это гулянье пользовалось особенной популярностью. Такъ въ 1756 году здѣсь было столько народу, что прогуливаться не было возможности. Каретъ было въ этомъ году болѣе тысячи.

На Сокольничьемъ полѣ императоръ Александръ I давалъ три дня сряду праздникъ своему народу послѣ коронаціи. Въ этотъ день на обширномъ полѣ устроены были бесѣдки и галереи въ разныхъ стиляхъ; стояли столы, цѣлые быки мяса съ золотыми рогами; жареные гуси, утки, индѣйки, какъ плоды, висѣли на



Гулянье въ Сокольникахъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры того времени Делабарта

деревьяхъ; винные и пивные фонтаны били безъ устали; стояли полныя виномъ сороковыя бочки и т. д. Государь пріѣхалъ на гулянье въ исходѣ перваго часа, заиграла музыка и съ крикомъ «ура» всѣ столы опустѣли и весь садъ съ яствами исчезъ и даже отъ быковъ ничего не осталось; только еще фонтаны продолжали бить виномъ, народъ пилъ изъ нихъ шляпами, другіе подставляли прямо рты къ фонтанамъ. Государь ѣздилъ верхомъ посреди рядовъ народа и привѣтливо обращался къ толпѣ со словами: «Кушайте, будьте довольны!» «Довольны, очень довольны, ваше императорское величество», отвѣчалъ ему одинъ отставной служивый гвардеецъ временъ Екатерины,—«тебѣ только такъ угощать насъ, въ тебѣ, государь, мы видимъ нашу матушку-царицу!» По преданію, порядокъ въ этотъ день царствовалъ образцовый, не было ни одного скандала, праздникъ кончился благополучно. Все это произошло благодаря заботливой распорядительности оберъ-полиціймейстера Каверина и двухъ полиціймейстеровъ—Ивашкина и Алексѣева.

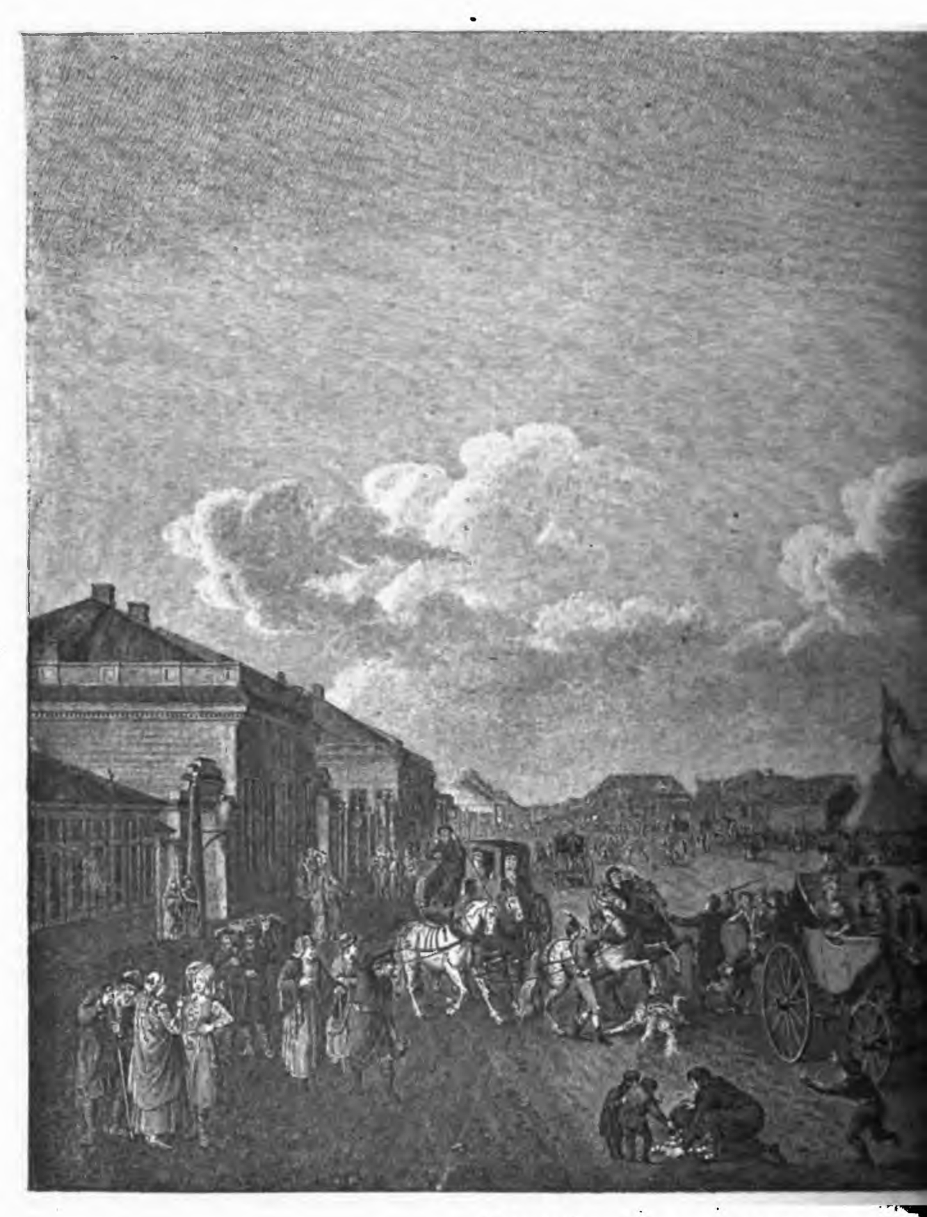
На этомъ народномъ праздникѣ отличился со своею труппою волтижеровъ извѣстный въ то время привилегированный берейторъ Петръ Магіо.

Въ первые годы царствованія императора Александра, въ Сокольникахъ праздникъ «перваго мая» выходилъ необыкновенно разгульнымъ и многолюднымъ.

На это народное гулянье пріѣзжали почти всѣ тогдашніе вельможи и разбивали здѣсь свои турецкія и китайскія палатки съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами; рядомъ съ такими сказочно-пышными палатками въ то время стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши, съ единственными украшеніями—дымящимся самоваромъ, со сбитнемъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ алкоголя!

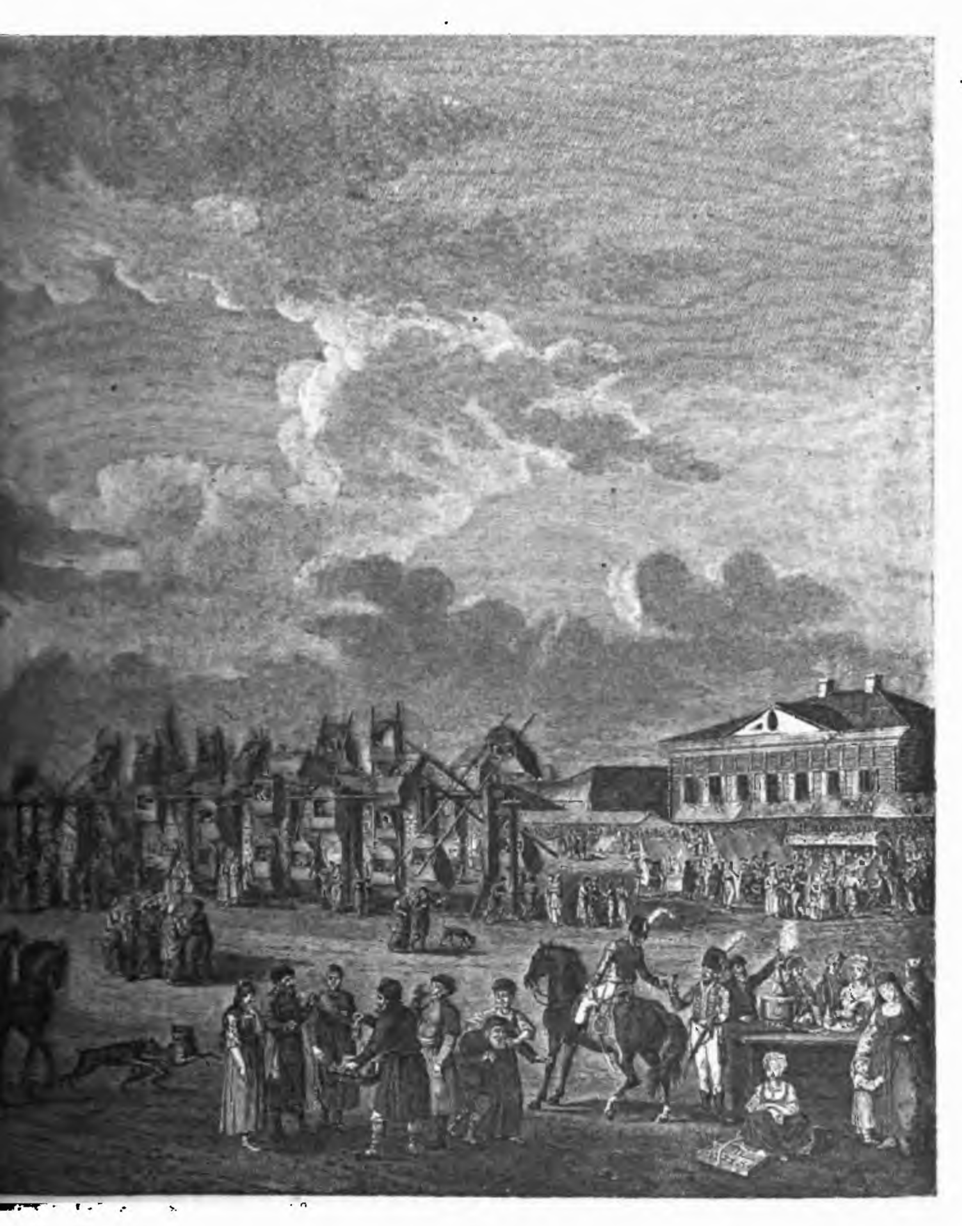
С. П. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ, прапрадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ донъ-кихотовъ на прежальчайшихъ россинантахъ!»

Описывая одно изъ такихъ гуляній 1805 года, онъ упоминаетъ про палатку своего знакомаго Е. Е. Ренкевича, у котораго онъ нашелъ прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка эта была поставлена на самомъ бойкомъ мѣстѣ, нѣсколько наискось



Народное гулянье подъ Новинск

Съ гра



сквѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.
1797 года.

противъ палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ, народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась и радостный крикъ «ѣдетъ! ѣдетъ!» пронесся по окрестности; и вотъ началось шествіе необыкновенно торжественнаго поѣзда, безъ котораго, говорили, гулянье «перваго мая» было бы не въ гулянье народу. Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ «Свирѣпомъ» ѣхалъ графъ А. Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіятская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными каменьями. Немного поодоль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали: А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцевъ, И. Ф. Новосильцевъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженныя цугами и четверками одномастныхъ лошадей. Проѣзжая мимо палатки Ренкевича, А. А. Чесменскій приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ къ графу на сегодняшнюю скачку.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія у Сокольничьей заставы стояла знаменитая дача графа Ростопчина. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ нашествія французовъ отъ этой роскошной барской усадьбы оставались однѣ развалины дома и запустѣлый садъ, по дорожкамъ котораго росла трава и ѣздили иногда для сокращенія пути проѣзжіе въ телѣгахъ.

Всѣ московскія гулянья прошлаго вѣка отличались отъ нынѣшнихъ большимъ разнообразіемъ и разгуломъ. И. Е. Забѣлинъ весьма вѣрно замѣчаетъ, что общее веселье тогда поддерживалось и общимъ участіемъ москвичей, большинство которыхъ не успѣло еще поставить себя выше народныхъ обычаевъ и не только не чуждалось, но, напротивъ, принимало самое живое личное участіе во многихъ забавахъ простого народа. Гулянья того времени еще во многомъ сохраняли тѣ первобытныя черты, въ которыхъ вполнѣ отражалась старинная жизнь, со всѣми особенностями и оттѣнками; эти главныя черты были: пьянство, пляски, кулачные бои и т. д.

Однимъ изъ центровъ каждаго гулянья былъ большой шатеръ, извѣстный въ народѣ посейчасъ подъ кличкой «колокола». Изъ гуляющихъ рѣдко кто проходилъ мимо шатра-колокола, верхъ котораго украшался обыкновенно небольшимъ флагомъ и зеленою кудрявою елкою; внутри шатра стояли стойки съ боченками и разною питейною посудою, въ числѣ которой употребительнѣйшая называлась «плошкою» и «крючкомъ». Это была особая мѣра, въ которой продавалось вино въ разливку, и встарину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючокъ».

Кромѣ большого шатра, на гуляньяхъ стояли еще разнаго рода шалаши и палатки, крытые нерѣдко рогожей и лубкомъ. Здѣсь помѣщались трактиры, герберги, продавцы пряниковъ, орѣховъ, царьградскихъ стручьевъ; также всюду на гуляньяхъ виднѣлись столы, гдѣ дымились самовары съ ароматнымъ имбирнымъ сбитнемъ, продавалась хмѣльная буза, полпиво и проч. Въ числѣ народныхъ забавъ первое мѣсто занимали качели, затѣмъ карусели, нынѣшніе дѣтскіе коньки. Затѣмъ давались для народа и драматическія представленія, устраиваемыя въ лубочныхъ балаганахъ, шалашахъ и другихъ на скорую руку постройкахъ.

Такіе балаганы строились обыкновенно на Святой подъ Новинскимъ, и на Масляницѣ — на Москвѣ-рѣкѣ. Представленія въ такихъ театрахъ не отличались чистотою; героемъ комедіи былъ шутъ или дуракъ со своими нецѣломудренными разсказами и прибаутками; въ числѣ народныхъ зрѣлищъ были еще кукольныя комедіи и райки, показываемые заѣзжими иностранцами; пріѣзжали въ Москву и разные нѣмецкіе шпрингеры, балансеры, позитурные мастера, кунстмейстеры, эквилибристы и великаны; въ числѣ послѣднихъ въ 1765 году, въ Нѣмецкой слободѣ, показывался иностранецъ Бернардъ-Жилли; ростомъ онъ былъ въ $3^1/_2$ аршина, во всемъ съ пропорціональными членами и такой величины, что «не найдено еще человѣка, который бы свободно не могъ проходить подъ его руку». Великанъ началъ рости только съ десятаго года. Этотъ силачъ представленъ былъ императрицѣ въ Царскомъ Селѣ. Жилъ въ тѣ времена еще итальянецъ Швейцеръ въ Нѣмецкой слободѣ и показывалъ любопытствующимъ персонамъ повседневно разныя курьезныя дѣйствія собакъ и бралъ за смотрѣніе по рублю.

Другой заѣзжій французъ показывалъ человѣка, который былъ выброшенъ во время жестокой бури на островъ Мартиникъ и три мѣсяца питался камешками, дававшимися ему въ пищу. Жила у Тайницкихъ воротъ у малороссіянина Репкова дочь, которая, 3-хъ лѣтъ отъ роду, играла на гусляхъ 12 пьесъ, по слуху, са-

моучкой. Показывалась также на Тверской, въ Екатериненское время, у жены Шаберта де-Тардія, привезенная изъ Африки птица «струсъ», которая больше всѣхъ птицъ въ свѣтѣ, чрезвычайно скоро бѣгаетъ, имѣетъ особенную силу въ когтяхъ, на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ бы изъ пистолета выстрѣлено было; оная же птица ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горящіе уголья.

За смотрѣніе благородные платили по своему изволенію, а съ купечества брано было по 24 к.; простому же народу объявлялась цѣна при входѣ.

Въ числѣ древнѣйшихъ народныхъ забавъ на гуляньяхъ можно было встрѣтить медвѣдя съ козою. Затѣмъ также на старинныхъ гуляньяхъ славились игрою на рожкахъ тверскіе ямщики; они же «оказывали весну разными высвисты по птичью». Эти простые мужички составляли цѣлые хоры самыхъ разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, начиная отъ нѣжной малиновки до соловья.

Кромѣ описанныхъ удовольствій, на старинныхъ гуляньяхъ можно было встрѣтить и «собачью комедію». Съ такою ученою комедіею на Москвѣ въ 1766 году былъ итальянецъ Іозефъ Швейцеръ, съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, пріученныхъ къ разнымъ «удивительнымъ дѣйствіямъ», давалъ онъ представленіе въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ графа Скавронскаго. За смотрѣнія «оныхъ дѣйствій» бралъ сперва по рублю съ персоны, но затѣмъ позднѣе и 50 коп., а съ «подлаго» народа по 10 копѣекъ съ человѣка.

Давало свои представленія въ этомъ же году на придворномъ театрѣ въ Головинскомъ дворцѣ, «собраніе разныхъ искусниковъ, танцующихъ по веревкѣ, прыгающихъ, ломающихся и представляющихъ пантомиму». Пріѣзжалъ также въ Москву французскій королевскій механикъ, господинъ Тезіе, съ удивительною физической и оптической машиной, посредствомъ которой онъ перспективнымъ представленіемъ по правиламъ архитектуры показывалъ города, замки, церкви, сады, гавани, тріумфальныя ворота и прочія любопытства достойныя вещи, которыя зрителей довольно приводятъ въ удивленіе. Въ 1764 году въ Москву наѣзжалъ англійскій берейторъ Батесъ и производилъ свои «конскія ристанія».

На Кисловкѣ, близь Никитскаго монастыря, въ домѣ купца Телепнева, «показывалъ свое искусство съ разными удивительными штуками маленькій безногій человѣкъ», въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ француза Мармсона, можно было видѣть «весьма любопытную машину, называемую оракулъ».

Въ Старой Басманной, противъ Разгуляя, въ домѣ парикмахера Карла Шлаха, была машина, которая изображала статуи въ движеніи, «какъ натуральные люди работаютъ на горахъ, подкопахъ и ямахъ для сысканія руды серебряной и золотой».

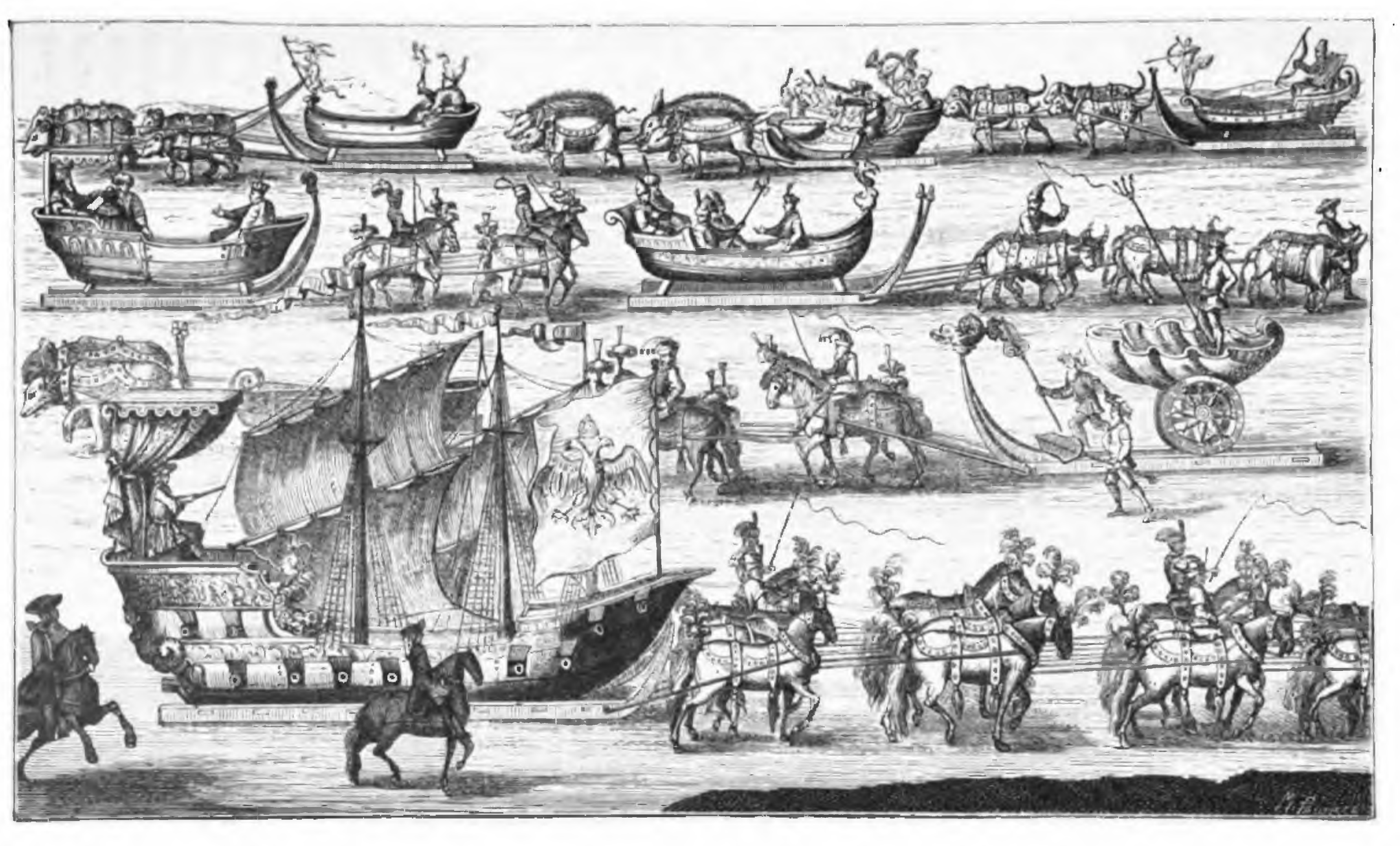
Показывалъ также въ Нѣмецкой слободѣ, въ Чоглоковомъ домѣ, голландскій кунстмейстеръ Сергеръ штуки съ цицероновою головою и прочими большими итальянскими двухаршинными куклами, которыя разговаривали, представлялъ комедію о «докторѣ Фавстѣ», а также у него и ученая лошадь «по прежнему дѣйствовала».

Тотъ же Сергеръ предъ Рождествомъ объявилъ, что у него, въ домѣ Трубникова, на Дмитровкѣ, начнется новая комедь изъ большихъ итальянскихъ маріонетокъ, которая будетъ называться «Храбрая и славная Юдифь».

Французскій механикъ Дюмолинъ показывалъ удивительную машину, которая «однимъ разомъ шесть лентъ ткетъ, и самодѣльную канарейку, которая поетъ разныя аріи»; у этого же механика показывалась движущаяся лягушка, которая знаетъ время на часахъ и, показывая оное, плаваетъ въ суднѣ. Показывалась также и голова въ натуральную величину, движущіяся дѣйствія которой такъ натуральны, что всѣхъ зрителей устрашаетъ.

Помимо итальянскихъ маріонетокъ или куколъ были и русскіе скоморохи, которые розыгрывали роли, наряжаясь въ скоморошное платье, надѣвали на себя хари или маски; нѣкоторые изъ нихъ носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто въ соблазнительныхъ положеніяхъ; но больше всего они отличались и забавляли народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Были между ними глумцы и стихотворцы-потѣшники. Тѣшили народъ такіе скоморохи также и музыкой. Въ то время еще старыхъ національныхъ инструментовъ было нѣсколько; такъ, напримѣръ, гусли, гудки (ящики со струнами), сопѣлки, дудки, сурьмы (трубы), домвры, накры (родъ литавръ), волынки, ленки, мѣдные рога, барабаны, бубны, торбаны и проч.

Самое многолюднѣйшее гулянье въ Москвѣ встарину было на Масляницѣ; главное гулянье на этой недѣлѣ сосредоточивалось на Москвѣ-рѣкѣ и особенно на Неглинной, гдѣ теперь фонтанъ передъ Кремлевскимъ садомъ, потомъ еще за Кузнецкимъ мостомъ на Трубѣ; лѣтомъ здѣсь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это мѣсто, какъ широкая площадь, представляло много удобствъ для постройки масляничныхъ горъ и кулачныхъ



Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 году.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени (Изъ собранія Д. А. Ровинскаго).

боевъ, безъ которыхъ встарину, какъ мы уже говорили, въ Москвѣ не проходило ни одного зимняго праздника.

Борьба и кулачный бой составляли одну изъ первыхъ и любимыхъ забавъ народныхъ въ Сырную недѣлю: на улицахъ и на рѣкѣ бились «самъ на самъ» или одинъ на одинъ. Это—бой стѣной, стѣнка на стѣнку. Такія единоборческія потѣхи назывались въ лѣтописяхъ «играми, игрушками» и ихъ давали наши великіе князья.

Для примѣрныхъ битвъ составлялись двѣ враждебныя стороны; по данному знаку свисткомъ, обѣ стороны бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты тутъ же били въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ и сразу сбить противника на землю называлось «снять съ чистоты».

Въ то время бились неистово и жестоко и очень часто многіе выходили на вѣкъ калѣками, а другіе оставались на мѣстѣ мертвыми. Катанье на саняхъ по улицамъ начиналось съ понедѣльника, а болѣе съ четверга на Сырной недѣлѣ; вечеромъ въ эти дни ѣздили цѣлыми вереницами, а народъ катался съ пѣснями.

При Петрѣ Великомъ масляничныя потѣхи бывали въ Москвѣ у Красныхъ воротъ. Императоръ самъ въ понедѣльникъ на Масляницѣ открывалъ празднество, повертѣвшись на качеляхъ съ офицерами.

По случаю Нейштадтскаго мира въ 1722 году, царь далъ въ Москвѣ невиданный дотолѣ маскарадъ и санное катанье. Въ четвергъ на Масляницѣ открылось шествіе большого поѣзда изъ села Всесвятскаго, гдѣ еще наканунѣ съ вечера было собрано множество морскихъ судовъ разнаго вида и разной величины саней, запряженныхъ разными звѣрями. По данному ракетой сигналу, сухопутный флотъ, напоминающій древній великаго князя Олега, на полозьяхъ и колесахъ потянулся длинною вереницею отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ. Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій въ большихъ саняхъ, запряженныхъ въ шестерикъ лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками.

Въ слѣдующихъ саняхъ ѣхалъ князь-папа, Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ; въ ногахъ у него сидѣлъ Бахусъ на бочкѣ. За нимъ слѣдовала свита пьяницъ, замыкаемая шутомъ въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Затѣмъ началось шествіе самаго флота подъ предводительствомъ Нептуна, сидѣвшаго съ трезубцемъ въ рукахъ на колесницѣ, везомой двумя сиренами.

Ледяныя горы въ Москвѣ, во време

Съ грав

дѣли, въ концѣ прошлаго столѣтія.

94 года.

Въ процессіи находился и князь-кесарь Ромодановскій, въ царской мантіи и княжеской коронѣ; онъ занималъ первое мѣсто въ большой лодкѣ, везомой двумя живыми медвѣдями. Наконецъ, слѣдовалъ громадный 88-ми пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля «Фридемакера», спущеннаго на воду въ мартѣ 1721 г. въ С.-Петербургѣ. Корабль имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе, даже до послѣдняго блока.

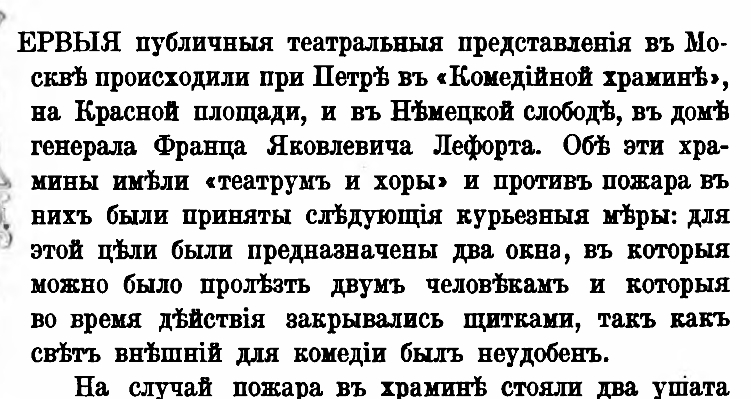
На этомъ кораблѣ, везомомъ 16-ю лошадьми, сидѣлъ самъ императоръ въ одеждѣ флотскаго капитана съ адмиралами и офицерами и маневрировалъ кораблемъ, какъ бы на морѣ. За этимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола императрицы. Государыня была въ нарядѣ простой остфризской крестьянки; свита царицы состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ арабами.

За гондолой появились настоящіе герои маскарада, извѣстные подъ именемъ «неугомонной обители» или «всепустѣйшаго собора». Они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ въ видѣ драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ героевъ Эзоповыхъ басенъ.

Пестрое маскарадное шествіе потянулось черезъ Тверскія ворота въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ. Эта процессія достигла дворца только вечеромъ. На слѣдующій день и на третій день, 2-го февраля, сборъ былъ назначенъ у воротъ, построенныхъ на этотъ случай купечествомъ. Этотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ пиршествомъ и фейерверкомъ. Участвовавшіе въ этомъ маскарадѣ въ теченіе четырехъ дней каждый день мѣняли костюмы на новые.

ГЛАВА VI.

Первыя театральныя представленія въ Москвѣ. — Первые заморскіе комедіанты и антрепренеръ.—Спектакли нѣмецкой труппы.—Судьба московскаго театра при Екатеринѣ I и въ послѣдующее царствованіе.—Московскій театръ при Екатеринѣ II.—Н. С. Титовъ.—Головинскій театръ.—Антрепренеръ Медоксъ.—Театръ на Знаменкѣ.—Петровскій театръ.—Ротонда.—Первая русская опера.—Актеры Медокса: Померанцевъ, Шушеринъ, Украсовъ, Колесниковъ, Лапинъ, Сахаровъ, Плавильщиковъ и Сандуновъ.—Переходъ московскаго театра въ казну.—Репертуаръ стараго театра.—Трагедіи, оперы и оперетки.—Первая опереточная артистка.—Слезливая эпоха.—Пантомимный драматическій балетъ.—Спектакли въ домѣ Пашкова.—Новый Арбатскій театръ.—Балетная и французская труппы.—Актрисы: Жоржъ, Вальберхова и Семенова.—Патріотическіе спектакли.—Актриса Лисицина.—Прекращеніе спектаклей въ Москвѣ.—Пожаръ Арбатскаго театра.



ПЕРВЫЯ публичныя театральныя представленія въ Москвѣ происходили при Петрѣ въ «Комедійной храминѣ», на Красной площади, и въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ генерала Франца Яковлевича Лефорта. Обѣ эти храмины имѣли «театрумъ и хоры» и противъ пожара въ нихъ были приняты слѣдующія курьезныя мѣры: для этой цѣли были предназначены два окна, въ которыя можно было пролѣзть двумъ человѣкамъ и которыя во время дѣйствія закрывались щитками, такъ какъ свѣтъ внѣшній для комедіи былъ неудобенъ.

На случай пожара въ храминѣ стояли два ушата воды и слѣдившимъ за порядкомъ здѣсь подъячимъ посольскаго приказа было предписано особенно наблюдать, чтобы не было куренія. Мѣста въ театрѣ были четырехъ разрядовъ: первыя стоили гривну, вторыя два алтына, третьи пять копѣекъ и послѣднія алтынъ.

Входные билеты, или, какъ ихъ тогда называли, ярлыки, печатались на толстой бумагѣ. Ярлыки продавались въ чуланахъ, т. е. небольшихъ комнатахъ при театрѣ; для кассы были устроены два ящика—въ одинъ опускались полученныя за входъ деньги, а въ другой—ярлыки. У сбора денегъ были приставлены сторожа, нанятые изъ посадскихъ людей.

Сборъ съ комедій въ 1703 году равнялся 406 рублямъ и 23 алтынамъ. Въ 1704 году комедійныхъ денегъ въ сборѣ мая съ 15-го по 2-е іюня — 82 руб. 27 алт. 4 деньги, и въ томъ же году съ 15-го мая по 10-е ноября—388 грив. 9 алтынъ 4 деньги.

Сборъ въ лѣтніе большіе дни былъ значительнѣе, чѣмъ въ осенніе дни, потому что публики было больше.

Въ свѣтлые вечера зрителямъ по воротамъ не надо было платить двойной платежъ, какъ въ комедію, такъ и изъ комедіи ѣдучи. Для облегченія посѣтителей и усиленія театральнаго сбора отъ 5-го января 1705 года государь указалъ въ указные дни, когда бываетъ комедія, всѣмъ смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ ходить повольно и свободно, безъ всякаго опасенія, а въ тѣ дни воротъ городовыхъ по Кремлю, по Китаю-Городу и по Бѣлому-Городу въ ночное время до 9 часу ночи не запирать и съ проѣзжихъ указной по воротамъ пошлины не имать для того, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно.

Но указъ о вольномъ безплатномъ проѣздѣ въ комедію въ концѣ концовъ не имѣлъ желаемаго успѣха и, какъ ниже увидимъ, комедійная храмина въ 1707 году совсѣмъ пришла въ запустѣніе и была переведена на Печатный дворъ и на подворье Богоявленскаго монастыря.

Для комедійной храмины въ 1701 году отправленъ былъ заграницу поступившій къ царю на службу комедіантъ Иванъ Сплавскій, въ городъ Гданскъ (Данцигъ) для вербованія въ Москву театральной труппы.

Онъ въ контрактѣ обязывался, по прибытіи съ труппою въ Москву, «царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами угодить и къ тому всегда доброму, готовому и должному быти» и за все это ему назначено ежегодно получать по 5,000 ефимковъ. Современники въ то время смотрѣли на зарождающійся «свѣтскій театръ» какъ на дѣло дьявольское и богопротивное и глядѣли, приговаривая: «съ нами крестная сила!» Но не такъ думало тогда только наше духовенство, составлявшее въ то время самый образованный классъ, наиболѣе знакомый съ литературою запада. Студенты духовнаго училища при московскомъ Заиконоспасскомъ мо-

настырѣ переводили на славянскій языкъ французскія и нѣмецкія мистеріи, заимствованныя изъ библейской исторіи, и разыгрывали ихъ въ трапезахъ и рекреаціонныхъ залахъ.

Лучшими изъ этихъ пьесъ были: «Эсфирь и Агасферъ», «Рождество Христово», «Кающійся грѣшникъ» и «Христово Воскресенье», съ весьма аллегорическими посторонними дѣйствіями. Первая изъ этихъ пьесъ впослѣдствіи, по повелѣнію Елисаветы Петровны, игралась великимъ постомъ на придворномъ театрѣ; по преданію, во второй пьесѣ Пречистой Дѣвы Маріи на театрѣ между дѣйствующими лицами не было, а былъ только образъ ея.

Публичныя представленія на Красной площади въ концѣ 1704 года на время прекратились въ этомъ году: Яганъ Кунштъ, этотъ предтеча нынѣшнихъ антрепренеровъ, бѣжалъ изъ Москвы, не заплативъ жалованья никому изъ своихъ служащихъ. Несчастные его комедіанты принуждены были просить, чтобы для уплаты имъ Кунштова долга взять въ казну принадлежащія его театру гардеробъ и другія вещи. Въ хроникѣ русскаго театра Носова приведенъ списокъ описанныхъ вещей и слѣдующее объявленіе объ аукціонѣ: «Продаются театральныя украшенія, принадлежащія директору нѣмецкихъ комедіанщиковъ Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градскаго начальства наказанія, за сочиняемыя имъ и играемыя на публичномъ театрѣ пасквильныя комедіи, уѣхалъ изъ Россіи инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляемъ, что продажа сія дѣлается на уплату долговъ комедіантовъ».

Въ числѣ вещей продавались: дворецъ съ великолѣпными садами, крѣпостями, лѣсами, рощами, лугами, наполненными людьми, звѣрями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее изъ 12 валовъ, изъ которыхъ самый огромный, 9-й валъ, немного поврежденъ. Полторы дюжины облаковъ, снѣгъ въ большихъ хлопьяхъ изъ бѣлой овернской бумаги и т. д.

Послѣ Куншта театръ на Красной площади перешелъ въ руки Отто Фюрста; представленія у послѣдняго чередовались съ русскими представленіями; русскія давались по воскресеньямъ и вторникамъ, а нѣмцы играли по понедѣльникамъ и четвергамъ,— нѣмецкія и русскія пьесы представлялись подъ управленіемъ Фюрста. Нѣмецкая труппа давала по большей части такъ называемыя пьесы на случай (pièces de circonstances). Такъ, напримѣръ, въ 1703 году ему поручалось поставить драматическое представленіе на случай взятія русскими Нотебурга или Орѣшка. Новому антрепренеру было отдано нѣсколько русскихъ учениковъ

въ науку. Объ этихъ русскихъ актерахъ сохранился интересный документъ, относящійся къ 1705 году, рисующій какъ ту эпоху, такъ и состояніе тогдашняго драматическаго искусства у насъ.

Вотъ этотъ докладъ начальству: «Ученики комедіанты русскіе безъ указу ходятъ всегда съ шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя пьютъ. И въ рядахъ у торговыхъ людей товары емлятъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестію, чтобъ съ нихъ что взять нахально.

«И для тѣхъ взятокъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ, мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы.

«И взявъ съ тѣхъ людей взятки, мирятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятокъ».

Особенно въ такихъ злокозненныхъ дѣяніяхъ обличался актеръ Василій Теленковъ, онъ же Шмага пьяный,—по посланному на него доносу къ боярину Головину вышла отъ послѣдняго резолюція: «Комедіанта пьянаго Шмагу взявъ въ приказъ высѣките батоги».

Въ 1704 году въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли двѣ женщины: дѣвица фонъ-Велихъ и жена генеральнаго доктора Паггенкампфа, въ русскихъ документахъ послѣдняя попросту передѣлана въ Поганкову.

Первая жалованья получала 150 рублей, вторая по 300 рублей [28]). Въ 1705 году въ Москвѣ публичныхъ нѣмецкихъ спектаклей не давалось. Въ 1707 году драматическія представленія часто происходили при дворѣ царицъ Прасковьи Ѳеодоровны и великой княжны Натальи Алексѣевны; изъ дворцовыхъ документовъ видно, что въ разное время высылались по требованію царицъ въ село Преображенское и Измаилово театральные костюмы и декораціи, которые служили въ труппахъ Куншта и Фюрста.

Въ селѣ Измаиловѣ дочь царя Іоанна Алексѣевича сама распоряжалась представленіями за кулисами. На этомъ придворномъ театрѣ въ антрактахъ являлись дураки, дуры, шуты съ шутихами и забавляли зрителей пляскою подъ звуки рожка съ припѣвами или разными фарсами. Тамъ было, по пословицѣ царя Алексѣя Михаиловича, «дѣлу время, а потѣхѣ часъ». Въ 1706 году, въ годъ смерти второго [29]) директора русскаго театра, графа Ѳ. А. Головина, второй антрепренеръ, бывшій золотыхъ дѣлъ мастеръ Артемій Фюрстъ принималъ участіе въ церемоніи его похоронъ; по-

слѣднія, какъ извѣстно по уцѣлѣвшей современной гравюрѣ, отличались необыкновенною пышностью, актерамъ были выданы изъ театральнаго платья «латы добрыя всея воинскія одежды и съ поручи и съ руками».

При другой тоже пышной церемоніи, для торжества по случаю Полтавской побѣды, въ Москвѣ было построено нѣсколько тріумфальныхъ воротъ и на однихъ, именно въ Китаѣ-Городѣ, на площади у церкви Казанскія Богородицы, устроены декораціи изъ комедіальнаго дома. Извѣстно еще, что въ 1713 году, по указу царицы Прасковьи, были взяты изъ «комедіи, обрѣтающіяся близь Николаевскихъ воротъ, двадцать преспективныхъ картинъ».

На всѣхъ этихъ театрахъ русскими учениками Кунпта и Фюрста играны были пьесы слѣдующія: «О Ѳранталисѣ эпирскомъ и о Мирандонѣ сынѣ его», «О честномъ измѣнникѣ», «Тюрмовый заключенникъ или принцъ Пикельгярингъ», «Постоянный папиньянусъ», «Докторъ Принужденный» и проч.

Всѣ эти пьесы имѣли всѣ театральные эфекты и ужасы — сраженія, убійства и проч.

По обыкновенію, въ пьесахъ были и смѣшныя сцены, гдѣ шутъ Пикель Гярингъ [30]) сыплетъ грязныя площадныя шутки, поетъ куплеты, въ родѣ:

Братья, да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся!
Богъ убо вѣсть — сколько намъ жити,
Нынѣ идемъ купно въ поле,
Убитыми быть или вздравѣ и т. д.

Берхгольцъ говоритъ, что о представленіяхъ на театрахъ къ знатнымъ людямъ сами актеры разносили афиши и что одинъ изъ такихъ придумалъ даже извлекать изъ этого выгоды, выпрашивая вознагражденіе, за что и былъ наказанъ батогами. Афиши были печатныя и, такъ называемыя, перечневыя; послѣднія печатались для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представленія.

Послѣ Петра I, при Екатеринѣ и въ послѣдующее царствованіе въ Москвѣ публичныхъ представленій не было. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны простота прежнихъ временъ смѣнилась великолѣпіемъ и пышностью. Никогда еще коронованіе русскихъ государей не совершалось съ такимъ великолѣпіемъ и блескомъ, какъ коронація Анны Іоанновны. Къ этому торжественному дню польскій король Августъ II отправилъ въ Москву отборнѣйшіе таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились европейскія знаменитости, превосходныя пѣвицы, танцовщики и музыканты. Изъ числа ихъ особенно

отличалась актриса Казанова, мать извѣстнаго авантюриста Жака Казанова, и комикъ пѣвецъ Педрилло, впослѣдствіи шутъ государыни.

Этими-то артистами и была представлена первая итальянская интермедія, съ неслыханною роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ. Въ 1741 году, съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, началась новая блистательная эпоха процвѣтанія драматическаго искусства въ Россіи и въ ея же царствованіе положено начало отечественному театру. Ко дню коронованія императрицы въ Москвѣ нарочно былъ построенъ новый театръ на берегу Яузы; театръ былъ обширенъ и прекрасно убранъ. Въ день коронаціи былъ данъ первый великолѣпный спектакль на итальянскомъ языкѣ; онъ состоялъ изъ оперы: «Clemenzo di Titto» (Титово милосердіе) и «La Russia affletta et riconsolata» (Опечаленная и вновь утѣшенная Россія), большая аллегорическая интермедія, смысла которой пояснять ненужно, потому что онъ виденъ изъ самаго заглавія пьесы. Послѣ слѣдовалъ балетъ «Радость народа, появленіе Астреи на россійскомъ горизонтѣ и о возстановленіи златого вѣка».

Балетъ, по сказаніямъ современниковъ, былъ превосходный и приводилъ въ неимовѣрный восторгъ публику.

Въ слѣдующіе дни торжества былъ представленъ еще другой балетъ: «Золотое яблоко на пирѣ боговъ, или судъ Париса». Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антоніемъ Ринальдо-Фузано; этотъ балетмейстеръ служилъ прежде при дворѣ Анны Іоанновны и былъ преподавателемъ танцованія великой княгини Елисаветы Петровны.

При первомъ извѣстіи о восшествіи ея на престолъ Фузано, бывшій тогда въ Парижѣ, поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы представиться вѣнценосной своей ученицѣ и предложить ей свои услуги; императрица тотчасъ же его приняла и наименовала вторымъ придворнымъ балетмейстеромъ для комическихъ балетовъ; первымъ балетмейстеромъ и хореграфомъ трагическихъ танцевъ числился Ланде, въ то время находившійся заграницей. Въ 1759 году въ Москву былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію актеръ Ѳ. Г. Волковъ вмѣстѣ съ другимъ актеромъ Яковомъ Шумскимъ, для основанія публичнаго театра.

Прибывшіе въ Москву артисты нашли русскій театръ уже существующимъ; построенъ онъ былъ въ 1756 году въ маломъ видѣ у Краснаго пруда [31]), гдѣ теперь станція желѣзной дороги, въ домѣ Локателли; антрепренеръ московскаго театра Джіовани-Батисто Локателли пріѣхалъ въ Россію въ 1757 году съ итальянскою труп-

пою, гдѣ главныя роли исполняли пѣвицы Марія Комати и Жіованна Локателли, называвшаяся по театру Стелла, и затѣмъ Бунни; пѣвцами у него были: Андреасъ Еліасъ, Ергардъ, теноръ Бунни и молодой кастратъ Масси; первыя представленія онъ давалъ въ Петербургѣ на придворномъ театрѣ.

Черезъ годъ онъ переѣхалъ въ Москву, куда выписалъ еще пѣвцовъ, музыкантовъ и танцоровъ; лучшими въ его труппѣ были: пѣвица Монтаваники и кастратъ Монфредини; первый спектакль далъ хорошій сборъ, но потомъ пошли плохіе сборы, за входъ къ нему въ театръ платили по рублю съ человѣка, а на ложи существовала годовая плата по 300 рублей. Наши баре въ то время отдѣлывали свои абонементныя ложи шелковыми матеріями и зеркалами; оперою здѣсь распоряжался Локателли, итальянскія интермедіи давались безденежно, къ смотрѣнію ихъ университетъ приглашалъ все дворянство, какъ тогда объявлялось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Театръ находился подъ управленіемъ директора университета Мих. Матв. Хераскова, писавшаго для него пьесы вмѣстѣ съ Сумароковымъ.

Въ числѣ актеровъ здѣсь были извѣстные впослѣдствіи литераторы, тогда еще университетскіе студенты: Я. П. Булгаковъ, Д. И. Фонвизинъ. Для поощренія талантовъ государыня повелѣла награждать шпагами тѣхъ, которые окажутся хорошими актерами. На этомъ же театрѣ появилась первая русская актриса Авдотья Михайлова.

Первая пьеса, представленная на московскомъ публичномъ театрѣ, называлась: «Сердечный магнитъ», драма увеселительная, съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ итальянскаго студента Егора Булатницкаго, бѣлыми стихами.

За нею давалась другая пьеса съ великолѣпнымъ спектаклемъ, подъ названіемъ: «Обращенный міръ» (т. е. «Свѣтъ на выворотъ»), драма увеселительная, съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, изобрѣтенная живописью, театральнымъ украшеніемъ Ангіоломъ Карбономъ (Анжело Карбоно), инженеромъ Болонскимъ. Танцы Гаспара Сантини. Послѣ нихъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ шла героическая комедія въ стихахъ М. Хераскова «Безбожникъ».

Но театръ московскій долго не могъ держаться, потому что не имѣлъ постоянной труппы, актеры-студенты, оканчивая курсъ въ университетѣ, поступали на государственную службу или уѣзжали въ Петербургъ или провинціи. Новое званіе и служба не позволяли имъ продолжать сценическое поприще, театръ сиротѣлъ и

оскудѣвалъ. Въ 1761 году онъ рушился совершенно; многіе его артисты перешли въ Петербургъ на придворный театръ.

Во время коронаціонныхъ празднествъ, при восшествіи на престолъ Екатерины II, въ Москвѣ, какъ мы выше уже говорили, были даны великолѣпныя театральныя представленія, затмившія всѣ до этихъ поръ видѣнныя сценическія зрѣлища. Въ началѣ царствованія Екатерины вольный московскій театръ содержалъ все тотъ же итальянецъ Бельмонти.

Въ эту эпоху на московскомъ театрѣ случился неслыханный до этого времени театральный скандалъ. Около 1770 года Бельмонти поставилъ на своемъ театрѣ драму Бомарше «Евгенія»; пьеса эта не принадлежала къ классическому репертуару и, какъ не модная, не имѣла даже успѣха въ Парижѣ. Петербургскій театръ тоже ея не принялъ. «Евгенія» въ Москвѣ явилась въ переводѣ молодого литератора Пушникова, прошла съ большимъ успѣхомъ и дѣлала полные сборы.

Проживавшій тогда въ Москвѣ А. П. Сумароковъ, видя такой рѣдкій успѣхъ, возмутился и написалъ письмо къ Вольтеру. Тонкій Фернейскій философъ отвѣчалъ Сумарокову въ его тонѣ. Подкрѣпленный словами Вольтера, Сумароковъ рѣшительно возсталъ противъ «Евгеніи» и бранилъ Бомарше на чемъ свѣтъ стоитъ.

Но его не слушали. Бельмонти попрежнему продолжалъ давать ее на своемъ театрѣ, московская публика продолжала наполнять театръ во время спектаклей и попрежнему апплодировала «слезной мѣщанской драмѣ», какъ называли этотъ новый родъ пьесъ Вольтеръ и Сумароковъ съ компаніей классиковъ. Тогда возмущенный Сумароковъ написалъ не только рѣзкую, но даже дерзкую статью и противъ драмы, и противъ актеровъ, и противъ публики, умышленно называя переводчика «подъячимъ» — худшаго названія онъ не могъ придумать. «Ввелся у насъ, — писалъ онъ, — новый и пакостный родъ слезныхъ драмъ. Такой скаредный вкусъ не приличенъ вкусу Великой Екатерины... «Евгенія», не смѣя явиться въ Петербургъ, вползла въ Москву, и какъ она скаредно ни переведена какимъ-то подъячимъ, какъ ее скверно ни играютъ, а она имѣетъ успѣхъ. Подъячій сталъ судьей Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики. Конечно, скоро будетъ преставленіе свѣта. Но неужели Москва скорѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ?»

Этими словами какъ все московское тогдашнее общество, такъ и актеры съ содержателемъ театра сильно обидѣлись и поклялись отомстить Сумарокову за его выходки. Сумароковъ, чувствуя при-

ближеніе грозы, заключилъ съ Бельмонти письменный договоръ, по которому послѣдній обязывался ни подъ какимъ видомъ не давать на своемъ театрѣ его трагедій, обязуясь въ противномъ случаѣ за нарушеніе договора поплатиться всѣми собранными за спектакль деньгами.

Но это не помѣшало врагамъ Сумарокова привести свой планъ въ исполненіе. Они упросили московскаго губернатора Салтыкова приказать Бельмонти поставить его «Синава и Трувора», потому что, какъ говорили они, это было желаніемъ всей Москвы. Салтыковъ, ничего не подозрѣвавшій, приказалъ Бельмонти поставить эту трагедію. Бельмонти, какъ и актеры, былъ очень радъ насолить Сумарокову и приказалъ артистамъ исказить пьесу насколько было возможно. Въ назначенный вечеръ театръ наполнился враждебной Сумарокову публикой, занавѣсъ поднялся и едва актеры успѣли нарочно дурно выговорить нѣсколько словъ, раздались свистки, крики, стукъ ногами, ругательства и прочія безчинства, тянувшіяся довольно долго.

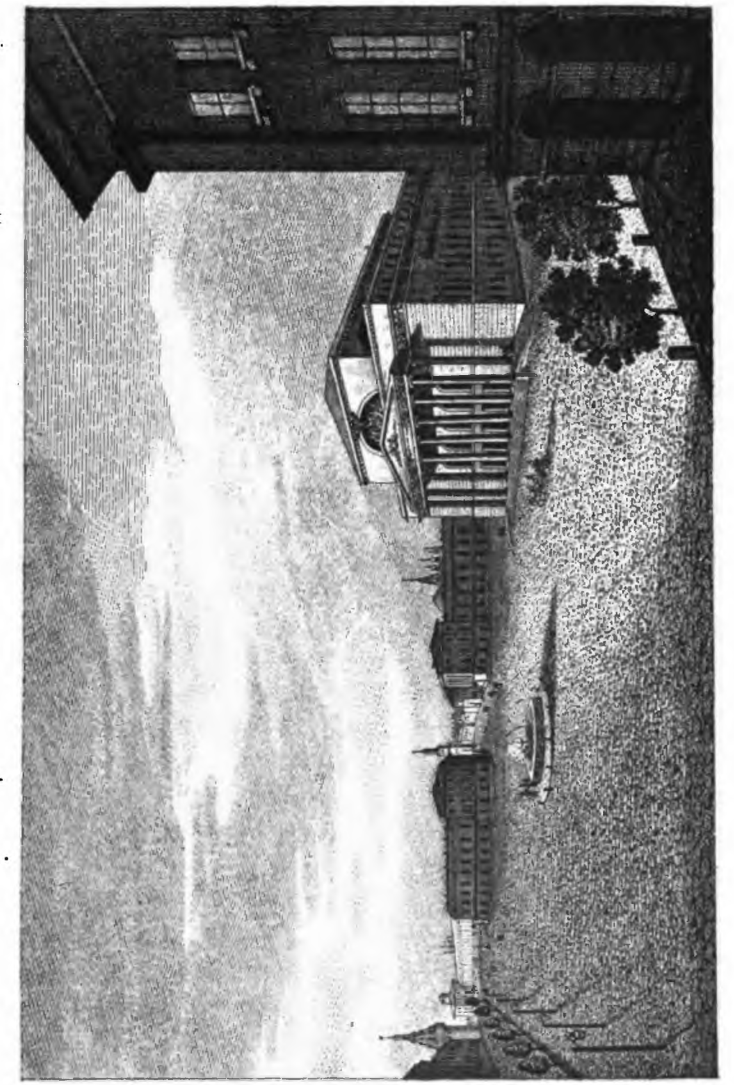
Никто трагедіи не слушалъ, публика старалась исполнить все, въ чемъ ее упрекалъ Сумароковъ. Мужчины ходили между креселъ, заглядывали въ ложи, разговаривали громко, смѣялись, хлопали дверьми, грызли у самаго оркестра орѣхи и на площади по приказу господъ шумѣли слуги и дрались кучера. Скандалъ вышелъ колоссальный, Сумароковъ пришелъ въ бѣшенство.

Такой неслыханный скандалъ повергъ его въ сильный гнѣвъ; онъ не зналъ, что дѣлать, ходилъ по комнатѣ, плакалъ, перечитывалъ послѣднее письмо Вольтера о драмѣ Бомарше, и наконецъ излилъ свое горе въ слѣдующихъ строкахъ:

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада.
Ступайте, фуріи! ступайте вонъ изъ ада.
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,—
Сейчасъ среди Москвы «Синава» представляютъ
И вотъ какъ автора несчастнаго терзаютъ...

Послѣ вскорѣ онъ написалъ къ государынѣ жалобу на Салтыкова. Государыня ему отвѣтила, что ей пріятнѣе видѣть «представленіе страстей въ его драмахъ, нежели въ его письмахъ». Этимъ дѣло не кончилось, письмо было перетолковано въ самую неблагопріятную для Сумарокова сторону; онъ написалъ на эти слухи эпиграмму, начинавшуюся такъ:

Намѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ;
Хотя разносится кукушечья молва,
Кукушкамъ ли понять богинины слова?..



Большой театръ и театральная площадь въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры Аркадьева.

Московское общество, въ свою очередь, упросило въ это время бывшаго въ Москвѣ молодого Державина отвѣтить на «Кукушку», и онъ написалъ «Сороку», окончивъ ее такъ:

«Сорока что совретъ,
То все слыветъ сорочій бредъ».

И подписалъ ее двумя буквами Г. Д. Послѣднее обстоятельство дало возможность Сумарокову заподозрить ни въ чемъ неповиннаго какого-то Гавріила Дружерукова, и послѣдній едва отдѣлался отъ Сумарокова.

Помимо русскихъ спектаклей у Бельмонти давались итальянскія интермедіи и оперы; пѣвцами въ то время у него служили: Мора, Фонети, Тоника, Пріоръ съ женою и другіе. Въ 1766 году антрепризу русскаго театра взялъ на себя полковникъ Н. С. Титовъ.

Представленія собранной имъ труппы давались въ Головинскомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ бытность императрицы Екатерины въ Москвѣ. Титовъ взялъ въ свою труппу актеровъ: Померанцева, Калиграфа и Базилевича; остальные персонады, нужные для спектаклей, дополнялись изъ разнаго званія людей; маскарады и оперные спектакли остались по пятилѣтнему контракту за Бельмонти; послѣдній, впрочемъ, въ это время принялъ къ себѣ въ компаніоны еще Чути. Титовъ содержалъ театръ до 1769 года; послѣ него антрепризу приняли опять итальянцы. Въ эти же годы казна отвела Бельмонти и Чути мѣсто для постройки между Покровскими и Мясницкими воротами, гдѣ были стѣна Бѣлаго города и Лѣсной рядъ. По словамъ А. А. Мартынова [32]), послѣ шли представленія въ домѣ графа С. И. Воронцова на Знаменкѣ, гдѣ теперь домъ М. С. Бутурлиной.

Затѣмъ театръ принялъ иностранецъ Гроти, къ которому въ 1776 году поступилъ въ товарищи московскій губернскій прокуроръ князь П. В. Урусовъ. Въ этомъ же году Гроти отдѣлился отъ него, и князь Урусовъ одинъ содержалъ Московскій публичный театръ и «съ благопристойными къ удовольствію публики увеселеніями», а также устраивалъ уже одинъ концерты, маскарады и воксалы. Князь Урусовъ принялъ къ себѣ въ товарищи англичанина Михаила Егоровича Медокса.

По уличному прозвищу въ Москвѣ, онъ слылъ за кардинала. Прозвище это онъ получилъ за свой обычай ходить всегда въ красномъ плащѣ. Медоксъ былъ превосходный механикъ; онъ сдѣлалъ часы съ полнымъ оркестромъ музыки и различными фигурами, приходящими въ движеніе, подобно механизму извѣстныхъ

страсбургскихъ часовъ. Эти часы были поднесены императрицѣ Екатеринѣ и цѣнились очень высоко. Одно время они стояли въ Москвѣ у извѣстнаго антикварія Г. Лухманова; на нихъ съѣзжалась смотрѣть вся Москва. Часы эти впослѣдствіи купилъ сынъ фельдмаршала графа Каменскаго.

Медоксъ былъ болѣе двадцати пяти лѣтъ антрепренеромъ театра и кромѣ долговъ ничего не нажилъ.

Извѣстно, что почти всѣ театры въ Москвѣ погибли отъ пожаровъ. Такъ и театръ, который арендовали Медоксъ съ княземъ Урусовымъ на Знаменкѣ, сгорѣлъ во время представленія трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Пожаръ этотъ стоилъ жизни извѣстному въ то время актеру Калиграфу: на немъ онъ простудился и затѣмъ вскорѣ умеръ.

Большіе убытки отъ пожара потерпѣлъ князь Урусовъ. Это обстоятельство и принудило его уступить свою привилегію держать театръ Медоксу за 28,000 рублей; сверхъ этого новый содержатель театра былъ повиненъ платить опекунскому совѣту ежегодно 3,100 рублей. Получивъ привилегію, Медоксъ заложилъ свое воксальное заведеніе за 50,000 рублей и принялся за постройку большого каменнаго театра. Мѣсто для новаго театра Медоксъ купилъ у князя Лобанова-Ростовскаго, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, что въ Копьѣ (отъ этой улицы большой московскій театръ и сталъ называться Петровскимъ).

Планъ и работы производилъ ему архитекторъ Розбергъ; театръ былъ построенъ въ пять мѣсяцевъ и обошелся Медоксу въ 130,000 рублей. Тогдашній начальникъ столицы, князь В. М. Долгорукій-Крымскій, остался такъ доволенъ зданіемъ, что далъ Медоксу привилегію на содержаніе театра еще на десять лѣтъ, т. е. до 1796 года.

Внутреннее устройство этого театра было почти такое же, какое было до пожара 1853 года, съ тою только разницею, что ложи не были открыты, но каждая составляла какъ бы отдѣльную комнату; подлѣ оркестра были особыя мѣста, занимаемыя постоянными посѣтителями; назывались они «табуретами», и большая часть владѣльцевъ этихъ мѣстъ имѣли свои собственные крѣпостные театры въ Москвѣ. Это были строгіе цѣнители и судьи, и Медоксъ часто руководствовался ихъ совѣтами.

Они получали всегда приглашенія на двѣ генеральныя репетиціи новой пьесы, вмѣстѣ съ авторами и переводчиками. Каждый изъ такихъ гостей имѣлъ здѣсь голосъ.

Если ареопагъ знатоковъ общимъ приговоромъ рѣшалъ, что пьеса идетъ успѣшно, что каждый актеръ на своемъ мѣстѣ и

твердо зналъ свою роль, суфлеръ переходилъ на амплуа безполезностей и когда Аполлонъ не скакалъ на сценѣ, тогда только Медоксъ назначалъ первое представленіе.

Публика была всегда увѣрена, что увидитъ что нибудь «совокупное», какъ тогда называли ensemble. Въ то время пьеса розыгрывалась безъ докучнаго эхо, и изъ дыры не торчала всклоко-ченная голова суфлера, на которую тогда еще не было изобрѣтено деревяннаго колпака. Мѣста для дамъ были кресла,—стоили они 2 рубля; партеръ былъ за креслами, цѣною по рублю за мѣсто. Ложи не продавались на одинъ спектакль; въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1780 года, № 76, напечатано объявленіе Медокса о принятіи подписки на годовой наемъ мѣстъ; онѣ оставались на полной отвѣтственности годовыхъ абонентовъ, которые обязаны были оклеивать ихъ на свой счетъ обоями, освѣщать и убирать какъ хотѣли: каждая ложа имѣла свой замòкъ и ключъ хранился у хозяина ложи. Декораціи тогдашняго театра были просты, написаны по-домашнему, хотя многія изъ нихъ писывалъ «Ефремъ, россійскихъ странъ маляръ», но они не были несообразны, а художественны. Въ костюмахъ играли первыя роли: китайка, коломенка и крашенина.

Отстроенный большой театръ представлялъ большое удобство для спектаклей и маскарадовъ, которые посѣщало тогда все высшее общество; они давались въ особой великолѣпной круглой залѣ (ротондѣ), украшенной зеркалами, гдѣ при собраніи многочисленной публики освѣщеніе производило изумительный эфектъ.

Планъ [33]) внутренняго устройства этой залы и идею далъ самъ Медоксъ. Это было нѣчто изящное въ своемъ родѣ: зала освѣщалась сверху огнемъ, горѣвшимъ въ 42 хрустальныхъ люстрахъ; къ ней примыкали еще нѣсколько большихъ гостиныхъ. Входъ въ маскарадъ стоилъ рубль мѣдью. Посѣтители всѣ допускались только замаскированные. Петровскій театръ былъ открытъ въ 1780 году; для этого случая, по желанію государыни, Аблесимовъ сочинилъ прологъ-діалогъ въ стихахъ «Странники»; въ немъ были выведены: Аполлонъ, Меркурій, Момусъ, Муза, Талія и Сатиръ. Декорація представляла вдали Парнасъ, у подножія котораго лежала Москва съ возвышающимся новымъ великолѣпнымъ зданіемъ; къ нему подъѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ Аполлонъ, предшествуемый Меркуріемъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ открытія Петровскаго театра, на Медокса посыпались невзгоды. Въ это время Ив. Ив. Бецкій нашелъ выгоднымъ для казны учредить публичный театръ при мо-

сковскомъ воспитательномъ домѣ, съ двумя труппами—русской и итальянской. Это обстоятельство заставило Медокса подать прошеніе бывшему тогда главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву.

Просьба его осталась не уважена, но на его счастіе вдругъ произошла перемѣна. И. И. Бецкій нашелъ неприличнымъ, чтобъ дѣвицы воспитательнаго дома танцовали и представляли на пу-

П. А. Плавильщиковъ.

бличномъ театрѣ и потому, запретивъ воспитанникамъ участвовать въ спектакляхъ, заключилъ съ Медоксомъ слѣдующее условіе: 1) уступается ему театръ, устроенный въ большой залѣ главнаго корпуса; 2) вносить Медоксу ежегодно десятую часть съ собираемыхъ доходовъ съ театра въ воспитательный домъ; 3) принять гардеробъ за 4,000 рублей и 4) принять же ему, Медоксу, на полное содержаніе и жалованье питомцевъ обоего пола, которые были привезены изъ петербургскаго театра къ московскому: для балетовъ 50 человѣкъ, для декламаціи 24 человѣка и для музыки 30 человѣкъ; 5) воспитательный домъ обязывается съ своей стороны построить еще другой театръ внѣ главнаго корпуса и дозволить Медоксу одному производить на нихъ представленія и кромѣ

Медокса никому уже содержанія публичнаго театра въ Москвѣ не дозволять.

Такимъ образомъ, Медоксъ сдѣлался владѣльцемъ и распорядителемъ двухъ театровъ. Онъ началъ съ того, что уволилъ всю иностранную труппу, состоящую изъ нѣмцевъ и французовъ, принятую воспитательнымъ домомъ, а строеніе театра, со всѣми принадлежностями, положилъ продать и вырученныя деньги обратить на уплату долговъ своихъ; но въ этомъ онъ не успѣлъ, и впослѣдствіи его финансы отъ всѣхъ предпріятій до того разстроились, что еслибъ даже ему была уступлена опекунскимъ совѣтомъ десятая часть доходовъ съ театра, которую Медоксъ никогда не платилъ, 188,150 руб., то и затѣмъ онъ остался бы совѣту долженъ слишкомъ 100,000 рублей. У Медокса осталась одна русская опера. Изворотливый Медоксъ прилагалъ все стараніе, чтобы придать занимательность своимъ спектаклямъ.

Въ продолженіе года онъ поставилъ, впрочемъ, не болѣе 80 спектаклей.

Замѣчательно, что въ первое время публика считала по какому-то предубѣжденію русскую сцену неспособною для оперы, и когда первую русскую оперу «Перерожденіе» въ 1777 г. рѣшились играть, то Медоксъ такъ былъ неувѣренъ въ успѣхѣ, что передъ представленіемъ заставилъ актеровъ въ нарочно сочиненномъ для этого разговорѣ испросить у публики дозволенія сыграть ее.

Русская труппа Медокса въ восьмидесятыхъ годахъ состояла изъ тринадцати актеровъ и девяти актрисъ; настоящихъ танцовщицъ было четыре и три танцовщика вмѣстѣ съ балетмейстеромъ; музыкантовъ было двѣнадцать человѣкъ, изъ нихъ одинъ капельмейстеръ Керцелли. Вся труппа получала жалованья 12,139 р. 50 к.; старшій окладъ былъ 2,000 руб.; получалъ его одинъ актеръ Померанцевъ. Актеры у него были: Лапинъ, Залышкинъ, Сахаровъ, Волковъ, Ожогинъ, Украсовъ, Колесниковъ, Ѳедотовъ, Поповъ, Максимовъ, Померанцевъ и Шушеринъ, послѣдніе оба играли въ драмахъ и комедіяхъ: первый былъ превосходный актеръ въ роляхъ благородныхъ отцовъ; у него была превосходная дикція, онъ готовился поступить въ дьячки, но невзначай какъ-то попалъ въ театръ и здѣсь рѣшилась его судьба, онъ поступилъ въ актеры.

Померанцевъ былъ красавецъ собою и обладалъ ловкостью и благородствомъ—онъ былъ актеръ чувства.

Это былъ предтеча знаменитаго П. С. Мочалова; Карамзинъ сравнивалъ его съ великимъ французскимъ актеромъ Моле, восхищавшимъ въ свое время всю Европу. Для Померанцева на сценѣ

тогдашнихъ заученныхъ классическихъ жестовъ и позъ не существовало—во время игры онъ забывалъ все на свѣтѣ.

Жесты этого актера были очень просты, но всегда кстати—за нимъ, какъ говорили его современники, водился одинъ странный жестъ указательнаго пальца, и этотъ жестъ у него, какъ у знаменитаго трагика Девріена, былъ потрясающій въ драматическихъ моментахъ. Разсказывали, что, когда Померанцевъ подымалъ свой указательный палецъ въ торжественныя минуты,—у зрителей становился волосъ дыбомъ.

Онъ былъ великъ въ роляхъ просто человѣческихъ, но не героевъ—послѣднихъ онъ не любилъ играть. Къ его портрету тогдашній поэтъ сказалъ:

На что тебѣ искусство?
Оно не твой удѣлъ. Твоя наука—чувство.

Другой актеръ, Шушеринъ, былъ какъ разъ противоположностью Померанцева. Вся его игра было чисто ходульная, искусственная, у него все было разсчитано—голосъ, осанка; онъ не игралъ на сценѣ, какъ говорили про него тогдашніе критики, но повелѣвалъ надъ собою.

Его недостатки были неотъемлемою потребностью вѣка. Шушеринъ былъ не хорошъ собою, но на сценѣ былъ красавецъ—особенно глаза его были выразительны, и часто, вмѣсто словъ, онъ отвѣчалъ однимъ взглядомъ и одной улыбкой, и выше этого краснорѣчія не могла стать ни одна классическая фраза. Такіе моменты были блистательны въ его игрѣ. Роли короля Лира (по тогдашнему Леара) и царя Эдипа были коронныя въ репертуарѣ этого актера. Вскорѣ онъ перешелъ на службу въ Петербургъ [34]), гдѣ, впрочемъ, долго не ужился, а опять переѣхалъ въ Москву. С. Глинка разсказываетъ, что здѣсь онъ построилъ себѣ уютный домикъ и въ іюнѣ 1812 года праздновалъ новоселье, на которомъ, выпивая заздравный кубокъ, Глинка ему пророчески сказалъ: «хозяину дай Богъ пожить еще сто лѣтъ, а дому не устоять». Тогда всѣ дивились такому предсказанію. Къ несчастію, оно оправдалось; осенью того же года домъ Шушерина сгорѣлъ во время пожара Москвы до-тла, а хозяинъ пережилъ его нѣсколькими мѣсяцами.

Комикомъ въ труппѣ Медокса былъ Ожогинъ. Этотъ актеръ былъ необходимъ для райка. Онъ былъ большого роста, съ комическою физіономіею и удивительно развязный на сценѣ; голосъ

его былъ грубъ и сиповатъ; онъ былъ не дуренъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; но этотъ же мельникъ-Ожогинъ являлся и въ Коррадо де-Герера, въ оперѣ «Рѣдкая вещь», и въ роли французскаго бочара «Мартына».

Волковъ былъ крѣпостной человѣкъ князя Волконскаго, игралъ роль слугъ, что по тогдашнему репертуару считалось не легкимъ; Колесниковъ въ свое время былъ лучшій пѣвецъ; Украсовъ, не смотря на свои преклонные года, игралъ все вертропраховъ и исполнялъ ихъ превосходно, не смотря на то, что ему измѣнялъ уже голосъ и хрипѣлъ. Замѣчательные трагическіе актеры были—Лапинъ и Сахаровъ; первый перешелъ на московскую сцену изъ Петербурга, потому что не поладилъ съ Дмитревскимъ.

Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, дѣлавшія его отличнымъ трагикомъ: красивую наружность, звучный и гибкій голосъ, чистую и правильную дикцію. Въ игрѣ его было много благородства и онъ чрезвычайно напоминалъ собою знаменитаго французскаго актера Флораджа.

Женскія первыя роли исполняли: Надежда Калиграфъ, замѣчательная актриса въ роляхъ трагическихъ и женщинъ жестокихъ и коварныхъ; М. С. Синявская играла первыхъ любовницъ, гдѣ требовалось сильное чувство, и затѣмъ въ роляхъ героинь.

Двѣ эти актрисы были изъ первыхъ. Померанцева исполняла роли старухъ и, по сказаніямъ современниковъ, въ драмахъ заставляла плакать, а въ комедіяхъ морила со смѣху; играла также въ операхъ, талантъ имѣла необыкновенный. Баранчеева играла роли благородныхъ матерей и большихъ барынь. Е. А. Носова—превосходная и симпатичная оперная актриса—обладала прекраснымъ голосомъ и большимъ талантомъ, но была безграмотна и всѣ роли ей начитывали. По словамъ современниковъ, она замѣчательно пѣла русскія пѣсни, какъ напримѣръ: «При долинушкѣ стояла»; послѣднюю нерѣдко по востребованію публики повторяла до десяти разъ, такъ что едва не задыхалась.

Успѣхъ съ нею раздѣлялъ также пѣвецъ Колесниковъ, лучшій въ тогдашнее время теноръ. Изъ оперныхъ актрисъ славилась въ Екатерининское время еще извѣстная Лизанька Сандунова. Особенно большой успѣхъ въ концѣ царствованія Екатерины имѣли въ Москвѣ оперы: «Волшебная флейта», «Діанино древо», «Cosa rara», «Венеціанскій купецъ», затѣмъ «Старинныя святки», «Водовозъ» и «Русалка».

Во всѣхъ этихъ операхъ отличалась Сандунова; только въ это время даровитая пѣвица не представляла уже большого инте-

реса, потому что была въ лѣтахъ и внѣшность имѣла уже далеко не привлекательную. Сандунова была низенькаго роста и очень полная на видъ. Сандунова положила на музыку извѣстную пѣсню «Ѣхалъ казакъ за Дунай».

Сандунова нерѣдко играла и у французовъ; такъ, въ оперѣ «L'amant statue» она неподражаемо исполняла роль Селимены. Но и въ то время, когда Сандунова допѣвала свои аріи, пѣтыя еще

Сила Николаевичъ Сандуновъ.

при Екатеринѣ, въ Москвѣ она имѣла многихъ страстныхъ обожателей ея таланта. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ. Въ описываемое время, какъ разсказываетъ князь Вяземскій, въ Москву пріѣзжала изъ Петербурга на нѣсколько представленій извѣстная актриса Филисъ-Андріе.

Поклонники русскихъ актрисъ взволновались и вооружились противъ нашествія иностранокъ. Поклонникъ Сандуновой Гусят-

никовъ особенно сильно вооружался противъ французовъ. Однажды пріѣзжаетъ онъ въ французскій спектакль, садится въ первый рядъ креселъ и только что начинаетъ Филисъ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и налѣво взгляды презрѣнія и негодованія на недостойныхъ французолюбцевъ, какъ ихъ тогда называли въ Москвѣ.

Про мужа знаменитой актрисы Филисъ-Андріе, который хотя и былъ плохой актеръ, но за жену петербургское общество къ нему благоволило, ходилъ слѣдующій анекдотъ: при императорѣ Александрѣ I однажды былъ назначенъ въ Эрмитажѣ спектакль. Утромъ того дня Андріе, встрѣтясь на Дворцовой набережной съ государемъ, спросилъ его, можетъ ли онъ вечеромъ явиться на сценѣ ненапудренный.

— Дѣлайте какъ хотите, отвѣчалъ государь.

— О, я знаю, государь, отвѣчалъ Андріе,—вы добрый малый, но что скажетъ маменька?

Достойной ея соперницей на московской сценѣ была еще жена Померанцева. По словамъ тогдашнихъ театральныхъ критиковъ, это былъ совершенный «оборотень». Изъ слезливой драмы она переходила въ живую и веселую комедію. Она являлась то сентиментальной дѣвушкой, то наивной пейзанкой, то хитрой, оборотливой служанкой и всегда публика встрѣчала и провожала ее аплодисментами. Умъ, живость, ловкость и необыкновенная веселость были всегдашними ея спутниками. Она одѣвалась съ необыкновеннымъ вкусомъ; тогдашняя публика любила ее до обожанія.

Въ числѣ артистовъ театра Медокса были еще два замѣчательныхъ таланта, это — Плавильщиковъ и Сандуновъ, мужъ актрисы. Первый изъ этихъ актеровъ имѣлъ декламацію пышную и высокопарную, онъ былъ сколкомъ тогдашняго знаменитаго французскаго трагика Барона. Плавильщиковъ сложеніемъ былъ колоссъ. Играя роли героевъ, онъ приходилъ въ такой пафосъ, что приводилъ весь театръ въ трепетъ. До поступленія на сцену онъ былъ учителемъ исторіи. Не менѣе хорошъ Плавильщиковъ былъ и въ роляхъ такъ называемыхъ тогда мѣщанскихъ; въ послѣднихъ, по разсказамъ современниковъ, онъ трогалъ зрителей до слезъ.

Плавильщиковъ написалъ нѣсколько пьесъ для сцены.

Сандуновъ, Сила Николаевичъ, происходилъ родомъ изъ дворянъ. Это былъ первый русскій комикъ; амплуа его были роли

слугъ. Въ то время господствовала на русской сценѣ французская комедія, въ которой всѣ интриги, по обыкновенію, завязывались и держались на плутѣ-слугѣ или ловкой служанкѣ и амплуа слуги было самое трудное. Сандуновъ въ такихъ роляхъ былъ неподражаемъ и былъ на сценѣ какъ дома: смѣлъ, развязенъ и ловокъ.

Елисавета Семеновна Сандунова.

Сандуновъ былъ самый модный и любимый актеръ. Всѣ тогдашніе молодые люди въ обществѣ старались ему подражать; у него было множество друзей между знатью въ свѣтѣ; онъ былъ небольшого роста, прекрасно сложенъ, говорилъ прищуривая глаза, но сквозь эти щелки вѣкъ вырывались взгляды самые умные и хитрые: онъ высматривалъ каждое движеніе того, съ кѣмъ говорилъ, и проникалъ его насквозь. Его женитьба извѣстна всѣмъ, и сама Екатерина II принимала въ ней живѣйшее участіе. Санду-

новъ одно время служилъ въ Петербургѣ, но послѣ опять перешелъ въ Москву. Во время нашествія французовъ въ 1812 году онъ бѣжалъ въ Сумы и здѣсь явился съ бородой и въ мужицкой сермягѣ къ своему пріятелю А. А. Палицыну, извѣстному переводчику «Новой Элоизы» Жанъ-Жака Руссо.

— У меня погибли всѣ пожитки, сказалъ Сандуновъ своему пріятелю,—но о нихъ не жалѣю: у меня уцѣлѣли двѣ вещи, для меня самыя дорогія: мраморный бюстъ матушки Екатерины и ея пѣсня; она всегда у меня въ карманѣ, вотъ тутъ—близъ сердца. Съ этой пѣснею узналъ я свѣтъ, съ нею и въ гробъ лягу!

Сандуновъ умеръ въ Москвѣ и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ. На могилѣ его стоитъ чугунный крестъ съ лавровымъ вѣнкомъ и на развернутомъ свиткѣ читается эпитафія, написанная его братомъ:

Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливой,
И кто меня въ семъ жречествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ,
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ надписи прохожій проникай!
Тщеславься жизнію, но знай,
Что міра этого актеры и актрисы,
Окончивъ роль—какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы!
Кто роль свою умѣетъ выдержать до конца,
Тотъ воздаянія получитъ—отъ Творца.

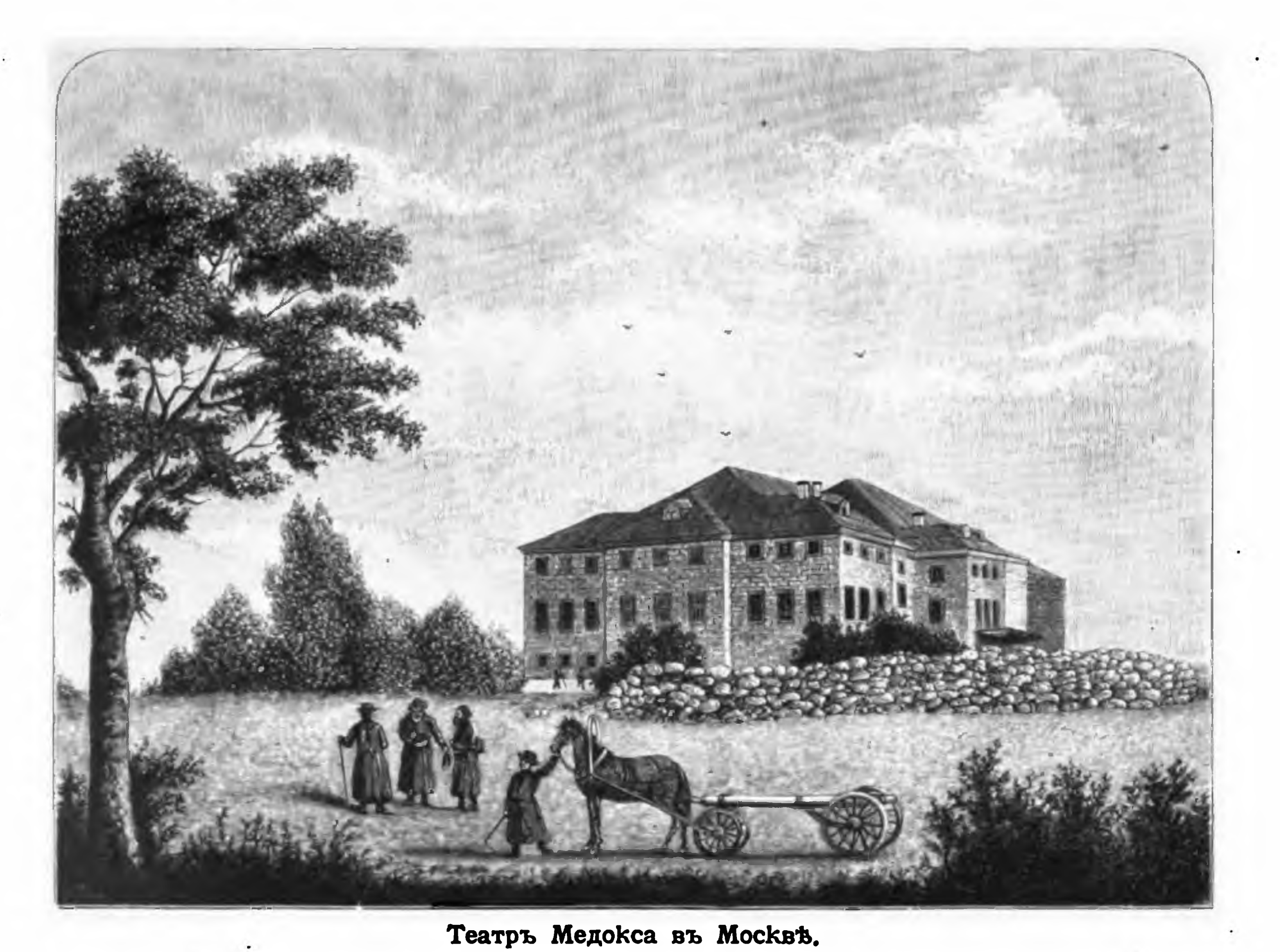
Братъ Сандунова былъ извѣстный въ то время оберъ-секретарь. Братья были очень дружны между собою, что не мѣшало имъ нерѣдко подтрунивать другъ надъ другомъ.

— Что это давно не видать тебя? говоритъ актеръ брату своему.

— Да меня видѣть трудно, отвѣчалъ тотъ, — утромъ сижу въ сенатѣ, вечеромъ дома за бумагами.— Вотъ твое дѣло другое, каждый, когда захочетъ, можетъ увидѣть тебя за полтинникъ.

— Разумѣется, говоритъ актеръ,—къ вашему высокородію съ полтинникомъ не сунешься.

По открытіи Медоксомъ Петровскаго театра дѣла его пошли хорошо—труппа у него была блистательная и очень любимая москвичами; весь репертуаръ состоялъ изъ тридцати пьесъ и семидесяти пяти спектаклей въ годъ. Кромѣ большого Петровскаго театра былъ еще у него и другой, лѣтній, въ «воксалѣ» въ Рогожской части. Тутъ играли только маленькія комическія оперы въ одномъ или въ двухъ дѣйствіяхъ и такія же комедіи. За представленіемъ слѣдовалъ балъ или маскарадъ, который заключался всегда прекраснымъ ужиномъ—и все это тогда стоило пять рублей.



Театръ Медокса въ Москвѣ.

Съ весьма рѣдкаго рисунка, сдѣланнаго съ натуры, въ 1805 г. А. А. Мартыновымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Для открытія вокзала В. И. Майковъ сочинилъ небольшую оперу: «Аркасъ и Ириса», музыка Керцелли. Для гуляющихъ въ саду были раскинуты палатки, гдѣ находились кофейни, поставлены качели; балансеры вольтижировали на канатахъ, играла музыка и пѣли пѣсенники. Сюда обыкновенно стекалось публики по 5,000 человѣкъ и болѣе.

Медоксъ предполагалъ въ своемъ вокзалѣ устроить другой театръ, для простого народа, въ которомъ бы представляли однѣ пьесы народныя или патріотическія. Въ этихъ пьесахъ должны были бы играть молодые актеры и кто изъ нихъ отличился, то того переводили бы въ большой театръ. Но вскорѣ дѣла Медокса приняли дурной оборотъ—многіе актеры его покинули, сборы пошли плохіе, онъ впалъ въ неоплатные долги и обязательствъ съ казною не могъ выполнять.

Въ такомъ положеніи онъ сталъ просить главнокомандующаго князя А. А. Прозоровскаго—оказать ему возможное содѣйствіе, но послѣдній отвѣчалъ Медоксу:

«Фасадъ вашего театра дуренъ, нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурной пропорціи; онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ потому, что безъ потолка и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь сквозь худую кровлю, вездѣ вѣтеръ ходитъ и даже окна не замазаны, вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и высочайше конфирмованному плану,— внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ, въ большую залу одинъ входъ и выходъ, въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница, вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара.

«Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разъѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно, декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно — въ ней нѣтъ резонанса; зимой ее не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда топятъ — угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ и знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и балетмейстеръ хромой».

Въ декабрѣ 1790 года императрица спрашивала Прозоровскаго о московскомъ театрѣ и, извѣстясь отъ него, что театръ во всѣхъ частяхъ неудовлетворителенъ, замѣтила, что право Медокса скоро должно кончиться, и поручила князю привести театральныя пред-

ставленія въ лучшее состояніе. Князь предложилъ директорамъ Дворянскаго клуба принять театръ въ свое содержаніе, но они отъ этого отказались. Медоксъ согласенъ былъ продать театръ за 350,000 рублей. Въ 1792 году Медоксъ подавалъ просьбу Прозоровскому, въ которой упомянулъ о своихъ заслугахъ предъ обществомъ построеніемъ театра, и просилъ оказать ему возможное пособіе. Осенью въ этомъ году опекунскій совѣтъ назначилъ къ продажѣ все имущество Медокса.

Но, не смотря на затруднительное положеніе, Медоксъ не переставалъ давать спектакли и въ 1794 году труппа его была составлена необыкновенно удачно—многіе талантливые актеры, перешедшіе изъ петербургскаго театра, играли у него. Высшая публика весьма охотно ѣздила въ русскій театръ, и въ доказательство моды на русскія драматическія представленія въ Москвѣ завелось много домашнихъ театровъ—такихъ въ то время въ Москвѣ было болѣе двадцати. Медоксъ не ослабѣвалъ въ постановкѣ своихъ спектаклей, и что только новаго являлось въ Петербургѣ, то и онъ спѣшилъ поставить у себя. Онъ подрядилъ трудолюбиваго переводчика, Н. С. Краснопольскаго, переводить всѣ новыя пьесы съ нѣмецкаго и поставилъ три части «Русалки», которая и шла у него долгое время съ большимъ успѣхомъ. Въ 1796 г. срокъ привилегіи Медокса кончился, онъ просилъ тогдашняго начальника столицы, М. М. Измайлова, отсрочить ему привилегію еще на два года, потому что въ его театрѣ около двухъ лѣтъ не было представленій по причинамъ отъ него независѣвшимъ.

Его просьба была уважена. Послѣ актеръ Сандуновъ составилъ съ товарищами проектъ и просилъ начальство отдать ему театръ на откупъ. Но Высочайшаго на это соизволенія не послѣдовало. Въ 1804 году былъ учрежденъ комитетъ для разбора дѣлъ театральныхъ и Высочайше повелѣно было занять у опекунскаго совѣта 300,000 руб., изъ которыхъ комитетъ уплатилъ первоначально долгу театра 191,366 руб., а остатокъ предоставилъ театральной дирекціи, которая тогда только что учреждалась, на расходы и нужное обзаведеніе театра. Впослѣдствіи, какъ ни старался Медоксъ оградить свое имѣніе, но оно подверглось все продажѣ, какъ-то: флигель Петровскаго театра, деревянный домъ, въ которомъ жилъ Медоксъ, и его воксалъ съ садомъ; въ это время Медоксъ былъ долженъ кредиторамъ 76,000 руб. Послѣдніе получили всѣ деньги сполна и съ процентами, потому что, независимо отъ вырученныхъ за проданное его имѣніе, императрица Марія Θеодоровна оказала благодѣяніе Медоксу, обезпечивъ горькую его судьбу,

давъ ему единовременно 10,000 руб. и положивъ еще пенсію ему ежегодно въ 3,000 руб.

Въ 1805 году, зимою, Петровскій театръ сгорѣлъ отъ неосторожности гардеробмейстра: сбирались играть «Русалку», но какъ пожаръ произошелъ до начала спектакля и публика только начала съѣзжаться, то съ людьми несчастія не послѣдовало. Послѣ пожара театральныя представленія въ Москвѣ не прекращались.

Отъ Медокса московскій театръ на короткое время подпалъ непосредственному надзору или попечительству императорскаго московскаго воспитательнаго дома, отъ имени котораго театральною частію распоряжался Гавріилъ Степановичъ Карновичъ.

Какъ мы выше уже говорили, московскій воспитательный домъ уже ранѣе этого занимался образованіемъ актеровъ. Такъ, извѣстна была еще въ 1784 году въ Петербургѣ труппа чиновника Книпера, составленная единственно изъ воспитанниковъ этого благотворительнаго учрежденія. Всѣхъ актеровъ у Книпера изъ воспитанниковъ было 51 человѣкъ; изъ послѣднихъ возникли многіе замѣчательные таланты, какъ, напримѣръ, Гамбуровъ и Крутицкій. Послѣдній былъ въ свое время въ такой славѣ, что иностранные артисты, проживавшіе въ Петербургѣ, часто ходили на него смотрѣть. Эта труппа впослѣдствіи присоединилась къ императорской.

1-го апрѣля 1806 года театръ московскій сдѣлался императорскимъ и перешелъ въ зависимость директора театральныхъ зрѣлищъ; вмѣстѣ съ этимъ повелѣно было всѣмъ артистамъ зачесть ихъ годы службы у Медокса за дѣйствительную къ выслугѣ пенсіоновъ и былъ назначенъ особымъ директоромъ въ Москвѣ князь Мих. Пет. Волконскій, отъ котораго впослѣдствіи пріобрѣтена въ казну и его крѣпостная труппа артистовъ. Въ бытность директоромъ театра князь Волконскій особенно заботливо относился къ постановкѣ пьесъ. Такъ, актера Волкова, игравшаго тогда въ «Русалкѣ» роль Тарабара, онъ нарочно посылалъ поучиться въ Петербургѣ у Воробьева (извѣстнаго ученика Маркети), какъ онъ выражался, тарабарской грамотѣ.

На московскомъ театрѣ долго стояли столбами рабски-подражательнаго французскаго классицизма Сумароковъ и Княжнинъ; передъ именами этихъ авторовъ благоговѣли всѣ грамотные и безграмотные. Никто не смѣлъ отыскивать въ ихъ твореніяхъ недостатковъ и погрѣшностей.

Считалось святотатствомъ критиковать какое нибудь мѣсто въ «Димитріи Самозванцѣ», въ «Синавѣ и Труворѣ» (Сумарокова), въ «Додонѣ», въ «Рославѣ», въ «Титовѣ Милосердіи» (Княжнина);

говорили «Матушка ихъ царица отмѣтила!» «Старшіе хвалятъ!», и если являлся какой либо смѣлый «выскочка и растабарывалъ» какъ нибудь не въ выгоду общепринятаго хорошимъ, — старики всѣхъ круговъ начинали надъ выскочкою смѣяться и говорить въ одинъ голосъ: «Смотри, пожалуй, умнѣй хочетъ быть Сумарокова!» Въ числѣ русскихъ оперъ непомрачаемо блисталъ въ прошломъ московскомъ вѣкѣ «Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ» Аблесимова; за нимъ стоялъ «Сбитеньщикъ» Я. Б. Княжнина, очевидно, впрочемъ, заимствованный изъ французскихъ нравовъ.

Послѣ нихъ имѣли большой успѣхъ двѣ оперы князя Горчакова «Баба-яга» и «Счастливая тоня». Первая изъ нихъ болѣе нравилась публикѣ, за вторую публика претендовала на князя Горчакова и громко говорила: «Ну, что̀ бы это его сіятельству назвать рыбака своего Иваномъ, а не Миловзоромъ», или: «что̀ бы это рыбаку-то его сіятельства поймать не духа, а ужъ если не чорта, то, по крайней мѣрѣ, водяного дѣдушку, а духъ, что это такое? Всякъ бываетъ духъ!»

За этими операми слѣдовала «Ахридѣичъ» (Иванъ-царевичъ), опера Великой Екатерины, замѣчательная по великолѣпію своихъ декорацій. «Гостиный дворъ» (Матинскаго), картинка нравовъ тогдашняго купечества и крючкотворства приказныхъ. «Розана и Любимъ» (Николаева) съ «Барчукомъ-псаремъ» и пр. Музыку ко всѣмъ этимъ операмъ составляли большею частію какіе-то мелодическіе сборники изъ русскихъ и всякихъ пѣсенъ. Поставляли музыку: Мартини, Керцелли, Фрей и другіе музыканты, теперь позабытые; былъ, впрочемъ, знакомъ москвичамъ того времени и Моцартъ, но онъ не ладился подъ нашъ стихъ, какъ ни запрягалъ его въ наши оглобли какой нибудь Фрей или Аѳанасій.

Нынѣшняя оперетка или, какъ тогда ее величали, «Малая опера», тоже уже была извѣстна москвичамъ. Изъ такихъ уже пользовались успѣхомъ «Несчастіе отъ кареты» (Княжнина), «Ѳедулъ съ дѣтьми» (Екатерины Великой), «Новое семейство» (Вязмитинова) и еще нѣкоторыя друг. Особенно нравились «Ѳедулъ съ дѣтьми», съ своими пѣснями, хорошо подобранными, и «Несчастіе отъ кареты», рѣзкая сатира на баръ «французолюбцевъ». Одна афиша «Ѳедула» составляла какую-то народную скороговорку! Для любопытства привожу часть именъ пятнадцати дѣтей Ѳедула: Дуняша, Ѳатяша, Минодора, Нимѳодора, Митродора, Анкудимъ, Никодимъ, Иполитъ, Неофитъ, Парамонъ, Филимонъ и т. д.

Одна историческая пѣсня изъ этой оперы: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», пѣтая актрисой Сандуновой, производила фуроръ во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ. Сандунова, какъ говорили, сама находила здѣсь какой-то фактъ изъ собственныхъ своихъ приключеній, и потому-то мастерство ея въ этой пѣснѣ было мастерствомъ особеннымъ! Въ «Несчастіи отъ кареты» героиней была барыня полуфранцуженка, которая очень желала имѣть модную французскую карету, и, за недостаткомъ денегъ на покупку ея, рѣшилась продать въ рекруты крестьянина.

Домашній шутъ научилъ этого бѣдняка сказать его госпожѣ нѣсколько французскихъ словъ съ соблюденіемъ «прононсія», и тѣмъ бѣднякъ спасъ себя отъ рекрутчины и женился на комъ хотѣлъ. Успѣхъ эта оперетка имѣла тогда колоссальный, всѣ ходили слушать пѣніе Сандуновой и смотрѣть на «буфонства» любимаго тогда комическаго актера Ожогина, отъ одного выхода котораго на сцену публика уже помирала со смѣху. Но особенный фуроръ въ этой пьесѣ производила пѣсня на напѣвъ извѣстной пѣсни графини Шереметевой «Вечоръ поздно изъ лѣсочку», пѣтая Сандуновой и ею сочиненная:

Еслибъ завтра да ненастье,
То-то-бъ рада я была.
Еслибъ дождикъ—мое счастье—
За малинкой въ лѣсъ пошла.

Въ тотъ романическій вѣкъ нѣжныя души видѣли въ пѣснѣ Сандуновой намекъ на судьбу извѣстной крестьянки «Параши» (графини) съ Лизанькой (Сандуновой). Какъ извѣстно, обѣ были актрисы и пѣвицы, обѣ сыграли въ свѣтѣ между современниками видную героическую роль.

Позднѣе, съ 1790 годовъ, на сцену входитъ въ моду слезливая нѣмецкая комедія, нѣмецкая драма и даже частію нѣмецкая опера и трагедія, и завладѣваетъ московскою сценою Августъ фонъ-Коцебу. Въ Москвѣ многіе дивились большому успѣху Коцебу и говорили: «Какъ это онъ, Коцебу, русскій подданный, могъ прославить себя литературно въ цѣлой Европѣ?» И вслѣдствіе этого всякая пьеса Коцебу въ переводѣ имѣла въ Москвѣ большой успѣхъ. Особенно съ большимъ успѣхомъ давались его драмы: «Сынъ любви», «Серебряная свадьба», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Попугай», «Бѣдность и благородство души» и проч.

Во всѣхъ пьесахъ Коцебу первыя женскія роли играла трагическая актриса М. С. Синявская; позднѣе замѣнила ее М. С. Воробьева, «сотворенная, какъ говорила тогдашняя критика, для драмъ

Коцебу». Въ «Гусситахъ подъ Наумбургомъ», когда эту пьесу стали часто давать въ началѣ 1812 г., весь театръ рыдалъ отъ игры этой артистки. Критика въ наивномъ восторгѣ иначе ее не называла, какъ «невозможною». Нѣсколькими годами позднѣе такой же слезливый успѣхъ въ Москвѣ производили пріѣзжіе изъ Петербурга артисты Самойловы въ пьесѣ «Павелъ и Виргинія»; оба, мужъ и жена, были превосходны; въ первый разъ эти артисты играли на Арбатскомъ театрѣ въ оперѣ «Водовозъ». Н. Полевой въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Волосы стали у меня дыбомъ, когда Павла разлучили съ Виргиніею, а когда Павелъ бросается въ море, и потомъ на сценѣ бѣготня и смятеніе и ихъ вытаскиваютъ безъ чувства,—я едва дышалъ»...

Изъ также слезливыхъ пьесъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ долго не сходили съ репертуара двѣ Лизы: первая «Лиза, или торжество благодарности», соч. Н. И. Ильина; въ ней пожинала лавры Сандунова; вторая—«Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія», соч. Б. М. Федорова, была взята имъ изъ повѣсти Карамзина «Бѣдная Лиза»; въ роли послѣдней изъ Лизъ опять пользовалась успѣхомъ Матрена Семеновна Воробьева. Послѣ представленія этой пьесы, по словамъ современниковъ, у ничѣмъ неповиннаго Лизина пруда въ Москвѣ по вечерамъ гуляли толпами влюбленные. Какой-то непочтительный поэтъ невинный прудъ почтилъ даже слѣдующимъ двустишіемъ:

Здѣсь Лиза утонула, Эрастова невѣста,
Топитесь, барышни, для всѣхъ васъ будетъ мѣсто.

Отличалась также такими же элегическими достоинствами комедія Еѳимьева «Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра» (истинное происшествіе). Въ Петербургѣ въ такихъ нѣмецкихъ драмахъ и русскихъ передѣлкахъ имѣлъ громадный успѣхъ актеръ Яковлевъ; особенно извлекалъ онъ слезы у зрителей въ «Графѣ Вальтронѣ», въ «Ненависти къ людямъ и раскаяніи» и въ тѣхъ же «Гуссистахъ подъ Наумбургомъ».

Даже ничего неимѣющіе общаго со слезами танцы и балетъ въ то время носили характеръ элегическій и зритель ежеминутно трепеталъ въ ужасѣ за участь любовниковъ. Такъ въ извѣстномъ балетѣ «Ацисъ и Галатея» неожиданныя катастрофы съ перваго акта поражали публику,—герой балета, бѣдный Ацисъ, съ открытіемъ занавѣси, тотчасъ же попадалъ неожиданно въ руки ужаснаго Полифема—онъ съ яростію опрокидываетъ его, схватываетъ за ногу и какъ перо бросаетъ черезъ сцену по воздуху. Ацисъ долженъ былъ бы уничтожиться отъ удара, но онъ невредимо сохра-

няется Амуромъ, подхватывающимъ его на лету и переносящимъ на облакѣ въ безопасное мѣсто. Во второмъ актѣ Полифемъ застаетъ любовниковъ на берегу морскомъ въ самомъ страстномъ изъясненіи чувствъ; онъ отрываетъ отъ горы цѣлый обломокъ скалы и съ яростію бросаетъ его на нихъ.

Лизинъ прудъ въ Москвѣ.
Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

Гора летитъ и готова раздавить любовниковъ, не ожидающихъ такой бѣды; но вдругъ вся эта скала раздвояется и изъ нея вылетаетъ Амуръ, въ то же мгновеніе сцена перемѣняется, представляя восхитительнѣйшее зрѣлище—царство любви.

Въ этой картинѣ вся правая сторона сцены не имѣла кулисъ, и цѣлая гора, кипящая съ верху до низу народомъ и занимавшая

*

всю длину театра, выдвигалась впередъ. Всѣ продѣлки съ падающимъ и летающимъ несчастнымъ героемъ балета дѣлались въ то время съ куклою, одѣтою Ацисомъ. Другой такой же слезливый балетъ — «Венгерская хижина», былъ заимствованъ изъ исторіи венгерскихъ возмущеній и ни одинъ изъ зрителей не могъ устоять, чтобы не тронуться до слезъ сценою съ ребенкомъ во второмъ актѣ, и много было пролито слезъ чувствительными барышнями при смотрѣніи этого балета.

Въ 1871 году московскую публику восхищала балетная танцовщица, или какъ ее тогда называли, пантомимная актриса Е. И. Колосова, особенно она была хороша въ роли «Медеи» и «Изоры» (Рауль синяя борода). Также очень нравилась публикѣ ея русская пляска съ танцоромъ Огюстомъ. Знаменитая трагическая актриса Жоржъ даже просила ее выучить этой пляскѣ ея меньшую сестру, которая плясала въ бенефисъ актрисы Жоржъ съ Огюстомъ. Колосова въ свой бенефисъ въ 1811 году, передъ балетомъ (Рауль синяя борода, котораго представлялъ Лефевръ) участвовала въ двухъ пьесахъ: въ комедіи Иванова «Женихи», она играла офицера Быстряя и въ опереткѣ И. И. Вальберха: «Два слова или ночь въ лѣсу» роль Розы, прислуживающей въ трактирѣ.

Большія похвалы расточались въ это время балетамъ; по нимъ учились, хореграфическія произведенія того времени обнимали міръ видимый и воображаемый, исторію и миѳологію, рыцарскіе романы и восточныя сказки. Но какая это была исторія! Такъ въ «Альцестѣ» миѳологія грековъ была смѣшана съ понятіями нашего времени, такъ какъ въ древнемъ тартарѣ фигурировали черти и фуріи, одѣтые въ платье новаго покроя. Критика 20-хъ годовъ даетъ много интересныхъ данныхъ относительно театральныхъ костюмовъ на московской сценѣ. При костюмировкѣ на вѣрность мало обращалось вниманія. Дмитрій Донской являлся вооруженнымъ римскимъ мечемъ, Антигона въ русской фатѣ, Отелло въ полусапожкахъ, Аменаида съ бриллiантовой гребенкой; своеволіе въ нарядахъ комическихъ лицъ было не менѣе безгранично. Женихъ являлся во французскомъ кафтанѣ, напудреннымъ, со шпагою, а невѣста — одѣтой по послѣдней книжкѣ «Дамскаго Журнала».

Въ «Бригадирѣ» всѣ женщины, исключая бригадирши, были одѣты въ платья послѣдняго времени, мужчины въ кафтаны 1770 года, а сынъ бригадира въ новомодный фракъ и напудренъ. Существовали привиллегированные костюмы. Подъячіе, приказные являлися непремѣнно въ короткихъ оборванныхъ кафтанахъ, въ треугольныхъ шляпахъ; необходимою принадлежностью считались

рукавицы, муфта, шпага, тавлинка. Евреи, какіе бы ни были, были всегда одѣты въ платье польскихъ евреевъ. Театральныя преданія, впрочемъ, и по сейчасъ чтутся многими актерами. Такъ первый любовникъ непремѣнно является на сцену завитой бараномъ, а простакъ всегда въ рыжемъ парикѣ и т. д.

Какъ уже мы выше сказали, послѣ пожара петровскаго театра представленія въ Москвѣ возобновились въ домѣ Пашкова на Моховой и затѣмъ въ 1807 году сдѣлано было распоряженіе о постройкѣ новаго деревяннаго театра у Арбатскихъ воротъ, гдѣ оканчивается Пречистенскій бульваръ; на этой площади теперь устроенъ бассейнъ. Театръ былъ построенъ по плану архитектора Росси и открытъ 13-го апрѣля 1808 года пьесой С. Н. Глинки «Баянъ», русскій пѣснопѣвецъ древнихъ временъ съ хорами и балетами. Площадь, на которой стоялъ театръ, была вновь нивелирована и вымощена, потому что въ дождливую погоду по ней ни пройти, ни проѣхать было невозможно отъ грязи.

Арбатскій театръ былъ очень красивъ, весь окруженъ колоннами, подъѣзды къ нему вели со всѣхъ сторонъ; большое пространство между колоннъ въ видѣ длинныхъ галерей, соединявшихся вмѣстѣ, представляло хорошее мѣсто для проѣздовъ. Внутреннее устройство театра было превосходное; декораціи для него написаны были художникомъ Скоти; балетмейстеромъ принятъ Лефевръ, и переведены изъ Петербурга танцовщики: Делиль, Ламираль и Константинъ Плетенъ. Но самая лучшая эпоха московскаго балета была только въ слѣдующемъ году, когда сюда пріѣзжалъ знаменитый Дюпоръ, который, порхая по сценѣ, удивлялъ своею силою, граціей и легкостью; съ нимъ танцовали петербургскія танцовщицы: Сенклеръ, Новицкая и Иконина. Дюпоръ поставилъ здѣсь балеты: «Зефиръ или вѣтренникъ, сдѣлавшійся постояннымъ» (Le volage fixé), «Любовь Венеры и Адониса или мщеніе Марса» и «Севильскій цирюльникъ». Въ ноябрѣ 1809 года на этомъ театрѣ играла отличная французская труппа, съ извѣстной актрисой Жоржъ во главѣ—она дебютировала въ роли Федры, потомъ Дидоны. Въ это время съ этой артисткой тѣ же роли по-русски играла актриса Вальберхова; насчетъ игры этой артистки въ Москвѣ въ то время были сложены стихи:

Вальберхова Дидона
Достойна трона!

Актриса Жоржъ во второй разъ пріѣзжала въ Москву въ 1812 году; въ то же время на сценѣ Арбатскаго театра появилась ей соперница Семенова (Катерина Семенова). По словамъ критиковъ

того времени, Семенова ничѣмъ не отличалась отъ французской актрисы. Лучшіе литераторы того времени были руководителями Семеновой, Н. И. Гнѣдичъ по нѣсколько разъ проходилъ съ ней каждую роль. Русская артистка не знала твердо русскую грамоту, ей должны были начитывать роли, объяснять каждый монологъ съ удареніемъ всякаго стиха; послѣднему искусству ее обучала жившая у нея актриса П. А. Лобанова—извѣстная артистка на роли наперсницъ.

Жоржъ и Семенова съѣхались въ одно время въ Москву и представляли однѣ и тѣ же роли; это состязаніе талантовъ вызывало въ московскомъ обществѣ много толковъ и публика раздѣлилась на двѣ партіи. Аріана, Меропа, Танкредъ чередовались на театрѣ по-французски и по-русски. Жоржъ, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имѣетъ передъ нею то преимущество, что играетъ трагедію и въ прозѣ, которая на сценѣ у нея нейдетъ съ языка.

Съ Семеновой играли тогда первыя роли Шушеринъ, Плавильщиковъ и Мочаловъ. Семенову вся знать Москвы приглашала къ себѣ на вечера и за прочтеніе какого нибудь монолога платила по 500 рублей. Во время представленія «Меропы», въ которой она явилась въ роли Аменайды, ей была поднесена брилліантовая діадема, и тогдашній поэтъ Ю. А. Нелединскій, восхитясь ея игрою, написалъ въ ложѣ экспромтъ, кончающійся такъ:

Всѣхъ привела въ восторгъ! Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.

Гдѣ требовалось изображеніе сильныхъ страстей—Семенова не имѣла соперницъ. Оставя совсѣмъ театръ, она долго жила въ Москвѣ и участвовала во многихъ благотворительныхъ спектакляхъ.

Изъ такихъ спектаклей особенно замѣчательно былъ устроенъ въ большой залѣ Благороднаго Собранія, гдѣ она играла Эйлалію, вмѣстѣ съ извѣстнымъ любителемъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, на этотъ спектакль недоставало мѣстъ для желающихъ. Въ другой разъ она играла на театрѣ графа Апраксина, тоже въ спектаклѣ благородныхъ любителей. Въ 1808 году на Арбатскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ давалась пьеса графа Растопчина «Вѣсти, или убитый живой», въ ней играли актеры: Сила Сандуновъ, въ роли поэта и А. И. Лисицына, въ роли Мартеміаны Бабровны Набатовой, развозчицы вѣстей.

Пьеса повторялась нѣсколько дней сряду; самому автору такъ понравилась игра Лисицыной, что онъ на другой день послѣ представленія прислалъ ей сумму, равнявшуюся годовому окладу ея

жалованія, надписавъ: Ея Совершенству Маремьянѣ Бабровнѣ Набатовой. Въ 1809 году 6-го декабря, въ 8 часовъ вечера, Арбатскій театръ посѣтилъ императоръ Александръ I; давали оперу «Старинныя святки», и когда Сандунова, игравшая Настасью боярышню, съ кубкомъ въ рукѣ вышла на сцену и запѣла: «Слава нашему царю, слава!» — Всѣ присутствовавшіе встали, обратились къ царской ложѣ и закричали: «Слава царю Александру!»

Въ отечественную войну, при полученіи свѣдѣнія о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіи давали на этомъ театрѣ опять «Старинныя святки», и здѣсь опять Сандуновой пришлось величать нашихъ героевъ: Витгенштейна, Тормасова и Кульнева, вмѣстѣ съ присутствовавшей публикой. 30-го августа 1812 года былъ послѣдній спектакль съ маскарадомъ въ этомъ театрѣ, давали «Семейство Старичковыхъ», публика состояла почти изъ однихъ военныхъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, Арбатскій театръ сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ пожара.

ГЛАВА VII.

Московскій театръ въ 1812 г. — Французская труппа. — Богатый театральный гардеробъ.—П. А. Позняковъ.—Спектакли въ Москвѣ во время нашествія Наполеона. — Трагическая судьба артистовъ.—Возрожденіе московскаго театра.— Апраксинскій театръ.—Любительскіе спектакли. — Столыпинскій театръ.—Крѣпостные актеры.—Продажа столыпинской труппы.—Покупка труппы въ казну.— Графъ Гудовичъ.—Старинныя театральныя обыкновенія.—Отмѣна нѣкоторыхъ обычаевъ. — Графъ Ростопчинъ. — Дурасовскій театръ.—Театръ князя Хованскаго.—Характеристика князя.—Его шутъ Савельичъ.—Потемкинскій театръ.

ВО ВРЕМЯ пребыванія французовъ въ Москвѣ, въ отечественную войну, императоръ Наполеонъ приказалъ отыскать французскихъ артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, и велѣлъ для военной публики дать нѣсколько спектаклей.

Французская труппа артистовъ, подъ управленіемъ даровитой актрисы Бюрсей, въ то время всѣми забытая, жила въ большомъ домѣ князя Гагарина, на Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, откуда вступила непріятельская армія.

Семья артистовъ состояла изъ гг. Адне, перваго трагика парижскаго театра Сенъ-Мартенъ, Перу, Госсе, Лефебра и г-жъ Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне.

Короли кулисъ, въ лаптяхъ и сермяжныхъ армякахъ, влачили свое существованіе въ ограбленной столицѣ. По приказу императора, генералъ Боссе выдалъ имъ значительную сумму денегъ для поправленія ихъ печальнаго положенія,

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюзи [1]) составъ этой труппы, представшей передъ своимъ директоромъ, генераломъ Боссе. Первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія; первый любовникъ — въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; благородный отецъ—безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй—безъ необходимѣйшей части туалета—безъ панталонъ, въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ.

Женскій персоналъ былъ одѣтъ еще скуднѣе. Вся труппа была разряжена такъ, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директорша, г-жа Бюрсей, была въ красной душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ, съ чернымъ страусовымъ перомъ и въ чалмѣ, въ которой нѣкогда играла въ «Трехъ султаншахъ» и «Заирѣ».

Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, открылъ спрятанные въ подземельяхъ сундуки съ разными богатыми придворными одеждами.

И надо представить себѣ, съ какою жадностью, по словамъ Фюзи, артисты, почти нагіе, бросились вскрывать сундуки московскихъ бояръ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ; женщины отнимали другъ у дружки старинные атласные роброны бабушекъ и т. д.

Но, не смотря на всѣ эти роскошные наряды, у актеровъ недоставало самаго необходимѣйшаго — бѣлья. Далѣе Фюзи говоритъ: у насъ не было ни платья, ни башмаковъ. Однако, ленты и цвѣты посыпались на насъ градомъ въ день перваго спектакля; послѣдніе находили въ казармахъ французской гвардіи. Къ стыду побѣдителей, эти казармы гвардіи, гдѣ развѣвались ленты, были святые соборы Кремлевскій, Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій. Представленія французской труппы давались на Большой Никитской, на домашнемъ театрѣ Позднякова, гдѣ теперь домъ князя Юсупова.

Театръ П. А. Позднякова въ Старой Москвѣ славился своею роскошью, зимнимъ садомъ и другими затѣями прошлаго вельможнаго барства. Спектакли Позднякова считались первыми въ Москвѣ. Самъ хозяинъ на своихъ спектакляхъ и маскарадахъ важно разгуливалъ наряженнымъ не то персіяниномъ, не то китайцемъ. Про него сказалъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи:

На лбу написано театръ и маскарадъ.

У него же находился и «пѣвецъ зимой—погоды лѣтней»: это былъ садовникъ-бородачъ, который во время баловъ и маскарадовъ, прячась въ кустахъ, щелкалъ и заливался соловьемъ. У Позднякова

кова режиссеромъ театра былъ Сандуновъ, а въ труппѣ особенно славилась актриса Любочинская.

Про Позднякова, этого московскаго хлѣбосола и увеселителя, князь Вяземскій разсказываетъ слѣдующій случай. У него въ качествѣ домашняго гофмаршала или камергера состоялъ нѣкто Лунинъ, который при дворѣ его хозяйничалъ и приглашалъ на празднества и проч. Въ Москву ожидали персидскаго или турецкаго посла. Разумѣется, Поздняковъ не могъ пропустить эту вѣрную оказію и занялся приготовленіями къ великолѣпному празднику въ честь именитаго восточнаго гостя. Къ сожалѣнію, смерть застала его въ приготовленіяхъ къ этой тысячи и одной ночи. Посолъ пріѣзжаетъ въ Москву и Лунинъ къ нему является. Онъ докладываетъ о предполагаемомъ праздникѣ и о томъ, что Поздняковъ извиняется передъ посломъ; за приключившеюся смертью его праздникъ состояться не можетъ.

Поздняковскій театръ французами былъ приведенъ въ порядокъ съ необыкновенною роскошью и могъ щегольнуть невиданнымъ и неслыханнымъ богатствомъ. Здѣсь ничего не было мишурнаго, все было чистое серебро и золото. Ложи были отдѣланы дорогою драпировкою. Занавѣсь была сшита изъ цѣльной дорогой парчи, въ залѣ висѣло стосемидесятимѣстное паникадило изъ чистаго серебра, нѣкогда украшавшее храмъ Божій.

Сцена была убрана съ небывалою роскошью. Всюду виднѣлись въ изобиліи богатѣйшая мебель, драгоцѣнныя украшенія, мраморъ, бронза — ихъ извлекали изъ-подъ пепла и изъ погребовъ, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великаго были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоцѣнностями.

Черезъ три дня послѣ приказа былъ назначенъ первый спектакль. Вотъ первая афиша: Théâtre Français à Moscou. Les comédiens français auront l'honneur de donner mercredi prochain, 7 octobre 1812, une première représentation du «Jeu de l'amour et du hasard», comédie en 3 actes et en prose, de Mariveau. Suivie de «L'amant auteur et valet», comédie en 1 acte et en prose de Ceron. Dans le «Jeu de l'amour»: m-rs Adnet, Perroud, St.-Clair, Belcour, Bertrand; m-mes André, Fusil.

Цѣна мѣстамъ была назначена слѣдующая: первая галерея 5 руб. или 5 франковъ, партеръ 3 рубля или 3 франка, вторая галерея 1 руб. или 1 франкъ.

Первый спектакль имѣлъ большой успѣхъ, военная публика неистово кричала «браво». Весь партеръ былъ занятъ солдатами: заслуженные, съ крестами Почетнаго Легіона, сидѣли въ первыхъ рядахъ; оба ряда ложъ были наполнены чиновниками штаба и офицерами войскъ всѣхъ національностей.

Публика при всякой оказіи кричала: «Vive l'empereur! Vive Napoléon!» Женщинъ въ театрѣ было немного—нѣсколько оставшихся гувернантокъ и модистокъ съ Кузнецкаго моста.

Оркестръ былъ превосходный и состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ гвардіи. Между тѣмъ какъ одни солдаты смотрѣли на представленіе, товарищи ихъ поочередно охраняли театръ.

Кое-гдѣ были разложены огни и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведеръ стояло около самаго театра. По всей же Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты — такія строгія мѣры предпринимались на случай пожара, могущаго произойти на сценѣ.

За все время пребыванія французовъ въ Москвѣ дано было одиннадцать представленій. Вотъ пьесы, которыя имѣли успѣхъ и повторялись нѣсколько разъ: «Figaro», «Le procureur arbitre», «Side et Zaira» «Три султанши» и друг. На театрѣ также очень нравились военной публикѣ разнохарактерные дивертиссементы изъ танцевъ; послѣдніе цѣликомъ были взяты у русскихъ.

Изъ такихъ танцевъ особенно блистательно шла русская пляска, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль—по рожденію русскія.

Самъ императоръ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного спектакля. Впрочемъ, Фюзи въ своихъ запискахъ говоритъ, что однажды Наполеонъ зашелъ на представленіе, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора каждый вечеръ давался концертъ изъ пьесъ любимыхъ его авторовъ. Между иностранцами, жившими въ Москвѣ и уцѣлѣвшими при общемъ погромѣ, нашли итальянца, пѣвца Таркиніо, къ нему добыли пьяниста, Мартини, сына автора оперы «Рѣдкая вещь» (La cosa rara) и «Діанино древо», еще отыскали пѣвицу романсовъ и аріетокъ, г-жу Фюзи.

Вотъ какъ описываетъ послѣдняя одинъ изъ такихъ концертовъ: «Я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостиныхъ. Въ присутствіи императора зрители не апплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слы-

*

шалъ романса, однакожъ шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ былъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ.

«7-го октября императоръ призвалъ меня и началъ разспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять изъ Парижа, отмѣчая имена ихъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги; онъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву.

«Списокъ еще не былъ конченъ, какъ наши занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мюрата съ извѣстіемъ о пораженіи короля неаполитанскаго подъ Тарутинымъ войсками Бенингсена.

«Въ тотъ же вечеръ былъ отданъ приказъ о выступленіи войскъ изъ Москвы, и бѣдные французскіе актеры были предоставлены на свою волю—оставаться ли въ Москвѣ, или слѣдовать за арміей. Артисты изъ Москвы выѣхали очень печально и кончили путешествіе очень трагически. Первый любовникъ поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились въ лазаретномъ фургонѣ, директорша и первая любовница поѣхали на тройкахъ въ ландо,—до Смоленска они кое-какъ дотащились, но уже отъ Смоленска на нихъ обрушились всевозможныя несчастья.

«Такъ, первый любовникъ потерялъ своего буцефала и отморозилъ ноги, и затѣмъ, оставленный на большой дорогѣ, умеръ съ голоду въ лазаретной фурѣ.

«Другой первый сюжетъ труппы забылъ запастись рукавицами и валенками, на пути отморозилъ себѣ ноги и руки, а при переправѣ черезъ Березину утопилъ свою жену и повозку. Директорша и первая любовница долго путешествовали на одной хромой лошади, въ старомъ зарядномъ ящикѣ, но подъ конецъ на одномъ изъ приваловъ, во время партизанскаго наѣзда, первая любовница была сильно контужена ядромъ и вскорѣ скончалась.

«Самъ директоръ, графъ Боссе, долго путешествовалъ верхомъ на пушкѣ, отморозилъ себѣ ноги и кое-какъ добрался до Франціи».

По выходѣ французовъ изъ Москвы, первый посѣтилъ Наполеоновскій театръ извѣстный драматургъ князь А. А. Шаховской.

Вотъ что онъ увидѣлъ здѣсь: на сценѣ валялись дохлыя лошади, лѣстница, корридоры и залъ были загромождены мебелью, зеркалами, музыкальными инструментами.

Шутъ Савельичъ..
Съ старинной литографіи.

Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры.

Наши русскіе актеры, въ годину Отечественной войны, потерпѣли не мало.

Князь И. М. Долгоруковъ въ своемъ «Капищѣ сердца» разсказываетъ:

«Когда партизаны-непріятели уже грабили въ окрестностяхъ около нашей подмосковной, мы снабдили подводами семейства актеровъ: Мочалова съ женою и дочерью и пѣвицу Насову съ матерью и доставили имъ возможность дотащиться до Ярославля.

«При всемъ горѣ и несчастіи, въ которомъ всякій изъ насъ тогда находился, были минуты, въ которыя нельзя было не расхохотаться. Напримѣръ, когда я увидѣлъ, что Насова натягивала дугу у телѣги и сама въ нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню въ театрѣ, дающую оперу въ свой бенефисъ, которой, кромѣ четырехъ тысячъ сбору въ одинъ вечеръ, летѣли еще изъ партера на сцену кошельки съ особенными подарками признательности,—видѣть же ее около лагуна съ дегтемъ и клячи было жалко и смѣшно.

«Не меньше былъ забавенъ и Мочаловъ, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ противъ невѣжества нашего управителя. Дѣло было въ слѣдующемъ: Мочаловъ, видя, что мы слишкомъ стѣснены, желалъ нанять квартиру на заводѣ; управляющій заводомъ, узнавъ, что онъ актеръ, запретилъ ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покараетъ весь заводъ за то, онъ пріютилъ въ такое тяжкое время грѣшника—актера».

Этотъ Степанъ Мочаловъ былъ отецъ извѣстнаго въ свое время трагическаго актера П. С. Мочалова.

Театръ московскій возродился только въ 1814 году. Первая пьеса, игранная на московской сценѣ, была драма Бориса Ѳедорова «Крестьянинъ—офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы». Пьеса шла тридцать разъ къ ряду.

Но ранѣе этого еще въ Москвѣ давали на частномъ театрѣ графа С. С. Апраксина, на Знаменкѣ, любимую оперу «Старинныя святки»; помимо этой пьесы шли тамъ патріотическія пьесы: «Храбрые кириловцы при нашествіи враговъ», соч. Вронченки; затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всеобщее ополченіе» и комедія Бориса Федорова «Прасковья Прадухина».

Домъ Апраксина въ Москвѣ былъ самый гостепріимный. Судить о широкомъ хлѣбосольствѣ этого барина можно по тому, что, какъ разсказываетъ князь Вяземскій, онъ вскорѣ послѣ нашествія фран-

цузовъ далъ въ одинъ и тотъ же день обѣдъ въ залѣ Благороднаго собранія на 150 человѣкъ, а вечеромъ въ домѣ своемъ ужинъ на пятьсотъ. Но не одними балтазаровскими пирами угощалъ Москву Апраксинъ, и болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія и празднества находили тамъ москвичи. У него бывали литературные вечера и чтенія, концерты и такъ называемые благородные или любительскіе спектакли.

Въ его барскомъ домѣ, какъ мы уже говорили, была обширная театральная зала; тамъ давали въ особенности славившуюся тогда оперу «Діана и Эндиміонъ», въ которой гремѣли охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончихъ собакъ, а по сценѣ бѣгали живые олени. У него шли пьесы: «Ямъ», «Филаткина свадьба», «Русалка» и проч. Послѣ французовъ тамъ долго давался дивертиссементъ подъ названіемъ: «Праздникъ въ станѣ союзныхъ войскъ», съ солдатскими пѣснями. Въ труппѣ Апраксина былъ извѣстный комикъ Малаховъ и замѣчательный теноръ Булаховъ (отецъ), съ металлическимъ голосомъ и безукоризненной методой.

Про Булахова говорили итальянцы, что еслибы онъ пѣлъ въ Миланѣ или Венеціи, то затмилъ бы всѣ европейскія знаменитости. Въ любительскихъ спектакляхъ у Апраксина играли два очень талантливыхъ любителя—два соперника по искусству—пріятели Апраксина, Ѳед. Ѳед. Кокошкинъ и Ал. М. Пушкинъ: первый завѣдывалъ у него русскою сценою, другой—французскою.

Оба были превосходные актеры, каждый въ своемъ родѣ. Первый былъ трагическій актеръ старинныхъ сценическихъ преданій и обычаевъ; второй былъ тоже большой знатокъ сценическаго искусства и на театрѣ былъ какъ дома, игралъ свою роль какъ чувствовалъ и понималъ и былъ неподражаемъ въ комедіи Бомарше, въ роли Фигаро.

На театрѣ Апраксина много лѣтъ играли императорскіе актеры, и опера итальянская выписана и учреждена была тоже при содѣйствіи Апраксина. Когда умеръ графъ Апраксинъ, то въ Москвѣ про смерть его ходили разные слухи и разсказывали слѣдующій, бывшій съ нимъ въ молодости, случай.

Онъ былъ съ кѣмъ-то въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По какимъ-то служебнымъ непріятностямъ этотъ пріятель вынужденъ былъ выйти изъ военной службы. Онъ поселился въ Москвѣ,—это было въ царствованіе Екатерины II. Увольненіе отъ службы дѣлало его положеніе въ обществѣ сомнительнымъ.

Онъ умираетъ. По распоряженію градоначальника отмѣняются военныя почести, обыкновенно оказываемыя при погребеніи быв-

шаго военнаго лица. Апраксину показался такой отказъ несправедливымъ; онъ командовалъ тогда полкомъ въ Москвѣ и прямо отъ себя и, такъ сказать, частнымъ образомъ воздалъ покойнику подобающія почести.

Въ ночь, слѣдующую за погребеніемъ, является ему умершій, благодаритъ за дружескій и благородный поступокъ и исчезаетъ, говоря ему: до свиданія. Другой разъ является онъ ему и говоритъ: «Теперь приду къ тебѣ, когда мнѣ суждено будетъ увѣдомить тебя, что ты долженъ готовиться къ смерти».

Прошли многіе годы. Апраксинъ успѣлъ состариться и позабыть видѣніе. Наконецъ онъ легко занемогаетъ; ни докторъ, ни домашніе не видятъ въ нездоровьи его опасности, но онъ грустенъ и задумчивъ. Проходитъ нѣсколько дней и онъ, къ удивленію брата, быстро угасаетъ. Эту неожиданную смерть въ то время и объяснили третьимъ видѣніемъ, или сновидѣніемъ, котораго онъ былъ жертвою.

Кромѣ театра Апраксина, послѣ французскаго погрома, уцѣлѣлъ еще другой барскій театръ; помѣщался онъ въ Знаменскомъ переулкѣ, близъ Арбатскихъ воротъ, въ домѣ Столыпина; театръ этотъ послѣ перешелъ во владѣніе къ князю Хованскому и позднѣе былъ проданъ послѣднимъ князю Трубецкому; вотъ по какому случаю. По сосѣдству съ нимъ былъ домъ князя А. И. Вяземскаго, у Колымажнаго двора. Когда князь скончался, на отпѣваніе былъ приглашенъ московскій викарій. По ошибкѣ онъ пріѣхалъ въ домъ Хованскаго и, увидѣвъ князя, сказалъ ему: «Какъ я радъ, князь, что встрѣчаю васъ; а я думалъ, что приглашенъ въ домъ для печальнаго обряда». Хованскій былъ очень суевѣренъ и вовсе не располагалъ умирать. Онъ не взлюбилъ дома своего и поспѣшилъ продать его при первомъ удобномъ случаѣ.

Труппа актеровъ Ал. Ем. Столыпина въ свое время пользовалась большою извѣстностью. Особенно славилась въ ней опереточная актриса «Воринька» (Столыпинская), впослѣдствіи вышедшая замужъ за извѣстнаго писателя Н. Страхова.

До 1806 года почти вся труппа Петровскаго театра состояла, за небольшимъ исключеніемъ, изъ крѣпостныхъ актеровъ Столыпина.

Крѣпостныхъ актеровъ отъ свободныхъ артистовъ отличали только тѣмъ, что на афишахъ не ставили буквы Г., т. е. господинъ или госпожа, да и обращались съ ними тоже не особенно любезно.

Такъ, С. П. Жихаревъ разсказываетъ: «Если они зашибались, то имъ дѣлали тутъ же на сценѣ выговоръ особаго рода». Въ 1806 году этихъ бѣдняковъ помѣщикъ намѣревался продать.

Провѣдавъ про это, артисты выбрали изъ среды своей старшину Венедикта Баранова; послѣдній отъ лица всей труппы, актеровъ и музыкантовъ, подалъ прошеніе императору Александру I: «Слезы несчастныхъ,—говорилъ онъ въ немъ,—никогда не отвергались милосерднѣйшимъ отцомъ, неужель божественная его душа не внемлетъ стону нашему. Узнавъ, что господинъ нашъ, Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ, насъ продаетъ, осмѣлились пасть къ стопамъ милосерднѣйшаго государя и молить, да щедротами его искупитъ насъ и дастъ новую жизнь тѣмъ, кои имѣютъ уже счастіе находиться въ императорской службѣ при Московскомъ театрѣ. Благодарность будетъ услышана Создателемъ Вселенной и онъ воздастъ спасителю ихъ».

Просьба эта черезъ статсъ-секретаря князя Голицына была препровождена къ оберъ-камергеру А. А. Нарышкину, который представилъ государю слѣдующее объясненіе:

«Г. Столыпинъ находящуюся при Московскомъ вашего императорскаго величества театрѣ труппу актеровъ и оркестръ музыкантовъ, состоящій съ дѣтьми ихъ изъ 74 человѣкъ, продаетъ за сорокъ двѣ тысячи рублей. Умѣренность цѣны за людей, образованныхъ въ своемъ искусствѣ, польза и самая необходимость театра, въ случаѣ отобранія оныхъ, могущаго затрудниться въ отысканіи и долженствующаго за великое жалованье собирать таковое количество нужныхъ для него людей, кольми паче актрисъ, никогда со стороны не поступающихъ, требуютъ непремѣнной покупки оныхъ. Всемилостивѣйшій государь! по долгу званія моего, съ одной стороны наблюдая выгоды казны и предотвращая не малые убытки театра, отъ пріема за несравненно большее жалованье произойти имѣющіе, а съ другой стороны, убѣждаясь человѣколюбіемъ и просьбою всей труппы, обѣщающей всѣми силами жертвовать въ пользу службы, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить милосердію вашего императорскаго величества жребій столь немалаго числа нужныхъ для театра людей, которымъ со свободою отъ руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать какъ соизволенія на покупку оныхъ, такъ и отпуска означеннаго количества денегъ, котораго ежели не благоволено будетъ принять на счетъ казны, то хотя на счетъ московскаго театра, съ вычетомъ изъ суммы, каждогодно на оный отпускаемой».

Бумага эта была подана государю 25-го сентября 1806 года; императоръ нашелъ, что цѣна весьма велика, и повелѣлъ г. директору театровъ склонить продавца на болѣе умѣренную цѣну. Столы-

пинъ уступилъ десять тысячъ и актеры, по высочайшему повелѣнію, были куплены за 32,000 рублей.

Изъ этихъ артистовъ въ свое время пользовались успѣхомъ слѣдующіе актеры: I. П. Кураевъ—очень талантливый комикъ; А. И. Касаткинъ—пѣвецъ и актеръ того же амплуа; Я. Я. Соколовъ—пѣвецъ-теноръ, замѣчателенъ былъ въ оперѣ «Іосифъ» и въ «Водовозѣ»; Лисицынъ — комикъ не высокаго комизма, особенно хорошій въ роляхъ дураковъ и шутовъ; Кавалеровъ—въ роли слугъ; изъ актрисъ: Баранчѣева, хорошая въ роляхъ благородныхъ матерей и большихъ барынь; Караневича, которая, по словамъ С. П. Жихарева, роли молодыхъ любовницъ превращала въ старыхъ; упоминавшаяся уже выше г-жа Насова, водевильная актриса съ превосходнымъ голосомъ, чистая натура; Бутенброкъ, не дурная пѣвица и сестра ея Лисицына, на роли старухъ,.— обѣ были очень талантливыя актрисы; послѣдняя выдвинулась случайно. Во время представленія «Русалки», игравшая роль Ратины Померанцева внезапно была поражена ударомъ на сценѣ. Кто-то сказалъ, что молодая Лисицына, еще неопытная актриса, можетъ замѣнить ее; актеръ Сандуновъ убѣдилъ ее согласиться сыграть за нее и самъ разрисовалъ дебютанткѣ лицо сухими красками такъ, что она долго плакала отъ боли, и когда надѣла костюмъ, то ея сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву и съ участіемъ стали разспрашивать о здоровьѣ. Лисицына мастерски провела свою роль и съ тѣхъ поръ стала любимицей публики.

Существуетъ преданіе, что крѣпостныхъ актеровъ публика не особенно любила и не такъ усердно посѣщала Петровскій театръ, гдѣ играли они.

Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ покупки труппы, императоръ Александръ I смотрѣлъ игру актеровъ и она ему не понравилась. Государь замѣтилъ завѣдывавшему театромъ Нарышкину:

— Твои артисты совсѣмъ испортились.

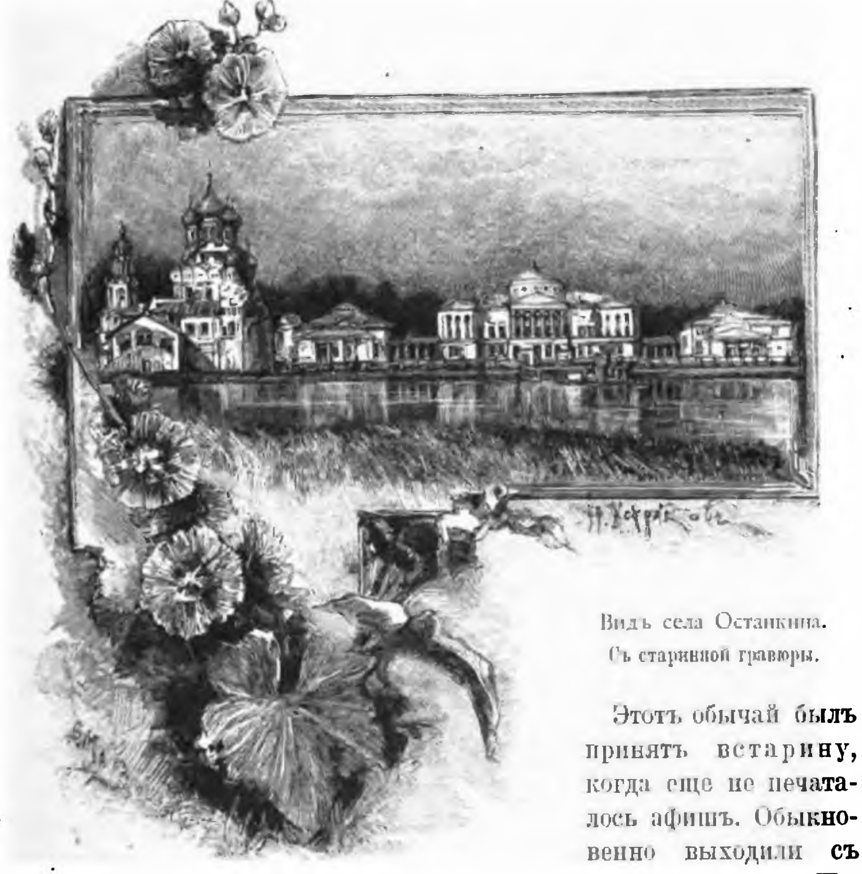
— Когда же, не можетъ быть, ваше величество, отвѣчалъ острякъ Нарышкинъ,—какъ имъ испортиться, когда они играютъ на льду.

Въ то время подъ театромъ помѣщались погреба съ винами.

Впослѣдствіи, когда былъ выстроенъ большой театръ въ Москвѣ, графъ Ростопчинъ говорилъ, что это хорошо, но недостаточно; нужно купить еще 2,000 душъ, приписать ихъ къ театру и завести между ними родъ подушной повинности, такъ чтобы по очереди высылать по вечерамъ народъ въ театральную залу: на одну публику надѣяться нельзя.

По постройкѣ Большого театра главнокомандующимъ въ столицѣ былъ генералъ-фельдмаршалъ графъ И. В. Гудовичъ. Русскіе артисты нашли въ немъ самаго ревностнаго покровителя—имъ были увеличены оклады и даны многія льготы; графъ самъ имѣлъ своихъ актеровъ и особенно хорошъ былъ его оркестръ музыкантовъ.

При Гудовичѣ на театрѣ вошло въ обыкновеніе со сцены, послѣ первой игранной пьесы, извѣщать публику о слѣдующемъ спектаклѣ.



Видъ села Останкина.
Съ старинной гравюры.

Этотъ обычай былъ принятъ встарину, когда еще не печаталось афишъ. Обыкновенно выходили съ анонсомъ первые актеры съ тремя поклонами и говорили: «Почтеннѣйшая публика! въ слѣдующій (такой-то день) императорскими россійскими актерами представлено будетъ... а если возвѣщался бенефисъ, то объявленіе оканчивалось: «такой-то артистъ ласкаетъ себя надеждою, что почтеннѣйшая публика удостоитъ его своимъ посѣщеніемъ».

Въ Петербургѣ въ это же время, въ управленіе театрами князя П. И. Тюфякина, было заведено, что артистъ, возвѣщавшій о спек-

таклѣ, былъ одѣтъ не иначе, какъ въ башмаки и съ треугольной шляпой. Разсказываютъ, что когда началась война 1812 года и французскій актеръ Дюрень явился на сцену съ обычнымъ анонсомъ, сказавъ: «Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner» и пр., увидѣлъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ: «Monsieur, demain nous aurons l'honneur... закрыть спектакли, распустить труппу и т. д.

Въ Москвѣ играли по 31-е августа, но съ первыхъ чиселъ іюня, т. е. со времени объявленія войны, у подъѣздовъ театра виднѣлись двѣ кареты, не болѣе—дворянство уже не посѣщало театра, ходили только одни купцы.

При графѣ Гудовичѣ въ театрѣ было отмѣнено интересное для артистовъ «метаніе кошельковъ» на сцену. Про этого главнокомандующаго Москвы ходило много анекдотовъ. Гудовичъ былъ нрава горячаго, правилъ строгихъ, любилъ правду и очень преслѣдовалъ порочныхъ; видомъ онъ былъ утрюмъ и неприступенъ; но въ кругу друзей и домашнихъ ласковъ и привѣтливъ.

По словамъ князя Вяземскаго, онъ крѣпко стоялъ за свое званіе. Во время генералъ-губернаторства его въ Москвѣ пріѣзжаетъ къ нему иностранный путешественникъ; графъ спрашиваетъ его, гдѣ онъ остановился.—Au pont de Maréchaux.—Des marechants ferrants, vous voulez dire, перебиваетъ графъ довольно гнѣвно; en Russie, il n'y a de maréchal que moi—Гудовичъ говаривалъ, что съ полученіемъ полковничьяго чина онъ пересталъ метать банкъ сослуживцамъ своимъ.—«Неприлично, продолжалъ онъ, старшему подвергать себя требованію какого нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя противъ васъ, почти повелительно вскрикиваетъ «аттанде»».

Въ Москвѣ онъ былъ настойчивый гонитель очковъ и троечной ѣзды и принималъ самыя строгія мѣры благочинія противъ злоупотребленія очковъ и третьей лошади. Никто не смѣлъ являться къ нему въ очкахъ; даже въ посторонних домахъ случалось ему, завидя очконосца, посылать къ нему слугу съ наказомъ: нечего вамъ здѣсь такъ пристально разглядывать, можете снять съ себя очки.

Пріѣзжавшіе въ городъ изъ подмосковныхъ въ телѣгахъ и въ колясках должны были, подъ опасеніемъ попасть въ полицію, выпрягать у заставы одну лошадь и привязывать ее сзади.

Замѣнившій его графъ Ростопчинъ не гналъ очки, и хотя и говорилъ въ одной изъ своихъ афишъ, что онъ «смотритъ

въ оба», это, однако, не помѣшало ему просмотрѣть Москву, хотя и по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ.

Въ описываемую нами эпоху въ числѣ барскихъ театровъ славился въ Москвѣ Дурасовскій. У этого такъ называемаго тогда «евангельскаго» богача въ его имѣніи Люблинѣ было все, включительно до пансіона для дворянскихъ дѣтей съ учителемъ-французомъ, неизвѣстно для какого каприза заведеннаго.

По словамъ миссъ Вильмотъ [36]), когда она разъ посѣтила театръ этого барина, на сценѣ и въ оркестрѣ его появлялось около сотни крѣпостныхъ людей, но хозяинъ разсыпался на счетъ бѣдности постановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его наличный персоналъ, за исключеніемъ той горсти людей, которую успѣлъ собрать для представленія.

Самый театръ и декораціи были очень нарядны и исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ антрактахъ разносили подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ. Во время представленія ароматическія куренія сожигались въ продолженіе всего вечера.

О другомъ такомъ же барскомъ театрѣ князя Хованскаго, анекдотъ изъ жизни котораго мы привели выше, намъ извѣстно, что на немъ ставились цѣлыя оперы съ балетами.

Князь Хованскій самъ былъ извѣстенъ, какъ симпатичный поэтъ; его пѣсенка въ свое время обошла всю Россію и, кажется, посейчасъ живетъ въ памяти деревенскихъ дѣвушекъ и горничныхъ. Кто изъ насъ не слыхалъ милую пѣсенку про «незабудочку»:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать... и т. д.

Спектакли у князя ставились съ большимъ умѣньемъ и разборчивымъ вкусомъ. Смерть князя Хованскаго оплакивалъ Карамзинъ въ стихахъ («Друзья, Хованскаго не стало»). У князя Хованскаго жилъ извѣстный шутъ или дуракъ, Иванъ Савельичъ, котораго знала вся Москва. Этотъ Савельичъ на самомъ дѣлѣ былъ преумный и иногда такъ умно шутилъ, что не всякому остроумному человѣку удалось бы придумать подчасъ такія смѣшныя и забавныя шутки. Хованскіе очень любили и баловали его—для него была устроена особая одноколка, и дана въ его распоряженіе лошадь; онъ въ этомъ экипажѣ ѣзжалъ на гулянья, которыя бывали на Масляницѣ и Святой. Въ лѣтнее время онъ появлялся на гуляньи подъ Новинскимъ въ своей одноколкѣ: лошадь вся въ бантахъ, въ

шорахъ, съ перьями, а самъ Савельичъ во французскомъ кафтанѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, съ пучкомъ и съ кошелькомъ и въ розовомъ вѣнкѣ, сидитъ въ своемъ экипажѣ, разъѣзжаетъ между рядами каретъ и во все горло поетъ: «Выйду-ль я на рѣченьку» или «По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой». Выѣзды Савельича очень забавляли и тѣшили тогдашнее общество. Послѣ Хованскихъ Савельичъ въ Москвѣ жилъ въ домѣ Ек. Серг. Ивашкиной (урожденной Власовой, по первому мужу Шереметева), супруги оберъ-полиціймейстера въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Савельичъ въ 1836 году былъ еще живъ; подъ конецъ своей жизни онъ сдѣлался комиссіонеромъ и нажилъ состояніе. Однажды, обязавшись чихнуть на каждый изъ сто двадцати ступеней, онъ добросовѣстно вычихалъ себѣ домъ у одного богатаго причудливаго московскаго вельможи.

Въ числѣ барскихъ театровъ въ Москвѣ въ концѣ царствованія Екатерины II былъ очень недурной у графа Павла Серг. Потемкина, внучатнаго брата знаменитаго князя Таврическаго.

Смерть владѣльца театра [37]) отъ отравы въ свое время произвела въ Москвѣ не мало толковъ.

Бантышъ-Каменскій говоритъ, что кончину графа тогда приписывали посѣщенію, будто бы сдѣланному ему страшнымъ Шешковскимъ [38]) и вызванному внезапнымъ желаніемъ изслѣдовать дѣло о поступкѣ его въ 1786 году въ Кизлярѣ съ персіянами.

Дѣло это помрачаетъ имя П. С. Потемкина коварнымъ и жестокимъ поступкомъ. Двое изъ братьевъ Али-Мегеметъ-хана, хищника персидскаго престола, бѣжали отъ его преслѣдованій; первый успѣлъ укрыться въ Астрахань, а второй приближался моремъ къ Кизлярскому берегу. Потемкинъ отказался принять его подъ предлогомъ, что Россія въ мирѣ съ Персіей.

Но изгнанникъ, преслѣдуемый по пятамъ непріятельскими кораблями, рѣшился съ отчаянія войти въ Кизлярскій портъ. Комендантъ Кизляра послалъ ему на встрѣчу лодки, наполненныя солдатами, которыхъ бѣглецы радостно привѣтствовали. Но только что солдаты взошли на корабль, какъ бросились на персіянъ, перерѣзали, передушили и перетопили ихъ всѣхъ и разграбили несмѣтныя сокровища, увезенныя на этомъ кораблѣ принцемъ, который самъ погибъ въ волнахъ.

Дѣло это почти десять лѣтъ оставалось безгласнымъ, не смотря на общую его извѣстность, но наконецъ нашли нужнымъ поднять его, въ виду того, что Россія, воюя съ Персіей, приняла на себя защиту правъ принцева брата Сали-хана, спасшагося въ Астрахани и жив-

Видъ церкви и части сада села Останкина.

Съ офорта Лафона по рисунку съ натуры Делабарта (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

шаго въ Россіи забытымъ, пока онъ не сдѣлался нуженъ, какъ предлогъ для войны съ Персіей.

Надъ Потемкинымъ было наряжено слѣдствіе,—вся Москва заговорила объ этомъ скандалѣ; Потемкинъ сдѣлался очень боленъ. Жена его, красавица Прасковья Андреевна (урожденная Закревская, род. 1763 г., ум. 1816 г.), растрепанная, простоволосая, съ воплемъ и слезами, приходила къ Иверской поднимать образъ Богородицы и несла его къ себѣ въ домъ молебствовать по улицамъ Москвы. Жена Потемкина славилась своей красотой и пользовалась восторженною любовью князя Таврическаго.

Когда въ 1789 г. при главной квартирѣ его, рядомъ съ военнымъ штабомъ, образовался, къ удивленію Россіи, другой женскій, то въ числѣ лицъ послѣдняго, какъ говоритъ П. П. Бекетовъ [39]), Прасковья Потемкина занимала первое мѣсто.

Современники сохранили для потомства имена этихъ патріотокъ, облегчавшихъ воинскіе труды свѣтлѣйшаго. Это были: П. А. Потемкина, гр. Самойлова, кн. Долгорукая, гр. Головина, кн. Гагарина, жена польскаго генерала де-Витта. Энгельгардтъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что женѣ Потемкина «его свѣтлость оказывалъ великое вниманіе». Это вниманіе доходило у него до боготворенія. Вотъ какъ выражалъ Потемкинъ страсть «къ сударушкѣ своей Парашенькѣ»: «Утѣха моя, сокровище безцѣнное, ты даръ Божій для меня», писалъ онъ ей. «Цалую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость... Дурочка моя умненькая, je vous porte dans mon coeur... Жизнь ты моя, тобою моя жизнь пріятна, безцѣнная, ангелъ, которымъ сердце мое наполнено... Я, видя тебя благополучною, буду счастливъ и въ архіерействѣ подамъ мое благословеніе; облачась пребогато, скажу къ тебѣ: да побѣдиши враги твоя красотою твоею и добротою твоею. Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиромъ у меня въ полку! Куда какъ шапка къ тебѣ пристала, и я правъ, что къ тебѣ все пристанетъ. Прости... цалую ручки ангельскія» («Рус. Стар.» т. XIII, 1875 г.).

Возвращаясь къ другому Потемкину, мы видимъ, что онъ, обвиняемый въ грабежѣ и убійствѣ, впослѣдствіи издалъ стихотвореніе: «Гласъ невинности». На это стихотвореніе явился колкій и ядовитый отвѣтъ—«Возраженіе на Гласъ невинности». Подобныхъ возраженій было еще три: одно изъ этихъ сатирическихъ посланій приписывали Державину; послѣднее, по выраженію Болотова, «летало всюду въ Москвѣ и читано было многими».

Въ Москвѣ тогда говорили, что жадность Потемкина доходила до того, что онъ промѣнивалъ косяками людей и солдатъ на косяки

горскихъ лошадей и овецъ, которыя ему были нужны. Онъ не жалѣлъ своихъ соотечественниковъ отдавать въ неволю, ради своей корысти.

Къ дѣлу Потемкина примѣшивали еще генерала Гудовича, командира кубанскихъ войскъ и рязанскаго намѣстника. Преслѣдуемый такими непріятными слухами, Потемкинъ думалъ даже оставить Россію и поступить на службу австрійскаго императора. Молва въ Москвѣ еще приписывала Потемкину смерть князя П. М. Голицына, молодого полковника, красавца, охранявшаго дорогу отъ Казани къ Оренбургу и нанесшаго первый ударъ Пугачеву. Но послѣднее обвиненіе не вѣрно: Голицына убилъ Шепелевъ на дуэли, какъ тогда говорили, «измѣннически закололъ». Шепелевъ былъ женатъ впослѣдствіи на одной изъ племянницъ князя Потемкина.

По поводу этой дуэли ходили слѣдующіе толки. Въ бытность Екатерины II въ 1775 году въ Москвѣ на балѣ, Голицынъ былъ замѣченъ государыней; увидавъ его, она сказала: «какъ онъ хорошъ! настоящая куколка». Эти слова его и погубили.

П. С. Потемкинъ воспитаніе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ первые годы его основанія. Быстрая служебная карьера его начинается въ первую турецкую войну; здѣсь онъ получилъ чинъ гвардіи капитанъ-поручика и Георія 4-й степени.

Въ 1774 году онъ былъ произведенъ изъ бригадировъ въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ двухъ секретныхъ слѣдственныхъ комиссій—оренбургской и казанской, дѣйствовавшихъ по дѣлу о пугачевскомъ бунтѣ. Потомъ, какъ мы уже упоминали, онъ былъ въ Москвѣ въ числѣ судей надъ Пугачевымъ. За начальство въ южныхъ окраинахъ Россіи онъ получилъ Анненскую ленту, затѣмъ Александровскую и камергерскій ключъ. Въ 1783 году онъ приводилъ къ присягѣ покорившихся Россіи крымцевъ и убѣдилъ царя Ираклія кахетинскаго и карталинскаго принять русское подданство, за что получилъ Владимірскую ленту и чинъ генералъ-поручика. Съ 1784 года онъ былъ намѣстникомъ саратовскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кавказскимъ. Несмотря на сильную протекцію своего могучаго родственника, онъ въ эти годы лишился благосклонности Екатерины и жилъ въ Москвѣ, гдѣ и считался однимъ изъ первыхъ въ числѣ недовольныхъ правительствомъ.

По словамъ Бантышъ-Каменскаго, Потемкинъ отличался неустрашимостью, умомъ, образованіемъ, любилъ заниматься словесностью, зналъ въ совершенствѣ отечественный и многіе иностранные языки. Изъ произведеній его пера извѣстно болѣе десяти напечатанныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ три драмы въ стихахъ;

«Россы въ Архипелагѣ», «Торжество дружбы» и переводная «Магометъ», трагедія Вольтера. Изъ неизданныхъ произведеній Потемкина: «Исторія о Пугачевѣ» и описаніе кавказскихъ народовъ. Потемкинъ имѣлъ двухъ сыновей: Григорія Павловича, убитаго подъ Бородинымъ, и Сергѣя Павловича, умершаго въ 1858 году, извѣстнаго любителя искусствъ, литературы и театрала; оба они умерли бездѣтными, и родъ Потемкиныхъ пресѣкся.

ГЛАВА VIII.

Театры: въ Нескучномъ и Кусковѣ.—Богатство Шереметевыхъ.—«Домъ въ уединеніи».—Наталья Долгорукова. — Описаніе Кусковской рощи. — Шереметевскій театръ.—Славное его прошлое.—Посѣщеніе Кускова императрицей Екатериной II.—Характеристика графа П. Б. Шереметева.—Село Останкино; посѣщенія этого села императоромъ Павломъ I.—Богатство обѣденнаго стола.—Императоръ Александръ I въ Останкинѣ. — Историческая судьба актрисы графа Шереметева. — Графъ Н. П. Шереметевъ. — Романическая любовь его. — Пріѣздъ императора Павла въ Останкино.—Бракъ графа Шереметева.—Смерть графини и трогательная печаль графа.—Благотворительность графа Шереметева.—Село Троицкое графа Румянцева.—Празднество въ немъ.—Пріемъ императрицы Екатерины II.—Историческія воспоминанія о Троицкомъ.

О КТО славился въ доброе старое время въ Москвѣ своимъ театромъ и актерами, то это графъ Шереметевъ. Театровъ у графа было три, одинъ въ Москвѣ и два подмосковныхъ—въ Кусковѣ и Останкинѣ; въ Кусковѣ, помимо постояннаго театра, существовала еще воздушная сцена въ саду изъ липовыхъ шпалеръ съ большимъ амфитеатромъ; впрочемъ, такой воздушный театръ былъ еще въ Нескучномъ, селѣ Д. В. Голицына. На воздушномъ театрѣ давали не только дивертисементы и водевили, но даже большія комедіи, трагедіи и балеты. Загоскинъ объ этомъ говоритъ: «Я очень помню, какъ однажды въ проливной дождь дотанцовывали на немъ послѣднее дѣйствіе «Венгерской хижины» почти по колѣно въ водѣ».

Кусковскій театръ былъ первый изъ русскихъ барскихъ театровъ; онъ былъ несравненно богаче тогдашняго московскаго. Этотъ театръ надо считать разсадникомъ нашихъ сценическихъ талантовъ конца XVIII столѣтія. Стоялъ онъ у одного угла рощи; еще въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія видно было обветшалое зданіе его съ фронтономъ и порталомъ.

На этотъ нѣкогда знаменитый Кусковскій театръ, видно, не жалѣли тогда золота, которое еще въ упомянутые года блестѣло изъ-подъ пыли и паутины. Три яруса ложъ и особенно аванъ-сцена были отдѣланы со всею роскошью и грандіозностью итальянской архитектуры. Театръ былъ выстроенъ въ полгода французскимъ архитекторомъ Валли; годъ постройки его намъ неизвѣстенъ,—смутно извѣстно только, что его начали строить передъ Рождествомъ и окончили къ Петрову дню, ко дню ангела графа Петра Борисовича. Спектакли у Шереметева бывали по четвергамъ и воскресеньямъ, на нихъ стекалась вся Москва, входъ для всѣхъ былъ безплатный.

Въ виду этого обстоятельства, тогдашній содержатель московскаго частнаго театра Медоксъ обратился съ жалобой къ главнокомандующему Москвы князю А. А. Прозоровскому на графа Шереметева, говоря, что онъ платитъ условленную часть своихъ доходовъ Воспитательному дому, а графъ отбиваетъ у него зрителей.

Кусково, по преданію, получило свое названіе отъ куска, которымъ графъ Петръ Борисовичъ обыкновенно называлъ свою родовую собственность, небольшой участокъ земли, гдѣ были домъ, главный прудъ, садъ и село.

Вся земля кругомъ принадлежала князю А. М. Черкасскому и въ сравненіи съ его огромнымъ имѣніемъ, которое составляли почти всѣ ближнія села и деревни, окружавшія Кусково, дѣйствительно оно было кусочкомъ. Когда графъ Петръ Борисовичъ женился на единственной дочери князя Черкасскаго, то всѣ его помѣстья: Перово, Тетерки, Вишняки, Вылонь, Жулебино и Останкино, перешли въ родъ графовъ Шереметевыхъ. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу въ приданое болѣе 80,000 душъ крестьянъ.

Молодая графиня провела дѣтство въ Вишнякахъ и очень любила ихъ; она не хотѣла забыть родину и молодой графъ исполнилъ желаніе своей супруги, выстроилъ для нея на своемъ кускѣ дворецъ и назвалъ его Кусковымъ; домъ былъ построенъ по плану архитектора Валли.

Въ этомъ домѣ—въ одной комнатѣ стѣны были изъ цѣльныхъ венеціанскихъ зеркалъ, въ другой—обдѣланы малахитомъ, въ третьей—

*

обиты драгоцѣнными гобеленами, въ четвертой — художественно разрисованы не только стѣны, но и потолки; всюду античныя бронзы, статуи, фарфоръ, яшмовыя вазы, большая картинная галерея съ картинами Рафаэля, Ванъ-Дейка, Доминикино, Кореджіо, Веронезе, Рембрандта, Гвидо-Рени; большая часть картинъ была, впрочемъ, по смерти графа въ 1788 году вывезена въ Петербургъ и часть въ Останкино; въ нѣкоторыхъ комнатахъ висѣли люстры изъ чистѣйшаго горнаго хрусталя.

Замѣчательны также были въ кусковскомъ домѣ огромная библіотека и оружейная палата; въ послѣдней было рѣдкое собраніе древняго и новаго оружія: англійскія, французскія, испанскія, черкесскія, греческія и китайскія ружья, дамаскія сабли оправленныя въ золото и осыпанныя драгоцѣнными камнями, турецкіе ятаганы, шашки и проч. Въ числѣ конскихъ приборовъ было сѣдло Карла XII, доставшееся вмѣстѣ съ его скакуномъ графу Борису Петровичу въ полтавскомъ сраженіи.

Въ спальнѣ покойнаго графа висѣлъ неоконченный его портретъ, писанный пятнадцатилѣтнею его дочерью; смерть помѣшала кончить его и неутѣшный отецъ не хотѣлъ, чтобы чья нибудь рука коснулась работы милой его дочери. Другихъ портретовъ его было здѣсь нѣсколько, одинъ работы Гротта, прострѣленный 10-ю пулями; другой въ парадной столовой и также прострѣленъ пятью пулями; рядомъ съ нимъ прорѣзанный портретъ графини, жены его. Эти три испорченные портрета остались памятникомъ пребыванія здѣсь французовъ въ 1812 г. По преданію, графъ П. Б. очень не любилъ французовъ и былъ врагъ тогдашней французской философіи.

Въ саду Кускова было 17 прудовъ, карусели, гондолы, руины, китайскіе и итальянскіе домики, китайская башня на подобіе нанкинской, съ колоколами,—графъ называлъ ее голубятней, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты.

Теперешній домъ и садъ Кускова только остатки прежняго великолѣпія: нынѣшній такъ называемый гай или роща возлѣ театра былъ нѣкогда превосходнымъ англійскимъ садомъ, съ такою обстановкою, что графъ и его гости предпочитали его дому и французскому саду.

Въ этой рощѣ стоялъ лѣтній домъ графа Петра Борисовича, гдѣ онъ постоянно жилъ въ непріемные дни и гдѣ принималъ своихъ друзей. Домъ этотъ назывался «домомъ уединенія».

Въ этомъ домикѣ жилъ графъ, когда лишился милыхъ сердцу жены и дочери и оттуда выходилъ только для пріема знатныхъ

гостей, иногда Екатерины и другихъ государей. Только тогда онъ являлся еще истинно русскимъ вельможею и иностранные принцы съ изумленіемъ описывали его пиры; но, возвратясь въ свой домикъ, въ свое уединеніе, онъ снова былъ отшельникомъ, вѣрнымъ памяти о сердечномъ счастіи. Жена графа была красавица; она обладала такими роскошными локонами, что еще въ бытность фрейлиной императрицы Анны ей одной позволялось носить ихъ при дворѣ.

Дочь графа Петра Борисовича была невѣстою графа Никиты Ивановича Панина. Говорили, что отецъ былъ вдвойнѣ огорченъ какъ потерей дочери, такъ и горестію своего друга по ней. Тоска и чувствительность графа, можно сказать, была отличіемъ всѣхъ Шереметевыхъ. Кто не знаетъ славной страданіями Натальи Долгоруковой, самоотверженная любовь которой къ своему мужу увѣковѣчена въ нашихъ преданіяхъ старины!

По преданію, княгиня Наталья Борисовна пришла изъ Сибири прямо въ Кусково ночью, въ темный осенній вечеръ, перешла садъ и подошла къ дому; но въ немъ все было заперто. Бѣдная путница, съ ребенкомъ на рукахъ, едва дошла до дома священника и тамъ провела ночь. Черезъ нѣсколько недѣль княгиня была уже при дворѣ и въ милости. Екатерина возвратила ей все, что нѣкогда потерялъ мужъ ея.

Позднѣе многострадальная приняла схиму и жила въ Кіевѣ въ монастырѣ, подъ именемъ старицы Нектаріи. Княгиня Наталья, по преданію, бросила свое обручальное кольцо въ Днѣпръ и постриглась въ монахини въ одеждѣ фрейлины съ екатерининскою лентою черезъ плечо.

Сынъ ея, по семейнымъ преданіямъ, былъ самымъ суетнымъ, мелочнымъ и тщеславнымъ человѣкомъ и едва не попалъ въ большую бѣду: онъ затѣялъ заговоръ и хотѣлъ возвести на престолъ Ивана Антоновича, при содѣйствіи родственника своего князя М. И. Долгорукова, точно такого же тщеславнаго человѣка; по разсказамъ, послѣдній у себя въ преогромномъ деревянномъ домѣ имѣлъ на подмосткахъ раззолоченный тронъ, на которомъ и сиживалъ, и рѣдко въ присутствіи гостей сходилъ съ него.

Существуетъ разсказъ, крайне, впрочемъ, сомнительный, будто бы онъ посѣщалъ въ Шлиссельбургѣ Ивана Антоновича въ одеждѣ аѳонскаго монаха.

Въ домѣ уединенія въ 1810 году, помимо графа, жила еще Анна Николаевна—калмычка, весьма важное лицо въ Кусковѣ.

Съ 1810 года домъ этотъ жадные опекуны стали отдавать въ наймы, и его нанимала для лѣтней дачи, прельщенная преданіями

старины Кусковскаго театра, извѣстная актриса Е. С. Сандунова; весною 1812 года нанялъ было его купецъ 1-й гильдіи Чертковъ, но отказался изъ опасенія сырости, затѣмъ въ іюнѣ нанималъ М. Ѳ. Бестужевъ за 500 р. и также отказался изъ опасенія сырости; уже въ іюлѣ явилась придворная актриса Сандунова и давала 350 р. ради упущеннаго времени, но опекуны, цѣня домъ въ тысячъ 50 и болѣе, разсудили отказать «политическимъ образомъ», а въ самомъ дѣлѣ потому, что она жила съ мужемъ въ разводѣ; состояніе ея было неизвѣстно и опасались «неблагопристойныхъ компаній».

Судьба спасла Сандунову отъ послѣдующей встрѣчи здѣсь съ французами, а ограбленный ими домъ былъ вскорѣ сломанъ (см. очеркъ П. Безсонова).

На концѣ рощи было небольшое озеро подъ названіемъ Локасино; искусственная рѣка соединяла его нѣкогда съ другими небольшими озерами; черезъ рукава этой рѣчки живописно перекинуты были красивые мосты съ раззолоченными перилами; одинъ изъ нихъ велъ въ глубину рощи, къ такъ называвшемуся «убѣжищу философовъ» или въ Тентереву деревню, въ красивый домикъ съ зеркальными стѣнами, полами и плафономъ, наполненный тысячами рѣдкостей.

Недалеко отъ этого дома было другое зданіе подъ названіемъ «Метрея»; это былъ небольшой скотный дворъ, куда приводили графу на показъ его любимыхъ коровъ. У опушки «гая», недалеко отъ нынѣшней Гиреевской рощи и дороги въ Косино, билъ фонтанъ; въ пятидесятыхъ годахъ въ этомъ гаю стояла еще «бесѣдка тишины» и курганъ.

Бесѣдку окружалъ нѣкогда искусный лабиринтъ, а на курганѣ стояла статуя Венеры; возлѣ нея была львиная пещера; здѣсь на лаврахъ лежалъ левъ, подъ нимъ была латинская надпись и здѣсь же хранилась плита съ допотопными окаменѣлостями, найденная въ окрестностяхъ Кускова.

Недалеко отсюда былъ знаменитый стогъ сѣна, который еще помнятъ нѣкоторые старожилы; при приближеніи къ нему, замѣчалась оригинальная бесѣдка, въ видѣ русской избы, въ которой за дубовымъ столомъ на тесаныхъ скамьяхъ сидѣли двѣнадцать мужичковъ въ праздничныхъ нарядахъ и въ интересныхъ позахъ и пили водку. Это была группа восковыхъ фигуръ, которая называлась пьяною компаніею. П. Безсоновъ говоритъ, что эта группа не изображала русскихъ мужичковъ, а иностранцевъ, что тутъ были восковыя фигуры какого-то «Виліуса», «турка», еще «господина безъ печали,

веселаго брата», затѣмъ «француза» и доктора «Бамбаса вмѣстѣ съ дамой». Судьба этихъ куколъ была самая печальная: портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитинъ въ ночное время перебили ихъ, отшибли имъ головы и руки, обобрали ихъ платье и продали въ Москвѣ. Позднѣе опустошеніе этого «Шомьера» довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра въ Владычино дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мостъ черезъ каналъ, прежде былъ такъ называемый «потаенный фонтанъ», и стоило только шутнику отвернуть кранъ, какъ на бѣднаго, проходившаго черезъ мостъ, лился проливной дождь.

Говоря о бывшемъ великолѣпіи Кускова, нельзя не вспомнить и о старинныхъ его угодьяхъ. Къ числу ихъ принадлежала и та роща, которая теперь извѣстна подъ именемъ звѣринца; звѣринецъ былъ въ окружности до трехъ верстъ; еще замѣтны теперь два пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ въ рединѣ лѣса проспекта и видны слѣды каменной башни, служившей сборнымъ мѣстомъ охотниковъ, но уже нѣтъ слѣдовъ построекъ настоящаго звѣринца, гдѣ содержались разныхъ породъ звѣри: черные американскіе, сѣрые русскіе и сибирскіе медвѣди, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; ихъ считалось до 600 головъ; остатки этихъ стадъ выведены отсюда въ 1809 г., и звѣринецъ уничтоженъ. Охоту графа составляли обыкновенно сорокъ псарей, сорокъ егерей, сорокъ гусаровъ и т. д., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда болѣе огромные размѣры и тогда театромъ ея дѣлались всѣ окрестности; сотни наѣздниковъ и амазонокъ, благородныхъ гостей графа, цвѣтъ тогдашней аристократіи, множество богатыхъ экипажей, блестящихъ ливрей, лихихъ скакуновъ въ раззолоченныхъ уборахъ, все это составляло прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV въ Булонскомъ лѣсу, или королей англійскихъ въ Виндзорѣ.

На другой сторонѣ сада, противъ грота и итальянскаго дома, возвышалось двухъ-этажное зданіе въ мавританскомъ вкусѣ, подъ названіемъ эрмитажа; построенъ послѣдній былъ архитекторомъ Валли; въ этомъ зданіи изъ нижняго этажа въ верхній была машина, поднимавшая на столъ 16 кувертовъ; низъ зданія былъ занятъ тремя буфетами; здѣсь сервировали столъ и приборы, и каждый отдѣльно поднимался наверхъ. Здѣсь былъ также подъемный диванъ, поднимавшійся наверхъ вмѣстѣ съ гостями.

Наверху эрмитажа графъ по часамъ сиживалъ одинъ и никто лишній не могъ войти туда: все подавалось и принималось ма-

шиной. Также необыкновенно богаты были кусковскія оранжереи, теплицы, но лучшія деревья перешли къ Шереметевымъ отъ Черкасскаго; здѣсь были безцѣнныя лавровыя и померанцевыя деревья огромной величины, считавшія уже при графѣ П. Б. нѣсколько столѣтій своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками всѣ окрестныя помѣстья и много способствовали развитію плодоваго садоводства не только подъ Москвою, но и во всей Россіи.

Для лавровыхъ деревьевъ были сдѣланы особыя двери или, лучше, проломы до 18 аршинъ въ вышину; такихъ лавровъ и померанцевъ было трудно найти даже на югѣ; нѣкоторыя деревья доходили до 18 аршинъ высоты, кадки вмѣстѣ съ деревомъ вѣсили до 150 пудовъ; для перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто требовалось до ста человѣкъ, но на каткахъ ихъ сдвигали съ мѣста 60 рабочихъ; деревьямъ по счету слоевъ одного высохшаго дерева приходилось съ чѣмъ-то 400 лѣтъ; по оцѣнкѣ, сдѣланной во время опеки надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ Шереметева, каждое дерево цѣнилось 10,000 рублей ассигнаціями.

На мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ уцѣлѣла старая домовая церковь, стоялъ первый домъ владѣльцевъ, за которымъ въ память петровской этохи и для собранія во-едино голландскихъ памятниковъ, сооруженъ былъ домъ—«Голландскій» (1749 г.).

Этотъ домъ былъ весь выложенъ внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ голландскими видами, фламандской школы, рисовавшими домашній бытъ.

Безсоновъ замѣчаетъ, что, разумѣется, всѣ главные источники для своихъ причудливыхъ плановъ молодой графъ пріобрѣлъ женившись на Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской (1711—1767 гг.), дочери извѣстнаго А. М. Черкасскаго (очень честнаго, но недостаточно дѣятельнаго канцлера Анны и Елисаветы) и наслѣдницѣ несмѣтныхъ, въ томъ числѣ сибирскихъ богатствъ, прибавимъ—наслѣдницѣ особенно изящнаго вкуса; отецъ завѣдывалъ строеніемъ дворцовъ и садовъ, равно какъ устройствомъ художественныхъ ремеслъ.

Въ Кусковѣ уцѣлѣла еще желѣзная рѣшетка, сдѣланная по рисунку, который, во время пребыванія здѣсь, на досугѣ набросала Екатерина.

Въ то старое время существовалъ еще «Итальянскій домъ», предназначенный для памятниковъ итальянскаго искусства, пре-

имущественно для дорогихъ картинъ, съ историческимъ и духовнымъ содержаніемъ; внѣшность дома теперь обезображена, внутри—жилые покои съ мебелью петровскаго времени; картины и рѣдкости вынесены. Прежде вездѣ, кромѣ картинъ и статуй, были мраморъ, золото, хрусталь, рѣзьба по дереву, штофъ, атласъ, живописные плафоны и фрески. Домъ этотъ поврежденъ послѣ отдачи въ наймы.

Отъ итальянскаго дома черезъ валъ велъ мостикъ, гдѣ стояли пять каменныхъ изящныхъ домиковъ, съ окнами и воротцами, рѣшетками и колоннами; все это было вызолочено; правая сторона обводнаго канала была отведена для рѣдкихъ птицъ, лебедей, журавлей, американскихъ гусей, фазановъ, пеликановъ и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогихъ рыбъ; рыбы было столько, что неводомъ вылавливали заразъ по 2,000 kарасей—и разъ была вынута изъ пруда раковина съ жемчугомъ; встарину на прудѣ было нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, стояли яхты съ шлюпками и лодками, былъ островъ съ руинами, были матросы въ шкиперскихъ кафтанахъ кофейнаго и вишневаго цвѣта съ бѣлыми пуговицами.

Помимо прудовъ, среди садовъ Кускова протекалъ быстрый «ручей»; онъ былъ расчищенъ, углубленъ, обложенъ по берегамъ камнемъ и обращенъ въ «рѣчку»; отъ этой рѣчки сдѣланы отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными съ живописными берегами островками, переходными мостиками, съ золочеными перилами, башенками, бесѣдками и т. д.

Перечисляя памятники роскошнаго прошлаго Кускова, нельзя обойти описаніемъ каруселя съ затѣйливыми играми, какъ-то: кольцами, мячами, кеглями, висячимъ шаромъ, деревянными конями для ѣзды въ одноколкахъ, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбахъ; затѣмъ былъ здѣсь «Діогенъ», врытый въ землю,—сидѣлъ онъ въ дубовомъ чану со снимающейся крышкой; философъ былъ сдѣланъ изъ алебастра и расписанъ подъ цвѣтъ натуральнаго тѣла; онъ имѣлъ при себѣ муравленый кувшинъ и шнуровую книгу въ кожаномъ переплетѣ.

Въ саду былъ еще «храмъ молчанія» или «тишины». Въ этомъ зданіи, сооруженномъ въ лабиринтѣ, стояли только, въ знакъ молчанія, двѣ большія вазы съ крышками. Въ саду также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались большія «декораціи» изъ тесу, съ изображеніями красками красивыхъ ландшафтовъ и строеній. Такія декораціи часто употреблялъ въ дѣло князь Потемкинъ во время проѣздовъ Екатерины по бѣднымъ и скучнымъ мѣстно-

стямъ. Была въ Кусковѣ одна «декорація», представлявшая домики, при нихъ ворота съ замкомъ и скобками.

Красовалась тамъ еще бесѣдка «Трефиль», снаружи и внутри обитая равендукомъ, съ расписными стеклами; на ней надпись: «Найтить здѣсь спокойство»; былъ и «философскій домикъ», обитый внутри березовою корою и на дверяхъ съ надписью на французскомъ и русскомъ языкахъ. Въ числѣ затѣй стоялъ еще «открытый воксалъ» для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, какъ мы уже говорили, отличался театръ Шереметева. По величинѣ онъ равнялся нынѣшнему московскому Малому театру, но удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ онъ далеко оставлялъ второй позади.

Построенъ онъ, какъ мы сказали, по плану архитектора Валли и убранъ внутри по рисункамъ извѣстнаго Гонзаго. Начатъ онъ, по преданію, годъ спустя послѣ постройки барскаго дома.

Театровъ, до постройки главнаго, въ Кусковѣ было нѣсколько; такъ, по архивнымъ спискамъ, извѣстны сначала были: «Домашній», «Старый», «при воксалѣ въ гаѣ», затѣмъ уже «Новый» и «Новоустроенный». Въ новомъ видѣ театръ просуществовалъ недолго— передъ кончиной Петра Борисовича и въ первые лишь годы Николая Петровича. Театръ Шереметева у современниковъ стяжалъ громкую славу какъ отличнымъ исполненіемъ богатаго репертуара, такъ и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей, число которыхъ было весьма немногочисленно, но за то хорошо поддержанъ массою танцовщицъ и особенно превосходнымъ оркестромъ и хоромъ пѣвчихъ. Особенно также богатъ былъ театръ роскошными декораціями и обильнымъ гардеробомъ.

Лѣтомъ, въ праздники, представленія переносились на «воздушный театръ», помѣщавшійся подъ открытымъ небомъ въ большомъ саду, между итальянскимъ домомъ и деревяннымъ бельведеромъ. На этомъ театрѣ было поставлено нѣсколько драмъ, съ десятокъ комедій, до двадцати балетовъ и болѣе сорока оперъ; нѣкоторыя изъ этихъ театральныхъ пьесъ ставились здѣсь ранѣе двора и эрмитажа.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія театръ былъ запечатанъ. Было даже время, много лѣтъ тому назадъ, когда въ запустѣломъ театрѣ поселились цѣлою шайкою мошенники и съ трудомъ были оттуда выгнаны.

О полнотѣ и богатствѣ гардероба можно судить по тому, что въ 1811 году, по сдѣланной описи «театральнаго платья», парчеваго,

шелковаго и т. д., было сундуковъ семнадцать, а разныхъ уборовъ, перьевъ, обуви и т. п.—76 сундуковъ. Исполнители театральные помѣщались въ особыхъ корпусахъ, близь театра, «свои» же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальники знаменитой нѣкогда Шереметевской капеллы, преимущественно малороссы; пѣвцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо—изъ своихъ и приглашенныхъ за плату. Въ старшихъ музыкантахъ было много иностранцевъ, главные Файеръ и Фацилъ или Фасціусъ, а изъ своихъ русскихъ: Дмитрій Трехваловъ, позднѣе—Алексѣй Скворцовъ, Осипъ Долгоносовъ и Василій Зайцевъ.

Любопытно, что музыкантамъ-иностранцамъ, особенно же актерамъ и актрисамъ, предпочтительно предъ прочими сожителями и наравнѣ съ графскою семьею, отпускались изъ прудовъ къ столу караси, иногда (напримѣръ, русскимъ въ посту) въ большомъ количествѣ на весь корпусъ, такъ что, глядя на счеты, можно бы съ перваго раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшимъ питаніемъ жрецовъ сценическаго искусства. Стражами театра состояли старшій «гусаръ Иванъ Бѣлый съ шестью рабочими». Графскій библіотекарь, какъ и поставщикъ театральныхъ пьесъ, былъ крѣпостной человѣкъ—Василій Вороблевскій; театральныхъ пьесъ и другихъ сочиненій этого автора, напечатанныхъ въ эпоху отъ 1772 по 1797 г., извѣстно болѣе пятнадцати.

Въ 1787 году, въ бытность Екатерины II въ Кусковѣ, графъ Шереметевъ давалъ представленія на своемъ театрѣ; графъ Сегюръ, бывшій на этихъ спектакляхъ, говоритъ, что балетъ удивилъ его не только богатствомъ костюмовъ, но и искусствомъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Наиболѣе ему показалось страннымъ, что стихотворецъ, музыкантъ, авторъ оперы, какъ и архитекторъ, живописецъ, написавшій декораціи, такъ и актеры и актрисы—всѣ принадлежатъ графу и были его крѣпостные люди.

Всѣ празднества въ Кусковѣ отличались необыкновенною пышностью; во время праздниковъ у графа Шереметева, число гуляющихъ посѣтителей доходило до 50 тысячъ человѣкъ, исключая званыхъ гостей, которыхъ приглашалось по билетамъ болѣе 2,000 человѣкъ.

Гдѣ теперь столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ изъ кусковской земли въ сторону Пернова и Опекунова, при поворотѣ къ Тетеркамъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшей посѣтителей Кускова «веселиться, какъ кому угодно, въ домѣ и въ саду».

*

Изъ такихъ историческихъ праздниковъ и торжествъ въ Кусковѣ извѣстенъ былъ «день открытія обелисковъ». Одинъ изъ такихъ, помѣщенныхъ въ глубинѣ Большого сада, тамъ, гдѣ перегораживала его рѣшетка по рисунку императрицы, имѣлъ на вершинѣ статую яко-бы Минервы, но гораздо болѣе похожую на фигуру самой государыни, съ надписью о посѣщеніи 1775 года, «въ память чего благодарность сей монументъ изъ пожертвованнаго ея величествомъ мрамора соорудила».

Другой близь Большого дома, пирамидальный, гласилъ, что «Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву (мраморъ) въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ московскаго дворянства».

Празднества встарину шли съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ: въ саду была иллюминація, прозрачныя картины, пирамиды, пѣли хоры пѣвчихъ, играли оркестры музыкантовъ, оранжерея была превращена въ воксалъ, гдѣ танцовали тысячи паръ.

Слухъ объ этихъ роскошныхъ праздникахъ дошелъ до государыни, и въ бытность императрицы въ Москвѣ во время празднованія двадцатипятилѣтія ея царствованія, на третій день торжествъ, 30-го іюня 1787 года, въ три часа пополудни, императрица отправилась въ Кусково со всѣмъ дворомъ и блестящею свитою. Екатерина вступила на кусковскую землю чрезъ великолѣпную арку, убранную оранжерейными растеніями, между которыми были размѣщены символическія картины съ привѣтственными надписями.

Наверху галереи играла музыка. При приближеніи поѣзда къ подъемному мосту [40]), стоявшій на Большомъ прудѣ двадцатипушечный корабль и другія меньшія суда салютовали, а съ береговъ также гремѣли пушечные выстрѣлы.

Къ большому дому вела галерея живыхъ картинъ: здѣсь стояли попарно жители и слуги Кускова съ корзинами цвѣтовъ, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и вѣнкахъ разсыпали букеты по пути. Черезъ большой садъ хозяинъ провелъ царицу въ садъ англійскій и лабиринтъ, гдѣ при вечернемъ солнцѣ показывалъ свои прихотливыя сооруженія и рѣдкости, а послѣ повелъ царицу въ театръ, гдѣ давали оперу «Самнитскіе браки» и въ заключеніе балетъ. Екатеринѣ очень понравился спектакль; она допустила всѣхъ артистовъ къ рукѣ и роздала имъ подарки.

На одномъ изъ праздниковъ въ Кусковѣ сопровождалъ Екатерину императоръ австрійскій Іосифъ. Посѣтивъ Кусково, императоръ думалъ, что пріѣхалъ къ вѣнценосному владѣльцу.

Графъ Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что столъ графа Шереметева въ этотъ день былъ сервированъ золотою посудою на шестьдесятъ персонъ; графъ Комаровскій, видѣвшій этотъ праздникъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «что всего болѣе удивило меня, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицей. Оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ

Графиня П. И. Шереметева.

Съ гравированнаго портрета Зелигера.

чистаго золота, а на томъ возвышеніи былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ».

На возвратномъ пути изъ театра весь садъ уже горѣлъ огнями; на пруду плавали лодки и гондолы съ пѣсенниками и хорами музыкантовъ; два обелиска по обѣимъ сторонамъ пруда представляли два яркихъ маяка, вдали горѣли щиты съ вензелевыми изображеніями царицы и сыпались цѣлые каскады разноцвѣтныхъ огней.

Передъ началомъ фейерверка государынѣ подали механическаго голубя, и съ ея руки онъ полетѣлъ къ щиту съ ея изображеніемъ и парящей надъ нею Славой; вмѣстѣ съ этимъ щитомъ въ одинъ мигъ вспыхнули другіе и прудъ, и садъ залились яркимъ свѣтомъ.

Во время фейерверка разомъ было пущено нѣсколько тысячъ большихъ ракетъ, и иностранцы, бывшіе на праздникѣ, удивлялись, какъ частный человѣкъ могъ тратить нѣсколько тысячъ пудовъ пороху для минутнаго своего удовольствія.

На этомъ праздникѣ безчисленныя толпы народа гуляли цѣлую ночь. Въ галереѣ былъ ужинъ, во время котораго пѣли пѣвчіе.

Государыня возвратилась съ праздника по дорогѣ, освѣщенной вплоть до Москвы плошками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъѣзжала къ Москвѣ, то въ столицѣ били утреннюю зарю.

По преданію, графъ повторилъ такой праздникъ еще два раза— 1-го августа и потомъ 6-го августа. На первомъ изъ этихъ праздниковъ между прочими пьесами на театрѣ былъ поставленъ балетъ, неигранный еще на императорскомъ театрѣ: «Инеса де-Кастро», соч. Канціани.

Графъ П. Б. Шереметевъ умеръ 30-го ноября 1788 года; онъ похороненъ вмѣстѣ со своими предками въ соборной усыпальницѣ Спасо-Андроніева монастыря. Сынъ героя полтавскаго и прутскаго, современникъ Петра и шести другихъ царствованій, онъ былъ истинный вельможа золотого вѣка Екатерины, ослѣплявшій иноземцевъ «умною пышностью»; пышность его не была разорительная: онъ расходовалъ только то, что получалъ изъ имѣній, и былъ далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ, превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами. П. Безсоновъ въ своемъ очеркѣ («Графиня Прасковья Ивановна Шереметева») про него говоритъ: «это былъ образецъ екатерининскаго вельможи-богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный, съ хитростью, блестѣвшею въ его нѣсколько скошеныхъ глазахъ, важный, но не надменный и со всѣми до низшихъ ласковый, не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по-французски; членъ знати европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ, съ отличнымъ ко всему вкусомъ, до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ».

Въ его домахъ: петербургскомъ, московскомъ и кусковскомъ до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бѣдныхъ дво-

рянъ, часто до ста приборовъ, изъ десятка и болѣе блюдъ—самъ же Шереметевъ никогда не ѣлъ болѣе трехъ блюдъ.

Выѣзжалъ онъ на охоту въ сопровожденіи не менѣе какъ пятидесяти дворянъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, и имѣя при себѣ не менѣе 700 человѣкъ дворни, какъ-то: конюховъ, шатерничихъ, поваровъ и пр.; шатры, палатки, огромные запасы слѣдовали за нимъ большими обозами.

Въ гости онъ ѣздилъ къ сосѣдямъ также въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ конныхъ проводниковъ; но, не смотря на такую пышность выѣздовъ, онъ очень любилъ уединяться, и даже одно время хотѣлъ постричься, носить воду, дрова въ келью и выметать соръ своими руками.

Графъ прожилъ 75 лѣтъ, умеръ въ почетномъ званіи оберъ-камергера и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Онъ былъ обладателемъ ста-сорока-тысячъ душъ крестьянъ.

Графъ Петръ Борисовичъ во время первыхъ дворянскихъ выборовъ въ Москвѣ, при учрежденіи губерній въ 1782 году, былъ единогласно выбранъ сперва въ уѣздные предводители дворянства, и на другой день, когда тогдашній главнокомандующій графъ З. Г. Чернышевъ пригласилъ всѣхъ дворянъ въ грановитую палату для выбора губернскаго предводителя, они опять единогласно выбрали графа и въ эту почетную должность.

У покойнаго графа былъ сынъ Николай Петровичъ; послѣдній, подобно отцу, умѣлъ угощать высокихъ посѣтителей, давать праздники, превышавшіе пышностью и блескомъ даже тѣ, которые давалъ отецъ.

Николай Петровичъ жилъ въ другомъ своемъ имѣніи подъ Москвой, с. Останкинѣ, въ красивомъ домѣ, выстроенномъ по плану знаменитаго архитектора Гваренги, но нѣсколько измѣненномъ по вкусу графа нашимъ русскимъ не менѣе знаменитымъ зодчимъ Козаковымъ.

Императоръ Павелъ посѣщалъ Останкино, и графъ приготовилъ ему однажды слѣдующій сюрпризъ: когда государь проѣзжалъ густую рощу, которая заслоняла видъ на Останкино, то вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, деревья упали, открывъ красивую панораму всего Останкина.

Въ ожиданіи государя сдѣлана была отъ начала рощи до самаго Останкина просѣка, у каждаго подпиленнаго дерева стоялъ человѣкъ и, по данному сигналу, сваливалъ деревья. Императоръ былъ очень удивленъ, любовался декораціей и благодарилъ хозяина за доставленное ему удовольствіе.

Останкинскій домъ по убранству и роскоши представлялъ цѣлый музей: масса бронзы, гобеленовъ, художественныхъ статуй, картинъ, венеціанскія зеркала, всюду мраморъ, мозаика, золото, китайскій и японскій фарфоръ, мебель съ инкрустаціями и т. д.

Нижній этажъ былъ обитаемъ, верхній же представлялъ великолѣпный театръ, окруженный настоящими чертогами. Садъ въ Останкинѣ дѣлился на англійскій и паркъ передъ домомъ; аллеи липъ были подстрижены стѣнами и кругами, всюду виднѣлись мраморныя статуи, бесѣдки и т. д.

Налѣво отъ дворца могучая кедровая роща, по преданію, вывезенная изъ Сибири старымъ владѣльцемъ Останкина, княземъ Черкасскимъ, бывшимъ сибирскимъ губернаторомъ. Въ этой рощѣ стоитъ мраморная урна надъ прахомъ любимой собаки графа. Недалеко отсюда была и аллея вздоховъ изъ липъ.

Между деревьями встрѣчаются вѣковые дубы и среди нихъ есть могучій дубъ—прародитель всѣхъ тамошнихъ дубовъ, имѣющій за собою нѣсколько столѣтій.

Императоръ Павелъ не разъ посѣщалъ Останкино. По вступленіи на престолъ, государь здѣсь былъ встрѣченъ боемъ въ литавры съ хоровымъ гимномъ на день коронованія его, положеннымъ на музыку Козловскимъ:

«Какія солнцы озаряютъ
«Великолѣпный русскій тронъ?
«Въ божественной четѣ сіютъ
«Лучи отъ царскихъ двухъ коронъ» и проч.

Когда, въ царствованіе императора Павла, король польскій, Станиславъ Понятовскій, посѣтилъ Останкино, то его хозяинъ далъ для него блестящій праздникъ.

Король былъ удивленъ великолѣпіемъ Шереметевскаго имѣнія. Послѣ роскошнаго обѣда король отправился въ театръ, на которомъ крѣпостные актеры сыграли уже игранную при Екатеринѣ пьесу «Самнитскіе браки»; роскошные костюмы, точные эпохѣ, были необыкновенно богаты, на артисткѣ, игравшей главную роль, было ожерелье цѣною въ 100,000 рублей; декораціи были написаны Гонзаго.

Послѣ шелъ балетъ, и затѣмъ всѣ гости уже танцовали въ залахъ; подъ конецъ былъ предложенъ ужинъ,—въ залѣ, въ которой ужинали, былъ устроенъ роскошный буфетъ, уступы котораго были уставлены драгоцѣнными сосудами.

Между гастрономическими блюдами подавали тогда модное кушанье подъ названіемъ «бомбы à la Sardanapale, облитыя соусомъ

эпикурейцевъ». Это было нѣчто очень вкусное, состоящее изъ дичиннаго фарша; изобрѣтено это блюдо было поваромъ прусскаго короля Фридриха II.

Большія блюда съ десертами были накрыты хрустальными колпаками, на которыхъ были представлены разныя этрусскія фи-

Графъ Н. П. Шереметевъ.

Съ портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

гуры. Дорога, по которой поѣхалъ король въ Москву, была вся освѣщена горѣвшими смоляными бочками.

Во время коронаціонныхъ празднествъ императора Александра I Останкино посѣтилъ государь—здѣсь ему былъ устроенъ пышный праздникъ. Государя съ семействомъ встрѣтили полонезомъ Козловскаго, слова Державина «Громъ побѣды раздавайся», съ пушеч-

ными выстрѣлами; затѣмъ была пропѣта кантата на день коронованія государя: «Русскими летитъ странами на златыхъ крылахъ молва»; послѣ пѣлъ еще графскій хоръ извѣстные тогда куплеты: «Александръ! Елизавета! Восхищаете вы насъ!»...

По окончаніи обѣда, высокіе посѣтители приглашены были въ темную комнату, обращенную окнами на дворъ, и оттуда смотрѣли блистательный фейерверкъ. Блестящая иллюминація, устроенная Шереметевымъ, отъ Останкина тянулась на пять верстъ къ Москвѣ и стоила ему нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Второвъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что на всемъ пути стояли какія-то изобрѣтенныя особыя машины, въ конструкцію которыхъ входила серебряная ткань. Теперь нельзя представить той роскоши и блеска, которыми отличались почти всѣ московскія собранія эпохи восшествія на престолъ Александра I—возможенъ ли теперь, напримѣръ, маскарадъ съ пятнадцатью тысячами гостей, въ родѣ того, какой былъ устроенъ въ Слободскомъ дворцѣ по случаю коронаціи императора?

Не менѣе богатый праздникъ въ Останкинѣ дали опекуны молодого графа, во время пребыванія двора съ новобрачными въ 1817 г.; въ это время посѣтилъ имѣніе Шереметевыхъ и прусскій король Вильгельмъ III, отецъ новобрачной.

Пріемъ царственныхъ особъ состоялся утромъ, въ полдень былъ здѣсь утренній спектакль, давали русскую пьесу: «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ». Пьеса эта долго не сходила въ то время съ репертуара; она была не что иное, какъ большой дивертисементъ изъ пѣсенъ и плясокъ.

Съ этой пьесой связанъ слѣдующій анекдотъ: для пѣнія и пляски въ «Семикѣ» часто былъ приглашаемъ любитель — военный писарь Лебедевъ, замѣчательный «плясунъ-ложечникъ»: не было въ то время ни одного вечера или барскаго спектакля, въ которомъ бы не плясалъ и не пѣлъ Лебедевъ. Высокіе покровители этого Лебедева вздумали и на этотъ разъ пригласить его на спектакль. Императоръ Александръ I не любилъ такихъ удовольствій, плясунъ ему не понравился, и узнавъ, что онъ военный писарь, государь запретилъ ему впредь показываться на сценѣ, а начальству тоже досталась гонка за допущеніе на сцену военнослужащаго.

Августѣйшее семейство, по пріѣздѣ въ Останкино, было встрѣчено хоромъ пѣвцовъ, пропѣвшимъ модную тогда кантату: «Ты возвратился, благодатный», затѣмъ на устроенномъ въ залѣ театрѣ, до поднятія занавѣса, послышалась русская пѣсня «Не будите меня молоду».

При поднятіи занавѣса представилась слѣдующая картина: вся импровизованная сцена была убрана срубленными березками, гдѣ въ кружкахъ на полянахъ пировали крестьяне. Въ спектаклѣ участвовали всѣ крѣпостные артисты, какъ пѣвцы, актеры, такъ и дансеры и дансерки, хороводы ходили по сценѣ, распѣвая неумолкаемо русскія пѣсни: «Заплетися плетень», «А мы просо сѣяли» и затѣмъ плясовую, въ то время самую излюбленную, «Подъ липою былъ шатеръ».

Послѣ на сцену явились цыгане во главѣ съ извѣстной цыганской пѣвицей Стешой, прозванной цыганской Каталани; послѣдняя пропѣла тоже модный въ то время романсъ Жуковскаго «Дуброва шумитъ, сбираются тучи».

Затѣмъ слѣдовала болѣе веселая пѣсня «Зеленая рощица всю ночь прошумѣла» и т. д. Въ числѣ шереметевскихъ пѣвчихъ здѣсь былъ извѣстный впослѣдствіи пѣвецъ Императорскаго московскаго театра П. Булаховъ, отецъ не менѣе извѣстнаго Петербургу опернаго артиста.

Бархатный теноръ Булахова, по разсказамъ современниковъ, былъ необыкновенно красивъ, и, получи послѣдній музыкальное образованіе, онъ могъ бы затмить всѣ тогдашнія европейскія знаменитости. Пѣла на этомъ праздникѣ еще извѣстная въ то время оперная артистка Кротова, въ русскомъ сарафанѣ, трогательную пѣсню Мерзлякова: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Затѣмъ участвовалъ и кордебалетъ шереметевскій во главѣ съ дансеркой Медвѣдевой, плясавшей подъ хоровую пѣсню «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста»; съ нею плясалъ еще тогдашняя балетная знаменитость Лобановъ. Танцы были поставлены лучшими въ то время балетмейстерами Глушковскимъ и Аблецомъ.

Въ дивертисементѣ участвовалъ еще и солдатскій хоръ, пропѣвшій пѣсню на бѣгство французовъ:

«За горами, за долами
«Бонапарте съ плясунами» и т. д.

Военная пѣсня эта производила тогда большой успѣхъ. Императоръ Александръ не разъ угощалъ ею своихъ высокопоставленныхъ иноземныхъ гостей. Такъ разсказываетъ князь Вяземскій[41]), въ 1813 году, около Дрездена, по случаю именинъ государя, наша артиллерія угощала обѣдомъ прусскую.

На обѣдѣ былъ и прусскій король; послѣ обѣда короля угостили молодецкой солдатской пѣсней. Королю прусскому такъ понравилось русское пѣніе, что для его удовольствія солистъ-рожечникъ

хора, бомбардиръ Милаевъ, желая отличиться, отъ натуги надорвался и черезъ недѣлю отдалъ Богу душу.

Говоря о Кусковскомъ театрѣ мы видимъ, что онъ сталъ процвѣтать въ 1790 году, въ эпоху страстной любви графа къ его актрисѣ Парашѣ, по сценѣ «Жемчуговой»; эту фамилію графъ далъ своей будущей женѣ, романическая судьба которой болѣе извѣстна всѣмъ чувствительнымъ барышнямъ отъ крестьянскаго до барскаго сословія по пѣснѣ:

«Вечоръ поздно изъ лѣсочка
«Я коровъ домой гнала» и пр.

Графа Н. П. Шереметева его современники представляли тогда тридцативосьмилѣтнимъ страстнымъ, хотя нѣсколько и пресыщеннымъ мужчиной, страсти котораго были—охота, лошади да женщины.

Образованный и благородный человѣкъ по своему времени, графъ при первой встрѣчѣ со своей крестьянкой былъ пораженъ ея красотой и воспылалъ къ ней серьезной страстью; онъ сталъ вести свою любимицу по артистической дорогѣ.

Онъ взялъ ее изъ отцовскаго дома и помѣстилъ во флигелѣ, гдѣ жили его актрисы; здѣсь онъ обратилъ все свое вниманіе на образованіе своей избранницы. Къ ней были приставлены учителя, въ числѣ которыхъ были и иностранцы; для сценическаго искусства ей была дана наставница, Т. В. Шлыкова, подруга и неизмѣнный другъ Параши до гроба. Кусковскій театръ въ эту эпоху расцвѣлъ и лучшимъ его украшеніемъ сдѣлалась талантливая Параша.

На одномъ изъ такихъ парадныхъ спектаклей, данномъ 1-го августа 1790 г., въ приходскій праздникъ, она явилась въ великолѣпномъ балетѣ, не игранномъ еще на придворномъ театрѣ, «Инеса ди-Кастро» (Нинетъ а-ла-Куръ). Въ числѣ другихъ капитальныхъ ролей особенно она была хороша въ «Самнитскихъ бракахъ», гдѣ она играла роль Эліаны, въ блестящемъ рыцарскомъ нарядѣ среднихъ вѣковъ (вмѣсто классическаго) и въ шлемѣ.

Въ этомъ видѣ была снята на одномъ изъ портретовъ будущая графиня Шереметева. Въ Кусковскомъ театрѣ еще недавно сохранялась классическая колесница о двухъ колесахъ, на которой выѣзжала Параша.

Будущую графиню въ этой роли видѣли императоръ Іосифъ, король Станиславъ Понятовскій и многіе знатные принцы. Графъ въ Парашѣ встрѣтилъ дѣйствительно рѣдкую и высокую душу и любовь его скоро сдѣлалась страстью постоянной и единственной.

Живя съ нею, графъ съ каждымъ часомъ совершенствовался и возвышался и не могъ того не чувствовать.

Онъ разстался съ прежними мелкими страстями и увлеченіями, постепенно бросилъ охоту, забылъ праздную жизнь, предался сценическому искусству, сдѣлался хорошимъ хозяиномъ, распространилъ и усовершенствовалъ школу, покровительствовалъ художникамъ, много читалъ и много дѣлалъ добра.

Разстояніе между его общественнымъ положеніемъ и положеніемъ его подруги было слишкомъ велико для тогдашняго времени: тогда скорѣе простили бы распутства, не знавшія предѣла, чѣмъ подобную страсть, и вся эта блестящая обстановка и внѣшность скрывала только самую глубокую драму, полную треволненій, огорченій и проч.

По разсказамъ старыхъ людей, графъ нерѣдко входилъ въ комнаты Параши и заводилъ съ ней бесѣду, какъ ему тяжело, что онъ собирается жениться на равной, и нужно имъ разстаться. Параша не выражала ни упрековъ, ни жалобъ, только послѣ, когда выйдетъ графъ, она плакала и молилась.

Графъ Н. П. жилъ съ Парашей въ такъ называемомъ «новомъ домѣ», построенномъ имъ на мѣстѣ «Мыльнѣ», наискось отъ театра; внутри этого дома все было просто—въ спальнѣ же актрисы Жемчуговой было еще проще: въ окнахъ занавѣсы изъ затрапезы и серпянки, въ простѣнкѣ зеркало, двѣ картинки съ пастушками, нишь для самой простой постели съ ситцевымъ подзоромъ, два сосновыхъ столика, березовыя кресла, потолокъ подбитъ холстомъ, полъ сосновый.

Единственную роскошь представляли картины, принадлежавшія графу. Параша знала одну дорогу—въ театръ да въ садъ по большой крайней аллеѣ; девять лѣтъ, съ 1790 года, когда построенъ былъ этотъ домъ, до 1799 года здѣсь жили влюбленные въ тиши и уединеніи, между природою и искусствомъ.

Но жить въ Кусковѣ имъ было невесело—косые взгляды, намеки, сплетни и т. д., и, какъ разсказываетъ Безсоновъ, случай рѣшилъ отъѣздъ изъ Кускова: разъ, гуляя по большой аллеѣ, Параша встрѣтила посѣтителей, пріѣхавшихъ погулять по саду; подученныя дѣти бросились къ ней съ вопросомъ: «гдѣ здѣсь живетъ кузнечиха, гдѣ здѣсь кузница и есть ли дѣти у кузнеца?» Огорченная, она бросилась въ свой покой и графъ послѣ этого тотчасъ распорядился отъѣздомъ въ Останкино.

Театръ былъ запечатанъ въ 1800 году и послѣ пятнадцатилѣтняго своего процвѣтанія покинутъ. Родной внукъ Натальи Бори-

совны Долгорукой, извѣстный поэтъ И. М. Долгорукій, писалъ о Кусковскомъ театрѣ:

«Театръ волшебный подломился,
«Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
«Парашинъ голосъ прекратился,
«Князья въ ладоши ей не бьютъ;
«Умолкли нѣжной груди звуки
«И «Крезъ меньшой» скончался въ скукѣ».

То же самое послѣдовало и съ новымъ домомъ — жилищемъ влюбленныхъ; черезъ десять лѣтъ послѣ смерти графа, опекуны въ него стали пускать жильцовъ-дачниковъ, но вскорѣ дорогой памятникъ для Шереметевыхъ былъ срытъ до основанія и сглаженъ и на мѣсто его здѣсь посажены серебристые тополи.

Въ Останкинѣ, какъ говоритъ біографъ Пр. Шереметевой, Безсоновъ, влюбленная чета вздохнула свободнѣе, подругу графа только видѣли да знали по слухамъ, не было у нея тысячи тяжелыхъ связей, заботливо отсюда удаленныхъ.

Графъ съ Парашей пересталъ вовсе посѣщать мѣсто дорогихъ, но щекотливыхъ воспоминаній, мало-по-малу всѣ вещи изъ Кускова были вывезены; перевели также и театральную труппу и въ Останкинѣ повторились тѣ же представленія: оркестры музыки, хоры, катанья по прудамъ съ пѣснями, фейерверки и проч. Въ Останкинѣ театръ былъ только «домашній», допускались только избранные, меньше было огласки, болѣе свободы для главной ея героини.

Графъ предпочиталъ чествовать въ Останкинѣ высокихъ посѣтителей, какъ мы уже говорили, императора Павла I, короля польскаго Станислава Понятовскаго и др.

Зимою, живя въ Петербургѣ, графъ еще меньше дѣлалъ у себя пріемовъ, на которыхъ рѣдко показывалась Прасковья Ивановна. У графа Николая Петровича не было только парадныхъ праздниковъ, но обычнаго своего гостепріимства онъ не покидалъ, и ежедневный его открытый столъ, по обыкновенію, былъ на тридцать и болѣе человѣкъ. Садились за этотъ столъ, кто хотѣлъ, не только знакомые, но и мало извѣстные хозяину. И. А. Крыловъ разсказывалъ князю Вяземскому, что къ нему повадился постоянно ходить одинъ скромный искатель обѣдовъ, чуть ли не изъ сочинителей. Разумѣется, онъ садился въ концѣ стола и, также разумѣется, слуги обходили блюдами его какъ можно чаще. Однажды не посчастливилось ему пуще обыкновеннаго: онъ всталъ изъ-за стола почти голодный. Въ этотъ именно день случилось такъ, что хозяинъ, послѣ

обѣда, проходя мимо него, въ первый разъ заговорилъ съ нимъ и спросилъ: доволенъ ли ты?

— Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ:—все было мнѣ видно.

Въ его домѣ, на Фонтанкѣ, поставленъ въ саду былъ деревянный домъ, напоминавшій собою «Кусковскій домъ въ уединеніи» и здѣсь уединялась нѣжно любящая другъ друга чета.

Безсоновъ[42]) говоритъ, что въ Останкинѣ, какъ хозяйку дома, Прасковью Ивановну навѣщалъ императоръ Павелъ, признавая этимъ «совершившійся фактъ»; еще больше любилъ и уважалъ послѣднюю за ея высокія душевныя качества московскій митрополитъ Платонъ, свѣтило своего времени. Посовѣтовавшись съ добрымъ своимъ другомъ, митрополитомъ Платономъ, «съ аппробаціи и благословенія его», графъ вступилъ въ законный бракъ.

Бракосочетаніе въ Москвѣ было торжественное въ церкви Симеона Столпника на Поварской 6-го ноября 1801 года; свидѣтелями при бракосочетаніи были близкіе люди: К. Ан. Щербатовъ, извѣстный археологъ А. Ѳ. Малиновскій и синодскій канцеляристъ Н. Н. Бемъ, домашній графа; со стороны же невѣсты, другъ ея актриса Т. В. Шлыкова, умершая въ 1863 году, 90-ти лѣтъ. Но бракъ ея долго сохранялся въ тайнѣ и бѣдная жена одного изъ первыхъ богачей и знатныхъ людей не смѣла при всѣхъ назвать его своимъ мужемъ. Въ послѣдніе годы супруги жили въ Петербургѣ на Фонтанкѣ въ собственномъ домѣ; спальня Прасковьи Ивановны находилась близь домовой церкви и послѣдняя была единственнымъ ея утѣшеніемъ. 3-го февраля 1803 года у ней родился сынъ Димитрій, но мать безпрерывно спрашивала о новорожденномъ, выражала боязнь, чтобы его не похитили; требовала часто къ себѣ и единственно радовалась, заслышавъ крикъ его въ сосѣдней комнатѣ.

Но дни ея были сочтены и 23-го февраля 1803 года она скончалась. Погребена она въ Невской лаврѣ; надъ могильной ея плитой видна слѣдующая эпитафія:

Храмъ добродѣтели душа ея была,
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила.
Въ ней чистая любовь, въ ней дружба обитала и т. д.

Мужъ заказалъ портретъ лежавшей въ гробу графини и надписалъ девизъ покойной: «Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя».

Изъ спальни графъ устроилъ моленную или образную, завѣщавъ не прикасаться къ сей комнатѣ и блюсти ее какъ святыню;

надпись цѣла по сейчасъ; другая на полу, гдѣ скончалась графиня. Вообще весь домъ и садъ въ Петербургѣ испещрены надписями въ ея память и сувенирами: здѣсь сидѣла она, здѣсь проводила пріятно время и т. п. На бронзовой доскѣ мраморной тумбы въ саду начертано:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour,
J'approche—mais bientôt cette image cherie
Me rend à mon douleur en fuyant sans retour...

Тяжка и мучительна была утрата супруги для графа; до самой своей кончины онъ не могъ вспомнить объ ней безъ слезъ—память о графинѣ увѣковѣчена въ Москвѣ постройкой «Страннопріимнаго дома» съ больницею и богадѣльнею, основаннаго по мысли ея графомъ Н. Пет. Покойная графиня отличалась широкою благотворительностью; ежегодно, по завѣщанію ея, выдается значительная сумма сиротамъ, бѣднымъ, убогимъ ремесленникамъ, на выкупы за долги и на вклады въ церковь. Послѣ смерти графини, Кусково совсѣмъ оскудѣло—графъ еще при жизни ея перевелъ все оттуда въ Останкино,—даже звѣринецъ графа оскудѣлъ—всѣ цѣнные его олени были перебраны къ столу, а борзыя и гончія, какъ и охотничьи наряды были проданы разнымъ лицамъ, славившимся въ ту пору охотою.

Къ довершенію всего и самъ «Крезъ меньшой», какъ тогда называли графа Ник. Пет., скончался въ Петербургѣ 2-го января 1809 года, снѣдаемый тоской по любимой супругѣ.

Послѣ смерти графа, все его имѣніе перешло къ единственному его сыну, графу Дмитрію Николаевичу (род. 1803, умеръ въ 1871 году), не имѣвшему въ то время шести лѣтъ.

Его опекуны, во время долгой опеки, все свозили, уничтожали и продавали даже съ аукціона все движимое имѣніе, всѣ памятники, постройки, зданія, сооруженія и проч., прикрываясь недостаткомъ средствъ для штата. Нашествіе французовъ на Москву, въ 1812 году, имъ пришлось тоже кстати. Ссылаясь на посѣщеніе непріятелемъ подмосковныхъ имѣній Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенныхъ или уничтоженныхъ французами.

Послѣ графа Дмитрія Николаевича осталось двое сыновей, а потому по прошествіи ста пятидесяти лѣтъ огромное богатство графовъ Шереметевыхъ, ни разу не дѣлимое, подверглось въ первый разъ дѣлежу между наслѣдниками и выдѣлу вдовьей части.

Говоря о Кусковѣ, нельзя пройдти молчаніемъ и села Троицкаго, графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, которое живо напоминаетъ также блестящіе годы царствованія Екатерины Великой.

До 1760 года исторія этой мѣстности не представляетъ ничего замѣчательнаго, но съ этого времени, когда оно перешло во владѣніе графа Румянцева, для него настали лучшіе годы.

Скоро тамъ сооружена была церковь съ двумя колокольнями, выстроенъ обширный домъ, разведенъ садъ, устроены огромныя оранжереи, выкопаны пруды и проч. Графиня Марія Андреевна, мать Задунайскаго, особенно полюбила Троицкое и даже предпочитала его южнымъ помѣстьямъ сына.

Августъ 1775 года особенно памятенъ для Троицкаго; въ это время императрица Екатерина II здѣсь праздновала Кучукъ-Кайнарджійскій миръ послѣ своего десятидневнаго празднества въ столицѣ.

По преданію, государыня встрѣтила тамъ великолѣпный балъ и народный праздникъ. Троицкое въ то время представляло роскошную царскую дачу, въ родѣ французскаго Версаля, гдѣ государыню окружалъ весь блестящій ея дворъ.

Министры, вельможи, полководцы, иностранные послы, нѣсколько полковъ гвардіи расположены были по окрестнымъ полямъ и рощамъ Троицкаго; тысячи народа пировали на праздникѣ; для всѣхъ былъ столъ и вино для всѣхъ лилось полной чашей. Верстахъ въ двухъ отъ теперешней фермы старожилы указывали мѣсто подъ названіемъ «Столы»; здѣсь праздникъ продолжался нѣсколько дней.

Для государыни были разбиты роскошные шатры, въ одномъ изъ нихъ былъ накрытъ обѣденный столъ; послѣ стола царица слушала музыку, цыганскія пѣсни и смотрѣла на пляску.

Вечеромъ послѣ заревой пушки была иллюминація и фейерверкъ; по преданію, государыня отослала почетный караулъ, назначенный для нея, въ лагерь за кагульскую ферму, препоручивъ себя караулить народу, кочевавшему всю ночь въ Троицкомъ саду и селѣ.

Государыня, уѣзжая изъ Троицкаго, изъявила желаніе, чтобы домъ свой въ имѣніи графъ назвалъ Кайнарджи, въ память того, что здѣсь среди роскошнаго пира не забытъ былъ и миръ съ турками. Кагуломъ же названа ферма, выстроенная въ 1797 году графомъ Ник. Пет. Румянцевымъ, старшимъ сыномъ фельдмаршала. Кагульская ферма въ свое время была замѣчательная; здѣсь были собраны всѣ русскія растенія и первыя земледѣльческія

орудія и машины. Управлялъ этой фермой знаменитый агрономъ Роджеръ, которому сельскохозяйственное искусство обязано введеніемъ особаго плуга, изобрѣтеннаго имъ.

Послѣ 1812 года все это образцовое хозяйство рушилось и луга заросли травой, и былое отошло въ область преданій. Младшій сынъ Задунайскаго Сергѣй Петровичъ, впрочемъ, увѣковѣчилъ эти преданія, поставивъ тамъ памятникъ, который находится теперь въ Фениной.

Вверху его стоитъ бюстъ императрицы, а ниже на бѣломъ мраморѣ надпись: «Кайнарджи»; подъ нимъ змѣя поднимаетъ голову къ трофеямъ Задунайскаго, но богиня Мира попираетъ змѣю и съ пальмой въ рукѣ предстоитъ передъ императрицей. На пьедесталѣ памятника надпись: «отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайскаго».

Въ этомъ селѣ церковь сооружена въ 1774 году графомъ П. А. Румянцевымъ и, подновленная въ 1812 году, до войны съ французами она была очень богата; при приближеніи непріятеля крестьяне, желая спасти церковную утварь, собрали съ иконъ серебро и золото, сняли оклады, лампады и пр., все это зарыли въ церкви подъ полъ, за лѣвымъ клиросомъ и наскоро заложили плитою.

Но французы нашли кладъ и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изгнанія ихъ оно было возвращено въ Троицкое; одного серебра здѣсь было болѣе 12-ти пудовъ. Но недоставало еще многаго, въ томъ числѣ ризы съ иконы св. Николая и драгоцѣннаго ковчега.

На слѣдующее лѣто случилось поправлять мостъ, который и теперь существуетъ между Фениной и Троицкомъ на Пехоркѣ, и подъ нимъ между свай изъ-подъ песку и илу увидали ризу, и нѣсколько дней спустя нашли и ковчегъ, зарытый въ неглубокой рытвинѣ, недалеко отъ села.

Встарину въ Троицкомъ были лучшія огромныя оранжереи, снабжавшія всѣ рестораны и фруктовыя лавки столицы рѣдкими фруктами.

ГЛАВА IX.

Большое количество садовъ въ древней Москвѣ.—Замоскворѣцкіе сады.—Садъ П. А. Демидова.—Заповѣдныя вѣковыя рощи.—Мерзляковскій дубъ.—Нескучное Орлова и Д. В. Голицына.—Воздушный театръ.—Жизнь Чесменскаго героя.—Шванвичъ.—Садъ въ Нескучномъ.—Манежъ, карусели.—Алексѣй Орловъ на похоронахъ Петра III.—Кончина графа.—Заслуги Орлова въ дѣлѣ конноводства.—Анекдоты.—Судьба Нескучнаго послѣ смерти графа Орлова.—Село Островъ.—Историческое прошлое этого имѣнія.—Графиня Орлова-Чесменская.—Ея набожность.—Дочь графа Орлова, графиня Анна Алексѣевна.—Благотворительность на монастыри.—Ея совѣтникъ архимандритъ Фотій.—Богатство Юрьева монастыря.—Послушница Фотина.—Продѣлки этой ханжи.—Кончина Фотія.—Могилы Фотія и графини А. А. Орловой-Чесменской.—Судьба села Острова.

МОСКВА, по историческимъ преданіямъ, всегда красовалась своими рощами и садами. Прямо предъ «очами вѣкового Кремля» лежали «Садовники»; многія столѣтія смотрѣлъ на нихъ Кремль, любуясь ихъ зеленью; оттуда, по вѣтру, къ нему навѣвался сладкій запахъ цвѣтовъ и травъ; тамъ цѣлыя слободы заселялись только садоводами; къ нему примыкала какъ бы вдобавокъ цвѣтущая поляна (нынѣшняя Полянка) съ прудами, рыбными сажалками, съ заливными озерами и т. д.

Сады въ урочищѣ «Садовникахъ» были не прихотливы: въ нихъ не было ни регулярности, ни дорожекъ—однѣ только неправильныя тропинки, и то не вездѣ.

Въ этихъ садахъ вся праздная земля, не занятая деревомъ, кустомъ, грядой овощей, шла подъ сѣнокосъ хозяйскій. Плоды старыхъ садовъ московскихъ обыкновенно приносили яблони, вишни,

*

груши, малину, крыжовникъ (агрызъ), смородину черную и красную; съ бѣлою смородиною и съ земляникою на грядахъ долго, очень долго никто не былъ знакомъ изъ нашихъ предковъ (первый въ Москвѣ землянику «викторію» ввелъ докторъ П. Л. Пикулинъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ). Малинники въ то время были очень густы, почти непроходимы, въ нихъ захаживалъ непрошенный гость—«косолапый Мишка». По краямъ садовъ сажалась черемуха, рябина, по угламъ иногда засаживали орѣшникъ. Отъ каждаго сада, на болѣе сырыхъ мѣстахъ, тянулись огороды, большею частью капустные.

Въ числѣ замоскворѣцкихъ садовъ и огородовъ были также огороды и сады царскіе. Самый главный царскій садъ былъ «Васильевскій»; онъ отъ урочища «Подкопая» припиралъ по лугамъ къ устью Яузы, тамъ, гдѣ теперь Воспитательный домъ; этотъ садъ принадлежалъ Кремлю; его создателемъ былъ, если вѣрить преданіямъ, Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского. Это былъ первый садоводъ изъ нашихъ великихъ князей; садъ этотъ примыкалъ къ рѣкамъ Москвѣ и Яузѣ, былъ орошаемъ еще и по срединамъ своимъ рѣчкой Сорочкою, протекающею черезъ дворъ нѣкогда главнаго архива коллегій иностранныхъ дѣлъ.

При впаденіи этой Сорочки въ устье рѣкъ была и мельница; на холмахъ Ивановскихъ красовались сосновыя рощицы. Татары, разгромивъ сады замоскворѣцкіе, не коснулись садовъ васильевскихъ.

Гроза отца Васильева—Димитрія, уже очень могучая, смирила ихъ своеволье, и въ новыхъ садахъ васильевскихъ они уже не бывали. Но за то впослѣдствіи тутъ гарцовали поляки и разгромъ постигъ и эти сады, точно такъ, какъ и замоскворѣцкіе при татарахъ. Слишкомъ три вѣка спустя послѣ того большая часть луговъ васильевскихъ принадлежала уже богачу Демидову и на одномъ изъ этихъ луговъ построенъ имъ «Домъ воспитательный».

Что же касается до сада строителя этого дома, Прокопія Акинфіевича Демидова, то онъ въ екатерининское время въ Москвѣ былъ единственный: въ немъ было собрано около двухъ тысячъ сортовъ [43]) однихъ рѣдкихъ ботаническихъ растеній. И по словамъ академика Палласа, который жилъ цѣлый мѣсяцъ для описанія у Демидова, садъ у послѣдняго не имѣлъ въ Россіи соперника.

Садъ Демидова находился за городомъ у самой Москвы-рѣки, близь Донского монастыря. Онъ былъ разбитъ въ 1756 году; берегъ рѣки тогда былъ совсѣмъ неудобенъ для разбивки сада, и для этого работали здѣсь надъ разравниваніемъ почвы цѣлыхъ два года по семисотъ человѣкъ рабочихъ въ день.

Садъ имѣлъ правильную фигуру амфитеатра; сперва владѣлецъ посадилъ въ немъ однѣ плодовыя деревья, но потомъ засадилъ его ботаническими кустарниками и травянистыми растеніями и построилъ здѣсь множество каменныхъ оранжерей. Садъ отъ двора и дома къ Москвѣ-рѣкѣ шелъ уступами разной ширины и высоты, но длиною вездѣ въ девяносто пять саженъ; самая верхняя площадка отдѣлялась отъ двора прекрасною желѣзною рѣшеткою, которая имѣла около десяти саженъ въ ширину.

Съ правой стороны находились гряды съ луковичными растеніями, и тутъ же былъ устроенъ звѣринецъ для кроликовъ, которые здѣсь переносили и зиму на открытомъ воздухѣ.

Съ лѣвой стороны шли каменные грунтовые сараи, парники для ананасовъ. Съ уступа велъ сходъ въ семнадцать ступеней, выложенныхъ желѣзными плитами. Такія плиты были по всему саду; на второй площадкѣ сада, имѣющей болѣе девяти саженъ въ ширину, находились гряды съ многолѣтними и однолѣтними растеніями, посаженными въ грунту и горшкахъ; съ лѣвой стороны находились гряды, обнесенныя каменною стѣною для плодовыхъ деревъ, а съ правой стороны шли двѣ кирпичныя оранжереи, параллельныя одна къ другой, простирающіяся каждая на десять саженъ въ длину: одна была для винограда, другая — для рощенія сѣмянъ, а зимою для многолѣтнихъ растеній. Второй сходъ велъ къ третьей площадкѣ сада, гораздо большей, чѣмъ прежнія двѣ. Здѣсь были двѣ оранжереи шириной во весь садъ; въ этихъ оранжереяхъ стояли пальмы и деревья теплыхъ странъ.

На четвертой площадкѣ опять были оранжереи. Наконецъ, пятая площадка сада была самая большая; на ней былъ большой прудъ и птичникъ, обсаженный деревьями; тутъ содержались рѣдкія птицы и животныя, выписанныя изъ Голландіи и Англіи. Здѣсь же стояли карликовыя деревья, искусственно выведенныя до очень малыхъ размѣровъ, не болѣе аршина или двухъ,—изъ такихъ здѣсь были березка болотная, курильскій чай, ракитники и т. д. Для любителей и ботаниковъ хозяиномъ сада было дано дозволеніе собирать растенія и составлять гербаріи.

Втарину окрестности Москвы славились своими заповѣдными вѣковыми рощами и, куда бы ни кинулъ взглядъ свой путникъ,— всюду встрѣчалъ лѣсныхъ гигантовъ. Одинъ изъ такихъ вѣковыхъ обитателей дубравъ, впрочемъ, живъ еще по сейчасъ и проѣзжій со станціи Мытичи можетъ его видѣть, хотя онъ стоитъ въ пяти верстахъ отъ желѣзнаго пути. Этотъ гигантъ—«вязъ», воспѣтый

А. Ѳ. Мерзляковымъ болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, въ извѣстной народной пѣснѣ:

«Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ».

Только этотъ вязъ у поэта почему-то названъ дубомъ. Это преданіе намъ передавалъ одинъ изъ почтенныхъ московскихъ старожиловъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II Москва, по свидѣтельству иностранцевъ, представляла какой-то лѣнивый, изнѣженный, великолѣпный азіатскій городъ, гдѣ какъ величественные призраки существовали всѣ тѣ, кто былъ нѣкогда въ силѣ, и всѣ тѣ, кто былъ въ немилости или считалъ себя обойденнымъ на извѣстной лѣстницѣ почестей.

Всѣ эти разукрашенные призраки былого величія колыхались въ своихъ парадныхъ покояхъ или двигались въ восьми-стекольныхъ золотыхъ каретахъ, запряженныхъ восемью лошадьми, подъ тяжестію блестящихъ мундировъ, съ лентами, съ брилліантовыми ключами и т. д.

Въ числѣ такихъ нашихъ московскихъ призраковъ златого прошлаго въ памяти нашей возстаетъ утопающій среди чисто-азіатской роскоши, генералъ-адмиралъ великой царицы, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій, который живалъ въ своемъ Нескучномъ; рядомъ съ этимъ селомъ была дача князя Дмитрія Владиміровича Голицына, а за его дачей—дача князя Шаховского. Императоръ Николай купилъ Нескучное у дочери графа Орлова, графини Анны Алексѣевны, за 800,000 ассигнаціями.

Князь Голицынъ купилъ часть у Шаховского и принесъ въ даръ государю, такимъ образомъ увеличенное Нескучное стало называться Александріей. Александровскій дворецъ, это тотъ самый домъ, въ которомъ живалъ графъ Орловъ и давалъ свои праздники и пиршества для забавы своей единственной дочери.

Въ Нескучномъ долго существовалъ воздушный театръ графа Орлова. Это было не что иное, какъ крытая большая галерея полукружіемъ, а самая сцена была приспособлена такъ, что деревья и кусты замѣняли декораціи.

Еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія два раза въ недѣлю здѣсь бывали представленія, по окончаніи которыхъ пускали фейерверкъ.

Герой Чесменскій доживалъ свой громкій славой вѣкъ въ древней столицѣ; современникъ его С. П. Жихаревъ говоритъ: «Какое-

то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ простотѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Неограничено было уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы и это общее уваженіе было данью не сану богатаго вельможи, но личнымъ его качествамъ».

Графиня А. А. Орлова-Чесменская.
Съ портрета, находящагося въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ.

Графъ А. Г. былъ типомъ русскаго человѣка могучей крѣпостью тѣла, могучей силой духа и воли; онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ доступенъ, радушенъ, доброжелателенъ, справедливъ и велъ образъ жизни на русскій ладъ, тяготѣя ко вкусу болѣе простонародному; эти-то качества и покоряли сердца всѣхъ московскихъ жителей.

Другой современникъ графа, заслуженный профессоръ московскаго университета П. И. Страховъ, вотъ какъ описываетъ появленіе графа на улицахъ столицы:

«И вотъ молва въ полголоса бѣжитъ съ губъ на губы: ѣдетъ, ѣдетъ, изволитъ ѣхать. Всѣ головы оборачиваются въ сторону къ дому графа А. Г.; множество любопытныхъ зрителей всякаго званія и лѣтъ разомъ скидаютъ шапки долой съ головъ, а такъ бывало тихо и медленно опять надѣваются на головы, когда графъ объѣдетъ кругомъ.

«Какой ростъ, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вмѣстѣ добрый, привѣтливый взглядъ! Такое-то почтеніе привлекалъ къ себѣ любезный москвичамъ бояринъ, щедро надѣленный всѣми дарами: и красотой, и силой разума, и силой тѣлесной».

Про Алексѣя Орлова говорили, что физическая его сила была настолько велика, что онъ гнулъ подковы и свертывалъ узломъ кочергу. Про него разсказывали, что еще въ юношескіе свои годы только одинъ человѣкъ въ Петербургѣ могъ одолѣть его силой, это былъ лейбъ-кампанецъ Шванвичъ, отецъ того Шванвича, который присталъ къ Пугачеву и сочинялъ для него нѣмецкіе указы. Разъ въ домѣ виноторговца Юберкампфа, на Большой Милліонной улицѣ въ Петербургѣ, оба силача встрѣтились. По разсказамъ, Шванвичъ справлялся всегда съ Алексѣемъ Орловымъ, но когда братья были вдвоемъ, то Орловы брали верхъ. Разумѣется, они часто сталкивались другъ съ другомъ; когда случалось, что Шванвичу попадался одинъ изъ Орловыхъ, то онъ билъ Орлова, когда попадались оба брата, то они били Шванвича. Чтобы избѣжать напрасныхъ дракъ, они заключили между собою условіе, по которому одинъ Орловъ долженъ былъ уступать Шванвичу и, гдѣ бы ни попался ему, повиноваться безпрекословно, двое же Орловыхъ берутъ верхъ надъ Шванвичемъ и онъ долженъ покоряться имъ также безпрекословно. Встрѣтившись, какъ уже мы сказали, въ трактирѣ съ Орловымъ, Шванвичъ овладѣлъ билліардомъ, виномъ и бывшими съ Орловымъ женщинами. Онъ, однакожъ, недолго пользовался своей добычей; вскорѣ пришелъ въ трактиръ къ брату другой Орловъ и Шванвичъ долженъ былъ, въ свою очередь, уступить билліардъ, вино и женщинъ. Полупьяный Шванвичъ хотѣлъ было противиться, но Орловы вытолкали его изъ трактира. Взбѣшенный этимъ, онъ спрятался за воротами и сталъ ждать своихъ противниковъ. Когда Алексѣй Орловъ вышелъ, Шванвичъ разрубилъ ему палашемъ щеку и убѣжалъ. Ударъ пришелся по лѣвой сторонѣ рта; раненый Орловъ былъ

тотчасъ отнесенъ къ вблизи жившему здѣсь лейбъ-медику принца Петра, племяннику знаменитаго Боергава, Герману Кааву; ударъ, нанесенный не твердой рукой, не былъ смертеленъ. Орловъ отдѣлался продолжительною болѣзнью, но шрамъ остался на щекѣ, отчего Алексѣй Орловъ и получилъ прозваніе со шрамомъ (le Balafré).

Позднѣе, когда Орловы возвысились, они могли бы погубить Шванвича, но они не захотѣли мстить ему; онъ былъ назначенъ кронштадтскимъ комендантомъ и стараніями Орлова смягченъ былъ приговоръ надъ его сыномъ, судившимся за участіе въ пугачевскомъ бунтѣ.

Алексѣй Орловъ въ молодости былъ побѣдителемъ не только на каруселяхъ, но всегда выходилъ побѣдителемъ въ кулачныхъ бояхъ и въ состязаніяхъ со всѣми тогдашними рубаками.

Алексѣй Орловъ былъ самымъ дѣятельнымъ изъ братьевъ во время вступленія императрицы Екатерины на престолъ. Въ ночь передъ рѣшительнымъ днемъ онъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ пріѣхалъ въ Петергофъ, разбудилъ государыню и отвезъ ее въ Петербургъ, исполняя должность кучера.

Отъ быстрой ѣзды лошади скоро были замучены; на дорогѣ онъ встрѣтилъ мужика съ возомъ сѣна, у котораго была свѣжая лошадь; Орловъ предложилъ ему помѣняться съ нимъ, но послѣдній отказался. Орловъ вступилъ съ нимъ въ драку, осилилъ его, выпрягъ его лошадь и оставилъ ему свою замученную. Подъѣзжая къ столицѣ, путники встрѣтили саксонца Неймана, котораго тогда посѣщали многіе молодые люди, и въ томъ числѣ Орловы; Нейманъ, увидя своего друга Алексѣя, закричалъ ему по-пріятельски:

— Эй, Алексѣй Григорьевичъ, кѣмъ это ты навьючилъ экипажъ?

— Знай помалкивай, отвѣчалъ Орловъ,—завтра все узнаешь.

Впослѣдствіи графъ Алексѣй Орловъ былъ вознагражденъ государыней больше всѣхъ своихъ братьевъ; къ его обогащенію тоже не мало послужили и тѣ морскіе призы, которые онъ захватилъ во время войны съ турками. На его морскую экспедицію Екатериною было отпущено въ его безотчетное распоряженіе около 20.000,000 рублей и современники увѣряютъ, что значительная часть этой суммы перешла въ его собственность.

Мы видимъ изъ исторіи, какъ онъ щедро и безразсудно распоряжался казеннымъ добромъ. Такъ, чтобы представить страшное и величественное чесменское сраженіе на четырехъ заказанныхъ

имъ картинахъ живописцу Гекерту, съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ четыре послѣдовательныхъ момента, онъ взорвалъ на воздухъ близъ Ливорно старое военное судно. Эти картины висятъ въ Петергофскомъ дворцѣ, а гравюры съ нихъ сдѣланы на мѣди англійскимъ художникомъ.

Графъ Алексѣй Орловъ, живя въ Москвѣ, любилъ выставлять свои богатства и свои знаки отличія предъ изумлявшеюся толпою. Орловъ, въ концѣ царствованія Екатерины, былъ однимъ изъ четырехъ сановниковъ, имѣвшихъ черезъ плечо ленту ордена Георгія Побѣдоносца [44]). Выѣзды Алексѣя Орлова на гуляньяхъ въ Москвѣ были необыкновенно пышны и торжественны.

Садъ графа въ Нескучномъ былъ расположенъ на полугорѣ, разбитъ на множество дорожекъ, холмовъ, долинъ и обрывовъ и испещренъ обычными постройками въ видѣ храмовъ, купаленъ, бесѣдокъ. Березовая кора стала, кажется, у него у перваго употребляться на украшеніе для садовыхъ построекъ, какъ объ этомъ передаютъ иностранцы.

Всѣ памятники и постройки въ этомъ саду напоминали подвиги и побѣды графа А. Г. Орлова. Лѣтомъ ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось безъ того, чтобы въ саду графа не было какихъ либо торжествъ и празднествъ. Представленія на театрѣ графа давались въ его похвалу и прославленье. Образы Петра I, Екатерины II и Алексѣя Орлова, по странному сопоставленію, смѣнялись одинъ другимъ и хоры величали въ хвалебныхъ гимнахъ подвиги побѣдителя турокъ. Самого графа представляли актеры въ образѣ бога войны.

Въ манежѣ его «Нескучнаго» постоянно устраивались карусели и не только вся аристократическая молодежь, но и дочь его, графиня Анна Алексѣевна, со своими сверстницами, участвовала въ нихъ. Она изумляла зрителей, выдергивая на всемъ скаку копьями ввернутыя въ стѣны манежа кольца, а также срубая картонныя головы съ надѣтыми на нихъ чалмами и рыцарскими шлемами.

Изъ сверстницъ молодой графини здѣсь отличались княгини: Урусова (урожденная Хитрово), Гагарина, Н. Ѳ. Четвертинская, В. Ѳ. Вяземская и Щербатова. Въ этомъ же манежѣ ѣздилъ по утрамъ, для моціона, нашъ молодой историкъ Н. М. Карамзинъ.

Графъ Орловъ жилъ въ Москвѣ послѣ смерти своего брата Григорія; говорятъ, Орловъ не могъ выносить князя Потемкина. Спустя нѣсколько лѣтъ, лѣтомъ 1791 года, графъ пріѣхалъ въ Петербургъ для присутствованія въ Петергофѣ на празднествахъ въ день восшествія на престолъ. На празднествѣ графъ былъ

угрюмъ и недоволенъ; послѣ праздниковъ графъ уѣхалъ обратно въ Москву и, пока жива была Екатерина II, никогда уже не пріѣзжалъ въ Петербургъ.

По смерти государыни, Алексѣй Орловъ обязанъ былъ посѣтить Петербургъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ прежде. Императоръ Павелъ вступилъ на престолъ и тотчасъ же вызвалъ графа Алексѣя Орлова въ Петербургъ.

Легко себѣ представить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ онъ уѣхалъ изъ Москвы и прибылъ въ Петербургъ, чтобы явиться передъ очи императора. Аудіенція происходила при закрытыхъ дверяхъ; слышенъ былъ только горячій разговоръ. Графъ вышелъ изъ кабинета императора сильно прихрамывая; Орловъ въ то время страдалъ подагрой.

Спустя нѣсколько дней, при погребеніи императора Петра III, его видѣли еще больше хромавшимъ. При торжественномъ принятіи праха Петра III изъ Александро-Невскаго монастыря и перенесеніи изъ монастыря въ императорскій Зимній дворецъ и изъ дворца въ крѣпость, графъ долженъ былъ идти передъ гробомъ и нести императорскую корону. Не нужно быть очень чувствительнымъ, какъ говоритъ очевидецъ этого случая Гельбигъ, чтобъ содрогнуться, живо представивъ себѣ настроеніе, въ которомъ долженъ былъ находиться Орловъ.

«Одинъ изъ первыхъ чиновъ при императорскомъ дворѣ, уже въ глубокой старости и въ болѣзненномъ состояніи, онъ долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ трудный переходъ болѣе чѣмъ въ три четверти часа и на всемъ этомъ пути былъ предметомъ любопытства, язвительныхъ улыбокъ и утонченной мести!» Послѣ погребенія императорской четы, Петра III и Екатерины II, Орловъ долженъ былъ немедленно уѣхать, что онъ охотно и исполнилъ. При коронаціи въ Москвѣ, когда новый императоръ прибылъ въ столицу, Орловъ съ трудомъ получилъ разрѣшеніе ѣхать заграницу и отправился въ Дрезденъ.

Графъ хотѣлъ навсегда поселиться въ Саксоніи и здѣсь торговалъ себѣ помѣстье, но саксонское правительство, не желая ссориться съ тогдашнимъ русскимъ дворомъ, крайне чувствительнымъ къ малѣйшимъ оскорбленіямъ, постаралось отклонить его отъ намѣренія купить имѣніе.

По смерти императора Павла, графъ возвратился въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1808 году; Орловъ скончался въ самый рождественскій сочельникъ, и день отпѣванія тѣла его былъ днемъ сѣтованія цѣлой столицы. Графа отпѣвали въ церкви Положенія Ризъ Го-

споднихъ, близь Донского монастыря. При выносѣ гроба сотни тысячъ людей, съ открытыми головами и со слезами на глазахъ, творили молитву, а крѣпостные люди плакали навзрыдъ.

Такъ любили москвичи графа за его привѣтливость и благотворительность. Въ день похоронъ графа, восьмидесятилѣтній сержантъ, чесменскій герой тоже—Изотовъ, тридцать лѣтъ служившій въ домѣ графа Орлова и спасшій ему однажды жизнь, былъ въ числѣ провожавшихъ тѣло, помогалъ опустить гробъ въ могилу и тутъ же мгновенно умеръ. Дома графа сохранились въ цѣлости отъ непріятельскаго разоренія въ 1812 году; въ старомъ домѣ, гдѣ всегда живалъ покойный, устроена была городская больница; другой, новый домъ, сдѣлался царскимъ дворцомъ; его любимыя имѣнія, село Островъ и село Хрѣновое, поступили въ составъ государственныхъ имуществъ.

По смерти графа былъ уничтоженъ одинъ его бѣгъ подъ Донскимъ, и двѣ китовыя кости тогда же поступили въ московскій университетъ: послѣднія тоже уцѣлѣли отъ пожара 1812 года и сохраняются по сейчасъ.

Графъ А. Г. Орловъ, какъ извѣстно, знаменитъ также своими заслугами въ дѣлѣ россійскаго коннозаводства—починъ кровнаго коннозаводства и тѣсно связаннаго съ нимъ скакового дѣла положенъ имъ въ Москвѣ въ 1785 году.

Графъ въ этомъ году завелъ въ столицѣ публичныя скачки на призы, ранѣе того выписалъ изъ Англіи лучшихъ скакуновъ и изъ Аравіи—рѣдкихъ производителей. Извѣстный знатокъ конскаго дѣла П. А. Дубовицкій говоритъ, что орловскій рысакъ усовершенствованъ былъ графомъ по строго задуманному имъ плану, причемъ онъ доказалъ фактами, ссылаясь на другіе заводы нашихъ вельможъ (и особенно на обширный Серебряно-Прудскій заводъ графа Шереметева), имѣвшіе тѣ же богатые и разнообразные типы всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ породъ, что хотя они и производили весьма хорошихъ лошадей, но не имѣли опредѣленнаго типа, какой выработалъ графъ Орловъ, а потому всѣ произведенія этихъ громадныхъ заводовъ исчезли безслѣдно.

Чрезъ искусное сочетаніе арабской и англійской крови графъ вывелъ и типъ верховой лошади,—такой типъ, какой извѣстенъ въ лицѣ его знаменитаго «Свирѣпаго», который не гнулся подъ девяти-пудовымъ богатыремъ-вельможей, когда онъ, залитый золотомъ и брилліантами, красовался на гуляньяхъ въ Москвѣ, выѣзжая въ пышныхъ поѣздахъ съ огромной свитой, составлявшею нѣчто среднее между восточною роскошью и средневѣковою торжественностью рыцарскихъ турнировъ.

Проживая все царствованіе императора Павла I въ Дрезденѣ, графъ и тамъ удивлялъ нѣмцевъ своими выѣздами; особенно любовались послѣдніе его кобылами «Арфой» и «Амазонкой»; другія любимыя его двѣ лошади были «Потѣшный» и «Катокъ»: первую

Архимандритъ Фотій.
Съ портрета, приложеннаго къ I тому «Русскихъ дѣятелей», изд. «Русской Старины».

графъ подарилъ князю Голицыну, а второй по наслѣдству достался генералу Алексѣю Алексѣевичу Чесменскому.

До самаго нашествія Наполеона онѣ не переставали по зимамъ спорить между собою на москворѣцкомъ бѣгѣ и, при всей своей старости, не встрѣчали себѣ соперниковъ. Графъ, помимо лошадиной охоты, имѣлъ и псовую для истребленія волковъ, тревожив-

шихъ его табуны; графъ самъ велъ собственноручно родословныя своихъ собакъ; у него также были почтовые голуби, летавшіе съ письмами въ его Хатунскую волость за 70 верстъ изъ Москвы.

Извѣстны еще по сейчасъ орловскіе бойцовые гуси, а также и орловскія канарейки съ особеннымъ напѣвомъ. По разсказамъ, графъ былъ необыкновенно хлѣбосоленъ и привѣтливъ.

Къ его обѣду ежедневно могли пріѣзжать находившіеся въ Москвѣ дворяне, хотя бы съ нимъ и незнакомые, но для этого они должны были быть въ дворянскомъ мундирѣ. Если же пріѣхавшій незнакомый былъ въ партикулярномъ платьѣ, тогда графъ спрашивалъ у него: «отъ кого вы, батюшка, присланы», и когда незнакомецъ называлъ себя, тогда графъ извинялся, что не разглядѣлъ, ибо по старости уже плохо видитъ.

Этимъ графъ давалъ разумѣть, что всякій, но только русскій дворянинъ, имѣетъ право на его хлѣбосольство. По воскресеньямъ у него обѣдало отъ 150 до 300 человѣкъ.

Со смертью графа Алексѣя Орлова, его Нескучное пришло въ упадокъ. Дочь его, графиня Анна Алексѣевна, была такъ потрясена потерей отца, что дала обѣтъ передъ образомъ не знать уже болѣе никакихъ свѣтскихъ удовольствій.

Узнавъ о кончинѣ отца, она впала въ обморокъ, въ которомъ пробыла четырнадцать часовъ. Нескучное, въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ бытописателя Москвы, было такимъ мѣстомъ, гдѣ порядочные люди боялись прогуливаться.

Садъ Нескучнаго сдѣлался сборнымъ мѣстомъ цыганъ самаго низкаго разряда, отчаянныхъ гулякъ «въ полуформѣ», бездомныхъ мѣщанъ, ремесленниковъ и лихихъ гостинодворцевъ, которые по воскреснымъ днямъ пріѣзжали сюда пропивать на шампанскомъ и полушампанскомъ барыши всей недѣли, гулять, буянить, придираться къ нѣмцамъ, ссориться съ полуформенными удальцами и любезничать съ «дамами».

Вотъ какъ рисуетъ тамъ картину гуляющихъ Загоскинъ: «На каждомъ шагу здѣсь встрѣчались съ вами купеческіе сынки въ длинныхъ сюртукахъ и шалевыхъ жилетахъ и замоскворѣцкіе франты въ венгеркахъ; не очень ловкія, но зато чрезвычайно развязныя барышни въ кунавинскихъ шаляхъ, накинутыхъ на одно плечо, въ родѣ греческихъ мантій. Вокругъ трактира пахло пуншемъ, по аллеямъ раздавалось щелканье каленыхъ орѣховъ, хохотъ, громкіе разговоры, разумѣется, на русскомъ языкѣ, иногда съ примѣсью французскихъ словъ нижегородскаго нарѣчія: «команъ ву портеву требьянъ! бонъ журъ! монъ шеръ!» и т. д.

Изрѣдка вырывались фразы на нѣмецкомъ языкѣ и можно было подслушать разговоръ какого нибудь сѣдельнаго мастера съ подмастерьемъ булочника, которые, озираясь робко кругомъ, толковали между собою о дѣйствіяхъ своего квартальнаго надзирателя, о достовѣрныхъ слухахъ, что ихъ частный приставъ будетъ скоро смѣненъ и о разныхъ другихъ политическихъ предметахъ своего квартала.

Съ изгнаніемъ цыганскихъ таборовъ изъ Нескучнаго и уничтоженіемъ распивочной продажи, все это воскресное веселое общество переселилось въ разныя загородныя мѣста и, въ особенности, въ Марьину рощу.

У графа Алексѣя Григорьевича Орлова было еще другое подмосковное село — Островъ, лежащее отъ столицы въ двѣнадцати верстахъ. Село это нѣкогда было извѣстно подъ именемъ «Дворцоваго села»; оно уже въ 1328 году въ духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты упоминается.

Затѣмъ извѣстно, что при царѣ Василіи Ивановичѣ здѣсь стоялъ княжескій теремъ; въ 1547 году здѣсь живалъ еще молодой грозный царь Иванъ Васильевичъ и здѣсь, по сказаніямъ псковскаго лѣтописца, во время Петрова поста, когда къ нему пришли посланные отъ псковичей 70 человѣкъ выборныхъ, съ жалобою на своего намѣстника, князя Турунтая Пронскаго, государь, не выслушавъ и не разобравъ дѣла, «разгнѣвался на псковичей, обливалъ виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчу зажигалъ и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на землю; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ-благовѣстникъ напрасно (неожиданно) отпаде и государь пойде къ Москвѣ, а жалобниковъ не истялъ (не погуби)».

Позднѣе видимъ, что царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ походъ въ село Островъ: тишайшій государь останавливался въ Островѣ, когда ходилъ въ монастырь у Николы на Угрѣшѣ. Послѣ село Островъ принадлежало при Петрѣ всесильному тогда вельможѣ князю Меншикову и уже при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ оно приписано было къ комнатѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича. Императрица Екатерина II всемилостивѣйше пожаловала его графу А. Г. Орлову въ потомственное и вѣчное владѣніе; въ годъ пожалованія, въ 1767 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, почтилъ своимъ посѣщеніемъ новаго владѣльца великій князь Павелъ Петровичъ, гдѣ и кушалъ въ домѣ графа.

Въ 1782 году, 6-го мая, графъ А. Г. праздновалъ въ селѣ Островѣ свое бракосочетаніе съ дѣвицею Евдокіею Николаевною Лопухиной. Почти вся Москва была свидѣтельницею торжества, продолжавшагося нѣсколько дней.

Молодая Лопухина вступила въ бракъ 20 лѣтъ; при красивой наружности она отличалась добродушіемъ и привѣтливостью, была набожна, не пропускала церковнаго служенія не только въ праздники, но и въ обыкновенные дни; молодая графиня не любила нарядовъ и никогда не надѣвала бриллiантовъ. Черезъ три года, 2-го мая, родила она дочь Анну и черезъ годъ, 20-го августа, при рожденіи сына Іоанна, скончалась и сама графиня Авдотья Николаевна, въ Москвѣ, на 25 году.

Графъ Иванъ Орловъ-Чесменскій былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ, но черезъ годъ тоже умеръ. Чесменскій герой проводилъ лѣто обыкновенно въ Островѣ. Старожилы разсказывали, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ дочь его удивляла всѣхъ своею набожностью и, не смотря на равнодушіе и даже холодность отца ея въ дѣлѣ вѣры, нимало не охладѣвала, такъ что въ то время, какъ съѣхавшіеся гости наполняли домъ отца, молодая графиня тайкомъ убѣгала въ церковь къ вечернѣ, такъ какъ это было удобное время ускользнуть отъ вниманія имѣвшихъ надъ нею надзоръ.

Сперва о ней весьма тревожились, но впослѣдствіи знали уже, гдѣ ее отыскивать, шли въ церковь и находили тамъ молящеюся. Въ Островѣ церковь была вблизи дома и молодая графиня убѣгала туда, не будучи никѣмъ замѣченною.

Послѣ смерти отца, двадцати-двухъ-лѣтняя графиня осталась одна наслѣдницею всѣхъ богатствъ графа — ежегодный доходъ наслѣдницы простирался до 1.000,000 руб., стоимость ея недвижимаго имѣнія, исключая бриллiантовъ и другихъ драгоцѣнностей, цѣнившихся на 20.000,000 руб., доходила до 45.000,000 руб. Очень понятно, что у такой богатой наслѣдницы было не мало жениховъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ графъ Воронцовъ и сынъ фельдмаршала Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ. По словамъ біографа графини, Елагина [45]), Анна Алексѣевна посвятила себя жизни уединенной, близкой къ отшельничеству и, нѣсколько лѣтъ спустя по смерти отца, поѣхала на богомолье въ Кіевъ, а потомъ въ Ростовъ; здѣсь во время поклоненія мощамъ св. Дмитрія познакомилась она съ гробовымъ іеромонахомъ Анфилохіемъ. Графиня избрала его своимъ духовникомъ, но онъ вскорѣ скончался. Тогда Орлова желала найти себѣ другого руководителя и обратилась къ епископу пензенскому Иннокентію за совѣтомъ; тотъ указалъ ей на Фотія. Для знакомства съ послѣднимъ, Орлова покинула родную Москву и переѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она искала два года случая сблизиться съ нимъ, но послѣдній, опасаясь вліянія

ея знатности и богатства на свое убожество, тщательно уклонялся отъ нея. Орлова познакомилась съ Фотіемъ только по переводѣ его въ Юрьевъ монастырь.

Графиня купила по близости этого монастыря у тамошняго помѣщика В. И. Семевскаго за 75,000 рублей небольшую усадьбу и построила для себя домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, нѣкогда стоялъ древній монастырь св. Пантелеймона.

Жизнь вблизи монастыря Фотія на первое время, однако, не удалила графиню отъ большого свѣта. Она ѣздила въ Петербургъ и Москву, дѣлала пріемные вечера для избраннаго общества и не покидала и дворъ, гдѣ числилась камеръ-фрейлиной, и ѣздила съ императрицею Александрой Ѳеодоровной на коронацію въ Москву, затѣмъ въ Кіевъ, въ Варшаву и Берлинъ и все это время графиня оставалась свѣтской женщиной. Миссъ Вильмотъ, извѣстная пріятельница княгини Дашковой, разсказываетъ, что графъ Чесменскій устраивалъ у себя праздники единственно для дочери, и что послѣдняя была всегда героинею праздниковъ. Орлова была очень граціозна и легка въ танцахъ и всѣ присутствовавшіе невольно любовались ею.

По желанію отца и для удовольствія гостей, она плясала танецъ съ шалью, съ тамбуриномъ, казачка, цыганку, русскую и проч. При этомъ двѣ служанки выполняли вмѣсто нея фигуры, считавшіяся недовольно приличными для молодой графини, а гости составляли около нея благоговѣйный кругъ.

По словамъ Вильмотъ, послѣ каждаго танца графиня подбѣгала къ восхищенному отцу, чтобъ поцѣловать у него руку. Графиня впослѣдствіи впала въ піетизмъ и въ теченіе своей двадцатипятилѣтней жизни вблизи Юрьева монастыря отличалась строгою подвижническою жизнію, держала постъ, соблюдая его по-отшельнически, напримѣръ въ первую недѣлю поста ѣла одну просфору, а въ продолженіе страстной недѣли ѣла только однажды въ великій четвертокъ.

Елагинъ, сообщая о такой аскетической жизни Орловой, говоритъ, что это она дѣлала подъ руководствомъ Фотія. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій, какъ вѣрно замѣчаетъ П. Бартеневъ [46]), суть лица вполнѣ историческія. Ихъ жизнь и дѣятельность служили противовѣсомъ тому вѣроисповѣдному безразличію, которое господствовало въ русскомъ образованномъ обществѣ, не столько по вліянію философіи XVIII вѣка, сколько вслѣдствіе того, что Россія сдѣлалась убѣжищемъ для французскихъ эмигрантовъ.

Строгій подвижникъ Фотій умѣлъ придать вѣсъ себѣ въ высшихъ кружкахъ тогдашняго распущеннаго общества, онъ имѣлъ доступъ во дворецъ, обличалъ сильныхъ міра и поднялъ значеніе русскаго духовенства, до того тогда униженнаго, что издавались даже распоряженія, чтобы помѣщики подносили священникамъ и причту, приходящимъ со святынею, лишь опредѣленное количество рюмокъ водки.

Юрьевскій архимандритъ Фотій, сынъ дьячка въ приходской церкви въ Новгородскомъ уѣздѣ, по фамиліи Спасскій, въ мірѣ Петръ Никитичъ, родился въ 1792 г., получилъ образованіе сперва въ новгородской, потомъ въ петербургской семинаріи и въ духовной академіи, впрочемъ, болѣзнь груди не дала ему возможность окончить полнаго курса — двадцати пяти лѣтъ онъ былъ пострижень въ монахи и на третій годъ по постриженіи рукоположенъ въ іеромонахи и въ томъ же году былъ назначенъ законоучителемъ и настоятелемъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ; съ воспитанниками Фотій былъ крайне строгъ и въ домашней жизни воздерженъ чрезвычайно.

Увѣряли, что онъ питался однимъ чаемъ — жилъ тогда Фотій въ самой убогой квартиркѣ на Петербургской сторонѣ, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ. Фотій отличался крайне болѣзненнымъ, истощеннымъ видомъ, смотрѣлъ исподлобья; онъ послѣдніе годы своей жизни носилъ на тѣлѣ вериги, отъ которыхъ у него были зловонныя язвы.

Фотій спалъ на каменной кушеткѣ, покрытой волосяной тканью. Проповѣди его по воскреснымъ днямъ отличались самымъ строгимъ аскетизмомъ.

На второй годъ своего законоучительства въ корпусѣ, Фотій за отличіе былъ назначенъ іеромонахомъ въ Невскую лавру и, два года спустя, рукоположенъ въ игумены Новгородскаго третьекласснаго Деревяницкаго монастыря. Удаленіе свое изъ Петербурга Фотій приписывалъ кознямъ тайныхъ богопротивныхъ обществъ и враговъ церкви Христовой. Фотій былъ самымъ яростнымъ изобличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ сильный тогда А. Н. Голицынъ. Фотій считалъ послѣдняго главнымъ виновникомъ всѣхъ церковныхъ смутъ.

Князь Голицынъ, какъ и многіе изъ важныхъ лицъ того времени, дорожилъ тѣмъ, что послѣ временъ невѣрія и безбожія явилось религіозное чувство, религіозное возбужденіе, хотя бы и въ неправильномъ видѣ; онъ надѣялся, что это движеніе, будь оно даже и неправильное, обратится въ пользу господствующей церкви. А. Н. Го-

лицынъ, уважая всѣхъ сектантовъ, уважалъ и православныхъ въ ихъ религіозномъ чувствѣ: форма для него не значила въ дѣлѣ религіи ничего.

Фотій яро, съ изступленіемъ возсталъ противъ сильныхъ въ то время приверженцевъ такъ называемой внутренней церкви; онъ не хотѣлъ вступать въ сдѣлку и не хотѣлъ выжидать; онъ, какъ человѣкъ энергичный, пошелъ напроломъ впередъ.

Площадь въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія.

Съ гравюры того времени (Изъ «Путешествія Олеарія»).

Эта-то черта его характера и вызвала въ графинѣ Орловой безграничную преданность къ нему и уваженіе, выразившіяся тѣмъ, что она предоставила ему все свое колоссальное состояніе. Послѣ Деревяницкаго монастыря Фотій былъ переведенъ въ Сковордскій монастырь и отсюда, въ томъ же 1822 г. Фотій, за примѣрное поведеніе и за исправленіе двухъ монастырей, переведенъ былъ настоятелемъ первокласснаго Юрьева монастыря; съ переходомъ сюда и начинается историческая дѣятельность Фотія.

По свидѣтельству однихъ, Фотій былъ фанатикъ, другіе видѣли въ немъ лицемѣра, а третьи считали его клевретомъ Аракчеева.

Вотъ характеристика Фотія, сдѣланная самой графиней Орловой, когда одинъ близкій къ ней человѣкъ спросилъ ее, что васъ привлекло къ Фотію? «Онъ возбудилъ мое вниманіе тою смѣлостію, тою неустрашимостію, съ какою онъ, будучи законоучителемъ кадетскаго корпуса, молодымъ монахомъ, сталъ обличать господствовавшія заблужденія въ вѣрѣ. Все было противъ него, начиная со двора; онъ не побоялся этого; я пожелала узнать его и вступила съ нимъ въ переписку; письма его казались мнѣ какими-то апостольскими посланіями, въ нихъ былъ особый языкъ, особый тонъ, особый духъ. Узнавъ его ближе, я убѣдилась, что онъ лично для себя ничего не искалъ: онъ распоряжался для другихъ моимъ состояніемъ, но себѣ отказывалъ во всемъ; я хотѣла обезпечить бѣдныхъ его родныхъ, онъ мнѣ и этого не позволилъ».

Не одна графиня Орлова въ то время была увлечена Фотіемъ, но и Аракчеевъ, и Шишковъ были его поклонники; портретъ Шишкова во весь ростъ стоялъ въ парадной залѣ Фотія.

При поступленіи Фотія въ Юрьевъ монастырь эта обитель была самая бѣдная, пришедшая въ совершенную ветхость. Фотій выпросилъ у императора Александра I для поддержанія монастыря ежегодно по 4,000 рублей.

Но монастырь обогатился не этимъ вкладомъ—нѣсколько милліоновъ было пожертвовано графиней Орловой для возобновленія его; по словамъ Е. Карновича [47]), одна только серебряная рака для мощей св. Ѳеоктиста стоила ей свыше 500 тыс. руб. Въ настоящее время это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и богатѣйшихъ русскихъ монастырей какъ по своей обстройкѣ, такъ и по богатѣйшимъ въ немъ сокровищамъ.

Серебро, золото, брилліанты, рубины, сапфиры, изумруды, жемчугъ и разныя драгоцѣнныя въ художественномъ отношеніи вещи напоминаютъ какъ о несмѣтныхъ богатствахъ Орловой, такъ и о безграничности ея пожертвованій. Даже по смерти Фотія на Юрьевъ монастырь графиня Орлова внесла болѣе полумилліона рублей. Благодаря такимъ пожертвованіямъ, Юрьевъ монастырь въ народѣ сталъ слыть богатымъ, и странники, и странницы начали усердно его посѣщать, находя тамъ болѣе чѣмъ сытную пищу; съѣстные припасы, по распоряженію Орловой, подвозились въ монастырь цѣлыми обозами.

Для болѣе далекихъ богомольцевъ въ монастырѣ были устроены гостинницы, а также для больныхъ больницы. Особенно много приходило сюда такъ называемыхъ «бѣсныхъ» больныхъ отъ духовъ нечистыхъ, которыхъ отчитывалъ самъ архимандритъ Фотій.

Много шуму надѣлалъ въ свое время одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ монастырской больницѣ. Однажды сюда явилась молодая дѣвушка, Фотина, служившая фигуранткой въ петербургскомъ балетѣ; не предвидя себѣ хорошей будущности на театрѣ, она вздумала играть видную роль въ другомъ мѣстѣ. Придя въ больницу, она объявила себя одержимой нечистымъ духомъ, Фотій принялся отчитывать ее. Послѣ заклинательныхъ молитвъ, при конвульсивныхъ движеніяхъ, раздались крики: «Выйду, выйду!», и затѣмъ дѣвица впала въ безпамятство. Придя въ чувство, она объявила себя освобожденною отъ бѣса. Ей отвели помѣщеніе подлѣ монастыря.

Фотій объ ней заботился; скоро она начала разсказывать, что ей бываютъ видѣнія и что она на молитвахъ по ночамъ удостоивается особыхъ озареній. Фотій, хотя и вѣрилъ, но желалъ убѣдиться точнѣе и не разъ ночью посылалъ своего молодого келейника за монастырь подсматривать, что дѣлаетъ исцѣленная дѣвица. Всякій разъ онъ получалъ извѣстіе, что она молится, что въ ея комнатѣ виденъ какой-то необыкновенный свѣтъ, что она въ молитвѣ какъ бы отдѣляется отъ земли.

Очень понятно, что молодой келейникъ сошелся съ бывшей фигуранткой. Съ перваго появленія ея сюда, Орлова получила противъ нея предубѣжденіе, считала ее обманщицей и не разъ предостерегала Фотія отъ нея, говоря: «не вѣрь ей, батюшка, она обманываетъ тебя, ей вѣрно хочется денегъ; отдай ей хоть половину моего состоянія; ты себѣ дѣлаешь безчестіе, держа ее и лаская».

Правда, Фотій ласкалъ ее, какъ родное дитя, и это возбуждало толки. Фотина убѣдила Фотія, что для отвращенія гнѣва Божія нужно, чтобы живущія въ окрестностяхъ монастыря дѣвицы собирались на вечернее правило въ монастырь и, одѣтыя въ одинаковую одежду съ иноками, совершали молитву.

Говорили, будто Фотина явилась въ куполѣ церкви, одѣтая въ такую одежду, какъ бы для указанія. Фотій, устроивъ такіе хитоны, сталъ приглашать сосѣднихъ дѣвушекъ на молитву, и приходящихъ щедро одѣлялъ деньгами.

Охотницъ являлось все болѣе и болѣе; изъ военныхъ поселеній стали приходить почти всѣ дѣвицы. Эти сборища не обходились безъ непорядковъ. Молва и говоръ, полный ропота, не смотря на денежныя раздачи, распространились по окрестностямъ и дошли до губернатора. Онъ лично хотѣлъ удостовѣриться въ справедливости слуховъ и пріѣхалъ во время вечерняго правила въ монастырь.

Но въ это время ворота монастыря запирались и губернатора не пустили. Губернаторъ сказалъ архіерею, для котораго не могли

не отпереть воротъ, и послѣдній положилъ конецъ этимъ собраніямъ. Графиня Орлова уговорила Фотія удалить Фотину и онъ отправилъ ее въ Ѳедоровскій Переяславскій монастырь. Фотина, щедро надѣленная деньгами отъ Фотія, уѣхала въ монастырь.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти Фотія, Фотина оставила монастырь и вышла замужъ за своего кучера и отъ дурного обращенія съ нею мужа вскорѣ умерла.

Фотій умеръ въ 1838 г., на рукахъ графини Орловой, и былъ погребенъ торжественно въ Юрьевскомъ монастырѣ, въ пещерѣ, подлѣ самой церкви Похвалы Богородицы.

Въ этой усыпальницѣ, у подножія креста, стоятъ два мраморныхъ гроба съ мраморными запаянными крышами. На одномъ бѣломъ гробѣ сдѣлана по серебро-кованому покрову надпись: «Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго 1838 г., февраля 26 дня, въ часъ пополунощи и погребеннаго въ девятый день, 6 марта, настоятеля-благодѣтеля и возобновителя святыя обители сея преподобнаго отца священно-архимандрита Фотія».

На другомъ темноватомъ гробу сдѣлана на бронзовой доскѣ слѣдующая надпись: «Здѣсь покоится прахъ графини Анны Алекс. Орловой-Чесменской, камеръ-фрейлины двора ея императорскаго величества и кавалерственной дамы ордена св. Екатерины меньшого креста. Родилась 2 мая 1785 г., скончалась 5-го октября 1848 года». Графиня Анна Алексѣевна пережила Фотія на десять лѣтъ; она умерла скоропостижно на 64-мъ году отъ рожденія, въ кельѣ настоятеля Юрьева монастыря, собравшись выѣхать оттуда въ Петербургъ.

Графиня Орлова предполагала въ селѣ своемъ Островѣ устроить женскую обитель и при ней богоугодныя заведенія, но отъ этого отговорилъ ее тамошній священникъ отецъ Никифоръ, бывшій очень нерасположеннымъ къ монашеству. Орлова живала въ селѣ Островѣ послѣ смерти своего отца.

Усадьба тамъ была раскинута на тридцати двухъ саженяхъ; здѣсь былъ обширный домъ и превосходный садъ, расположенный по холмамъ и скатамъ, съ удивительнымъ разнообразіемъ и украшенный множествомъ бесѣдокъ и павильоновъ, существовавшихъ еще въ недавнее время. Графиня еще при жизни продала свои имѣнія въ казну, въ числѣ которыхъ и Островъ поступилъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ.

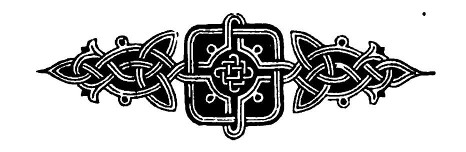
Въ 1868 году, спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти графини, Островскій домъ, манежъ и нѣкоторыя еще бывшія тамъ зданія, начинавшія приходить въ упадокъ, рѣшено было продать съ тор-

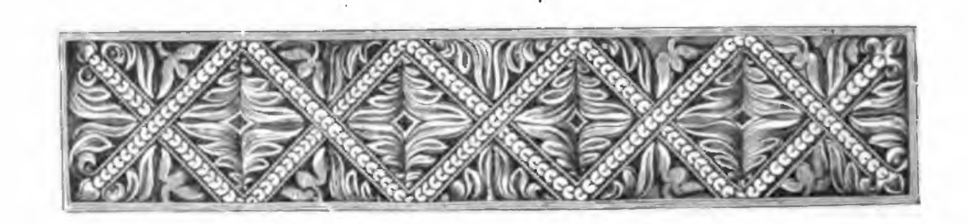
говъ, и Угрѣшскій монастырь, лежащій по близости къ Острову, нашелъ выгоднымъ купить ихъ.

Въ 1869 году Угрѣшскій монастырь посѣтилъ митрополитъ московскій Иннокентій. Прохаживаясь по площадкѣ угловой башни, примыкающей къ настоятельскимъ келіямъ, и обозрѣвая окрестности обители, онъ сталъ разспрашивать настоятеля о названіи селеній, видимыхъ черезъ ограду съ высоты площади. Упомянувъ при отвѣтахъ владыкѣ объ Островѣ, настоятелю пришло на мысль разсказать о неисполнившихся желаніяхъ графини и, говоря объ обширныхъ островскихъ постройкахъ, давно уже совершенно пустыхъ, онъ выразилъ между прочимъ мнѣніе, что хорошо было бы воспользоваться этими зданіями для какого нибудь благоугоднаго заведенія.

Это случайное замѣчаніе настоятеля породило въ умѣ митрополита мысль на самомъ дѣлѣ воспользоваться, если это только возможно, существующими въ Островѣ строеніями, на учрежденіе тамъ богадѣльни для престарѣлыхъ и немощныхъ лицъ бѣлаго духовенства московской епархіи. Владыко вошелъ въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ, прося его исходатайствовать высочайшее соизволеніе на пожалованіе села Острова духовному вѣдомству для устроенія тамъ богадѣльни, и въ маѣ 1870 г. село Островъ съ постройками всемилостивѣйше было безвозмездно пожаловано духовному вѣдомству, и спустя годъ здѣсь помѣщена была богадѣльня въ квадратномъ одно-этажномъ зданіи, имѣющемъ посрединѣ дворъ.

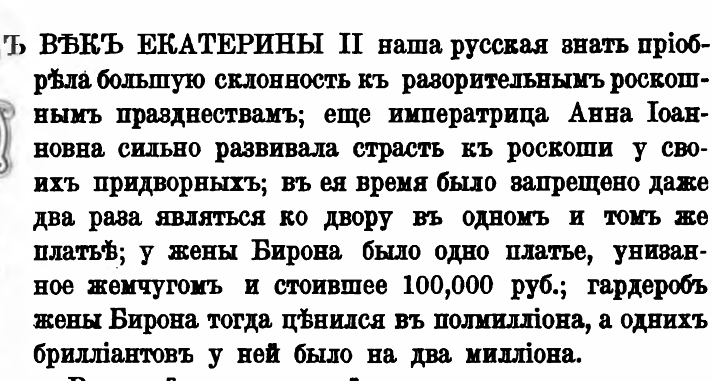
При графинѣ Орловой это былъ графскій скотный дворъ, впослѣдствіи преобразованный въ училище. Такимъ образомъ странными путями, хотя и не при жизни Орловой, исполнились ея желанія. Островскій домъ и другія строенія, принадлежавшія ей и купленныя Угрѣшскимъ монастыремъ, употреблены совершенно соотвѣтственно ея желаніямъ.





ГЛАВА X.

Разорительная роскошь вельможъ. — Щедрость императрицы Екатерины II.— Доходы государства.—Случайные люди.—И. Н. Корсаковъ.—Азартныя игры.— Великосвѣтскіе мѣнялы и торгаши драгоцѣнностями.—Многочисленныя дворни помѣщиковъ. — В. В. Головинъ и его сынъ. — Публикація о продажѣ людей.— Покупка Екатериной имѣнія «Черная Грязь».—Царскій питомникъ.—Аптекарскій садъ въ Москвѣ.—Прогулки царицы.—Разсказъ о князѣ Кантемирѣ и о покупкѣ Царицына.—Кантемиръ, молдаванскій господарь.—Его сыновья: князь Антіохъ и князь Сергѣй.—Первыя постройки въ Царицынѣ.—Работы архитектора В. И. Баженова.—Дворецъ Царицынскій.—Пруды.—Увеселительныя постройки.— Выборъ невѣстъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—Наталья Кирилловна Нарышкина.—Опала на Нарышкиныхъ.—Царь Θеодоръ.—Царица Агафья Семеновна.—Усыпальница рода Нарышкиныхъ.—Каменныя палаты Нарышкиныхъ въ Бѣломъ городѣ. — Александръ Львовичъ и Семенъ Кириллычъ Нарышкины.



ВЪ ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ II наша русская знать пріобрѣла большую склонность къ разорительнымъ роскошнымъ празднествамъ; еще императрица Анна Іоанновна сильно развивала страсть къ роскоши у своихъ придворныхъ; въ ея время было запрещено даже два раза являться ко двору въ одномъ и томъ же платьѣ; у жены Бирона было одно платье, унизанное жемчугомъ и стоившее 100,000 руб.; гардеробъ жены Бирона тогда цѣнился въ полмилліона, а однихъ брилліантовъ у ней было на два милліона.

Въ такой разорительной роскоши историки справедливо видятъ сознательную цѣль верховника Бирона— систематически разорить наше высшее дворянство. Въ такомъ недобромъ стремленіи разорить нашу знать едва ли мы можемъ заподозрить Екатерину II; изъ дошедшихъ примѣровъ мы видимъ, какъ щедра была императрица къ своимъ приближеннымъ.

Такъ, извѣстный Ив. Ник. Корсаковъ, когда онъ «вышелъ изъ случая», имѣлъ денегъ около 2.500,000 рублей. У него въ деревнѣ, въ домѣ, не только слуги, но и люди гостей пивали шампанское. Гостей у него ежедневно бывало не менѣе восьмидесяти человѣкъ. Ив. Ник. Корсаковъ началъ военную службу сержантомъ въ Конной гвардіи—онъ былъ капитаномъ въ Кирасирскомъ полку, когда Потемкинъ назначилъ его, въ числѣ трехъ лицъ, въ кандидаты на званіе флигель-адъютанта къ императрицѣ, на мѣсто только что уволеннаго Зорича; первые два были: Бергманъ, лифляндецъ, и Ронцовъ, побочный сынъ графа Воронцова. Корсаковъ обладалъ необыкновенно изящной фигурой, но въ сущности онъ былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ: по словамъ Гельбига, его внѣшность была такъ изящна и прелестна, что подобное рѣдко встрѣчается.

Этотъ внѣшній лоскъ его скоро пропалъ. Легкомысліе и доброта составляли главныя черты его характера; онъ обладалъ даромъ чрезвычайно пріятной бесѣды и правильнымъ, хотя не проницательнымъ умомъ. Всѣ три кандидата были представлены императрицѣ въ пріемной.

Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила съ каждымъ изъ нихъ и, наконецъ, подошла къ Корсакову. Она дала ему букетъ, только что поднесенный ей, и поручила отнести этотъ букетъ князю Потемкину и сказать ему, что она желаетъ говорить съ нимъ. Потемкинъ, чтобъ наградить принесшаго букетъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ.

День спустя послѣ представленія, въ іюнѣ 1778 года, Корсаковъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ и мало-по-малу чрезъ очень короткіе промежутки сталъ прапорщикомъ кавалергардовъ, что давало ему чинъ генералъ-маіора, затѣмъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла, и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ государыни.

По удаленіи отъ двора, онъ серьезно захворалъ и послѣ отправился въ Москву, гдѣ и остался жить навсегда. Корсаковъ навлекъ гнѣвъ государыни, похитивъ жену графа А. С. Строганова. Корсаковъ былъ хорошій музыкантъ и превосходно игралъ на скрипкѣ—онъ обладалъ въ свое время самою драгоцѣнною скрипкою въ Россіи.

Про него существуетъ анекдотъ, что онъ имѣлъ у себя, по примѣру дворцовъ, большую библіотеку. Когда онъ получилъ въ подарокъ отъ государыни домъ, бывшій Васильчикова, то позвалъ къ себѣ книгопродавца и заказалъ ему библіотеку для библіотечной комнаты. На вопросъ же книгопродавца, сдѣлалъ ли Корсаковъ

реестръ книгъ, которыя желалъ бы имѣть, и по какой отрасли должны быть выбраны книги, онъ отвѣчалъ:

— Объ этомъ я ужъ не забочусь, это ваше дѣло; внизу должны стоять большія книги и, чѣмъ выше, тѣмъ меньшія, точно такъ, какъ у императрицы [43]).

Какія безумныя суммы денегъ истратили Потемкинъ и Орловы! Теперь достовѣрно извѣстно, что послѣдніе получили за двадцать лѣтъ отъ щедротъ государыни: 45,000 душъ крестьянъ и 17 милліоновъ деньгами. Одинъ Зоричъ, съ августа 1777 года по 3-е іюня 1778 года, получилъ отъ Екатерины Шкловское имѣніе, заключавшее въ себѣ 16,000 душъ, помимо брилліантовъ; ему также выдано подарками болѣе 2.000,000 рублей. Одинъ столъ близкихъ придворныхъ Екатерины, П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой, ежедневно стоилъ казнѣ съ виномъ, кофе, чаемъ и шоколадомъ и проч., болѣе 600 рублей.

Если сопоставить эти расходы съ доходами государства въ то время, такъ, право, все сказанное покажется какою-то насмѣшкою или выдумкою. Такъ, извѣстно, что въ послѣдній годъ царствованія императрицы общая сумма доходовъ государства достигала всего 70.657,691 руб.

Только удивляться надо, откуда брались тогда деньги на разныя траты и войны. Энгельгардтъ, напримѣръ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что, когда былъ заключенъ Безбородко миръ съ турками и когда приходилось туркамъ заплатить Россіи 24 милліона піастровъ, то канцлеръ торжественно имъ заявилъ: «что русская государыня не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ!» Энгельгардтъ добавляетъ, что такой поступокъ глубоко изумилъ турокъ. А что стоило императрицѣ путешествіе ея въ полуденный край? Извѣстно, что назначенныхъ десяти милліоновъ на это путешествіе не хватило.

Праздная и разгульная жизнь баръ прошлаго вѣка стоила много денегъ, но не на одно вино только шло у нихъ много денегъ: что проигрывалось еще въ карты? Азартная игра въ царствованіе Екатерины велась даже при дворѣ, а отъ двора она распространялась и во всѣхъ обществахъ. Энгельгардтъ утверждаетъ, что азартныя игры хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы.

Однако, императрица иногда и преслѣдовала игроковъ. Такъ, письмомъ отъ 7-го августа 1795 года къ московскому главнокомандующему Измайлову, она предписываетъ: «Коллежскихъ ассесо-

ровъ: Іевлева и Малимонова, секундъ-маіора Роштейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова за нечистую игру сослать въ уѣздные города Вологодской и Вятской губерній, подъ присмотръ городничихъ, и внеся при томъ имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всякъ отъ обмана ихъ остерегался». У Волжина при томъ было отобрано векселей, ломбардныхъ билетовъ и закладныхъ на 159,000 руб. и, кромѣ того, множество золотыхъ и брилліантовыхъ вещей. Всѣ эти богатства приказано было «яко стяжаніе, неправеднымъ образомъ снисканное и ему непринадлежащее, отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія Московской губерніи на употребленіи полезныя и богоугодныя».

Въ томъ же году писалъ Бантышъ-Каменскій князю Куракину «У насъ сильный идетъ о картежныхъ академикахъ переборъ. Ежедневно привозятъ ихъ къ Измайлову; дѣйствіе сіе въ моихъ глазахъ, ибо намѣстникъ возлѣ меня живетъ. Есть и дамы...» Черезъ нѣсколько дней онъ сообщалъ: «Академики картежные, видя крѣпкой за собой присмотръ, многіе по деревнямъ скрылись».

По разсказамъ современниковъ, въ Екатерининское время въ каждомъ барскомъ домѣ по ночамъ кипѣлъ банкъ и тогда уже ломбардъ болѣе и болѣе наполнялся закладомъ крестьянскихъ душъ. Не къ добру послужило дворянству это учрежденіе дешеваго и долгосрочнаго кредита. Двадцать милліоновъ, выданные помѣщикамъ, повели къ еще большему развитію роскоши и къ разоренію дворянства. Быстры и внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію.

Въ большомъ свѣтѣ завелись мѣнялы; днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ, съ корзинками, наполненными разными бездѣлками, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнные каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ несчастливцевъ, которые проигрывали свои имѣнія, и выманивали у нихъ послѣднія деньги.

У Загоскина въ воспоминаніяхъ находимъ описаніе одного изъ такихъ ростовщиковъ сіятельнаго происхожденія, отставного бригадира, князя Н., промотавшаго четыре тысячи душъ наслѣдственнаго имѣнія. Вотъ какъ описываетъ онъ мѣсто его дѣйствій на одномъ изъ московскихъ великосвѣтскихъ баловъ, гдѣ въ ту эпоху подобный торговецъ былъ необходимой принадлежностью. «Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами: золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булавочки и всякія другія блестящія бездѣлушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудренной головой, въ

черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками атласномъ камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная и, судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической физіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ, потому что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ, одной — золотое колечко съ бирюзой, а другой — небольшое черепаховое опахало съ золотой насѣчкою; третья барышня, лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала:

— Вотъ возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серьги. Только воля ваша, вы много взяли придачи: право десять рублей много!

— Ну, вотъ еще, много! сказалъ продавецъ, — да твои-то сережки и пяти рублей не стоятъ.

— «Ахъ, что вы, князь! возразила барышня, — да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила...

Въ числѣ такихъ торговцевъ драгоцѣнными камнями въ Москвѣ былъ извѣстенъ нѣкто Кристинъ, жившій въ домѣ графа Маркова; родомъ Кристинъ былъ швейцарецъ и нѣкогда служилъ нашимъ агентомъ при иностранныхъ дворахъ.

До начала французской революціи онъ былъ секретаремъ извѣстнаго министра Колонна; онъ видѣлъ начало революціи въ Парижѣ, куда ѣздилъ переодѣтый съ тайными порученіями отъ графа д'Артуа, впослѣдствіи короля Карла X. Кристинъ тайкомъ проникалъ въ Тюльерійскій дворецъ, подавалъ утѣшеніе плѣнному королю; когда пали невинныя королевскія головы, Кристинъ, вмѣстѣ съ графомъ д'Артуа, явился въ Петербургъ. Изъ Петербурга онъ ѣздилъ тайнымъ агентомъ въ Швецію; здѣсь онъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, какъ разсказываетъ Вигель, какъ будто разбѣжавшись, наткнулся на стоящаго у камина несовершеннолѣтняго молоденькаго короля Густава IV; низко кланяясь, и будто бы въ смущеніи извиняясь, шопотомъ сказалъ ему:

— Ваше величество, васъ обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ, позвольте съ вами объясниться.

Тотъ, едва внятнымъ голосомъ, отвѣчалъ ему:

— У меня учитель математики вашъ землякъ, шевалье такой-то, напишите мнѣ черезъ него.

Въ запискѣ своей Кристинъ изобразилъ всѣ прелести великой княгини Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время черезъ мѣсяцъ ожидали невѣсту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдругъ за-

заупрямился, объявилъ, что этому браку не бывать, и какъ ни старались убѣдить его, онъ поставилъ на своемъ. Никто не могъ понять причины такой внезапной перемѣны, но король ли проговорился, Кристинъ ли проболтался, или сами догадались, но гроза висѣла надъ головою тайнаго агента. Кто-то преду-

Ив. Ник. Римскій-Корсаковъ.
Съ портрета, принадлежащаго М. А. Мятлевой.

предилъ его, что его хотятъ взять и отправить въ рудники дарлекарлійскіе.

Будучи пріятелемъ со всѣми дипломатами, онъ былъ причисленъ къ какой-то миссіи и отосланъ курьеромъ изъ Швеціи. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему посчастливилось пріѣхать въ Петербургъ, въ то самое время, когда въ Петербургѣ находился король шведскій съ дядей и шло уже сватовство.

Разумѣется, ему нигдѣ нельзя было показываться. Екатерина II приняла Кристина у себя въ кабинетѣ очень ласково, щедро наградила его, велѣла опредѣлить въ иностранную коллегію съ чиномъ надворнаго совѣтника и пожаловала ему четыреста душъ крестьянъ близь Летичева, въ Подольской губерніи. При представленіи императрицѣ, съ нимъ случился презабавный анекдотъ.

Государыня позволила ему быть при представленіи въ эрмитажномъ театрѣ, только въ закрытой ложѣ. Онъ въ ней соскучился, пошелъ бродить за кулисы и забрался на самый верхъ. Уставъ, онъ присѣлъ на какое-то сѣдалище, которое вдругъ стало опускаться; Кристинъ закричалъ, его успѣли приподнять, и видны были однѣ только его ноги. Это было облако, на которомъ долженъ былъ спускаться Меркурій.

Кристинъ при императорѣ Александрѣ жилъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ семействомъ Бонапарта; какъ роялистъ, онъ тайно переписывался съ графомъ д'Артуа, переписка была открыта; Бонапартъ схватилъ его и отправилъ въ крѣпость въ Ліонъ; отсюда ему удалось убѣжать и пробраться въ Москву, въ которой онъ и проживалъ, торгуя драгоцѣнностями и обдѣлывая дѣла съ векселями.

Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что, умирая, Кристинъ все свое имущество отказалъ графинѣ де-Брогліо (урожденной Трубецкой). Какія рукописныя сокровища достались, какіе перлы разсыпались передъ этою женщиной!.. Переписка со множествомъ историческихъ лицъ, чего стоили одни письма Сталь, самый романъ его жизни, все это, какъ ненужное, рукою невѣжества предано огню...

Страсть московскихъ барынь къ драгоцѣннымъ нарядамъ въ то время была такъ велика, что вошло въ обычай, за неимѣніемъ собственныхъ дорогихъ вещей, безъ всякаго стыда надѣвать чужіе платья и украшенія; нѣкоторые блистательные уборы, принадлежавшіе богатымъ дамамъ, появляясь по очереди то на той, то на другой особѣ, пріобрѣли даже себѣ всеобщую извѣстность.

И въ силу предразсудка, гости, богаче другихъ одѣтые, хотя бы всѣ знали, что на нихъ чужіе наряды, пользовались вездѣ знаками особеннаго вниманія и предпочтенія. Даже старики-вельможи эпохи Екатерины были не лишены этого предразсудка и появлялись на вечерахъ покрытые съ головы до ногъ брилліантами, нерѣдко взятыми за деньги на прокатъ. Характеръ всѣхъ баловъ московскихъ того вѣка былъ церемонный и однообразный.

На каждомъ праздникѣ цѣлая стая слугъ различныхъ націй, въ пестрыхъ національныхъ костюмахъ: здѣсь были негры въ желтыхъ

курткахъ съ бѣлыми тюрбанами на головахъ, русскіе одѣты были въ кафтаны, подпоясанные пестрыми кушаками, на головахъ высокія гренадерскія шапки; всѣ они или бѣгали и метались какъ угорѣлые, или стояли какъ столбы до тѣхъ поръ, пока ихъ громко не позовутъ; между ними были карлики и гайдуки чуть не саженнаго роста и почти у каждаго барина за спиной стоялъ шутъ, забавлявшій общество своими дурачествами и повременамъ отпускающій и самыя злыя остроты насчетъ самого барина и его гостей.

Между молодежью на балахъ въ Москвѣ по большей части встрѣчались недозрѣлые юноши, напомаженные и разодѣтые по послѣдней модѣ; послѣдніе всегда были въ сопровожденіи французскихъ гувернеровъ, которые тщательно слѣдили за первыми ихъ шагами въ обществѣ.

Вполнѣ образованныхъ молодыхъ людей въ Москвѣ было немного, большая часть изъ нихъ жила въ Петербургѣ или въ арміи, гдѣ дѣлала карьеру. Англичанка Вильмотъ, гостившая въ Москвѣ у княгини Дашковой, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о московскомъ обществѣ и вообще о русской цивилизаціи. «Подчиненность развита здѣсь до крайней степени. Тутъ нѣтъ того, что въ Англіи называютъ словомъ «джентльменъ»; достоинства каждаго оцѣняются мѣрою высшей милости. Въ понятіяхъ массы слова хорошій и плохой — суть синонимы благоволенія и неблаговоленія; уваженіе къ личному характеру замѣняется уваженіемъ къ чину».

Большой почетъ въ старое время вселяли къ себѣ всѣ богачи-помѣщики. Дома такихъ господъ кишѣли прислужниками, приставленными къ разнымъ должностямъ.

Напримѣръ, у богатаго помѣщика Головина ихъ было около трехсотъ, у Лунина—двѣсти восемьдесятъ, у графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго — болѣе пятисотъ человѣкъ. Такая большая дворня почти ничего не дѣлала и выполняла только прихоти своего барина. У С. Н. Шубинскаго находимъ любопытное описаніе дворни и жизни богатаго помѣщика В. В. Головина, владѣльца огромнаго подмосковнаго села Новоспасскаго. Жизнь этого барина въ молодости была полна бѣдствій и страданій.

При Биронѣ онъ былъ пытанъ и затѣмъ два года сидѣлъ въ тѣсномъ заключеніи при церкви Воскресенія Христова, въ Москвѣ. Несчастія, испытанныя имъ, имѣли довольно сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ и религіознымъ до суевѣрія. Всѣ его дворовыя власти входили въ его комнату по командѣ

горничной и докладывали съ низкими поклонами по разъ утвержденнымъ правиламъ.

Вокругъ его дома всю ночь ходилъ неусыпный дозоръ, билъ въ колотушки, гремѣлъ въ доску и трубилъ въ рожокъ. Утромъ послѣ докладовъ ему приносили чай и впереди обыкновенно шелъ одинъ слуга съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячей водой, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ, для обмахиванія золы и пыли.

Напившись чаю, онъ отправлялся въ церковь. Послѣ обѣдни его вели подъ руки двое слугъ; подавали затѣмъ завтракъ и послѣ обѣдъ—обѣдъ тянулся три часа. Кушаній бывало обыкновенно семь блюдъ, но иногда число ихъ доходило и до сорока. Для каждаго блюда былъ особый поваръ и каждый изъ нихъ приносилъ блюдо въ бѣломъ фартукѣ.

Сервизъ былъ весь оловянный, но въ праздники—серебряный и фарфоровый. Поставя блюда, повара уходили и являлись двѣнадцать официантовъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ.

Послѣ обѣда подавался десертъ и хозяинъ пилъ шоколадъ. Ужина не было. На ночь всѣ двери и ставни въ домѣ закрывались желѣзными болтами. Если барину не удавалось уснуть, то онъ начиналъ читать вслухъ свою любимую книгу «Жизнь Александра Македонскаго», Квинта Курція, или садился въ большія механическія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя руками на обоихъ вискахъ волосы, закладывая ихъ за уши, и перебирая четки и, понижая и возвышая голосъ, читалъ заклинанія противъ сатаны и злыхъ духовъ. Окончивъ заклинанія, онъ вставалъ съ креселъ и начиналъ ходить по всѣмъ комнатамъ, постукивая колотушкою или обмахивая густымъ крыломъ мнимую нечисть вокругъ себя. Если же онъ находилъ пыль, то приказывалъ курить ладаномъ и окроплять то мѣсто святою водою.

Въ комнатахъ у него было семь кошекъ, которыя днемъ ходили по комнатамъ, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой было поручено ходить особой дѣвкѣ. Отправляясь зимою въ Москву, онъ былъ всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до 70 лошадей и около 20 различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимірской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи крестовъ и священника.

Затѣмъ слѣдовалъ баринъ съ барыней въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ параднымъ цугомъ въ восемь лошадей.

Дочери ѣхали въ четырехмѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа — въ открытыхъ колясках или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли поодиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня были отправляемы въ особыхъ фурахъ.

Двадцать богато одѣтыхъ верховыхъ егерей оберегали этотъ затѣйливый поѣздъ. При женѣ этого помѣщика находились безотлучно: пара уродливыхъ карликовъ и ученый гуслистъ, ловкій, видный и красивый мужчина, природный черкесъ, вывезенный изъ Кавказа. Изъ сыновей этого Головина былъ извѣстенъ тоже Василій Васильевичъ, удивлявшій всѣхъ москвичей своею роскошью. Онъ выѣзжалъ не иначе, какъ парадомъ, съ вершниками, гусарами, съ гайдуками и скороходами, окруженный всегда множествомъ дуръ и дураковъ. Свиту его составляли также арабы, башкиры, татары и калмыки.

Головинъ угощалъ своихъ гостей богатыми праздниками, обѣдами, ужинами, на которыхъ гремѣли его хоры музыки и пѣли пѣвчіе и плясали цыгане, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Этотъ Головинъ умеръ въ 1800 году.

Въ Екатерининскую эпоху вельможа безъ богатой дворни или нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ почти былъ немыслимъ. Сама императрица покровительствовала такимъ барскимъ привычкамъ, щедро раздавая вельможамъ населенныя имѣнія. И встрѣтить среди толпы царедворцевъ и вельможъ того времени лицъ, которыя бы не имѣли крестьянъ или отъ нихъ отказывались, было исключительнымъ явленіемъ. Такимъ рѣдкимъ безкорыстіемъ и непринятіемъ крѣпостныхъ душъ въ ту эпоху отличались только два лица— это П. Д. Еропкинъ и масонъ Гамалея — первый, какъ мы уже выше говорили, отказался отъ 4,000 душъ, назначенныхъ ему за его дѣятельность во время чумы въ Москвѣ, второй — отъ 3,000 душъ въ награду за свою службу.

Всего роздано крестьянъ Екатериной II съ 1762 по 1796 годъ около 800,000, обоего пола около 2.000,000. Случайные люди получили болѣе четверти того, что было роздано во все царствованіе Екатерины. Императрица въ одинъ день (18-го августа 1795 года) подписала указы о пожалованіи болѣе 100,000 душъ. Императоръ Павелъ относительно раздачи населенныхъ имѣній слѣдовалъ при-

мѣру своей матери. Онъ въ день своей коронаціи роздалъ 105 лицамъ болѣе 80,000 душъ. Въ послѣдній годъ царствованія этого императора уже затруднялись находить имѣнія для пожалованія и императоръ Александръ I, какъ говоритъ Богдановичъ [49]), на письмо одного сановника, желавшаго получить населенное имѣніе, отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ—считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ». По словамъ В. Семевскаго [50]), съ этихъ поръ населенныя имѣнія стали давать только въ аренду, зато въ обширныхъ размѣрахъ продолжалось пожалованіе ненаселенныхъ имѣній.

Цѣны на людей въ Екатерининское время были различны; при продажѣ съ землей душа цѣнилась отъ 70 до 120 руб. въ началѣ царствованія, и до 200 руб. въ концѣ его. При продажѣ безъ земли, люди цѣнились весьма дешево, такъ въ 1773 году одна мещовская помѣщица продала души по 6 рублей за штуку. За рекрута въ началѣ царствованія платили по 120 рублей, въ концѣ—400 и даже 700 рублей.

Крѣпостныхъ людей продавали публично на базарахъ и ярмаркахъ. Текели, бывшій въ Россіи въ 1778 году, видѣлъ въ Тулѣ, на площади, до сорока дѣвицъ, стоявшихъ толпою; на вопросъ проводника, что онѣ здѣсь дѣлаютъ, былъ отвѣтъ, что продаются.

Когда же самъ путешественникъ спросилъ ихъ, то дѣвушки наперерывъ отвѣчали:

— Купи насъ, господинъ, купи!

Текели поразилъ веселый видъ, съ какимъ дѣвицы говорили о собственной продажѣ. Онъ полюбопытствовалъ узнать отъ нихъ.

— А пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?

— Намъ все равно—вамъ или другому служить, былъ отвѣтъ:

Однимъ изъ главныхъ центровъ этой торговли была Урюпинская ярмарка, на которой парней и дѣвушекъ покупали преимущественно армяне для сбыта въ Турцію.

Въ старинныхъ вѣдомостяхъ то-и-дѣло встрѣчаются публикаціи о продажѣ людей, такъ: «Продаются 20-ти лѣтъ человѣкъ, парикмахеръ, и лучшей породы корова» или «Лучшія моськи продаются и семья людей, за сходную цѣну». Крѣпостныхъ не только продавали, но и проигрывали, давали ими взятки, платили ими врачамъ за леченіе и проч.

Въ 1850-хъ годахъ въ Москвѣ необученая горничная стоила 50 руб., а умѣющая шить и проч. 80 руб. Дорого цѣнились въ Екатерининскія времена музыканты и разные артисты. Такъ, напримѣръ, Потемкинъ заплатилъ Разумовскому за его оркестръ 40,000 руб., одна крѣпостная актриса была продана за 5,000 руб.

Вигель описываетъ одного владѣльца крѣпостныхъ артистовъ: «его повара, его лакеи, конюхи дѣлались, въ случаѣ надобности, музыкантами, столярами, сапожниками и т. д.; его горничныя и служанки—актрисами, золотошвейками и т. д.» Онѣ въ одно и то же время—его наложницы, кормилицы и няньки дѣтей, рожденныхъ ими отъ барина. Я часто присутствовалъ при его театральныхъ представленіяхъ. Музыканты являлись въ оркестръ, одѣтые въ различные костюмы, соотвѣтственно ролямъ, которыя они должны были играть, и какъ только по свистку поднимался занавѣсъ, они бросали свой фаготъ, литавры, скрипку, контрабасъ, чтобъ смѣнить ихъ на скипетръ Мельпомены, маску Таліи и лиру Орфея; а утромъ эти же люди работали стругомъ, лопатою и вѣникомъ.

Особенно уморительно было видѣть, какъ этотъ владѣлецъ артистовъ, во время представленія, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, величественно разгуливалъ между кулисами, подбадривая словами и жестами своихъ крѣпостныхъ актеровъ.

Однажды, во время представленія Дидоны, этому барину не понравилась игра главной актрисы; онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: «Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ». Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію какъ ни въ чемъ не бывало. Впослѣдствіи эта актриса за потерю голоса была сослана въ отдаленную деревню.

Когда этотъ помѣщикъ отправлялся въ другое свое имѣніе, то за нимъ ѣхало не менѣе двадцати кибитокъ съ его наложницами, танцовщицами, актрисами, поварами и проч. На каждой станціи раскидывали огромную палатку, гдѣ помѣщался баринъ съ своими невольницами, а въ другой—двадцать человѣкъ увеселяли его пѣніемъ во время обѣда.

Случалось, что крѣпостные артисты посылались господами на заработки. Такъ князь Щербатовъ говоритъ, что разорившійся князь Вяземскій имѣлъ одного крѣпостного музыканта, котораго онъ посылалъ играть для своего прокормленія.

Въ началѣ царствованія Екатерины II оброкъ съ крестьянъ доходилъ отъ одного рубля до трехъ. Въ концѣ же царствованія—

отъ 5 до 25 съ души, но одной денежной платой часто помѣщики и не ограничивались, а заставляли своихъ крестьянъ платить и натурой. Изъ офиціальныхъ свѣдѣній 1766 года видно, что у самыхъ добрыхъ помѣщиковъ крестьяне работали на барина три дня въ недѣлю.

Окрестности Москвы славились своими садами и питомниками плодовыхъ деревьевъ. Такъ, въ родовой вотчинѣ Романовыхъ, селѣ Измайловѣ, садъ былъ извѣстенъ своими лекарственными и хозяйственными растеніями.

Вдоль по берегу рѣчки Серебровки, противъ деревяннаго дворца,—какъ разсказываетъ профессоръ Снегиревъ [51]),—на тридцать три сажени простирался «регулярный садъ», отъ котораго и теперь остались еще слѣды—кустарники шиповника, барбариса, крыжовника и сирени. Позади дворца также былъ насажденъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ «виноградный садъ» на пространствѣ цѣлой версты, гдѣ разводились лозы виноградныя, также росли разныхъ сортовъ яблони, груши, дули, сливы, вишни и другія заморскія деревья.

Еще въ пятидесятыхъ годахъ здѣсь цѣла была липовая аллея, саженая — по преданію—царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, подъ тѣнью которой любилъ гулять въ юности своей Петръ I съ своими наставниками.—Впослѣдствіи тамъ существовалъ вокзалъ, гдѣ бывали въ былое время блистательныя собранія.—Измайловскіе сады служили разсадниками для другихъ садовъ въ Россіи; изъ нихъ плоды доставляемы были для государева обихода, а цѣлебныя травы и коренья посылались въ аптекарскій приказъ, остальные поступали въ продажу.

Въ 1703 году Петръ I изъ Шлиссельбурга писалъ къ Стрешневу: «Изъ села Измайлова послать осенью въ Азовъ коренья всякихъ зелій, а особливо клубнишнаго, и двухъ садовниковъ, дабы тамъ оныя размножить». «Въ 1704 году царь повелѣлъ ему же прислать въ С.-Петербургъ, не пропустя времени, всякихъ цвѣтовъ изъ Измайлова, а больше тѣхъ, кои пахнутъ». Аптекарскій садъ близъ Сухаревой башни, на Балканѣ, разведенъ большею частію изъ Измайловскаго.

Въ садоводство Измайлова входило и хмѣлеводство; тамъ еще прежде, чѣмъ въ Гуслицахъ, разводился лучшій хмѣль на косогорахъ и близъ протоковъ. Хмѣльники ежегодно доставляли отъ 500 до 800 пудовъ хмѣлю не только для дворцовой пивоварни, но и на продажу.—Цвѣтущіе луга, сады и огороды въ Измайловѣ спо-

собствовали и размноженію пчеловодства. Въ 1677 году они доставили 179 пудовъ меду и столько же воску.

Въ прежнее время также славилось своими плодовыми садами и огородами и село Покровское, отдѣленное тогда еще отъ городскихъ селеній вѣковыми заповѣдными рощами и пахотными полями.

Какъ мы выше уже говорили, императрица Екатерина II почти весь 1775 годъ провела въ Москвѣ; въ этомъ году императрица посѣтила въ храмовые праздники большинство славящихся въ народѣ церквей, сходила пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру, посѣтила подмосковныхъ помѣщиковъ, гр. Шереметева въ Кусковѣ, гр. Румянцева, затѣмъ Нарышкина; описаніе послѣдняго посѣщенія мы приведемъ ниже.

Живя въ селѣ Коломенскомъ, Екатерина II дѣлала дальнія прогулки пѣшкомъ и въ экипажахъ, чтобъ осматривать мѣстность, и вотъ въ одну изъ такихъ прогулокъ ознакомилась она съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ имѣнія князя Кантемира «Черная грязь» и пожелала пріобрѣсти его.

Но ранѣе описанія покупки считаемъ не лишнимъ здѣсь сказать нѣсколько словъ и о Коломенскомъ, гдѣ отъ дворца, въ которомъ жила Екатерина, остался теперь одинъ фундаментъ.

Село Коломенское нѣкогда было любимымъ жильемъ царя Алексѣя Михайловича; здѣсь онъ имѣлъ свою соколиную охоту, въ которую даже принималъ охотниковъ по совершеніи извѣстнаго обряда.

По словамъ иностранцевъ, въ Коломенскомъ особенно замѣчателенъ былъ дворецъ, въ обоихъ этажахъ котораго было болѣе 150 комнатъ; особенно замѣчательны были въ немъ дубовыя рѣзныя ворота и затѣмъ высокіе терема, въ числѣ шести, а также и внутреннее убранство теремовъ богатыми шелковыми тканями и красивыми печными изразцами.

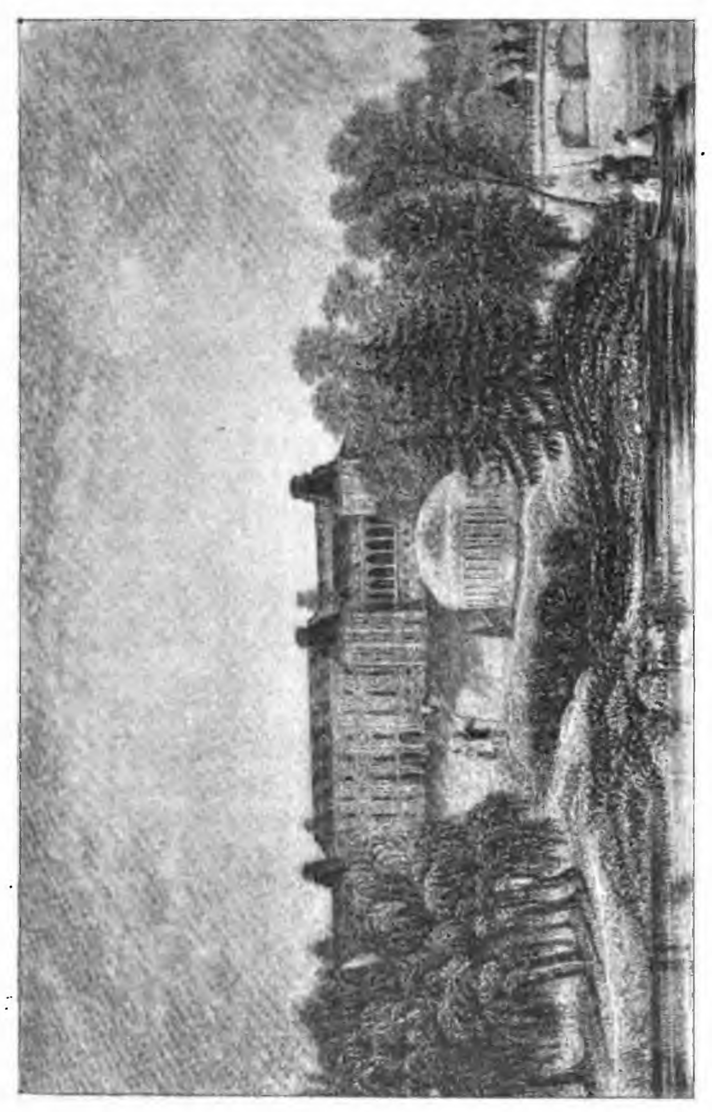
Въ сѣняхъ дворца, на потолкѣ, былъ написанъ знакъ зодіака, въ окнахъ виднѣлись доски съ изображеніемъ герба Россіи. Передъ окнами дворца стоялъ невысокій каменный столбъ, у котораго въ опредѣленный день и часъ являлись недовольные рѣшеніями приказовъ и, увидя государя у окошка, кланялись ему «до лица земли» и оставляли на столбѣ свои челобитныя. Въ комнатахъ царицы окна были золоченыя.

Возвращаемся къ покупкѣ имѣнія князя Кантемира. Императрица осмотрѣла окрестности древней столицы и купила себѣ прелестное мѣсто, по общему отзыву—земной рай, имѣніе князя Кантемира «Черную грязь», которую и назвала Царицыно Село—болѣе извѣстное теперь подъ именемъ «Царицыно».

Вотъ какъ описываетъ сама государыня въ письмѣ своемъ къ Гримму этотъ красивый забытый уголокъ, купленный и обстроенный ею въ двѣ недѣли: «Представьте берегъ, покрытый большимъ лѣсомъ, и ея величество, съ лакеемъ переѣзжающую ручей на паромѣ. Передъ нею низменность, покрытая кустарникомъ, гдѣ вы помѣстите фазаньи клѣтки, прудокъ, оканчивающійся плотиной, осѣненный высокими ивами, и между ними открывается еще болѣе значительный прудъ, котораго одинъ берегъ крутой занятъ разбросанными по немъ маленькими деревеньками, а другой, съ незамѣтнымъ склономъ, представляетъ вашему взору поля, луга, букеты лѣсовъ и отдѣльныя деревья; налѣво отъ плотика тинистый ручеекъ заросъ лѣсомъ, который постепенно возвышается амфитеатромъ. Ну, представьте же себѣ все это и вы будете въ Царицынѣ».

Въ другомъ мѣстѣ государыня говоритъ, какъ она подъѣхала къ Царицыну: «Дорога привела меня къ громадному пруду, связанному съ другимъ, еще огромнѣйшимъ; но этотъ второй прудъ, богатый прелестнѣйшими видами, не принадлежалъ этому величеству, а нѣкоему князю Кантемиру, ея сосѣду. Второй прудъ соединяется съ третьимъ прудомъ, который образовалъ безчисленное множество заливовъ, и вотъ гулявшіе, переходя отъ пруда къ пруду то пѣшкомъ, то въ каретѣ, очутились за семь длинныхъ верстъ отъ Коломенскаго, высматривая имѣніе своего сосѣда, старика слишкомъ 70-лѣтняго, который нисколько не интересовался ни водами, ни лѣсами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественниковъ. Онъ проводилъ свою жизнь за карточнымъ столомъ, проклиная свои проигрыши, и вотъ осторожно и съ полнѣйшей деликатностью весь дворъ съ императрицей во главѣ начинаетъ интриговать, чтобы вывѣдать намѣренія его, узнать, выигрываетъ онъ, или проигрываетъ; не продаетъ ли свое имѣніе, дорожитъ ли имъ, часто ли въ немъ бываетъ, не нужно ли ему денегъ, кто его друзья, чрезъ кого бы заинтересовать его. Мы не хотимъ одолженія, мы не хотимъ чужого, мы покупаемъ, но и отказать намъ не есть преступленіе.—«Какъ хотите, м. г., намъ улыбается пріобрѣтеніе, но мы можемъ обойтись безъ него». Придворные мои засуетились,— одинъ говоритъ: «Онъ мнѣ отказалъ, онъ не хочетъ продавать».— «Ну, тѣмъ лучше». Другой доноситъ: «Ему не нужно денегъ, онъ играетъ счастливо». Третій: «Онъ сказалъ, я не могу продать, у меня нѣтъ ни наслѣдниковъ, ни кого-либо другого; имѣніе мое исходитъ изъ казны, ей же я его предоставлю». Наконецъ является пятый и передаетъ, что Кантемиръ сказалъ: «Я рѣшительно объявляю, что имѣніе мое можетъ быть продано только казнѣ».—«А,

это прекрасно!...» Вотъ къ нему наряжаютъ нарочнаго узнать, любитъ ли онъ имѣніе.—«Нисколько, отвѣчаетъ онъ, доказательство, что я живу въ другомъ, я это имѣніе наслѣдовалъ отъ брата и никогда въ него не ѣзжу; оно можетъ годиться только императри-



Видъ села Царицына.
Съ гравюры, сдѣланной съ рисунка съ натуры П. П. Свиньина.

цѣ».—«Сколько же вы за него хотите?»—«20,000 руб.»—«Мнѣ велѣно предложить вамъ 25,000 рублей». Изъ имѣющагося у насъ рукописнаго описанія села Царицына, конца прошлаго вѣка, имѣніе куплено у бригадира Сергія Дмитріевича, князя Кантемира; вмѣ-

стѣ съ нимъ пріобрѣтены казною у князя деревни: Хохловка, Пладрово и Орѣховка, и у гвардіи капитана князя Ив. Ал. Трубецкого село Булатниково и позднѣе годомъ село Коньково у фрейлины Зиновьевой. Имѣніе «Черная грязь» переименовано, по указу, данному сенату августа 14-го дня 1775 года въ Царицыно Село. Имѣніе «Черная грязь» подарено отцу владѣльца, бывшему господарю молдавскому князю Дмитрію Константиновичу Петромъ Великимъ. Князь Кантемиръ родился въ Яссахъ въ 1663 г. Въ 1684 году за оказанныя важныя услуги Портѣ Кантемиръ былъ возведенъ въ достоинство молдавскаго государя, во время войнъ турокъ съ русскими въ 1711 году Кантемиръ присоединился въ подданство Россіи вмѣстѣ съ управляемымъ имъ княжествомъ. Кантемиръ съ своими боярами присягнулъ въ вѣрности Петру I въ самый день Петра и Павла.

Когда Петръ Великій былъ окруженъ у Прута турецкими войсками, въ числѣ предложеній, потребованныхъ визиремъ отъ царя, было предложено выдать и Кантемира плѣнникомъ. Но государь имъ отвѣтилъ: «я лучше уступлю туркамъ всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдамъ князя, пожертвовавшаго для меня всѣмъ своимъ достояніемъ. Потерянное оружіемъ возвращается; но нарушеніе даннаго слова невозвратимо, отступить отъ чести то же, что не быть государемъ». Визирю было объявлено, что Кантемиръ бѣжалъ изъ лагеря, между тѣмъ онъ скрылся въ царской каретѣ, куда одинъ служитель носилъ къ нему пищу.

Прутскій договоръ лишилъ князя его владѣній, но Петръ возвратилъ потери, понесенныя имъ—пожаловавъ ему въ Москвѣ домъ и въ Сѣвскомъ уѣздѣ тысячу дворовъ съ селомъ Дмитровскимъ, впослѣдствіи городомъ, затѣмъ подмосковную «Черную грязь» со всѣми угодьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь положилъ ему ежегодную пенсію въ 6,000 рублей, пожаловалъ свой портретъ, осыпанный бриллiантами, и, вмѣстѣ съ титуломъ свѣтлѣйшаго князя, предоставилъ ему право судить самому выѣхавшихъ съ ними изъ Молдавіи его бывшихъ подданныхъ, въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Это былъ единственный примѣръ русскаго подданнаго, пользовавшагося такою властью. Въ 1715 году Кантемиръ приговорилъ было къ смертной казни трехъ молдаванскихъ дворянъ и нѣсколькихъ къ ссылкѣ за смертоубійство, потомъ перемѣнилъ смертную казнь на тѣлесное наказаніе, что и было утверждено государемъ.

Кантемиръ сперва поселился въ Харьковѣ, откуда, по приглашенію Петра, переѣхалъ сперва въ Москву и затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ, въ 1717 году, передъ второю женитьбою на дочери князя

Паркъ въ селѣ Царицынѣ.

Съ рисунка съ натуры Стакельберга (изъ собранія П. Я. Дашкова).

И. Ю. Трубецкаго, обрилъ себѣ бороду, снялъ молдаванское платье и одѣлся въ европейскую одежду. Петръ I произвелъ тогда князя въ тайные совѣтники и сдѣлалъ сенаторомъ и пожаловалъ ему шпагу, осыпанную брилліантами.

Кантемиръ былъ самый образованный человѣкъ своего времени: помимо восточныхъ языковъ онъ зналъ всѣ европейскіе, на которыхъ писалъ и говорилъ; онъ оставилъ болѣе пятнадцати сочиненій по части исторіи. Кантемиръ умеръ въ своемъ орловскомъ имѣніи Дмитровкѣ [52]), населенной княземъ молдаванами и малороссіянами, названной по его имени. Въ 1782 году село это преобразовано въ уѣздный городъ Орловской губерніи. У князя Дмитрія было два сына—вышеупомянутый владѣлецъ «Черной грязи» князь Сергій и затѣмъ извѣстный сатирикъ князь Антіохъ, нашъ резидентъ въ Лондонѣ и затѣмъ посланникъ въ 1738 году въ Парижѣ, гдѣ онъ и оставался до своей смерти въ 1744 году.

Молодой красавецъ, воспитанный въ Константинополѣ въ духѣ безбожія, онъ объяснялся на всѣхъ европейскихъ языкахъ какъ на своемъ природномъ, а музыкальныя его произведенія по сейчасъ исполняются въ Турціи. Въ крайне молодыхъ лѣтахъ онъ занималъ уже высокія должности, такъ двадцати-двухъ лѣтъ онъ былъ нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ.

По покупкѣ Царицына, въ двѣ недѣли были возведены легкія деревянныя постройки, и государыня уже переѣхала туда въ концѣ іюня мѣсяца. Екатерина жила тамъ—какъ говоритъ Державинъ—въ маленькомъ домикѣ, состоящемъ изъ шести комнатъ.

Въ день Преображенья, 6-го августа, здѣсь устроенъ былъ обѣденный столъ для штабъ- и оберъ-офицеровъ Преображенскаго полка. Впрочемъ, въ Царицынѣ существовали еще постройки при Петрѣ I; это были обширныя деревянныя палаты, въ которыхъ, въ тишинѣ и уединеніи, жилъ и воспитывался молодой сынъ Кантемира — князь Антіохъ. Екатерина поручила архитектору В. И. Баженову построить въ Царицынѣ въ готическо-мавританскомъ вкусѣ дворецъ; планъ этого дворца государыня утвердила лично, убавивъ въ немъ окна и ширину лѣстницъ. Вмѣстѣ съ дворцомъ строились также длинныя галереи, оперный домъ, мосты, въѣздныя ворота; все это выводилось изъ камня во вкусѣ самой затѣйливой архитектуры.

Въ Царицыно также пролагалась широкая дорога, обрамленная березками—аллея тянулась на двѣ версты. По смерти царицы, эта дорога была заброшена, мосты развалились, и по ней трудно было пройти даже пѣшкомъ.

По преданію, не одинъ праздникъ былъ данъ государыней въ новомъ ея имѣніи. Одинъ такой, по словамъ Любецкаго, состоялся здѣсь во время сѣнокоса; пышно прибыла сюда царица изъ Коломенскаго: золотая карета императрицы была запряжена восьмерикомъ неаполитанскихъ кровныхъ лошадей; головы ихъ были убраны кокардами, на ремняхъ кареты сидѣли пажи, впереди бѣжали скороходы, по бокамъ ѣхали кавалергарды и кирасиры въ красныхъ мундирахъ, на вороныхъ лошадяхъ, сверкая блестящими своими кирасами, позади слѣдовала верхами свита. Народъ на протяженіи почти всей дороги стоялъ густыми шпалерами, шумно привѣтствуя царицу. Въ Царицынѣ государыню ожидалъ роскошный завтракъ; на лугахъ новаго имѣнія, въ праздничныхъ нарядахъ, косили траву косцы, звонкія пѣсни стройно лились по окрестностямъ, стройные хороводы бабъ въ цвѣтныхъ сарафанахъ плясали тамъ и самъ по полянамъ. Императрица со всею свитою смотрѣла на сельскій праздникъ, сидя въ большой бесѣдкѣ, устроенной для нея изъ сѣна и полевыхъ цвѣтовъ.

Государыня поздно возвратилась съ праздника въ Москву; на дорогѣ, по которой она ѣхала, стояли иллюминованныя версты, далеко отбрасывая зарево огней своихъ. Работа дворца, спустя десять лѣтъ по покупкѣ имѣнія, была почти приведена къ концу. Но, по преданію, Потемкину она не понравилась и въ 1787 году вышло повелѣніе все зданіе сломать до основанія, и на этомъ мѣстѣ поставить новый дворецъ, который и по сейчасъ красуется въ видѣ какой-то полуразвалины мрачнаго вида.

Зданіе существующаго дворца съ восемью высокими башнями очень напоминаетъ какую-то гигантскую гробницу, стоящую на катафалкѣ и окруженную недвижно стоящими какими-то гигантами-монахами со свѣчами въ рукахъ.

Впечатлѣніе эта неудачная постройка производитъ унылое, какое-то удручающее. За то большіе зеркальные пруды Царицына полны жизни и оживляютъ всю окрестность—вода въ нихъ чиста и прозрачна, текутъ они изъ двухъ рѣчекъ и называются: Орѣховскій, Лазаревскій, Верхній, Хохловскій, Шапиловскій и Цареборисовскій; на двухъ послѣднихъ устроены мельницы — воды прудовъ богаты аршинными щуками и большими карпами.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, тутъ была поймана щука съ золотой серьгой, на которой виднѣлась корона и имя царицы Екатерины II. Говорили, что когда-то, чуть ли не лѣтъ тридцать тому назадъ, здѣсь былъ пойманъ карпъ съ именемъ царя Бориса на

серьгѣ. Нашъ покойный драматургъ А. Н. Островскій каждое лѣто здѣсь сиживалъ съ удочкой.

Въ 1886 году тамъ былъ пойманъ арендаторомъ царицынскихъ прудовъ большой осетръ съ золотою серьгой въ губѣ, пущенный еще при Екатеринѣ II. При поимкѣ этого историческаго осетра въ неводъ, изъ Нижняго пруда, произошла цѣлая исторія. Вотъ какъ этотъ случай описалъ въ своемъ Московскомъ фельетонѣ г. Курепинъ. «Когда приволокли въ сѣтяхъ осетра, арендаторъ былъ въ восторгѣ; но тутъ вмѣшался въ дѣло окружный надзиратель. Имѣя въ виду историческое значеніе осетра, надзиратель не позволилъ арендатору взять его, а предложилъ слѣдующее: устроить для осетра особый садокъ, приставить для охраны стражу за счетъ арендатора, и хранить осетра, пока онъ, надзиратель, отрапортуетъ въ удѣльную контору, а контора снесется съ дворцовымъ вѣдомствомъ и т. д., пока, словомъ, не воспослѣдуетъ окончательное распоряженіе высшаго начальства. Подумавъ, арендаторъ почесалъ въ затылкѣ и отпустилъ осетра на всѣ четыре стороны, а насчетъ всего вышеизложеннаго былъ составленъ длинный протоколъ, впрочемъ, не длиннѣе осетра, который былъ 2 аршинъ 11 вершковъ».

Въ царицынскомъ саду существуетъ очень красивый каменный мостъ, соединяющій два берега, есть островки, купальни; одна изъ такихъ стоитъ на мѣстѣ Кантемировыхъ палатъ; есть тамъ уединенная галерея, храмъ меланхоліи, затѣмъ фруктовый садъ съ оранжереями; послѣдній въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставлялъ ежегодно фрукты въ столицу на значительную сумму.

Въ саду имѣлось также нѣсколько бесѣдокъ для пріѣзжающихъ въ Царицыно, послѣднія были устроены такъ, что пріѣзжающій здѣсь находилъ все хозяйство.

Нѣкогда здѣсь существовалъ и трактиръ, помѣщавшійся въ одной изъ дворцовыхъ развалинъ; по сейчасъ еще видна и другая такая же двухъ-этажная бесѣдка съ обрушенными печами и комнатами. Лучшая здѣсь историческая бесѣдка извѣстна подъ именемъ «Миловида»; стоитъ она на крутомъ холмѣ; сквозная арка ея, составляющая залу, украшена мраморными бюстами.

По преданію, «Миловидой» она названа самой императрицей Екатериной II; изъ этой бесѣдки видно село Коломенское. Другія бесѣдки носятъ названіе «Езопка», «Хижина» и т. п.: названы онѣ этими именами бывшимъ начальникомъ московскихъ дворцовъ и садовъ П. С. Валуевымъ.

Первая изъ этихъ бесѣдокъ была сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою; дорожки и аллеи Царицына также носятъ разныя

названія; такъ: большая глухая аллея носитъ прозвище «Несторовой» и т. д.

Встарину на прудахъ царицынскихъ плавали лебеди, черные гуси, австралійскіе пеликаны и другія рѣдкія птицы. По имѣющемуся у насъ списку, въ 1800 году въ Царицынѣ было 13 павлиновъ съ павами, 18 лебедей, 2 журавля и болѣе 79 разныхъ породъ гусей.

Въ 1801 году изъ оранжерей было собрано разныхъ фруктовъ до 27,580 штукъ, проданы послѣдніе были за 2,108 руб. 70 коп. На содержаніе садовъ и оранжерей царицынскихъ съ 1780 года по 1793 годъ израсходовано было 16,924 руб. 27 коп.

Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Москвѣ, не разъ посѣщала подмосковныя своихъ приближенныхъ, братьевъ Нарышкиныхъ.

Въ ряду именъ, окружавшихъ дворъ еще царя Алексѣя Михайловича, одно изъ первыхъ и почетнѣйшихъ было безспорно Нарышкиныхъ. По свидѣтельству иностранцевъ, Нарышкины происходятъ отъ древняго чешскаго рода Нарисци, имѣвшаго нѣкогда во владѣніи своемъ городъ Егеръ, что, между прочимъ, подтверждается и гербомъ этого города, имѣющимъ большое сходство съ гербомъ Нарышкиныхъ.

Историкъ Миллеръ, согласно со справкою Разряднаго архива, отвергаетъ это извѣстіе и показываетъ, что въ 1463 году къ великому князю Іоанну Васильевичу выѣхалъ изъ Крыма Нарышко и былъ при немъ окольничимъ. Потомки его Нарышкины, находясь въ русской службѣ намѣстниками, воеводами и въ иныхъ знатнѣйшихъ чинахъ, жалованы были отъ государей вотчинами и другими почестями и знаками монаршихъ милостей. «Уничтоженіе мѣстничества и разрядныхъ грамотъ было причиною, что первымъ въ родѣ Нарышкиныхъ названъ небогатый московскій дворянинъ Полуектъ или Поліевктъ, отецъ Кирилла и дѣдъ дѣвицы Наталіи Нарышкиной, воспитанной въ домѣ извѣстнаго боярина Артамона Матвѣева; отецъ ея Кирилло Полуектовичъ служилъ тогда въ рейтарскихъ полкахъ подъ начальствомъ Матвѣева.

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, богатые и знатные люди имѣли обыкновеніе у себя въ домѣ собирать небогатыхъ родственницъ, а также дочерей покровительствуемыхъ людей. Изъ дома знатнаго человѣка можно было скорѣе составить себѣ партію, чѣмъ живя въ небогатомъ родительскомъ домѣ.

Въ спискѣ дѣвицъ, изъ которыхъ, въ 1669 и 1670 году, царь Алексѣй Михайловичъ выбиралъ себѣ вторую жену, встрѣчаемъ не мало дѣвицъ, жившихъ у своихъ родственниковъ.

Исторія отвергаетъ анекдотъ, приводимый голштинскимъ нѣмцемъ Штелинымъ, будто царь Алексѣй Михайловичъ замѣтилъ Наталью Нарышкину у Матвѣева за ужиномъ, влюбился и посватался за нее, а потомъ уже сдѣлалъ, по старинному обычаю, смотръ шестидесяти невѣстамъ.

Не въ сентябрѣ 1670 года, какъ пишетъ Штелинъ, и не въ одинъ день, а съ 28-го ноября 1669 года по 17-е апрѣля 1670 г. девятнадцать разъ обходилъ по ночамъ верховыя опочивальни тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ и выбиралъ изъ среды спавшихъ красавицъ, которая была покрасивѣй и ему, великому государю, пригляднѣй. Привезли во дворецъ на царское смотрѣнье и дѣвицъ изъ Вознесенскаго монастыря... смотрѣлъ подъ конецъ царь и разныхъ чиновъ привозныхъ дѣвокъ московскихъ и городовыхъ (изъ Новгорода, Костромы, Суздаля, Владиміра, Рязани). Послѣднюю оглядывалъ царь Бѣляеву—изъ монастырокъ.

Въ то время производились царскіе осмотры такъ: не болѣе какъ въ шести палатахъ на верху во дворцѣ ложились на постеляхъ по нѣскольку дѣвицъ, подлѣ каждой стояли ближнія ея родственницы. Дѣвицы, раскидавшись на мягкихъ пуховикахъ, спали, т. е. притворялись спящими. Царь обходилъ не спѣшно, любуясь на красавицъ. Дохтуры свидѣтельствовали, нѣтъ ли тайной скорби (болѣзни). Затѣмъ, по окончаніи осмотровъ, царь объявлялъ избранницу, ее нарекали царевной и великою княжной и перемѣняли имя.

А сколько при царскихъ смотринахъ бывало происковъ, интригъ! Вспомнимъ несчастную судьбу Хлоповой—невѣсты царя Михаила, и Всеволожской—невѣсты царя Алексѣя.

Отъ брака царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной родился Петръ Великій. Веселое житье Натальи Кирилловны продолжалось только пять лѣтъ; въ январѣ 1676 года Алексѣй Михайловичъ, пользовавшійся, повидимому, хорошимъ здоровьемъ, скончался неожиданно. Новаго царя Θеодора Алексѣевича окружили враги Нарышкиныхъ и Матвѣева, близкіе люди его матери.

Царь Θеодоръ былъ здоровья очень слабаго, его переѣхали санями, и онъ страдалъ цынгою. Матвѣевъ былъ сосланъ, Нарышкинымъ была объявлена опала, а одинъ изъ Нарышкиныхъ, по свидѣтельству Желябужскаго, былъ наказанъ публично батогами передъ холопьимъ приказомъ.

Смуты, послѣдовавшія по смерти слабаго Θеодора, честолюбивые замыслы царевны Софіи и возбуждаемыя ею крамолы стрѣлецкія подвергли кроткую царицу Наталью, мать Петра, и весь родъ Нарышкиныхъ жесточайшимъ преслѣдованіямъ буйныхъ стрѣльцовъ.

Иванъ Кириллычъ Нарышкинъ, родной братъ царицы Наталіи и дядя Петра, носившій званіе боярина и оружничаго (чинъ, соотвѣтствующій нынѣшнему званію генералъ-фельдцейхмейстера), невинно погибъ мученическою смертью на копьяхъ разъяренныхъ стрѣльцовъ, которые отсѣкли ему ноги, руки и голову, потомъ, разрубивъ туловище на мелкія части, топтали ногами останки неповиннаго страдальца въ глазахъ старика-отца его. Самого боярина Кирилла Полуектовича злодѣи заставили принять монашество, сославъ его въ Кирилловъ монастырь.

Н. Полевой [53]) говоритъ, что онъ тамъ и умеръ, но это невѣрно; въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, находится его могила. По году его кончины видно, что послѣ мученической смерти сыновей, онъ прожилъ еще девять лѣтъ. Любопытно знать, гдѣ онъ провелъ эти девять лѣтъ и точно ли былъ постриженъ, чего не видно въ надписи на могилѣ.

Жизнь самой царицы также была въ опасности. Наталья укрылась въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ; Петръ здѣсь чуть-чуть не погибъ отъ отравы.

Царицу Наталью Кирилловну за введеніе при Кремлевскомъ дворѣ музыки и театральныхъ представленій, фарисейски набожная тогда партія Милославскихъ называла еретицей. Но какую же злобу и ненависть вызвала вскорѣ жена царя Ѳедора Алексѣевича, Агафья Семеновна, взятая изъ польскаго рода Грушецкихъ.

Она была выбрана царемъ не по-старинному на смотрахъ въ верховыхъ опочивальняхъ, а приглянулась просто на улицѣ во время крестнаго хода. Эта царица, по преданію, уговорила царя снять съ себя и съ бояръ женскіе охабни, стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски съ саблей и носить кунтушъ. Царь все это исполнялъ въ угоду царицы и только одного не дѣлалъ,— не брилъ бороды, и то потому, что у двадцатилѣтняго монарха борода еще не показывалась.

Царица Наталья прожила только 39 лѣтъ. Въ день кончины ея Петръ писалъ къ архангельскому воеводѣ Апраксину: «Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце».

Въ стѣнахъ древняго Высокопетровскаго монастыря, до бывшаго въ Москвѣ морового повѣтрія, погребались всѣ члены фамиліи Нарышкиныхъ.

Монастырь этотъ основанъ при Дмитріи Донскомъ; первый игуменъ былъ Іоаннъ, извѣстный установитель общежитія монаховъ въ Москвѣ. По смерти Алексѣя митрополита, Іоаннъ, въ свитѣ из-

вѣстнаго Миняя, отправился въ Царьградъ и послѣ смерти митрополита безуспѣшно искалъ себѣ сана митрополита, соперничая съ переяславскимъ архимандритомъ Пименомъ.

Въ 1505 году монастырь Петровскій былъ перестроенъ и названъ Высокопетровскимъ; такъ говоритъ Амвросій въ своей «Исторіи Россійской іерархіи». Въ Степенной книгѣ сказано: «На мѣстѣ,

Царица Наталія Кирилловна.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

гдѣ построенъ монастырь, прежде было одно изъ селеній боярина Кучки, называвшееся Высоцкое, отчего и монастырь названъ Высокопетровскимъ. Въ той же «Степенной книгѣ» говорится, что великій князь Иванъ Даниловичъ Калита, проѣзжая близь этого мѣста, узрѣлъ надъ нимъ видѣніе: бѣлый, какъ бы снѣговой столбъ, и въ память этого видѣнія Калита основалъ на этомъ мѣстѣ храмъ во имя Божіей Матери».

Петръ I, вступивъ на престолъ, приказалъ, въ 1690 году, въ память убіенныхъ стрѣльцами дядей своихъ, погребенныхъ здѣсь, построить каменную колокольню и кельи для монаховъ.

Нарышкины погребены въ холодномъ храмѣ Боголюбской Богоматери. Здѣсь, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ ряды каменныхъ соединенныхъ между собою памятниковъ, точно такихъ, какъ въ Архангельскомъ соборѣ, съ поставленными на нихъ черными дощечками.

На эти дощечки перенесены въ сокращеніи старинныя надписи, изсѣченныя на памятникахъ внизу въ головахъ. Всѣхъ рядовъ шесть, памятниковъ восемнадцать, по правую сторону три ряда или девять памятниковъ мужского рода, по лѣвую также три ряда — девять памятниковъ женскаго рода.

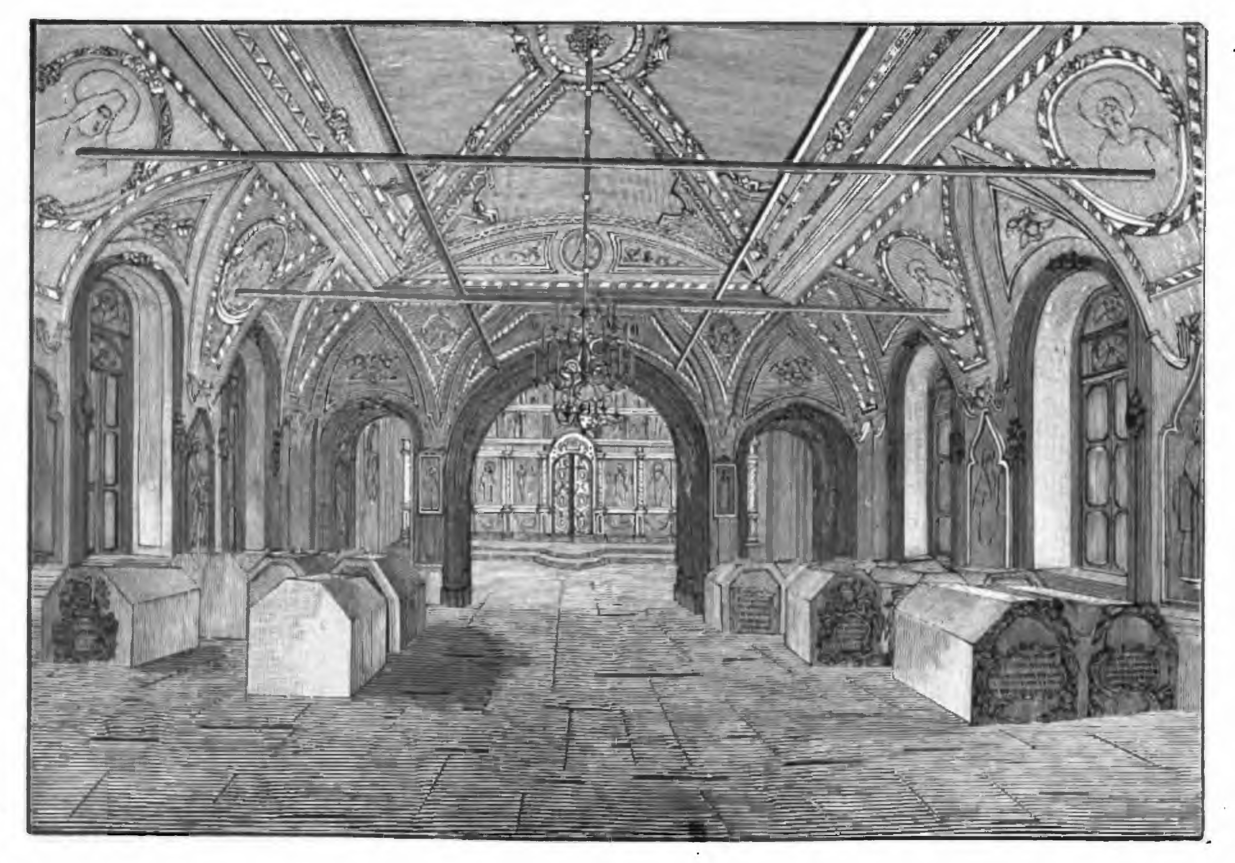
Одинъ изъ Нарышкиныхъ, генералъ-поручикъ Петръ Кирилловичъ, былъ погребенъ около храма въ 1770 году. До нашествія французовъ въ Москву 1812 года всѣ эти памятники были покрыты краснымъ сукномъ, но въ приходъ французовъ сукно было похищено.

Нѣкогда въ ризницѣ монастыря находились парадные покровы—всѣхъ такихъ было девять; покровы были малиновые и зеленые бархатные, обшитые серебряными тонкими круглыми бляхами, величиною съ большое яблоко.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на каждомъ памятникѣ стояли образа святыхъ, соименныхъ погребеннымъ въ могилѣ. Въ 1812 году французы, думая найти сокровища въ гробахъ, разломали памятники и осмотрѣли могилы. Надписи на нѣкоторыхъ памятникахъ тоже истреблены французами.

Каменныя палаты Нарышкиныхъ въ Москвѣ были въ Бѣломъ городѣ, на берегу Неглинной, тамъ, гдѣ теперь домъ Горнаго правленія. Родовой домъ Нарышкиныхъ продалъ племянникъ Натальи Кирилловны—Александръ Львовичъ Нарышкинъ, женѣ генерала Н. С. Свѣчина; послѣдняя, въ 1818 г., продала его уже Горному правленію.

Племянникъ царицы и двоюродный братъ Петра Великаго Ал. Львовичъ былъ очень любимъ императоромъ; Петръ его иначе не называлъ какъ «Львовичемъ». Въ молодыхъ лѣтахъ онъ путешествовалъ по Европѣ, гдѣ обучался морской наукѣ. Петръ его хотѣлъ отправить въ Испанію для склоненія короля къ войнѣ съ Швеціей; въ изготовленной грамотѣ государь называлъ его «графомъ». Съ 1723 года онъ управлялъ Морскою академіею и школами. При императрицѣ Екатеринѣ I онъ былъ президентомъ



Усыпальница Нарышкиныхъ въ Боголюбской церкви Высокопетровскаго монастыря.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русскимъ достопамятностямъ», изд. Мартыновымъ и Снегиревымъ.

камеръ-коллегіи и директоромъ артиллерійской конторы и числился еще тогда капитаномъ отъ флота.

Его врагомъ былъ тогда всесильный Меншиковъ; онъ уговорилъ впослѣдствіи императора Петра II лишить его чиновъ и сослать въ дальнія деревни. Опала его продолжалась недолго; съ удаленіемъ Меншикова онъ снова пріѣхалъ ко двору, гдѣ попрежнему сталъ посѣщать юнаго монарха и смѣло укорялъ его за праздность и охоту.

Долгорукіе опять уговорили Петра II удалить Нарышкина въ его подмосковное село Чашниково. Это еще болѣе раздражило Нарышкина и онъ еще смѣлѣе сталъ укорять императора и роптать на правительство.

Когда его сосѣдъ, Козловъ, уговаривалъ Нарышкина выѣхать къ государю, забавлявшемуся охотою близь мѣста ссылки Нарышкина, и испросить у него прощеніе, онъ отвѣчалъ: «Что мнѣ ему съ чего поклониться? Я и почитать его не хочу, я самъ таковъ же, какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ онъ; отецъ мой государствомъ правилъ, дай мнѣ выдти изъ этой нужды, я знаю, что сдѣлать» [55]).

Это неуваженіе къ императору, переданное государю, подвергло его суду по законамъ (1729). Онъ былъ въ опасности подпасть розыску или пыткамъ, но милостивый императоръ велѣлъ допросить его не въ полномъ собраніи Верховнаго Совѣта, а только двумъ членамъ—Остерману и князю В. Л. Долгорукову.

Нарышкинъ былъ отправленъ въ свое Шацкое имѣніе, въ Тамбовскую губернію. Долгоруковы велѣли объявить ему чрезъ своихъ агентовъ: если онъ отдастъ имъ двѣ вотчины—Покровское и Кунцово, то будетъ попрежнему въ Москвѣ.

Онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и оставался въ опалѣ до самой смерти Петра II. Императрица Анна, въ числѣ разныхъ отличій, дарованныхъ ему, сдѣлала его директоромъ императорскихъ строеній и садовъ.

Императрица Елизавета, по восшествіи на престолъ, пожаловала его кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго и произвела въ дѣйствительные тайные совѣтники. Онъ умеръ въ 1745 году, на 51 году отъ рожденія.

Въ своемъ Покровскомъ, онъ построилъ церковь и вывезъ образа изъ Италіи для иконостаса этого храма. Въ этой церкви хранится въ ризницѣ полотенце, вышитое золотомъ и шелками царицей Натальей Кирилловной.

Изъ замѣчательныхъ лицъ рода Нарышкиныхъ нельзя не упомянуть о Семенѣ Григорьевичѣ Нарышкинѣ, генералъ-адъютантѣ

Петра Великаго,—послѣдній былъ сынъ боярина Григорія Филимоновича, онъ приходился внучатнымъ братомъ Натальѣ Кирилловнѣ.

Служилъ онъ вначалѣ комнатнымъ стольникомъ, потомъ былъ камергеромъ, капитаномъ гвардіи и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ у Петра Великаго. Императоръ удостоивалъ его особымъ довѣріемъ, посылая заграницу съ важными порученіями къ иностраннымъ державамъ. Онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда былъ возвращенъ Екатериною I ко двору. Умеръ онъ въ 1747 году.

Извѣстенъ также по дипломатической службѣ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, тоже внучатный братъ царицы Натальи. Сначала служилъ онъ кравчимъ. Эти придворные чины имѣли въ своемъ вѣдѣніи посуду, напитки, столовое бѣлье и въ торжественные дни подносили кушанья государю.

Они наблюдали также за столомъ, охраняли царское здоровье и занимали мѣсто непосредственно послѣ бояръ. По смерти императрицы Анны, этотъ Нарышкинъ уѣхалъ заграницу, гдѣ проживалъ подъ именемъ Тенкина.

Вступивъ на престолъ, императрица Елисавета отправила его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Англію, затѣмъ онъ былъ назначенъ состоять гофмаршаломъ при наслѣдникѣ престола, при Екатеринѣ II былъ генералъ-аншефомъ и оберъ-егермейстеромъ. Жилъ онъ и умеръ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, на Басманной. Семенъ Кирилловичъ былъ первымъ щеголемъ въ свое время.

Въ день бракосочетанія Петра III онъ выѣхалъ въ каретѣ, въ которой вездѣ были вставлены зеркальныя стекла, даже на колесахъ. Кафтанъ его былъ шитый серебромъ, на спинѣ его было вышито дерево, сучья и листья котораго расходились по рукавамъ.

У Нарышкина былъ очень хорошій домашній театръ. 8-го декабря 1774 года, императрица Екатерина II присутствовала у него на спектаклѣ. Давали оперу «Альцеста», соч. Сумарокова. Всѣхъ посѣтителей на этомъ спектаклѣ было до двухсотъ человѣкъ. До представленія оперы игралъ хоръ роговой музыки, изобрѣтателемъ котораго онъ считался. Послѣ оперы данъ былъ балетъ—«Діана и Эндиміонъ». Послѣдній былъ поставленъ болѣе чѣмъ великолѣпно; на сценѣ бѣгали олени и собаки, являлись боги и богини.

ГЛАВА XI.

Два брата Нарышкиныхъ: Семенъ и Алексѣй.—Два царедворца: Александръ и Левъ Нарышкины.—Дочери Нарышкина.—Графъ Северинъ Потоцкій.—Марья Антоновна Нарышкина. — Анекдоты о Нарышкинѣ. — Мать Нарышкиныхъ. — Графиня Н. К. Соллогубъ.—Оберъ-церемоніймейстръ И. А. Нарышкинъ.—Смерть его сына на дуэли.—Толстой, прозванный «Американцемъ», характеристика его.— Анекдоты и разсказы о немъ современниковъ.—Разсказы Новосильцевой о Толстомъ.—Ек. Ив. Нарышкина.—Историческія свѣдѣнія о родѣ Нарышкиныхъ.— Разсказы Кокса.—Графъ Л. К. Разумовскій, его роскошная жизнь въ Москвѣ.— Романическая женитьба Разумовскаго.—Графиня Разумовская.—Ея примѣрная скорбь по мужѣ.—Страсть къ нарядамъ.—Празднества въ Петровскомъ во время Александра I.—Судьба этого имѣнія въ послѣдующіе года.

ЗВѢСТНЫ въ родѣ Нарышкиныхъ два брата—Семенъ и Алексѣй Васильевичи, сыновья генералъ-поручика Вас. Васильев. Нарышкина; оба брата по лѣтамъ были сверстники императрицы Екатерины II, образованіе получили по своему времени отличное и принадлежали къ той фалангѣ молодыхъ людей, которые, вслѣдъ за Херасковымъ, выступили на поприще юной тогдашней журналистики—оба брата писали стихотворенія. Младшій изъ нихъ, Алексѣй, состоялъ, въ 1767 году, генералъ-адъютантомъ маіорскаго чина по инженерному корпусу при графѣ Гр. Гр. Орловѣ и въ этой должности сопутствовалъ ему, когда Орловъ сопровождалъ Екатерину въ знаменитомъ ея путешествіи по Волгѣ, во время котораго переведенъ былъ императрицею и ея свитою Мармонтелевъ «Велисарій», главы 7-я и 8-я котораго переведены А. В. Нарышкинымъ.

Въ 1787 году онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи.—Изъ другихъ потомковъ этой фамиліи первыми сановниками и приближенными къ императрицѣ Екатеринѣ II идутъ блистательные придворные вѣка этой царицы—Левъ Александровичъ и остроумный сынъ его Александръ Львовичъ. — Судя по запискамъ графа Сегюра и принца де-Линя, неистощимая и непринужденная веселость Льва Нарышкина вошла тогда въ поговорку, и гдѣ только требовались развлеченіе, гдѣ только собиралось веселое общество — онъ былъ необходимымъ лицомъ; при дворѣ Петра III и императрицы Екатерины II брали Нарышкина во всѣ дальнія прогулки, во всѣ путешествія.

Во время торжественныхъ выѣздовъ, имѣя званіе оберъ-шталмейстера, онъ всегда сидѣлъ въ императорской каретѣ. Чтобы забавлять императрицу, онъ, какъ говорятъ иностранцы, бралъ уроки у французскаго актера Рено. Въ шуточномъ описаніи путешествій императрицы по каналамъ и въ Москву, Нарышкинъ обвиняется иностранными посланниками въ колдовствѣ, привлекается къ допросу, и здѣсь является самая забавная и живая характеристика этого вельможи.

Отношенія къ Нарышкину Екатерины были самыя дружественныя: она часто ѣздила къ нему въ гости, онъ же составлялъ ея вечернюю партію.—По характеристикѣ его, сдѣланной современниками, видно, что, при своемъ балагурствѣ, онъ не могъ похвалиться обширными познаніями, надъ чѣмъ Екатерина въ веселыя минуты любила посмѣяться, называя его невѣждой по ремеслу. Особенно забавляли императрицу политическія сужденія Нарышкина.

Разъ она пишетъ къ Гримму: «Вы непремѣнно должны знать, что я до страсти люблю заставлять оберъ-шталмейстера говорить о политикѣ, и нѣтъ для меня большаго удовольствія, какъ давать ему устраивать по-своему Европу».

Въ сочиненной Екатериной шуточной поэмѣ «Леоніана», въ началѣ разсказывается дѣтство и воспитаніе Льва Нарышкина, а затѣмъ его путешествіе сухимъ путемъ и моремъ съ разными комическими приключеніями и эпизодами, приведшими его въ руки алжирскихъ корсаровъ, откуда жена выкупаетъ его за большую сумму.

Такія шуточныя пародіи въ формѣ путешествій, во вкусѣ извѣстій, распространявшихся объ императрицѣ и Россіи иностранными газетчиками — были въ большой модѣ тогда при дворѣ. Эти шутки и аллегоріи, видимо, очень нравились императрицѣ, и ихъ въ ея перепискѣ съ Гриммомъ встрѣчается нѣсколько по разнымъ поводамъ.

Такъ, одна такая пародія, написанная Сегюромъ, изображаетъ пріѣздъ въ Москву и происшедшій тамъ, будто бы, заговоръ и бунтъ, въ которомъ участвуютъ не только высшія сословія, но и самъ митрополитъ московскій. Окруженная опасностями, государыня спасается изъ одного дворца въ другой и, наконецъ, въ загородные дворцы: Коломенское, Царицыно, и вездѣ искусно и ловко ускользаетъ въ минуту опасности.

Обратное путешествіе въ Петербургъ, гдѣ также готовится возстаніе, исполнено затрудненій всякаго рода: общество терпитъ нужду въ припасахъ, которыхъ никто не даетъ, причемъ приведено имя тверского помѣщика Полторацкаго въ французскомъ переводѣ: «Un et demi».

Наконецъ путешественниковъ ожидаютъ опасности на водяномъ пути, кишащемъ разбойниками, и проч. Министрамъ и посланникамъ отведена при этомъ каждому своя роль, и шутка продолжается еще и на петергофскомъ праздникѣ.

Болѣе пятидесяти лѣтъ Нарышкины состоятъ при государынѣ; одинъ служитъ оберъ-шталмейстеромъ, другой — оберъ-мундшенкомъ; у послѣдняго государыня, въ бытность цесаревной, присутствуетъ на свадьбѣ въ Москвѣ и изъ своего дворца, бывшаго въ концѣ Нѣмецкой слободы, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ морозъ и гололедицу, дѣлаетъ чуть ли не семь верстъ до дома Нарышкина.

Свадьба Нарышкина происходила въ Казанской церкви, близь Иверскихъ воротъ. — Екатерина описываетъ и весь церемоніалъ этой свадьбы.—Послѣ ужина, говоритъ она, въ передспальней комнатѣ было сдѣлано нѣсколько туровъ парадныхъ танцевъ и затѣмъ намъ сказали съ мужемъ, чтобы мы вели молодыхъ въ ихъ покои. Для этого надобно было миновать множество корридоровъ, довольно холодныхъ, взбираться по лѣстницамъ, тоже не совсѣмъ теплымъ, потомъ проходить длинными галереями, которыя были выстроены на скорую руку изъ сырыхъ досокъ и гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода.

Подъ конецъ своей жизни, въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, императрица припоминаетъ всѣхъ своихъ живыхъ сверстниковъ, въ числѣ которыхъ упоминаетъ и двухъ Нарышкиныхъ. Грустныя ноты звучатъ въ воспоминаніяхъ царицы. «Въ четвергъ, 9 февраля 1794 года, говоритъ она, исполнилось 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я съ матушкой пріѣхала въ Москву; изъ этихъ прошедшихъ лѣтъ я милостію Божіею царствую тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера были при дворѣ разомъ три свадьбы.—Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я тогда застала,

и я думаю, что здѣсь, въ Петербургѣ, едва ли найдется десять человѣкъ, которые помнили бы мой пріѣздъ. Во-первыхъ Бецкій— слѣпой дряхлый старикъ: онъ сильно заговаривается и спрашиваетъ у молодыхъ людей—знавали ли они Петра I; потомъ графиня Матюшкина, 78 лѣтъ, вчера танцовавшая на свадьбѣ; потомъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, тогда камеръ-юнкеръ, и его жена; затѣмъ братъ его, оберъ-шталмейстеръ; но онъ не сознается въ этомъ, чтобы не казаться слишкомъ старымъ, и т. д.

Государыня щедро изливала на него добро и дружбу и при женитьбѣ его, въ 1759 г., на свой счетъ омеблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ поселиться. По вступленіи Екатерины на престолъ, онъ получилъ званіе оберъ-шталмейстера, въ которомъ и пребывалъ до самой своей смерти.

По врожденной веселости характера и особенной остротѣ ума, онъ присвоилъ себѣ право всегда шутить, не стѣсняясь въ своихъ рѣчахъ. Во все царствованіе Екатерины онъ пользовался большою благосклонностью императрицы.

Впрочемъ, въ своихъ запискахъ часто она о немъ отзывается не съ большимъ уваженіемъ, то называетъ его «арлекиномъ», то «слабымъ головой и безхарактернымъ», или «человѣкомъ незначительнымъ», но за то государыня восхищается его комическимъ талантомъ, который доставляетъ ей большое удовольствіе—въ немъ она находитъ нѣкоторый умъ: «онъ слышалъ обо всемъ,—говоритъ она,—и все какъ-то особенно ложилось въ его головѣ».

«Онъ могъ,—продолжаетъ царица,—произнести, не приготовясь, диссертацію о какомъ угодно искусствѣ или наукѣ»; при этомъ онъ употреблялъ надлежащіе техническіе термины и говорилъ безостановочно съ четверть часа или долѣе; кончалось тѣмъ, что ни онъ, ни другіе не понимали ни слова изъ его, повидимому, складной рѣчи и въ заключеніе раздавался общій хохотъ.

Подчасъ Нарышкинъ забавлялъ императрицу и тѣмъ, что самымъ отчаяннымъ образомъ спускалъ передъ нею кубари. Принцъ де-Линь въ одномъ изъ писемъ своихъ, писанныхъ изъ южной Россіи во время путешествія въ Крымъ съ императрицей, разсказываетъ: «Намедни оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, прекраснѣйшій человѣкъ и величайшій ребенокъ, спустилъ среди насъ волчокъ, огромнѣе собственной его головы. Позабавивъ насъ жужжаньемъ и прыжками, волчокъ съ ужаснымъ свистомъ разлетѣлся на три или на четыре куска, проскочилъ между государыней и мною, ранилъ двоихъ, сидѣвшихъ рядомъ съ нами, и ударился объ голову принца Нассаускаго, который два раза пускалъ себѣ кровь».

Екатерина II дразнила Нарышкина смертью сардинскаго короля наканунѣ своей собственной кончины. Впечатлѣніе, которое Л. А. Нарышкинъ производилъ на государыню своею забавною личностью, было такъ сильно, что она написала на него комедію «L'Insouciant» и два юмористическихъ очерка. Замѣчателенъ первый изъ нихъ, содержаніе котораго мы привели выше, называлось оно: «Léoniana ou faits et dits de sir Leon, grand-écuyeur, recueillis par ses amis». Иностранцы, видѣвшіе Нарышкина при дворѣ Екатерины, были также поражены его чрезвычайною оригинальностью: это свойство находитъ въ немъ Сегюръ рядомъ съ умомъ посредственнымъ, большою веселостью, рѣдкимъ добродушіемъ и крѣпкимъ здоровьемъ. Нарышкинъ умеръ въ 1799 году, въ своемъ домѣ, на Мойкѣ, за Поцѣлуевымъ мостомъ, теперь Демидовскій домъ призрѣнія трудящихся.

Родъ Нарышкиныхъ отличался красотою тѣлесною, добродушіемъ и популярностью; у всѣхъ ихъ была какая-то врожденная наклонность къ изящному и каждый находилъ у нихъ пріютъ. Образъ жизни вельможъ двора императрицы Екатерины II теперь принадлежитъ къ области вымысла, къ романамъ и повѣстямъ. Въ коренномъ вельможѣ того времени было соединеніе всѣхъ утонченностей, всѣхъ великосвѣтскихъ качествъ, весь блескъ ума и остроумія, все благородство манеръ вѣка Людовика XIV и вся вольность нравовъ эпохи Людовика XV, вся щедрость и пышность старыхъ польскихъ магнатовъ и все хлѣбосольство древнихъ русскихъ бояръ.

Цѣль жизни состояла въ томъ, чтобы наслаждаться жизнію и доставлять наслажденіе другимъ и среди наслажденій поддерживать таланты и дарованія. Въ домѣ, напримѣръ, Льва Алекс. Нарышкина принимаемы были не одни лица, имѣющія пріѣздъ ко двору, но и каждый дворянинъ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. По характерному выраженію Грибоѣдова, у него «дверь была отперта для званыхъ и незваныхъ».

Литераторовъ, художниковъ и музыкантовъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ девять часовъ утра можно было узнать отъ швейцара: обѣдаетъ ли Нарышкинъ дома и будетъ ли вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему; но на вечеръ пріѣзжали только хорошо знакомые въ домѣ. Ежедневно столъ накрывался на пятьдесятъ и болѣе персонъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ.

На вечерахъ была музыка, танцы, les petits jeux, но карточной игры вовсе не было. По свидѣтельству современниковъ, на вечерахъ Нарышкина въ одной комнатѣ раздавались шумныя пѣсни цыганъ, сопровождаемыя живою ихъ пляской, въ другой—гремѣла музыка, въ третьей—лучшія танцовщицы восхищали толпившихся вокругъ нихъ гостей, въ четвертой, въ кругу посѣтителей—играли русскіе или французскіе актеры. На балахъ была расточаема азіятская роскошь; званые обѣды удовлетворяли самый изысканный гастрономическій вкусъ; но въ обыкновенные дни столъ былъ самый простой. Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ, а ужинъ изъ четырехъ. На обыкновенныхъ обѣдахъ кушанье стряпалось, большею частью, изъ домашней провизіи.

Съ первымъ зимнимъ путемъ огромные обозы съ домашней провизіей приходили изъ деревень въ столицу. На столѣ, въ обыкновенные дни, стояли кувшины съ кислыми щами, пивомъ и медомъ, а вино — обыкновенно францвейнъ или франконское — разливали лакеи, обходя вокругъ стола два раза во время обѣда. Рѣдкія и дорогія вина подавали тогда только на парадныхъ обѣдахъ или на малыхъ, званыхъ.

Державинъ воспѣлъ домъ Нарышкина:

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ!
. . . .
Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна,
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать и проч.

Въ Екатерининское время вся польская знать и съ нею лучшая шляхта стала наѣзжать въ Россію, гдѣ и находила отличный пріемъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. При королѣ Станиславѣ Понятовскомъ въ Петербургъ стекались всѣ польскіе честолюбцы. Изъ такихъ извѣстенъ графъ Северинъ Потоцкій. Онъ, послѣ отца своего, лишившагося огромнаго состоянія на спекуляціяхъ, остался бѣденъ. Графъ А. С. Ржевусскій разсказывалъ, что, возвращаясь изъ Петербурга, онъ встрѣтилъ на одной станціи Потоцкаго, ѣхавшаго въ Петербургъ.

Это было въ началѣ польской революціи, въ 1793 году. Они были пріятели и Ржевусскій спросилъ его, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ? «Въ Польшѣ у меня ничего не осталось», отвѣчалъ Потоцкій,—«а теперь человѣкъ съ именемъ можетъ все пріобрѣсть

Церковь при домѣ Нарышкиныхъ на Вздвиженкѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

при русскомъ дворѣ. Ѣду за всѣмъ!» прибавилъ онъ, смѣясь. И, дѣйствительно, Потоцкій впослѣдствіи пріобрѣлъ все въ Россіи.

Въ частной жизни онъ былъ весьма оригиналенъ, никогда не заводился домомъ, жилъ на холостую ногу, въ гостинницѣ (на Екатерининскомъ каналѣ, въ домѣ Варварина), вечера проводилъ въ гостяхъ. Въ обществѣ былъ пріятенъ и остроуменъ, дома—капризенъ и брюзга.

Многіе изъ такихъ знатныхъ поляковъ были сенаторами и занимали высшія должности. Браки русскихъ съ польками, а поляковъ съ русскими стали особенно покровительствуемы Екатериною. Графъ Соллогубъ, князь Любомірскій и князь Понинскій женились на трехъ дочеряхъ Л. А. Нарышкина [56]). За второй дочерью Нарышкина, Маріей Львовной, вышедшей замужъ за князя Любомірскаго, очень ухаживалъ Потемкинъ. Она была превосходная музыкантша; Державинъ написалъ ей экспромтъ во время игры ея на арфѣ и воспѣлъ ее подъ именемъ Эвтерпы. Потемкинъ, почти нигдѣ не показывавшійся въ обществѣ, уступалъ своей прирожденной лѣни, ежедневно пріѣзжая въ домъ Нарышкина; у него онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ—серьезное чувство влекло его къ юной дочери Нарышкина и въ тогдашнемъ обществѣ никто въ этомъ не сомнѣвался, видя, какъ онъ настойчиво ухаживалъ за нею; посреди всѣхъ постороннихъ онъ всегда былъ какъ будто наединѣ съ нею.

Канцлеръ Безбородко писалъ въ Англію къ своему родичу, Виктору Павловичу Кочубею: «Князь (Потемкинъ) у Льва Александровича Нарышкина всякій вечеръ провождаетъ. Въ городѣ увѣрены, что онъ женится на Маріи Львовнѣ. Принимаютъ туда теперь людей съ разборомъ, а вашу братью, молодежь, исключаютъ». Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, впослѣдствіи оберъ-егермейстеръ, женился на польской княгинѣ, Маріи Антоновнѣ Четвертинской, знаменитой своею красотой и вниманіемъ императора Александра I. По свидѣтельству современниковъ, ея сердечная доброта отражалась у ней не только во взорѣ, но и въ голосѣ, и въ каждомъ ея пріемѣ; она дѣлала столько добра, сколько могла, и безпрестанно хлопотала за бѣдныхъ и несчастныхъ. Женившись на ней, Нарышкинъ выдѣлился изъ родительскаго дома; это обстоятельство дало другу дома его, поэту Державину, написать граціозное стихотвореніе «Новоселье молодыхъ», гдѣ онъ молодыхъ хозяевъ воспѣваетъ подъ именемъ «Дафниса и Дафны».

Затѣмъ у Державина встрѣчается и другое стихотвореніе, «Аспазіи», написанное для Марьи Антоновны Нарышкиной. Она имѣла

гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, пріятнѣйшую улыбку, матовую, прозрачную, неполированнаго мрамора бѣлизну кожи.

Ф. Вигель, видѣвшій Нарышкину, описываетъ встрѣчу такъ: «разиня ротъ стоялъ я передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился ея красотѣ, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: въ Петербургѣ, тогда изобиловавшемъ красавицами, она была гораздо лучше всѣхъ».

Родъ князей Четвертинскихъ происходитъ отъ русскихъ государей, отъ святого Владиміра и отъ правнука его Святополка, князя Черниговскаго.

Потомство послѣдняго сдѣлалось подвластно Литвѣ, когда этотъ край отдѣлился отъ Россіи. Предки Четвертинскихъ, размножаясь, обѣднѣли. При Петрѣ Великомъ, Гедеонъ, князь Четвертинскій, былъ православнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ, и уже потомки его впали въ католицизмъ и затѣмъ возвысились въ Польшѣ въ почестяхъ. Отецъ княгини Марьи Антоновны былъ умерщвленъ въ 1794 году во время варшавскаго возмущенія.

Про брата мужа Маріи Антоновны въ обществѣ тоже много ходило анекдотовъ и разсказовъ. Такъ, на какомъ-то торжественномъ празднествѣ въ кадетскомъ корпусѣ, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича и многихъ высшихъ сановниковъ, Нарышкинъ подходитъ къ великому князю и говоритъ:

— J'ai aussi un cadet ici.

— Я и не зналъ,— отвѣчаетъ великій князь, — представьте мнѣ его..

Нарышкинъ отыскиваетъ брата своего Дмитрія Львовича, подводитъ его къ Константину Павловичу и говоритъ:

— Voici mon cadet.

Великій князь расхохотался, а Дмитрій Львовичъ, по обыкновенію своему, пуще расшаркался и встряхивалъ своею напудренною и тщательно завитою головою.

А. Л. Нарышкинъ былъ въ ссорѣ съ канцлеромъ Румянцевымъ. Однажды замѣтили, что онъ за нимъ ухаживаетъ и любезничаетъ съ нимъ. Когда просили у него объяснить тому причину, онъ отвѣчалъ, что причина въ баснѣ Лафонтена:

«Maître corbeau sur un arbre perché
«Tenait en son bec un fromage и т. д.»

Дѣло въ томъ, что у Румянцева на дачѣ изготовлялись отличные сыры, которые онъ дарилъ своимъ пріятелямъ. Нарышкинъ

былъ очень лакомъ и началъ восхвалять сыры его, въ надеждѣ, что онъ и его одѣлитъ гостинцемъ.

Императоръ разъ, въ 1-й день Пасхи, спросилъ Нарышкина:

— Avez-vous embrassé aujourd'hui votre cousin Roumianzoff?

— Non, sir, nous nous sommes seulement embarassés, отвѣчалъ онъ.

Нарышкинъ не любилъ Румянцева и часто трунилъ надъ нимъ. Послѣдній до конца своей жизни носилъ косу въ своей прическѣ.

— Вотъ ужъ подлинно скажешь, говорилъ Нарышкинъ: — нашла коса на камень.

Нарышкинъ говорилъ про одного скучнаго царедворца: «Онъ такъ тяжелъ, что если продавать его на вѣсъ, то на покупку его не стало бы и Шереметевскаго имѣнія».

На берегу Рейна предлагали Нарышкину взойти на гору, чтобы полюбоваться окрестными живописными картинами.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ онъ: — съ горами обращаюсь всегда, какъ съ дамами: пребываю у ихъ ногъ.

Самъ Нарышкинъ тоже передъ коронаціей императора Александра I долго не остригалъ своей косы.

— Отчего ты не острижешь своей косы? разъ спросилъ его императоръ. — Je ne veux pas qu'on dise de moi que je n'ai ni tête, ni queue, отвѣчалъ онъ.

Нарышкинъ разсказывалъ про Всеволожскаго, извѣстнаго московскаго хлѣбосола, что онъ живетъ очень открыто — у него два огромныхъ дома въ Москвѣ безъ крышъ стоятъ.

Разъ, когда за придворнымъ обѣдомъ подавали грибы, императоръ, зная, что Нарышкинъ ихъ любитъ, приказалъ камеръ-лакею подать ему это блюдо послѣ всѣхъ, восхваляя между тѣмъ другимъ это кушанье. Нарышкину остался только одинъ грибъ. Онъ отказался.

— Отчего ты не жалуешь этого блюда? спросилъ его государь.

— Оттого, ваше величество, чтобъ не сказали, что я отъ васъ грибъ съѣлъ, отвѣчалъ Нарышкинъ.

Когда, въ 1807 году, умеръ министръ финансовъ графъ Васильевъ, Нарышкинъ просилъ для себя это мѣсто. Императоръ сперва выразилъ свое удивленіе, потомъ очень смѣялся, когда Нарышкинъ сказалъ ему:

— Je suis non seulement versé dans les finances, mais renversé.

Одинъ старый вельможа, жившій въ Москвѣ, жаловался на свою каменную болѣзнь, отъ которой боялся умереть.

— Не бойтесь, успокоивалъ его Нарышкинъ,— здѣсь деревянное строеніе на каменномъ фундаментѣ долго живетъ.

— Отчего, спросилъ его кто-то однажды,— ваша шляпа такъ скоро изнашивается?

— Оттого, отвѣчалъ Нарышкинъ, что я сохраняю ее подъ рукой, а вы на болванѣ.

Получивъ съ прочими дворянами бронзовую медаль въ воспоминаніе 1812 года, Нарышкинъ сказалъ:

— Никогда не разстанусь съ нею, она для меня безцѣнна; нельзя ни продать ее, ни заложить.

Разъ какъ-то на парадѣ, въ Пажескомъ корпусѣ, инспекторъ кадетъ упалъ на барабанъ.

— Вотъ въ первый разъ надѣлалъ онъ столько шуму въ свѣтѣ, замѣтилъ Нарышкинъ.

Нарышкинъ имѣлъ обыкновеніе часто занимать деньги, которыя рѣдко уплачивалъ въ срокъ; умирая, на смертномъ одрѣ, онъ сказалъ:

— Въ первый разъ я отдаю долгъ — природѣ.

А. Л. Нарышкинъ былъ женатъ на дочери Закревскаго—родной племянницѣ графа Разумовскаго, Маринѣ Осиповнѣ. Императрица сама сосватала племянницу Разумовскихъ Закревскую за Нарышкина. Сватовство это началось на балѣ у Екатерины II, тогда еще великой княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцовала минуетъ съ Нарышкинымъ. Великая княгиня, сидѣвшая между сестрою Нарышкина Сенявиною и невѣсткою его Анной Никитичной (урожденной Румянцевой), любовалась парою и рѣшила вмѣстѣ съ собесѣдницами своими, что молодыхъ людей слѣдуетъ непремѣнно женить; ее еще болѣе къ этому подстрекало то, что Нарышкина сватали въ городѣ на племянницѣ Шуваловыхъ, Хитровой. Государыня наканунѣ свадьбы Марины Осиповны сама была на дѣвичникѣ, который справлялся въ Аничковскомъ домѣ (нынѣшній дворецъ).

Свадьба праздновалась съ обыкновенною торжественностью, съ маршалами, шаферами и ближними дѣвицами. Марина Осиповна впослѣдствіи была очень вліятельная особа въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Про нее пишетъ жена Державина, что она Гогъ и Магогъ.

По смерти своего мужа она была въ ссорѣ съ дѣтьми за то, что они нарушили завѣщаніе дяди ихъ Алекс. Алекс. Нарышкина. Завѣщаніемъ этимъ онъ отдавалъ одну половину женѣ своей Аннѣ Никитичнѣ (урожд. Румянцевой, двоюродной сестрѣ Задунайскаго), другую брату своему Льву Александровичу, а послѣ него уже дѣтямъ. Нарышкина была превосходная хозяйка—она управляла всею домашнею экономіей своего мужа.

Ей принадлежало въ Могилевской губерніи огромное имѣніе Горы и Горки, теперь уѣздный городъ Горки, отданное ею старшей дочери графинѣ Нат. Льв. Соллогубъ; въ этомъ имѣніи въ пятидесятыхъ годахъ существовало Горыгорѣцкое училище. Здѣсь нѣкогда гостилъ поэтъ Державинъ и воспѣлъ его въ своихъ стихахъ. Державинъ въ то время ѣздилъ въ Бѣлоруссію по повелѣнію императора Павла для изысканія мѣръ къ отвращенію голода и для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго положенія тамошнихъ крестьянъ. Такъ, находясь по этому поводу на слѣдствіи въ сосѣдней деревнѣ «Березятни», принадлежавшей графу Поте, и возвращаясь оттуда однажды ночью въ домъ графини Соллогубъ, онъ былъ встрѣченъ ея дочкой (она впослѣдствіи вышла за князя Голицына), которая, изъ шутки, перерядясь въ жидовское платье, поднесла поэту нѣсколько стрѣленыхъ бекасовъ (см. стихотв. «Горы», Державинъ, т. II, изд. Я. Грота).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ на Пречистенкѣ жилъ оберъ-церемоніймейстеръ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, небольшой пятидесятилѣтній, худенькій и миловидный человѣчекъ, очень учтивый въ обращеніи и большой шаркунъ, какъ называетъ его въ своихъ запискахъ Благово; волосы у него были очень рѣдки, онъ стригъ ихъ коротко и какимъ-то особеннымъ манеромъ, что очень къ нему шло; онъ былъ большой охотникъ до перстней и носилъ прекрупные брилліанты.

У него было нѣсколько сыновей и двѣ дочери. Старшій изъ сыновей Нарышкина, Александръ Ивановичъ, былъ видный и красивый молодой офицеръ, живого и вспыльчиваго характера, у послѣдняго была дуэль съ извѣстнымъ Толстымъ, прозваннымъ «Американцемъ»; на этой дуэли Толстой убилъ Нарышкина.

Убивъ Нарышкина, Толстой бѣжалъ изъ Москвы и долго путешествовалъ, былъ въ Сибири, Камчаткѣ. Про него сказалъ Грибоѣдовъ:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ.

Ѳ. И. Толстой былъ очень видный, красивый мужчина и большой кутила. По возвращеніи изъ ссылки или бѣгства, такъ года за два или три до двѣнадцатаго года, когда немного позабыли про его дуэль и другіе грѣшки его молодости, онъ нѣкоторое время въ Москвѣ былъ въ большой модѣ и дамы за нимъ бѣгали.

Про него сказалъ кто-то въ Москвѣ: «Кажется, онъ довольно смуглъ и черноволосъ, а въ сравненіи съ душою его онъ покажется блондинкою».

Толстой былъ лихой собесѣдникъ и гуляка; о немъ разсказываетъ князь Вяземскій, что однажды въ англійскомъ клубѣ сидѣлъ предъ нимъ баринъ съ красносизымъ и цвѣтущимъ носомъ, и Толстой смотрѣлъ на него съ сочувствіемъ и почтеніемъ; но, видя, что во все продолженіе обѣда баринъ пьетъ одну чистую воду, Толстой вознегодовалъ и говоритъ:

— Да это самозванецъ! Какъ смѣетъ онъ носить на лицѣ своемъ признаки, имъ незаслуженные?

Разъ Толстой написалъ своему пріятелю въ письмѣ изъ Тамбова: «За неимѣніемъ хорошихъ сливокъ, пью чай съ дурнымъ ромомъ». Толстой былъ мастеръ играть словами. Одинъ изъ его родственниковъ, ума ограниченнаго и скучный, добивался, чтобы онъ познакомилъ его съ поэтомъ-партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ; Толстой подъ разными предлогами все откладывалъ представленіе, наконецъ однажды, чтобы разомъ отдѣлаться отъ скуки, предлагаетъ онъ ему подвести его къ Давыдову.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ,—сегодня неловко, я лишнее выпилъ, у меня немножко въ головѣ.

— Тѣмъ лучше, говоритъ Толстой:—тутъ-то и представляться къ Давыдову.

Затѣмъ онъ беретъ его за руку и подводитъ къ Давыдову, говоря:

— Представляю тебѣ моего племянника, у котораго немного въ головѣ.

Однажды Толстой заходитъ къ старой своей теткѣ.

— Какъ ты кстати пришелъ, говоритъ она:—подпишись свидѣтелемъ на этой бумагѣ.

— Охотно, тетушка, отвѣчаетъ онъ и пишетъ: «при сей вѣрной оказіи свидѣтельствую тетушкѣ мое нижайшее почтеніе».

Гербовый листъ стоилъ нѣсколько сотъ рублей.

Какой-то князь былъ долженъ Толстому по векселю довольно значительную сумму; срокъ платежа давно прошелъ, а князь все не платилъ, не смотря на нѣсколько писемъ Толстого; наконецъ послѣдній, выбившись изъ терпѣнія, написалъ ему:

«Если вы къ такому-то числу не выплатите долгъ свой весь сполна, то не пойду я искать правосудія въ судебныхъ мѣстахъ, а отнесусь прямо къ лицу вашего сіятельства».

Толстой былъ рѣзкій типъ прошлой эпохи; онъ былъ далеко не безупреченъ, но зато обладалъ неустрашимостью и силой характера; ему было море по колѣно; онъ не пресмыкался ни передъ личностью, ни предъ общественнымъ мнѣніемъ и признавался иногда въ своихъ проступкахъ съ откровенностью, не лишенною ци-

низма. Впрочемъ, всѣ эти недостатки не помѣшали ему въ 12 году оставить калужскую деревню, въ которую онъ сосланъ былъ на житье, и явиться простымъ солдатомъ на Бородинское поле, геройски сражаться съ непріятелемъ и заслужить крестъ св. Георгія 4-й степени.

Говорили тогда, что въ азартныя игры игралъ онъ не безупречно. Толстой и самъ въ этомъ сознался, отказавъ разъ своему пріятелю, князю С. Гр. Волконскому, метать ему банкъ:

— Нѣтъ, мой милый, я васъ слишкомъ для этого люблю. Если бы вы сѣли играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцевъ [57]) приводитъ разсказъ, какъ Толстой сошелся съ Нащокинымъ, съ которымъ онъ не разставался по смерть и даже умеръ у него на рукахъ. Вотъ какъ описываетъ онъ первую встрѣчу друзей. Шла адская игра въ клубѣ; наконецъ всѣ разъѣхались, за исключеніемъ Толстого и Нащокина, которые остались за ломбернымъ столомъ. Когда дѣло дошло до разсчета, Толстой объявилъ, что противникъ долженъ ему заплатить двадцать тысячъ.

— Нѣтъ, я ихъ не заплачу, сказалъ Нащокинъ,—вы ихъ записали, но я ихъ не проигралъ.

— Можетъ быть это и такъ, но я привыкъ руководиться тѣмъ, что записываю, и докажу это вамъ, отвѣчалъ графъ.

Онъ всталъ, заперъ дверь, положилъ на столъ пистолетъ и прибавилъ:

— Онъ заряженъ, заплатите или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Я вамъ даю десять минутъ на размышленіе.

Нащокинъ вынулъ изъ кармана часы, потомъ бумажникъ и отвѣчалъ:

— Часы могутъ стоить пятьсотъ рублей, а въ бумажникѣ двадцатипятирублевая бумажка: вотъ все, что вамъ достанется, если вы меня убьете, а въ полицію вамъ придется заплатить не одну тысячу, чтобъ скрыть преступленіе: какой же вамъ разсчетъ меня убивать?

— Молодецъ, крикнулъ Толстой, и протянулъ ему руку,—наконецъ-то я нашелъ человѣка!

Въ продолженіе многихъ лѣтъ друзья жили безотлучно, кутили вмѣстѣ, попадали вмѣстѣ въ тюрьму и устраивали охоты, о которыхъ ихъ близкіе и дальніе сосѣди хранили долгое воспоминаніе.

Друзья, въ сопровожденіи сотни охотниковъ и огромной стаи собакъ, являлись къ незнакомымъ помѣщикамъ, разбивали палатки въ саду или среди двора и начинали шумный, хмѣльной пиръ. Хозяева дома и ихъ прислуга молили Бога о помощи и не смѣли попасться на глаза непрошеныхъ гостей.

Князь Вяземскій говоритъ, что на одномъ изъ такихъ пьяныхъ обѣдовъ, на которомъ былъ Толстой, подаютъ къ концу обѣда какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяинъ настаиваетъ, чтобы онъ попробовалъ предлагаемое, и говоритъ:

— Возьми, Толстой, ты увидишь, какъ это хорошо; тотчасъ отобьетъ весь хмѣль.

Александръ Львовичъ Нарышкинъ.
Съ портрета, принадлежащаго Академіи Художествъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ тотъ, перекрестясь: — да за что же я два часа трудился? Нѣтъ, слуга покорный, хочу оставаться при своемъ.

Толстой одно время, неизвѣстно по какимъ причинамъ, наложилъ на себя эпитемію и мѣсяцевъ шесть не бралъ въ ротъ ничего хмѣльного. Въ это время совершались въ Москвѣ проводы пріятеля, который отъѣзжалъ надолго. Проводы эти продолжались

недѣли двѣ. Что ни день, то прощальный обѣдъ или прощальный ужинъ. Всѣ эти прощанія оставались, разумѣется, не сухими. Толстой на нихъ присутствовалъ, но не нарушалъ обѣта, не смотря на всѣ приманки и увѣщанія пріятелей, не смотря, вѣроятно, и на собственное желаніе. Наконецъ, назначены окончательные проводы, за городомъ, въ селѣ Всесвятскомъ. Дружно выпитъ прощальный кубокъ, отъѣзжающій сѣлъ въ кибитку и пустился въ дальній путь. Гости отправились въ городъ. Толстой сѣлъ въ сани вмѣстѣ съ Денисомъ Давыдовымъ, который, надо замѣтить, не давалъ обѣта трезвости. Ночь морозная и свѣтлая, глубокое молчаніе. Толстой вдругъ кричитъ кучеру: «Стой!» Сани остановились. Онъ обращается къ попутчику и говоритъ:

— Голубчикъ, Денисъ, дохни на меня!

Относительно бѣгства изъ ссылки Толстого находимъ много разнорѣчивыхъ разсказовъ. Г-жа Новосильцева[58]) говоритъ, что онъ во время кругосвѣтнаго морского путешествія поссорился съ командиромъ экипажа Крузенштерномъ и вздумалъ возмущать противъ него команду. Крузенштернъ вынужденъ былъ высадить его на какомъ-то необитаемомъ островѣ, оставивъ, на всякій случай, ему немного провіанта.

Когда корабль удалился, Толстой снялъ шляпу и поклонился командиру, стоявшему на кораблѣ. Островъ этотъ оказался, однако, населеннымъ дикарями, среди которыхъ Толстой прожилъ довольно долго. Нѣсколько лѣтъ спустя, на его счастье, какой-то корабль замѣтилъ его мѣстожительство и отвезъ его въ Европу.

Въ самый день своего возвращенія въ Петербургъ, Толстой узналъ, что Крузенштернъ даетъ балъ и ему пришло въ голову сыграть довольно оригинальный фарсъ. Онъ переодѣлся, поѣхалъ къ врагу и сталъ въ дверяхъ залы. Увидя его, Крузенштернъ не вѣрилъ глазамъ.

— Толстой, вы ли это? спросилъ онъ, наконецъ, подходя къ нему.

— Какъ видите! отвѣчалъ незваный гость:—мнѣ было такъ весело на островѣ, куда вы меня высадили, что я совершенно помирился съ вами и пріѣхалъ даже васъ поблагодарить!

Вслѣдствіе этого эпизода своей жизни онъ былъ названъ «Американцемъ».

По другимъ свѣдѣніямъ этотъ разсказъ вполнѣ опровергается[59]). Въ первыхъ годахъ царствованія императора Александра I было снаряжено морское кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ Крузенштерна. Толстой, служившій тогда въ Преображенскомъ полку, испросилъ позволеніе участвовать въ этой экспедиціи. У Толстого,

по разсказамъ той же г-жи Новосильцевой, было несмѣтное число дуэлей.

Онъ былъ разжалованъ одиннадцать разъ. Чужой жизнью онъ дорожилъ такъ же мало, какъ и своей. За одну дуэль или какую-то проказу, какъ разсказываетъ Вяземскій, онъ былъ посаженъ въ Выборгскую крѣпость. Спустя нѣсколько времени показалось ему, что срокъ его ареста миновалъ, и онъ началъ бомбардировать рапортами и письмами коменданта. Это, наконецъ, надоѣло послѣднему и онъ прислалъ ему выговоръ и строгое предписаніе не докучать начальству пустыми ходатайствами. Малограмотный писарь, переписывавшій эту бумагу, гдѣ-то совершенно неумѣстно поставилъ вопросительный знакъ.

Толстой обѣими руками ухватился за этотъ неожиданный знакъ препинанія и снова принялся за перо. «Перечитывая, писалъ онъ коменданту, нѣсколько разъ съ должнымъ вниманіемъ и съ покорностью предписаніе вашего превосходительства, отыскалъ я въ немъ вопросительный знакъ, на который вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность отвѣтствовать». И тутъ же сталъ онъ снова излагать свои доводы, жалобы и требованія.

Толстой имѣлъ свои погрѣшности, о которыхъ можно сожалѣть, но нельзя не сказать, что онъ былъ человѣкъ ума необыкновеннаго. Толстой умеръ въ подмосковномъ своемъ имѣніи въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Возвращаясь опять къ роду Нарышкиныхъ, нельзя пройти молчаніемъ Екатерину Ивановну Нарышкину, дочь Ивана Львовича Нарышкина. Отецъ ея рано овдовѣлъ и умеръ тридцати-четырехъ лѣтъ, оставивъ ее на попеченіе старшаго брата Александра Львовича.

По матери своей она происходила отъ Ѳомы Ивановича Нарышкина, дяди Кирилла Полуектовича. Семейство Нарышкиныхъ раздѣлилось уже въ XVI вѣкѣ, и при Петрѣ Великомъ родство между отдѣльными вѣтвями было такъ отдаленно, что, не смотря на строгость въ то время церковныхъ правилъ, потомки разныхъ поколѣній свободно могли вступать между собою въ бракъ. Бракъ царя Алексѣя Михайловича возвысилъ весь захудалый родъ Нарышкиныхъ и самые отдаленные родственники попали ко двору, какъ родственники царицы.

Екатерина Ивановна воспитывалась въ домѣ дяди своего Александра Львовича, извѣстнаго своею надменностью и женатаго на графинѣ Е. А. Апраксиной. Сестры его при дворѣ Петра Великаго играли весьма важную роль и считались чѣмъ-то въ родѣ прин-

цессъ крови. Обрученіе Нарышкиной съ графомъ К. Гр. Разумовскимъ было очень парадно, въ большой придворной церкви. Самая свадьба происходила спустя три мѣсяца, 27-го октября. Въ этотъ день, какъ отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, знатнѣйшія обоего пола особы съѣхались ко двору его императорскаго величества въ галерею.

Потомъ обыкновенною церемоніею «изъ покоевъ его императорскаго величества чрезъ галерею невѣста ведена съ литавры и трубы маршаломъ княземъ Трубецкимъ съ шаферами и другими кавалерами. Невѣсту велъ его императорское высочество, за нею слѣдовали ея высочество государыня великая княгиня и другія чиновныя дамы въ церковь и, по обвѣнчаніи, такою же церемоніею пошли въ галерею и въ парадныя камеры, пока на приготовленные столы кушанья становили. И какъ поставили кушанья въ покояхъ на сторонѣ его императорскаго высочества, подлѣ малой комнатной церкви, въ трехъ покояхъ: въ первой половинѣ два стола съ балдахинами, на восемьдесятъ персонъ; во второмъ покоѣ два стола, на столько же персонъ; въ третьемъ покоѣ на двадцать персонъ,—за столомъ, обыкновенно подъ балдахиномъ, посажена невѣста подлѣ ея матери, по правую сторону великая княгиня, по лѣвую—вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Гомбургская; въ концѣ стола, изъ высочайшей милости, изволила присутствовать сама императрица, подлѣ нея, по правую и лѣвую сторону, сидѣли господа послы.

«За другимъ столомъ, подъ балдахиномъ, женихъ; подлѣ его отцы и братья и прочіе знатные чужестранные министры. Во время столовъ, по свадебной церемоніи обыкновенно, маршалъ съ трубами и литаврами проводилъ ближнихъ дѣвицъ и форшнейдера. Въ продолженіе стола играла итальянская музыка. По окончаніи стола, возвратились въ галерею и начались танцы и, нѣсколько потанцовавъ, съ музыкою провожены до каретъ, и женихъ и невѣста отвезены въ домъ ихъ. На другой день послѣ свадьбы Екатерина Ивановна была объявлена статсъ-дамой и пожалована пребогатымъ портретомъ». Ек. Ив. Нарышкина приходилась императрицѣ Елисаветѣ внучатной сестрой. 30-го октября вся императорская фамилія пировала у нея въ домѣ.

Великолѣпный домъ Нарышкиной, гдѣ впослѣдствіи жилъ ея мужъ, Разумовскій, былъ построенъ на старинномъ Романовомъ дворѣ; послѣ смерти Ек. Ив. онъ, въ 1782 году, былъ перестроенъ по плану графа З. Г. Чернышева [60]). Домъ этотъ понынѣ не измѣнилъ своего внѣшняго вида. Все пространство по обѣимъ сто-

ронамъ Вздвиженки, при соединеніи ея съ Москвою, на берегу Неглинной, принадлежало съ XVII и начала XVIII вѣка, Нарышкинымъ. Вздвиженка называлась въ то время Арбатскою улицею.

Родовыя вотчины Нарышкина были Петровское (Разумовское), подмосковное Троицкое, Лыково и Поливаново. Петровское, по разсказамъ Кокса [61]), путешествовавшаго, въ 1778 году, вмѣстѣ съ лордомъ Гербертомъ, походило скорѣе на городъ, чѣмъ на дачу. Оно состояло изъ 40 или 50 домовъ разной величины. У мужа Нарышкиной, графа Разумовскаго, находились здѣсь тѣлохранители, множество слугъ и оркестръ музыки.

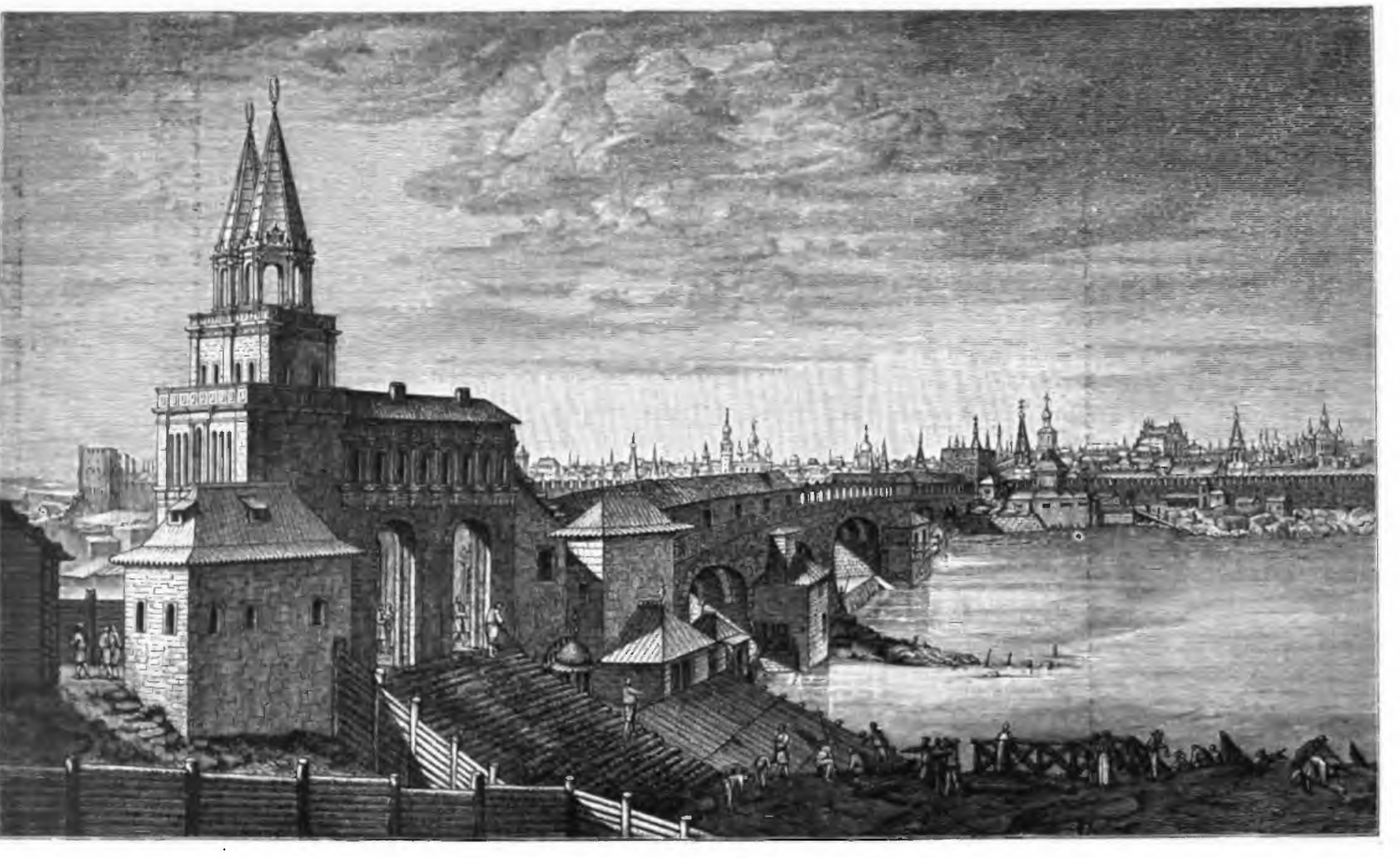
Огромные Петровскіе пруды были выкопаны работниками-малороссами. Графъ жилъ окруженный блестящимъ военнымъ штатомъ: генералъ и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, цѣлою толпою егерей, гайдуковъ, гусаровъ, скороходовъ, карликовъ и всякихъ другихъ тѣлохранителей. Огромный старинный садъ Петровскаго шелъ уступами къ большому озеру, живописно лежащему въ отлогихъ зеленыхъ берегахъ; длинныя тѣнистыя аллеи изъ столѣтнихъ деревъ еще по сейчасъ живо напоминаютъ былое великолѣпіе барскаго времени.

Недалеко отъ Петровскаго-Разумовскаго есть группа исполинскихъ дубовъ, посаженныхъ, по преданію, рукою Петра Великаго. Существуетъ также преданіе, что въ Петровскомъ стоялъ нѣкогда охотничій домикъ Алексѣя Михайловича. Въ память рожденія Петра, царемъ построена тамъ церковь во имя св. Петра и Павла; въ церкви хранится апостолъ, пожертвованный императоромъ Петромъ I съ собственноручною его подписью. Петръ Великій очень любилъ это село и тамъ выстроилъ для себя лѣтній дворецъ и близь него нѣсколько домиковъ; при немъ эта мѣстность называлась сельцо Астрадово. Впослѣдствіи мужъ Нарышкиной, графъ К. Г. Разумовскій, отдалъ его пятому своему сыну Льву Кирилловичу. Страсть къ постройкамъ и садоводству была въ семействѣ Разумовскихъ наслѣдственна и этотъ новый владѣлецъ еще больше украсилъ свое подмосковное имѣніе. Екатерина II, отправляясь на коронацію въ Москву, остановилась въ этомъ подмосковномъ. Здѣсь провела она нѣсколько дней, посѣщая изрѣдка городъ подъ строгимъ инкогнито. Здѣсь увидѣлъ ее Державинъ, находившійся тогда простымъ солдатомъ на караулѣ при петровскомъ домѣ. Симпатичная личность Разумовскаго очень подробно очерчена княземъ Вяземскимъ и А. А. Васильчиковымъ [62]). Она настолько интересна, что нельзя не привести нѣсколько краткихъ выдержекъ о ней.

Родился Разумовскій въ 1757 году; въ 1774 году онъ былъ зачисленъ въ блестящее посольство князя Н. В. Рѣпнина и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Константинополь. По возвращеніи съ Востока, онъ поступилъ въ Семеновскій полкъ. Въ это время въ полку онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ петербургскихъ щеголей и ловеласовъ, но среди свѣтскихъ успѣховъ своихъ онъ съумѣлъ сохранить свѣжесть и чистоту сердца.

И. И. Дмитріевъ разсказываетъ, что во время дежурствъ на петербургскихъ гауптвахтахъ, къ нему то-и-дѣло приносили записочки на тонкой надушенной бумагѣ, видимо писанныя женскими руками. Онъ спѣшилъ отвѣчать на нихъ на заготовленной заранѣе, также красивой и щегольской бумагѣ. Въ Семеновскомъ полку онъ дослужился до полковничьяго чина и только въ 1782 году поступилъ генералъ-адъютантомъ къ князю Потемкину. Отецъ самъ спѣшилъ удалить сына изъ столицы. «Левъ—первыя руки мотъ, писалъ онъ къ другому своему сыну Андрею [63]) — и часто мнѣ своими безпутными и неумѣренными издержками не малую скуку наводилъ».

За Дунаемъ онъ забылъ свое столичное сибаритство и храбро дрался противъ турокъ и не прочь былъ покутить съ товарищами, которые его всѣ безъ памяти любили. Сперва онъ командовалъ егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ Суворова, а потомъ былъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Н. В. Рѣпнинѣ. Въ 1791 г. онъ былъ подъ Мачиномъ. За военные подвиги Разумовскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса. Въ 1796 году онъ подалъ по болѣзни въ отставку и отправился заграницу. Пропутешествовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ окончательно поселился въ Москвѣ. Отецъ отдѣлилъ ему вмѣстѣ съ громаднымъ малороссійскимъ имѣніемъ Карловкою можайскія вотчины и Петровское-Разумовское. Въ 1800 году Левъ Кирилловичъ, по дѣламъ и для свиданія съ родными, отправился въ Петербургъ. Едва успѣлъ онъ туда пріѣхать, какъ получилъ высочайшее приказаніе немедля возвратиться въ Москву [64]). Графъ Левъ Кирилловичъ, по словамъ князя Вяземскаго, «былъ замѣчательная и особенно сочувственная личность». Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Онъ долго жилъ въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ, купленномъ имъ у Мятловыхъ (теперь принадлежитъ г. Шаблыкину—въ немъ помѣщается англійскій клубъ) и забавлялъ Москву своими праздниками, спектаклями, концертами и балами. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художества, музыку, картины, ваяніе. Едва



Каменный мостъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Бликланда.

ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искусствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его.

Левъ Кирилловичъ былъ истинный типъ благороднаго барина; наружность его была настоящаго аристократа: онъ смотрѣлъ, мыслилъ, чувствовалъ и дѣйствовалъ какъ баринъ; росту онъ былъ высокаго, лицо имѣлъ пріятное, поступью очень строенъ, въ обращеніи отличался необыкновенною вѣжливостью, простодушіемъ и рыцарскою честью. Онъ былъ самый любезный говорунъ и часто отпускалъ живое, мѣткое забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ, даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенно привлекательный діапазонъ. Всей Москвѣ извѣстенъ былъ обтянутый свѣтлой бѣлизны покрываломъ передокъ саней его, заложенныхъ парою красивыхъ коней, съ высокимъ гайдукомъ на запяткахъ. Всякому москвичу знакома была большая мѣховая муфта [65]) графа, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней, входя въ комнаты. Разумовскаго въ обществѣ тогда называли «Le Comte Léon». Разумовскій былъ близокъ съ Карамзинымъ и въ тѣсной связи съ масонами. Онъ былъ масономъ и глубоко вѣрующимъ и ревностнымъ христіаниномъ.

Какъ уже было сказано выше, Разумовскій былъ поклонникомъ прекраснаго пола.

Въ то время въ Москвѣ жилъ князь Ал. Ник. Голицынъ, внукъ знаменитаго полтавскаго героя. Этотъ князь отличался крайнимъ самодурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ оперетки, бывшей въ то время въ большой модѣ, «Cosa-rara» (рѣдкая вещь).

Про Голицына разсказывали, что онъ отпускалъ ежедневно кучерамъ своимъ по полудюжинѣ шампанскаго, что онъ крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей, что онъ горстями бросалъ на улицу извозчикамъ золото, чтобы они толпились у его подъѣзда, и проч., и проч. Разумѣется, что все его громадное состояніе— у него считалось 24,000 душъ—пошло прахомъ.

Голицынъ былъ женатъ на красавицѣ, княжнѣ М. Г. Вяземской, почти ребенкомъ выданной за самодура. Съумасшедшая расточительность мужа приводила княгиню въ отчаяніе. Онъ, не читая, подписывалъ заемныя письма, въ которыхъ сумма прописана была не буквами, а цифрами, такъ что заимодавцы, по большей части иностранные, на досугѣ легко приписывали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два, по три. Всѣ прочія дѣйствія и расходы его были въ такомъ же поэтическомъ и эпическомъ размѣрѣ.

Послѣдніе годы жизни своей провелъ онъ въ Москвѣ, получая приличное денежное содержаніе отъ племянниковъ своихъ, свѣтлѣйшихъ князей Меншиковыхъ и князей Гагариныхъ. Вяземскій про него говоритъ, что онъ былъ по-своему практическій мудрецъ, никогда не сожалѣлъ онъ о прежней своей пышности, о прежнемъ своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ, а наслаждался по возможности жизнью, былъ всегда веселъ духомъ, а часто и на-веселѣ.

Уже принадлежавши Екатерининскому времени, онъ еще братался съ молодежью и раздѣлялъ часто ихъ невинныя и винныя проказы; въ старости онъ сохранялъ величавую, совершенно вельможную наружность. Ума онъ былъ далеко не блистательнаго, но такъ хорошо, плавно изъяснялся, особенно по-французски, что за изящнымъ складомъ рѣчи не скоро можно было убѣдиться въ довольно ограниченномъ состояніи умственныхъ способностей его.

Графъ Разумовскій былъ въ свойствѣ съ княземъ Голицынымъ и часто встрѣчался съ его женой въ обществѣ. Нѣжное его сердце не устояло при видѣ ея миловидности и того несчастнаго положенія, въ которомъ она находилась вслѣдствіе самодурства мужа. Объ этомъ романѣ вскорѣ заговорила вся Москва. «Братъ Левъ—писалъ старикъ Разумовскій къ сыну Андрею въ 1799 году—роль Линдора играетъ». Съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія состоялся разводъ. Графъ женился на княгинѣ. Бракъ этотъ въ свое время надѣлалъ много шума.

Богатые и знатные родственники Голицына сильно возставали противъ этого брака; самъ же князь продолжалъ вести дружбу съ графомъ Разумовскимъ, часто обѣдывалъ у бывшей своей жены и нерѣдко съ нею даже показывался въ театрѣ. Бракъ хотя официально не былъ признанъ, но сильные міра, какъ, напримѣръ, главнокомандующій графъ Гудовичъ, племянникъ его гр. В. П. Кочубей, явно стали на сторону молодой графини, и московское общество стало принимать молодую, щеголеватую и любезную графиню и толпиться у нея на роскошныхъ пирахъ—зимою на Тверской, а лѣтомъ въ Петровскомъ. Только изрѣдка, тайкомъ, дѣлались намеки на не совсѣмъ правильный бракъ, но и этимъ намекамъ скоро былъ положенъ конецъ.

Въ бытность императора Александра I, въ 1809 году, въ Москвѣ на балѣ у Гудовича, государь подошелъ къ графинѣ и, громко назвавъ ее графинею, пригласилъ на полонезъ. Бракъ Разумовскаго былъ самый счастливый: 16 лѣтъ протекли у нихъ въ самой нѣжной любви и согласіи.

Графиня М. Г. Разумовская пережила мужа сорока семью годами. Симпатичная ея личность памятна еще многимъ людямъ нашего высшаго общества. Графиня послѣ кончины мужа предавалась искренней и глубокой грусти.

Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, ее уговорили отправиться заграницу, и здѣсь она перемѣнила траурную одежду на свѣтлую.

Заграницей много говорили о ея блестящихъ салонахъ въ Парижѣ и на водахъ. По возвращеніи въ Россію, она опять заняла первое мѣсто въ высшемъ обществѣ. Графиня сперва поселилась на Большой Морской въ своемъ домѣ (теперь Сазикова), затѣмъ переѣхала на Литейную, въ домъ Пашкова (домъ департамента Удѣловъ).

Когда домъ былъ купленъ въ казну, императоръ Николай Павловичъ подарилъ графинѣ всю мебель, находившуюся въ ея комнатахъ. Послѣдніе годы графиня жила на Сергіевской, въ домѣ графа Сумарокова (теперь Боткина). Царская фамилія особенно была милостива къ графинѣ и удостоивала ея праздники своимъ присутствіемъ. Но при всей своей любви къ обществу графиня таила у себя священный уголокъ, хранилище преданій и памяти минувшаго.

Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго итальянскаго художника, съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа.

У графини была одна страсть—къ нарядамъ. Когда, въ 1835 году, проѣзжая черезъ Вѣну, она просила пріятеля своего, служившаго по таможнѣ, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ее въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ —

— Да что же вы намѣрены провезти съ собою? спросилъ онъ.

— Бездѣлицу, отвѣчала она,—триста платьевъ.

Къ характеристикѣ ея добавляетъ А. А. Васильчиковъ, что графиня очень любила Парижъ и простодушно признавалась, что любитъ его за то, что женщины немолодыя носятъ тамъ туалеты нѣжныхъ, свѣтлыхъ оттѣнковъ.

— Ахъ, улица эта губитъ меня, шутя говорила она на другой день послѣ пріѣзда своего, гуляя по Rue de la Paix.

Передъ коронаціей покойнаго государя графиня поѣхала въ Парижъ, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжествъ въ Москвѣ. Графиня, нигдѣ не останавливаясь (тогда

еще не вездѣ были желѣзныя дороги), однимъ духомъ доѣхала до Парижа; ей было уже 84 года. Пріѣхала она довольно поздно вечеромъ, а на другой день утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляла по любимой своей «Rue de la Paix».

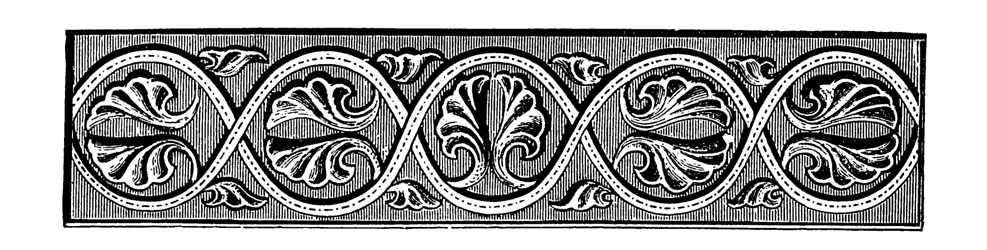
Въ то время въ Парижѣ находилась старая вѣнская пріятельница и ровесница графини, княгиня Грасальковичъ, рожденная княжна Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, не смотря на преклонныя лѣта. Узнавъ, что графиня однимъ духомъ доскакала до Парижа для заказа нарядовъ, княгиня съ завистью воскликнула: «Послѣ этого мнѣ остается только съѣздить на два дня въ Нью-Іоркъ».

Графиня Разумовская скончалась въ 1865 году, 93-хъ лѣтъ отъ роду. Она тихо уснула на рукахъ своихъ преданныхъ приближенныхъ. Всѣ домашніе любили графиню безгранично. Она дѣлала много добра и милостей безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Тѣло ея перевезено было въ Москву, въ Донской монастырь, и положено рядомъ съ мужемъ. Мало знакомыхъ сошлось помолиться вокругъ ея поздней могилы.

Великолѣпное Петровское графини сильно пострадало во время двѣнадцатаго года. Впрочемъ, по уходѣ непріятеля, за исключеніемъ повырубленныхъ тамъ деревьевъ, все было возобновлено въ прежнемъ видѣ. Во время пребыванія императора Александра I, въ 1818 году, ему не удалось побывать въ Петровскомъ. Графиню тамъ посѣтили только король и принцъ прусскіе вмѣстѣ съ принцемъ мекленбургскимъ.

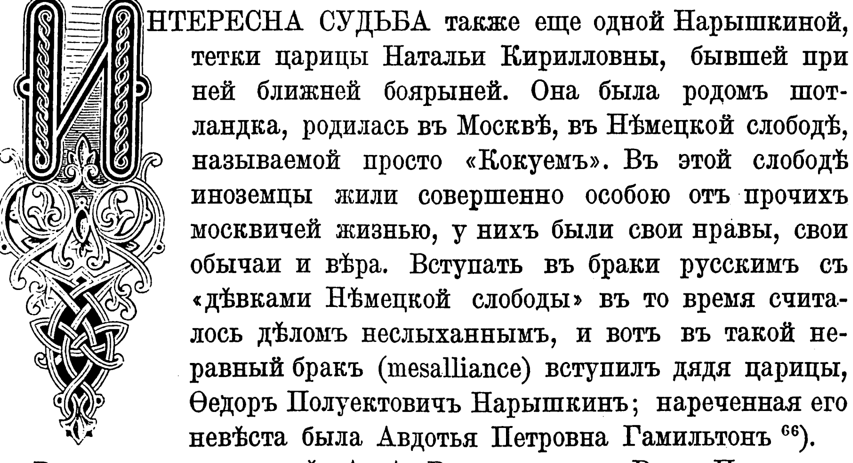
Этимъ посѣщеніемъ заключились навсегда веселые пиры въ живописномъ и гостепріимномъ Петровскомъ. Графъ Левъ Кирилловичъ умеръ 21-го ноября 1818 года, а вскорѣ послѣ смерти его Петровское купилъ бывшій въ то время московскій градоначальникъ князь Долгоруковъ.

Послѣ него, въ 1829 году, это барское имѣніе пріобрѣлъ аптекарь Шульцъ; новый владѣлецъ съ этимъ имѣніемъ много не церемонился, частями повырубилъ тамъ вѣковой паркъ на дрова, и продалъ нѣсколько домовъ на своз. Отъ Шульца имѣніе было куплено въ казну, и здѣсь была устроена земледѣльческая академія.



ГЛАВА XII.

Тетка царицы Натальи Кирилловны. — Ѳеодоръ Полуектовичъ Нарышкинъ. — Авдотья Петровна Нарышкина. — Монахиня Деввора. — Народныя преданія о родинѣ царицы Натальи с. Киркино. — Ирина Григорьевна и Наталья Александровна Нарышкины.— Борода Архипыча.— Послѣдніе родичи царственной вѣтви Нарышкиныхъ.—С. Кунцово.—Ал. Вас. Нарышкинъ.—Подгородный домъ Нарышкиныхъ.— Церковь большого Вознесенія.— Могилы Скавронскихъ.—Первый полковой Преображенскій дворъ и дворы птенцовъ Петра.— Старѣйшій представитель рода Нарышкиныхъ.



ИНТЕРЕСНА СУДЬБА также еще одной Нарышкиной, тетки царицы Натальи Кирилловны, бывшей при ней ближней боярыней. Она была родомъ шотландка, родилась въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, называемой просто «Кокуемъ». Въ этой слободѣ иноземцы жили совершенно особою отъ прочихъ москвичей жизнью, у нихъ были свои нравы, свои обычаи и вѣра. Вступать въ браки русскимъ съ «дѣвками Нѣмецкой слободы» въ то время считалось дѣломъ неслыханнымъ, и вотъ въ такой неравный бракъ (mesalliance) вступилъ дядя царицы, Ѳеодоръ Полуектовичъ Нарышкинъ; нареченная его невѣста была Авдотья Петровна Гамильтонъ [66]).

Въ почтенномъ трудѣ А. А. Васильчикова «Родъ Нарышкиныхъ» она названа Анной. П. И. Мельниковъ предполагаетъ, что, вѣроятно, имя Авдотьи она получила уже впослѣдствіи, при переходѣ въ православную вѣру, въ честь знатной своей тетки. Объ этой Нарышкиной сохранилось нѣсколько любопытныхъ письменныхъ извѣстій и еще болѣе любопытныхъ народныхъ преданій. По смерти

своего мужа, рейтарскаго ротмистра Өедора Полуэктовича Нарышкина, вмѣстѣ съ матерью своей иноземкой и съ тремя сыновьями: Василіемъ, Андреемъ и пятилѣтнимъ Семеномъ, «за многія вины», какъ сказано въ царской грамотѣ арзамасскому воеводѣ, была отправлена въ ссылку въ сельцо Лобачево, Алатырскаго уѣзда.

По преданію, обвинялась она въ пособничествѣ тѣмъ поступкамъ своей племянницы, въ которыхъ обвиняли мачиху царевна Софія, ея сестры и тетки. Незадолго до смерти своей, царь Өеодоръ Алексѣевичъ освободилъ старшихъ сыновей Авдотьи Петровны, а младшій, Семенъ, остался при ней. Для надзора за Нарышкиной назначенъ былъ особый приставъ, Данило Чернцовъ.

По указу великаго государя «велѣно ему быть у Өедоровской жены Нарышкина, у вдовы Овдотьи, и у матери еѣ, и у дѣтей, въ приставѣхъ и держать во всякой осторожности, чтобы къ ней, Овдотьѣ, тайно никто не приходилъ и писемъ никакихъ не приносилъ, также бы и они ни съ кѣмъ тайно ничего не говорили и отъ себя писемъ и людей своихъ никуды не посылали. А на караулѣ велѣно съ нимъ, Данилой, быть алатырскимъ стрѣльцамъ десяти человѣкамъ и стоять, перемѣняясь, помѣсячно». Но сосланные не очень-то слушались Черноцова, такъ что онъ былъ вынужденъ жаловаться на ихъ поступки. «Вдова Овдотья, писалъ онъ въ Москву, и мать еѣ, и дѣти, и люди еѣ, чинятся во всемъ не послушны, и его, Данила, она, Овдотья, била и бороду выдрала и жену его бранятъ, и безчестятъ, и безпрестанно бьютъ же».

У приставовъ при опальныхъ людяхъ всегда были несогласія съ находившимися подъ ихъ надзоромъ. Эти несогласія обыкновенно происходили изъ-за корыстныхъ цѣлей. Бѣднымъ приставамъ хотѣлось поживиться на счетъ богатыхъ ссыльныхъ людей, и вотъ отсюда и вытекали разныя дрязги и несогласія.

Нравы того времени были таковы, что выдранная борода пристава не представляла бы ничего особеннаго, но дѣло кончилось тѣмъ, что Нарышкина со всѣмъ семействомъ и людьми изъ мѣста своего заточенія неизвѣстно куда скрылась. Данилу Черноцова за несмотрѣніе выдрали батогами и сослали въ дальнія сибирскія мѣста на государеву службу.

Авдотья Петровна Нарышкина скрылась въ сѣверной части Арзамасскаго уѣзда, въ лѣсу, близъ Пустынскаго озера, въ пяти верстахъ отъ села Пустыни, и для того, чтобы живущіе вблизи раскольники не выдали ея тайнаго мѣста жительства, Нарышкина, какъ предполагаетъ П. И. Мельниковъ, сама назвалась раскольническою старицей Девворой [67]).

До сихъ поръ въ лѣсу, на берегу Пустынскаго озера, указываютъ мѣсто, гдѣ былъ построенъ небольшой, въ два этажа, деревянный домъ этой Девворы. Въ каждомъ этажѣ было, какъ разсказываютъ, по три покоя. Домъ стоялъ на лужайкѣ, внутри густой чащи столѣтнихъ деревьевъ, которыя совершенно закрывали его вѣтвями.

П. И. Мельниковъ посѣщалъ это мѣсто и видѣлъ тамъ сохранившіеся признаки былого жилья: погребныя ямы, заросшія бурьяномъ, нѣсколько грядъ и позднѣйшія ямы кладокопателей.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣсь рылись искатели кладовъ, и хотя сокровищъ не нашли, но отыскали желѣзный таганъ, мѣдную кострюлю, двѣ серебряныя столовыя ложки и старообрядскую просфирную печать.

Мѣсто, гдѣ жила Нарышкина въ Пустынскомъ лѣсу, донынѣ зовется Царицынымъ или Девворинымъ мѣстомъ. Раскольники уважаютъ его, и на лужайкѣ, гдѣ стоялъ домъ, служатъ панихиду по инокинѣ Девворѣ. Они почитаютъ ее праведною.

Преданіе повѣствуетъ слѣдующее.

Во времена гоненій за старую вѣру, одна изъ царскихъ сродницъ, другіе говорятъ—сама царица, не восхотѣла пріять Никоновыхъ новшествъ, и на Москвѣ, при царскомъ дворѣ живучи, претерпѣла многія мученія. Самъ патріархъ и многіе архіереи уговаривали ее покинуть старую вѣру и пріять новую, она ихъ не послушала и до того озлобила царя, что онъ послалъ ее въ заточеніе.

Но изъ заточенія она успѣла бѣжать, постриглась въ инокини и была наречена Девворой. Поселилась матушка Деввора на Пустынскомъ озерѣ со своими людьми, также не восхотѣвшими пріять новаго ученія, и жила она въ своемъ домѣ безвѣстно много времени. Никуда она не выходила изъ дому, и только въ лѣтнюю пору, въ свѣтлыя ночи, приходила со своими домочадцами гулять по берегу озера.

Потомъ какъ-то провѣдали про мѣсто, гдѣ скрывается мать Деввора, и прислано было отъ царя много ратныхъ людей для ея поимки. Такъ всѣхъ ихъ тутъ и забрали, а потомъ, заковавъ въ желѣзо, отвезли въ дальнее заточеніе.

Вообще на бѣдную Наталью Кирилловну было наплетено не мало небылицъ. Такъ, князь Долгоруковъ, извѣстный составитель родословной книги, приводитъ взятый имъ изъ напечатанной, въ 1827 году, въ «Историческомъ, политическомъ и статистическомъ журналѣ» разсказъ:

«Въ 25-ти верстахъ отъ города Михайлова стоитъ селеніе Киркино, коего жители большею частію дворяне (однодворцы); тамъ

сохранился изустный разсказъ, что царица Наталья родилась въ Киркинѣ и что бояринъ Матвѣевъ, проѣзжая случайно черезъ это селеніе, увидѣлъ плачущую дѣвицу и полюбопытствовалъ спросить о причинѣ ея слезъ. Услышавъ, что причиною печали была насильственная смерть ея дѣвки, «самовольно удавившейся», добрый бояринъ взялъ ее къ себѣ на воспитаніе. Въ этомъ селеніи и понынѣ говорятъ: «еслибы не удавилась дѣвка въ Киркинѣ, не быть бы на свѣтѣ Петру».

Село Киркино теперь принадлежитъ С. Н. Худекову; въ немъ построено одноклассное уѣздное училище, названное «Нарышкинскимъ». Въ церковномъ архивѣ села Киркина хранятся рѣдкіе документы, относящіеся до рода Нарышкиныхъ, архивъ этотъ ревниво оберегается отъ археологовъ старымъ священникомъ.

Мѣсто, гдѣ скрывалась бѣглая Авдотья Петровна Нарышкина съ дѣтьми, было черезъ нѣсколько лѣтъ отыскано и арзамасскому воеводѣ предписано было взять ее, посадить въ тюрьму и въ застѣнкѣ произвести розыскъ.

Вскорѣ послѣ застѣнка, судьба ея нѣсколько улучшилась: два старшихъ ея сына были взяты въ Москву и сдѣланы комнатными стольниками царевича Петра, младшій же сынъ остался при матери. При вступленіи Петра Великаго на престолъ, въ первый же день состоялся вызовъ «думнаго дворянина Ѳеодоровой женѣ Полуектовича Нарышкина съ сыномъ (Симеономъ) велѣно быть на Москвѣ не мѣшкавъ».

Послѣ этого Нарышкина опять появляется при дворѣ, чтобы видѣть избіеніе своихъ родичей во время стрѣлецкаго бунта.

Изъ женскаго поколѣнія Нарышкиныхъ, помимо Авдотьи Нарышкиной, извѣстна по своей набожности и принадлежности къ старой вѣрѣ и Ирина Григорьевна Нарышкина, бывшая замужемъ за княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, этимъ послѣднимъ бояриномъ русскимъ, пережившимъ это званіе цѣлымъ полувѣкомъ. Князь былъ женатъ дважды. Нарышкина была его вторая жена; отъ нея онъ имѣлъ одну дочь, княжну Анастасію (родилась въ 1700 г., умерла 1755 г.), выданную сначала на 12-мъ году возраста за молдаванскаго господаря и русскаго сенатора, князя Дмитрія Константиновича Кантемира, потомъ по смерти его вышедшую за русскаго генералъ-фельдмаршала князя Людвига-Вильгельма Гессенъ-Гомбургскаго. Кромѣ дочери, князь имѣлъ, какъ мы выше уже говорили, еще побочнаго сына, прижитаго имъ въ Стокгольмѣ, извѣстнаго впослѣдствіи И. И. Бецкаго.

Въ исторіи рода Нарышкиныхъ извѣстна также была Настасья Александровна Нарышкина, сынъ которой, Александръ Ивановичъ,

былъ вельможа временъ Екатерины II; сынъ послѣдняго, Иванъ Александровичъ, былъ женатъ на Екатеринѣ Алек. Строгановой, сестрѣ барона, впослѣдствіи графа Гр. Ал. Строганова. Сынъ Ив. Алек. Нарышкина, какъ мы выше говорили, былъ убитъ Толстымъ, Американцемъ, на дуэли. Нарышкинъ жилъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ, почти напротивъ дома бывшаго Всеволожскаго, остававшагося столько десятковъ лѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уцѣлѣлъ отъ пожара 1812 года.

Настасья Александровна Нарышкина извѣстна дружбою царицы Прасковьи Өеодоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича. По преданію, это была самая ярая противница всѣхъ преобразованій Петра Великаго и руководительницей царицы Прасковьи во всѣхъ ея благотвореніяхъ.

Въ родѣ этой Нарышкиной сохранялась, какъ святая реликвія, борода извѣстнаго юродиваго императрицы Анны Іоанновны Тимофея Архипыча; съ этой бородой было связано, по суевѣрному преданію, благосостояніе всей семьи Нарышкиныхъ и съ утратой ея долженъ прекратиться и родъ Нарышкиныхъ.

Дѣйствительно, во время переѣзда въ новый домъ борода исчезла и въ годъ исчезновенія ея было получено извѣстіе, что у главы семьи Нарышкиныхъ, проживавшаго тогда заграницею, у единственнаго его сына Александра появились первые признаки того тяжкаго недуга, который свелъ его впослѣдствіи преждевременно въ могилу; послѣ смерти его эта вѣтвь Нарышкиныхъ дѣйствительно пресѣклась.

Родовымъ имѣніемъ царственной вѣтви Нарышкиныхъ были подмосковныя села Кунцово, Фили и Покровское, пожалованныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ своему тестю Нарышкину. Описывать Кунцово съ его столѣтними аллеями, бесѣдками и т. д. мы здѣсь не будемъ, отъ этого былого барскаго гнѣзда сохранилось теперь весьма немного, но скажемъ нѣсколько словъ о существующемъ тамъ «Чортовомъ мостѣ».

Къ числу преданій о немъ относится слѣдующее: лѣтъ тридцать назадъ, въ одну изъ чудныхъ лѣтнихъ ночей, сюда пріѣхала попировать компанія—представители лучшихъ интеллигентныхъ людей того времени въ Москвѣ—здѣсь были профессора, литераторы и актеры.

Бесѣда на открытомъ воздухѣ шумно и весело прошла до утра, и когда первые лучи солнца озолотили верхушки деревъ, пирующіе дали клятву по смерть въ этотъ день собираться въ Кунцово.

Каждый годъ сюда пріѣзжали гости, и каждый годъ число ихъ рѣдѣло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сюда пріѣзжали только

Московская улица въ концѣ прошлаго столѣтія.
Съ гравюры того времени Дюрфельда.

двое—это были извѣстный въ свое время докторъ и ученый П. Л. Пикулинъ и не менѣе извѣстный переводчикъ Шекспира Н. Х. Кетчеръ, теперь и эти оба покойники.

Въ Покровскомъ, въ церкви, сохранилось много историческихъ вещей, внесенныхъ въ даръ родичами Нарышкиныхъ. Изъ такихъ даровъ въ ризницѣ хранятся: евангеліе, напечатанное въ Москвѣ, въ 1689 году, аксамитныя ризы и полотенце, вышитое золотомъ и шелками, работы самой царицы Натальи Кирилловны.

Предъ запрестольными образами висятъ шесть большихъ серебряныхъ вызолоченыхъ лампадъ, съ надписью: «лѣта 7202 (1694) сія лампада построена въ новопостроенную каменную церковь Нерукотвореннаго Спасова Образа, что въ селѣ Покровскомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина».

Эта церковная утварь была спасена въ 1812 году отъ непріятеля купцомъ Шуховымъ. Въ числѣ мѣстныхъ образовъ замѣчательны: св. Іоанна Предтечи и св. Алексія человѣка Божія, апостоловъ Петра и Павла — письма Карпа Золотарева, зоографа XVII вѣка, и св. мучениковъ Адріана и Наталіи.

По словамъ А. А. Мартынова, въ этихъ иконахъ представляется семейство царя Алексѣя Михайловича со второю супругою его Наталіею Кирилловною Нарышкиной, съ сыновьями ея Іоанномъ и Петромъ. На образѣ апостоловъ виднѣется слѣдующая знаменательная надпись: «Образъ камене, его же Христосъ нарече: Петре! ты еси Каменю вѣры, на немъ же созиждю церковь мою и врата адова не одолѣютъ ю»; на хартіи у апостола Петра, изображеннаго съ крестомъ на рамѣ и съ двумя ключами въ рукѣ, начертано изъ его посланій: «Отложите убо всяку лесть и лицемѣріе и зависть и всѣ клеветы, яко новорожденніи младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, да въ немъ возрастете во спасеніе».

Другіе образа также напоминаютъ фамилію Нарышкиныхъ. Всѣ церкви въ подмосковныхъ селахъ, принадлежащихъ Нарышкинымъ, сходствуютъ по стилю—онѣ итальянской архитектуры, во вкусѣ Возрожденія (renaissance).

Этотъ вкусъ, надо полагать, былъ самый модный въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка. Зодчій этихъ церквей неизвѣстенъ, но по всѣмъ признакамъ несомнѣнно, что онъ былъ чужеземецъ.

Въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ (Лыково тожъ), принадлежавшемъ нѣкогда родному брату матери Петра I, Ивану Кирилловичу Нарышкину, существуетъ храмъ, который также увѣковѣчиваетъ въ образахъ святыхъ имена Нарышкиныхъ.

Здѣсь тотъ же соборъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, мученицы Наталіи, Льва Катанскаго, Мартиніана, Анны пророчицы, Евдокіи, Параскевы и проч. Въ этомъ храмѣ, на антиминсѣ, обозначёно имя императора Петра I и сына его царевича Алексѣя Петровича; освящена церковь въ 1708 году Каллистомъ, архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ.

Съ церквами въ селахъ Троицкомъ и Покровскомъ на Филяхъ сходствуетъ также церковь при домѣ графа Шереметева на Воздвиженкѣ, принадлежавшая нѣкогда тоже одному изъ Нарышкиныхъ.

Въ сооруженіяхъ церквей при своихъ домахъ и вотчинахъ въ XVII вѣкѣ соревновали одинъ передъ другимъ всѣ знатные московскіе бояре. Такіе храмы строились отдѣльно на дворахъ, съ главами и со звономъ. Въ нихъ хранились и читались за литургіею фамильные синодики, которые служили родословною лѣтописью, сближавшею потомковъ съ предками. Примѣру предковъ и своихъ современниковъ подражали и Нарышкины.

Такая церковь Нарышкиныхъ, по словамъ Ив. Снегирева, стояла у ихъ каменныхъ палатъ, на берегу Неглинной, въ Бѣломъ городѣ, тамъ, гдѣ теперь домъ Горнаго правленія. Церковь была съ двумя престолами: во имя св. мученицы Ирины и во имя св. Параскевіи Пятницы.

Въ этомъ храмѣ были придѣлы во имя Знаменья и святителя Николая. Церковь эта впослѣдствіи принадлежала племяннику Натальи Кирилловны, Александру Львовичу. Существуетъ преданіе, что какъ домъ, такъ и церковь эту выстроилъ Нарышкинымъ царь Алексѣй Михайловичъ по близости своего дворца, соединившись съ Нарышкиными узами родства.

Во время нашествія французовъ, въ 1812 году, вся церковная утварь и образа были отданы на сбереженіе извѣстному купцу-антикварію Шухову, о которомъ упоминалось выше. Всѣ эти церковныя драгоцѣнности были сохранены имъ въ цѣлости отъ непріятеля и впослѣдствіи отданы Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ въ церковь Знаменія Пресвятой Богородицы: 1) большой мѣстный образъ св. мученицы Ирины, стариннаго письма, въ серебряномъ окладѣ, украшенномъ каменьями и жемчугомъ; 2) большой мѣстный образъ Казанской Божіей Матери, превосходнаго письма, въ серебряной ризѣ; 3) образъ Знаменія Пресвятой Богородицы. Эта икона находилась въ воротахъ дома и теперь обращена въ запрестольную. Мѣсто, занимаемое иконою, видно въ воротахъ, существующихъ въ первобытномъ видѣ. Всѣ проходившіе мимо воротъ

*

имѣли обыкновеніе снимать шапку передъ образомъ; 4) большое запрестольное Евангеліе, въ большомъ, богатомъ, серебряномъ вызолоченомъ окладѣ, съ финифтяными украшеніями.

Эта церковь за ветхостью была сломана въ 1842 году. Службы въ ней не было съ 1812 года. Трехъ-этажныя каменныя палаты Нарышкиныхъ цѣлы по сейчасъ. Отецъ Натальи Кирилловны, бояринъ Кириллъ, ранѣе жилъ въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается Арбатская часть.

Преданія о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ еще живы въ Рязанскомъ уѣздѣ, въ селеніи Алешни. Тамъ разсказываютъ, какъ бѣдная, молодая и прекрасная боярышня Наталья проживала у богатаго своего родича Нарышкина. М. Н. Макаровъ, извѣстный знатокъ русской старины, умершій въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, слышалъ отъ старика, помѣщика села Желчина, А. П. Гагина, гдѣ была приходская церковь Алешни, какъ встарину, еще при его дѣдахъ, боярышнѣ Натальѣ Кирилловнѣ богатый ея родственникъ и его сосѣдъ Нарышкинъ поручалъ ключи хозяйскіе и присмотръ за домомъ; какъ бывало она въ черевичкахъ, на босую ногу, ходила на погребицу, выдавала еще на восходѣ солнца припасы домашніе, наглядывала за «подпольемъ», гдѣ хранились вина и наливки. Богатый родственникъ называлъ ее просто «племянинкою Кирилловною».

Тотъ же Гагинъ передавалъ Макарову, что Наталья Кирилловна съ самаго дѣтства чуждалась всѣхъ сельскихъ игрищъ, и молодые сосѣди, дворяне Коробьины, Худековы, Марковы, Ляпуновы, Остросаблины, Казначеевы, никогда ее въ свои хороводы не залучали. Зато храмъ Господень часто видѣлъ Наталью, и многія молитвы она читала наизусть не хуже священника, отчего подруги ея, боярышни, и называли ее желчинскою черничкою. Макаровъ, въ 1821 году, видѣлъ въ селѣ Желчинѣ мѣсто въ церкви, гдѣ молилась будущая мать Петра Великаго.

При дворѣ императора Петра Великаго Нарышкины, какъ мы выше говорили, имѣли значеніе принцевъ крови. Такъ, при погребеніи Петра, двѣ Нарышкины, Марія и Анна Львовны, шли въ глубокомъ траурѣ за гробомъ императора передъ герцогомъ Голштинскимъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ (Петромъ III), у нихъ были ассистенты и пажи несли ихъ шлейфы.

Въ павловское время, въ Москвѣ, въ приходѣ Николы въ Хамовникахъ, въ Соболевскомъ переулкѣ, жилъ очень открыто и давалъ праздники сенаторъ Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ. Этотъ вельможа принадлежалъ къ младшей линіи Нарышкиныхъ; отецъ

его, коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Нарышкинъ, былъ во времена Екатерины II начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ; не смотря на то, что онъ былъ крестникомъ императрицы и имѣлъ знатную родню, въ 1777 году Екатерина лишила его не только должности, но и чиновъ.

Князь Н. Б. Юсуповъ.

Съ гравированнаго портрета Валькера.

Про самодурство этого Нарышкина существуютъ почти баснословные разсказы; въ бытность свою начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ, онъ чудилъ немилосердно, кидалъ деньги горстями въ народъ и устраивалъ сказочныя празднества.

Въ то время, въ Нерчинскѣ, имѣлъ серебро-плавильный заводъ одинъ изъ замѣчательныхъ сибирскихъ богачей Михаилъ Си-

биряковъ. Разорившись на празднества, Нарышкинъ сталъ немилосердно эксплоатировать Сибирякова; послѣдній сперва поддавался Нарышкину, но, наконецъ, рѣшился разъ отказать ему, когда онъ потребовалъ отъ него пять тысячъ рублей въ долгъ безъ отдачи. Разсерженный Нарышкинъ собралъ бывшую въ его распоряженіи артиллерію и окружилъ солдатами домъ богача Сибирякова, угрожая, что онъ начнетъ стрѣлять изъ пушекъ, если Сибиряковъ не дастъ ему требуемыхъ имъ пяти тысячъ. Сибиряковъ, осажденный въ своемъ домѣ пѣхотою и угрожаемый артиллеріею Нарышкина, вышелъ на крыльцо и съ низкимъ поклономъ представилъ своему побѣдителю на серебряномъ блюдѣ требуемую отъ него сумму. Воинственный Нарышкинъ заключилъ съ нимъ миръ и, распустивъ свою команду, вошелъ въ домъ Сибирякова и пировалъ съ обобраннымъ хозяиномъ шумно и весело до поздней ночи.

Сынъ этого Нарышкина жилъ въ Москвѣ необыкновенно пышно; онъ выѣзжалъ со двора въ богато вызолоченой каретѣ, на шести лошадяхъ; передъ каретою шли скороходы въ золотыхъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, не смотря ни на какую грязь; за стеклами его кареты стояли гусары въ богатыхъ голубыхъ венгеркахъ съ серебряными бляхами; пуговицы на кафтанѣ Нарышкина, какъ и пряжки на башмакахъ, всѣ были изъ брилліантовъ.

Какъ мы выше уже сказали, гдѣ стоитъ теперь Арбатская часть, тамъ жилъ отецъ Натальи Кирилловны и былъ впослѣдствіи подгородный домъ царицы Натальи; по всѣмъ даннымъ, вблизи этихъ Арбатскихъ мѣстъ стояли почти всѣ усадьбы родныхъ или близкихъ людей царицы Натальи, а по ней и сына ея Петра Великаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, церковь св. Ѳеодора Студійскаго, чтò у Никитскихъ воротъ или попрежнему у Смоленскихъ воротъ, основанная въ 1626 году патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ на своей землѣ во имя Смоленскія Божія Матери.

Вторымъ свидѣтельствомъ можно принять то, что императоръ Петръ, сочетавшись бракомъ съ императрицею Екатериною I, помѣстилъ по близости на своихъ Романовскихъ или Нарышкинскихъ мѣстахъ всѣхъ ея родственниковъ. Такимъ образомъ, тутъ отведены были дворы и выстроены покои для Ефимовскихъ или Скавронскихъ; послѣдніе даже и погребались у церкви Большого Вознесенія, называемой «Старымъ».

Такъ, у старой теплой церкви, сломанной въ концѣ тридцатыхъ годовъ, между многими надгробными камнями, лежала четверо-

угольная каменная плита, очень богато отдѣланная, на которой видна была слѣдующая надпись: «1729 года, апреля 14, преставися раба Божія благовѣрные великіе государыни императрицы Екатерины Алексѣевны сестра ея родная Крестина Самойлова дочь Скавронскихъ, а тезоименитство ея іюля 24 дня; а житія ея было 42 года, а прежде ея того же года, декабря 25 представися супругъ ея Симонъ Леонтьевъ, сынъ Гендриковъ, поживе 56 лѣтъ; да 1731 года, февраля въ 6-й день, представися дщерь ихъ Агафья Симонова дочь, жена Григорья Петрова Соловова, поживе 16 лѣтъ и погребена противъ сей таблицы на семъ месте». Надпись эта въ свое время была густо позолочена. Кругомъ надписи орнаменты въ видѣ лавровъ съ княжескою короною; два парящіе ангела держатъ ее.

Подлѣ этой намогильной плиты виднѣлась еще другая, значительно, впрочемъ, попорченая; изъ надписи прочесть можно было только слѣдующее: «Во вѣчное житіе прейде отъ сего свѣта ноября въ 4-й день... Екатерины Алексѣевны, сіятельнѣйшій графъ Ѳеодоръ Самойловичъ Скавронскій». Эти могилы возбудили въ свое время много толковъ въ Москвѣ. Покойный М. П. Погодинъ тщательно изслѣдовалъ ихъ и нашелъ на одномъ изъ камней гербъ Скавронскихъ съ одноглавымъ орломъ; а на другомъ камнѣ, на могилѣ дочери, «особливую фигуру».

Знатокъ московской старины, Макаровъ, въ то время въ «Молвѣ» помѣстилъ замѣтку, въ которой, между прочимъ, сообщалъ, что ему, какъ прихожанину церкви Стараго Вознесенія, давно было извѣстно о родовомъ при оной кладбищѣ Скавронскихъ и что Большая Никитская слобода, гдѣ сооружена эта церковь, называлась Царицыною улицею и всегда принадлежала къ удѣльнымъ доходамъ царицъ. Рядомъ съ церковью Вознесенья былъ домъ секретаря святителя Димитрія Ростовскаго Ксенофонта Ѳеоктистова. Ѳеоктистовъ былъ похороненъ тоже у Вознесенья. Камень съ могилы его снятъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Домъ Ѳеоктистова былъ цѣлъ въ царствованіе Екатерины II. Потомки Ѳеоктистова здравствуютъ по сейчасъ; нѣкогда родичи послѣдняго жили въ Рязанскомъ уѣздѣ.

Наконецъ, въ дополненіе сказаннаго о возможной и точной принадлежности арбатскаго частнаго дома царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, прибавимъ еще, что юный Петръ, не удаляясь отъ родного ему мѣста, учредилъ тутъ же свой полковой Преображенскій дворъ; онъ стоялъ въ Гранатномъ переулкѣ (4-го квартала за № 334)[68]). Сюда, въ свой полковой дворъ, изъ Преображенскаго

Села ко двору матери своей приводилъ Петръ своихъ воиновъ, готовыхъ, вышколенныхъ Лефортомъ или Гордономъ. Царь дивилъ этими воинами и друзей, и старыхъ бояръ русскихъ, не одобрявшихъ забавы юнаго монарха. Въ Павловское время, по словамъ старожиловъ, у воротъ этого двора, гдѣ было положено начало нашей гвардіи, стояла будка, а въ будкѣ часовой инвалидъ-гвардеецъ, полусолдатъ. Бывало, онъ сиживалъ тутъ, скорняжничая, а иногда починивая какую нибудь обувь. Такъ тутъ шла его послѣдняя служба до смѣны на вѣчный караулъ—въ небеса!

Недалеко отъ этихъ мѣстъ стояли дома птенцовъ Петровыхъ—здѣсь были палаты воина-вельможи Бутурлина, сенатора Писарева, математика Брюса и царедворца Толстого.

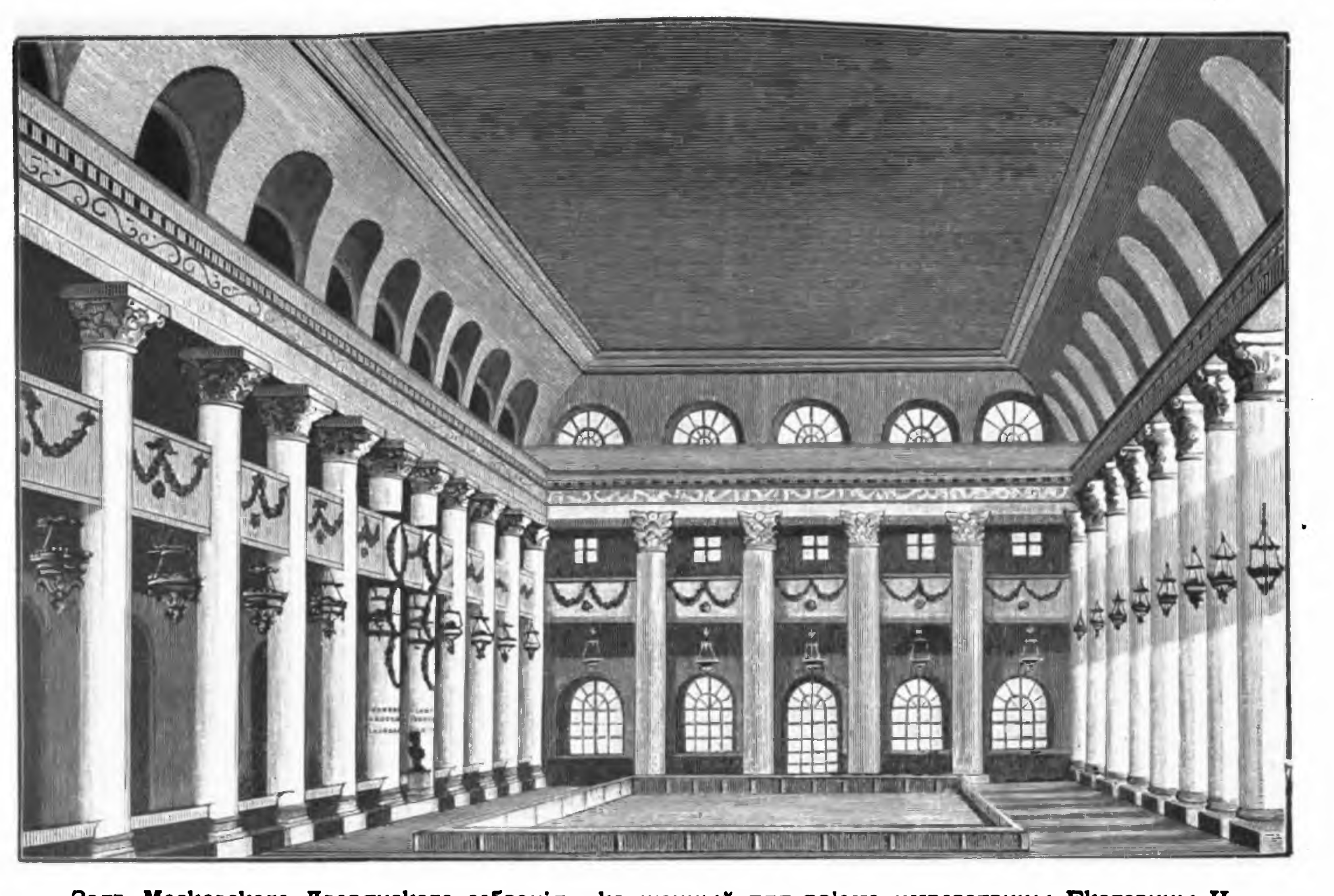
Нарышкины своимъ богатствомъ обязаны браку Натальи Кирилловны съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Первымъ богачемъ этой фамиліи былъ отецъ царицы, бояринъ Кириллъ Полуектовичъ (1623—1691). Онъ владѣлъ въ пяти пожалованныхъ ему вотчинахъ до 88,000 крестьянъ.

Два его сына, убитые мятежными стрѣльцами, не оставили послѣ себя дѣтей, двое младшихъ дѣтей, также умерли бездѣтными, слѣдовательно все его богатство перешло оставшемуся въ живыхъ единственному его сыну Льву Кирилловичу, за вычетомъ незначительной части его племянницѣ Натальѣ Мартиміановнѣ, вышедшей замужъ за князя В. П. Голицына. По смерти Льва Кирилловича, имѣніе его перешло къ двумъ его сыновьямъ — Александру и Ивану, у послѣдняго была одна дочь, вышедшая замужъ, какъ мы выше говорили, за Разумовскаго.

Отъ нея въ родъ послѣдняго и перешло 44,000 душъ крестьянъ, т. е. половина всѣхъ недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ Кириллу Полуектовичу, въ числѣ которыхъ были большія пензенскія вотчины.

Другая половина стариннаго нарышкинскаго имѣнія, какъ говоритъ Карновичъ, раздѣлилась между двумя сыновьями Александра Львовича: оберъ-шенкомъ Алекс. Александровичемъ и извѣстнымъ во времена Екатерины II оберъ-шталмейстеромъ Львомъ Александровичемъ.

Послѣдній изъ нихъ значительно увеличилъ свое родовое состояніе женитьбой на Закревской — племянницѣ гр. Разумовской. По богатству своему онъ считался наравнѣ съ графомъ А. С. Строгановымъ и о немъ, какъ и о Строгановѣ, говорила Екатерина II, что онъ дѣлаетъ все, чтобъ разориться, но никакъ не можетъ достигнуть этого.



Залъ Московскаго Дворянскаго собранія, украшенный для пріема императрицы Екатерины II.

Съ рисунка съ натуры Тишбейна (Подлинникъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Жена брата этого Нарышкина хотѣла передать свое большое состояніе графамъ Румянцевымъ, но Нарышкины выиграли процессъ и богатство перешло къ сыновьямъ Льва Александровича — Александру и Дмитрію. Изъ нихъ послѣдній былъ женатъ, какъ мы выше говорили, на Маріи Антоновнѣ Четвертинской; послѣднему императоръ Александръ I пожаловалъ обширныя земли въ Тамбовской губерніи. Сынъ его оберъ-гофмаршалъ Эмануилъ Дмитріевичъ, родившійся въ 1815 году, извѣстный своею благотворительностью, считается старѣйшимъ представителемъ царской линіи Нарышкиныхъ.

ГЛАВА XIII.

Князь Ник. Бор. Юсуповъ.—Богатства рода Юсуповыхъ.—Князь Григорій Юсуповъ.—Село Архангельское.—Князь Голицынъ, вельможа екатерининскихъ временъ.—Театръ.— Богатство оранжерей. — Разсчетливость князей Юсуповыхъ.— Директорство. — Земельное богатство Юсупова. — Анекдоты изъ жизни Юсупова.—Т. В. Юсупова. — Князь Б. Н. Юсуповъ.—Родовой домъ князей Юсуповыхъ въ Москвѣ.—Трудовая жизнь князя Б. Н. Ю упова.—Графиня де-Шево.

ОДНИМЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ вельможъ блестящаго вѣка Екатерины II былъ также въ Москвѣ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Князь жилъ въ древнемъ своемъ боярскомъ домѣ, подаренномъ за службу прапрадѣду его, князю Григорію Дмитріевичу, императоромъ Петромъ II.

Домъ этотъ стоитъ въ Харитоньевскомъ переулкѣ и замѣчателенъ какъ старый памятникъ зодчества XVII вѣка. Здѣсь дѣдъ его угощалъ вѣнценосную дщерь Петра Великаго императрицу Елисавету во время ея пріѣзда въ Москву.

Богатства Юсуповыхъ издавна славятся своею колоссальностью. Начало этого богатства идетъ со временъ императрицы Анны Іоанновны, хотя и до этого времени Юсуповы были очень богаты. Родоначальникъ ихъ, Юсуфъ, былъ владѣтельный султанъ Ногайской орды. Сыновья его прибыли въ Москву въ 1563 году и были пожалованы царемъ богатыми селами и деревнями въ Романовскомъ округѣ (Романовско-Борисоглѣбскій уѣздъ, Ярославской губерніи). Поселенные тамъ казаки и татары были

подчинены имъ. Впослѣдствіи одному изъ сыновей Юсуфа были даны еще нѣкоторыя дворцовыя села. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ также неоднократно жаловалъ Иль-Мурзу землями. Лже-Дмитрій и Тушинскій воръ пожаловали Романовскимъ посадомъ (уѣздный городъ Романовъ, Ярославской губерніи) его сына Сеюша.

При вступленіи на престолъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ оставилъ всѣ эти земли за нимъ. Потомки Юсуфа были магометанами еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При этомъ государѣ первый принялъ христіанство правнукъ Юсуфа, Абдулъ-Мурза; онъ при крещеніи получилъ имя Дмитрія Сеюшевича Юсупово-Княжево.

Новокрещенный князь скоро подпалъ царской опалѣ по слѣдующему случаю: онъ вздумалъ у себя на обѣдѣ поподчивать гусемъ патріарха Іоакима; день оказался постный, и князя за это нарушеніе уставовъ церкви отъ имени царя наказали батогами и отняли у него все имѣніе; но вскорѣ царь простилъ виновнаго и возвратилъ отобранное.

По поводу этого случая существуетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды правнукъ Дмитрія Сеюшевича былъ дежурнымъ камеръ-юнкеромъ во время обѣда у Екатерины Великой. На столъ былъ поданъ гусь.

— Умѣете ли вы, князь, разрѣзать гуся? спросила Екатерина Юсупова.

— О, гусь долженъ быть очень памятенъ моей фамиліи! отвѣчалъ князь:—мой предокъ съѣлъ одного въ Великую пятницу и зато былъ лишенъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, пожалованныхъ ему при въѣздѣ въ Россію.

— Я отняла бы у него все имѣніе, потому что оно дано ему съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не ѣлъ скоромнаго въ постные дни, замѣтила шутливо по поводу этого разсказа императрица.

У князя Дмитрія Юсупова было три сына, и по смерти его все богатство было раздѣлено на три части. Собственно богатству Юсуповыхъ положилъ начало одинъ изъ сыновей послѣдняго, князь Григорій Дмитріевичъ. Потомки другихъ двухъ сыновей не богатѣли, а дробились и приходили въ упадокъ.

Князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ былъ однимъ изъ боевыхъ генераловъ временъ Петра Великаго — его умъ, неустрашимость и отвага доставили ему расположеніе императора.

Въ 1717 году князь былъ назначенъ, въ числѣ другихъ лицъ, изслѣдовать злоупотребленія князя Кольцова-Масальскаго по соляному сбору въ Бахмутѣ. Въ 1719 году онъ былъ генералъ-маіоромъ, а въ 1722 году сенаторомъ. Екатерина I произвела его въ гене-

ралъ-поручики, а Петръ II назначилъ его подполковникомъ преображенскаго полка и первымъ членомъ военной коллегіи. Ему же былъ порученъ розыскъ надъ Соловьевымъ, переводившимъ въ заграничные банки милліоны, принадлежавшіе кн. Меншикову.

Онъ же производилъ слѣдствіе о казенныхъ вещахъ, утаенныхъ оберъ-камергеромъ княземъ Ив. Долгорукимъ. Вдобавокъ къ этому, какъ говоритъ Карновичъ, онъ занимался чрезвычайно прибыльною въ то время провіантскою и интендантскою частью, а также строилъ суда. Петра II подарилъ ему въ Москвѣ обширный домъ въ приходѣ Трехъ Святителей, а въ 1729 году пожаловалъ ему въ вѣчное потомственное владѣніе многія изъ отчисленныхъ въ казну деревень князя Меншикова, а также отписанное у князя Прозоровскаго имѣніе съ подгородною слободою.

Испанскій посолъ Дюкъ де-Лиріа такъ характеризуетъ князя Юсупова: «Князь Юсуповъ татарскаго происхожденія (братъ его еще и понынѣ магометанинъ), человѣкъ вполнѣ благовоспитанный, очень хорошо служившій, достаточно знакомый съ военнымъ дѣломъ, онъ былъ весь покрытъ ранами; князь любилъ иностранцевъ и былъ очень привязанъ къ Петру II, однимъ словомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всегда идутъ прямою дорогою». Одна страсть омрачала его—страсть къ вину.

Онъ умеръ 2-го сентября 1730 года, на 56 году отъ рожденія, въ Москвѣ, въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ [69]) (въ Китаѣ-Городѣ), въ нижней церкви Казанской Богородицы. Надгробная его надпись начинается такъ: «Внуши, кто преходитъ, семо, много научитъ тебя камень сей. Погребенъ здѣ генералъ-аншефъ и пр., и пр.». Юсуповъ оставилъ трехъ сыновей, изъ числа которыхъ двое вскорѣ умерли, и единственный оставшійся сынъ Борисъ Григорьевичъ получилъ все его громадное богатство. Князь Борисъ былъ воспитанъ, по повелѣнію Петра Великаго, во Франціи. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Бирона.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Юсуповъ былъ президентомъ комерцъ-коллегіи, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и девять лѣтъ управлялъ кадетскимъ сухопутнымъ Шляхетнымъ корпусомъ.

Во время управленія этимъ корпусомъ, онъ первый въ столицѣ завелъ, для собственнаго удовольствія и для развлеченія немногихъ сановниковъ, задержанныхъ противъ воли дѣлами службы на берегахъ Невы, театральныя представленія. Дворъ въ то время пребывалъ въ Москвѣ; актеры-кадеты разыгрывали въ корпусѣ

лучшія трагедіи, какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія въ переводахъ.

Репертуаръ французскихъ состоялъ по преимуществу изъ пьесъ Вольтера, представляемыхъ въ искаженномъ видѣ [70]). Когда дворъ возвратился изъ Москвы, государыня пожелала видѣть представленіе и въ 1750 году, по инициативѣ Юсупова, состоялось первое публичное представленіе русской трагедіи сочиненія Сумарокова «Хоревъ» и въ томъ же году, 29 сентября, императрица изустнымъ своимъ указомъ повелѣла Третьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи. Ломоносовъ черезъ мѣсяцъ составилъ трагедію «Тамиру и Селимъ». Что же касается Третьяковскаго, то онъ тоже черезъ два мѣсяца доставилъ трагедію «Деидамію», «катастрофъ» которой «было веденіе царицы на жертву богинѣ Діанѣ». Трагедія, однако, не удостоилась даже печатанія при академіи.

Но возвращаемся опять къ Борису Юсупову. Императрица Елисавета, довольная управленіемъ его Шляхетнымъ корпусомъ, пожаловала ему въ вѣчное потомственное владѣніе въ Полтавской губерніи, въ селѣ Ряшкахъ, казенную суконную фабрику со всѣми станами, инструментами и мастеровыми и съ приписнымъ къ ней селомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ выписалъ въ это имѣніе голландскихъ овецъ и привелъ фабрику въ лучшее устройство.

Князь обязался ежегодно въ казну поставлять сперва 17,000 аршинъ сукна всякихъ цвѣтовъ, а потомъ ставилъ 20 и 30 тысячъ аршинъ.

Сынъ этого князя, Николай Борисовичъ, какъ мы уже выше сказали, былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ вельможъ, когда либо жившихъ въ Москвѣ. При немъ его подмосковное имѣніе село Архангельское обогатилось всевозможными художественными вещами.

Имъ былъ разбитъ тамъ большой садъ съ фонтанами и огромными оранжереями, вмѣщавшими болѣе двухъ тысячъ померанцовыхъ деревъ.

Одно изъ такихъ деревъ было имъ куплено у Разумовскаго за 3,000 рублей; подобнаго ему не было въ Россіи и только два такихъ, находившихся въ версальской оранжереѣ, были ему подъпару. По преданію, этому дереву было уже тогда 400 лѣтъ.

Село Архангельское, Уполозы тожъ, расположено на высокомъ берегу рѣки Москвы. Архангельское было родовой вотчиной князя Дмитрія Михайловича Голицына, одного изъ образованныхъ людей Петровскаго времени.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ князь былъ сосланъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ. Во время опалы князь жилъ въ

этомъ имѣніи; здѣсь у него, по словамъ И. Е. Забѣлина, была собрана изящная библіотека и музей, которые своимъ богатствомъ уступали въ то время только библіотекѣ и музею графа Брюса. Большая часть рукописей изъ Архангельскаго перешла потомъ въ собраніе графа Толстого и теперь принадлежитъ Императорской публичной библіотекѣ; но лучшія были расхищены при описи имѣнія—ими попользовался, какъ говоритъ Татищевъ, даже герцогъ курляндскій Биронъ.

Во времена Голицыныхъ Архангельское напоминало старинное деревенское житье бояръ по незатѣйливости и простотѣ. Дворъ князя состоялъ изъ трехъ небольшихъ свѣтлицъ, собственно восьми-аршинныхъ избъ, соединенныхъ сѣнями. Внутреннее убранство ихъ было просто. Въ переднихъ углахъ иконы, у стѣны лавки, печки изъ желтыхъ изразцовъ; въ одной свѣтлицѣ было два окна, въ другой четыре, въ третьей пять; въ окнахъ стекла были еще по старинному въ свинцовыхъ переплетахъ или рамахъ; столы дубовые, четыре кожаныхъ стула, еловая кровать съ периною и подушкою, въ пестрядиныхъ и выбойчатыхъ наволокахъ и т. п.

При свѣтлицахъ была баня, а на дворѣ, огороженномъ рѣшетчатымъ заборомъ, разныя службы — поварня, погребъ, ледники, амбары и пр. Невдалекѣ отъ дома стояла каменная церковь во имя Архангела Михаила, основанная отцомъ князя, бояриномъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ. Но что не соотвѣтствовало незатѣйливому простому боярскому быту тогда здѣсь, — это двѣ оранжереи, весьма необыкновенныя по тому времени; здѣсь зимовали заморскія деревья: лаврусъ, нуксъ малабарика, миртусъ, купресусъ и другія.

Противъ оранжерей былъ расположенъ садъ, длиною 61 саж., шириною 52 саж., въ немъ были посажены: самбукусъ, каштаны, шелковицы, серенгіи (2 шт.), грецкихъ орѣховъ 14, божія деревья, маленькая лилія и т. п.; на грядахъ росли: гвоздика, катезеръ, лихнисъ халцедоника, касатики (iris) синіе и желтые, калуферъ, исопъ и пр.

Противъ хоромъ былъ заведенъ садъ, въ длину на 190 саж., въ ширину на 150 саж., съ прешпективными дорогами, по которымъ были посажены клены и липы штамбовыя. Послѣдній изъ Голицыныхъ, который владѣлъ Архангельскимъ, былъ Николай Александровичъ, женатый на М. А. Олсуфьевой. Эта Голицына и продала Архангельское за 100,000 рублей князю Юсупову.

По покупкѣ имѣнія, князь вырубилъ много лѣсу и принялся за капитальную стройку усадьбы. Домъ былъ выведенъ въ прекрасномъ итальянскомъ вкусѣ, соединенъ колоннадами, съ двумя па-

вильонами, въ которыхъ, какъ и въ семнадцати комнатахъ дома, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было расположено 236 картинъ, состоявшихъ изъ оригиналовъ: Веласкеза, Рафаэля Менгса, Перуджини, Давида, Риччи, Гвидо-Рени, Тіеполо и другихъ. Особенное вниманіе изъ этихъ картинъ заслуживала картина Дойяна—«Тріумфъ Метелла»; изъ мраморовъ Архангельскаго замѣчательна группа Кановы «Амуръ и Психея» и рѣзца Козловскаго прекрасная статуя «Купидонъ», къ несчастію поврежденная при перевозкѣ въ 1812 г. Картинную галерею Юсуповъ собиралъ тридцать лѣтъ.

Но лучшая красота Архангельскаго это домашній театръ, построенный по рисунку знаменитаго Гонзаго для 400 зрителей; двѣнадцать перемѣнъ декорацій этого театра были писаны кистью того же Гонзаго. У Юсупова былъ еще другой театръ въ Москвѣ, на Большой Никитской улицѣ, который прежде принадлежалъ Позднякову и на которомъ давались французскія представленія во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, въ 1812 году.

Библіотека Юсупова состояла болѣе чѣмъ изъ 30,000 томовъ, въ числѣ которыхъ были рѣдчайшіе эльзевиры и Библія, отпечатанная въ 1462 году. Въ саду былъ еще домъ, называемый «Капризъ». Разсказывали по поводу постройки этого дома, что, когда еще Архангельское принадлежало Голицынымъ, мужъ и жена поссорились, княгиня но захотѣла жить въ одномъ домѣ съ мужемъ и велѣла выстроить для себя особый домъ, который и назвала «Капризомъ». Особенность этого дома была та, что онъ стоялъ на небольшой возвышенности, но для входа въ него нѣтъ крылецъ со ступенями, а только отлогая дорожка, идущая покатостью къ самому порогу дверей.

Князь Юсуповъ очень любилъ старыя бронзы, мраморы и всякія дорогія вещи; онъ въ свое время собиралъ ихъ такое количество, что другого такого богатаго собранія рѣдкихъ античныхъ вещей трудно было найти въ Россіи, — по его милости разбогатѣли въ Москвѣ мѣнялы и старьевщики: Шуховъ, Лухмановъ и Волковъ. Князь Николай Борисовичъ, по своему времени, получилъ блестящее образованіе—онъ въ царствованіе Екатерины былъ посланникомъ въ Туринѣ. Въ университетѣ этого города князь получилъ свое образованіе и былъ товарищемъ Альфіери.

Императоръ Павелъ, при своемъ коронованіи, пожаловалъ ему звѣзду Андрея Первозваннаго. При Александрѣ I онъ былъ долго министромъ удѣловъ, при императорѣ Николаѣ — начальникомъ кремлевской экспедиціи и подъ его вѣдѣніемъ перестраивался Малый Николаевскій кремлевскій дворецъ.

Онъ имѣлъ всѣ россійскіе ордена, портретъ государя, алмазный шифръ, и когда уже нечѣмъ было его болѣе наградить, то ему была пожалована одна жемчужная эполета.

Князь Юсуповъ былъ очень богатъ, любилъ роскошь, умѣлъ блеснуть когда нужно и, будучи очень даже щедръ, былъ иногда и очень разсчетливъ; графиня Разумовская, въ одномъ письмѣ къ мужу, описываетъ праздникъ въ Архангельскомъ у Юсупова, данный императору Александру I и королю прусскому Фридриху-Вильгельму III. «Вечеръ былъ превосходный, но праздникъ—самый плачевный. Все разсказывать было бы слишкомъ долго, но вотъ тебѣ одна подробность, по которой можешь судить объ остальномъ. Вообрази, послѣ закуски, поѣхали кататься по ужаснымъ дорогамъ и сырымъ некрасивымъ мѣстамъ. Послѣ получасовой прогулки подъѣзжаемъ къ театру. Всѣ ожидаютъ сюрприза, и точно, сюрпризъ былъ полный, перемѣнили три раза декораціи и весь спектакль готовъ. Всѣ закусили себѣ губы, начиная съ государя. Въ продолженіе всего вечера была страшная неурядица. Августѣйшія гости не знали рѣшительно, что имъ было дѣлать и куда дѣваться. Хорошее понятіе будетъ имѣть король прусскій о московскихъ вельможахъ. Скаредность во всемъ была невообразимая».

Всѣ Юсуповы не отличались расточительностью и старались болѣе собирать богатства. Такъ, выдавая невѣстъ изъ своего рода, Юсуповы не давали много въ приданое.

По завѣщанію, напримѣръ, княгини Анны Никитичны, умершей въ 1735 году, дочери ея къ выдачѣ назначено было въ годъ только 300 руб., изъ хозяйственныхъ статей: 100 ведеръ вина, 9 быковъ и 60 барановъ. При выдачѣ замужъ княжны Евдокіи Борисовны за герцога курляндскаго Петра Бирона дано было въ приданое только 15,000 руб. съ обязательствомъ со стороны отца невѣсты снабдить будущую герцогиню алмазнымъ уборомъ и другими снарядами съ означеніемъ цѣны каждой вещи. Княжна-невѣста была ослѣпительной красоты и прожила въ замужествѣ за Бирономъ недолго.

Послѣ смерти ея Биронъ прислалъ на память Юсупову ея парадную постель и всю мебель изъ ея спальни; обивка мебели была голубая атласная съ серебромъ.

Интересенъ также свадебный договоръ князя Дмитрія Борисовича Юсупова съ окольничьимъ Актинфовымъ, который обязался, въ случаѣ, если не выдастъ за князя свою дочь къ назначенному сроку, уплатить ему 4,000 руб. неустойки—сумма весьма значительная для половины XVII столѣтія.

Патріаршая церковь въ Москвѣ.

Съ литографіи Врея, начала нынѣшняго столѣтія.

Село Архангельское не разъ было удостоено пріѣздомъ высочайшихъ особъ; императрица Марія Θеодоровна гащивала по нѣсколько дней, и въ саду есть памятники изъ мрамора съ надписями, когда и кто изъ высочайшихъ особъ тамъ бывалъ. Очень понятно, что, принимая царственныхъ особъ, Юсуповъ давалъ и праздники великолѣпные.

Послѣдній изъ такихъ праздниковъ данъ былъ Юсуповымъ императору Николаю послѣ его коронованія. Здѣсь были почти всѣ иностранные послы и всѣ удивлялись роскоши этого барскаго имѣнія. Праздникъ вышелъ самый роскошный и великолѣпный. Въ этотъ день въ Архангельскомъ былъ обѣдъ, спектакль и балъ съ иллюминаціей всего сада и фейерверкомъ.

Князь Николай Борисовичъ былъ другомъ Вольтера и живалъ у него въ Фернейскомъ замкѣ; въ молодости своей онъ много путешествовалъ и былъ принятъ у всѣхъ тогдашнихъ властителей Европы. Юсуповъ видѣлъ въ полномъ блескѣ дворъ Людовика XVI и его жены Маріи-Антуанеты; Юсуповъ не разъ былъ въ Берлинѣ у стараго короля Фридриха Великаго, представлялся въ Вѣнѣ императору Іосифу II и у англійскаго и испанскаго королей; Юсуповъ, по словамъ его современниковъ, былъ самый привѣтливый и милый человѣкъ, безъ всякой напыщенности или гордости; съ дамами онъ былъ изысканно вѣжливъ. Благово разсказываетъ, что когда въ знакомомъ домѣ ему, бывало, приходилось встрѣтиться на лѣстницѣ съ какою нибудь дамой, знаетъ ли онъ ее или нѣтъ, всегда низко поклонится и посторонится, чтобы дать ей пройти. Когда у себя лѣтомъ, въ Архангельскомъ, онъ гулялъ въ саду, туда тогда допускались всѣ желающіе гулять, и онъ при встрѣчѣ непремѣнно раскланяется съ дамами, а ежели встрѣтитъ хотя по имени ему извѣстныхъ, подойдетъ и скажетъ привѣтливое слово.

Пушкинъ Юсупова воспѣлъ въ прелестной своей одѣ «Къ вельможѣ». Князь Николай Борисовичъ управлялъ театрами съ 1791 по 1799 годъ и, какъ и его отецъ, положившій начало русскому драматическому театру въ Петербургѣ, онъ на этомъ поприщѣ сдѣлалъ тоже для искусства много; у князя была въ Петербургѣ собственная итальянская опера-буффъ, доставлявшая удовольствіе всему двору.

По словамъ біографа Николая Борисовича, онъ любилъ театръ, ученыхъ художниковъ и даже въ старости приносилъ дань удивленія прекрасному полу! Нельзя сказать, чтобы и въ молодыхъ лѣтахъ Юсуповъ бѣгалъ отъ прекраснаго пола; по разсказамъ знавшихъ его, онъ былъ большой «ферлакуръ», какъ тогда называли волокитъ; въ деревенскомъ его домѣ была одна комната, гдѣ нахо-

дилось собраніе трехсотъ портретовъ всѣхъ красавицъ, благорасположеніемъ которыхъ онъ пользовался.

Въ спальнѣ его висѣла картина съ миѳологическимъ сюжетомъ, на которой онъ былъ представленъ Аполлономъ, а Венерой была изображена особа, которая болѣе извѣстна была въ то время подъ именемъ Минервы. Императоръ Павелъ зналъ про эту картину и, при восшествіи своемъ на престолъ, приказалъ Юсупову убрать ее.

Князь Юсуповъ подъ старость вздумалъ было пуститься въ дѣла и завелъ у себя зеркальный заводъ; въ то время всѣ зеркала были больше привозныя и стояли въ большой цѣнѣ. Это предпріятіе князю не удалось и онъ потерпѣлъ большіе убытки.

Послѣдніе годы своей жизни князь Юсуповъ безвыѣздно проживалъ въ Москвѣ и пользовался большимъ уваженіемъ и любовью за свою чисто аристократическую обходительность со всѣми. Одно только немного вредило князю, это — пристрастіе къ женскому полу.

Князь Н. Б. Юсуповъ былъ женатъ на родной племянницѣ князя Потемкина, Татьянѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, бывшей ранѣе замужемъ за своимъ дальнимъ родственникомъ Потемкинымъ. Жена Юсупову принесла колоссальное богатство.

Супруги Юсуповы не знали счету ни своихъ милліоновъ, ни своихъ имѣній. Когда у князя спрашивали:

— Что, князь, имѣете вы имѣніе въ такой-то губерніи и уѣздѣ?

Онъ отвѣчалъ:

— Не знаю, надо справиться въ памятной книжкѣ.

Ему приносили памятную книжку, въ которой по губерніямъ и уѣздамъ были записаны всѣ его имѣнія, онъ справлялся и почти всегда оказывалось, что у него тамъ было имѣніе.

Князь Юсуповъ въ старости былъ очень моложавъ и любилъ трунить надъ своими сверстниками-стариками. Такъ разъ, когда онъ пенялъ графу Аркадію Маркову по поводу старости его, тотъ на это отвѣтилъ ему, что онъ однихъ съ нимъ лѣтъ.

— Помилуй, продолжалъ князь,—ты былъ уже на службѣ, а я находился еще въ школѣ.

— Да чѣмъ же я виноватъ, возразилъ Марковъ,—что родители твои такъ поздно начали тебя грамотѣ учить.

Князь Юсуповъ былъ друженъ съ извѣстнымъ графомъ Сенъ-Жерменомъ и просилъ у него дать ему рецептъ долгоденствія. Графъ всей тайны ему не открылъ, но сказалъ, что одно изъ важныхъ средствъ есть воздержаніе отъ питія не только хмѣльного, но и всякаго.

Князь Юсуповъ, не смотря на свою галантность съ женщинами, въ бытность свою директоромъ театра, умѣлъ быть, когда надо, строгимъ съ подчиненными ему актрисами. Однажды какая-то пѣвица итальянской оперы по капризу сказалась больной; Юсуповъ приказалъ, подъ видомъ участія къ ней, не выпускать ее изъ дому и къ ней никого не впускать, кромѣ врача. Этотъ деликатный арестъ такъ напугалъ капризную артистку, что мнимую болѣзнь у нея какъ рукой сняло. Князь Юсуповъ, какъ мы говорили, былъ женатъ на вдовѣ Потемкиной. Въ жизни этой богачки, какъ упоминаетъ Карновичъ, представлялось одно замѣчательное обстоятельство: пріѣхавшая при Екатеринѣ Великой въ Петербургъ сильно чудившая герцогиня Кингстонъ, графиня Вортъ, такъ полюбила молодую еще въ то время Татьяну Васильевну Энгельгардтъ, что хотѣла взять ее съ собою въ Англію и передать ей все свое несмѣтное состояніе. Герцогиня пріѣхала въ Петербургъ на собственной великолѣпной яхтѣ, имѣвшей садъ и убранной картинами и статуями; при ней, кромѣ многочисленной прислуги, находился оркестръ музыки. Татьяна Васильевна не согласилась на предложеніе герцогини и, овдовѣвъ, вышла, въ 1795 г., за Юсупова. Супруги впослѣдствіи не очень поладили и жили не вмѣстѣ, хотя не были въ ссорѣ. Князь умеръ ранѣе жены, послѣдняя умерла послѣ него, спустя лѣтъ десять. У нихъ былъ одинъ сынъ. Замѣчательно, что въ этой линіи Юсуповыхъ, какъ и въ младшей линіи графовъ Шереметевыхъ, постоянно въ живыхъ оставался одинъ только наслѣдникъ. Теперь, кажется, это измѣнилось — у Шереметевыхъ есть нѣсколько, а у Юсуповыхъ ни одного.

Татьяна Васильевна Юсупова тоже не отличалась расточительностью и жила очень скромно; она сама управляла всѣми своими имѣніями. И изъ какой-то бережливости княгиня рѣдко мѣняла свои туалеты. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершеннаго износа. Однажды, уже подъ старость, пришла ей въ голову слѣдующая мысль: «да если мнѣ держаться того порядка, то женской прислугѣ моей немного пожитковъ останется по смерти моей». И съ самаго этого часа произошелъ неожиданный и крутой переворотъ въ ея туалетныхъ привычкахъ. Она часто заказывала и надѣвала новыя платья изъ дорогихъ матерій. Всѣ домашніе и знакомые дивились этой перемѣнѣ, поздравляли ее съ щегольствомъ ея и съ тѣмъ, что она какъ будто помолодѣла. Она, такъ сказать, наряжалась къ смерти и хотѣла въ пользу своей прислуги пополнить и обогатить свое духовное завѣщаніе. У ней была только одна дорого стоившая страсть—это собирать драго-

Паркъ въ селѣ Архангельскомъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Раухомъ (изъ собранія П. Я. Дашкова).

цѣнные камни. Княгиня купила знаменитый бриллiантъ «Полярная звѣзда» за 300,000 рублей, а также діадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и еще знаменитую жемчужину въ Москвѣ у грека Зосимы за 200,000 рублей, подъ названіемъ «Пелегрину» или странницу, нѣкогда принадлежавшую королю испанскому Филиппу II. Затѣмъ Юсупова много тратила денегъ на свое собраніе античныхъ рѣзныхъ камней (cameo и intaglio).

Единственный сынъ Татьяны Васильевны, Борисъ Николаевичъ, извѣстенъ какъ человѣкъ весьма дѣятельный и заботливый въ выполненіи своихъ обязанностей. По разсказамъ его современниковъ, онъ умиралъ на службѣ и за хозяйственными дѣлами своихъ обширныхъ имѣній, и за день до своей смерти занимался дѣлами службы. По словамъ его біографа: «счастье открывало ему блестящее поприще».

Онъ былъ крестникомъ императора Павла, и еще въ дѣтствѣ получилъ Мальтійскій орденъ, а отъ отца къ нему перешло потомственное командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. По выдержаніи экзамена при комитетѣ испытаній въ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, онъ поспѣшилъ вступить въ гражданскую службу.

Какъ уже мы сказали, трудолюбивая дѣятельность была отличительною чертою его характера. Князь, владѣя въ семнадцати губерніяхъ имѣніями, каждый годъ обозрѣвалъ обширныя свои имѣнія. Даже такія страшныя вещи, какъ, напримѣръ, холера, не удерживали его отъ хозяйственныхъ заботъ; и въ то время, когда послѣдняя свирѣпствовала въ Малороссіи, онъ не побоялся пріѣхать въ свое село Ракитное, гдѣ въ особенности губительно дѣйствовала эта эпидемія; не опасаясь заразы, князь всюду ходилъ по селу.

Въ домашней жизни князь чуждался роскоши; все утро его было посвящено служебнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ.

Но въ часъ обѣда онъ всегда былъ радъ встрѣтить у себя своихъ пріятелей и знакомыхъ: онъ не дѣлалъ разбора и различія по чинамъ, и однажды приглашенные имъ получали къ нему доступъ навсегда.

Въ разговорѣ князь былъ шутливъ и остроуменъ и умѣлъ ловко подмѣтить странности своихъ знакомыхъ. Вечеромъ князь всегда былъ въ театрѣ, любовь къ которому унаслѣдовалъ отъ отца, долгое время управлявшаго театрами; князь, впрочемъ, любилъ только бывать въ русскихъ спектакляхъ.

Князь превосходно игралъ на скрипкѣ и имѣлъ рѣдкое собраніе итальянскихъ скрипокъ. Борисъ Николаевичъ не любилъ своего Архангельскаго и никогда не живалъ въ немъ подолгу; одно время онъ началъ многое оттуда вывозить въ свой петербургскій домъ, но императоръ Николай Павловичъ, помнившій его Архангельское, велѣлъ сказать князю, чтобы онъ Архангельскаго своего не опустошалъ.

Князь никогда не давалъ празднествъ въ этомъ имѣніи, и, пріѣзжая въ Москву, обыкновенно останавливался въ своемъ древнемъ боярскомъ домѣ, подаренномъ, какъ мы выше говорили, его прадѣду императоромъ Петромъ II.

Домъ этотъ въ Земляномъ городѣ, въ Большомъ Харитоньевскомъ переулкѣ, представлялъ рѣдкій памятникъ зодчества конца XVII вѣка; прежде онъ принадлежалъ Алексѣю Волкову. Каменныя двухъ-этажныя палаты Юсуповыхъ съ пристройками къ восточной сторонѣ стояли на пространномъ дворѣ; къ западной ихъ сторонѣ примыкало одно-этажное каменное зданіе, позади каменная кладовая, далѣе шелъ садъ, который до 1812 года былъ гораздо обширнѣе, и въ немъ былъ прудъ. По словамъ А. А. Мартынова, первая палата о двухъ ярусахъ, съ крутою желѣзною крышею на четыре ската, или епанчею, отличается толщиною стѣнъ, складенныхъ изъ 18 фунтовыхъ кирпичей съ желѣзными связями. Прочность и безопасность была однимъ изъ первыхъ условій зданія. Наверху входная дверь сохранила отчасти свой прежній стиль: она съ ломанною перемычкою, въ видѣ полу-осмиугольника и съ сандрикомъ вверху, въ тимпанѣ образъ св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Это напоминаетъ завѣтный благочестивый обычай русскихъ молиться предъ входомъ въ домъ и при выходѣ изъ него. Здѣсь были боярская гостиная, столовая и спальня; къ западной сторонѣ — покой со сводомъ, объ одномъ окошкѣ на сѣверъ, повидимому, служилъ моленною. Въ нижнемъ этажѣ, подъ сводами, то же раздѣленіе; подъ нимъ—подвалы, гдѣ хранились бочки съ выписными фряжскими заморскими винами и съ русскими ставлеными и сыпучими медами, ягодными квасами и проч. Пристроенная на востокъ двухъ-этажная палата, которая прежде составляла одинъ покой, теперь раздѣлена на нѣсколько комнатъ.

Здѣсь князь Борисъ Григорьевичъ угощалъ державную дщерь Петра Великаго, любившую вѣрнаго слугу своего отца. Надъ палатою возвышается теремъ съ двумя окнами, гдѣ, по преданію, была церковь; изъ него въ стѣнѣ виденъ закладенный такой же тайникъ,

какой находится въ Грановитой палатѣ. Домъ этотъ въ роду Юсуповыхъ находится около двухсотъ лѣтъ; въ этотъ домъ, по большимъ праздникамъ, сбиралась съ хлѣбомъ-солью, по древнему заведенному обычаю, тысячная толпа крестьянъ для принесенія поздравленій. Сюда же были принесены на рукахъ, тѣми же крестьянами, смертные останки князя Юсупова для погребенія въ подмосковное село Спасское. Князья Юсуповы погребаются въ особой каменной палаткѣ, пристроенной къ церкви; на гробницѣ Бориса Николаевича вырѣзана слѣдующая надпись, написанная самимъ умершимъ: «Здѣсь лежитъ русскій дворянинъ князь Борисъ, княжъ Николаевъ, сынъ Юсуповъ, родился 1794 года, іюля 9-го, скончался 1849 года, октября 25-го», внизу написана по-французски любимая его поговорка: «L'honneur avant tout». Въ основаніи видны золотой крестъ и якорь; на первомъ надпись: «Вѣра въ Бога», на второмъ—«Надежда въ Бога». Князь Борисъ Николаевичъ былъ женатъ два раза: первая его жена была княгиня Н. П. Щербатова (умерла 17-го октября 1820 года); вторая—Зинаида Ивановна Нарышкина, родилась въ 1810 году; во второмъ бракѣ за иностранцемъ, графомъ де-Шево. Отъ перваго брака сынъ, князь Николай Борисовичъ, родился 12-го октября 1817 года. Графиня де-Шево и князь Николай Борисовичъ—здравствуютъ по сейчасъ. Князь считается послѣднимъ въ родѣ—сыновей у него нѣтъ—есть только дочери.

ГЛАВА XIV.

Матвѣй Гагаринъ.—Губернаторство его въ Сибири.—Роскошныя палаты князя Гагарина въ Москвѣ.—Судъ и казнь князя Гагарина.—Загородный домъ.—Гагаринскіе пруды.—Дача Студенецъ.—Графъ Закревскій.—Домъ князя Б. И. Гагарина.—Князь Г. П. Гагаринъ.—Мужъ Лопухиной.—Княгиня П. Ю. Гагарина.—Домашніе спектакли.—Актрисы Семенова и Жоржъ.—Домашніе спектакли въ павловское время.—С. Мареино.—Театралы александровскаго времени.—Награды театраловъ въ старое время.—Театралъ Сибилевъ.—Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.—Анекдоты про Кокошкина.—Французскіе любительскіе спектакли.—Загородные дома вельможъ въ Екатерининское время.

Говоря о домѣ Юсуповыхъ, нельзя пройти молчаніемъ московскаго дома князя Матвѣя Петровича Гагарина, въ Петровское время московскаго губернатора и сибирскаго; домъ этотъ, искаженный только въ своемъ видѣ, цѣлъ по сейчасъ: стоитъ онъ на Тверской улицѣ и разбитъ на мелкія квартиры и магазины.

И. Снегиревъ говоритъ: когда еще въ Бѣломъ городѣ въ царствованіе Петра Великаго, между уютными каменными домами бояръ, стояли не только деревянные хоромы, но даже избы горожанъ, тогда князь М. И. Гагаринъ воздвигъ великолѣпныя палаты, на образецъ венеціанскихъ, вѣроятно по проекту одного изъ иностранныхъ архитекторовъ, которые вмѣстѣ съ русскими строителями украшали столицу произведеніями церковнаго и гражданскаго зодчествъ. Мы еще помнимъ первобытный наружный видъ этихъ палатъ и можемъ навѣрное сказать, что онѣ составляли украшеніе Царской или Тверской улицы.

Великолѣпіе внѣшности его палатъ соотвѣтствовало и роскошному внутреннему убранству. Разнаго рода дорогое дерево, мраморъ, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшеніе покоевъ, гдѣ зеркальные потолки отражали въ себѣ блескъ люстръ, канделябръ, въ висячихъ большихъ хрустальныхъ сосудахъ плавали живыя рыбы, разноцвѣтные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образовъ, находившихся въ спальнѣ его, осыпанные бриллiантами, стоили, по оцѣнкѣ тогдашнихъ ювелировъ, болѣе 130,000 рублей.

Гдѣ стояли эти каменныя палаты, въ 1657 г. былъ дворъ князя Ивана Дашкова; по отъѣздѣ своемъ въ Сибирь, князь отдалъ этотъ домъ своему сыну Алексѣю, женатому на дочери вице-канцлера Шафирова. Молодой Гагаринъ, большой кутила, долго путешествовалъ по Европѣ, живя тамъ какъ владѣтельный князь. Послѣ смерти своего отца, казненнаго Петромъ Великимъ, онъ былъ разжалованъ царемъ въ простые матросы и служилъ при адмиралтействѣ.

Причину казни князя Гагарина современники толкуютъ не одинаково. Бергхольцъ говоритъ, что онъ былъ повѣшенъ за расхищеніе царской казны, но въ то время Меншиковъ, Брюсъ и Апраксинъ тоже крали, но ихъ не вѣшали. Страленбергъ утверждаетъ, что до царя дошли слухи о намѣреніи Гагарина сдѣлаться въ Сибири независимымъ отъ Россіи владѣтелемъ. Это подтверждается запискою нѣкоторыхъ дворянъ, составленною въ 1730 году, въ то время, когда шли въ Москвѣ толки о формѣ правленія при вновь избранной императрицѣ Аннѣ: «Не видѣли ли мы, сказано въ запискѣ, какъ при самовластномъ, но молодомъ монархѣ, велику власть имѣющіе, Мазепа дѣйствительно, а Гагаринъ намѣреніемъ подданство отложити дерзнули».

Бергхольцъ разсказываетъ, что Гагаринъ не хотѣлъ признаваться въ своихъ проступкахъ и потому нѣсколько разъ былъ наказываемъ кнутомъ. Когда князь Гагаринъ былъ уже приговоренъ къ висѣлицѣ и казнь должна была совершиться, царь за день передъ тѣмъ словесно приказывалъ увѣрить его, что не только даруетъ ему жизнь, но и все прошлое предастъ забвенію, если онъ признается въ своихъ, ясно доказанныхъ преступленіяхъ. Но, не смотря на то, что многіе свидѣтели и въ томъ числѣ родной его сынъ на очныхъ ставкахъ убѣждали въ нихъ болѣе, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни въ чемъ. Тогда, въ самый день отъѣзда царя въ Ригу, онъ былъ повѣшенъ передъ окнами юстицъ-коллегіи, въ присутствіи государя и всѣхъ своихъ знатныхъ родственниковъ. Черезъ нѣсколько дней висѣлица была пе-

ренесена въ другое мѣсто, на Большую площадь. Бергхольцъ пишетъ, что онъ слышалъ, будто для большаго устрашенія тѣло будетъ повѣшено въ третій разъ по ту сторону рѣки и затѣмъ отошлется въ Сибирь.

Гдѣ видѣлъ Бергхольцъ висѣвшимъ тѣло несчастнаго князя, тамъ стояло много шестовъ съ воткнутыми на нихъ головами; лицо преступника было закрыто платкомъ, одежда состояла изъ камзола и исподняго платья коричневаго цвѣта, сверхъ котораго надѣта бѣлая рубашка; на ногахъ у него маленькіе круглые русскіе сапоги. Росту князь Гагаринъ былъ очень небольшого.

Когда князь былъ губернаторомъ всей Сибири, то дѣлалъ очень много добра сосланнымъ туда плѣннымъ шведамъ, для которыхъ въ первые три года своего управленія истратилъ будто бы до 15,000 рублей собственныхъ денегъ.

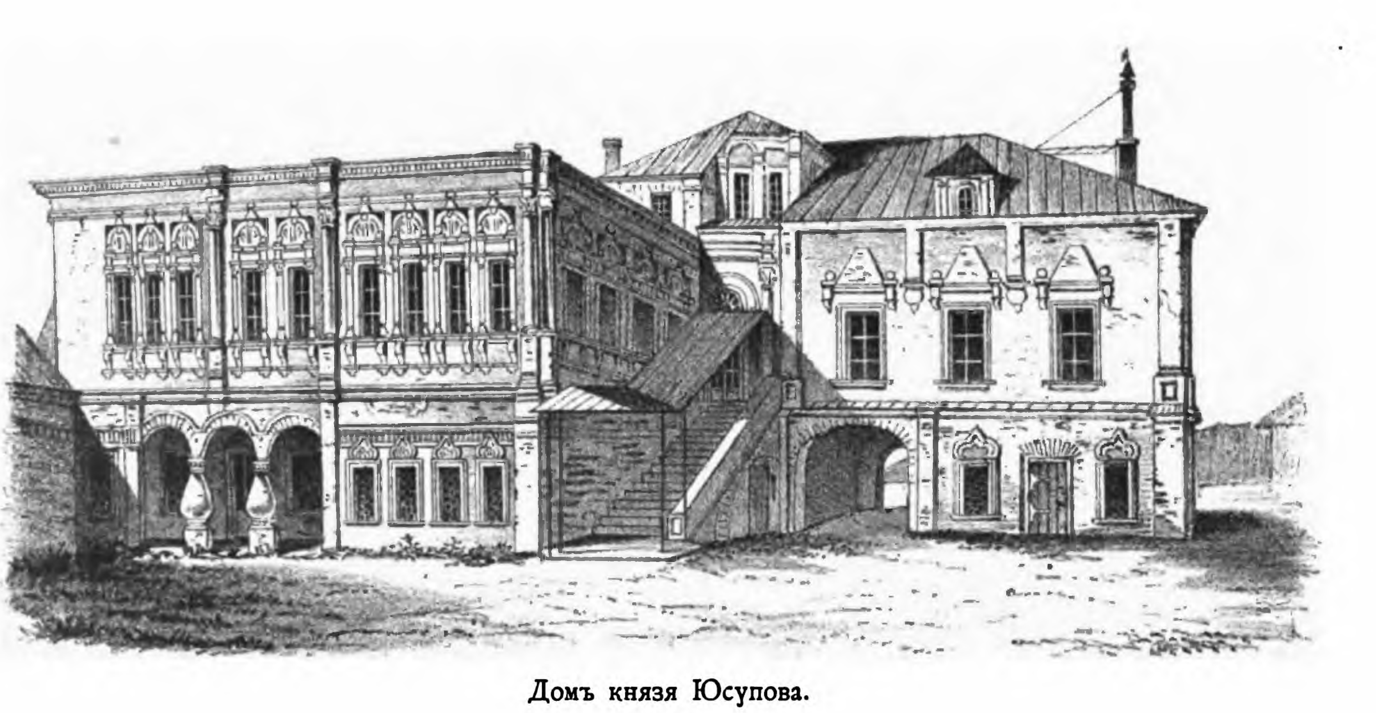
Князь Гагаринъ удивлялъ царскою пышностью въ Сибири. У него за столомъ подавали кушанья на пятидесяти серебряныхъ блюдахъ, самъ же онъ ѣлъ только на золотыхъ тарелкахъ. Колеса его кареты были также серебряныя и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Гагаринъ прежде пользовался большимъ довѣріемъ императора и потому сталъ почти самовластно управлять обширною и богатою страною.

Въ числѣ сокровищъ князя находился драгоцѣнный рубинъ, привезенный ему изъ Китая; впослѣдствіи этотъ рубинъ достался, въ видѣ подарка князя, Меншикову и отъ него перешелъ къ императрицѣ Екатеринѣ I. Сынъ Гагарина, путешествовавшій заграницей, до того сорилъ деньгами, что иностранцы считали молодого князя за какого-то набоба.

Когда происходило слѣдствіе надъ отцомъ, то и у сына спрашивали: «Какъ онъ поѣхалъ за море, что съ нимъ было отъ отца его отправлено денегъ, и золота, и товаровъ, а также черезъ векселя; въ бытность за моремъ, сколько денегъ и товаровъ, и золотыхъ, и прочихъ вещей черезъ него получалъ, и что всей суммы въ ту его бытность за моремъ издержано».

Петръ, узнавъ о злоупотребленіяхъ въ Сибири Гагарина, вызвалъ его въ Петербургъ подъ тѣмъ предлогомъ, что назначаетъ его участвовать въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а самъ, между тѣмъ, отправилъ для развѣдки о дѣйствіяхъ губернатора одного полковника, а слѣдомъ за нимъ—и своего денщика Егора Пашкова.

Первый изъ этихъ ревизоровъ, подкупленный въ Петербургѣ на сторону Гагарина княземъ Меншиковымъ, скрылъ всѣ губер-



Домъ князя Юсупова.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

наторскія злоупотребленія и за это поплатился своею головою. Пашковъ же разсказалъ Петру всю правду объ ужасномъ лихоимствѣ князя.

Послѣ слѣдствія признано было, что Гагаринъ утаилъ на Вяткѣ отъ отпуска за море хлѣба въ 1716 году и нѣкоторое количество его роздалъ иноземцамъ за алмазныя вещи; бралъ себѣ казенныя деньги, получалъ взятки отъ откупщиковъ и даже грабилъ купеческіе караваны. Князь послѣ пытки, какъ мы уже говорили, былъ повѣшенъ.

Великолѣпныя палаты Гагарина въ царствованіе Екатерины II принадлежали внуку казненнаго, князю Матвѣю Алексѣевичу; а когда линія этихъ князей Гагариныхъ пресѣклась въ 1804 году, за смертью внуки казненнаго, графини Матюшкиной, то, въ 1805 году, владѣла ими мать графа Платона Зубова,—потомъ переходили онѣ въ руки купцовъ Часовникова, Крашенинникова и Дубицкаго, и затѣмъ къ Д. А. Олсуфьеву.

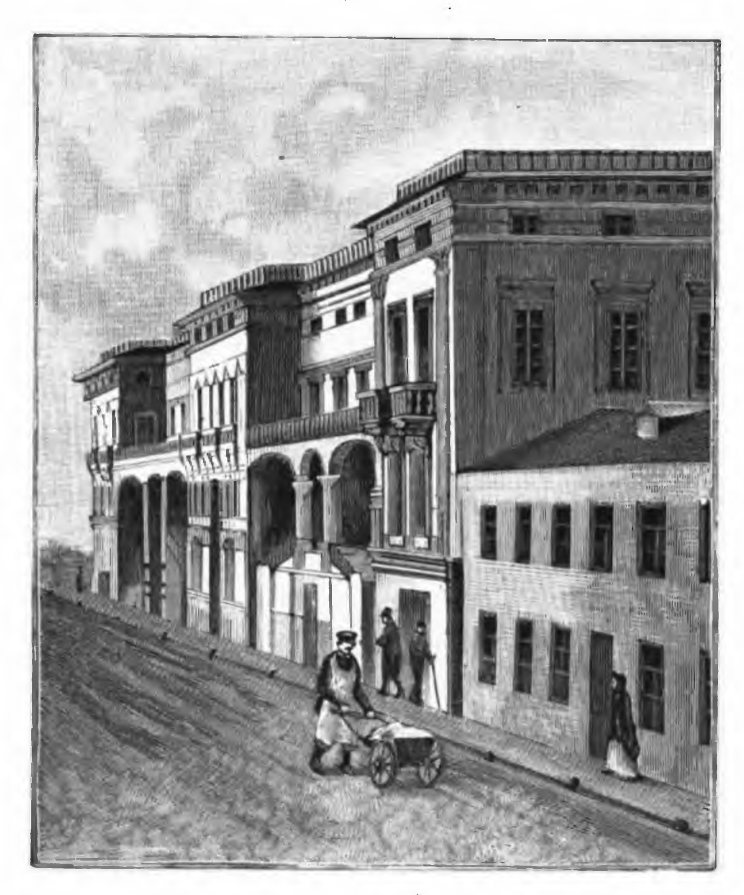
Домъ Гагарина въ вѣкъ Петра Великаго представлялъ не малую диковинку не только на Тверской улицѣ, но и по всей Москвѣ; построенъ онъ былъ по образцу венеціанскихъ дворцовъ. Четырехъ-этажныя палаты эти выходили фасадомъ на улицу, образуя порталъ съ двумя павильонами; въ уступахъ между ними на аркахъ устроена была открытая терраса съ баллюстрадою.

Въ бель-этажѣ у портала и въ павильонахъ висѣли балконы изъ бѣлаго камня, украшеннаго вычурною рѣзьбою. Наличники и сандрики надъ окнами состояли изъ орнаментовъ, искусно высѣченныхъ изъ бѣлаго же камня. Надъ подъѣздными воротами видно было клеймо, увѣнчанное княжескою короною и запечатлѣнное слѣдующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

Въ этихъ воротахъ съ стрѣльчатымъ сводомъ на правой сторонѣ парадная лѣстница вела въ верхніе этажи зданія. Глубокіе подвалы изъ бѣлаго камня занимали низъ всего зданія, сложеннаго изъ тяжеловѣснаго кирпича и бѣлаго камня съ частыми желѣзными связями. Съ лицевой стороны фасада этого дома разными владѣльцами его было сдѣлано много рельефныхъ украшеній во вкусѣ архитектуры XVII вѣка и заимствованныхъ изъ флорентинскихъ городскихъ домовъ.

Изъ бель-этажа на улицу, по обѣ стороны воротъ, были красивыя каменныя крыльца съ оборотами, съ фигурами, баллюстрадами, изсѣченными изъ бѣлаго камня. На заднемъ фасадѣ дома на дворѣ находился изъ того же второго этажа длинный балконъ съ балясомъ и художественными орнаментами.

Объ этомъ домѣ извѣстный нашъ зодчій прошлаго столѣтія В. И. Бажановъ отзывался съ восторженной похвалой. Въ настоящее время домъ передѣланъ для жилья, внизу его трактиръ и лавки. По словамъ А. А. Мартынова, домъ этотъ совершенно былъ передѣланъ и утратилъ свой первобытный характеръ въ 1852 году.



Домъ князя Гагарина на Тверской улицѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

Загородный домъ Гагариныхъ былъ за Трехгорною заставой, что теперь называется Студенецъ, а въ то время онъ назывался «Гагаринскіе пруды». Впослѣдствіи эта дача перешла къ графу Ѳедору Андреевичу Толстому и уже отъ него къ единственной его дочери, графинѣ А. Ѳ. Закревской.

Мужъ графини тогда былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Слово «загородный домъ» тогда состарѣлось для москвичей, его на-

чали замѣнять словомъ «дача». Вотъ отчего переименованное «Трехгорное» въ «Закревскаго дачу» стало привлекать всѣхъ москвичей въ это имѣніе. Графъ гостепріимно открылъ для всѣхъ двери, и всѣ другія загородныя гульбища были брошены, опустѣли.

Новый владѣлецъ прекрасно изукрасилъ свою дачу. Отъ большихъ воротъ до главнаго дома надъ самою рѣкой шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей съ двумя боковыми узкими, для пѣшеходовъ, аллеями. Съ обѣихъ сторонъ этихъ аллей было по три обрыва четыреугольныхъ, равной величины, раздѣленныхъ между собою вновь прокопанными канавами, тогда еще съ чистою проточною водой, и соединенныхъ деревянными мостиками. Каждый изъ этихъ островковъ былъ посвященъ памяти одного изъ героевъ, подъ начальствомъ которыхъ Закревскій находился: Каменскаго, Барклая, Волконскаго и другихъ. На каждомъ посреди деревьевъ находилися или храмикъ, или памятникъ названнымъ полководцамъ.

Необыкновенная новаго рода правильность, напоминающая что-то фронтовое, и самая чистота, въ которой все это было содержимо, какъ бы заимствованы были у аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Но недолго эта дача была въ модѣ у москвичей,—вскорѣ она была продана и теперь подъ названіемъ «Студенецъ» принадлежитъ обществу садоводства.

Существовалъ въ Москвѣ нѣкогда еще другой, не менѣе историческій,—гагаринскій домъ, съ большимъ садомъ, прудами и со всѣми затѣями прошлаго барскаго житья. Въ этомъ домѣ, передъ 1812 годомъ, помѣщался англійскій клубъ, а теперь въ немъ находится Екатерининская больница. Построенъ онъ былъ въ 1716 году бригадиромъ княземъ Богданомъ Ивановичемъ Гагаринымъ. Домъ этотъ въ родѣ Гагариныхъ былъ болѣе ста лѣтъ; купленъ онъ въ казну въ 1833 году.

Одинъ изъ рода этихъ Гагариныхъ, князь Гавріилъ Петровичъ, служилъ при императрицѣ Екатеринѣ II сенаторомъ. Императоръ Павелъ I произвелъ его въ кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

Впослѣдствіи онъ былъ министромъ коммерціи и издалъ «Банкротскій уставъ»; онъ извѣстенъ также какъ духовный писатель; эпитафія, написанная имъ для своего намогильнаго памятника, одно время была въ большой модѣ и повторялась на всѣхъ кладбищахъ на монументахъ зажиточныхъ людей. Вотъ она:

Прохожій, ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я,
Постой и отдохни на камнѣ у меня;

Взгляни, что сдѣлалось со тварью горделивой,
Гдѣ дѣлся человѣкъ? И прахъ заросъ крапивой!
Сорви-жъ былиночку и вспомни обо мнѣ!
Я дома, ты въ гостяхъ—подумай о себѣ!

Сынъ этого князя—мужъ извѣстной красавицы въ Павловское время, урожденной Лопухиной, издалъ сочиненія отца, подъ заглавіемъ: «Забавы уединенія моего въ селѣ Богословскомъ».

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ была извѣстна княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, урожденная княжна Трубецкая, бывшая впослѣдствіи за вторымъ мужемъ Кологривовымъ. Эта княгиня слыла въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ какъ очень эмансипированная женщина; у ногъ ея лежали нашъ историкъ Карамзинъ и поэтъ того времени князь Ив. Мих. Долгорукій, посвятившій ей нѣсколько стихотвореній.

Особенно извѣстно одно подъ названіемъ «Параши». Изъ-за любви къ Гагариной застрѣлился тогда одинъ молодой человѣкъ [72]).

Странная судьба была этой княгини Гагариной: родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, она вышла за молодого полковника Фед. Серг. Гагарина, погибшаго при штурмѣ Варшавы; неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, была взята въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь. Она была освобождена вмѣстѣ съ другими плѣнницами послѣ взятія Праги Суворовымъ. Долго она отвергала всякія утѣшенія, въ серьгѣ носила землю съ могилы мужа своего, но вмѣстѣ съ твердостью имѣла она необычайныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера; разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ и повиновеніе законамъ приличія, она стала пользоваться излишнею свободой. Въ то время не знали словъ: эмансипированная, нигилистка и т. д., и называли Гагарину просто бойкой барыней. Подъ конецъ, когда Прасковья Юрьевна стала терять свои прелести, явился обожатель—Петръ Алек. Кологривовъ, отставной полковникъ, служившій при Павлѣ въ Кавалергардскомъ полку, и княгиня, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него замужъ.

Въ домѣ Гагариной былъ театръ, на которомъ нерѣдко шли итальянскія оперы—примадонною въ послѣднихъ была сама хозяйка дома. Княгиня также играла и на театрѣ Шаховскихъ подъ Новинскимъ, гдѣ появлялась въ роляхъ репертуара французской актрисы Жоржъ.

Въ тѣ времена въ высшемъ обществѣ въ большой модѣ были драматическіе спектакли, и не только считали обязанностью смо-

трѣть драматическихъ актрисъ Семенову и пріѣзжавшую тогда въ Москву знаменитую французскую актрису Жоржъ, но и у себя на дому устраивали благородные спектакли и, въ подражаніе имъ, появлялись въ роляхъ этихъ артистокъ.

Двѣ эти артистки, Семенова и Жоржъ, въ Москвѣ производили въ то время необыкновенный фуроръ.

Говорили тогда, что Жоржъ имѣла годового содержанія въ Петербургѣ 60,000 р. и, считая съ царскими подарками, двумя бенефисами въ Петербургѣ и двумя бенефисами въ Москвѣ, она получала до 100,000 р. въ годъ.

Мамзель Жоржъ пріѣхала въ первый разъ въ Москву какъ разъ ко дню бенефиса знаменитой Семеновой и послала ей 50 р., прося себѣ ложу въ 3-мъ ярусѣ. Черезъ недѣлю шелъ бенефисъ Жоржъ, и Семенова съ своей стороны посылаетъ ей 200 р. и тоже проситъ ложу 3-го яруса, но гордая артистка отвѣчаетъ слѣдующей запиской: «Милостивая государыня! Если вы препроводили ко мнѣ ваши 200 руб. для того, чтобы судить о моемъ талантѣ, то я не нахожу словъ, какъ васъ благодарить и прилагаю къ вашимъ деньгамъ еще 250 руб. для раздачи бѣднымъ людямъ. Но если вы посылаете деньги эти мнѣ въ подарокъ то извольте знать, что въ Парижѣ я имѣю у себя двѣсти тысячъ франковъ».

Дѣвица Жоржъ не отличалась строгостью нрава; она была привезена въ Москву молодымъ гвардейскимъ офицеромъ Бенкендорфомъ. Изъ Петербурга до первой станціи ее сопровождалъ большой кортежъ поклонниковъ артистки, всю дорогу и на станціи вино лилось рѣкой, многіе кавалеры не стояли на ногахъ; когда же пришлось ѣхать дальше, компанія подхватила Жоржъ на руки и снесла ее въ сани при крикахъ: «Vive le celèbre talent, vive la beauté».

Князь Вяземскій въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, какъ онъ, очарованный величіемъ ея красоты и не менѣе величественною игрою художницы, отправлялся къ ней лично за билетомъ на ея бенефисъ. Она жила на Тверской, у француженки мадамъ Шеню, которая содержала и отдавала комнаты въ наймы съ обѣдомъ въ то время, когда въ Москвѣ не имѣлось ни отелей, ни ресторановъ.

Вяземскій говоритъ: «Взобравшись на лѣстницу и прикоснувшись къ замку дверей, за которыми таился мой кумиръ, я чувствовалъ, какъ сердце мое прытче застучало и кровь сильнѣе закипѣла. Вхожу въ святилище и вижу предъ собою высокую жен-

щину въ зелёномъ, увядшемъ и нѣсколько засаленномъ капотѣ; рукава ея высоко засучены, въ рукѣ держитъ она не классическій мельпоменовскій кинжалъ, а просто большой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ деревянный столъ: это была моя Федра и Семирамида. Нисколько не смущаясь моимъ посѣщеніемъ врасплохъ и удивленіемъ, которое должно было выражать мое лицо,

В. Л. Пушкинъ.
Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Галактіонова.

сказала она мнѣ: «Вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжихъ, я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей».

О красотѣ Жоржъ даетъ намъ понятіе другой ея современникъ Ф. Ф. Вигель, видѣвшій ее въ Москвѣ. По словамъ его: «Голова ея могла служить моделью скорѣе ваятелю, чѣмъ живописцу; въ ней

виденъ былъ типъ прежней греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ на древнихъ моделяхъ и барельефахъ и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна; болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался ея голосъ, нѣжный, чистый и внятный; она говорила стихи нараспѣвъ, въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, она была неподражаема».

Тотъ же Вяземскій приводитъ разсказъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Лѣтъ черезъ тридцать въ Парижѣ захотѣлось мнѣ подвергнуть испытанію мои прежнія юношескія ощущенія и сочувствія. Я отправился къ дѣвицѣ Жоржъ; увидя ее, я внутренно ахнулъ и почти пожалѣлъ о зеленомъ измятомъ капотѣ и кухонномъ ножѣ: предо мною предстала какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная бѣлилами и румянами и... можно ли было, глядя на эту безобразную маску, угадать въ ней ту, которая какъ будто еще не такъ давно двойнымъ могуществомъ искусства и красоты оковывала благоговѣйное вниманіе многихъ тысячъ зрителей, поражала ихъ, волновала, приводила въ умиленіе, трепетъ, ужасъ и восторгъ».

Въ Павловское время въ Москвѣ особенно вошла въ моду страсть къ благороднымъ спектаклямъ. Эта страсть преимущественно процвѣтала въ высшемъ обществѣ. Такихъ «партикулярныхъ спектаклей» на недѣлѣ давалось по нѣскольку. Тогдашній московскій главнокомандующій, князь Долгорукій, нашелъ нужнымъ даже испросить у государя на нихъ разрѣшеніе. Государь на его просьбу отвѣтилъ слѣдующимъ: «Что запрещать ихъ не находитъ надобности, но находитъ однакожъ нужнымъ, чтобъ не были играны пьесы безъ цензуры и неигранныя еще въ большихъ театрахъ, и чтобы для сохраненія надлежащаго порядка въ такихъ частныхъ собраніяхъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предыдущихъ пунктовъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

По отзывамъ современниковъ, особенно блистательны были домашніе спектакли въ имѣніи «Марѳинѣ», деревнѣ графа Ив. Петр. Салтыкова.

Въ живописномъ имѣніи этомъ стоялъ на горѣ, надъ широкимъ прудомъ съ островами, превосходный трехъ-этажный домъ въ стилѣ Возрожденія (видъ этой барской усадьбы былъ отлитографированъ въ сороковыхъ годахъ архитекторомъ П. Буренинымъ, отцомъ извѣстнаго нашего критика В. П. Буренина). Два флигеля, одинаковой вышины, построенныя въ одну линію, соединялись съ нимъ гале-

реями и террасами и такимъ образомъ получался огромный фасадъ. Съ одной стороны былъ длинный, правильно распланированный садъ съ безконечными прямыми липовыми аллеями, а съ другой—примыкала къ нему прекрасная густая роща, идущая внизъ по скату горы до самаго пруда или озера. Пріемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамильныхъ портретовъ; большая же часть верхняго, подъ именемъ «Оружейной», обращена была въ хранилище не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, взятымъ на войнѣ съ пруссаками [73]), но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

Театральныя представленія давались здѣсь въ большой фамильной залѣ, а также еще въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду и на открытомъ воздухѣ, въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной. Здѣсь поляна, состоящая изъ двухъ противоположно идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружіи. Самъ Карамзинъ пріѣзжалъ сюда для постановки спектаклей и для этого театра написалъ пьесу подъ названіемъ: «Только для Марѳина».

Въ числѣ свѣтскихъ любителей, князей Бѣлосельскаго и Козловскаго [74]), графа Чернышева и другихъ, игралъ также Василій Львовичъ Пушкинъ, являясь въ роли Оросмана въ «Заирѣ». По отзывамъ современниковъ, этотъ актеръ-литераторъ отличался весьма неказистою внѣшностью, имѣлъ въ тридцать лѣтъ рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косой животъ, кривой носъ, лице треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles Quint и притомъ очень рѣдкіе волосы и былъ почти безъ зубовъ. Не смотря на такую невзрачность, внѣшность его не имѣла ничего отвратительнаго, а скорѣе была только забавной.

Въ числѣ актеровъ, какъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, подвизался и извѣстный Фил. Фил. Вигель, распѣвая слѣдующіе куплеты въ роли бурмистра въ пьесѣ «Только для Марѳина»:

«Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали встарину,
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воля портитъ лишь жену» и т. д.

На это отвѣчалъ ему другой герой пьесы Карамзина—вахмистръ:

«Нашъ бурмистръ несетъ пустое,
Не указъ намъ старина,
Воля—дѣло золотое» и проч.

Въ числѣ актрисъ-любительницъ играли: вышеупомянутая княгиня П. Ю. Гагарина, П. И. Мятлева, старшая дочь хозяйки дома, графини Салтыковой, вдовы долго начальствовавшаго въ столицѣ графа Салтыкова,—послѣдняя игрою напоминала извѣстную въ то время актрису Вальвиль, затѣмъ княжна Хилкова, которая тоже пѣла и играла, какъ настоящая актриса.

На этомъ домашнемъ театрѣ шли и оперы—такъ извѣстная въ то время опера «Паезіэло», «La servante-maitresse», русскіе: «Два охотника» и излюбленный въ то время «Мельникъ»—Аблесимова.

Мароино съ незапамятныхъ временъ принадлежало роду Салтыковыхъ: сюда изъ Москвы бѣжалъ отъ чумы, въ 1771 г., графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, побѣдитель Фридриха II, и здѣсь съ того времени, потерявъ довѣренность императрицы Екатерины II, жилъ онъ не болѣе года въ опалѣ; по словамъ его біографа,—душевная скорбь прекратила жизнь его. Графъ Салтыковъ былъ очень любимъ солдатами и отличался неустрашимостью и храбростью на войнѣ; во время битвы онъ выказывалъ необыкновенное хладнокровіе: когда ядра летали мимо его, онъ постегивалъ хлыстикомъ вслѣдъ за ними и шутилъ. У него было необыкновенно доброе сердце. Въ разговорахъ онъ отличался шутливостью.

Порошинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что однажды въ присутствіи государыни, когда придворные, хвалясь ловкостью, дѣлали изъ пальцевъ своихъ разныя фигуры, фельдмаршалъ Салтыковъ правою ногою вертѣлъ въ одну сторону, а правою рукою въ другую, въ одно время. Сынъ фельдмаршала, Иванъ Петровичъ, отдалъ Мароино въ приданое своей дочери, когда она вышла замужъ за графа Григ. Влад. Орлова; отъ него оно поступило къ графамъ Панинымъ и отъ нихъ уже къ графу Мусину-Пушкину.

Въ описываемую эпоху въ Москвѣ было множество театраловъ. По признанію одного изъ такихъ театраловъ, поэта Вяземскаго,—привычка къ театру—родъ запоя. «Въ извѣстный часъ послѣ обѣда заноетъ какой-то червь въ груди; дома не сидится, покидаешь чтеніе самой занимательной книги, отвлекаешься отъ пріятнаго и увлекательнаго разговора и отправляешься въ театръ, чтобы въ креслахъ своихъ смотрѣть на посредственныхъ актеровъ и слушать скучную драму». Московская труппа въ тѣ годы была такъ себѣ; большихъ талантовъ и въ особенности образованныхъ актеровъ тогда не было. Репертуаръ, вообще весь русскій репертуаръ, былъ слабъ и скуденъ. «Насъ, между прочимъ», продолжаетъ Вяземскій, «забавляло смотрѣть, какъ нѣкоторые изъ актеровъ на сценѣ, въ

самомъ пылу дѣйствія или любовнаго объясненія, однимъ глазомъ на минуту не смигнуть съ директорской ложи, чтобы видѣть: доволенъ ли ихъ игрою Аполлонъ Александровичъ Майковъ, тогдашній директоръ театра».

Блестящую тогдашнюю московскую молодежь привлекалъ въ особенности балетъ, пламенно воспѣтый Денисомъ Давыдовымъ въ

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.

Съ литографированнаго портрета.

лицѣ красавицы Ивановой и удостоенный похвальнымъ отзывомъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Тогда собственно настоящаго нынѣшняго балета не было, а давался разнохарактерный дивертисментъ, — въ немъ являлись въ разнообразныхъ пляскахъ красивыя, граціозныя и талантливыя танцовщицы.

Первое мѣсто тогда занимала Иванова и затѣмъ живая, увлекательная, черноглазая и густо-черноволосая цыганочка Новикова.

Изъ мужского персонала на московскомъ театрѣ первое мѣсто въ пляскѣ и пѣніи занималъ молодой Лобановъ; въ роли цыгана, съ черною бородою и въ ярко-красномъ архалукѣ, онъ приводилъ, въ извѣстномъ тогда «Семикѣ», въ восторгъ всю публику отъ райка до креселъ своими эксцентрическими и неистовыми «колѣнцами». Со славою Лобанова соперничалъ еще военный писарь Лебедевъ, не принадлежавшій московскому театру, но со стороны, участвовавшій въ «Семикѣ», какъ пѣсенникъ. Голосомъ своимъ онъ звонко заливался; руки его, вооруженныя ложками, фейерверочно вертѣли ихъ; ноги его такъ прытко изворачивались въ присядку, и все тѣло его такъ изгибалось и трепетало, что онъ былъ живой и превосходный образецъ бѣснующагося.

Выше уже мы разсказали про случай съ нимъ, бывшій во время пріѣзда императора Александра I, прекратившій его театральную карьеру навсегда.

Нравы театраловъ въ старое время въ Москвѣ были жестокіе, и Боже избави, если какая нибудь актриса имъ не нравилась: ее зашикаютъ и засвищутъ, не смотря на существовавшіе въ то время строгіе порядки относительно зрѣлищъ. По поводу такого неистоваго протеста театраловъ, М. А. Дмитріевъ приводитъ въ своихъ «Мелочахъ» слѣдующій случай. Какую-то актрису публика не выносила и при появленіи ея шикала, шумѣла и топала; это дошло до Петербурга, приказано было всѣхъ посадить подъ арестъ: кого на гауптвахту, кого просто въ полицію. Посадили человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ графа Потемкина; между ними еще попался нѣкто Сибилевъ, человѣкъ за пятьдесятъ лѣтъ, самый смирный, толстый, съ краснымъ лицомъ; послѣдній являлся безмолвно на бульварахъ и имѣлъ привычку, бывая въ театрахъ, ходить по ложамъ всѣхъ знакомыхъ, что въ то время было не принято въ свѣтѣ. Князь Ник. Бор. Юсуповъ, о которомъ мы выше говорили, любилъ его, потому что надъ нимъ можно было посмѣяться. Онъ называлъ его, по круглой его фигурѣ и по краснотѣ лица, арбузомъ, а по охотѣ его лазить по ложамъ—«ложелазъ», что было тѣмъ смѣшнѣе, что напоминало ловеласа, на котораго совсѣмъ не похожъ былъ Сибилевъ. Повелѣніе было исполнено, но вся Москва раскричалась, лица были извѣстныя. Изъ Петербурга тотчасъ велѣно было всѣхъ выпустить.

Мало этого: государь самъ пріѣхалъ въ Москву посгладить впечатлѣніе. На вечерѣ у князя Голицына онъ изъявилъ желаніе играть въ карты съ графинею Потемкиной, мужъ которой былъ посаженъ подъ арестъ, и былъ съ ней очень любезенъ; выигравъ у нея пять рублей и получая отъ нея деньги, сказалъ ей очень благо-

склонно, что сохранитъ эту бумажку на память. Графиня отвѣчала ему, что она съ своей стороны не имѣетъ нужды въ напоминаніи, чтобы помнить о его величествѣ. Государь отвѣчалъ: «А вы все еще на меня сердитесь за мужа? Забудемте это съ обѣихъ сторонъ». Между тѣмъ въ Москвѣ вышла каррикатура, представляющая лица

Графъ А. А. Закревскій.

Съ литографированнаго портрета.

всѣхъ посаженныхъ подъ арестъ, и впереди ихъ—смиренный Сибилевъ, съ надписью: Le chef de la conjuration.

Въ числѣ большихъ театраловъ въ Москвѣ былъ нѣкто Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Онъ самъ игралъ въ благородныхъ спектакляхъ и былъ хорошимъ актеромъ—всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разочтены, искусства у него было очень много, но натура иногда скрывалась за искусствомъ. Во время его директорства въ театрѣ, онъ

пригласилъ лучшихъ актеровъ; ему много былъ обязанъ московскій театръ; имъ былъ вызванъ Щепкинъ на московскую сцену; имъ были приняты: трагикъ Максинъ, Афанасьевъ, Лавровъ, пѣвецъ Бантышевъ, Ленскій, Рязанцевъ, актриса Львова-Синецкая; въ балетъ при немъ была выписана изъ Парижа Ришаръ и г-жа Гюлленъ. Театральное училище тоже представляло для него главную заботу. Экзамены училища дѣлались публично въ театрѣ, изъ училища при немъ вышли: Живокини, Сабуровъ, Над. Репина, Сабурова, Карпакова, Богданова и другіе.

Въ домъ Кокошкина собирались литераторы и люди высшаго общества; для усвоенія воспитанниками манеръ хорошаго тона у него давались вечера, въ которыхъ по приглашенію принимали участіе и взрослые воспитанники училища. Изъ литераторовъ у него бывали: Мерзляковъ, Загоскинъ, Давыдовъ, Раичъ, оба Дмитріева, Погодинъ, Шевыревъ, Полежаевъ, А. И. Писаревъ; послѣдній началъ свое водевильное поприще подъ руководствомъ Кокошкина. Имъ же были поощрены въ первыхъ своихъ литературныхъ трудахъ Н. Ф. Павловъ, С. Т. Аксаковъ и Ѳ. Ѳ. Кони.

Самъ Кокошкинъ написалъ комедію въ стихахъ «Воспитаніе или вотъ приданое», перевелъ нѣсколько французскихъ мелодрамъ, въ числѣ которыхъ «Жизнь игрока» [73]). Затѣмъ передѣлалъ оперетку «Романъ на одинъ часъ; чертенокъ розоваго цвѣта на одинъ часъ въ отпуску», также перевелъ «Мизантропа» Мольера, который въ первый разъ былъ исполненъ въ 1814 году на благородномъ спектаклѣ. Въ этой же пьесѣ, въ 1815 году, декабря 15-го, въ первый разъ появилась на сценѣ, непринадлежа еще къ театру, М. Д. Львова-Синецкая въ роли Прелестиной (т. е. Селименѣ). Когда Кокошкинъ управлялъ театрами, артисты приходили къ нему какъ къ другу. Онъ жилъ на Вздвиженкѣ, въ угольномъ домѣ, противъ церкви Бориса и Глѣба. Онъ часто по цѣлымъ ночамъ просиживалъ на сценѣ за постановкою пьесъ, боясь поручить ихъ режиссеру или кому нибудь непосвященному въ таинства сцены.

Какъ русскій баринъ, Кокошкинъ жилъ пышно, открыто, привлекая къ себѣ хлѣбосольствомъ, привязывая радушіемъ. Старики-актеры долго помнили его блистательные и очаровательные праздники, которые онъ давалъ въ селѣ Бединѣ, гдѣ великолѣпіе природы смѣшивалось съ роскошью вымысла, гдѣ плавучіе острова Бединскаго озера, воспѣтаго А. И. Писаревымъ, оглашались пѣснями наядъ, игра натуры прикрашивалась игрою искусства, гдѣ простой холмъ надъ заливомъ переносилъ васъ въ древнюю Элладу, гдѣ звучалъ мечъ Ахиллеса и сожигался троянскій флотъ, и гдѣ

тяжелый александрійскій стихъ смѣнялся веселыми пѣснями колонистовъ, не театральныхъ, а дѣйствительныхъ, поселенныхъ Кокошкинымъ близь Бедрина.

Отказавшись отъ театра, онъ пустился въ спекуляцію и сдѣлался фабрикантомъ—въ то время это было въ модѣ—и картофельная мука, патока, глиняная посуда, новыя печи, сальныя свѣчи, все было перепродаваемо новымъ фабрикантомъ и, кажется, не безъ выгодъ для другихъ.

Кокошкинъ былъ два раза женатъ: въ первый разъ на дочери сенатора, И. П. Архаровой, и во второй разъ на актрисѣ; отъ послѣдняго брака онъ имѣлъ дѣтей. За два года до своей смерти онъ былъ разбитъ параличемъ и влачилъ жизнь страдальческую. Онъ умеръ въ Москвѣ въ сентябрѣ 1838 года.

Про Кокошкина ходило множество анекдотовъ; говорили, что онъ никогда не читалъ Шекспира потому, что былъ отчаянный классикъ. По разсказамъ молодыхъ дебютантовъ и актеровъ, онъ училъ ихъ самъ съ голоса, какъ учатъ птицъ, и потому нѣкоторые изъ нихъ играли немножко нараспѣвъ, подражая голосу учителя. Кокошкинъ очень любилъ чтеніе вслухъ и декламацію.

Про него Ал. Ив. Писаревъ говорилъ, что онъ любилъ литературу, какъ средство громко читать. Голосъ у него былъ звучный, интонація обдуманная; особенностью его голоса была необыкновенная гибкость. Когда онъ игралъ на сценѣ, то были слышны даже его тихіе тоны.

Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы они попадали въ октаву, или, правильнѣе, въ тонъ. Но игрѣ Кокошкина очень вредила какая-то необыкновенная торжественность на сценѣ. Внѣшность Кокошкина была оригинальная: онъ былъ очень небольшого роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большой головой и нарумянеными щеками. Носилъ онъ длинные чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а иногда розоваго цвѣта. Онъ казался олицетвореніемъ важности, паѳоса и самодовольствія. И. И. Дмитріевъ, когда былъ министромъ юстиціи, предложилъ ему мѣсто московскаго губернскаго прокурора, но предварительно захотѣлъ посовѣтоваться о немъ съ его тестемъ, Ив. Петр. Архаровымъ. «Охъ, мой отецъ, сказалъ тотъ: велика твоя милость, да малый-то къ театру больно привязанъ!» Дмитріевъ не посмотрѣлъ на это, думая, что театръ не помѣшаетъ дѣлу, и сдѣлалъ его прокуроромъ. Однако, послѣдствія оправдали заключеніе тестя. Кокошкинъ не показалъ стойкости на этомъ важномъ мѣстѣ и недолго занималъ его. Назначая его на мѣсто прокурора, Дмитріевъ

говорилъ, что переводчикъ, передавшій вѣрно и хорошо характеръ Альцеста, долженъ быть самъ человѣкъ добросовѣстный и правдивый.

У Кокошкина была привычка всѣмъ говорить: «мой милый!» Объ этомъ упоминаетъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды Кокошкинъ спорилъ съ Писаревымъ, кто лучше: Расинъ или Шиллеръ? Писаревъ спросилъ его: «Да читали ли вы Шиллера? Вы прочтите».—«Не читалъ, милый, отвѣчалъ Кокошкинъ:— и читать не хочу! Я ужъ знаю, что Расинъ лучше!» Потомъ взглянувши умилительно на Писарева, прибавилъ: «Эхъ, милый, Александръ Иванычъ! Когда я тебя въ чемъ нибудь обманывалъ? Повѣрь же ты мнѣ на слово, что Расинъ лучше!» Этотъ анекдотъ былъ всѣмъ извѣстенъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Москва насчитывала болѣе двадцати домашнихъ театровъ, гдѣ играли крѣпостные люди и сами господа, любители. Изъ такихъ театровъ, какъ мы выше упоминали, первыми были: два театра графа Шереметева, въ Кусковѣ и Останкинѣ, графа Орлова—подъ Донскимъ, Бутурлина и Мамонова—въ Лефортовѣ, на Расгуляѣ—у Мусина-Пушкина, въ Петровскомъ—у Разумовскаго, у Голицына, у Пашкова—на Моховой, въ Люблинѣ, Перовѣ, Рожественѣ, Архангельскомъ; въ Апраксинскомъ Ольговѣ, помимо этого загороднаго, былъ еще театръ на Знаменкѣ, у графа.

Послѣдній театръ въ то время былъ лучшій въ Москвѣ, съ ложами въ три яруса; на немъ играли всѣ знаменитости, посѣщавшія Москву; здѣсь давалась итальянская опера, на любительскихъ же спектакляхъ тутъ игрывали лучшіе тогдашніе любители: Кокошкинъ, Яковлевъ, Гедеоновъ. Въ женскомъ персоналѣ появлялась и сама хозяйка дома. Послѣдняя, по словамъ Благово, никогда не знала своей роли и, подойдя къ суфлеру, спрашивала его: «Comment?» П. Араповъ говоритъ, что въ его время залы княгини З. А. Волконской исключительно оглашались итальянскою музыкою, а театры С. С. Апраксина и Ѳ. Ѳ. Кокошкина предпочтительно принадлежали трагедіи и высокой комедіи.

Пьесы на барскихъ любительскихъ театрахъ преимущественно исполнялись на французскомъ языкѣ, не смотря на то, что эту моду къ иноземному языку осмѣяли наши лучшіе тогдашніе драматурги— Княжнинъ и Фонъ-Визинъ, первый въ роли Фирюлина, въ «Несчастіи отъ кареты», второй—въ «Бригадирѣ», въ лицѣ глупаго бригадирскаго сынка, котораго душа, какъ говорилъ послѣдній, принадлежала французской коронѣ.

Позднѣе И. А. Крыловъ еще злѣе вывелъ тогдашнюю столичную и провинціальную галломанію въ своихъ двухъ комедіяхъ— «Урокъ дочкамъ» и «Модная лавка». Вслѣдъ за нимъ пробовалъ также смѣяться въ своей комедіи и графъ Растопчинъ надъ французскимъ языкомъ и полу-русскимъ воспитаніемъ значительной части дворянскаго сословія. Что же касается до барскихъ театровъ, то ихъ предалъ полному осмѣянію князь Шаховской въ своей комедіи «Полубарскія затѣи». Послѣ этой пьесы столичные и деревенскіе меломаны какъ-то совсѣмъ попріутихли и новыхъ домашнихъ оркестровъ, труппъ и балетовъ уже не учреждали.

ГЛАВА XV.

Дѣвичье поле. — Дома вельможъ. — Древнехранилище Погодина. — Лубочныя картины. — Гулянья на Дѣвичьемъ полѣ въ Екатерининское время. — Случай съ полковникомъ Брандтомъ. — Народный театръ. — Домъ Макарова, птенца Петра Великаго. — Внукъ Макарова. — «Журналъ для милыхъ». — Сотрудницы его. — Позднѣйшая журнальная дѣятельность Макарова. — Его разсказы о прежнемъ бытѣ помѣщиковъ. — Пути сообщенія въ старое время, заставы и проч. — Домъ князя Никиты Трубецкого. — Характеристика этого вельможи. — Домъ Н. П. Архарова. — Московскій Сартинъ. — Сенаторъ Иванъ Архаровъ, братъ оберъ-полиціймейстера. — Архаровскій полкъ. — Розыски. — Анекдоты и разсказы про Архарова.

ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ время у многихъ нашихъ баръ были загородные дома въ отдаленныхъ частяхъ Москвы, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ города. По близости отъ Кремля, встарину, наши вельможи избирали себѣ мѣста большею частью на Дѣвичьемъ полѣ, около Хамовниковъ, у Крымскаго брода.

Дѣвичье поле изстари славилось своими народными гуляньями. Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михаиловичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, отправляясь сюда на богомолье 28-го іюля, имѣли обыкновеніе отсюда встрѣчать крестный ходъ и для того пріѣзжали сюда иногда еще наканунѣ праздника, останавливаясь въ шатрахъ, раскинутыхъ на полѣ, бывали въ монастырѣ у малой вечерни, у всенощной, а въ самый праздникъ и у ранней и у поздней обѣдни и, наконецъ, кушали въ шатрахъ.

Можно вообразить, сколько тогда бывало шатровъ на полѣ и сколько народа, если уже сами цари имѣли обыкновеніе здѣсь проводить праздникъ. Дѣвичье поле, по преданію, получило свое названіе оттого, что сюда на поле дѣвицы гоняли коровъ. Болѣе древнее преданіе гласитъ, что названіе это восходитъ къ временамъ татарскаго ига, когда москвичи сюда приводили дѣвицъ въ дань монголамъ и при отдачѣ ихъ подносили еще на головахъ посламъ молоко и медъ въ серебряныхъ чашахъ.

На Дѣвичьемъ полѣ стоитъ огромное зданіе «Новодѣвичьяго монастыря», строителемъ котораго называютъ фрязина Алевиза, который, въ началѣ XVI столѣтія, кромѣ этого монастыря построилъ многія каменныя церкви.

Въ этомъ монастырѣ проживалъ у своей сестры отрекавшійся отъ престола Борисъ Годуновъ. Здѣсь умоляло его духовенство и бояре принять державу. Этотъ монастырь, какъ и Вознесенскій, долгое время служилъ царскою усыпальницею. Въ немъ погребены царевны, дочери царя Алексѣя Михаиловича—Софія и Екатерина; дочь царя Іоанна IV—Анна, затѣмъ первая супруга Петра Великаго Евдокія Ѳеодоровна, урожденная Лопухина. Въ «Древней Вивліоѳикѣ» сказано, что тѣло царевны было сперва погребено въ Софіевской церкви и уже впослѣдствіи было перенесено въ соборъ. Каменные гробы почившихъ царицъ стоятъ на помостѣ храма, надъ ними устроены изъ кирпича надгробницы, покрытыя суконными и бархатными покровами. Въ этомъ монастырѣ послѣ заговора Щегловитаго въ 1689 году, заключена была сестра императора Петра I, царевна и соправительница Софія «за извѣстныя подъискательства». Но не взирая на бдительность стражи, царевна чуть-чуть не бѣжала изъ монастыря; черезъ пять лѣтъ Софія опять успѣла раздуть пламя мятежа въ стрѣльцахъ, посягая на жизнь царя. Но бунтъ былъ во-время усмиренъ царемъ и крамольные стрѣльцы повѣшены передъ окнами кельи царевны съ челобитными въ рукахъ, въ которыхъ умоляли ее принять престолъ. Въ этомъ монастырѣ провела царевна послѣдніе дни свои, до конца не оставляя властолюбивыхъ своихъ замысловъ.

Въ 1808 году умерла въ Новодѣвичьемъ монастырѣ столѣтняя старица, которая помнила царевну и указывала ея келью. Въ монастырѣ была игуменья Елпидиѳорія, изъ фамиліи Кропотовыхъ, у которой сохранялся портретъ царевны Софьи. Императоръ Павелъ навѣщалъ эту игуменью и жаловалъ наградами. По разсказамъ, она также была послѣдней самовидицей жизни царевны въ монастырѣ.

Близь Троицкой дороги, не доѣзжая села Рахманова, было село Сафрино, нѣкогда принадлежавшее графинѣ Ягужинской. Прежде это была собственность царевны Софьи, точно такъ же, какъ и село Сафрино, при берегахъ Москвы-рѣки по зимней рязанской дорогѣ. Тутъ были богатые плодовые сады, разведенные самою Софьею, а домъ Ягужинскихъ былъ нѣкогда дворцомъ ея. Впослѣдствіи онъ былъ перестроенъ.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ помнили еще его: онъ былъ съ чистыми сѣнями, расположенными посрединѣ двухъ большихъ связей, изъ коихъ каждая раздѣлялась на двѣ свѣтлицы.

Въ Сафринѣ свѣтлѣлъ чистыми водами прудъ опальной царевны, богатый рыбою и обсаженный вербами, на которыхъ долго виднѣлись литеры, означавшія имена царевны и друзей ея. Въ литерахъ этихъ угадывали имена князя Василія Голицына, Семена Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Соковнина и другихъ.

Народная молва передавала, что Сафрино прежде называлось Софьинымъ же, но что при пожалованіи его въ помѣстье имя Софьино измѣнено для какихъ-то причинъ.

Извѣстный знатокъ московской старины А. А. Мартыновъ отвергаетъ всѣ эти преданія, а предполагаетъ, что село Сафрино принадлежало нѣкогда роду дворянъ Сафариныхъ.

Лѣтъ сто тому назадъ ходила молва [76]), что подъ мостомъ при деревнѣ Голыгиной (на Троицкой же дорогѣ) въ каждую полночь жаловались и плакались души Хованскихъ, казненныхъ по домогательству, будто бы, царевны Софьи въ селѣ Воздвиженскомъ и потомъ затоптанныхъ въ гати подъ Голыгиной; что долго тѣни несчастныхъ сына и отца Хованскихъ выходили на Голыгинскую гать, останавливали проѣзжихъ и прохожихъ и требовали свидѣтельствъ по суду Божію на князя Василія Голицына, и Хитрова. Говаривали, что одинъ изъ Хованскихъ, кланяясь прохожимъ, снималъ свою отрубленную голову, какъ шапку. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, тѣни Хованскихъ были замѣнены подъ Голыгинскою гатью стономъ лѣшаго, но теперь нѣтъ, кажется, уже и лѣшаго.

На Дѣвичьемъ полѣ нѣкогда стоялъ деревянный домъ, знакомый каждому изъ москвичей; здѣсь проживалъ со своими рукописями, автографами и вѣковыми хартіями профессоръ Погодинъ. Имъ занесено на страницы издававшагося имъ «Москвитянина» слѣдующее преданіе о Дѣвичьемъ полѣ въ день 1-го декабря, чтимое посейчасъ въ обители ежегоднымъ торжественнымъ всенощнымъ бдѣніемъ съ акаѳистомъ, въ свидѣтельство истины этого происшествія.

Въ морозную декабрьскую ночь очередной дьячокъ спалъ глубокимъ сномъ въ сторожкѣ у переднихъ воротъ монастыря. Вдругъ чудится ему, что кто-то стучитъ въ окно и велитъ идти благовѣстить къ заутрени.

Онъ просыпается, выходитъ на дворъ, посмотрѣлъ на небо: нѣтъ, еще слишкомъ рано; идетъ старикъ досыпать въ сторожку.

И. П. Архаровъ.

Съ портрета, принадлежащаго А. А. Васильчикову.

Лишь только закрылъ глаза, опять будто кто-то толкаетъ его въ бокъ: пора къ заутрени. Очнулся — вышелъ въ другой разъ; смотритъ опять на небо — нѣтъ, все еще рано. Ворча, опять уходитъ старикъ спать.—«Ступай благовѣстить», въ третій разъ раздается у него въ ушахъ, когда онъ едва уснулъ.

Дьячокъ вскочилъ испуганный; досада его взяла.—«Ударю въ колоколъ», подумалъ онъ,—«не стану смотрѣть на звѣзды; нужды нѣтъ, что рано: пускай посердится батько».

Вышелъ изъ сторожки и идетъ онъ стѣною и видитъ чрезъ зубцы, что по монастырю ходятъ взадъ и впередъ какіе-то люди съ фонарями и свѣчами, что къ паперти подъѣхало много пошевней тройками. Видитъ что-то недоброе. Бѣжитъ на колокольню и звонитъ во всѣ колокола, что ни есть мочи. Раздается громъ на все поле. Всѣ въ монастырѣ просыпаются и бѣгутъ со всѣхъ сторонъ къ церкви узнать, что за тревога, и видятъ—въ заднія ворота скачетъ вонъ изъ монастыря что есть духу троекъ двадцать къ Москвѣ-рѣкѣ. Слышитъ звонъ и царь Петръ Алексѣевичъ, пировавшій въ то время на Пречистенкѣ. — «Скорѣе сани», кричитъ Петръ, — «пошлите за солдатами». Думаетъ царь: «Въ Дѣвичьемъ монастырѣ живетъ заключенная его сестра—опять нѣтъ ли какого стрѣлецкаго заговора».

Прискакалъ царь съ свитой къ монастырю, стучится въ ворота, не отпираютъ.—«Ломай ворота», командуетъ Петръ,—приносятъ ломы, заступы, топоры, бьютъ, ломаютъ, кто-то успѣлъ перелѣзть черезъ стѣну и растолковать испугавшемуся причту, что пріѣхалъ царь. Ворота отперли.—«Что у васъ тутъ дѣется?» спрашиваетъ государь.— И всѣ въ одинъ голосъ начинаютъ разсказывать, что къ нимъ пріѣзжали воры, всѣ замки церковные сбиты, двери выломаны, образа, ризы, дорогія вещи собраны были уже въ вороха и вынесены на паперть, но дьячокъ зазвонилъ тревогу и воры, не успѣвъ покласть добра на воза, испуганные ускакали.

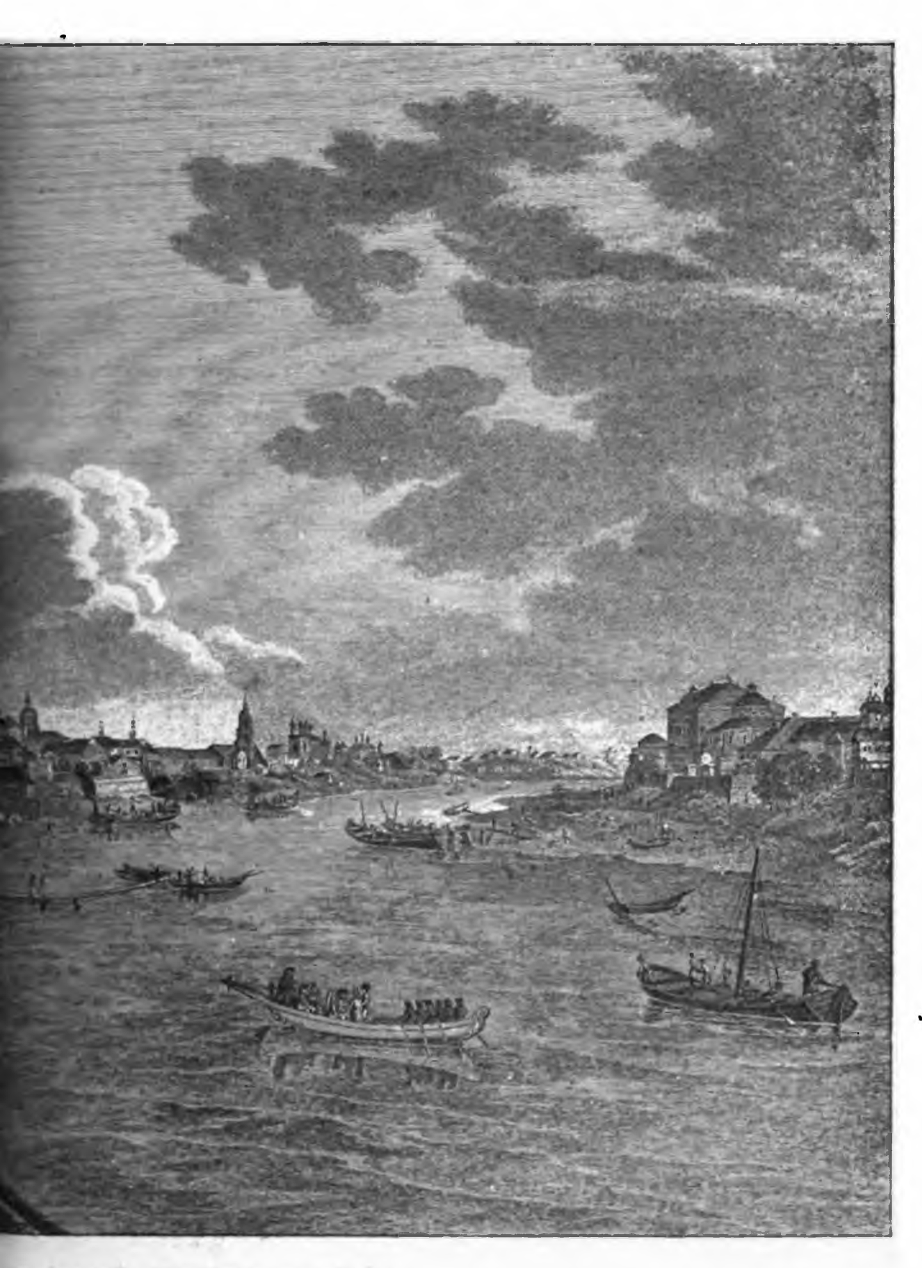
Петръ обошелъ, все осмотрѣлъ и обходя замѣтилъ, что вездѣ на полу, по снѣгу накапано было множество воску.—«Перехватать завтра всѣхъ», говоритъ онъ, — «кто попадется въ кафтанѣ, залитомъ воскомъ на рынкахъ, площадяхъ, по улицамъ и привесть ко мнѣ». Приказъ исполненъ и на другой день собрано было къ нему со всей Москвы множество народа, закапаннаго воскомъ, въ которомъ по лицамъ легко уже было зоркому взгляду царя отличить виноватыхъ отъ невинныхъ. Такимъ образомъ грабители были пойманы.

Разсказъ этотъ Погодинъ слышалъ отъ старика монастырскаго священника.

Въ домѣ профессора М. П. Погодина было собраніе русскихъ древностей въ полномъ объемѣ: здѣсь были древнѣйшія иконы — живописныя, литыя, рѣзныя, изъ кости, изъ камня, дерева, шитыя; кресты, рѣдчайшія старопечатныя славяно-церковныя книги, рукописи, монеты, различная утварь, оружіе, грамоты и судебныя

Видъ Яузскаго моста въ

Съ гр



въ концѣ прошлаго столѣтія.
...да 1797 года.

дѣла древности, автографы, эстампы, лубочныя картины, курганныя вещи, первыя изданія и проч.

Много десятковъ лѣтъ тому назадъ Москва была богата такими музеями и имѣла многія частныя собранія. Такъ, П. Ѳ. Карабановъ собралъ превосходную коллекцію, какъ бы служившую дополненіемъ къ древностямъ и рѣдкостямъ Оружейной Палаты—въ нее вошли собранія: А. В. Олсуфьева, П. П. Бекетова и Ѳ. В. Каржавина. Въ числѣ его рѣдкостей у него было единственное собраніе русскихъ портретовъ и монетъ царскаго періода; послѣднихъ также было весьма значительно и у А. Д. Черткова, гг. Раковыхъ и С. Г. Строганова, профессора Буазе, графа Мусина-Пушкина, Бекетова, князя В. Д. Голицына, грека Зосимы, Шестынина, Нечаева, Головина, Макарова, Писарева, Шпревица (преимущественно восточная монета, описанная Френомъ). Собиратели монетъ для продажи были: гг. Лухмановъ, Шуховъ, Шульгинъ, Бардинъ, Волковъ.

Большая часть такихъ нумизматическихъ сокровищъ уничтожена и вовсе теперь не существуетъ. Такъ, собранія профессора Буазе и Мусина-Пушкина сгорѣли въ 1812 году въ Москвѣ, изъ послѣдней коллекціи цѣлы посейчасъ только двѣ монеты,— тогда единственный Ярославлевъ рубль, въ слиткѣ, поднесенный владѣльцемъ Академіи Наукъ, да гривна золотая, поднесенная имъ Александру I, хранящіяся, кажется, теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Изъ торговцевъ монетами былъ знаменитъ торговавшій прежде въ Москвѣ, а потомъ въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, по Перинной линіи, Е. С. Петровъ.

Для примѣра, какъ цѣнились тогда русскія монеты, приведемъ цѣны изъ имѣющейся у насъ рукописной тетрадки нумизмата 1830 года. Такъ, напримѣръ, серебряная полуполтина царя Алексѣя Михаиловича была куплена за 125 рублей. Золотой, съ надписью «Россійскій рублевикъ», 1710 года за 400 рублей; мѣдныя платы, привезенныя П. П. Свиньинымъ изъ Екатеринбурга, были проданы графу Ѳ. А. Толстому по 150 руб. за штуку. Маленькая серебряная монета Владиміра была куплена у нумизмата Келлера за 400 рублей собирателемъ С. Еремѣевымъ; монета эта была найдена въ 1823 году въ Ростовскомъ уѣздѣ. Послѣдній также купилъ пятикопѣечникъ 1723 года съ изображеніемъ всадника за 500 руб.

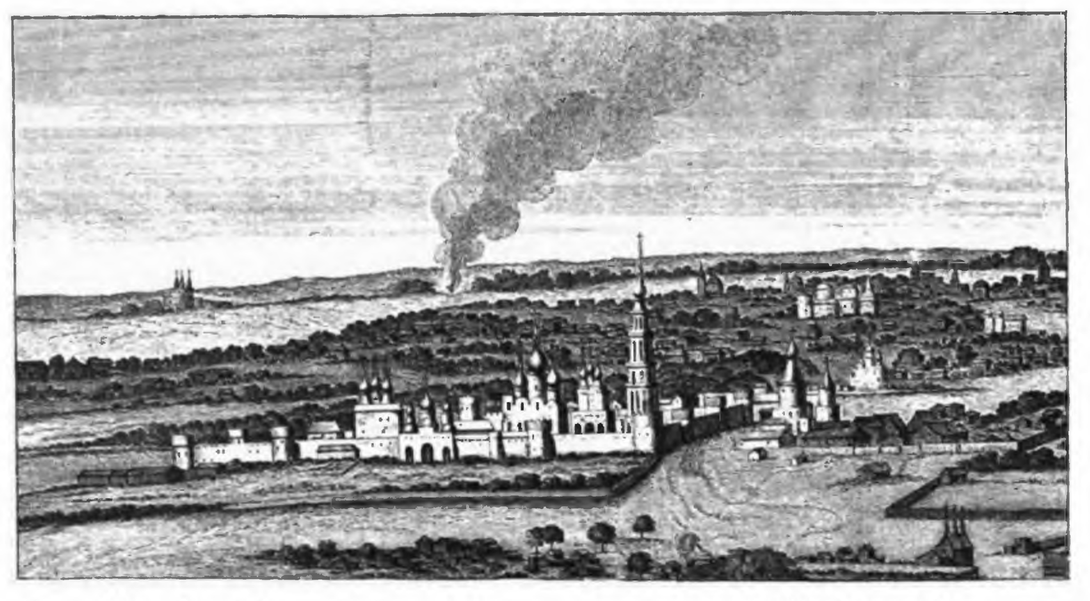
Съ этимъ пятикопѣечникомъ случилась неожиданная исторія: желая сдѣлать его доступнымъ всѣмъ собирателямъ, Еремѣевъ отдалъ его граверу, снять съ него снимокъ на мѣди. Въ то самое

время, когда граверъ несъ къ владѣльцу доску, пятикопѣечникъ былъ имъ потерянъ. Тщетны были всѣ поиски: доска Еремѣевымъ была пожертвована въ Московское историческое общество, гдѣ, къ трудамъ его, и былъ приложенъ снимокъ съ этого пятикопѣечника. Также весьма дорого цѣнился въ тридцатыхъ годахъ четвертакъ Іоанна Антоновича, считавшійся величайшею рѣдкостью; за него было заплачено въ то время 800 рублей ассигнаціями.

Собранія по части древней русской иконописи были: Г. Т. Молошникова, И. В. Стрѣлкова, графа С. Г. Строганова (къ нему поступило впослѣдствіи бывшее Папуринское), А. А. Рахманова, С. Н. Тихомірова. Изъ древнихъ рукописей богатѣйшая была у И. Н. Царскаго, князя М. А. Оболенскаго, И. А. Гусева (впослѣдствіи перешедшая къ К. Т. Солдатенкову), А. И. Лобанова, Г. И. Романова. Старопечатныхъ книгъ много было у И. Н. Царскаго, А. А. Рахманова, В. М. Ундольскаго. Огромное и единственное въ Европѣ прежде Голицынское собраніе рисунковъ и эстамповъ первѣйшихъ мастеровъ было у князя И. А. Долгорукова; собраніе драгоцѣнныхъ эстамповъ у Н. Д. Иванчино-Писарева (послѣдній купилъ также значительную часть коллекцій Власова), затѣмъ Д. А. Ровинскаго, Маковскаго, Новосильцева. Послѣдніе собиратели не брезгали и лубочными московскими картинами.

По московскимъ преданіямъ, рѣзчики лубочныхъ картинъ жили прежде у Успенія въ печатникахъ. Знаменитая московская лубочная печатница Ахметьева, основанная въ половинѣ XVIII вѣка, существовала около ста лѣтъ у Спаса въ Спасской, за Сухаревой башней, переходя отъ одного хозяина къ другому. Говорятъ, что Ахметьевъ получилъ свое заведеніе въ приданое за своею невѣстою. У него работали въ печатницѣ на двадцати станахъ. При старикѣ доски вырѣзались въ заведеніи. Подлинники или «истинники» буквально переносились рѣзчиками съ одной доски на другую и отличались вѣрностію копировки. Когда же вступила въ управленіе Ахметьевскою печатницею Татьяна Аѳанасьевна, то истинники раздавались по деревнямъ и тамъ уже правильная рѣзьба на деревѣ обратилась въ кустарное грубое ремесло. Рѣзчики начали своевольно отступать отъ истинниковъ и вмѣсто русскаго народнаго платья появились на «персонахъ» наряды нѣмецкіе.

Вмѣстѣ съ изуродованіемъ персонъ начали портить и тексты народныхъ сказокъ. Всѣ отпечатанные листы изъ Ахметьевской печатни отдавались по деревнямъ. Раскраска преимущественно производилась четырьмя главными цвѣтами: краснымъ, желтымъ, синимъ и голубымъ.



Новодѣвичій монастырь и Дѣвичье поле въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ старинной гравюры.

Но никто въ Москвѣ лучше не умѣлъ раскрашивать картинъ, какъ извѣстная старушка Ѳедосья Семеновна съ сыномъ. Старыя лубочныя картины теперь очень рѣдки. Средоточіемъ продажи лубочныхъ изданій всегда была Москва; продавались они встарину у Спасскаго моста, близь стараго бастіона; около нихъ всегда толпилась масса народа. Здѣсь сидѣли наши народные слѣпцы, распѣвавшіе Лазаря и Алексѣя Божьяго человѣка. Отъ Спасскаго моста они перешли къ оградѣ Казанскаго собора. Здѣсь засталъ ихъ 1812 годъ. Послѣ этого ихъ согнали къ Холщевому ряду, и послѣ вытѣснили въ Квасной рядъ. Временныя выставки лубочныхъ произведеній бывали на Смоленскомъ рынкѣ и у Сухаревой башни по воскресеньямъ.

Во время пожара 1812 года погибло много народныхъ источниковъ, драгоцѣнныхъ по изобрѣтенію и по тексту. И теперь уже не встрѣтишься ни съ «Ершомъ», ни съ «Бовою», ни съ «Аникою», ни съ «Мышами, погребающими кота» или съ «Веселою масляницею».

Въ царствованіе Екатерины II, лѣтомъ, въ каждый праздникъ и каждое воскресенье, на Дѣвичьемъ полѣ было общественное многолюдное гулянье людей высшаго круга. Особенно здѣсь торжественно праздновался день 13-го мая. На полѣ щеголи Екатерининскихъ временъ имѣли обычай ѣздить верхомъ для прогулокъ. «Подъ-Дѣвичье» считалось за самое лучшее и блистательнѣйшее гулянье.

Жихаревъ разсказываетъ, что въ его время въ 1803 году на такихъ гуляньяхъ въ Москвѣ обращала вниманіе карета какого-то Павлова, голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой, съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченыхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшія были графа Орлова-Чесменскаго, графа П. И. Салтыкова, Поливанова и другихъ. Гулянье подъ Дѣвичьимъ особенно многолюдно было о Пасхѣ. Тогда каретъ и кавалькадъ счета не было. По случаю гулянья подъ Дѣвичьимъ, во всѣхъ барскихъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, назначаемы были большіе вечера и балы. На Дѣвичьемъ назначались въ то время тоже парады для войскъ.

На одномъ изъ такихъ плацъ-парадовъ, еще въ Павловское время, вскорѣ послѣ пріѣзда императора въ Москву для коронаціи, произошелъ слѣдующій случай. Въ послѣдній годъ царствованія императрицы былъ выпущенъ изъ конной гвардіи поручикъ Брандтъ премьеръ-маіоромъ въ Астраханскій гренадерскій, впослѣдствіи Архаров-

скій, полкъ. Брандтъ былъ молодой человѣкъ, вспыльчиваго характера. Вечеромъ онъ получилъ записку, содержавшую приказъ отъ экзерцирмейстера полковника Н., чтобы на другой день въ 8 часовъ представить полкъ на Дѣвичьемъ полѣ; Брандтъ дошелъ до Зубова, остановился и ожидалъ, чтобы на Спасской башнѣ ударило 8 часовъ.

Едва пробило, какъ Брандтъ вступилъ на плацъ-парадъ, гдѣ уже экзерцирмейстеръ прохаживался. Брандтъ подошелъ къ нему съ рапортомъ. «Ты опоздалъ», сказалъ полковникъ.—«По запискѣ вашей, отвѣчалъ Брандтъ,—я привелъ полкъ въ 8 часовъ».—«Неправда, я приказалъ быть въ 7 часовъ».—«Записка ваша при мнѣ».—«Покажи». Брандтъ подалъ. Прочитавъ записку, экзерцирмейстеръ разорвалъ ее въ куски. Это взорвало Брандта. «Зачѣмъ ты ее изорвалъ, сказалъ онъ;—грамотѣ не знаешь, вмѣсто 7 написалъ 8 и теперь меня обвинить хочешь!».—«Тише, молодецъ!» и въ запальчивости своей экзерцирмейстеръ произнесъ неприличное слово насчетъ прежняго, при Екатеринѣ, порядка вещей. Но онъ не успѣлъ еще договорить, какъ пощечина была уже на щекѣ его. По командѣ дошло это происшествіе до государя. Брандтъ былъ разжалованъ въ солдаты и во все время коронаціи оставался рядовымъ въ Архаровскомъ полку.

За двѣ недѣли до отъѣзда императора въ Петербургъ пріѣзжаетъ въ полкъ фельдъегерь, съ повелѣніемъ представить императору рядового Брандта. Брандтъ введенъ былъ въ кабинетъ императора, сталъ у дверей во фронтъ и твердымъ голосомъ произнесъ: «Здравія желаю вашему императорскому величеству!» Государь подошелъ къ нему и сказалъ: «У Царя небеснаго нѣтъ правосудія безъ милосердія и у царя земного быть не должно. Вы поступили противъ субординаціи, я вынужденъ былъ васъ наказать, но вы, какъ благородный человѣкъ, защищали вашу императрицу. Поцѣлуемтесь, г. полковникъ».

На Дѣвичьемъ полѣ въ 1769, 70 и 71 годахъ былъ открытъ первый казенный народный театръ; въ немъ давались представленія безплатно по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ. На содержаніе театра, на наемъ комедіантовъ и музыкантовъ опредѣлено было отпускать на каждый годъ по 300 рублей изъ подлежащихъ до московской полиціи доходовъ.

Содержать этотъ театръ и давать представленія обязался уволенный отъ дѣлъ бывшей московской гофъ-интендантской конторы канцеляристъ Илья Скорняковъ и это обязательство исполнялъ три года въ лѣтнее время, начиная съ недѣли послѣ Святой и до осени,

до Покрова дня. Представленія были: «комедіянскія-увеселительныя» интермедіи и курьезныя шпрынгъ-мейстерскія дѣйствія. Представленія начинались въ 3 часа и оканчивались въ 6 часовъ; «позывку» же для собиранія народа музыкантамъ на трубахъ или волторнахъ было приказано начинать въ началѣ перваго часа. Съ появленіемъ въ Москвѣ моровой язвы, спектакли на Дѣвичьемъ полѣ прекратились и, какъ видно изъ дѣла московской управы благочинія 1769 года, за № 4,115, болѣе уже не возобновлялись.

Въ Екатерининское время Дѣвичье поле отъ слободы до монастыря не было такъ широко какъ нынче; въ его поймахъ стояли не фабрики, не сады господскіе, но огороды монастырскіе и рощи.

Гулъ колоколовъ съ церквей московскихъ сладко пѣлъ по этимъ рощамъ; но сладокъ ли онъ былъ для заключенныхъ вмѣстѣ съ царевной Софьей въ оградѣ монастырской? На Остоженкѣ, подлѣ церкви Успенія, почти на Буйвищѣ (кладбищѣ), жилъ Козьма Макаровъ, старшій письмоводитель канцеляріи Петра. Свѣтлый домикъ Макарова прямо смотрѣлъ на Дѣвичій монастырь, и говорили въ то время, что самъ хозяинъ долженъ былъ смотрѣть только на поле къ монастырю. Императоръ нерѣдко бывалъ въ этомъ домикѣ, онъ грустилъ здѣсь и говорилъ о строптивой сестрѣ своей Софьѣ. Хозяинъ этого домика погребенъ въ церкви Успенія; надъ нимъ долго стоялъ его родовой образъ св. Харлампія. Эта икона и посейчасъ находится въ названномъ храмѣ.

Братъ этого Макарова по отцу Алексѣй Васильевичъ, былъ любимымъ кабинетъ-секретаремъ Петра I; Гельбигъ говоритъ, что царь будто взялъ его къ себѣ и составилъ его счастье за то, что онъ былъ очень толковый мальчикъ и занимался у него списываніемъ секретныхъ бумагъ. Макаровъ былъ неграмотенъ и копировалъ механически. Извѣстіе это неправдободобно: какъ же, въ такомъ случаѣ, Макаровъ могъ прочесть несчастному Шафирову смертный приговоръ и потомъ объявить ему помилованіе? Макаровъ былъ женатъ на дочери дьяка московскаго военнаго приказа Ив. Петр. Топильскаго—онъ сговоренъ былъ въ Москвѣ, но свадьба его состоялась въ Петербургѣ.

Изъ имѣющейся у насъ рукописи видно, что по указу Топильскій, со всею своею свитою, прибылъ въ Петербургъ, и 6-го февраля 1715 г. происходилъ въ Исаакіевской церкви, по церковному обычаю, обрядъ бракосочетанія, который совершалъ іерей Алексѣй, прозваніемъ Грачъ, въ присутствіи царя и многихъ знатныхъ особъ, и потомъ всѣ пошли въ домъ его величества, гдѣ новобрачные были посажены подъ устроенными двумя балдахинами.

Послѣ публичнаго стола новобрачныхъ всѣ гости проводили до дома Макарова. На другой день «въ домъ новобрачныхъ пріѣзжалъ государь, подчивалъ венгерскимъ и самъ, по своей высокой милости, про ихъ здоровье изволилъ выпить рюмку. Послѣ кушаньевъ забавлялись музыкою и танцованіемъ разныхъ персонъ перемѣняемыхъ, въ удовольствованіи всякихъ конфектовъ и деликатныхъ закусокъ и напитковъ». На бракосочетаніи были: отцомъ— самъ государь и матерью—царица и свѣт. кн. Меншикова, братья Ад. Ад. Вейде и князь Василій Володимировичъ (?), сестры: княгиня Настасья Петровна и Марѳа Андреевна (?), маршалкъ князь Ягужинскій, форшнейдеръ Мешукобъ (?), ближняя дѣвица, вдова

Новодѣвичій монастырь въ XVIII столѣтіи.

Съ старинной гравюры.

да-Балкова (де-Балкъ), шафера: Игнатій Мухановъ, Прокопій Мурзинъ, Иванъ Кочетовъ, Семенъ Алабердѣевъ, Ермолай Скворцовъ, Никита Витгофъ, Иванъ Синявинъ».

Голиковъ говоритъ, что Макарова Петръ, какъ уже упомянуто выше, замѣтилъ еще мальчикомъ, въ бытность свою въ Вологдѣ, опредѣлилъ сперва къ себѣ писцомъ и затѣмъ уже произвелъ въ кабинетъ-секретари и съ тѣхъ поръ онъ неотлучно состоялъ при царѣ и сопутствовалъ Петру даже во всѣхъ заграничныхъ его путешествіяхъ; Макаровъ пользовался большою довѣренностью царя и хранилъ у себя значительныя казенныя суммы; онъ приводилъ въ исполненіе тайные приказы государя, неизвѣстные даже Прави-

тельствующему Сенату, и напоминалъ послѣднему о его обязанностяхъ, для чего и былъ оставленъ въ Москвѣ въ 1723 году.

Макаровъ пользовался большою довѣренностью и императрицы Екатерины I и даже, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, вспомоществовалъ ей въ полученіи престола. На сдѣланный ему вопросъ почетнѣйшимъ духовенствомъ и всѣмъ генералитетомъ: оставилъ ли покойный императоръ духовное завѣщаніе или нѣтъ? отвѣчалъ, что незадолго до послѣдней своей поѣздки въ Москву государь уничтожилъ духовную, прежде имъ написанную, и намѣревался составить другую съ этою мыслью, не разъ выраженною вслухъ, «что если народъ, возведенный имъ на высочайшую степень славы и могущества, въ состояніи забыть его благодѣянія, то не желаетъ онъ посрамить послѣдней воли своей; буде же россіяне умѣютъ цѣнить подъятые имъ труды для благоденствія ихъ, ему не нужно излагать на бумагѣ намѣреній, торжественно уже объявленныхъ». Ѳеофанъ Прокоповичъ и Меншиковъ подтвердили слова Макарова, не смотря на голоса нѣкоторыхъ противниковъ этой рѣчи. Макаровъ былъ произведенъ императрицей Екатериной въ генералъ-маіоры и на другой годъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ.

Сверхъ того онъ получилъ нѣсколько деревень. Въ концѣ царствованія Екатерины Макаровъ покинулъ свою придворную службу. При вступленіи на престолъ Петра II онъ былъ назначенъ президентомъ камеръ-коллегіи. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ онъ все еще состоялъ въ этой должности. Онъ умеръ въ 1750 году, въ кругу своего семейства. Дочь его отъ второго брака была замужемъ за генералъ-аншефомъ княземъ Мих. Ник. Волконскимъ.

Внукъ этого Макарова, Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, извѣстенъ своими многочисленными литературными трудами. Онъ принадлежалъ, какъ и его однофамилецъ, издатель «Московскаго Меркурія», къ числу ревностныхъ карамзинистовъ; свою литературную дѣятельность онъ началъ семнадцати лѣтъ—изданіемъ «Журнала для милыхъ» (1804). Макаровъ, какъ самъ позднѣе сознавался, въ первый разъ встрѣтилъ Карамзина въ типографіи и тотчасъ же поднесъ ему билетъ на «Журналъ для милыхъ». Карамзинъ поблагодарилъ его и сказалъ: «въ первый разъ еще вижу дѣтей журналистами». Онъ зналъ уже журналъ Макарова: содержаніе журнала была пустота съ сентиментальностью и какое-то жалкое и безсильное поползновеніе къ непристойности.

«Сѣверный Вѣстникъ» Мартынова, по выходѣ первой книги, далъ совѣтъ, чтобъ «милыя и въ руки не брали этого журнала». Юный Макаровъ началъ издавать его съ помощью одного сту-

дента славяно-греко-латинской академіи И. В. Смирнова; цѣлью его было не одно угожденіе милымъ, но опровержение обвиненій Шишкова, направленныхъ противъ Карамзина, однако во всемъ журналѣ и подозрѣвать нельзя такого героическаго предпріятія! Полемика была поручена сотрудницамъ, извѣстнымъ только однимъ издателямъ.

По словамъ М. А. Дмитріева, сотрудницами его были двѣ кроатки, по обстоятельствамъ пріѣхавшія въ Москву—очень юныя дѣвицы: княгиня Елизавета Трубеска и сестра ея А. Безнино. Онѣ

А. В. Макаровъ.
Съ портрета неизвѣстнаго художника.

учились по-русски у того же студента Смирнова. Имъ-то ввѣрена была критика. Журналъ не могъ, однако, продолжаться. Тогда издатели уговорили одну изъ сотрудницъ издавать другой, отъ своего имени. Она не задумалась и немедленно объявила въ газетахъ о новомъ журналѣ «Амуръ» и перевела свою фамилію по-русски, т. е. вмѣсто кн. Трубеска подписывалась подъ программой княжна Елизавета Трубецкая. Княжна такого имени и фамиліи была извѣстна въ Москвѣ въ большомъ свѣтѣ; можно себѣ представить, сколько хлопотъ стоило это бѣдному Макарову. Журналъ не состоялся и обѣ кроатки отъѣхали ни съ чѣмъ заграницу.

Въ 1811 году Макаровъ издавалъ въ Москвѣ «Журналъ драматическій», ежемѣсячно небольшими книжками: вышло всего 11 книжекъ. Въ журналѣ помѣщались пьесы драматическія, театральные разборы, стихотворенія и пр.; въ немъ борьба съ послѣдователями Шишкова была въ полномъ разгарѣ. Позднѣе Макаровъ писалъ небольшія статьи о преданіяхъ старины рязанской и московской, а также и библіографическія извѣстія о старыхъ книгахъ: въ «Наблюдателѣ», «Дамскомъ Журналѣ», «Молвѣ», «Репертуарѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Москвитянинѣ».

Особенно интересны его разсказы о жизни недостаточныхъ помѣщиковъ, осуждавшихъ себя на вѣчное житье въ подмосковныхъ и другихъ имѣніяхъ. По словамъ его, жилыя постройки ихъ большею частію состояли изъ двухъ деревянныхъ связей, раздѣленныхъ сѣнями, которыя, однакожъ, впослѣдствіи обращались иногда въ пріемную комнату, сѣни же прирубались съ боковъ; все это было крыто соломенными снопиками, иногда тростникомъ.

У нѣкоторыхъ господъ бывали небольшіе домики, выстроенные хотя и прочно, но безъ законовъ симметріи — кое-какъ; на этихъ домикахъ, вчастую на переднемъ фасѣ, между ужасными простѣнками, бывало только четыре окна, а надъ крышею торчала одна безобразно-широкая и кривая труба, размалевываемая только для пріѣзда гостей или для праздника известью. Печи въ этихъ зданіяхъ, худо складенныя и послѣ ихъ топки неумѣло закрываемыя, очень часто производили угаръ и потому нерѣдко случалось видѣть хозяевъ съ обвязанными головами. Съ этой стороны зимняя жизнь нашихъ помѣщиковъ бывала для нихъ не радостна. Нѣкоторыя изъ такихъ печей собраны были еще изъ самыхъ старинныхъ изразцовъ, на иныхъ изъ нихъ изображались и такія эмблемы, какъ напримѣръ: «Купидо обуздываетъ льва, или его же льва, онъ же, Купидо, сочиняетъ агнцемъ» и проч. На другихъ кафляхъ рисовались голландскіе рыбаки на ловлѣ сельдей. Такіе, напримѣръ, въ деревенскомъ домѣ Макаровыхъ сберегались отъ прадѣда, который, какъ мы выше говорили, служилъ при Петрѣ и имѣлъ случай доставать ихъ прямо изъ Голландіи. Отъ такой выписки кафлей изъ Голландіи и всѣ наши печи приняли на Руси названіе голландскихъ.

Печи дѣлались на одинъ фасонъ, колонками, которыми обыкновенно убирались самыя богатѣйшія наши печи во впадинахъ и лежанкахъ. Заслонки на этихъ печахъ навѣшивались обыкновенно латунныя, со многими отверстіями, но теплыхъ душниковъ проводить не умѣли и при затопкѣ печи дымъ изъ душника для помѣщика

былъ дѣломъ обыкновеннымъ. Тутъ суетились за глиной, за мякиннымъ хлѣбомъ, мазали печь и портили все до-нельзя.

Стѣны помѣщичьихъ домовъ украшались картинками нѣмецкой гравировки, всего чаще миѳологическими, въ числѣ которыхъ бывало всегда нѣсколько одинаковыхъ, напримѣръ амуры. Вмѣсто офортовъ бѣлѣли ящики съ чучелами бѣлокъ, хорьковъ, щеглятъ, снигирей и проч.

Передъ домами густо росли березки, ивнякъ; старики увѣряли, что густо насаженныя деревья служатъ лучшею защитою строенія отъ бурь и зимнихъ мятелей. Въ большихъ комнатахъ, какъ, напримѣръ, залы и гостиныя, у богатыхъ помѣщиковъ печей совсѣмъ не было: по зимамъ въ нихъ не жили.

Путешествіе по дорогамъ какого нибудь помѣщика тянулось большой вереницей и экипажей десять считалось очень малой свитой.

На заставахъ всюду были караулы полицейскихъ чиновниковъ—этотъ обычай былъ повсемѣстный въ Европѣ. Каждый долженъ былъ при проѣздѣ записываться, но никто въ то время не записывался своимъ именемъ, а говорилъ имя, какое ему взбредетъ на умъ. Эта свобода на заставахъ перешла къ намъ съ заставъ заграничныхъ; тамъ, по словамъ Карамзина, чего-чего не говаривалъ проѣзжающій. Шлагбаумовъ не было, вмѣсто нихъ стояли на полуизломанныхъ колесахъ рогатки, охранявшіяся наемными полицейскими нижними чинами, десятниками.

Въ караульнѣ сидѣлъ въ худомъ колпакѣ и въ позатасканномъ халатѣ, нѣкогда бѣломъ, какой нибудь отставной прапорщикъ.

Богатые и знатные помѣщики ѣхали цѣлымъ караваномъ; при томъ состояніи дорогъ, въ какомъ онѣ были въ то время, при ѣздѣ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой, поѣздка, напримѣръ, изъ Петербурга въ Москву выходила настоящимъ путешествіемъ, затруднительнымъ и тяжелымъ.

Знатный баринъ, трогаясь въ путь, впередъ отправлялъ поваровъ съ цѣлой походной кухней и провизіей. Съ нимъ отправлялся дворецкій съ винами, столовымъ бѣльемъ и серебромъ. Еще раньше отправлялся обойщикъ съ коврами, занавѣсками, постелями и бѣльемъ. Въ городахъ доставали квартиру для ночлега или у знакомыхъ, или у зажиточныхъ купцовъ.

Въ деревняхъ выбирали почище избу и отдѣлывали коврами и занавѣсками. Потомъ уже отправлялись господа съ шутами и кормилицами, съ дѣтьми и няньками, гувернерами и гувернантками и ѣхали такъ дней 7 или 8 до Москвы. Какъ въ Екатерининское время, такъ и въ Павловское — путешествовать безъ конвойныхъ

было небезопасно — тогда еще слухи не умолкали о разныхъ Верещагиныхъ, Рощиныхъ, Дубровиныхъ и другихъ дорожныхъ удальцахъ, которые шутить не любили.

Въ числѣ барской свиты въ тѣ времена непремѣнно находились казаки и гусары изъ собственныхъ дворовыхъ людей, а также и изъ настоящихъ солдатъ, выпрошенныхъ на-слово въ отпускъ у разныхъ начальниковъ московскихъ сводныхъ батальоновъ. Вся такая стража прицѣпляла къ себѣ разнаго рода оружіе — сабли, шпаги, пищали, кинжалы.

Дорога была всюду несносная, то по выбитымъ деревяннымъ бревенчатымъ мостовымъ, то по камнямъ, ямамъ и пескамъ. Первое порядочное сообщеніе между Москвою и Петербургомъ основалось только въ 1820 году.

Въ этомъ году князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, долго жившій заграницей, составилъ компанію съ своими друзьями на акціяхъ въ 75,000 руб. асс. и завелъ дилижансы, которые тогда назывались почтовыми колясками. Въ это же время казна стала прокладывать и шоссейную дорогу. Предпріятіе Воронцова встрѣтило полное сочувствіе публики, и 1 сентября 1820 г. изъ Большой Морской, изъ отдѣленія конторы дилижансовъ, отправился первый такой поѣздъ въ Москву, состоявшій изъ семи пассажировъ разнаго званія, мужчинъ и женщинъ.

При этомъ отправленіи присутствовали: министръ почтъ князь А. Н. Голицынъ, К. Я. Булгаковъ и множество любопытныхъ, которые смотрѣли на дилижансы, какъ на чудо. Немедленно послѣ перваго отправленія подписались на второе восемь пассажировъ, и число ихъ безпрестанно умножалось. Даже знатныя особы брали дилижансы. Ѣздить въ нихъ было въ модѣ.

Въ первыя десять лѣтъ между Москвою и Петербургомъ проѣхало въ дилижансахъ 33,603 человѣка; во второе десятилѣтіе, не смотря на соперничество многихъ возникшихъ частныхъ заведеній,—до 50,000 человѣкъ. Въ третье десятилѣтіе, когда уже открыты были отправленія казенныхъ почтовыхъ каретъ и брикъ, число пассажировъ стало уменьшаться.

Въ теченіе тридцати лѣтъ, съ 1 сентября 1820 года по 1 сентября 1850 года, первоначальное въ Россіи заведеніе дилижансовъ собрало за мѣста 3.810,534 р. 22 к. сер. Послѣ этого общество передало акціи, стоившія сначала каждая 1,000 р. ассигн., за 600 р. сер. за штуку своему управляющему Ѳ. Д. Серапину.

Возвращаясь къ загороднымъ домамъ нашихъ вельможъ, стоявшимъ въ XVIII столѣтіи вблизи Дѣвичьяго поля, мы находимъ

на углу нынѣшней Мало-Царицынской улицы домъ князя Никиты Юрьевича Трубецкого, извѣстнаго генералъ-прокурора въ царствованіе императрицы Елисаветы и не менѣе извѣстнаго сановника, ненавидимаго петербургскою чернью. Трубецкой былъ, по разсказамъ современниковъ, человѣкъ непостоянный, подобострастный, коварный, жестоко обращавшійся съ подсудимыми и собственноручно бивавшій ихъ. Жестокосердіе его доходило до того, что онъ, въ комиссіи для суда надъ Остерманомъ и Минихомъ, подалъ голосъ о колесованіи и четвертованіи ихъ живыми. Онъ безъ вины гналъ зятя своего графа Головкина и засудилъ его, въ чемъ на смертномъ одрѣ каялся вдовѣ изгнанника. Трубецкой былъ судьей тоже канцлера графа Бестужева.

Когда онъ допрашивалъ лично фельдмаршала Миниха и, однажды, укоряя его въ большой тратѣ людей при осадѣ Данцига, спросилъ: чѣмъ можешь ты въ томъ оправдаться?—«Продолжайте, отвѣчалъ Минихъ,—читайте мнѣ и другіе вопросные пункты, я на все вдругъ отвѣчу». По прочтеніи ихъ онъ произнесъ свое оправданіе съ убѣдительнымъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, ссылаясь на донесенія, хранящіяся въ военной коллегіи. — «Во всемъ этомъ, говорилъ покоритель Данцига—буду отвѣчать передъ судомъ Всевышняго. Тамъ, конечно, оправданіе мое будетъ лучше принято». Въ одномъ только, по словамъ фельдмаршала, онъ долженъ былъ упрекать себя, что не подвергъ заслуженному наказанію Трубецкого, когда послѣдній, состоя въ должности генералъ-кригсъ-комиссара во время турецкой войны, былъ обвиненъ въ растратѣ казенныхъ денегъ.—«Этого, заключилъ свои объясненія съ Трубецкимъ Минихъ,—я себѣ не прощу и это моя единственная вина». Минихъ, видя явныя натяжки и недоброжелательство къ нему Трубецкого, наконецъ объявилъ ему, чтобы онъ самъ составилъ къ его подписи отвѣтные пункты, какіе пожелаетъ. Трубецкой также пристрастно допрашивалъ и Гросса, воспитателя дѣтей графа Остермана, родного брата Генриха Гросса, бывшаго потомъ министромъ во Франціи, въ Пруссіи, Польшѣ и Англіи. Несчастный Гроссъ, не чувствовавшій за собою никакой вины, со страха лишилъ себя жизни насильственнымъ образомъ. При Трубецкомъ Правительствующій Сенатъ, котораго власть была уменьшена въ предшествовавшія царствованія Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ и Высокимъ кабинетомъ, снова былъ возведенъ на прежнюю степень, какъ былъ при Петрѣ: сенаторамъ предоставлено право доносить безъ всякаго пристрастія о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о беззаконникахъ, имъ извѣстныхъ.

Трубецкимъ былъ составленъ высочайше утвержденный докладъ: «о запрещеніи отсѣкать правую руку преступникамъ, осужденнымъ на вѣчную работу, чтобы они могли быть способны къ оной и не получали напрасно пропитанія». Князь Н. Ю. Трубецкой былъ сынъ боярина Юр. Юр., родного брата фельдмаршала Петра II, Ив. Юр.; родился онъ въ 1700 году, вступилъ на службу въ Преображенскій полкъ въ 1722 г. Въ 1730 г. былъ генералъ-маіоромъ и кавалергардскимъ поручикомъ и въ 1731 г. былъ сдѣланъ премьеръ-маіоромъ Преображенскаго полка. Въ ужасный вѣкъ Бирона онъ былъ кригсъ-комиссаромъ и къ дѣлу несчастнаго Волынскаго хотя и былъ прикосновененъ, но вышелъ сухъ. Въ 1740 г. онъ былъ назначенъ сибирскимъ губернаторомъ, но съумѣлъ кстати отказаться отъ дальней поѣздки.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Трубецкой былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и получилъ богатыя деревни въ Лифляндіи и почти все время царствованія этой царицы исправлялъ многотрудную должность оберъ-прокурора. Императоръ Петръ III очень любилъ Трубецкого и пожаловалъ его полковникомъ Преображенскаго полка. Онъ былъ однимъ изъ членовъ Совѣта, собиравшагося ежедневно въ комиатахъ государя подъ собственнымъ его предсѣдательствомъ, о дѣлахъ государственныхъ. Болотовъ и княгиня Дашкова разсказываютъ, что когда Петръ III, при вступленіи на престолъ, успѣлъ уже вмѣсто прежнихъ темно-зеленыхъ мундировъ одѣть гвардію въ новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольствомъ и пестротою, и когда всѣ придворныя лица, въ угоду императору, успѣли преобразиться въ военныхъ людей, нѣкоторые изъ нихъ представляли очень забавныя фигуры; въ числѣ такихъ явился и князь Трубецкой, до этого времени извѣстный за дряхлаго, умирающаго подагрика съ опухшими ногами. Трубецкой былъ низенькій, толстый старикъ.

При вступленіи императрицы Екатерины II на престолъ, онъ былъ лишенъ званія полковника Преображенскаго полка. Это званіе до Петра III принадлежало однимъ царственнымъ особамъ. Екатерина, по вступленіи на престолъ, объявила при этомъ ему, что желаетъ служить съ нимъ въ одномъ полку и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство. Трубецкой былъ переименованъ въ полковники, а 9-го іюня 1763 года уволенъ отъ всѣхъ должностей съ полнымъ пенсіономъ и единовременнымъ награжденіемъ въ 50,000 руб. и съ повелѣніемъ давать ему, не въ примѣръ другимъ, пристойный караулъ, когда будетъ находиться въ столицахъ. Трубецкой былъ очень друженъ съ княземъ Антіохомъ Кантемиромъ.

Домашній спектакль въ барскомъ домѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ гравюры того времени.

Россійскій Ювеналъ посвятилъ ему свою седьмую сатиру. Мнѣніе Кантемира о Трубецкомъ, какъ друга, крайне пристрастно.

Послѣдніе годы своей жизни князь Трубецкой жилъ въ Москвѣ, умеръ въ 1768 году и похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ. Князь Трубецкой былъ женатъ два раза—первая его жена была графиня Анастасія Гаврил. Головкина, а вторая Анна Даниловна Хераскова, урожденная княгиня Друцкая; извѣстный писатель Мих. Матв. Херасковъ приходился ему пасынкомъ.

Отъ обоихъ браковъ онъ имѣлъ семь сыновей и трехъ дочерей. Одна изъ его дочерей княгиня Елена была за княземъ Ал. Ал. Вяземскимъ, знаменитымъ генералъ-прокуроромъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II. Князь Ник. Трубецкой былъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени какъ самъ по себѣ, такъ и по женитьбѣ на графинѣ Головкиной.

Впослѣдствіи къ этой фамиліи присоединились еще богатства графовъ Румянцевыхъ, вслѣдствіе женитьбы князя Юр. Ник. на графинѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ Румянцевой. Эти богатства въ концѣ концовъ раздѣлились между многочисленными представителями фамиліи князей Трубецкихъ.

Въ приходѣ Іоанна Предтечи, что у Дѣвичьяго поля, на Большой улицѣ стоялъ большой домъ генералъ-поручика Николая Петровича Архарова. Имя этого генерала нѣкогда гремѣло славой хорошаго сыщика въ дѣлахъ полицейскихъ и слѣдственныхъ.

П. Бартеневъ говоритъ, что сохранилось преданіе, будто начальникъ парижской полиціи при Людовикѣ XV, Сартинъ, написалъ къ Архарову письмо, въ которомъ выражалъ удивленіе его талантливости въ открытіи преступленій и въ быстротѣ слѣдствій. Архаровъ съ 15-лѣтняго возраста началъ службу рядовымъ въ Преображенскомъ полку. Въ 1761 году онъ получилъ первый офицерскій чинъ и, вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины II, вступилъ въ полицію.

Простое обращеніе съ народомъ и особенно умѣніе красно и въ то же время понятливо говорить съ нимъ облегчало Архарову его трудную должность. Служебнымъ своимъ возвышеніемъ Архаровъ обязанъ Орловымъ, съ которыми былъ близко знакомъ. По словамъ Хмырова, онъ, въ 1772 г., переведенъ изъ преображенскихъ капитанъ-поручиковъ въ полицію съ чиномъ арміи полковника. Когда въ Москвѣ открылась чума и вспыхнулъ мятежъ въ 1771 году, Архаровъ способствовалъ вмѣстѣ съ гр. Гр. Орловымъ успокоенію столицы и былъ оставленъ въ ней оберъ-полиціймейстеромъ (первый московскій оберъ-полиціймейстеръ былъ Грековъ);

вскорѣ Архаровъ былъ переименованъ въ московскіе губернаторы. Особенную дѣятельность въ Москвѣ онъ обнаружилъ въ 1774 и 1775 годахъ, когда тамъ производилось слѣдствіе надъ пугачевскимъ бунтомъ и потомъ торжествовалось общее замиреніе государства. Фамилія Архарова сдѣлалась извѣстною по всей Россійской имперіи и его даръ проницательности до сихъ поръ еще живетъ въ московскихъ преданіяхъ. Архаровъ зналъ до малѣйшихъ подробностей все, что дѣлалось въ городѣ; съ изумительною быстротою отыскивалъ всевозможныя пропажи, умѣлъ читать въ чертахъ и выраженіяхъ лица приводимыхъ къ нему людей, нерѣдко по одному этому безошибочно рѣшалъ: правъ или виноватъ подозрѣваемый и съ помощью самыхъ оригинальныхъ средствъ обнаруживалъ самыя сокровенныя преступленія. Архаровъ имѣлъ помощникомъ Шварца, одно имя котораго держало въ страхѣ всю Москву. Мѣсто дѣйствій Архарова было въ Москвѣ Рязанское подворье, помѣщавшееся на Мясницкой улицѣ, въ началѣ ея отъ Лубянской площади; въ домѣ этомъ теперь находится духовная консисторія. Тамъ въ большомъ домѣ содержали людей, состоявшихъ подъ слѣдствіемъ, сѣкли, пытали и проч.

Въ немъ же, въ 1792 г., держали и, какъ говорятъ, тоже пытали знаменитаго Новикова. Екатерина II впослѣдствіи вызвала Архарова изъ Москвы и поручила ему сначала такъ называемыя водяныя комуникаціи, въ управленіи коими надлежало имѣть часто дѣло съ простымъ народомъ, со всѣми барочниками и перевозчиками; потомъ назначила его намѣстникомъ новгородскимъ и тверскимъ.

Особенно онъ отличился въ шведскую войну (1788—1780) быстрою доставкою ополченій изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и причетниковъ.

Въ важнѣйшихъ полицейскихъ случаяхъ Екатерина нерѣдко призывала его во дворецъ, напр., когда пропалъ изъ придворной церкви образъ Толгской Богоматери въ богатомъ серебряномъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями, цѣнимый около 8,000 рублей, которымъ императрица Анна Іоанновна благословляла Елисавету Петровну, а послѣдняя Екатерину II при бракосочетаніи. Образъ находился въ Зимнемъ дворцѣ съ 1764 года и въ покражѣ его подозрѣвали одного изъ церковныхъ истопниковъ. Онъ былъ найденъ Архаровымъ на второй день послѣ покражи безъ оклада, у вала, близъ Семеновскаго полка; впослѣдствіи въ воровствѣ его подозрѣвали гвардейскихъ солдатъ.

Въ другой разъ, когда онъ занималъ еще должность московскаго оберъ-полиціймейстера, въ Петербургѣ приключилась значительная покража серебряной утвари.

По розысканіямъ возникло подозрѣніе, что похищенныя вещи направлены въ Москву, о чемъ немедленно и былъ увѣдомленъ Архаровъ. Но онъ отвѣчалъ, что серебро не было вовсе привезено въ Москву и находится въ Петербургѣ, въ подвалѣ подлѣ дома оберъ-полиціймейстера; тамъ оно и найдено.

Въ запискахъ Храповицкаго находимъ слѣдующія отмѣтки объ Архаровѣ, сказанныя государыней; такъ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ: «Похвалена расторопность Архарова, и что онъ хорошъ въ губерніи, но негоденъ при дворѣ». Въ другомъ мѣстѣ: «Увидя пріѣхавшаго Архарова: «c'est un intrigant de plus. Онъ годъ и 8 мѣсяцевъ здѣсь не былъ. Il est mieux là qu'ici».

Въ разсказахъ московскихъ старожиловъ нѣкогда пользовался недоброй славой такъ называемый суровый Архаровскій полкъ и въ строю его считалось восемь батальоновъ. Имя архаровца служитъ въ народѣ какъ синонимъ плута.

При восшествіи на престолъ императоръ Павелъ далъ Архарову, вмѣстѣ съ званіемъ московскаго военнаго губернатора, этотъ полкъ, назначивъ его шефомъ; помѣстили полкъ въ Екатерининскомъ дворцѣ, и онъ составлялъ тогда московскую полицейскую стражу.

Но еще ранѣе этого въ Москвѣ были полицейскіе драгуны, сформированные въ 1750 году, когда на дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ появилось много разбойниковъ. Обѣ полныя роты этихъ драгунъ состояли при полиціи въ самой чертѣ города, остальныя роты были распредѣлены по окрестностямъ.

Также и во время бывшаго пугачевскаго бунта, когда личная безопасность составляла одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ для городского управленія, былъ призванъ еще въ Москву полкъ егерей; послѣдніе были одѣты въ свѣтло-зеленые мундиры, на головѣ родъ картуза съ круглой тульей, съ лѣвой стороны къ правой огибало тулью перо или султанъ, придержанный кокардой, а длинный круглый козырекъ былъ у нихъ обложенъ мѣдью.

На третій день, при вступленіи на престолъ императора Павла, Архаровъ былъ назначенъ вторымъ петербургскимъ губернаторомъ. Архаровъ, въ первый день царствованія Павла, вмѣстѣ съ гр. Растопчинымъ явился въ домъ гр. Орлова-Чесменскаго, котораго немедленно привелъ къ присягѣ и за это получилъ Андреевскую ленту, снятую государемъ съ собственнаго плеча.

Въ день коронованія Павла Архарову дано двѣ тысячи душъ, но вслѣдъ затѣмъ онъ лишился губернаторства и былъ высланъ въ свое тамбовское имѣніе, гдѣ прожилъ три года вмѣстѣ съ своимъ братомъ.

По разсказамъ Н. Греча, Архаровъ палъ вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ Чулковымъ вотъ по какому случаю. Вслѣдствіе его распоряженій, въ Петербургѣ непомѣрно вздорожало сѣно. На общее ихъ паденіе была сдѣлана каррикатура: Архаровъ былъ представленъ лежащимъ въ гробу, выкрашенномъ новою краскою полицейскихъ будокъ, черною съ бѣлою полосою; вокругъ него стояли свѣчи въ новомодныхъ уличныхъ фонаряхъ, у ногъ стоялъ Чулковъ и утиралъ глаза сѣномъ.

Въ 1800 году Архаровъ получилъ позволеніе жить въ Москвѣ. Домъ его отличался радушіемъ и гостепріимствомъ. Помимо бывшихъ его сослуживцевъ, полицейскихъ чиновниковъ, его посѣщали многіе и изъ тогдашняго высшаго общества.

Князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ случай съ Сумароковымъ, бывшій будто еще во время его службы въ Москвѣ. Въ какой-то годовой праздникъ пріѣхалъ къ Архарову съ поздравленіемъ Сумароковъ и привезъ новые стихи свои, напечатанные на особыхъ листкахъ. Раздавъ по экземпляру хозяину и гостямъ-знакомымъ, спросилъ онъ объ имени одного изъ посѣтителей, ему неизвѣстнаго. Узнавъ, что онъ чиновникъ полицейскій и довѣренный человѣкъ у хозяина дома, онъ и ему подарилъ экземпляръ. Общій разговоръ коснулся драматической литературы, каждый высказывалъ свое мнѣніе, новый знакомецъ Сумарокова изложилъ и свое, которое, по несчастію, не сходилось съ его мнѣніемъ. Съ живостью вставъ съ мѣста, подходитъ онъ къ нему и говоритъ: «Прошу покорнѣйше отдать мнѣ мои стихи, этотъ подарокъ не по васъ, а завтра для праздника пришлю вамъ возъ сѣна или куль муки». Жихаревъ говоритъ [77]), что Архаровъ, живя на покоѣ, читалъ иностранныя газеты и постоянно слѣдилъ за всѣми политическими происшествіями въ Европѣ; онъ еще въ 1805 году предсказывалъ неизбѣжную войну нашу съ французами.

Н. П. Архаровъ имѣлъ внѣшность крайне антипатичную, какую-то отталкивающую отъ него каждаго. Женатъ онъ не былъ; умеръ онъ въ 1814 г. въ тамбовскомъ своемъ имѣніи, въ богатомъ селѣ Разсказовѣ, и похороненъ въ Трегуляевомъ монастырѣ, подъ Тамбовомъ. Архаровъ имѣлъ побочную дочку отъ француженки, которой и передалъ часть своего наслѣдства.

Одинъ изъ воспитанниковъ Архарова былъ извѣстенъ какъ литераторъ и издатель; у Архарова былъ братъ, Иванъ Петровичъ

участвовавшій въ морейской экспедиціи и помогавшій графу А. Г. Орлову въ увозѣ изъ Ливорно извѣстной самозванки Таракановой. Иванъ Петровичъ Архаровъ былъ совершенная противоположность своего брата, былъ всѣми любимъ и уважаемъ за свою честность и открытый характеръ; у него было двѣ дочери, старшая была замужемъ за графомъ Соллогубомъ, отцомъ извѣстнаго писателя; вторая, Александра Ивановна, была замужемъ за А. В. Васильчиковымъ. Послѣдняя передавала Бартеневу живо сохранившійся въ ея памяти ихъ быстрый отъѣздъ изъ Москвы, во время немилости Павла, и когда, въ числѣ выражавшихъ къ нимъ участіе особъ, пріѣхалъ и Карамзинъ съ большою пачкою книгъ, чтобы изгнанникамъ было чѣмъ разгонять скуку въ ихъ ссылкѣ. У Ивана Петровича было прекрасное подмосковное село Иславское, въ которомъ онъ давалъ большіе праздники, куда съѣзжались погостить всѣ сосѣди и москвичи.

Графъ Соллогубъ, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Я видѣлъ впослѣдствіи пространные сады села Иславскаго, развалины деревни, флигеля для пріѣзжавшихъ и самый помѣщичій домъ, сохранившій легендарное значеніе». Иславское впослѣдствіи перешло въ родъ Васильчиковыхъ. Какъ уже мы говорили, Иванъ Петровичъ былъ человѣкъ строгой честности, добрый, простой, откровенный.

О немъ сохранились слѣдующіе два анекдота. Встрѣтивъ на старости товарища юности, много десятковъ лѣтъ имъ не виданнаго, онъ, всплеснувъ руками, покачалъ головой и воскликнулъ невольно: «Скажи мнѣ, другъ любезный, такъ ли я тебѣ гадокъ, какъ ты мнѣ?» Онъ имѣлъ слабость притворяться, что хорошо знаетъ французскій языкъ, хотя не зналъ его вовсе. Пріѣзжаетъ къ нему однажды старый пріятель съ двумя рослыми сыновьями, для образованія коихъ денегъ не щадилъ. «Я, говоритъ онъ, Иванъ Петровичъ къ тебѣ съ просьбою: проэкзаменуй-ка моихъ парней во французскомъ языкѣ. Ты вѣдь дока»... Иванъ Петровичъ подумалъ, что молодыхъ людей кстати спросить объ ихъ удовольствіяхъ, и сообразилъ фразу: «Messieurs, comment vous divertissez vous?», но брякнулъ: «Messieurs, quoique vous averti» [78]). Юноши остолбенѣли. Отецъ сталъ бранить ихъ за то, что они ничего не знаютъ, даже такой бездѣлицы, что онъ обманутъ и деньги его пропали, но Иванъ Петровичъ утѣшилъ его заявленіемъ, что самъ виноватъ, обратившись къ молодымъ людямъ съ вопросомъ, еще слишкомъ мудренымъ для ихъ лѣтъ.

ГЛАВА XVI.

Домъ графа Кириллы Разумовскаго.—Блескъ русскаго двора въ XVIII вѣкѣ.— Франты и модистки стараго времени. — Академія Наукъ при Разумовскомъ. — Жизнь стараго вельможи.— Отставка гетмана.— Разсказы про его жену.— Показаніе Мировича.—Служба въ сенатѣ и житье въ столицѣ.—Пропажа 20 тысячъ душъ. — Нѣсколько анекдотовъ. — Карета Разумовскаго. — Домъ графа на Воздвиженкѣ.— А. К. Разумовскій.— Роскошь Разумовскаго дома, сады, пруды, оранжереи и другія ботаническія диковинки. — Характеръ Алексѣя Разумовскаго. — Разумовскій какъ министръ народнаго просвѣщенія. — Дѣти графа. — Ихъ странности.— Иллюминатъ Перренъ. — Несчастная судьба графа Кирилла.

НА ДѢВИЧЬЕМЪ полѣ, въ приходѣ Знаменія Богородицы, стоялъ загородный дворъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго; этотъ дворъ, какъ и Гороховскій дворъ родного брата его, стоявшій на наемной землѣ Спасо-Андроніева монастыря, былъ пожалованъ императрицей Елисаветой Петровной, во время ея пребыванія въ Москвѣ въ 1744 году. Кириллъ Разумовскій, при пышномъ дворѣ Елисаветы, былъ настоящій вельможа, не столько по почестямъ и знакамъ отличія, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умѣнію держать себя. Отсутствіе геніальныхъ способностей въ немъ вознаграждалось, какъ говоритъ Гельбигъ, страстною любовью къ отчизнѣ, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми онъ обладалъ въ высшей степени и благодаря которымъ онъ заслуживалъ всеобщее уваженіе.

Императрица Екатерина II про него говоритъ: «Онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и

умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ гораздо великодушнѣе и благотворительнѣе его». «Я не знаю другой семьи», продолжаетъ Екатерина, «которая, будучи въ такой отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ всѣми любима, какъ эти два брата». Кириллъ Разумовскій былъ хорошо образованъ для своего времени, онъ отлично говорилъ по-французски и по-нѣмецки. Обучался онъ въ Страсбургѣ и въ Берлинѣ у извѣстнаго Леонарда Эйлера, бывшаго профессоромъ 14 лѣтъ при петербургской академіи.

Кириллъ Разумовскій съ молодыхъ лѣтъ пустился въ вихрь свѣта: онъ ежедневно находился въ обществѣ государыни, то при дворѣ, то у брата своего. Имя его, по словамъ Васильчикова, безпрестанно встрѣчается въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ: то онъ дежурнымъ, то форшнейдеромъ, то онъ принимаетъ участіе въ «Кадрильи великой княгини», состоящей изъ 34-хъ персонъ, и т. д.

Блескъ двора Елисаветы былъ изумительный, щегольство и кокетство дамъ тогда было въ большомъ ходу при дворѣ и всѣ дамы только и думали о томъ, какъ бы перещеголять одна другую. Елисавета сама подавала примѣръ щегольства; такъ, во время пожара въ Москвѣ, въ 1753 году, у нея сгорѣло четыре тысячи платьевъ а послѣ смерти ея Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея слишкомъ 15,000 платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не ношенныхъ; два сундука шелковыхъ чулокъ; лентъ, башмаковъ и туфлей до нѣсколькихъ тысячъ, болѣе сотни неразрѣзанныхъ французскихъ матерій и проч.

Даже французы, привыкшіе къ блеску своего Версальскаго двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Но не одна Елисавета любила, чтобы вокругъ нея все сверкало и блистало— чрезвычайная пышность двора была и въ предшествовавшее царствованіе.

Извѣстна любовь Анны Іоанновны къ роскоши и блеску, требовавшей отъ вельможъ и придворныхъ громадныхъ расходовъ, и для того, чтобы быть на хорошемъ счету у императрицы, чтобъ не затеряться въ раззолоченной толпѣ, наполнявшей дворцовые аппартаменты, человѣкъ, необладавшій милліонами, неминуемо долженъ былъ продавать ежегодно не одну сотню «душекъ», по нѣжному выраженію извѣстнаго маіора Данилова.

Придворные чины, по словамъ Миниха-сына, не могли лучшаго сдѣлать императрицѣ уваженія, какъ если въ дни ея рожденія, тезоименитства и коронаціи пріѣдутъ въ новыхъ платьяхъ во дворецъ. Манштейнъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Придворный,

Cyrillus Comes Rasumowsky
S. I. Maj. Parvae Russiae ad utramque Ripam Borysthenis Copiarumque trans Cataractas Dux, Camerarius, Milit. Praetorianor. Ismailowensium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropolit. Praeses, Ordinum S^ti Andreae S^t. Alexandri, Aquilae albae, et S^tae Annae Eques

+ А. КЈАНРМАRGТ.

ГРАФЪ КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ.

Съ гравюры Шмидта, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1758 г. Токе.

тратившій на свой туалетъ въ годъ не болѣе 2,000 или 3,000 руб., былъ почти незамѣтенъ». Къ русскимъ можно было очень хорошо примѣнить сказанное однимъ саксонскимъ офицеромъ польскому королю о его вельможахъ: «Государь, надобно расширить и возвысить городскія ворота для того, чтобы могли проходить въ нихъ дворяне, несущіе на спинахъ своихъ цѣлыя деревни». Словомъ, всѣ, имѣвшіе честь служить при дворѣ, разорялись окончательно, чтобъ только быть замѣченными. Портнымъ же и моднымъ торговцамъ достаточно было прожить два года въ столицѣ, чтобъ составить себѣ большое состояніе.

Въ Екатерининскія времена покупки модныхъ вещей совершались, по большей части, въ Гостиномъ дворѣ, а не въ магазинахъ на Кузнецкомъ мосту, какъ теперь. На Ильинкѣ, около лавокъ, въ зимнее время бывали самыя модныя гулянья всей московской аристократіи, и тогдашніе волокиты назначали тамъ свиданія. На это купцы неоднократно жаловались царицѣ, говоря, «что петиметры и амурщики только галантонятъ» и мѣшаютъ имъ продавать.

Пріѣзды въ магазины нашихъ баръ въ тѣ времена отличались необыкновенною торжественностью. Большія, высокія кареты съ гранеными стеклами, запряженныя цугомъ крупныхъ породистыхъ голландскихъ лошадей всѣхъ мастей, съ кокардами на головахъ, кучера въ пудрѣ, гусары, егеря сзади и на запяткахъ, съ скороходами, бѣжавшими впереди экипажа; берлины, съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, возницы, форейторы въ треуголкахъ съ косами, вооруженные длинными бичами; чинные и важные поклоны, привѣты рукой, реверансы и всякія другія учтивости по этикету того времени—все это представляло довольно театральную картину на улицахъ Москвы.

Но помимо гостинаго двора существовали и лавки, куда ѣздили наши аристократки. Такъ, въ Екатерининскія времена была модистка Виль; здѣсь продавались тогда модныя «шельмовки» (шубки безъ рукавовъ), маньки (муфточки), чепцы рожки, сороки, чепцы «королевино вставанье», à-la-грекъ подкольный женскій кафтанъ, распашныя «куръ-форме» и «фурро-форме», башмачки «стерлядки», «улиточка» и проч. Разные бантики, кружева, въ Екатерининское время, цвѣты, гирлянды для наколокъ и на дамскія платья модницы покупали у m-me Кампіони; «уборщикъ и волосочесъ» Бергуанъ рекомендовалъ всѣмъ плѣшивымъ помаду для отращиванія волосъ изъ духовъ «Вздохи Амура», онъ же дѣлалъ изобрѣтенную имъ новую накладку для дамскихъ головокъ, въ

видѣ башенъ съ висячими садами a là Семирамидъ. Другой парикмахеръ изъ Парижа, Мюльетъ, рекомендовалъ для мужчинъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, которые такъ легки и покойны, что вѣсятъ только девять лотовъ; одѣвая ихъ, не надо помадить толстымъ слоемъ сала и обсыпать мукою; голландецъ Шумахеръ, въ Китаѣ-городѣ, на Ѳомовскомъ подворьѣ, продавалъ полотна и кисеи; портной Жуковъ публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1777 года, что онъ имѣетъ плисовые кафтаны, на разныхъ мѣхахъ винчуры, и новаго фасона чинчиры.

Возвращаемся къ молодому франту и моднику Кириллѣ Разумовскому. Черезъ годъ по возвращеніи изъ-за границы онъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ. Назначеніе 22-хъ-лѣтняго молодого человѣка было мотивировано слѣдующимъ аргументомъ: «въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства». Дѣла въ тѣ времена шли не особенно блистательно, назначенный для поправленія ихъ, Разумовскій тоже ихъ не поправилъ. Въ университетѣ и гимназіи при Академіи учениковъ совсѣмъ почти не было. Для набора лучшихъ учениковъ въ Москву посылали извѣстнаго В. К. Третьяковскаго. Такіе набранные студенты изъ семинарій кутили, дрались между собою и грубили начальнику. Но вскорѣ дѣла поправились и въ числѣ студентовъ явились извѣстные: Барсовъ, Румовскій и Поповскій. Кириллъ Разумовскій, вслѣдствіе именного изустнаго указа императрицы, предписалъ, дабы при Академіи переводили и печатали книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забота соединена была бы съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ». Въ годъ назначенія президентомъ Разумовскаго состоялась и свадьба его съ Нарышкиной. Описаніе этой пышной свадьбы мы привели уже выше, говоря о родѣ Нарышкиныхъ. Спустя четыре года, графъ былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи,—но, какъ онъ самъ сознавался, послѣднимъ фактически онъ никогда не былъ,—послѣдній гетманъ Малороссіи, по словамъ его, былъ Иванъ Мазепа. Но графъ гетманъ въ своемъ Глуховѣ жилъ царькомъ. Въ универсалахъ своихъ употреблялъ старинную формулу: «Мы», «нашимъ», «намъ», «того ради приказуемъ», «данъ въ Глуховѣ и т. д.». При немъ находились тѣлохранители, большая конная команда. Эта команда была одѣта въ зеленые гусарскіе мундиры и занимала караулы при дворцѣ. Глуховскій дворъ былъ копіей петербургскаго двора въ миніатюрѣ: во дворцѣ былъ полный придворный штатъ: капелланъ, капельмейстеръ, сотникъ, конюшій и проч. При дворѣ находились казаки «бобров-

ники», стрѣльцы и пташники, обязанность которыхъ была ловить на гетмана бобровъ и стрѣлять всякую дичину къ столу.

Въ торжественные дни бывали выходы въ церковь и молебны съ пушечною пальбою. Во дворцѣ давались банкеты съ музыкой и бывала даже французская комедія.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій.

Съ портрета, приложеннаго къ соч. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ».

Особенно пышенъ былъ столъ у Разумовскаго; самыя утонченныя блюда приготовляли у него французскіе повара, выписанные имъ изъ Парижа. Графъ очень любилъ полакомиться, но не забывалъ бѣдныхъ и дѣлился со всякимъ своимъ пожиткомъ. Суще-

ствуетъ множество анекдотовъ про его лукулловскіе обѣды, гдѣ за пышной трапезой сидѣли званые и незваные и не только ѣли за столомъ, но и уносили кушанья въ карманахъ.

Существуетъ преданіе, что пристрастіемъ ко всему французскому и введеніемъ французскаго языка во всеобщее употребленіе Россія обязана Кириллу Григорьевичу Разумовскому и другу его Ив. Ив. Шувалову. Въ ихъ время весь дворъ бредилъ французами и подражалъ и преклонялся всему, что къ намъ приходило изъ Парижа. Этимъ подражаніемъ, кажется, по сейчасъ страдаетъ русское общество. По смерти императрицы Елисаветы, галоману-гетману пришлось учиться прусской экзерциціи. Императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, сталъ заставлять всѣхъ изнѣженныхъ царедворцевъ Елисаветы ежедневно выдѣлывать передъ дворцомъ новое прусское ученіе, введенное имъ въ войска. Новому правилу вынужденъ былъ подчиняться и Разумовскій; чтобъ не быть предметомъ насмѣшекъ государя, Разумовскій взялъ къ себѣ молодого офицера и каждый день бралъ у него уроки военнаго артикула съ эспантономъ въ рукахъ.

Какъ гетманъ ни трудился, а все-таки ему приходилось глотать насмѣшки и выговоры. Императоръ поклонялся всему прусскому и хвастался предъ гетманомъ тѣмъ, что Фридрихъ произвелъ его въ генералъ-маіоры прусской службы.

— Вы можете съ лихвой отомстить ему, отвѣчалъ Разумовскій:— произведите его въ русскіе фельдмаршалы.

Кириллъ Разумовскій управлялъ полномочно Малороссіей, желалъ преемственности гетманства, и отправилъ къ Екатреинѣ просьбу объ этомъ. Государыня, недовольная гетманомъ, была возмущена такимъ прошеніемъ и отозвала его въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, Разумовскій явился тотчасъ же во дворецъ. Пріемъ гетману былъ сдѣланъ самый холодный и глубоко оскорбилъ его. Одинъ лишь Тепловъ, его бывшій приближенный, долго интриговавшій противъ него, встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Гр. Орловъ, видѣвшій эту встрѣчу, сказалъ: «и лобза его же предаде». Государыня, ревнивая къ своей власти, запретила Разумовскому являться ко двору. Въ городѣ, какъ говоритъ А. Васильчиковъ [79]), приписывали эту немилость интригамъ Гр. Орлова и говорили, что гетманомъ будетъ назначенъ послѣдній. Государыня справедливо сильно гнѣвалась на Разумовскаго.

Ходили невѣроятные слухи про его жену; говорили, что когда она ѣхала въ Петербургъ, то брала на станціяхъ по сту лошадей и не платила прогоновъ. Сопутствовали ей два гренадера и сер-

жантъ и, будто бы, били ямщиковъ до смерти и такъ озорничали во все время пути. Разумовскій, въ ноябрѣ 1764 года, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности гетмана. Отставку его давно ждали, а вмѣстѣ съ ней возвратились и милости къ нему царицы. Онъ былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы и ему пожизненно было даровано гетманское содержаніе и данъ городъ Гадячъ съ селами и домъ въ Батуринѣ. Гетманъ опять сталъ желанный гость императрицы во дворцѣ и во всѣхъ ея путешествіяхъ.

Но вскорѣ, какъ говоритъ преданіе, ожидала его немилость. По дѣлу извѣстнаго Мировича, когда судьи, въ числѣ которыхъ былъ и Разумовскій, спросили его, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло? послѣдній отвѣтилъ: «Господинъ гетманъ, графъ Разумовскій!» Всѣ судьи, а также и Разумовскій, были крайне изумлены. Оказалось, что Мировичъ хлопоталъ объ имѣніи, несправедливо отъ него отнятомъ, и не разъ просилъ объ этомъ гетмана. Разумовскій же отвѣчалъ ему, что мертваго съ погоста не возятъ и добавилъ: «Ты молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе». Эти слова гетмана и дали Мировичу преступную мысль на возведеніе принца Іоанна на престолъ. Хотя бездоказательно, все-таки имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ Мировича и онъ счелъ нужнымъ удалиться на время отъ двора и отправился заграницу.

Вернувшись изъ-заграницы, графъ поселился въ Петербургѣ. Живя въ столицѣ, графъ засѣдалъ въ сенатѣ и былъ членомъ совѣта при дворѣ, въ числѣ семи. Его мѣткія остроты и колкія рѣчи тогда ходили по городу. «Что у васъ новаго въ совѣтѣ?» спрашивали его. «Все по старому», отвѣчалъ Разумовскій: «одинъ Панинъ (Ник. Ив.) думаетъ, другой (Петръ Ив.) кричитъ, одинъ Чернышевъ (графъ Зах. Григ.) предлагаетъ, другой (графъ Ив. Гр.) трусить; а прочіе хоть и говорятъ, да того хуже».

По смерти своей жены и брата, Разумовскій сталъ часто посѣщать Москву. Здѣсь графъ уже не жилъ въ своихъ палатахъ на Дѣвичьемъ полѣ, а поселился на Вздвиженкѣ въ великолѣпномъ домѣ, который выстроилъ онъ въ три года, на мѣстѣ прежде бывшихъ жениныхъ хоромъ, по плану графа З. Г. Чернышева: домъ этотъ и по сейчасъ не измѣнилъ своего вида, принадлежитъ онъ теперь графу Шереметеву, въ родъ котораго онъ перешелъ въ 1800 году. Изъ описи церквей московскихъ 1789 года видно, что при домѣ графа Разумовскаго находилась церковь Знаменія Богородицы и въ ней придѣлы Сергія Чудотворца и Варлама Ху-

тынскаго, съ главами и звономъ. Домъ графа былъ одинъ изъ великолѣпныхъ въ Москвѣ; онъ кишѣлъ слугами въ золотыхъ нарядныхъ ливреяхъ; въ немъ ежедневно давались праздники, столъ графа былъ накрытъ для всѣхъ, а сердечное и благородное обхожденіе графа привлекало и привязывало къ нему всѣхъ. Подъ старость онъ являлся на свои обѣды и балы въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ съ нашитою на немъ Андреевскою звѣздою. Въ послѣдній проѣздъ Потемкина черезъ Москву (1791 г.), какъ говоритъ Васильчиковъ, онъ заѣхалъ къ Разумовскому.

На другой день гетманъ отдалъ ему визитъ. Великолѣпный князь Тавриды принялъ его, по обыкновенію, не одѣтый и не умытый въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ у гостя дать въ честь его балъ. Разумовскій согласился и на другой девь созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ.

Про жизнь фельдмаршала въ то время ходило не мало странныхъ толковъ, и въ Москвѣ говорили, что онъ самый худой хозяинъ «да и разума уже сталъ не очень пылкаго», управляющіе обкрадывали его самымъ немилосерднымъ образомъ.

Такъ, въ числѣ странныхъ московскихъ происшествій, въ 1795 году, случился слѣдующій почти невозможный казусъ: у Разумовскаго, между четвертою и пятою ревизіею, пропало ровно двадцать тысячъ душъ крестьянъ. Похищеніе было сдѣлано такъ искусно, что найти концовъ не было возможности, крестьяне пропали не въ одномъ мѣстѣ, а понемногу въ разныхъ мѣстахъ.

Тогда обвиняли въ этой хитрой пропажѣ главнаго управителя и одну графиню, къ прелестямъ которой графъ былъ неравнодушенъ. Подъ конецъ своей жизни графъ не ѣздилъ уже въ Москву, а проживалъ въ Батуринѣ; тамъ онъ замѣтно сталъ прихварывать, страдалъ одышкой и имѣлъ раны на ногѣ. Графъ было собрался ѣхать заграницу, сынъ его Андрей выслалъ ему для заграничнаго вояжа карету изъ Лондона, которая обошлась ему въ 18,000 руб.— карета оказалась слишкомъ грузною и графъ не рѣшился въ ней путешествовать. За четыре мѣсяца до смерти онъ ѣздилъ въ ней осматривать строющуюся церковь—это была его послѣдняя прогулка. Кириллъ Разумовскій скончался 9-го января 1803 года. Почти два года гетманъ никуда не выходилъ, большую часть дня дремалъ въ креслахъ, спрашивалъ: какова погода, ругалъ доктора и въ пику ему обращался за совѣтами къ разнымъ знахаркамъ.

Особенным его расположеніемъ пользовалась одна старая баба, которая натирала ему ноги чеснокомъ и коровьимъ пометомъ. Она

также по утрамъ хватала его зубами за колѣни и нашептывала какія-то слова. Старый его пріятель, графъ И. В. Завадовскій, видѣвши его въ это время, вотъ что писалъ о немъ къ графу А. Г. Воронцову: «Я разстался съ нимъ, какъ съ ночнымъ картежникомъ и съ дневнымъ билліардщикомъ. Видъ его поразилъ меня до слезъ: водятъ подъ руки, голова преклонилась долу, изсохъ какъ сухарь: духъ только не утратилъ пріятной веселости».

Не смотря на удручающіе недуги, старикъ съ увлеченіемъ предавался своей страсти къ постройкамъ. Такъ, въ селѣ Яготинѣ онъ выстроилъ церковь и перенесъ изъ Кіева свой домъ, выстроенный изъ дубовыхъ брусьевъ.

А. Васильчиковъ говоритъ: семейное преданіе гласитъ, что съ графа стали требовать за тотъ домъ какую-то постойную повинность. Разгнѣванный Разумовскій, живо помнившій прежнее свое положеніе въ Малороссіи, велѣлъ въ 24 часа разобрать домъ и перенести изъ Кіева въ Яготинъ. Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго корпуса и шести павильоновъ, изъ которыхъ каждый равнялся большому дому. Съ каждой стороны дома были еще большія каменныя службы. Въ другомъ своемъ имѣніи—Баклашъ, онъ выстроилъ домъ въ подражаніе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима. Въ Почепѣ—еще другой великолѣпный каменный и церковь.

Домъ былъ построенъ по плану де-ла-Мота, съ огромными залами для баловъ и концертовъ и библіотекою въ 5,000 томовъ. Вокругъ него, по красивымъ берегамъ Судогости, былъ разведенъ садъ въ голландскомъ вкусѣ. Графъ жилъ въ Батуринѣ, въ огромномъ деревянномъ домѣ. Послѣдній находился на мѣстѣ, которое теперь называется Городкомъ. Преданіе говоритъ: многія постройки въ Батуринѣ, какъ и церковь, ему не пришлось достроить, и послѣ его смерти все это начало разрушаться. Домъ свой на Вздвиженкѣ, какъ мы выше говорили, Кириллъ Разумовскій продалъ шурину своего сына Алексѣя графу Шереметеву за 400,000 руб.; домъ этотъ ранѣе торговалъ Безбородко, но съ него требовали 450,000 руб. безъ мебели, и дѣло разошлось.

Къ продажѣ этого дома склонилъ отца старшій сынъ Алексѣй Кирилловичъ; домъ приходился ему на часть и для него онъ казался слишкомъ великъ. Шереметевъ купилъ его съ частью мебели. Въ немъ, по словамъ А. Васильчикова, парадная гостиная осталась въ полномъ убранствѣ, изъ комнатъ же графа Кирилла Григорьевича вынесена была только подвижная мебель. Люстры, зеркала и даже въ церкви утварь, ризы и проч. остались за Шереметевымъ.

Не мало времени потребовалось для вывоза серебра, библіотекъ, картинъ, оружейныхъ и проч., такъ какъ рядомъ со скарбомъ отца тутъ же хранилось все имущество сына.

Продавъ старинныя палаты отца, сынъ Разумовскаго, Алексѣй Кириллычъ, сталъ себѣ строить богатыя деревянныя палаты изъ дубовыхъ брусьевъ, считая каменныя нездоровыми, на мѣстѣ пожалованнаго императрицею Елисаветою дядѣ его, графу Алексѣю Григорьевичу, «Гороховаго двора», въ тогдашней шестнадцатой части города, нынѣшней Басманной.

Домъ этотъ занималъ цѣлый кварталъ, одинъ садъ этого большого дома имѣлъ въ окружности болѣе 3½ верстъ и занималъ 43 десятины земли; теперь часть его принадлежитъ училищу семинаріи, а въ домѣ помѣщается малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго дома; на всемъ пространствѣ его были устроены боскеты, цвѣтники, всевозможныя прихотливыя аллеи изъ искусственно подстриженныхъ деревъ; широкія дорожки въ немъ начинались отъ дома, высоко насыпанныя и утрамбованыя, и мало-по-малу всѣ дѣлались ўже и ўже и наконецъ превращалась въ тропинку, которая приводила къ природному озеру, или на лужайку, усѣянную дикими цвѣтами, или къ холмику, покрытому непроницаемымъ кустарникомъ, или вела къ крутому берегу рѣки Яузы.

Берега этой рѣки не были обдѣланы, безъ всякихъ сходовъ или лѣстницъ, овраги въ саду тоже оставались дикими оврагами и только въ трудныхъ мѣстахъ кое-гдѣ были проложены мостики и сдѣланы тропинки. Другой берегъ тоже входилъ въ составъ сада и представлялъ такой же дикій видъ съ вѣковыми деревьями, растущими кущами.

Графъ Разумовскій устроилъ такой садъ, чтобы среди шумной Бѣлокаменной имѣть такое мѣсто, которое прелестью неискусственной природы заставляло бы его забывать, что онъ находится въ городѣ. Въ саду было четыре пруда, въ которыхъ много водилось хорошей рыбы.

Графъ былъ большой любитель растеній и лучшіе тогдашніе европейскіе садовники были имъ выписаны для этого сада и для его имѣнія села Горенки, въ оранжереяхъ котораго были собраны рѣдчайшія ботаническія коллекціи. Извѣстные ботаники: Таушеръ, Лондесъ, Гельмъ изъѣздили Сибирь, Уралъ и Кавказъ для пополненія этихъ богатѣйшихъ собраній. Садовникъ графа, извѣстный Шпренгель, развелъ петербургскій ботаническій садъ.

Въ оранжереяхъ графа было болѣе 500 огромныхъ померанцевъ; оранжереи эти тянулись на версту, а садъ былъ расположенъ на

двухъ верстахъ. Въ теплицахъ графа были выращены до тѣхъ поръ неизвѣстныя растенія изъ породы вискустовъ, названныя въ честь графа Rasoumoskia, и другой новый видъ—Personaterhi, названный Rasoumovia. Домъ графа былъ деревянный, двухъ-этажный, на каменномъ фундаментѣ, выстроенъ былъ полуоваломъ и украшенъ всѣмъ, что только можетъ придумать зодчество, соединяя пышность съ простотою. На этотъ домъ, какъ графъ признавался, онъ истратилъ болѣе милліона рублей.

Внутреннее его убранство отличалось пышностью, красотой и большимъ вкусомъ. Залы блистали бронзою и зеркалами, многія комнаты были обиты богатѣйшими гобеленами.

Картины лучшихъ мастеровъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, вмѣстѣ съ весьма интересными портретами, между прочими Нарышкинскими, украшали стѣны. Подоконники въ гостиныхъ сдѣланы изъ лапись-лазури. Сервизы столовые и чайные были севрскіе и саксонскіе; особенно былъ замѣчателенъ одинъ столовый, заказанный императрицей Екатериной въ Дрезденѣ, обвитый георгіевскими лентами.

Домъ со всѣмъ убранствомъ, по словамъ иностранцевъ, стоилъ около четырехъ милліоновъ рублей. Какъ говоритъ де-Местръ, каталогъ библіотеки однихъ изданій XV вѣка составлялъ довольно большой толстый томъ. Извѣстны два каталога библіотеки этой, составленные профессоромъ Геймомъ.

На землѣ Разумовскаго стояла около дома церковь Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ, считавшаяся въ то время домовою. Въ этой церкви снаружи подъ карнизомъ были изображены св. Апостолы; храмъ внутри украшенъ былъ богато. Построенъ онъ былъ въ 1793 году Разумовскимъ. Церковь эта, по преданіямъ, была только возобновлена, создана же еще во времена Михаила Ѳеодоровича. Въ день Вознесенія здѣсь бывало народное гулянье, болѣе же богатая публика въ этотъ день гуляла въ Дворцовомъ саду.

Графъ А. К. Разумовскій, какъ говорятъ его современники, былъ «гордыни непомѣрной». Высокомѣріе его породило въ Москвѣ слухъ, будто онъ считалъ себя царской крови. Этого слуха, впрочемъ, и самъ графъ не отвергалъ, а вдобавокъ разсказывалъ какую-то невѣроятную нелѣпицу. Гордый со всѣми, графъ былъ суровъ и въ кругу своего семейства. Разумовскій былъ масономъ и принадлежалъ къ ложѣ Capitulum Petropolitanum; занимаясь масонствомъ и ботаникой, онъ жилъ очень уединенно въ Москвѣ, прячась отъ общества въ своемъ глухомъ саду или, какъ говоритъ Вигель, «среди царской роскоши со своими растеніями».

Графъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой; онъ служилъ при дворѣ, сперва камеръ-юнкеромъ, потомъ камергеромъ, затѣмъ, въ 1778 году, вышелъ въ отставку, жилъ въ Москвѣ и занимался отдѣлкою дома въ выдѣленномъ ему отцомъ селѣ Горенкахъ. Въ 1784 году онъ разошелся съ женою; простая, безхарактерная и кое-какъ воспитанная графиня Варвара Петровна давно уже надоѣла вспыльчивому вольтерьянцу-мужу своею набожностью, суевѣріемъ и совершенною безпомощностью.

Послѣ рожденія младшаго сына своего, Кирилла, графиня должна была покинуть дѣтей и выѣхать изъ дома Разумовскаго. Графиня очень боялась мужа и съ разбитымъ сердцемъ оставила нѣжно любимыхъ дѣтей.

По словамъ А. Васильчикова, графиня купила себѣ въ Москвѣ, на углу Маросейки и Лубянской площади, мѣсто и выстроила тамъ домъ по образцу флигеля, существовавшаго при домѣ ея свекра. Послѣ изгнанія жены, графъ удалился отъ свѣта и сталъ рѣдко видѣться не только съ знакомыми, но даже съ самыми близкими родственниками.

Въ 1807 году Разумовскій былъ назначенъ попечителемъ Московскаго университета и его округа. По полученіи мѣста, одной изъ главныхъ заботъ его было—переведеніе университета въ болѣе пространное и удобное помѣщеніе.

Старымъ университетскимъ строеніемъ, купленнымъ Екатериною въ 1785 году у князя Барятинскаго, онъ былъ недоволенъ и хотѣлъ перевести университетъ въ Екатерининскій или Головинскій дворецъ, въ Лефортовѣ. Отдача дворца подъ университетъ не состоялась.

Въ 1809 году Александръ I посѣтилъ Москву и подробно осмотрѣлъ университетъ. Посѣщеніе императоромъ университета и выгодное впечатлѣніе, произведенное на государя Разумовскимъ, обратило на него высочайшее вниманіе. Гордый, угрюмый, желчный и раздражительный у себя въ кабинетѣ, Разумовскій, при случаѣ, умѣлъ блеснуть въ обществѣ. Его несомнѣнныя познанія, утонченная свѣтскость показались императору достаточными для того, чтобы сдѣлать его достойнымъ преемникомъ стараго Завадовскаго. Вигель говоритъ: «Можетъ быть, Линней и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ и только что любителемъ науки—великая разница».

Воспитанный заграницей и начиненный французской литературой, онъ считалъ себя русскимъ Монморанси. Онъ никакой памяти по себѣ не оставилъ въ министерствѣ. Заслугой на мини-

стерскомъ поприщѣ Разумовскаго было основаніе Царскосельскаго лицея, на экзаменѣ котораго впервые раздались публично стихи Пушкина. Существуетъ извѣстіе, что послѣ этого экзамена у Разумовскаго былъ торжественный обѣдъ, на который былъ приглашенъ и отецъ поэта. Обращаясь къ отцу Пушкина, Разумовскій сказалъ ему:

Спасо-Евфиміевъ монастырь въ Суздалѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

— Я бы желалъ однакожъ образовать сына вашего въ прозѣ.

— Оставьте его поэтомъ, пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ [80]).

При Разумовскомъ надзоръ за типографіями, книгопродавцами, журналами, книгами и газетами былъ крайне строгъ, и ему между тогдашнихъ невинныхъ литературныхъ произведеній стали представляться мысли, никогда не приходившія на умъ писателямъ. Строгости эти дошли до того, что онъ вмѣстѣ съ министромъ полиціи, Вязмитиновымъ, нашелъ неприличными сужденія журналовъ о театрахъ и актерахъ, такъ какъ первые Императорскіе, а вторые находятся на царской службѣ, и безусловно запретилъ критическія статьи объ игрѣ актеровъ и рецензіи о самихъ пьесахъ...

Въ 1816 г. Разумовскій вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву.

Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Разумовскаго подсидѣлъ директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ. Онъ будто невзначай попался навстрѣчу Александру I въ Царскомъ Селѣ, и на вопросъ государя, что дѣлаетъ, отвѣчалъ, что огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ узнать за что, Энгельгардтъ отвѣчалъ: Въ декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ и не получилъ никакого отвѣта. Въ январѣ повторилъ представленіе—и тутъ отвѣта не было. Въ мартѣ третье представленіе—и новый отказъ. Вотъ наступилъ май и я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ октябрѣ, наконецъ, получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе предъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній». Черезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ.

Въ 1818 году весь дворъ посѣтилъ графа въ роскошныхъ его хоромахъ на Гороховомъ полѣ и осматривалъ его ботаническія сокровища. Въ Отечественную войну, въ бытность французовъ въ Москвѣ, его домъ нисколько не пострадалъ; въ немъ жилъ Мюратъ, и строгій караулъ охранялъ всѣ диковинки этого барскаго жилья.

Графъ тяготился своими пышными палатами, требующими большого ремонта, и онъ два раза просилъ императора купить его въ казну. Цѣну онъ за него назначалъ 850,000 руб., изъ которыхъ только 50,000 руб. желалъ получить наличными деньгами, остальные же 800,000 руб. просилъ засчитать за долги, состоящіе за нимъ въ разныхъ казенныхъ мѣстахъ. Хотя домъ лично былъ извѣстенъ императору, но покупка его въ казну тогда не состоялась. Графъ, въ мартѣ 1822 года, внезапно и серьезно заболѣлъ въ своемъ имѣніи Почепѣ и 5-го апрѣля скончался; старый вольтерьянецъ передъ смертью покаялся и прильнулъ устами къ поданному ему дочерью Распятію.

Характеръ графа въ послѣдніе годы былъ невыносимымъ. Всѣ его боялись, весь домъ дрожалъ при вспышкахъ его гнѣва. Съ крестьянами своими онъ былъ суровъ; каждую его прихоть приходилось исполнять немедленно и во что бы то ни стало. Такъ весною графъ изъ Почепа вдругъ всѣмъ домомъ поднялся въ Бакланъ, чтобы тамъ слушать соловьевъ. Это было во время разлитія рѣкъ, и нѣсколько тысячъ крестьянъ строили дамбы и насыпи для его проѣзда. Съ дѣтьми своими графъ не ладилъ; младшій, Кириллъ, съумасшедшій, томился въ казематѣ; со старшимъ сыномъ Петромъ онъ нѣсколько лѣтъ какъ прервалъ всякія сношенія. Онъ воспитывался заграницей и по образованію былъ совсѣмъ французъ; началъ онъ службу въ Измайловскомъ полку и дослужился до чина генералъ-маіора. Петръ Алексѣевичъ отличался самою широкою расточительностью; не смотря на хорошее содержаніе, получаемое отъ отца, матери и богача-дяди, графа Шереметева, онъ не выходилъ изъ неоплатныхъ долговъ. Это обстоятельство и подвинуло Шереметева на неравный бракъ, надѣлавшій столько шуму въ обѣихъ столицахъ.

Разумовскій своихъ родныхъ никогда не посѣщалъ, а окружилъ себя самымъ неподходящимъ обществомъ. Чтобы отвлечь его отъ разныхъ знакомствъ, отецъ перевелъ его на службу въ Одессу, гдѣ тогда губернаторомъ былъ герцогъ Ришелье. Здѣсь онъ повелъ жизнь еще безнадежнѣе, окруживъ себя разными проходимцами и темными лицами, и дѣлалъ долги направо и налѣво. На Молдаванкѣ, подъ Одессой, онъ выстроилъ себѣ съ безвкусными затѣями дачу и подъ всѣмъ строеніемъ, подъ домомъ, устроилъ лабиринтъ, многочисленныя извилины котораго были ему одному лишь извѣстны. Здѣсь онъ скрывался отъ докучныхъ кредиторовъ и незваныхъ гостей.

Онъ продалъ послѣ отца свой роскошный домъ въ Москвѣ своимъ заимодавцамъ за очень скромную сумму. Всѣ еще дорогія вещи и цѣнныя картины, гобелены, бронза, фарфоръ также за безцѣнокъ попались въ руки московскихъ продавцовъ—Лухманову, Волкову, Бардину, Родіонову и др.

Долго эти многотысячные предметы роскоши былого великолѣпія рода Разумовскихъ продавались иностранцамъ нашими купцами-антикваріями. Графъ Петръ умеръ въ 1835 году въ Одессѣ не въ блестящемъ положеніи. Съ нимъ окончился родъ Разумовскихъ въ Россіи.

Другой его братъ, графъ Кириллъ Алексѣевичъ, по словамъ А. А. Васильчикова, изъ книги котораго — «Семейство Ра-

зумовскихъ» — намъ не разъ приходится брать свѣдѣнія о Разумовскихъ, былъ несравненно даровитѣе своего брата; умный и живой, онъ уже въ дѣтствѣ удивлялъ всѣхъ своими необыкновенными способностями. Къ несчастію, онъ попалъ въ руки гувернера, который чрезвычайно возбудилъ его пылкое воображеніе. По словамъ современниковъ, въ то время трудно было устоять молодому человѣку; тогда между молодыми и зажиточными людьми былъ въ большой модѣ развратъ, и молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ сотоварищей и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми лицами, которые также, впрочемъ, въ тѣ времена тянулись за молодыми людьми.

Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; всему этому виною были французскіе наставники. Разумовскій пятнадцати лѣтъ вѣрилъ въ духовъ, въ привидѣнія и т. п. странности.

Почти отрокомъ онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и очутился въ Петербургѣ, на полной свободѣ, среди искушеній роскошной столицы. Вокругъ него образовалась толпа льстецовъ и нахлѣбниковъ. Про его роскошную и безпутную жизнь скоро узналъ отецъ — и между ними произошло крупное столкновеніе, послѣ котораго у молодого графа явились первые признаки умопомѣшательства. Разумовскій былъ отправленъ заграницу; тамъ онъ сошелся съ иллюминатами.

Про иллюминатовъ-алхимиковъ въ то время въ обществѣ существовало слѣдующее мнѣніе: они, подъ предлогомъ обогащенія другихъ, наживали сами, разоряя въ конецъ своихъ адептовъ.

Иллюминаты для своихъ цѣлей употребляли многіе непозволительные способы: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ, напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе ввѣрившихся имъ людей; они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ—возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію.

Въ Москвѣ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, главой иллюминатовъ былъ французъ Перренъ, мужчина лѣтъ сорока, ловкій, вкрадчивый, мастеръ говорить и выдававшій себя за великодушнаго героя, щедраго и сострадательнаго, готоваго на всякое добро, на дѣлѣ же это былъ лицемѣръ перваго сорта, развратив-

шій не одно доброе семейство и погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. Онъ жилъ на Мясницкой, въ домѣ Левашова, но только для вида, настоящая же его квартира была за Москвою-рѣкою, въ Кожевникахъ, въ домѣ Мартынова, куда собирались къ нему адепты обоего пола; что тутъ происходило — было покрыто завѣсой. Перренъ, впрочемъ, не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ могъ продолжать свои операціи въ Москвѣ; его обличилъ одинъ богатый ревнивецъ-мужъ, слѣдившій за своею женой. Всѣ его штуки были открыты и Перренъ былъ обвиненъ въ покровительствѣ разврата и шулерствѣ и былъ высланъ со своими юными помощниками и помощницами заграницу.

Возвращаясь опять къ молодому Разумовскому, мы видимъ, что онъ заграницей коротко сошелся съ такими иллюминатами и, вдобавокъ, пріобрѣлъ страсть къ вину и сталъ пить запоемъ. Пьянство окончательно расшатало его умственныя способности.

По возвращеніи въ Россію, графъ сталъ производить разныя безчинства, на пути, гдѣ проѣзжалъ, дѣлалъ станціоннымъ смотрителямъ угрозы, одного чуть не закололъ кинжаломъ, другого ранилъ въ грудь, камердинера своего ранилъ тоже ножомъ, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проѣзжалъ съ пѣснями и крикомъ; въ городѣ Зарайскѣ разогналъ всѣхъ изъ дома, гдѣ остановился; одного полицейскаго офицера едва не закололъ, а другого чуть не застрѣлилъ. Такіе странные поступки дошли до государя, и императоръ приказалъ заключить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Пензенскому губернатору Вигелю приказано было арестовать его; арестовать его оказалось не легко, ходили слухи, что, по возвращеніи изъ-за границы, онъ привезъ какія-то бумаги, которыя скрываетъ въ своей постели, спитъ всегда подъ крѣпкимъ замкомъ, съ заряженными пистолетами и имѣетъ при себѣ ядъ.

Въ сентябрѣ 1806 года графъ былъ взятъ въ своемъ имѣніи Ершовѣ и отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; книги, бумаги и его аптечка были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ бумагахъ и книгахъ ничего не было найдено особеннаго, только въ аптекѣ нашли доктора: «болѣе ядовъ, чѣмъ нужно для отравленія цѣлаго полка, и не довольно лекарствъ, чтобы вылечить одного человѣка отъ лихорадки».

Графъ имѣлъ большое пристрастіе къ лекарствамъ и принималъ ихъ ежечасно здоровый и больной. Позднѣе изъ Шлиссельбурга графъ былъ отправленъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ

монастырь, который издавна былъ русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ или провинившихся особаго разряда.

Здѣсь его видѣлъ поэтъ князь П. А. Вяземскій; по словамъ его, это былъ молодой человѣкъ, прекрасной, но нѣсколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волосы черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обитый мерлушкою; на рукѣ пальцы были обвиты толстою проволокою, вмѣсто колецъ.

Когда приступили къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки. По разсказамъ монаховъ, графъ былъ тихъ и молчаливъ, но по временамъ на него находило бѣшенство; тогда онъ кричалъ: «вотъ я тебѣ задамъ». Онъ съ большимъ трудомъ перемѣнялъ бѣлье, иногда игрывалъ на гитарѣ. 16 лѣтъ провелъ онъ въ монастырѣ; послѣ смерти отца онъ былъ своими родными опекунами переведенъ въ Харьковъ, гдѣ уже его съумасшествіе перешло въ тихій идіотизмъ: онъ разсуждалъ какъ ребенокъ и писалъ огромнымъ почеркомъ между двумя строками.

Онъ умеръ въ Харьковѣ въ 1829 году, и гдѣ похороненъ — неизвѣстно. Такимъ несчастнымъ безумцемъ кончилъ свою жизнь блестящій аристократъ и наслѣдникъ несмѣтнаго богатства.

ГЛАВА XVII.

Слободскій дворецъ.— Лефортовское пепелище. — Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.—Домъ Безбородко.— А. Л. Кологривовъ.—Историческія свѣдѣнія о московской полиціи.— Оберъ-полиціймейстеръ А. С. Шульгинъ 1-й.—Домъ фельдмаршала графа Каменскаго.—Разсказъ графини Блудовой.—Графиня Каменская.—Фельдмаршалъ М. Ѳ. Каменскій.—Эксцентричность графа.—Убійство фельдмаршала.— Дѣти графа Каменскаго.— Блистательная военная карьера сына фельдмаршала.—Всеобщая страсть къ нюханію табаку.— Первыя московскія табачныя и другія лавки.— Романическая страсть Каменскаго. — Графиня А. А. Орлова-Чесменская.—Таинственное предсказаніе юродиваго.—Графъ Закревскій.—Сергій Каменскій, страсть его къ театру.—Крѣпостные артисты и спектакли.—Домъ прапорщицы Блудовой. — Молодой Блудовъ и его друзья. — Арзамасское Общество.—Члены общества и ихъ прозвища.—«Шубное прѣніе».—Таинственное избраніе въ члены дяди поэта Пушкина.—Дѣти графа Блудова.

Говоря о пышномъ домѣ Разумовскаго, нельзя пройти молчаніемъ и другого такого же историческаго дома, считавшагося по богатству и внутреннему украшенію первымъ въ Москвѣ.

Домъ этотъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Слободскаго дворца. Названіе это онъ получилъ отъ Нѣмецкой слободы, въ которой онъ находился. Исторія этого зданія восходитъ ко временамъ императора Петра—несомнѣнно, что вблизи была усадьба сподвижника царя, Франца Яковлевича Лефорта. Затѣмъ, въ этой мѣстности были еще небольшіе загородные дворцы Анны Ивановны, такъ называемый «Желтый», и императрицы Елизаветы Петровны—«Марлинскій».

Въ Елисаветинское время эта мѣстность принадлежала государственному канцлеру графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, одному изъ богатѣйшихъ вельможъ своего времени.

Домъ канцлера былъ построенъ въ 1753 г. по самому точному образцу существующаго его дома въ Петербургѣ: всѣ комнаты были здѣсь расположены точно такъ, какъ въ петербургскомъ домѣ. Это было сдѣлано для того, чтобы не отставать отъ своихъ привычекъ.

По словамъ современниковъ, у канцлера роскошь въ палатахъ была изумительная; такъ, въ загородномъ его домѣ даже веревки, которыми придерживались роскошныя ткани его палатокъ, были шелковыя, а находившійся при домѣ погребъ былъ такъ значителенъ, что отъ продажи его, послѣ смерти канцлера, графамъ Орловымъ составился, какъ говоритъ князь Щербатовъ, «знатный капиталъ».

У Бестужева одной серебряной посуды было болѣе двадцати пудовъ. Не смотря на такое богатство, канцлеръ то-и-дѣло жаловался на свои недостатки и просилъ у императрицы «дабы ея императорское величество ему, бѣдному, милостыню подать изволила», или писалъ царицѣ, что у него нѣтъ ни ножей, ни вилокъ и проситъ себѣ придворнаго сервиза, присовокупляя, что онъ заложилъ за 10,000 рублей табакерку, подаренную ему королемъ шведскимъ, такъ какъ ему не съ чѣмъ было дотащиться до Петербурга.

Въ Москвѣ у Бестужева былъ не одинъ домъ; одинъ изъ его домовъ находился еще въ приходѣ Бориса и Глѣба, что у Арбатскихъ воротъ. Въ этой церкви былъ поставленъ его портретъ, какъ возобновителя древняго храма; онъ выстроилъ этотъ храмъ въ 1764 г.

Безстужевъ впалъ въ немилость императрицы въ 1758 году. Преданный интересамъ австрійскаго двора, онъ поселилъ въ императрицѣ непріязнь къ Фридриху Великому и вовлекъ Россію въ разорительную войну, стоившую государству болѣе трехъ сотъ тысячъ народа и тридцати милліоновъ рублей. Во время опасной болѣзни Елисаветы, онъ написалъ къ своему другу Апраксину, успѣшно тогда воевавшему въ Пруссіи, чтобы тотъ со всѣмъ войскомъ немедленно возвратился въ Россію. Побѣдитель Фридриха, Апраксинъ, къ удивленію всей Европы, немедленно двинулся въ отечество. Императрица выздоровѣла, и справедливо негодуя на Бестужева, лишила его чиновъ и предала суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Елисавета помиловала Бестужева и, назвавъ его въ манифестѣ «бездѣльникомъ», состарившимся въ злодѣяніяхъ, сослала Бестужева въ его подмосковную «Геротово», гдѣ онъ жилъ въ курной избѣ; носилъ крестьянское платье, читалъ божественныя книги и сочинялъ разные назидательные трактаты. Петръ III вызвалъ изъ ссылки своего личнаго врага, Екатерина II возвратила ему все, чего онъ былъ

лишенъ и за старостью лѣтъ уволила его въ отставку съ пенсіею въ двадцать тысячъ рублей въ годъ, сверхъ жалованья по чину.

Въ отставкѣ Бестужевъ не былъ празднымъ: онъ переводилъ книги, выбивалъ золотыя и серебряныя медали съ разными эмблематическими воспоминаніями и предвѣщаніями, составлялъ медикаменты и проч. Бестужевъ былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, отличался трудолюбіемъ, но имѣлъ капитальные недостатки: былъ гордъ, мстителенъ, неблагодаренъ, велъ жизнь невоздержную, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и отличался набожностью.

Онъ умеръ въ 1766 году, оставивъ одного сына, графа Андрея, не одареннаго талантами отца; послѣдній велъ жизнь безпутную, праздную и умеръ спустя два года послѣ отца, не оставивъ потомства.

Московскій домъ Бестужева, тотъ который находился на рѣкѣ Яузѣ, противъ Екатерининскаго дворца и возлѣ дворца именуемаго Лефортовскимъ, Екатерина II купила у его наслѣдниковъ и 3-го іюля 1787 года, наканунѣ своего выѣзда изъ Москвы, подарила графу Безбородко.

Безбородко въ письмѣ къ своей матери въ день полученія дома описывалъ этотъ случай такъ: «Подаривъ домъ, государыня повелѣла оный починкою исправить, надстроить и перестроить по данному отъ меня плану на счетъ казенный, отъ Екатерининскаго новаго здѣсь дворца. Такимъ образомъ, по милости ея величества, буду я имѣть въ Москвѣ одинъ изъ лучшихъ домовъ и въ самой здоровой части города».

По всѣмъ даннымъ, императрица наградила этимъ подаркомъ Безбородко за то, что онъ сопутствовалъ ей въ Крымъ.

По словамъ польскаго короля Станислава Понятовскаго, осматривавшаго домъ Безбородко, «во всей Европѣ не найдется другого подобнаго ему по пышности и убранству. Особенно прекрасны бронза, ковры и стулья; послѣдніе и покойны, и чрезвычайно богаты. Это зданіе цѣнятъ въ 700,000 руб. Графъ Безбородко, который самъ показывалъ королю всѣ комнаты, сказалъ, что онъ построилъ этотъ зáмокъ въ девять лѣтъ (?). Петербургскій его домъ, который богаче драгоцѣнными картинами, не можетъ равняться съ московскимъ въ великолѣпіи убранства. Многіе путешественники, имѣвшіе случай видѣть Сенъ-Клу въ то время, когда онъ вполнѣ отдѣланъ былъ для французской короны, утверждаютъ, что въ украшеніи Безбородкинскаго дома болѣе пышности и вкуса. Золотая рѣзьба на стульяхъ работана въ Вѣнѣ, а лучшая бронза куплена у французскихъ эми-

грантовъ. Въ обѣденномъ залѣ находится парадный буфетъ, котораго уступы установлены множествомъ прекрасныхъ сосудовъ, золотыхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и т. д. Обои чрезвычайно богаты; нѣкоторые изъ нихъ выписаны, другіе дѣланы въ Россіи. Китайская мебель прекрасна».

Гельбигъ разсказываетъ, что въ бытность императора Павла въ домѣ Безбородко, однажды онъ стоялъ съ канцлеромъ у окна комнаты, изъ которой можно было обозрѣвать прелестный садъ.

Государь, который на все смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія, выразилъ мысль, что это могъ бы быть превосходный плацъ для ученія. Это было сказано безъ намѣренія и желанія. Но когда государь, проснувшись рано, подошелъ къ окну, то нашелъ садъ обращеннымъ въ плацъ-парадъ.

Безбородко во время ночи приказалъ гладко вырубить деревья и кусты. Императору такъ понравилось это, что онъ за дорогую цѣну купилъ его домъ.

По покупкѣ дома, императоръ приказалъ быстро произвести въ немъ разныя постройки. Послѣдними занимались денно и нощно со свѣчами 1,600 человѣкъ. Павелъ I велѣлъ два длинныхъ деревянныхъ дворца, желтый и марлинскій, обратить въ дворцовыя службы [81]). Такъ какъ по близости его не было церкви, то императоръ приказалъ архитектору Миллеру пристроить къ нему деревянную, во имя Михаила Архангела и всѣхъ безплотныхъ силъ. Также приказано было гофмейстеру, князю С. С. Гагарину: «сдѣлать въ Лефортовскомъ дворцѣ конюшни и кухню, и соединить съ дворцомъ крытымъ корридоромъ, и плацъ-дармъ предъ домомъ исправить во всемъ по плану. Деньги для постройки брать изъ почтовыхъ доходовъ, пропадавшихъ до того безъ всякой пользы».

Прежній домъ князя Безбородко такимъ образомъ съ окружающими его зданіями былъ наименованъ Слободскимъ дворцомъ.

Съ именемъ этого дворца связаны многія историческія преданія. Два императора, Павелъ и Александръ I, посѣщая Москву, имѣли въ немъ пребываніе. Въ достопамятный годъ отечественной войны императоръ Александръ I, прибывъ въ Москву, объявилъ здѣсь извѣстное воззваніе къ столицѣ. Въ этомъ дворцѣ московское купечество въ присутствіи самого государя, одушевляемое чувствомъ патріотизма, не выходя изъ залы, открыло добровольную подписку. Всеобщее усердіе превзошло ожиданія монарха; всякій наперерывъ вырывалъ другъ у друга перо и въ нѣсколько минутъ собрано было до милліона рублей.

Государь видѣлъ неподдѣльныя чувства, видѣлъ въ каждомъ новаго Минина и не могъ болѣе быть въ залѣ,—слезы блеснули въ его глазахъ, онъ закрылся платкомъ и вышелъ въ другую комнату.

Въ томъ же году, спустя какой нибудь мѣсяцъ, этого дворца уже не существовало: онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ Москвою. Теперь на его мѣстѣ стоитъ техническое училище Воспитательнаго дома.

Дворцовый или государевъ садъ при Слободскомъ дворцѣ разведенъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; этотъ садъ былъ когда-то моднѣйшимъ гуляньемъ москвичей въ день Вознесенія и въ Троицынъ день. Въ этомъ саду есть нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ рукою Петра Великаго. Здѣсь государь любилъ отдыхать на простой дерновой скамейкѣ. Чтобы это мѣсто сохранить на вѣчныя времена, императрица Елисавета и приказала здѣсь устроить садъ.

Изъ барскихъ домовъ поступившихъ въ казну, извѣстенъ на Тверскомъ бульварѣ домъ московскаго оберъ-полиціймейстера; домъ этотъ нѣкогда принадлежалъ Кологривовымъ.

Изъ семьи богатыхъ помѣщиковъ Кологривовыхъ проживало въ Москвѣ нѣсколько. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ былъ извѣстенъ очень состоятельный помѣщикъ чудакъ, театралъ и собачей, А. А. Кологривовъ, сынъ Екатерининскаго бригадира; по разсказамъ, онъ наѣзжалъ по зимамъ въ Москву и Петербургъ со всѣмъ своимъ деревенскимъ штатомъ, состоящимъ изъ доморощенныхъ актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ и собакъ. Всѣ эти артисты были подстрижены на одинъ ладъ и окрашены черной краской. Когда Кологривова спрашивали, зачѣмъ онъ возитъ за собой всю эту ораву, то онъ отвѣчалъ:

— У меня на сценѣ, какъ я приду посмотрѣть, всѣ актеры и пѣвчіе раскланиваются и я имъ раскланиваюсь; къ вамъ же придешь въ театръ, никто меня и не замѣтитъ и не раскланяется.

Когда его же спрашивали, зачѣмъ у него на псарнѣ до 500 штукъ собакъ?—онъ отвѣчалъ:

— Вы этого не поймете: какъ тявкнувши мои псы разбредутся по кустамъ, да поднимутъ лай, такъ что твои пѣвчіе.

О другомъ Кологривовѣ, такомъ же чудакѣ и эксцентрикѣ, упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Соллогубъ. Кологривовъ былъ родной братъ по матери извѣстному министру духовныхъ дѣлъ императора Александра I, князю Александру Николаевичу Голицыну. Кологривовъ хотя и дослужился до званія оберъ-церемоніймейстера, но дурачился какъ школьникъ.

У него была особенная страсть къ уличнымъ маскарадамъ; послѣдняя доходила до того, что онъ наряжался нищенкой-чухонкой и мелъ тротуары.

Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыни и въ случаѣ отказа бранился по-чухонски и даже грозилъ метлою.

Тогда только его узнавали и начинали хохотать. Онъ доходилъ до того, что вмѣстѣ съ нищими становился на паперти церкви и заводилъ изъ-за гроша съ ними ссоры.

Сварливую чухонку даже разъ отвели на съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ и передъ ней извинились.

Однажды къ извѣстной набожностью и благотворительностью Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной приходятъ двѣ монахини, прося слезно подаянія на монастырь. Растроганная Потемкина идетъ за деньгами, но вернувшись—остолбенѣла отъ ужаса. Монашенки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой съ нимъ еще проказникъ.

Существуетъ еще разсказъ. Какъ-то на одномъ кавалерійскомъ парадѣ вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Θ. С. Голицынъ; любезнымъ кавалеромъ былъ Кологривовъ. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала.

Но часто шутки Кологривова не обходились и безъ послѣдствій. Такъ, разъ, сидя во французскомъ театрѣ, онъ замѣтилъ какого-то зрителя, который, какъ ему показалось, ничего въ представленіи не понималъ. Кологривовъ вошелъ съ нимъ въ разговоръ и спросилъ: понимаетъ ли онъ по-французски. Незнакомецъ отвѣчалъ «нѣтъ».

— Такъ не угодно ли, чтобъ я объяснилъ вамъ, что происходитъ на сценѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Кологривовъ сталъ объяснять и понесъ страшную чушь. Сосѣди даже въ ложахъ фыркали отъ смѣха.

Вдругъ незнающій французскаго языка спросилъ по-французски:

— А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?

Кологривовъ сконфузился.

— Я не думалъ, я не зналъ!

— Вы не знали, что я одной рукой могу васъ поднять за шиворотъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались?

— Извините!

— Знаете вы, кто я? Я Лукинъ.

Кологривовъ обмеръ.

Лукинъ былъ силачъ легендарный. Подвиги его богатырства невѣроятны и по сейчасъ разсказы о немъ живы въ морскомъ вѣдомствѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Вотъ на кого наткнулся Кологривовъ. Лукинъ всталъ.

— Встаньте, сказалъ онъ,—идите за мной!

Они пошли къ буфету. Лукинъ заказалъ два стакана пунша; пуншъ подали, Лукинъ подалъ стаканъ Кологривову.

— Пейте!

— Не могу, не пью.

— Это не мое дѣло. Пейте!

Кологривовъ, захлебываясь, выпилъ стаканъ; Лукинъ залпомъ опорожнилъ свой и снова скомандовалъ два стакана пунша. Кологривовъ отнѣкивался и просилъ пощады; оба стакана были выпиты, а потомъ еще и еще; на каждаго пришлось по восьми; только Лукинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на свое кресло, а Кологривова мертвецки пьянаго отвезли домой.

Графъ Соллогубъ разсказываетъ, что одинъ случай положилъ конецъ мистификаціямъ и шуткамъ Кологривова. На одномъ большомъ обѣдѣ, въ то время, когда садились за столъ, изъ-подъ одного дипломата выдернули стулъ. Дипломатъ растянулся, но тотчасъ же вскочилъ на ноги и громко сказалъ: «Я надѣюсь, что негодяй, позволившій со мной дерзость, объявитъ свое имя». На эти слова отвѣта не воспослѣдовало. Впрочемъ, отвѣтъ былъ немыслимъ и по званію обиженнаго, и по непростительному свойству поступка.

Кологривова любили не только какъ забавника, но и какъ человѣка. Ума онъ былъ блестящаго и, еслибъ не страсть къ шутовству, онъ могъ бы сдѣлать завидную карьеру.

Какъ мы выше сказали, домъ Кологривовыхъ былъ купленъ для оберъ-полицiймейстера.

Начальное учрежденіе московской полиціи Карамзинъ относитъ къ 1505 г. Въ то время, когда установлены были рѣшетки по улицамъ, которыя видѣлъ Герберштейнъ, въ Москвѣ не было полиціи, а въ каждой части, на которыя дѣлился городъ, было свое особое управленіе.

Оно состояло изъ объѣзжихъ головъ, бояръ съ подъячими, изъ рѣшеточныхъ приказчиковъ и изъ сторожей. Рѣшеточные приказчики были начальники сторожей; сторожа были сами обыватели, отправлявшіе общественную земскую повинность натурою. Наказъ

того времени говоритъ, что бояринъ съ подъячими и съ рѣшеточными приказчиками должны ѣздить по городу непрестанно день и ночь, а сторожа, разставленные въ опредѣленныхъ мѣстахъ, должны день и ночь непрестанно ходить каждый по своей улицѣ и по своему переулку, подчиняясь непосредственно особымъ десятскимъ, выбраннымъ изъ среды ихъ, и рѣшеточнымъ приказчикамъ.

Сторожа смотрѣли, чтобы «бою, грабежу, корчмы и табаку, и никакого воровства и разврата не было, и чтобы воры нигдѣ не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни съ улицы». Мѣры осторожнаго обращенія съ огнемъ были самыя строгія; такъ, запрещалось сидѣть поздно съ огнемъ, печи и мыльни запечатывались до новаго указа; что же касается до печенія хлѣба, варенія пищи, то дозволено то и другое только въ поварняхъ, или у кого ихъ нѣтъ—въ печахъ, построенныхъ въ землѣ, въ огородахъ за дворомъ, защищая ихъ крѣпко отъ вѣтру.

Исключеніе дѣлалось въ пользу черныхъ сотень людей, больныхъ и родильницъ. Людямъ черной сотни дозволено топить свои печи въ ненастные дни дважды въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ. Стрѣльцы и стрѣлецкій приказъ въ 1686 году служили исполнительною полицейскою властью.

Любопытны извѣстія, какъ при набожномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ ночное время караулили въ Кремлѣ сторожа:

Когда наступалъ девятый часъ вечера, или по тогдашнему восьмой часъ ночи, тогда начинаетъ стрѣлецкая стрѣла перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимою въ 8 часовъ вечера и отпирались всегда послѣ заутрени. Близъ собора Успенскаго часовой стражъ начиналъ первый протяжно и громко нараспѣвъ возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!» За нимъ второй возглашаетъ: «Святые московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ!» Потомъ третій: «Святый Николай чудотворецъ, моли Бога о насъ!» Четвертый: «Вси святые, молите Бога о насъ»! Пятый: «Славенъ городъ Москва». Шестой: «Славенъ городъ Кіевъ». Седьмой: «Славенъ городъ Суздаль»... и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч. Первый снова восклицаетъ: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!» Послѣ этого какъ этотъ стражъ, такъ и другіе, чтобы не спать и не дремать, до благовѣста къ заутрени поютъ вполголоса разныя духовныя молитвы.

Самый памятный въ числѣ полицейскихъ чиновниковъ былъ еще встарину на Москвѣ «земскій ярыжка». Одѣтъ онъ былъ въ красный и зеленый кафтанъ, на груди у него нашивались двѣ

буквы З и Я, т. е. «земскій ярыжка». Когда государь выѣзжалъ изъ города или шествовалъ въ крестномъ ходѣ, тогда изъ нихъ нѣсколько человѣкъ съ метлами и лопатами шли впереди всѣхъ, очищая дорогу. Кромѣ того, гдѣ происходили шумъ или драка, они всякаго могли брать и отводить къ суду безпрекословно.

Первый оберъ-полиціймейстеръ въ Москвѣ при императорѣ Петрѣ былъ Грековъ, какъ мы выше уже говорили.

Въ 1729 году въ Москвѣ учреждается полицейскій драгунскій эскадронъ и Москва дѣлится на 12 командъ, центральнымъ пунктомъ которыхъ назначается «съѣзжій дворъ». Такихъ съѣзжихъ дворовъ было двѣнадцать и въ каждомъ было два офицера, два урядника и шесть солдатъ съ барабанщикомъ. Рогаточные караулы изъ жителей въ то время оставались попрежнему.

При Петрѣ III получилъ званіе генералъ-полиціймейстера Диковъ, но скоро это званіе уничтожено и въ Москвѣ съ восшествіемъ Екатерины II возстановленъ опять оберъ-полиціймейстеръ и введенъ слѣдующій штатъ полиціи: 1 оберъ-полиціймейстеръ, 1 надворный совѣтникъ, 1 ассесоръ и 1 секретарь съ канцелярскими чинами. Для посылокъ при московской полиціи находилось двадцать человѣкъ конныхъ драгунъ.

Изъ числа начальниковъ полиціи въ вѣкъ Екатерины былъ Архаровъ, о которомъ выше мы говорили, и затѣмъ такимъ же дѣятельнымъ и энергичнымъ былъ въ царствованіе Александра I А. С. Шульгинъ 1-й. Онъ занималъ мѣсто оберъ-полиціймейстера десять лѣтъ. Онъ оставилъ послѣ себя хорошую память очень во многомъ и сдѣлалъ по своему вѣдомству множество полезныхъ преобразованій и учредилъ такіе порядки по управленію, изъ которыхъ многіе остаются безъ измѣненія до сего времени. Главнѣйшее же преобразованіе въ Москвѣ онъ сдѣлалъ въ пожарной командѣ.

Пожарныхъ сигналовъ на каланчахъ при немъ тогда еще не было, а при пожарныхъ командахъ всегда было по нѣсколько казаковъ съ осѣдланными лошадьми, которые въ случаѣ пожара давали знать о томъ въ сосѣднія части. Но, не смотря на это, пожарные являлись на пожары съ изумительною скоростью. Лошади подъ обозомъ были превосходныя, самый обозъ и сбруя въ блестящемъ щегольскомъ видѣ. Команда въ соотвѣтственной времени одеждѣ, безъ металлическихъ шлемовъ.

Наборъ пожарныхъ лошадей тогда подкрѣплялъ не то законъ, не то обычай отбирать у всѣхъ лошадей за неосторожную ѣзду по улицамъ и отдавать въ пожарную команду безъ судебнаго на то

опредѣленія. Это правило при нѣкоторыхъ случаяхъ влекло за собою вопіющую и притѣснительную несправедливость.

Шульгинъ на пожарахъ отличался молодецкою неустрашимостью и мастерскими распоряженіями. Изъ толпы то-и-дѣло слышались восклицанія: «вотъ отецъ, вотъ такъ молодецъ», и пр. Шульгинъ пользовался почти всеобщею любовью, и особенно купечества, не смотря на то, что всѣ его боялись, потому что могучая рука его, сжатая въ кулакъ и распростертая, была для многихъ грозна и тяжела.

Шульгинъ жилъ самымъ широкимъ бариномъ, очень роскошно. Кухня его была образцомъ порядка и опрятности. Онъ по утрамъ самъ ходилъ на кухню и осматривалъ припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столахъ подъ хрустальными колпаками. Посуда, столы, стѣны, полы, одежда поваровъ, они сами и все прочее отличалось безукоризненною, щегольскою чистотою и блескомъ; малѣйшая пылинка не могла укрыться отъ зоркаго его взгляда.

Эта чистота и блескъ проявлялись во всемъ житейскомъ быту Шульгина и на всемъ, что хоть нѣсколько подлежало непосредственному его вліянію. Онъ очень любилъ хорошо покушать и угостить своихъ пріятелей хорошимъ обѣдомъ.

Злые языки въ то время разсказывали, что фельдегерь, который схватилъ Коцебу, извѣстнаго драматическаго писателя, на границѣ и отвезъ его въ Сибирь .и былъ этотъ Шульгинъ. Коцебу называетъ его по фамиліи только Ш. и говоритъ, что онъ отличался курьезною способностью пить и ѣсть на каждой станціи при перемѣнѣ лошадей — безъ разбору и порядка, все, что можно было отыскать: медъ и паюсную икру въ одно и то же время.

Шульгинъ не имѣлъ своего состоянія, но за женою получилъ въ приданое значительный капиталъ. Должность оберъ-полиціймейстера въ то время не имѣла высокаго оклада. Шульгинъ былъ отличный хозяинъ и примѣрный во всемъ распорядитель; средства, которыя доставляла ему должность, были очень достаточны и даже съ избыткомъ для роскошной его жизни, но, къ несчастію, онъ перешелъ въ этомъ границы умѣренности и разсчета и забылъ, что всему бываетъ конецъ, слѣдовательно и доходамъ, приносимымъ какою либо должностью, и самой службѣ.

Для удовлетворенія своихъ роскошныхъ затѣй и предпріятій онъ пользовался значительнымъ кредитомъ и выстроилъ на Тверской улицѣ домъ, принадлежащій теперь Шевалдышеву, въ которомъ помѣщается его гостинница. Домъ строился подъ личнымъ

Городскіе сторожа въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка Панова.

его надзоромъ, при чемъ употреблялись самые лучшіе и дорогіе матеріалы, построенъ онъ былъ самымъ великолѣпнымъ образомъ, а обмеблированъ такъ, что въ то время въ Москвѣ трудно было отыскать другой подобный домъ.

Во время службы Шульгина въ Москвѣ про него ходило множество разсказовъ. Такъ, при переводѣ К. Я. Булгакова изъ московскихъ почтъ-директоровъ въ петербургскіе, онъ говорилъ брату его Александру: «Вотъ мы и братца вашего лишились. Все это комплотъ противъ Москвы. Того гляди и меня вызовутъ. Ну ужъ если не нравится Москва, такъ скажи прямо: я берусь выжечь ее не по-французски и не по-Ростопчински, а по-своему, такъ что послѣ меня не отстроятъ ее во сто лѣтъ». Онъ же говорилъ: «Французы ужасные болтуны и очень многословны. Напримѣръ, говорятъ они: Команъ ву порте́ ву? Къ чему это два ву? Не простѣе ли сказать: Команъ порте́? И такъ каждый пойметъ». Когда онъ былъ въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ, то военнымъ губернаторомъ былъ въ ней князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ. Шульгинъ не ладилъ съ губернаторомъ и не скрывалъ этого ни отъ кого.

Голицынъ, цѣня его неутомимую дѣятельность и труды, не обращалъ на эти личности вниманія и каждый разъ ходатайствовалъ о наградахъ ему.

Въ 1824 г. Шульгинъ былъ переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ. По отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ отправилъ все свое имущество съ особымъ обозомъ. Неподалеку отъ Новгорода встрѣтилъ этотъ обозъ графъ Аракчеевъ и обратилъ вниманіе на длинный рядъ разныхъ блестящихъ экипажей и походныхъ фуръ, множество превосходныхъ и цѣнныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей и щегольски одѣтую въ форменное платье прислугу.

Остановясь и подозвавъ къ себѣ одного служителя, онъ спросилъ: «Кому все это принадлежитъ»? На отвѣтъ же его, что с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру Шульгину, онъ сказалъ: «Скажи ему, что всего этого никогда не было и нѣтъ у самого Аракчеева».

Вслѣдъ за событіемъ 14-го декабря 1825 года, Шульгинъ былъ уволенъ отъ своей должности и переѣхалъ въ Москву. Онъ сперва поселился въ своемъ домѣ; средства его къ жизни ограничились однимъ пенсіономъ, явились долги, и въ концѣ концовъ всѣ его вещи были проданы, какъ и домъ, съ аукціона.

Купцы въ первое время, по старой памяти, его нѣсколько разъ выручали изъ бѣды, но подъ конецъ отъ него отказались. Шульгинъ съ горя сталъ придерживаться чарочки.

Изъ бывшаго своего великолѣпнаго палаццо онъ переѣхалъ въ убогій домишко въ три окна на Арбатѣ и здѣсь прохожіе нерѣдко видѣли какъ на дворѣ, въ ветхомъ замасленномъ халатѣ, онъ кололъ дрова или самъ рубилъ капусту.

Подъ конецъ его жизни, въ его безвыходное положеніе вошелъ князь Д. В. Голицынъ и, припомня о немъ одно хорошее, забывъ обо всемъ дурномъ, сдѣлался его благодѣтелемъ, платилъ за квартиру и снабжалъ его пищею. Въ такомъ положеніи Шульгина и застала смерть около 1832 года.

Въ концѣ царствованія Екатерины, императора Павла и въ первые годы Александра I славился, по разсказамъ современниковъ, домъ графа Каменскаго на Зубовскомъ бульварѣ [82]). Домъ этого любимца Павла былъ типомъ московскаго барскаго дома прошлаго вѣка. По словамъ Ег. Ковалевскаго [83]) и графини А. Д. Блудовой [84]), въ этомъ домѣ, со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости, сливались и всѣ русскіе и татарскіе древніе обычаи. Домъ Каменскаго наполняли мамы, няни, калмычки, карлицы, турчанки, т. е. взятыя въ плѣнъ турецкія дѣвушки, подаренныя по возвращеніи изъ арміи нашихъ военныхъ знакомымъ дамамъ, крещеныя ими въ православную вѣру и кое-какъ воспитанныя.

Въ этомъ домѣ сохранялась вся русская уродливая жизнь со строгостью нравовъ и суевѣріемъ.

На домашнемъ театрѣ играли комедіи Вольтера и Мариво, и въ важныхъ семейныхъ торжествахъ, какъ напримѣръ при свадьбахъ, сѣнныя дѣвушки пѣли русскія обрядовыя пѣсни, какъ въ до-Петровской Руси. Блудова разсказываетъ, что когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, такъ что наконецъ графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста давно была замужемъ уже за вторымъ мужемъ.

Хозяйка дома, графиня Анна Павловна Каменская, урожденная княгиня Щербатова, была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ; объ ней вся Москва говорила, какъ объ ангелѣ во плоти.

Въ замужествѣ она не была счастлива: мужъ ея много заставилъ ее страдать; у него была извѣстная всѣмъ, нагло выставленная связь съ простою злою женщиной, къ которой онъ уѣзжалъ безпрестанно въ деревню на цѣлые мѣсяцы, когда не былъ въ Петербургѣ или въ арміи, оставляя жену одну въ Москвѣ; но она никогда не заслужила ни малѣйшаго упрека, никогда злословье не касалось ея.

Графъ Мих. Өедот. Каменскій былъ сынъ мундшенка, служившаго при дворѣ Петра Великаго; онъ родился въ 1738 году, обучался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и четырнадцати лѣтъ началъ военную службу капраломъ, а на двадцать девятомъ году уже имѣлъ чинъ бригадира.

Характера Каменскій былъ очень крутого. Существуетъ преданіе, что онъ подвергалъ тѣлесному наказанію своихъ сыновей, когда тѣ были уже въ генеральскихъ чинахъ. Каменскій былъ небольшого роста, сухощавый, широкій въ плечахъ: лицо у него было круглое, пріятное, брови густыя, въ разговорѣ нетерпѣливъ и страненъ, иногда очень ласковъ.

Самымъ выдающимся его достоинствомъ была храбрость. Порошинъ разсказываетъ, что Фридрихъ Великій, говоря объ немъ въ 1765 году съ своимъ генераломъ Таденцинымъ, называлъ его «молодымъ канадцемъ, довольно образованнымъ».

Суворовъ, отзываясь о Каменскомъ, говорилъ: «что онъ зналъ тактику». Сегюръ въ своихъ запискахъ называетъ его вспыльчивымъ и жестокимъ, но отдаетъ полную справедливость ему какъ полководцу, который никогда не боялся смерти. Державинъ привѣтствовалъ его побѣды въ 1806 году во время войны съ Франціей и называлъ его «булатомъ, обдержаннымъ въ бояхъ, оставшимся мечемъ Екатерины, камнемъ и именемъ, и духомъ». Каменскій въ своей молодости два года служилъ во Франціи для пріобрѣтенія опытности въ военномъ искусствѣ. Онъ прославился при Екатеринѣ въ обѣихъ войнахъ съ турками, но никогда не былъ любимъ за свой крутой и вмѣстѣ вспыльчивый нравъ и за жестокость.

Въ 1783 году онъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ рязанскимъ и тамбовскимъ. Разсказываютъ, что когда онъ былъ губернаторомъ, то частенько прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ съ виновными безъ разбору. Такъ, однажды впустили къ нему съ просьбою какую-то барыню въ ту минуту, какъ онъ хлопоталъ около любимой суки и щенковъ ея клалъ въ полу своего сюртука; взбѣшенный за нарушеніе такого занятія онъ сталъ кидать въ бѣдную просительницу щенятъ.

Державинъ упоминаетъ про него, что въ бытность его тамбовскимъ намѣстникомъ, онъ заботился о народномъ образованіи и заводилъ первоначальныя школы, которыхъ тогда еще не было въ томъ краѣ. Онъ покровительствовалъ также поэту Богдановичу и издалъ въ Москвѣ въ 1778 году первую книгу поэмы его «Душенька».

Его упрекали современники за то, что онъ, подражая Суворову, часто оригинальничалъ и юродствовалъ. Такъ, живя въ своемъ орловскомъ имѣніи с. Сабуровѣ, онъ носилъ всегда куртку на заячьемъ мѣху, покрытую голубою тафтою, съ завязками, желтыя мундирныя штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картузъ; волосы сзади связывалъ веревочкою въ видѣ пучка, ѣздилъ въ длинныхъ дрожкахъ цугомъ съ двумя форейторами; лакей сидѣлъ на козлахъ; онъ имѣлъ приказаніе не оборачиваться назадъ, но смотрѣть на дорогу.

Послѣднее обстоятельство, какъ увидимъ ниже, и было гибельно для графа. Каменскій, какъ и многіе богачи-вельможи того времени, былъ тоже не разборчивъ въ своей связи и подпалъ подъ вліяніе грубой, необразованной и некрасивой женщины; съ нею проводилъ онъ все время въ деревнѣ.

Фельдмаршалъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно одинъ; въ кабинетъ его никто не впускался кромѣ камердинера; у дверей этой комнаты были привязаны на цѣпи огромныя двѣ меделянскія собаки, знавшія только графа и камердинера.

Въ Москву же, въ семейство онъ пріѣзжалъ на короткое время и являлся въ немъ безграничнымъ деспотомъ, грозою всѣхъ домашнихъ. Любовная связь съ упомянутой женщиной погубила Каменскаго.

Богатство и власть, которою надѣлялъ ее фельдмаршалъ въ своемъ имѣніи, не удовлетворяли его любовницу. Ей захотѣлось выйдти замужъ, и предметомъ своей любви она избрала полицейскаго чиновника, а средствомъ къ достиженію цѣли — убійство. Обѣщаніемъ наградъ и надеждой на безнаказанность, она уговорила одного молодого парня изъ дворовыхъ, не любившихъ вообще своего крутого помѣщика, разрубить ему черепъ топоромъ въ лѣсу, черезъ который онъ ѣзжалъ часто; кучеръ былъ соучастникомъ или, по крайней мѣрѣ, не защитилъ барина, и оба приговорены были къ наказанію, но сама виновница кроваваго преступленія осталась въ сторонѣ, благодаря протекціи полицейскаго, за котораго она вышла замужъ. Убійца, однимъ ударомъ топора, разсѣкъ фельдмаршалу черепъ и половину языка.

Преступленіе совершилось 12-го августа 1809 года; смерть вождя трогательно описалъ поэтъ Жуковскій. По дѣлу объ убійствѣ Каменскаго пошло въ Сибирь и отдáно въ солдаты около 300 человѣкъ. По разсказу же графа Делагарда [85]), подробности смерти графа совсѣмъ другія: убійцами Каменскаго были два молодыхъ крѣпостныхъ человѣка, которымъ онъ далъ музыкальное образованіе въ

Лейпцигѣ. По возвращеніи ихъ къ помѣщику, онъ съ ними обращался жестоко, и одного изъ нихъ за маловажный проступокъ высѣкъ. Это и вызвало жажду мести. Ночью они проникли въ спальню графа и убили его топоромъ, упрекая его за то, что онъ вздумалъ извлечь ихъ изъ той среды, въ которой они родились. Убивъ своего барина, они явились въ городъ и повинились въ преступленіи.

Въ бывшемъ имѣніи графа Каменскаго, с. Сабуровѣ, въ Орловской губерніи, сохранился другой разсказъ о смерти графа Каменскаго — онъ намъ любезно доставленъ теперешнимъ владѣльцемъ этого имѣнія Г. А. Спечинскимъ: «По покупкѣ имѣнія въ 1871 г.», какъ передаетъ намъ послѣдній,—«я еще засталъ въ живыхъ старика-сторожа, который разсказалъ мнѣ, какъ убили фельдмаршала. Вотъ его слова: «Каменскій былъ очень строгій помѣщикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне недовѣрчивый, и его бурмистры и приказчики у него держались недолго. Года два до смерти онъ довѣрился молодому малому, конторщику, который пользовался его большимъ довѣріемъ. Дошло дѣло до того, что Каменскій наконецъ убѣдился, что этотъ конторщикъ даже отпускаетъ людей на волю и выдаетъ имъ фальшивыя вольныя за его подписомъ, а ему показываетъ, что послѣдніе находятся въ бѣгахъ. Узнавъ объ этомъ, Каменскій не уволилъ конторщика отъ дѣлъ, а сталъ его преслѣдовать наказаніями, обѣщая еще сослать въ Сибирь. Конторщикъ этого не выдержалъ, бѣжалъ и скрылся въ Сабуровскомъ лѣсу, котораго тогда было до 800 десятинъ въ одномъ мѣстѣ.

«Однажды лѣтомъ Каменскій поѣхалъ въ этотъ лѣсъ, чтобъ назначить мѣсто для вырубки, парою, въ дрогахъ; одѣтъ онъ былъ въ формѣ, въ треугольной шляпѣ. Чтобы въѣхать въ лѣсъ, надо было подняться на очень крутую гору, по узкой дорогѣ; налѣво отъ дороги лежалъ обрывъ, поросшій кустарникомъ, а еще ниже рѣка Цонъ. Въ этихъ-то кустахъ и подкараулилъ его конторщикъ и, подойдя сзади, ударилъ его топоромъ такъ сильно, что разсѣкъ шляпу и голову пополамъ. Каменскаго похоронили 15 августа въ церкви с. Сабурова и послали курьера съ извѣстіемъ къ императору Александру I. Власти стали искать преступника, кучеръ не былъ въ заговорѣ и прямо указалъ на убійцу. Государь приказалъ найти во что бы то ни стало убійцу. Была приведена цѣлая дивизія, которая оцѣпила лѣсъ и простояла бивуакомъ до половины октября, но убійца не находился; его искали все въ лѣсу, а онъ жилъ въ заливѣ Цона, ниже лѣса, въ тростникѣ; но когда пошли морозы, то онъ долѣе тамъ сидѣть не могъ и больной вышелъ и отдался властямъ уже полумертвый; его приказано было наказать

кнутомъ на мѣстѣ преступленія, что и было исполнено. Наказанія онъ не вынесъ и умеръ. На мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Каменскій, былъ положенъ большой камень, болѣе 300 пудовъ; этотъ камень лежалъ покойно до зимы 1889 года, но этою зимою крестьяне ухитрились расколоть его на четыре части и продать въ городъ Орелъ».

Графъ М. Ѳ. Каменскій.
Съ гравированнаго портрета Осипова.

Настоящей любовницы, по словамъ того же старожила, у Каменскаго не было, а была крѣпостная его труппа актрисъ, которая и составляла его гаремъ; помѣщался послѣдній въ третьемъ этажѣ каменнаго зданія и носилъ названіе «гульбицы».

Помимо трехъ дѣтей, дочери и двухъ сыновей, у фельдмаршала Каменскаго отъ любовницы остался незаконный сынъ, носившій, впрочемъ, фамилію тоже Каменскаго; онъ въ молодости выказалъ

замѣчательныя военныя способности; онъ служилъ у своего брата и позднѣе отличился въ 1812 году, но за какой-то проступокъ былъ сосланъ въ одну изъ крѣпостей, гдѣ случайно и утонулъ, купаясь.

Самый даровитый и блистательный членъ семьи Каменскихъ, молодой главнокомандующій графъ Николай Михайловичъ, тоже погибъ въ молодыхъ годахъ насильственною смертью. Николай Каменскій отличался блистательными военными способностями, такъ сказать наслѣдственными, хотя не наслѣдовалъ отъ отца ни его крутого нрава, ни его привычекъ.

Онъ былъ красавецъ собою, съ добрымъ сердцемъ, немного вспыльчивый, очень ласковый съ нижними чинами и особенно строгъ и гордъ съ равными генералами; въ сраженіяхъ отличался личною храбростью, легко терпѣлъ нужду съ солдатами, довольствуясь очень немногимъ, но единственно что любилъ — это покойную и широкую одежду.

Когда молодой Каменскій явился къ Суворову въ армію, на поля Италіи, то Суворовъ, зная нелюбовь его отца къ нему, былъ крайне удивленъ. Свиданіе фельдмаршала съ Каменскимъ было очень трогательно. «Какъ! воскликнулъ великодушный Суворовъ, бросившись обнимать его,—сынъ друга моего будетъ со мною пожинать лавры, какъ я нѣкогда съ отцомъ его!» Прочитавъ письмо бывшаго сослуживца, фельдмаршалъ не могъ удержаться отъ слезъ и произнесъ: «Когда ты къ батюшкѣ будешь писать, то принеси ко мнѣ письмо, я припишу».

Въ тотъ день была обѣдня; Суворовъ, по обыкновенію, пѣлъ на клиросѣ; вдругъ, отъ земныхъ поклоновъ, подбѣжалъ къ Каменскому съ вопросомъ:

— Поетъ ли твой батюшка?

— Поетъ, отвѣчалъ Каменскій.

— Знаю, возразилъ Суворовъ, — но онъ поетъ безъ нотъ, а я по нотамъ.

И съ этими словами побѣжалъ къ пѣвчимъ.

Подъ командой Суворова Каменскій отличался своею неустрашимостью: особенно онъ выказалъ свою храбрость при атакѣ непріятеля во время перехода черезъ Чортовъ мостъ. «Юный сынъ вашъ, писалъ Суворовъ къ отцу Каменскаго,—старый генералъ». Командуя Мушкатерскимъ полкомъ, Каменскій жилъ роскошно; отъ отца онъ не получалъ никакого дохода.

Открытая жизнь заставила его растратить казенныя суммы. На него былъ сдѣланъ доносъ императору Павлу и назначено строгое

слѣдствіе. Каменскій отъ горя занемогъ; преданные ему офицеры его полка собрали часть затраченныхъ денегъ и, какъ полкъ былъ расположенъ въ разныхъ мѣстахъ, то искусно и передали суммы по батальонамъ. Солдаты не принесли жалобы на своего любимаго командира; нашелся только одинъ изъ нихъ, и то въ нетрезвомъ видѣ, который нажаловался инспектору на Каменскаго.

Слѣдствіе шло какъ разъ во время вступленія императора Александра I на престолъ. Каменскій, не смѣя обратиться за помощью къ суровому своему отцу, чистосердечно принесъ свою виновность молодому императору и получилъ прощеніе отъ монарха.

Отецъ Каменскаго держалъ въ такомъ страхѣ своихъ сыновей, что послѣдніе, бывши уже въ генеральскихъ чинахъ, не смѣли при немъ ни курить, ни нюхать табакъ, и трубки, и табакерки прятали отъ отца.

Кстати сказать о модѣ, вышедшей тогда въ высшемъ обществѣ, къ нюханію табаку. Въ екатерининскія времена почти всѣ нюхали табакъ, даже молодыя дѣвицы; почтенные люди любили тогда щеголять своими богатыми табакерками, а у знатныхъ баръ были цѣлыя коллекціи прекрасныхъ золотыхъ, съ эмалью и брилліантами, табакерокъ, которыя раскладывались въ гостиныхъ по столамъ.

Благово въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ про свою бабушку, Татищеву, которая имѣла слѣдующую странность: позвонитъ, бывало, человѣка, дастъ ему грошъ и скажетъ:—«Пошли взять у будочника мнѣ табаку». Немного погодя и несутъ ей на серебряномъ подносѣ табакъ отъ будочника въ прегрязнѣйшей бумагѣ, и она, не брезгая, сама развернетъ и насыпаетъ этотъ зеленый и противный табакъ въ свои дорогія золотыя табакерки. Такія покупки у тогдашнихъ баръ не считались странными. Курить же табакъ въ то время было предосудительно; мужчины курили его въ своихъ кабинетахъ, при запертыхъ дверяхъ, и ежели это случалось при дамахъ, то испрашивалось дозволеніе.

Куренье замѣтнымъ образомъ стало входить въ моду послѣ 1812 года, и въ особенности въ 1820 году, когда стали привозить изъ заграницы сигарки; на первыя такія, гамбургскія, смотрѣли какъ на диковинку. Русскія сигары, какъ и табакъ курительный и нюхательный, стали первые фабриковать саратовскіе колонисты-нѣмцы.

Первый сарептскій магазинъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ открытъ гдѣ-то за Покровкой. Извѣстность онъ пріобрѣлъ также своими медовыми коврижками и пряниками. На первой недѣлѣ

Великаго поста, считалось обязательнымъ для каждаго барскаго семейства ѣздить въ этотъ магазинъ, и цѣлая нить каретъ, бывало, тянулась по Покровкѣ въ эти дни.

Иностранный же табакъ, какъ и шерсть, и полотна (ручныя), чулки, батистъ, носовые платки и голландскій сыръ, московскіе баре покупали на Ильинкѣ, за Гостинымъ дворомъ, въ нюренбергскихъ лавкахъ.

Возвращаемся опять къ сыну фельдмаршала Каменскаго. Военную славу онъ стяжалъ главнымъ образомъ во время финляндской войны, когда былъ главнокомандующимъ арміею.

Послѣднія побѣды Каменскаго были уже за Балканами, во время нашихъ войнъ съ турками. Безнадежная любовь къ дочери ключницы-нѣмки свела героя въ преждевременную могилу. Познакомился онъ съ нею въ домѣ князей Щербатовыхъ,—здѣсь онъ ежедневно видѣлся съ красавицей; это замѣтили родные, и выдали ее замужъ за другого жениха, молодого офицера Кисленскаго. Горе и отчаяніе Каменскаго было велико. Мать, чтобы заставить его забыть ее, выбрала ему въ Москвѣ знатную и богатую невѣсту, добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, но не очень красивую собою, графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую.

Графиня страстно полюбила ловкаго, статнаго молодого генерала, военная слава котораго уже гремѣла; но сознаніе своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивыхъ планахъ своихъ жениховъ, которую, какъ говорятъ, въ ней поселялъ ея домашній совѣтникъ, незаконный сынъ ея отца, заставили преодолѣть ея романическую любовь къ Каменскому: Орлова отказала ему.

Отказъ былъ неожиданъ. Графъ уѣхалъ въ армію. Графиня А. Д. Блудова въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Орлова отказала Каменскому, но по смерти его не могла утѣшиться и, отказавшись навсегда отъ замужества, посвятила всю жизнь свою на дѣла богоугодныя и на украшеніе обителей иноческихъ и церквей».

Пожертвованія графини Орловой на церкви равнялись $7^1/_2$ милліонамъ рублей; только изъ одного отчета 1848 года о дѣйствіяхъ Вологодскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія мы узнаемъ, что графиня въ своей духовной назначила слѣдующіе капиталы: 340 монастырямъ съ пустынями по 5,000 руб. сер. каждому; 48 каѳедральнымъ соборамъ по 3,000 руб. сер.; 49 попечительствамъ духовнаго званія по 6,000 руб. сер.; всего 2.308,000 руб. сер.

Графиня Блудова вотъ что разсказываетъ о Каменскомъ. Когда онъ, разстроенный, прощаясь съ матерью, садился въ коляску, чтобы ѣхать въ армію, къ экипажу подошелъ юродивый и протянулъ къ нему руку съ платкомъ, говоря: «на, возьми на счастіе! Добрый путь!» Каменскій зналъ юродиваго, бывавшаго часто въ ихъ домѣ, улыбнулся ему привѣтливо и взялъ платокъ. Но ему не вѣрилось въ счастье: онъ взялъ платокъ, чтобы не обидѣть юродиваго, но тутъ же машинально передалъ его своему адъютанту, а этотъ адъютантъ былъ Закревскій. Домашніе Каменскихъ, разсказывая про этотъ случай, замѣчали, что ихъ любимый графъ передалъ свое счастье Закревскому и уже не возвратился живымъ въ отчій домъ.

Графъ Каменскій былъ назначенъ императоромъ Александромъ на Волынь, но по совѣту врачей его повезли въ Одессу; дорогою онъ совсѣмъ лишился слуха и памяти, бредилъ, кашлялъ и почти потерялъ разсудокъ. Онъ скончался 4-го мая 1811 года, на 34 году. Когда вскрыли его тѣло, то открыли слѣды отравы. Его привезли въ Орловскую губернію, въ родовое ихъ село Сабурово и похоронили подлѣ отца; но мать просила, чтобы сердце было отдано ей: оно хранилось въ приходской церкви ея дома въ Москвѣ, въ Троицѣ Зубовѣ, пока она была въ живыхъ, а послѣ ея смерти, по ея просьбѣ, похоронено съ нею на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она указала себѣ могилу, возлѣ друга своего, Катерины Блудовой.

Графиня А. А. Орлова умерла болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ смерти Каменскаго, но еще въ послѣдніе годы своей жизни передавала своей старой подругѣ, г-жѣ Герардъ объ отвергнутомъ ею женихѣ со всею горячностью, со всѣмъ увлеченіемъ любви двадцатилѣтней дѣвушки.

Тѣло Каменскаго, какъ мы говорили, было предано землѣ подлѣ праха отца, умершаго за два года передъ тѣмъ отъ руки убійцы; церковь, въ которой надъ двумя героями поставлены простые бѣлые камни, безъ надписей, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія представляла развалину. Село было уже не въ роду Каменскихъ и теперь, если не ошибаемся, трудно уже найти мѣсто, гдѣ покоятся останки побѣдителя при Козлуджи и завоевателя Финляндіи.

Старшій сынъ фельдмаршала Сергѣй отличался только всѣми недостатками отца: онъ служилъ также въ арміи, дослужился до генеральскаго чина и былъ георгіевскимъ кавалеромъ и извѣстенъ своими неумѣлыми и бѣдственными распоряженіями при осадѣ Рущука; Сергѣй Каменскій, подобно отцу, жилъ дурно съ женой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ дѣвицами.

Проживалъ графъ до старости въ своемъ Сабуровѣ въ Орловской губерніи и славился своими странностями и крѣпостнымъ театромъ. Онъ хотѣлъ купить актера Щепкина, и подъ конецъ жизни растратилъ на свой театръ все огромное состояніе своего отца. Послѣ смерти первой жены, урожденной Ефимовой, онъ женился на своей любовницѣ, молоденькой красавицѣ, вдовѣ Кириловой, отъ которой имѣлъ многихъ незаконныхъ и законныхъ дѣтей. Одинъ изъ его сыновей, Андрей, красавецъ собой, по способностямъ очень напоминалъ своего несчастнаго дядю; онъ умеръ въ молодыхъ годахъ въ деревнѣ отъ разстройства ума. Другія его дѣти, кажется, поселились въ Смоленской губерніи и затерялись въ неизвѣстности.

Что же касается до отца, то, по своимъ странностямъ, онъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Вотъ нѣсколько интересныхъ разсказовъ, сохранившихся о немъ въ Орловской губерніи и въ запискахъ его современниковъ.

Театръ Каменскаго находился въ городѣ Орлѣ, на Соборной площади, зданіе было одноэтажное, деревянное, съ колоннами, внутренность театра была недурная, съ двумя ярусами ложъ, райкомъ и партеромъ съ нумерованными креслами; для самого графа была особенная ложа; въ этой ложѣ передъ мѣстомъ графа на столѣ лежала книга, въ которую онъ собственноручно вписывалъ замѣченныя имъ неисправности или ошибки артистовъ; на сценѣ, сзади отъ этого мѣста, висѣло нѣсколько плетокъ и послѣ каждаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои разсчеты съ виновными артистами, крики которыхъ иногда долетали до слуха зрителей.

Графъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, чтобы они говорили безъ суфлера и бѣда тому была, кто запнется или не знаетъ роли. Что же касается до игры актера или актрисы, то на это графъ мало обращалъ вниманія.

Къ ложѣ графа примыкала галерея, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ называемыя пансіонерки, дворовыя дѣвушки, готовившіяся въ актрисы или танцовщицы. Для послѣднихъ было обязательно посѣщеніе театра. Каменскій требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продекламировала какой нибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцовала бы вчерашнее «па». Графъ иногда садился въ первомъ ряду креселъ и смотрѣлъ на спектакль; во второмъ ряду тотчасъ же за нимъ сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади матери въ третьемъ ряду—любовница графа, съ огромнымъ портретомъ его на груди: если послѣдняя чѣмъ нибудь навлекала на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея отбирался и на мѣсто его давался другой точно такъ же

отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, но виднѣлась одна спина; портретъ этотъ вѣшался ей тоже на спину, и въ такомъ видѣ, на соблазнъ всѣмъ, она должна была показываться всюду.

Кромѣ этого наказанія, назначалось и другое болѣе жестокое: въ квартиру къ ней ставилась смѣна дворовыхъ людей подъ коман-

Графъ Н. М. Каменскій.

Съ гравированнаго портрета Кинингера.

дою урядника, которая каждыя четверь часа входила къ ней и говорила ей: «грѣшно, Акулина Васильевна, разсердили батюшку графа, молитесь» и бѣдная женщина должна была сейчасъ же класть земные поклоны; такъ что ей приходилось не спать и по ночамъ безпрестанно класть поклоны.

Въ антрактахъ публикѣ въ креслахъ разносили моченыя яблоки и груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего вареный превкусный медъ.

Публика въ театръ собиралась во множествѣ, но не изъ высшаго круга, которая только пріѣзжала изрѣдка ради смѣха, и нерѣдко у Каменскаго во время представленія бывали скандалы. Такъ, въ собраніи И. А. Вахрамѣева, въ гор. Ярославлѣ, по сообщенію А. Титова, имѣется стихотвореніе, въ которомъ описанъ одинъ изъ такихъ крупныхъ скандаловъ: во время спектакля одинъ полковникъ кинулъ на сцену бѣднымъ артистамъ 100 рублей; Каменскій вскипѣлъ гнѣвомъ и кинулся съ бранью на полковника. Полковникъ сначала все молчалъ и притворился, будто оробѣлъ, но когда графъ, поощренный его молчаніемъ, накинулся на него еще храбрѣе,—тутъ полковникъ уже не выдержалъ и въ свою очередь напалъ на Каменскаго, требуя отъ него тотчасъ удовлетворенія на палашахъ или стрѣляться на пистолетахъ.

Не ожидавшій такого исхода, Каменскій сильно перетрусилъ и уже при всѣхъ, по приказу полковника, сталъ просить у него извиненія, стоя въ слезахъ на колѣняхъ.

Билеты для входа графъ продавалъ и раздавалъ самъ лично, сидя у кассы съ своимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Шалуны того времени платили графу за мѣста мѣдными деньгами, которыя пересчитывать Каменскому иногда приходилось по получасу и дольше.

При театрѣ во время спектаклей назначался караулъ отъ полка; въ послѣднемъ дѣйствіи пьесы графъ требовалъ въ свою ложу караульнаго офицера и вручалъ ему пять пятирублевыхъ синенькихъ ассигнацій, а иногда одну 25-ти-рублевую бѣленькую ассигнацію, всегда истертыя и разорванныя и весьма часто между ними были и фальшивыя.

Такія продѣлки графа, какъ говоритъ Жиркевичъ въ своихъ запискахъ, стоили ему за три года около одной тысячи рублей ассигнаціями, такъ какъ негодныя для размѣна падали на него, а графъ тутъ же при дачѣ отрекался отъ нихъ.

Прислуга при театрѣ была въ ливрейныхъ фракахъ съ красными, синими и бѣлыми воротниками. О дняхъ спектаклей извѣщалось печатными афишами. Репертуаръ пьесъ, даваемыхъ на театрѣ, былъ самый разнообразный, пьесы часто мѣнялись и ставились иногда болѣе чѣмъ роскошно; такъ въ «Калифѣ Багдадскомъ» бархату, шелку, турецкихъ шалей и страусовыхъ перьевъ было болѣе чѣмъ на тридцать тысячъ рублей.

Главные артисты труппы были болѣе чѣмъ каррикатурны, игра ихъ вызывала одинъ смѣхъ и была ниже всякой посредственности. Въ числѣ чудачествъ графа были и ежедневные его вечерніе приказы, въ которыхъ онъ повышалъ и производилъ своихъ лакеевъ изъ одного ливрейнаго фрака въ другой, обозначавшій по цвѣту разрядъ и степень должности; также въ ежедневномъ приказѣ возвѣщалось по дому, какъ водится въ полкахъ, о безпорядкахъ, замѣченныхъ имъ въ теченіе дня—напримѣръ: дѣлалось замѣчаніе графинѣ за допущеніе ею того, что при входѣ ея въ лакейскую люди или не встали съ своихъ мѣстъ, или не оказали должную ей почтительность.

День Каменскаго былъ распредѣленъ въ слѣдующемъ порядкѣ: утромъ въ 5 часовъ онъ дѣлалъ визиты до 7 часовъ, потомъ ототправлялся въ свою театральную контору, гдѣ начиналъ раздавать и продавать билеты, записывая собственноручно въ книгу за билеты деньги и имена тѣхъ, кому дарилъ билеты.

Въ 9 часовъ онъ закрывалъ контору и отправлялся за кулисы и тамъ до 2 присутствовалъ при репетиціяхъ. Въ два часа шелъ гулять пѣшкомъ по городу, постоянно по одному и тому же направленію до извѣстнаго мѣста, не дѣлая ни шагу болѣе, ни шагу менѣе, и возвращался домой обѣдать.

За обѣдомъ у него бывало мало приглашенныхъ; за столомъ блюдъ было нескончаемое количество, прислуги при столѣ толпилась цѣлая орда, больше ссорившаяся и ругавшаяся громко между собою, чѣмъ служившая; сервировка была чрезвычайно грязная: скатерти потертыя, грязныя, салфетки тоже такія же, въ дырьяхъ; стаканы, рюмки разные, часто съ отбитыми краями.

За обѣдомъ онъ занималъ гостей разсказами о своемъ театрѣ, но очень не любилъ, когда ему напоминали его боевую жизнь и его брата. Во всѣхъ его комнатахъ царствовала полная грязь и безпорядокъ. Въ передней валялся лакейскій хламъ и сидѣло постоянно 17 лакеевъ и вязало чулки и невода. Каждый изъ лакеевъ обязанъ былъ подавать графу кто трубку, кто платокъ, воду и т. п. Зала была огромная: саженей 12 въ длину и саженей 7 въ ширину, уставленная кругомъ простыми стульями, выкрашенными сажею и покрытыми черной юфтью. На потолкѣ висѣли три великолѣпныя хрустальныя люстры, въ одномъ углу залы стояли два турецкихъ знамени и восемь бунчуковъ и при нихъ часовой, одѣтый испанцемъ съ тромбономъ, мѣнявшійся чрезъ каждые два часа.

За залой шли три большихъ гостиныхъ, всѣ устланныя богатыми персидскими коврами, съ большими, въ простѣнкахъ оконъ,

венеціанскими зеркалами и съ портретами, писанными масляными красками, которыми стѣны были увѣшаны отъ потолка почти до самаго пола. Въ первой гостиной, по словамъ Жиркевича, висѣли картины актеровъ всѣхъ націй, во второй—графа и его родни, а въ третьей—его крѣпостныхъ актеровъ; вся мебель въ этихъ комнатахъ была изъ корельской березы, покрытая шелковою матеріею. Во второй гостиной, подъ портретами отца и брата, лежали подъ стеклянными колпаками всѣ ихъ военныя регаліи; напротивъ этихъ портретовъ къ стѣнѣ стояли большіе часы, купленные имъ у извѣстнаго московскаго антрепенера Медокса за 8,000 руб., игравшіе, когда часовая стрѣлка показывала 11 минутъ 3-го пополудни «со святыми упокой» и въ 4 часа тоже пополудни извѣстный польскій «Славься, славься, храбрый Россъ». Первый бой обозначалъ, что въ этотъ часъ найдено тѣло убитаго фельдмаршала, а другой бой — моментъ рожденія на свѣтъ самого графа.

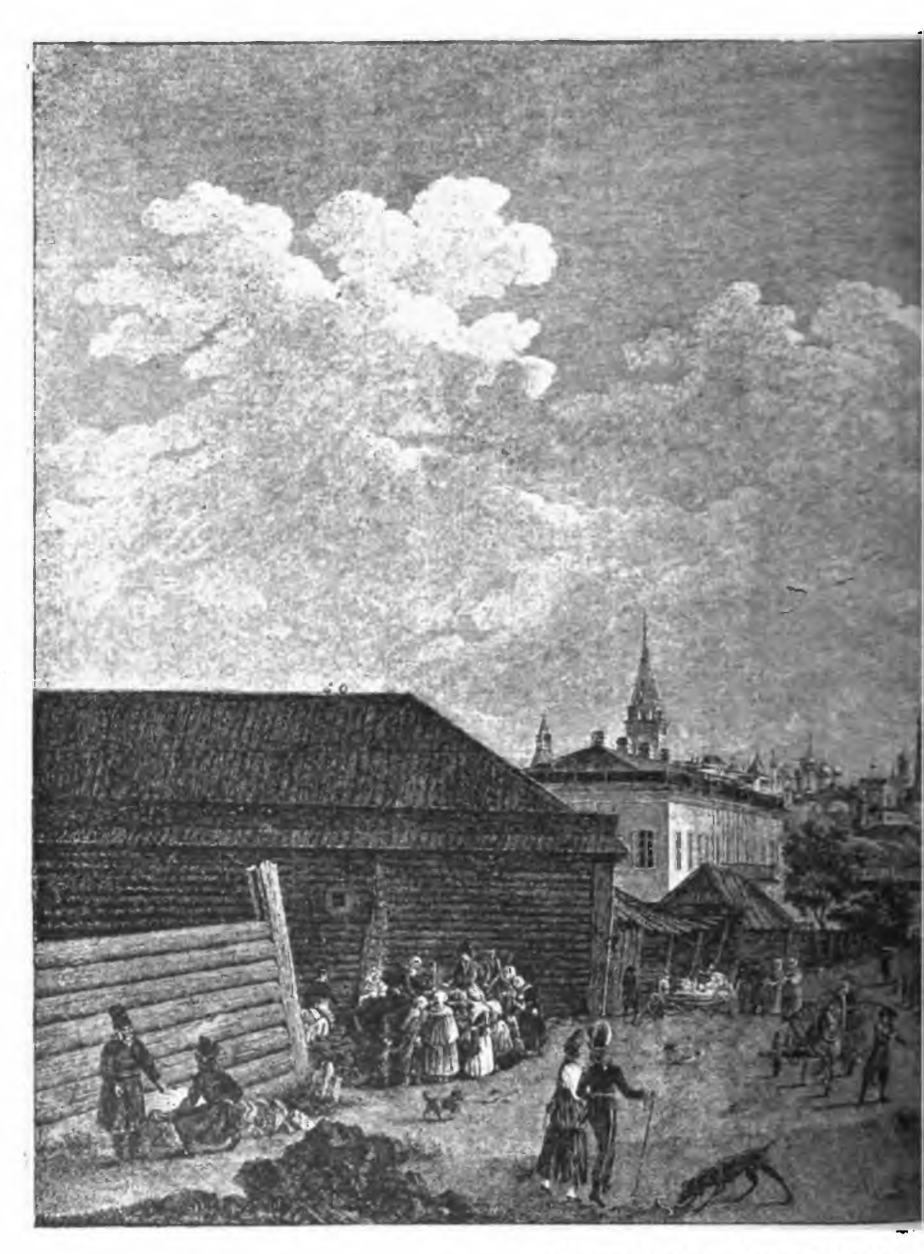
Послѣ обѣда графъ водилъ своихъ гостей въ первую гостиную, гдѣ былъ накрытъ столъ со всевозможными сладостями. Но едва било пять часовъ, графъ покидалъ всѣхъ и отправлялся въ свой театръ, подготовляя самъ все къ спектаклю, который начинался въ 6½ часовъ.

Графъ былъ строгъ только со своими артистами, которыхъ и держалъ подъ карауломъ, какъ въ карантинѣ; съ другими же своими крѣпостными людьми былъ добръ и помогалъ имъ всѣмъ, какъ и нищимъ, которымъ два раза въ недѣлю подавалъ милостыню мѣдными деньгами.

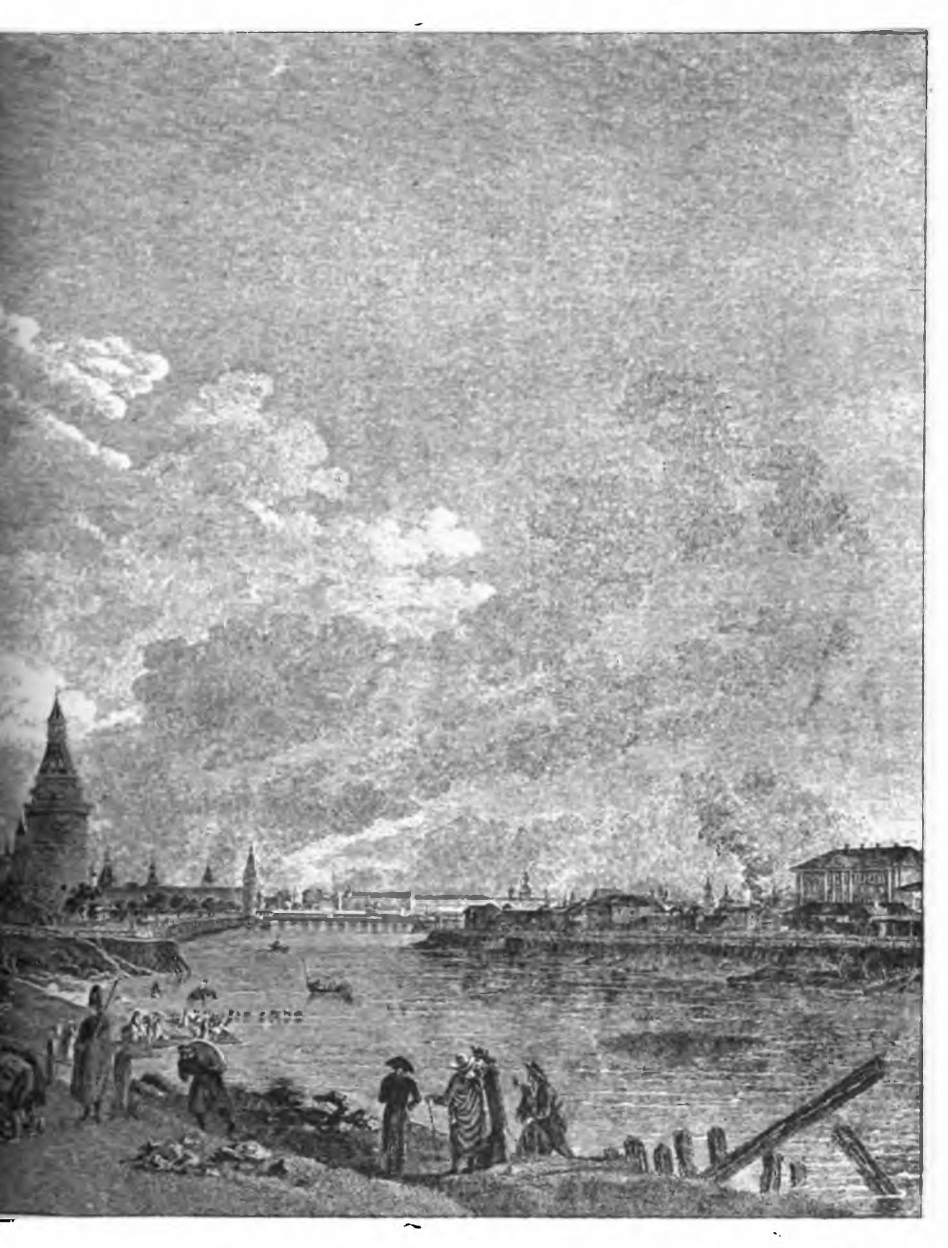
Графъ Каменскій имѣлъ болѣе семи тысячъ душъ крестьянъ, но когда онъ умеръ, то буквально нечѣмъ было похоронить его; отъ огромнаго его состоянія ничего не осталось, все оно пошло на театръ. Всѣ имѣнія графа скупилъ генералъ Красовскій. Исторической усадьбой покойнаго графа теперь владѣетъ Гр. Ал. Спечинскій.

Рядомъ съ роскошнымъ домомъ фельдмаршала Каменскаго въ Москвѣ ютился небольшой домъ пріятельницы жены фельдмаршала, прапорщицы Катерины Ермолаевны Блудовой. Калитка изъ сада послѣдней приходилась прямо въ садъ Каменскихъ, такъ что хозяйкѣ дома не нужно было дѣлать для этого неизбѣжныхъ въ то время выѣздовъ и пріятельницы видались каждый день; этикетъ того времени не дозволилъ бы женѣ фельдмаршала показаться пѣшкомъ на улицѣ, да и суровый фельдмаршалъ не позволилъ бы такихъ ежедневныхъ свиданій.

Не смотря на неважный чинъ—прапорщицы, родъ Блудовыхъ считался однимъ изъ древнѣйшихъ. По фамильнымъ преданіямъ,



Видъ Московскаго Кремля с



Каменнаго моста, въ 1799 году.

ібарта.

Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея, въ св. крещеніи Іоны Блудта, бывшаго воеводою въ Кіевѣ въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка; впослѣдствіи онъ кровію своею смылъ преступленіе, служа вѣрно великому князю Ярославу, и сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ польскимъ Болеславомъ Храбрымъ.

Существуетъ преданіе, что по дорогѣ въ Смоленскъ лежитъ извѣстное пространство земли подъ названіемъ: «Ступня Ѳеодора Блудова»; эта богатырская ступня чуть не покрыла всей Вязьмы. Мѣстность эту московскіе князья, за большія службы, пожаловали предкамъ Блудовыхъ. На этой ступнѣ откармливалъ Блудовъ стада своихъ коней, и на ней давалъ отпоръ полчищамъ польскимъ и литовскимъ. Долго владѣлъ этою землею Ѳедоръ Блудовъ, да вдругъ замирился князь Иванъ Васильевичъ съ княземъ Александромъ Литовскимъ и отдалъ ему, со многими землями, и ступню Ѳедора Блудова. Заплакалъ горько Ѳедоръ о своей ступнѣ и молвилъ челомъ грозному московскому царю: «Кровь отцевъ моихъ залила ступню нашу на Вязьмѣ, такъ не владѣть ступнею моей литвину, не отдамъ моей крови, умру на ней»... И московскій царь не отдалъ ступни Блудова литовцамъ. Въ Вязьмѣ теперь про эту славную ступню уже не помнятъ и мѣсто это теперь — ровное поле! Мы не переходимъ отъ преданій къ исторической генеалогіи этого рода семьи Блудовыхъ, которая, принадлежа къ коренному русскому дворянству, жила изъ рода въ родъ въ провинціи, вдали отъ двора, близко къ народу, знала его, помогала въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному разсчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилась.

Блудова была родомъ Тишина изъ новгородскихъ дворянъ; красоты она была необыкновенной, а также и очень умная; овдовѣла она въ очень молодыхъ годахъ; мужъ ея, казанскій помѣщикъ, умеръ очень молодымъ человѣкомъ, простудившись въ отъѣзжемъ полѣ — онъ былъ страстный псовый охотникъ, разстроившій свое состояніе охотой и частію картежной игрой.

Послѣ него осталось двое дѣтей: дочь и сынъ. Первая вышла замужъ за костромского помѣщика Писемскаго, а второй впослѣдствіи былъ государственный дѣятель графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, состоявшій на службѣ болѣе шестидесяти лѣтъ. Мать Блудова очень любила своего сына и ничего не щадила для его образованія; лучшіе учителя, профессора университета давали ему уроки.

Память его поражала учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ; французскимъ языкомъ онъ владѣлъ какъ русскимъ, и кромѣ того зналъ нѣмецкій, итальянскій и отчасти древніе языки; по-

англійски онъ выучился бывши уже совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, безъ пособія учителя, при помощи лексикона и романовъ Вальтера Скотта.

Страсть къ театру была господствующею въ немъ въ молодости. Онъ могъ прочесть наизусть цѣлыя тирады, почти цѣлыя трагедіи Озерова и Расина. Счастливая его память сохранила ему эту способность до глубокой старости. По бабкѣ Блудовъ приходился двоюроднымъ племянникомъ Державина, по матери—двоюроднымъ братомъ Озерова. Записанный дядей Державинымъ, подобно другимъ столбовымъ дворянамъ, чуть не съ пеленокъ въ Измайловскій гвардейскій полкъ, онъ въ Павловское время былъ уволенъ. Шестнадцати лѣтъ, въ 1800 году, поступилъ онъ юнкеромъ въ московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и черезъ полгода былъ, благодаря необыкновеннымъ способностямъ, произведенъ въ переводчики, а на другой годъ въ коллежскіе ассесоры.

Въ архивѣ Блудовъ сошелся и сблизился съ братьями Андреемъ и Алекс. Тургеневыми, съ Дашковымъ, Вигелемъ; послѣдній въ своихъ запискахъ о Блудовѣ отзывается съ какимъ-то увлеченіемъ, вовсе ему не свойственнымъ. По его словамъ, Блудовъ своимъ блестящимъ умомъ сдѣлалъ на него впечатлѣніе необыкновенное. Слушая его, онъ постоянно находился подъ магическимъ вліяніемъ его слова. Впослѣдствіи Блудовъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ. Съ послѣднимъ онъ сошелся съ раннихъ лѣтъ; ихъ свелъ его товарищъ по службѣ Дашковъ, который съ Жуковскимъ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ—любовь къ театру и поэзіи связала его съ Жуковскимъ на всю жизнь.

Едва ли не первое стихотворное произведеніе Блудова, какъ говоритъ Е. Ковалевскій, написано имъ обще съ Жуковскимъ; это пѣсня «Объясненіе портного въ любви», и вотъ что послужило къ ней поводомъ: между архивными товарищами Блудова былъ нѣкто Л., сынъ портного; что этотъ Л. былъ влюбленъ, это вещь весьма обыкновенная, но онъ былъ влюбленный дикаго свойства и сильно надоѣдалъ товарищамъ и особенно Блудову своею любовью. Вся пѣсня состояла въ примѣненіи разныхъ предметовъ портняжескаго мастерства къ объясненію любви; тутъ были стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Нагрѣто сердце, какъ утюгъ!

или

О ты, которая пришила
Меня къ себѣ любви иглой,
Какъ самый крѣпкій шовъ двойной.

Кончалась пѣсня словами:

Умреть несчастный твой портной.

По какому-то странному случаю, пѣсня эта, конечно, не предназначенная для печати, попала въ старинныя пѣсни, но еще страннѣе, что авторомъ ея названъ самъ несчастный Л—у, осмѣянный въ ней.

Блудовъ имѣлъ большое вліяніе на Жуковскаго; онъ убѣдилъ его, какъ увѣряетъ М. Дмитріевъ въ своихъ «Мелочахъ», Грееву элегію «Сельское кладбище» перевесть не четырехстопными ямбами, а шестистопными.

Князь Вяземскій разсказываетъ, что у графа Блудова была задорная собачонка, которая кидалась на каждаго, кто входилъ въ кабинетъ его. Когда, бывало, придешь къ нему, первыя минуты свиданія, вмѣсто обмѣна обычныхъ привѣтствій, проходили въ отступленіи гостя на нѣсколько шаговъ и въ бѣготнѣ хозяина по комнатѣ, чтобы отогнать и усмирить негостепріимную собачонку. Поэтъ Жуковскій не любилъ этихъ эволюцій и уговаривалъ графа держать собачку на привязи. Какъ-то долго не видать было его. Блудовъ пишетъ ему записочку и пеняетъ за продолжительное отсутствіе. Жуковскій отвѣчаетъ, что заказанное имъ платье еще не готово и что безъ этой одежды съ принадлежностями онъ явиться не можетъ. При письмѣ собственноручный рисунокъ: Жуковскій одѣтъ рыцаремъ въ шишакѣ и съ забраломъ, весь въ латахъ и съ большимъ копьемъ въ рукѣ. Все это, чтобы защищать себя отъ нападеній кусающагося врага.

Князь Вяземскій говоритъ про Блудова, что онъ имѣлъ авторское дарованіе, но до сорока лѣтъ и долѣе не могъ рѣшиться ничего написать. Онъ же упоминаетъ о немъ: «какъ въ литературной сферѣ Блудовъ рожденъ не производителемъ, а критикомъ, такъ и въ государственной онъ рожденъ для оппозиціи». Слабая сторона его характера была раздражительность и вспыльчивость, въ минуту гнѣва онъ никого не щадилъ, но когда проходилъ гнѣвъ, онъ уже все забывалъ и съ ласковою улыбкою спѣшилъ заговаривать съ обруганнымъ. Блудовъ считался острякомъ въ свое время и попасться къ нему на язычокъ многіе побаивались. Когда на мѣсто государственнаго секретаря Сперанскаго былъ назначенъ Шишковъ, человѣкъ не глупый и почтенный, но вовсе по лѣнности неспособный ни къ какимъ дѣламъ, движимый теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, онъ написалъ нѣсколько манифестовъ; лучшимъ изъ нихъ было извѣстіе о потерѣ Москвы. Блудовъ сказалъ, что для возбужденія краснорѣчія должно было сгорѣть Москвѣ.

Когда вышло первое иллюстрированное изданіе новыхъ басенъ Крылова, Блудовъ говорилъ, что басни вышли «съ свиньею и съ виньетками». Строгій и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія хавроньи въ поэзіи.

Когда графъ Хвостовъ въ своихъ стихахъ сказалъ: «Суворовъ мнѣ родня и я стихи плету», Блудовъ замѣтилъ: «Полная біографія въ нѣсколькихъ словахъ; тутъ въ одномъ стихѣ все, чѣмъ онъ гордиться можетъ и стыдиться долженъ». Когда Шатобріанъ про друга Блудова, Александра Тургенева, написалъ: «графъ Тургеневъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, человѣкъ всякаго рода познаній», Блудовъ, прочитавъ эти строки, сказалъ: «Угораздился же Шатобріанъ выразить въ нѣсколькихъ словахъ три неправды и три нелѣпости: Тургеневъ не графъ, не бывалъ никогда министромъ просвѣщенія и далеко не всевѣдущъ».

Въ Арзамасскомъ ученомъ обществѣ, въ этомъ обществѣ, посвященномъ шуткамъ и пародіямъ, Блудовъ носилъ прозвище «Кассандры». Блудова и Жуковскаго можно назвать основателями этого общества; кромѣ нихъ здѣсь были все передовые люди того времени. Поводомъ къ основанію общества арзамасцевъ послужила статья Блудова «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданіе общества ученыхъ людей». Также далъ мысль объ Арзамасѣ Блудову еще и слѣдующій случай.

Въ то время отправлялся въ Арзамасъ воспитанникъ петербургской Академіи, живописецъ Ступинъ, съ тѣмъ, чтобы основать тамъ школу живописи. По поводу этого трунили надъ Ступинымъ, говоря, что онъ хочетъ грубую арзамасскую живопись возвести въ искусство и образовать академію. Это и повело къ шуточному названію общества—«Арзамасская академія» и арзамасское ученое общество. Въ уставѣ этого общества, написанномъ въ шуточномъ тонѣ Блудовымъ и Жуковскимъ, между прочимъ, сказано было: «По примѣру всѣхъ другихъ обществъ, каждому нововступившему члену «Арзамаса» надлежало было читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены новаго «Арзамаса» безсмертны, и такъ за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, ново-арзамасцы положили брать на прокатъ покойниковъ между халдеями «Бесѣды» и «Академіи».

Протоколы составлялись Блудовымъ и большею частью Жуковскимъ; послѣдній имѣлъ необыкновенную способность противопоставлять самыя разнородныя слова, риѳмы и цѣлыя фразы одни другимъ такимъ образомъ, что рѣчь его, повидимому правильная и

плавная, составляла совершенную безсмыслицу и самую забавную галиматью. Карамзинъ объ арзамасцахъ писалъ изъ Петербурга къ своей женѣ: «Здѣсь изъ мужчинъ, всѣхъ для меня любезнѣе арзамасцы: вотъ истинная русская академія, составленная изъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они все въ Москвѣ, а не въ Арзамасѣ». Въ слѣдующемъ письмѣ: «Сказать правду, здѣсь не знаю я ничего умнѣе арзамасцевъ, съ ними бы жить и умереть».

Члены этого общества были молодые интеллигентные люди, богатые надеждами, но не карманомъ. За исключеніемъ двухъ, трехъ, это все были бѣдняки. Блудовъ и Жуковскій, какъ говоритъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ воспоминаніяхъ, часто подъ конецъ мѣсяца, когда ихъ финансы приходили къ концу, хлебали одни щи, которые варилъ себѣ Гаврила, слуга и дядька Блудова.

Собранія арзамасцевъ бывали большею частію у Блудова и Уварова; въ началѣ вечера читалось какое нибудь серьезное сочиненіе; разбиралось, критиковалось и затѣмъ предлагался веселый ужинъ, на которомъ арзамасскій гусь и веселые куплеты, эпиграммы, а за неимѣніемъ ихъ обычная кантата Дашкова, пѣтая всѣми вмѣстѣ, составляли обычную неизбѣжную принадлежность ужина.

Изъ нѣсколькихъ эпиграммъ, написанныхъ Блудовымъ, вотъ одна:

Хотите-ль, господа, между пѣвцами
Узнать Карамзина отъявленныхъ враговъ!
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами
И вотъ блѣднѣющій надъ риѳмами Шишковъ:
Они умомъ равны: обоихъ зависть мучитъ;
Но одного сушитъ она, другого пучитъ.

Шишковъ былъ худъ; Шаховской толстъ и неповоротливъ.

Воейковъ, описывая многихъ арзамасцевъ въ своемъ «Парнасскомъ адресъ-календарѣ», про Блудова говоритъ: «Д. Н. Блудовъ, государственный секретарь бога Вкуса, при отдѣленіи хорошихъ сочиненій отъ безсмысленныхъ и клейменіи сихъ послѣднихъ печатью отверженія, находятся на теплыхъ водахъ для излеченія отъ простудной лихорадки, которую получилъ онъ на Липецкихъ водахъ» (намекъ на комедію Шаховского).

«Липецкія воды» Шаховского въ свое время надѣлали много толковъ въ литературныхъ кружкахъ. Князь въ этой комедіи осмѣялъ Жуковскаго, хотя и невпопадъ; этимъ онъ раздражилъ всѣхъ почитателей Жуковскаго и Карамзина и лучшихъ литераторовъ того времени. Въ печати явилось много эпиграммъ и пародій на Шаховского и помѣщено было письмо съ Липецкихъ водъ,

въ которомъ, подъ видомъ посѣтителей водъ, были выведены всѣ дѣйствующія лица изъ комедіи князя Шаховского.

Даже пріемы въ члены Арзамасскаго общества одно время не обходились безъ намековъ на литературные труды князя Шаховского. Такъ, во время пріема Вас. Льв. Пушкина въ члены Общества, его въ одной изъ пріемныхъ комнатъ С. С. Уварова положили на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ.

Это намекало на шутливую поэму князя Шаховского «Восхищенныя шубы» и значило, что новопринимаемый долженъ вытерпѣть, какъ первое испытаніе, «шубное прѣніе», т. е. «прѣть» подъ этими «шубами». Второе испытаніе состояло въ томъ, что, лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи какого-то француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ.

Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу и приводили въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ. Кабинетъ, въ которомъ было засѣданіе и гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою, съ оранжевою огневою занавѣскою. Здѣсь развязывали ему глаза—и ему представлялось посрединѣ чучело, огромное, безобразное, висѣвшее на вѣшалкѣ для платья, покрытое простынею.

В. А. Пушкину объяснили, что это чудовище означаетъ дурной вкусъ; подали ему лукъ и стрѣлы и велѣли поразить чудовище. Пушкинъ, какъ мы выше говорили, былъ человѣкъ очень тучный, съ большимъ подбородкомъ, подагрикъ и вѣчно страдающій одышкой; онъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу и упалъ, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который, въ ту же минуту, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и повалилъ чучело! Потомъ Пушкина ввели за занавѣску и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь.

Наконецъ, ему поднесли серебряную лохань и рукомойникъ умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразуетъ «Липецкія воды, комедію князя Шаховского». Общій титулъ членовъ Арзамасскаго общества было: ихъ превосходительства геніи Арзамаса. Этотъ Пушкинъ носилъ въ Обществѣ кличку «Вотъ». Случилось однажды, что онъ, отправляясь изъ Москвы, написалъ эпиграмму на станціоннаго смотрителя, а его женѣ мадригалъ. И то, и другое онъ прислалъ въ общество — общество нашло стихи плохими

и Пушкинъ былъ разжалованъ изъ имени «Вотъ» въ «Вотрушку!» Пушкинъ очень этимъ огорчился и прислалъ другое стихотвореніе, начинавшееся такъ:

Что дѣлать! видно мнѣ кибитка не Парнасъ!
Но строгъ, несправедливъ ученый Арзамасъ!
Я оскорбилъ вашъ слухъ; вы оскорбили друга! и проч.

Общество, по разсмотрѣніи, посланіе нашло хорошимъ и Пушкину было возвращено прежнее «Вотъ» и съ прибавленіемъ «я васъ», т. е. «Вотъ я васъ»—Виргиліево «Quos ego». В. Л. Пушкинъ былъ отъ этого въ восхищеніи.

Такъ забавлялись въ старые годы люди въ большихъ чинахъ, въ важныхъ должностяхъ и не молодые. Никто въ то время не считалъ предосудительнымъ быть веселымъ и шутливымъ.

Съ отъѣздомъ графа Блудова, въ 1818 году, совѣтникомъ посольства въ Лондонъ, общество совсѣмъ перестало собираться, и только изрѣдка члены его подписывались своими шутливыми именами въ письмахъ другъ къ другу или подъ своими литературными статьями.

Мы здѣсь не касаемся государственной дѣятельности графа Блудова и не перечисляемъ всѣхъ важныхъ должностей, которыя онъ занималъ въ теченіе своей многолѣтней службы.

У графа Блудова было трое дѣтей: старшая дочь, камеръ-фрейлина графиня Антуанета Дмитріевна, извѣстная всему Петербургу своею набожностью, благотворительностью и ярымъ славянофильствомъ (графиня написала воспоминанія, частію уже напечатанныя); графъ Вадимъ и графъ Андрей, долго бывшій посланникомъ. Графъ Блудовъ-отецъ скончался 19-го февраля 1864 года.

ГЛАВА XVIII.

Кузнецкій мостъ. — Прежній «Неглинный верхъ».—Церковь Флора и Лавра.— Графъ Ив. Лар. Воронцовъ.—Первыя лавочки на Кузнецкомъ мосту.—Исторія моста. — Штаты шутовъ, карликовъ и пр. — Родъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ.— Помѣщица Бекетова.—Платонъ Петровичъ Бекетовъ.—Его книжная лавка, типографія и издательская дѣятельность.—Дача Бекетова.—Домъ ближняго боярина Мусина-Пушкина.—Графъ Платонъ, ссылка его въ Соловецкій монастырь.— Его страшная тюрьма. — Графъ Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ. — Сынъ графа, одинъ изъ первыхъ богачей своего времени.—Графы Брюсы.—Арбатъ.—Многочисленные ремесленники двора тишайшаго царя.—Цѣна хлѣба въ XVII вѣкѣ.— Курьи ножки. — Арбатскія ворота. — Церковь Бориса и Глѣба. — Церковь Николы Явленнаго.

САМЫЙ излюбленный и модный пунктъ Москвы—«Кузнецкій мостъ», древній народъ московскій звалъ «Неглиннымъ верхомъ». Съ него, прощаясь съ Москвою и ея златоглавымъ Кремлемъ, въ послѣдній разъ сматривалъ путникъ, отправляясь въ дальніе лѣсные пути, въ Кострому, въ Вологду.

Позднѣе Неглинный верхъ сталъ у москвичей прозываться «Кузнецкой горой»; здѣсь, по преданію, ютился длинный рядъ кузницъ и убогихъ избъ кузнецовъ, съ ихъ задворками, огородами и т. д.

Гора красою не обладала, вся краса этой горы заключалась только въ монастыряхъ: Рождественскомъ, Дѣвичьемъ и въ убогомъ Варсанофьевскомъ, памятномъ многими минувшими дѣлами, и въ томъ числѣ вторичнымъ погребеніемъ «страдальцевъ» Годуновыхъ.

Тамъ было опальное кладбище. Здѣсь нѣкоторое время покоился прахъ Бориса Годунова. Тѣло Годунова, которое сперва было погребено съ почестью въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ стоятъ теперь

въ южномъ придѣлѣ три гробницы: царя Іоанна Грознаго, сыновей его: царя Ѳеодора и царевича Іоанна, умершаго отъ руки отца въ 1562 году.

Борисъ Годуновъ былъ положенъ близь друга и благодѣтеля своего Ѳеодора Іоанновича; его тѣло Лжедмитріемъ было вырыто въ 1606 году изъ собора и выброшено сквозь нарочно сдѣланное от-

Торговая лавка въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ гравюры того времени (Изъ «Путешествія Олеарія»).

верстіе, котораго слѣды видны и теперь въ Предтеченской церкви, пристроенной къ юго-востоку собора.

По сказанію современниковъ самозванца, мощи св. царевича Димитрія, тотчасъ по перенесеніи ихъ изъ Углича, хотѣли положить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была могила Годунова, для чего даже была выкопана яма и выложена камнемъ; но послѣ происшедшихъ чудесъ они оставлены снаружи и яма заложена.

По словамъ тѣхъ же современниковъ, тѣло Бориса Годунова, а также и тѣла жены и сына его Θеодора отвезены были безъ всякихъ почестей въ одинъ изъ убогихъ Варсанофьевскихъ монастырей и безъ молитвы и послѣднихъ напутствій зарыты въ землю.

Трупъ и самого преемника Годуновыхъ, Лжедмитрія, впослѣдствіи обнаженный, обруганный отвезенъ былъ тоже въ Убогій домъ, гдѣ теперь Покровскій монастырь, въ Москвѣ. По преданію, обезображенный трупъ московскаго лже-царя везли въ навозной телѣгѣ, конные стрѣльцы и толпа народа провожали его съ проклятіями и ругательствами.

Телѣга съ трупомъ не прошла въ ворота Убогаго дома; мертвеца стащили съ телѣги и бросили въ яму, гдѣ хоронили воровъ, разбойниковъ, казненныхъ, замученныхъ въ застѣнкахъ и умершихъ въ опалѣ.

Въ то время, когда везли самозванца, стояла ужасная буря, не смотря на то, что это было въ маѣ мѣсяцѣ (1606 года). Такая же буря была и въ день встрѣчи самозванца въ Кремлѣ.

Въ теченіе семи дней, пока трупъ самозванца лежалъ въ Убогомъ домѣ, стояли такіе морозы, что поля покрылись снѣгомъ и сады всѣ вымерзли. Народное суевѣріе приписало все это волшебству самозванца, ропотъ въ народѣ былъ страшный и власти присудили трупъ Лжедимитрія отвезти въ подмосковное село Котлы, тамъ сжечь его и пепломъ выстрѣлить изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

Возвращаемся опять къ Кузнецкому мосту. Какъ бы въ противоположность монастырямъ: Дѣвичьему, Варсанофьевскому и Рождественскому, стояла въ Кузнечномъ приходѣ несуществующая теперь церковь Флора и Лавра [86]), близъ нея грозно высился съ своими башнями дворъ «Пушечный»; на этотъ дворъ ѣзжали смотрѣть цари, какъ лились ихъ пушки.

Таковъ былъ Кузнецкій мостъ въ древности, при благовѣрныхъ царяхъ.

Своей красотой и постройками Кузнецкій мостъ обязанъ поселившемуся здѣсь русскому боярину графу Ивану Ларіоновичу Воронцову; тогда кузнецы здѣсь замолкли и вся Кузнецкая слобода поступила въ его же власть.

Графъ на Кузнецкой горѣ сразу построилъ шесть каменныхъ домовъ, на воротахъ которыхъ въ Екатерининское время значились №№ 403, 414, 415, 416, 480 и 481. Воронцовъ при своихъ домахъ разбилъ англійскіе и французскіе сады, накопалъ пруды, поста-

вилъ оранжереи и прочія усадебныя постройки; за графомъ потянулись и другіе бояре, жившіе тогда на Москвѣ, и къ домамъ Воронцова быстро выстроились дома: Бибиковыхъ, Боборыкиныхъ, князей Барятинскихъ, графа Бутурлина, Волынскаго, пять домовъ князей Голицыныхъ, четыре дома князей Долгорукихъ и еще многихъ другихъ.

Незамѣтно, вскорѣ, въ боярскихъ домахъ открылись двѣ нѣмецкія лавочки съ разными уборами и туалетными принадлежностями, къ которымъ вскорѣ примкнулъ рядъ еврейскихъ лавочекъ, но ихъ вскорѣ выселили изъ этой мѣстности.

Впослѣдствіи, уже во время французской революціи, здѣсь открылось и нѣсколько французскихъ модныхъ лавокъ съ разнымъ заграничнымъ товаромъ. Теперь говорятъ: «Ѣхать на Кузнецкій мостъ покупать товары», а въ екатерининскія времена говорили: «ѣхать во французскія лавки».

Кузнецкій мостъ теперь самый аристократическій пунктъ Москвы; здѣсь съ утра и до вечера снуютъ пѣшеходы и экипажи, здѣсь лучшіе иностранные магазины и книжныя лавки. Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи на Кузнецкомъ мосту происходили веселые эпизоды карательнаго полицейскаго правосудія—и въ такіе часы сюда стекались толпы народа, чтобъ посмотрѣть, какъ нарядныя барышни въ шляпкахъ и шелковыхъ платьяхъ и франты въ цимерманахъ на головахъ съ метлами въ рукахъ мели тротуары—такими полицейскими исправительными мѣрами въ то время наказывали нарушителей и нарушительницъ общественнаго благочинія, а также и поклоннников алкоголя.

На Кузнецкомъ мосту, встарину, дѣйствительно существовалъ мостъ деревянный, но въ царствованіе Елисаветы Петровны былъ выстроенъ каменный, «подъ смотрѣніемъ архитектуры гезеля Семена Яковлева»; мостъ этотъ, по словамъ старожиловъ, былъ преплохой, его сломали гораздо позже нашествія французовъ.

Встарину въ Москвѣ и всѣ мосты были деревянные, изъ плотовъ, которые въ весеннее и осеннее время, при большой водѣ, разметывались и разбирались. Первый въ Москвѣ каменный мостъ на Москвѣ-рѣкѣ былъ начатъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ его царствованіе, въ 1643 году, былъ вызванъ изъ Страсбурга палатный мастеръ Анце Яковсенъ, по прозванію Яганъ Кристлеръ, съ дядею своимъ Иваномъ Яковлевымъ Кристлеромъ, для постройки чрезъ Москву-рѣку каменнаго неподвижнаго моста.

Строеніе моста продолжалось болѣе сорока лѣтъ и окончилось въ 1687 году, когда, какъ мы уже выше говорили, любимецъ ца-

ревны Софьи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ украшалъ Москву многими памятниками зодчества. Постройку, по преданію, окончилъ какой-то неизвѣстный монахъ. Сооруженіе моста обошлось правительству чрезвычайно дорого, такъ что послѣ этого народная мудрость ввела поговорку: «дороже каменнаго моста».

Что же касается до первыхъ каменныхъ домовъ или палатъ въ Москвѣ, то первую такую поставилъ себѣ въ 1419 году митрополитъ Іона; примѣру его послѣдовали въ 1470 году гость (купецъ) Тараканъ и въ 1485 бояринъ Василій Образецъ и голова Владиміровъ. Встарину въ Москвѣ при великихъ князьяхъ дворы были до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы и даже два князя владѣли однимъ дворомъ.

Велики были и дворы архіерейскіе, и монастырскія подворья въ столицѣ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ, иные дѣлали каменныя или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Въ ограду вело двое и трое, иногда и болѣе воротъ, и между ними одни были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе; они украшались съ особенною заботливостью, и дѣлались иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣздного строенія.

У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, въ 1681 году, приказано было въ Кремлѣ, въ Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменныя строенія и для этого выдавали изъ приказа Большого дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу, съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды.

Форма деревянныхъ домовъ встарину была четвероугольная; особенность русскаго двора была та, что дома строились рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога. Вмѣсто того, чтобы строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя носили названіе хоромъ, постройки были жилыя, служебныя или кладовыя; жилыя носили наименованіе: избы, горницы, повалуши, сѣнника.

Изба—было общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горное или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ, обыкновенно парадное, чистое, свѣтлое, служившее для пріема гостей; повалуши встарину служили для храненія вещей; сѣнникомъ называлась комната холодная, часто

Кузнецкій мостъ въ Москвѣ.

Съ литографіи, сдѣланной съ рисунка съ натуры Деруа.

надстроенная надъ конюшнями и амбарами; служила она лѣтнимъ покоемъ, необходимымъ во время свадебныхъ обрядовъ.

Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, и въ каменныхъ зданіяхъ они были меньше, чѣмъ въ деревянныхъ. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красными матеріями, а съ наружной стороны закрывались на ночь желѣзными ставнями, особенно въ каменныхъ домахъ; вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду; стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и для оконъ преимущественно употреблялись цвѣтныя.

Внутреннее расположеніе боярскаго дома стараго времени, какъ и убранство горницъ, было крайне неприхотливое; всѣ стѣны, кромѣ капитальныхъ, рубились деревянныя, мебель самая простая: широкія лавки по стѣнамъ, постланныя у богатыхъ азіятскими коврами, большой дубовый столъ, такія же передвижныя скамьи, поставецъ съ посудою, кровать съ пологомъ, наконецъ выложенная затѣйливыми изразцами печь съ лежанкою, топившаяся изъ сѣней и развалисто выдвигавшаяся на первый планъ горницы; ни зеркалà, ни картины не украшали горницъ до половины XVII вѣка; первыя зеркалà явились въ Москвѣ у боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева въ 1665 г.; картины гравированныя и живописныя явились тоже въ тѣхъ же годахъ.

Признакомъ довольства дома почиталось обиліе пуховиковъ и подушекъ. Богатствомъ дома также была и божница или кіота съ образами, въ богатыхъ окладахъ, съ жемчугами и драгоцѣнными каменьями. Встарину бояринъ любилъ щегольнуть богатствомъ одеждъ; дорогія одежды означали первостепенныхъ царскихъ вельможъ.

Аристократъ того времени отличался также множествомъ челядинцевъ въ домѣ, также обиліемъ кушаньевъ и богатствомъ своего погреба, обильными ставленными крѣпкими медами. У богатаго боярина домъ всегда былъ полонъ бѣдныхъ дворянъ «знакомцевъ»; если такой бояринъ выѣзжалъ куда нибудь въ гости, то и знакомцы за нимъ слѣдовали. Домашній штатъ имѣлъ еще сказочника, шута или дурака и затѣмъ непремѣнно карлика, который прислуживалъ ему. Подобные миніатюрные прислужники были даже и у архіереевъ; такъ на картинѣ въ Новомъ Іерусалимѣ, писанной по приказу царя и изображающей во весь ростъ патріарха Никона, окруженнаго современниками, уцѣлѣлъ для потомства карлокелейникъ этого іерарха.

Къ числу домочадцевъ богатаго боярина принадлежалъ и священникъ домовой его церкви, или, гдѣ ея не было, жившій по до-

говору для пѣнія въ самомъ домѣ всѣхъ церковныхъ службъ, кромѣ обѣдни. Наконецъ на дворѣ, въ прихожихъ и лакейскихъ, всегда ютилось много странниковъ, калѣкъ, юродивыхъ и другихъ людей, кормившихся отъ боярской трапезы.

Не смотря на то, что такой образъ жизни былъ уничтоженъ Петромъ I, но онъ, все-таки, съ маленькими измѣненіями, существовалъ еще въ до-пожарную эпоху.

Батюшковъ, посѣтившій Москву въ 1812 году, говоритъ про одного изъ баръ, что, войдя въ домъ его, можно было увидать въ прихожей слугъ оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые отъ утра до ночи играли въ карты.

Комнаты этого барина были безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты, въ ростъ, царей русскихъ, а напротивъ — Юдиѳь, держащая окровавленную голову Олоферна надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой ехидной на груди,—чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Въ часъ обѣда на столѣ стояли щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Самъ хозяинъ сидѣлъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; по правую сторону — приходскій попъ, приходскій учитель и шутъ, а по лѣвую—толпа дѣтей, старуха-нянька, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ. Большой дворъ этого барина тоже не отличался чистотой и весь былъ заваленъ соромъ и дровами, позади былъ огородъ съ капустой, рѣдькой и рѣпой, какъ водилось еще при дѣдахъ.

Но не такъ уже жилъ въ то время бывшій царедворецъ Елисаветы или Екатерины II; въ домѣ такого вельможи было сборное мѣсто русскаго дворянства. Большія залы въ большомъ зданіи такого барина вмѣщали по нѣсколько сотъ гостей, начиная отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянина. Праздники и пиршества тянулись по недѣлямъ.

Къ такимъ богатымъ домамъ въ Москвѣ принадлежалъ и домъ младшаго изъ братьевъ Михаила и Романа Воронцовыхъ, графа Ивана Илларіоновича (1709—1789 гг.), бывшаго уже къ 1760 г. генералъ-лейтенантомъ, а въ царствованіе Екатерины II находившагося въ отставкѣ и жившаго то въ Москвѣ, то въ тамбовскомъ своемъ имѣніи.

И. Ил. Воронцовъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго по своей несчастной судьбѣ кабинетъ-министра Волынскаго; этотъ бракъ не увеличилъ состоянія младшаго изъ Воронцовыхъ, человѣка строгой честности и чуждаго всякой сомнительной наживы. Впослѣдствіи, однако, происшедшая отъ Ивана Илларіоновича младшая отрасль

графовъ Воронцовыхъ пріобрѣла весьма значительное состояніе, благодаря своему родству съ князьями Дашковыми по знаменитой Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, вышедшей замужъ за князя Михаила-Кондратія Ивановича Дашкова.

Князья Дашковы [87]), изъ Рюриковичей, не были знатны, имя ихъ не встрѣчается въ русской исторіи и оно получило извѣстность

Арестанты при полиціи, метущіе улицу.
Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

только чрезъ княгиню Екатерину Романовну; но, живя скромно, они копили все болѣе и болѣе, причемъ накопленное ими не дробилось между размножавшимися наслѣдниками.

Напротивъ, даже къ исходу XVIII вѣка все богатство князей Дашковыхъ сосредоточилось въ рукахъ одного владѣльца, бывшаго послѣднимъ въ ихъ родѣ. Передъ смертью князь Дашковъ завѣ-

щалъ все свое имѣніе внучатному брату своему, графу Ивану Илларіоновичу Воронцову, получившему въ 1807 году отъ императора Александра I дозволеніе именоваться потомственно графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

По свидѣтельству современниковъ, сынъ Ивана Воронцова, графъ Ларіонъ Ивановичъ отличался не стариннымъ, но новымъ «дивнымъ хлѣбосольствомъ». Бывало спросишь любого московскаго дворянина:

— Къ кому ты нынче?

— Къ его сіятельству графу Ларіону Ивановичу—тамъ у него и «ломберъ», и «шнипъ-шнаръ-шнуръ»[88]), и накормятъ, и напоятъ до-сыта; тамъ у него и всякая новость: чего душа хочетъ!

Простонародіе звало его «бояриномъ въ боярахъ».

— Этотъ бояринъ не какъ другіе, говорилъ московскій обыватель,—сплетней не плелъ, старухъ не слушалъ, все видѣлъ самъ, все извѣдывалъ своею особою, а не черезъ дворецкихъ.

Такая шла про него слава. Послѣ смерти Воронцова, сынъ его, Иванъ Ларіоновичъ, переѣхалъ въ приходъ Ризъ-Положенія на Большую Калужскую улицу, а домъ его купила богатая помѣщица Бекетова и зажила въ немъ тихо на половинѣ своего пасынка, Платона Петровича Бекетова, извѣстнаго мецената и литератора того времени.

Въ одномъ изъ флигелей своего большого дома послѣдній завелъ типографію, лучшую въ то время въ Москвѣ, а въ другомъ его флигелѣ, между чепцами и шляпками, открылась его книжная лавка—сборный пунктъ всѣхъ московскихъ писателей того времени.

До Бекетова никто не издавалъ съ такимъ тщаніемъ книгъ. Въ 1811 году онъ напечаталъ маленькое прекрасное изданіе на веленевой бумагѣ «Душеньки» Богдановича, которое до выпуска въ продажу почти все погибло во время нашествія французовъ; уцѣлѣло только всего одиннадцать экземпляровъ.

Бекетовъ въ 1803 году печаталъ на свой счетъ журналъ «Другъ просвѣщенія», памятный только тѣмъ, что въ немъ архіепископъ Евгеній началъ печатать «Словарь свѣтскихъ писателей».

Въ типографіи же Бекетова была напечатана въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ книга «Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія». Къ этой книгѣ была приложена виньетка, на которой изображенъ Вас. Льв. Пушкинъ, очень похожій. Онъ представленъ слушающимъ Тальму, который даетъ ему урокъ въ декламаціи. Шутка эта написана стихами И. И. Дмитріевымъ еще въ началѣ 1803 года. Вас. Льв. Пушкинъ, какъ мы уже говорили, очень любилъ читать свои стихи

«хоть слушай, хоть не слушай ихъ», какъ говоритъ И. И. Дмитріевъ въ этой книгѣ. Пушкинъ былъ большой библіофилъ; у него была роскошная библіотека, сгорѣвшая въ Москвѣ въ 1812 году. Потомъ онъ собралъ другую, но не столь уже замѣчательную. Въ числѣ книгъ, изданныхъ Бекетовымъ, замѣчательно еще «Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году, февраля 5, при бракосочетаніи государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, съ государынею царицею Евдокіею Лукьяновною изъ рода Стрѣшневыхъ» 1810 г. Особенно извѣстенъ его «Пантеонъ Россійскихъ Государей», три тома съ гравюрами. Графъ Растопчинъ у Бекетова напечаталъ свои «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ» и т. д. Семья Бекетовыхъ принадлежала къ одной изъ аристократическихъ въ Москвѣ — сестра его была замужемъ за Дмитріевымъ, сынъ которой, Ив. Ив. Дмитріевъ, былъ министромъ и поэтомъ; одна изъ дочерей Бекетова была замужемъ за Балашевымъ, который былъ долгое время оберъ-полиціймейстеромъ въ обѣихъ столицахъ и министромъ полиціи.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія всѣ диковины домовъ, бывшихъ Воронцова, не существовали — пруды и фонтаны давно тамъ изсякли.

Въ одномъ изъ главныхъ домовъ помѣщалась Медико-Хирургическая Академія и въ помѣщеніи, гдѣ была типографія Бекетова, стояли, въ анатомическомъ кабинетѣ, страшно оскаливъ зубы, человѣческіе скелеты.

По старой Калужской или Серпуховской дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, была дача этого же Бекетова: это былъ препоэтическій уголокъ, никому недоступный, обнесенный сплошнымъ тыномъ, орошаемый съ одной стороны небольшою рѣчкою, съ другой—защищенный оврагомъ.

Какъ заколдованная, стояла дача между распутій, и только по сѣдымъ ветламъ, виднымъ издали, догадывался объ ея существованіи проѣзжій. Два крутыхъ холма, разступясь, дали мѣсто дачѣ, подымающейся изъ долины въ гору. Съ сосѣдняго холма виднѣлось ровное зеркало пруда въ зелени.

Вдоль изгороди шла дорога, которая доходила до деревянныхъ воротъ съ будкою сторожа. Широкая, прямая дорога вела къ подъѣзду подъ одно крыло полукруглаго дома. Она была огорожена нѣкогда стрижеными шпалерами акацій. Передъ заднимъ фасадомъ дома— лугъ съ добрую версту, опушенный паркомъ изъ березъ, липъ, кленовъ, сосенъ, кедровъ, ели, лиственницы, тополи и ясени, расположенныхъ группами въ перспективѣ, на которой ничто не останавливаетъ взора.

Домъ, стоя на холмѣ, раздѣлялъ дачу пополамъ: спереди тоже лугъ, подъ лугомъ зеркальный прудъ; рощи, понижаясь кругомъ, давали видъ вдаль на рѣку; еще далѣе виднѣлся Симоновъ монастырь, какъ на картинкѣ.

«Все мѣстоположеніе», по словамъ современника, «гористое, нѣтъ ста шаговъ ровныхъ; вьются дорожки въ чащѣ лѣса, по окраинѣ луговъ, наводя на живописные виды; тамъ курганъ, тутъ—прудъ, долина, чаща, кривое дерево, обрывъ къ рѣчкѣ и т. д. Гуляя по парку, думаешь быть далеко, а всего три версты за заставою. Домъ очень старой архитектуры, комнатъ не много, но прекрасныхъ. Зала, библіотека и столовая съ мраморными каминами и колоннами, росписанными Скотти. Изъ библіотеки комната, канареечная, усыпанная пескомъ, усаженная деревьями, гдѣ было сотни птицъ. Изъ нея сходъ въ оранжерею, бывшую единственною послѣ Горенской. Тамъ не стояло кадокъ, горшковъ; всѣ растенія сидѣли въ грунту, между ними вились дорожки и посѣтитель гулялъ, какъ на воздухѣ, между огромными музами, пальмами; надъ водоемомъ стлались водяныя растенія; стѣны скрывалъ плющъ, виноградъ; камеліи росли кустами, магноліи—деревьями. Изъ второго этажа на лугъ идетъ сходъ безъ ступеней, обложенный дикими каменьями и заросшій кругомъ деревьями».

Такова была дача еще до тридцатыхъ годовъ; въ пятидесятыхъ же, отворивъ дверь изъ дома въ оранжерею, вы натыкались на кучу мусора. Дача тогда продавалась подъ кирпичные заводы и кедры уже были намѣчены на топливо, въ залахъ съ колоннами предполагалось наставить ткацкихъ станковъ для выдѣлки нанки, въ прудѣ—мочка миткаля, набойки и т. д. Прошли и эти времена и не осталось уже и ничего отъ парка, превращеннаго въ трехъ-четвертныя сажени дровъ. На лугу также уже не ростетъ и картофель.

На Арбатѣ, въ приходѣ Бориса и Глѣба, въ Петровскія еще времена стояли богатыя каменныя палаты ближняго боярина царя Алексѣя Михаиловича, Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, бывшаго при Петрѣ главнымъ начальникомъ монастырскаго приказа, управляющимъ петербургской типографіей и сенаторомъ.

Мусинъ-Пушкинъ обладалъ большимъ умомъ и находился въ большой милости при дворѣ. Семейное преданіе въ роду Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняетъ эту милость родственными отношеніями тишайшаго царя къ женѣ Ивана Алексѣевича.

По этому преданію старшій сынъ Пушкина, Платонъ, былъ сыномъ царя Алексѣя. П. Ѳ. Карабановъ по поводу этого разсказываетъ, что Пушкинъ добровольно уступилъ свою супругу царю. И царь, утѣшась и любя этого Платона, иначе не называлъ его,

какъ: «мой сынъ Пушкинъ». Онъ былъ замѣчательно похожъ на Петра. За это сходство Петръ Великій сильно благоволилъ къ нему и любилъ называть его своимъ братомъ.

Родъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ, извѣстный еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Императоръ Петръ произвелъ Ивана Мусина-Пушкина въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ его первымъ русскимъ графомъ.

Старшій сынъ его Платонъ воспитывался заграницей и, возвратясь въ 1714 году изъ Парижа, хотѣлъ жениться на дочери князя М. П. Гагарина; но молодая княжна не пошла за него и предпочла идти лучше въ монастырь. Вскорѣ Петръ отправилъ его опять заграницу для обученія дипломатической части; сперва онъ былъ посланъ въ Голландію къ князю Б. А. Куракину. Государь снабдилъ Мусина-Пушкина рекомендательнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Господинъ подполковникъ! посылаемъ мы къ вамъ для обученія политическихъ дѣлъ племянника нашего Платона, котораго вамъ яко свойственнику свойственника рекомендую. Петръ».

Спустя три года онъ уже является уполномоченнымъ при датскомъ королѣ и послѣ посылается въ Парижъ для переговоровъ. Но недолго продолжалось дипломатическое служеніе графа Платона: престарѣлый его отецъ упросилъ императора вызвать его въ Москву—у старика онъ былъ тогда одинъ сынъ—два другіе уже не были въ живыхъ; одинъ утонулъ, купаясь въ Москвѣ-рѣкѣ; другой умеръ 17-ти лѣтъ.

Прибывъ въ Москву, онъ былъ назначенъ присутствовать въ московской конторѣ правительствующаго сената и произведенъ въ статскіе совѣтники. При вступленіи императрицы Анны на престолъ, графъ Платонъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ, вскорѣ переведенъ въ Казань и оттуда въ Эстляндію, и затѣмъ ему велѣно быть президентомъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ.

Возвышеніемъ своимъ въ это царствованіе онъ былъ обязанъ своему другу Артемію Волынскому, тогда сильному кабинетъ-министру императрицы. Но эта дружба и пріязнь впослѣдствіи навлекла на графа большое несчастіе. 14-го февраля 1740 года онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а 27-го іюня, по доносу герцога Бирона, лишенъ чиновъ, орденовъ и съ отрѣзаніемъ языка сосланъ въ Соловецкій монастырь за дерзкія будто бы слова противъ государыни. А его богатыя вотчины и многія тысячи душъ крестьянъ отписаны въ казну; изъ одного богатаго его московскаго дома на Арбатѣ взято множество драгоцѣнныхъ каменьевъ и золотыхъ вещей, и одного серебра нѣсколько десятковъ

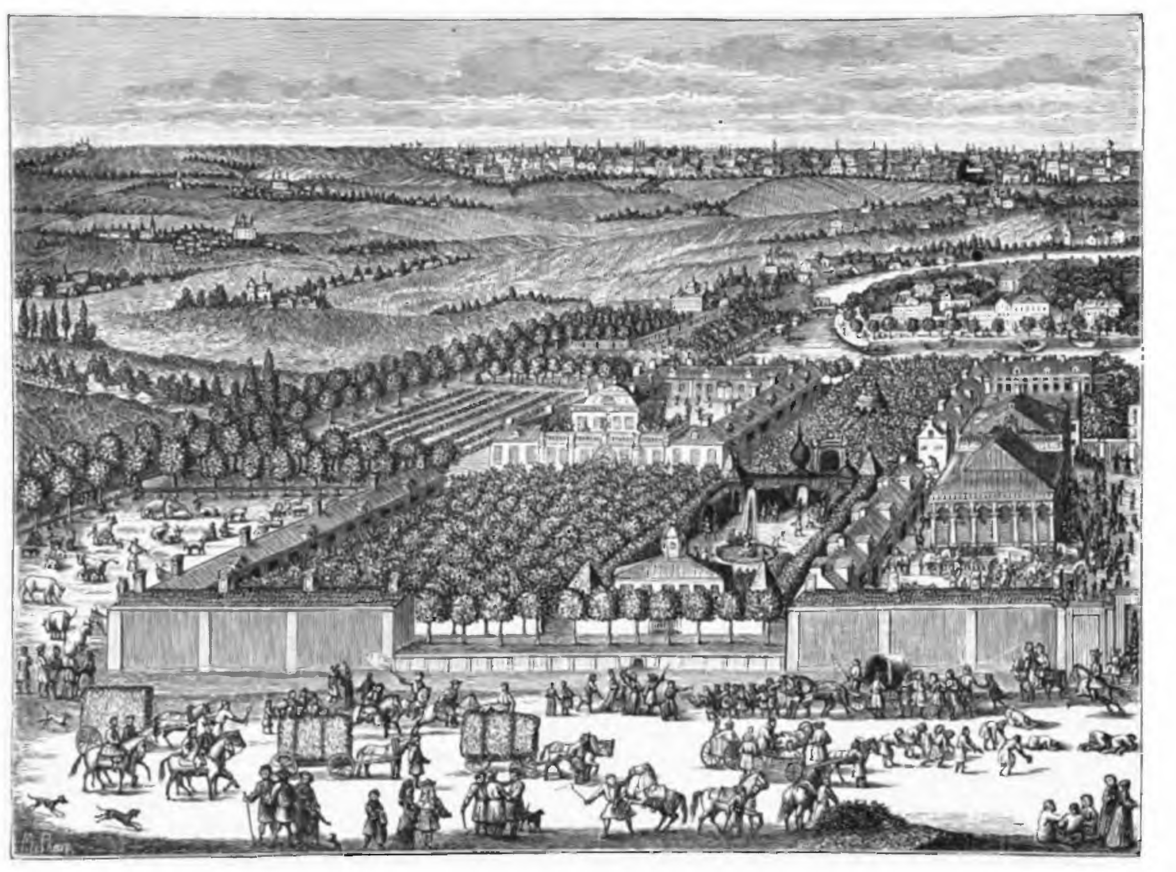
пудовъ. Самый же домъ отданъ женѣ его съ дѣтьми. Помимо этого дома у графа было нѣсколько домовъ и въ Петербургѣ: такъ одинъ его домъ на Мойкѣ отличался богатою мебелью, фарфоровыми вещами, попугаями и другими предметами роскоши; домъ этотъ достался князю Н. Ю. Трубецкому, съ частью близь лежащаго мѣста. Другой его домъ, тоже каменный, между набережной и нѣмецкою линіею, приписанъ къ дворцу для помѣщенія дворцовыхъ служителей. Третій его домъ, на Васильевскомъ острову, тоже взятъ въ казну; дача между Петергофомъ и Стрѣльною отдана въ вѣчное владѣніе фельдмаршалу Миниху, а Клопицкая мыза въ Копорскомъ уѣздѣ—генералу Густаву Бирону, брату временщика.

Публичная казнь надъ Мусинымъ-Пушкинымъ происходила на Сытномъ рынкѣ 27-го іюля, въ восьмомъ часу утра; онъ былъ выведенъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и другими на площадь, гдѣ было прочитано объявленіе о смертной казни и помилованіе; языкъ ему былъ урѣзанъ еще въ казармѣ. Графъ Платонъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь и посаженъ въ такъ называемой Головленковой тюрьмѣ, которая устроена внутри стѣны, сдѣланной изъ дикаго камня, за линіею монастырскихъ келій, въ четырехъ саженяхъ отъ озера.

Входъ въ нее былъ со стороны монастырской, чрезъ деревянный, въ видѣ полукружія, острогъ; двое дверей, каждая на замкѣ, вели во внутренность казармы, гдѣ стоялъ часовой при свѣтѣ ночника съ тюленьимъ жиромъ и могъ согрѣвать себя возлѣ печи; далѣе, съ обѣихъ сторонъ казармы, находилось по одной колодничьей тюрьмѣ въ шесть аршинъ длиною, безъ печей и безъ свѣту, запираемой двумя дверьми съ желѣзными засовами. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ лѣтъ четырнадцать какой-то писарь Патока, а потомъ около года князь Мещерскій, который зимою согрѣвалъ себя единственно шубами и котораго вывели въ другое мѣсто, чтобы дать мѣсто Мусину-Пушкину.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ посылали къ нему гвардіи подпоручика Вындомскаго допросить его о нѣкоторыхъ пожиткахъ, векселяхъ и т. п. Вындомскій нашелъ его въ твердой памяти, однакожъ больного, страждущаго кровохарканьемъ. 28-го октября Биронъ смягчилъ его участь, давъ именемъ императора указъ освободить его и отправить на житье въ дальнюю деревню его жены. Онъ поѣхалъ въ Симбирскій уѣздъ.

Императрица Елисавета Петровна повелѣла вину ему отпустить, прикрывъ его знаменемъ и отдавъ ему шпагу, но быть ему въ отставкѣ, а къ дѣламъ его не опредѣлять.



Нѣмецкая слобода въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Де-Витта.

Карабановъ разсказываетъ, что когда по смерти графа жена его просила канцлера Бестужева-Рюмина исходатайствовать возвращеніе отписаннаго въ казну большого имѣнія, по сиротству дѣтей, на воспитаніе, то канцлеръ сказалъ, что онъ сомнѣвается, чтобы императрица Елисавета Петровна на все безъ изъятія согласилась, прибавя: «Вы сдѣлайте-де записку лучшимъ деревнямъ». Въ поданной запискѣ означены были лучшія волости и болѣе трехъ тысячъ душъ. Что-жъ послѣдовало? Вмѣсто покровительства несчастнымъ, канцлеръ убѣдилъ императрицу все сіе пожаловать ему въ собственность. Екатеринѣ II, по восшествіи на престолъ, пришлось подписать указъ, чтобы оставшееся въ казнѣ Пушкиныхъ описанное имѣніе возвратить имъ сполна.

Хотя государыня и подписала указъ о возвращеніи дѣтямъ графа Платона Ивановича его имѣній, остававшихся еще въ казнѣ, но едва ли много оставалось ихъ въ ту пору, когда производилась такая щедрая раздача деревень.

Сынъ графа Платона, Валентинъ Платоновичъ, въ день коронованія Екатерины II произведенъ въ камеръ-юнкеры, до этого времени онъ служилъ секундъ-ротмистромъ конной гвардіи. По разсказамъ современниковъ, этотъ вельможа отличался необыкновенно добрымъ сердцемъ, былъ очень ласковъ и обходителенъ со всѣми, правилъ былъ самыхъ честнѣйшихъ, собой красавецъ, высокаго роста, и, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій, въ молодыхъ лѣтахъ очень счастливъ и любимъ прекраснымъ поломъ.

Подъ старость онъ очень пополнѣлъ, сдѣлался сутуловатъ и имѣлъ лицо красноватое, покрытое угрями. На военномъ поприщѣ онъ дослужился уже при императорѣ Павлѣ до званія генералъ-фельдмаршала и шефа Кавалергардскаго полка. Императоръ Павелъ ему пожаловалъ четыре тысячи крестьянъ въ день своего коронованія. Онъ умеръ въ Москвѣ 8-го іюля 1801 года и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ жена его графиня Прасковья Васильевна соорудила придѣлъ во имя св. мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе взносомъ двадцати тысячъ рублей.

Сынъ его, Василій Валентиновичъ, по словамъ Карновича [89]), былъ по женѣ своей однимъ изъ первыхъ русскихъ богачей. Онъ женился на графинѣ Е. Я. Брюсъ, прапрадѣдъ которой, Вилимъ Брюсъ, прямой потомокъ королей шотландскихъ, служилъ въ русскихъ регулярныхъ войскахъ и умеръ въ Псковѣ въ 1680 году. Младшій изъ его сыновей, генералъ-фельдцейхмейстеръ, а потомъ генералъ-фельдмаршалъ Яковъ Вилимовичъ умеръ въ 1735 году холостымъ, а старшій, Романъ Вилимовичъ, умеръ еще въ 1717 году,

имѣлъ сына и внука графа Якова Александровича, бывшаго московскимъ главнокомандующимъ и имѣвшаго одну только дочь графиню Екатерину Яковлевну.

Неизвѣстно, какъ составилось богатство графовъ Брюсовъ, но оно было значительно, такъ какъ за наслѣдницею ихъ, вышедшею замужъ за графа Мусина-Пушкина, было 14,000 душъ.

У нея не было дѣтей, а у графовъ Брюсовъ—и родственниковъ, такъ что имѣніе этихъ послѣднихъ должно было считаться выморочнымъ. Женившись на графинѣ Брюсъ, Мусинъ-Пушкинъ выхлопоталъ въ 1796 году къ своей фамиліи прибавку—Брюсъ.

Несмотря на колоссальное богатство графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ-Брюсъ, дѣла ихъ одно время были сильно запутаны и Державину ввѣрена была тогда опека надъ имѣніями жены его. Изъ письма графини видимъ, что Державинъ во время своего попечительства надъ имѣніями заплатилъ долговъ на 165,000 рублей и привелъ ея состояніе въ столь хорошее положеніе, что графиня «даже терялась въ способахъ изъявить Державину благодарность».

Ранѣе этого всѣми имѣніями графини управлялъ мужъ ея, и какъ видно изъ записки, поданной имъ императору Александру въ 1801 году, поправляя имѣніе жены, онъ пробовалъ закладывать свои, чтобъ поддерживать дома, заводы и фабрики, принадлежавшіе ей. На поддержку всего этого онъ издержалъ болѣе полумилліона, продавъ свой домъ за 370,000 рублей и болѣе 2,000 своихъ крестьянъ.

Графъ былъ богатъ и самъ; онъ имѣлъ болѣе 20 тысячъ душъ крестьянъ, и за женой взялъ еще 14 тысячъ. Онъ жилъ очень расточительно. Болотовъ говоритъ: «что онъ былъ во всѣхъ щегольствахъ и во всемъ луксусѣ первый во всей Москвѣ».

Никто не равнялся съ нимъ ни въ экипажахъ, ни въ нарядахъ, ни въ образѣ жизни. Одному управителю давалъ онъ въ каждый мѣсяцъ по тысячѣ, а сыну управительскому далъ на одни лакомства и увеселенія три тысячи! Нынѣшіе графы Мусины-Пушкины происходятъ по другой линіи—отъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, получившаго графское достоинство въ 1797 году. Этотъ графъ владѣлъ замѣчательной библіотекой, погибшей во время московскаго пожара 1812 года. Онъ также собиралъ и біографическія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ; заготовленные имъ матеріалы, вѣроятно, тоже сгорѣли вмѣстѣ съ библіотекой его.

Въ мѣстности, гдѣ стоялъ домъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, встарину ютилась слобода мастеровыхъ Колымажнаго двора. П. М. Строевъ, въ своемъ указателѣ къ «Выходамъ», производитъ названіе послѣдней—Арбатъ отъ татарскаго слова «арба», т. е. телѣга. По дру-

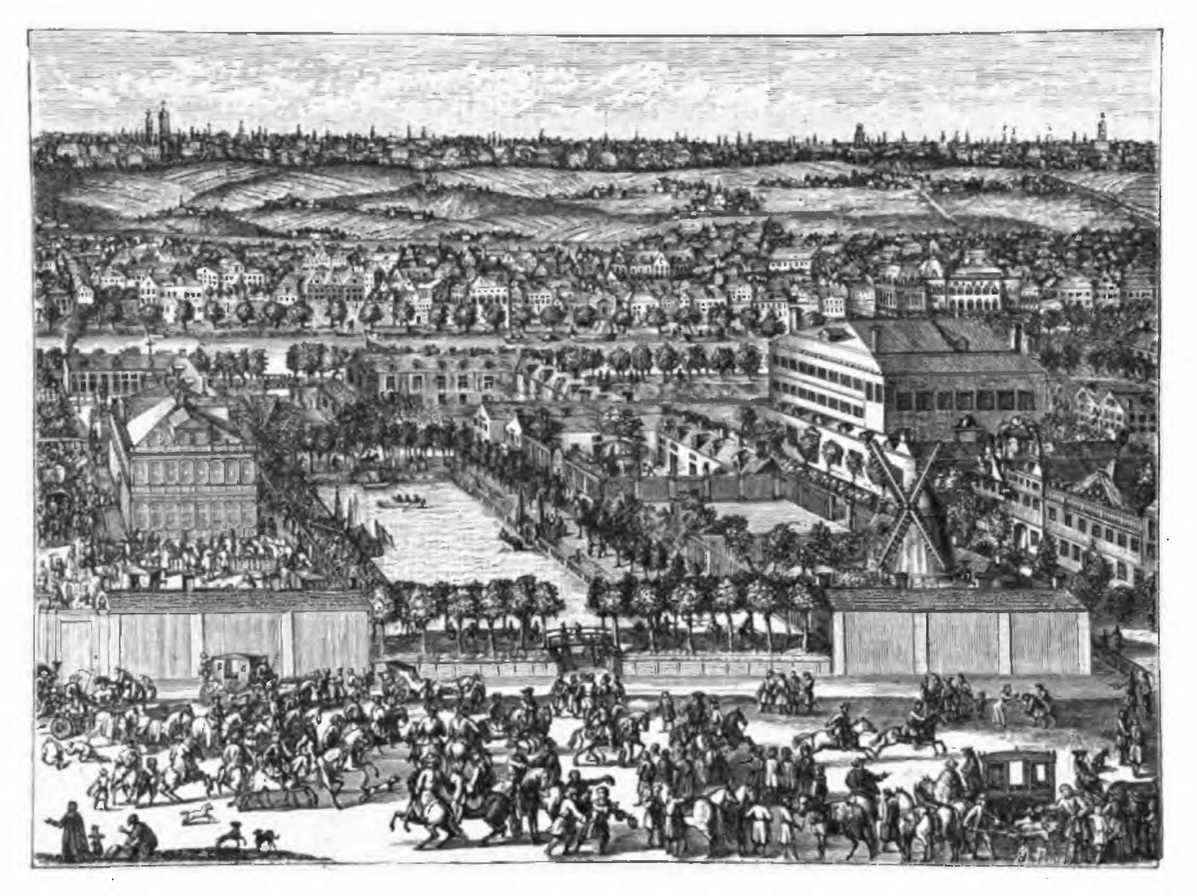
гимъ, слово «арбатъ» по-татарски значитъ жертвоприношеніе и здѣсь нѣкогда приносились жертвы татарами.

Несомнѣнно только то, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича здѣсь жили ремесленники и придворные поставщики. Московскій дворъ никогда не былъ такъ пышенъ, какъ въ вѣкъ тишайшаго царя. Царь окруженъ былъ величайшимъ блескомъ во всѣхъ своихъ придворныхъ выходахъ и торжественныхъ появленіяхъ передъ народомъ. За этими мѣстами, гдѣ были поселены многочисленные ремесленники царскаго двора, удержались по сейчасъ названія улицъ, соотвѣтствующія старымъ урочищамъ, какъ напримѣръ, Поварская, Хлѣбная, Скатертная, Трубная, Курьи ножки, Калачная и проч.

Кто бы подумалъ, что у насъ, за триста лѣтъ, съ большою тонкостью обращалось вниманіе на розничную торговлю хлѣбомъ и мукою, что мука ржаная раздѣлялась на 25 сортовъ, а пшеничная на 30? Въ «Временникѣ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ» мы находимъ замѣчательный памятникъ древней администраціи, это «Указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсѣ». Изъ послѣдняго видимъ, какъ заботливо тогда правительство смотрѣло за правильностью розничной хлѣбной торговли и съ какою точностію опредѣляло цѣны хлѣбу; точность эта даже изумительна по разнообразію цѣнъ, которыя въ ржаной мукѣ простирались до 26 сортовъ, а пшеничной до тридцати сортовъ.

Эта заботливость правительства и точность не только важны, какъ историческій фактъ, указывающій на степень развитія гражданственности въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка, но даже нѣкоторымъ образомъ поучительны какъ образцовая полицейская мѣра, необходимая въ благоустроенномъ государствѣ.

Правительство, какъ видно изъ самаго устава, поступало въ этомъ дѣлѣ съ большою осторожностью и знаніемъ дѣла. Кромѣ лицъ, назначенныхъ разрядомъ, тутъ же участвовали выборные люди отъ торговыхъ сотенъ; мука покупалась на торгу по торговымъ цѣнамъ, потомъ просѣивалась въ дѣло, ржаная на хлѣбы, ситные и рѣшетные, а пшеничная на калачи тертые и коврищатые. При чемъ накладывалась цѣна по четвертямъ: на провозъ съ торгу въ пекарню, и обратно изъ пекарни на торгъ на подквасье, на соль, на дрова, на помело, на сѣянье, на свѣчи, за работу мастеровымъ, на промыселъ и на пошлины и подати за право торговли; и все это разлагалось на хлѣбы и калачи по вѣсу и по числу хлѣбовъ и калачей алтынныхъ, грошовыхъ, двуденежныхъ и денежныхъ на четверть; и для всего этого составлялась особая роспись или такса, по которой торговцы хлѣбомъ и калачами должны были



Нѣмецкая слобода въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Де-Витта.

продавать свой товаръ, не отступая отъ таксы ни въ цѣнѣ, ни въ вѣсѣ хлѣбовъ и калачей.

Далѣе опредѣленные правительствомъ надсмотрщики обязывались ходить вмѣстѣ съ цѣловальниками по торгамъ и торжкамъ, для наблюденія за точнымъ соблюденіемъ цѣнъ и вѣса противъ опредѣленной таксы, и на ихъ же отвѣтственности лежало смотрѣніе, чтобы хлѣбы и калачи были надлежащимъ образомъ выпечены и не заключали въ себѣ какой либо подмѣси; причемъ на торговцовъ, отступающихъ отъ таксы или дѣлающихъ какую либо подмѣсь къ своему товару, налагались пени отъ полуполтины до двухъ рублей съ четырьмя алтынами и полуторы денежками, каковыя деньги, равно какъ и имена подвергавшихся пенѣ, вносились въ особо заведенныя книги, которыя хранились у надсмотрщиковъ и по истеченіи извѣстныхъ сроковъ представлялись въ разрядъ.

Въ томъ же указѣ находимъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ на рынкахъ ржаная мука продавалась отъ шести алтынъ четырехъ денежекъ до 31 алтына за четверть, или на теперешнія деньги отъ рубля тридцати копѣекъ серебромъ до шести рублей двадцати копѣекъ серебромъ, а пшеничная мука отъ десяти алтынъ до сорока алтынъ, или на нынѣшнія деньги отъ двухъ рублей серебромъ соотвѣтственно сортамъ муки, а можетъ быть и по разности рыночныхъ цѣнъ, смотря по времени года и привоза хлѣба.

Цѣна московскимъ деньгамъ первой половины XVII столѣтія опредѣлялась по сравнительному вѣсу металла: три деньги царя Михаила Ѳеодоровича по вѣсу металла равняются нынѣшнему серебряному десятикопѣечнику 84 пробы; слѣдовательно шесть тогдашнихъ денегъ или алтынъ равняется по вѣсу нынѣшнему серебряному двадцапятикопѣечнику. Въ рублѣ же тогдашнемъ было 33 алтына двѣ деньги, слѣдовательно тотъ рубль по вѣсу равнялся нынѣшнимъ шести рублямъ семидесяти копѣйкамъ серебромъ; качество же или проба металла въ тѣхъ и другихъ деньгахъ одинаковы.

Калачи въ древнемъ русскомъ быту играли не маловажную роль. Калачи подавались на пышныхъ пиршествахъ, посылались отъ царя патріархамъ и другимъ духовнымъ особамъ, нищимъ, тюремнымъ заключенцамъ, раненымъ стрѣльцамъ; въ день рожденія Петра I отпущено было гостямъ гостиной сотни и чернослободцамъ между прочими яствами 240 калачей толченыхъ. Затѣмъ еще и посейчасъ въ провинціи, отпуская слугу, даютъ ему мелкую монету «на калачъ». Про московскіе калачи живетъ пословица: «въ Москвѣ калачи какъ огонь горячи» или «куда лѣзешь съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ» и т. д.

Считаемъ также не лишнимъ разсказать откуда явилось упоминавшееся выше названіе «Курьи ножки». Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича была отведена для жилья поварамъ слобода, названная впослѣдствіи «Поварскою», и заведенъ при ней тутъ большой куриный дворъ, а стоялъ этотъ дворъ у часовни Никольской, огороженъ онъ былъ тыномъ узорочно и важивались въ немъ куры голландки, не рѣдкостью тамъ были и пѣтухи гилянскіе.

Но не было у поваровъ погоста или буйвища и жаловались они царю и говорили ихъ старики:— Государь! ты нашъ царь отецъ милосердный, смилуйся!—А чѣмъ де лучше насъ кречетники, да конюшіе, но вѣдь богаты они раздольемъ въ буйвищѣ? У насъ только грѣшныхъ тѣснота родителямъ. И пожаловалъ царь поварамъ грамоту на Николину часовню при куриномъ дворѣ, «гдѣ отъ того двора ножки». Съ той поры и прослыло то урочище Никола на Курьихъ ножкахъ. Встарину у насъ всякій земляной размѣръ, особенно въ лѣсныхъ порosляхъ, назывался «ножкой», т. е. полоской или долей.

И Снегиревъ весьма вѣрно замѣчаетъ, что съ измѣненіемъ вида и назначенія урочищъ, замѣняются время отъ времени прежнія ихъ названія другими и даже иногда прежнія названія совершенно выходятъ изъ употребленія. Другія, напротивъ, удерживаются въ памяти народной и тогда, когда уже не существуютъ на нихъ тѣ памятники, которые дали поводъ къ названіямъ, такъ что нерѣдко однимъ только названіемъ ограничивается вся память и вся исторія этихъ памятниковъ.

Давно уже нѣтъ въ Москвѣ ни Арбатскихъ, ни Покровскихъ, ни Тверскихъ, ни Семеновскихъ, ни Яузскихъ, ни Пречистенскихъ, ни Серпуховскихъ, ни Калужскихъ, ни Петровскихъ, ни Таганскихъ воротъ; давно уже нѣтъ и Кречетнаго двора и т. п., но названія ихъ донынѣ еще живутъ въ памяти народной.

Такъ, напримѣръ, послѣдній остатокъ Бѣлаго города, башня у Арбатскихъ воротъ, была сломана въ 1792 году.

Арбатскія ворота богаты многими историческими преданіями. Когда въ 1440 году царь казанскій Мегметъ явился въ Москву и сталъ жечь и грабить первопрестольную, а князь Василій Темный со страху заперся въ Кремлѣ, тогда проживавшій въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ (теперь приходская церковь) схимникъ Владиміръ, въ міру воинъ и царедворецъ великаго князя Василія Темнаго, по фамиліи Ховринъ, вооруживъ свою монастырскую братію, присоединился съ нею къ начальнику московскихъ войскъ, князю Юрію Патрикіевичу Литовскому, кинулся на враговъ,

которые заняты были грабежемъ въ городѣ. Неожидавшіе такого отпора казанцы дрогнули и побѣжали. Ховринъ съ монахами и воинами полетѣлъ въ догонку за непріятелемъ, отбилъ у него заполоненныхъ женъ, дочерей и дѣтей, а также бояръ и гражданъ московскихъ и, не вводя ихъ въ городъ, всѣхъ окропилъ святою водою на самомъ мѣстѣ воротъ Арбатскихъ. Кости Ховрина покоятся въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ.

Другой подобный случай у Арбатскихъ воротъ былъ во время междуцарствія, когда польскія войска брали приступомъ Москву. У Арбатскихъ воротъ командовалъ отрядомъ мальтійскій кавалеръ Новодворскій. Отважный воинъ съ молодцами съ топорами въ рукахъ вырубалъ тынъ палисада; работа шла быстро. Съ нашей стороны, отъ Кремля, защищалъ Арбатскія ворота храбрый окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ. Раздосадованный врагъ началъ дѣйствовать отчаянно; наконецъ, сдѣлавъ проломъ въ предвратномъ городкѣ, достигъ было до самыхъ воротъ,—но здѣсь Новодворскій, прикрѣпляя петарду, былъ тяжело раненъ изъ мушкета. Наши видѣли, какъ его положили въ носилки, какъ его богатая золотая одежда обагрилась вся кровью, какъ его шишакъ, со снопомъ перьевъ, спалъ съ головы и открылъ его мертвое лицо. Вслѣдъ за нимъ Годуновъ кинулся съ молодцами на враговъ и поляки, хотя держались въ этомъ пунктѣ до свѣта, но, не получая подмоги, поскакали наутекъ. На колокольнѣ церкви Бориса и Глѣба ударилъ колоколъ и Годуновъ пѣлъ съ духовенствомъ благодарственный молебенъ.

Въ 1619 году, къ Арбатскимъ воротамъ подступалъ и гетманъ Сагайдачный, но былъ отбитъ съ урономъ.

Въ память этой побѣды сооруженъ былъ придѣлъ въ церкви Николы Явленнаго, во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Начало этой церкви, какъ полагаетъ Ив. Снегиревъ, относится къ XVI столѣтію, когда еще эта часть Москвы была мало населена и называлась «Полемъ».

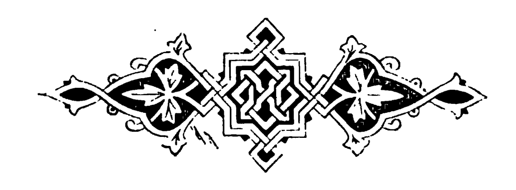
Профессоръ Петръ Ив. Страховъ (1757—1813) разсказывалъ, что помнилъ эту церковь, когда она имѣла каменную ограду съ башенками. Видомъ тогда она походила на монастырь. Близость этой церкви къ Іоанновой слободѣ дала поводъ къ догадкамъ, что она была свидѣтельницей иноческой набожности грознаго царя.

При работахъ у этой церкви въ 1846 году, было открыто множество костей человѣческихъ; въ числѣ здѣсь погребенныхъ было не мало могилъ и именитыхъ людей.

Въ этотъ храмъ часто ѣздила молиться императрица Елисавета Петровна; она пріѣзжала сюда служить панихиды надъ гробницею Василія Болящаго, скончавшагося 7-го ноября 1727 года и погребеннаго въ трапезѣ. Изъ вкладовъ этой государыни извѣстенъ въ придѣлѣ образъ во имя Ахтырскія Богоматери.

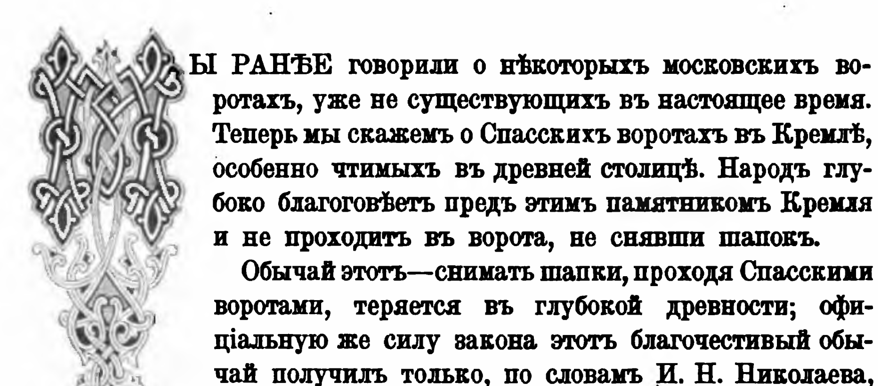
У Арбатскихъ воротъ нѣкогда стоялъ театръ, очень величественной постройки, напоминающій видомъ зданіе Петербургской биржи. Театръ этотъ сгорѣлъ во время пожара 1812 года. Здѣсь же вблизи былъ и домъ извѣстнаго театрала и директора московскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина; въ его домѣ помѣщалась и театральная типографія.

По разсказамъ старожиловъ, Арбатская площадь еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ была почти непроходима отъ грязи и топей, и нерѣдко можно было видѣть, какъ бились лошади, вывозя изъ невылазной грязи тяжелую карету или колымагу.



ГЛАВА XIX.

Спасскія ворота.—Откуда идетъ обычай снимать шапки передъ ними?—Зодчій Петръ Медіоланскій.—Большіе часы съ курантами.—Попытка французовъ взорвать Спасскую башню въ 1812 году.—Лобное мѣсто.—Его историческое прошлое.—Легенда.—Разсказы иностранцевъ о Лобномъ мѣстѣ.—Празднество входа въ Іерусалимъ.—Раздача вербы и вай.—Всенародныя молебствія въ эпоху тяжкихъ годинъ.—Иверская часовня.—Исторія образа.—Драгоцѣнная риза.—Храмъ св. Василія Блаженнаго.—Легенда о постройкѣ.—Сборныя мѣста нищихъ.—Первые благотворительные дома.—Китай-городъ.—Исполинскіе боевые часы.—Большой рынокъ на Красной площади.—«Великій Голицынъ».—Богатство и роскошь дома Голицына.—Государственная дѣятельность этого вельможи.—Опала и ссылка Голицына.—Конфискованныя богатства.—Внукъ его Квасникъ-Голицынъ.—Мытный дворъ.—Мытники и цѣловальники.



МЫ РАНѢЕ говорили о нѣкоторыхъ московскихъ воротахъ, уже не существующихъ въ настоящее время. Теперь мы скажемъ о Спасскихъ воротахъ въ Кремлѣ, особенно чтимыхъ въ древней столицѣ. Народъ глубоко благоговѣетъ предъ этимъ памятникомъ Кремля и не проходитъ въ ворота, не снявши шапокъ.

Обычай этотъ—снимать шапки, проходя Спасскими воротами, теряется въ глубокой древности; офиціальную же силу закона этотъ благочестивый обычай получилъ только, по словамъ И. Н. Николаева, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, который переименовалъ, въ 1658 году, Флоровскія ворота въ Спасскія (именованіе Флоровскихъ они получили отъ бывшей когда-то подлѣ нихъ церкви во имя свв. Флора и Лавра) въ память тор-

жественной встрѣчи въ нихъ перенесенной изъ Вятки иконы Спаса Нерукотвореннаго, и тогда же указомъ постановилъ навсегда, чтобы въ эти ворота никто не проходилъ, не снявъ шапки.

Спустя двѣнадцать лѣтъ, тишайшій царь подтвердилъ еще разъ этотъ указъ, запретивъ даже стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и всѣхъ чиновъ людямъ пріѣзжать на лошадяхъ въ Кремль.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, лицо, дерзнувшее проѣзжать или пройти съ покрытою головою въ Спасскія ворота, останавливалъ часовой-солдатъ и, не взирая на чинъ и званіе, заставлялъ положить передъ воротами до 50 земныхъ поклоновъ.

Надъ воротами съ наружной стороны находится большой образъ Спасителя, подъ нимъ видна надпись на латинскомъ языкѣ, сдѣланная при царѣ Іоаннѣ III; вотъ ея содержаніе въ переводѣ: «Іоаннъ Васильевичъ Божіею милостію великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, тверской, псковскій, вятскій, угорскій, пермскій, болгарскій и иныхъ и всея Россіи государь, въ лѣто тридцатое государствованія, велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее Петръ Антоній, Селарій Медіоланскій въ лѣто воплощенія Господня 1491 г.».

Этотъ зодчій былъ присланъ въ Москву изъ Рима съ прочими художниками. Въ Степенной книгѣ находимъ о немъ: «И градъ Москва камень поставленъ бысть новъ округъ древняго града. Старѣйшина же мастеромъ бяше фрязянинъ Петръ Архитектонъ...»

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Спасскія ворота остаются со времени Петра Великаго; этотъ государь для нихъ выписалъ изъ Голландіи боевые часы и велѣлъ поставить ихъ въ башнѣ надъ воротами.

Всѣхъ колоколовъ въ башнѣ тридцать шесть, изъ нихъ девять бьютъ четверти, а десятый—часы; по надписи на послѣднемъ, въ немъ вѣсу 135 пудовъ 32 фунта, остальные 26 колоколовъ безъ дѣйствія; они били нѣкогда куранты. На большихъ колоколахъ имѣются надписи и на нѣкоторыхъ изображенія св. Богоматери и св. Троицы [91]).

Икона надъ воротами изображаетъ Спасителя въ стоящемъ видѣ; правая его рука благословляетъ, а въ лѣвой—раскрытое Евангеліе; св. Сергій подъ правою рукою Спасителя, а св. Варлаамъ—подъ лѣвою, изображены въ колѣнопреклоненномъ видѣ; съ правой и лѣвой сторонъ главы Спасителя изображено по одному Серафиму, и они занимаютъ собою углы иконы.

Точная копія этого образа въ часовнѣ у Спасскихъ воротъ. Въ Спасскія ворота съ древнѣйшихъ временъ слѣдовали всѣ торжествен-

ные и церковные ходы; въ XVII столѣтіи изъ этихъ воротъ, въ день Вербнаго Воскресенія, предъ обѣднею, изъ Успенскаго собора бывалъ крестный ходъ, изображающій входъ Христовъ въ Іерусалимъ; въ этомъ крестномъ ходу патріархъ ѣхалъ на осляти къ Покрову на ровъ и на Лобное мѣсто.

Ровъ съ восточной стороны Кремлевской стѣны существовалъ до 1813 года; онъ повелѣніемъ великаго князя Василія Іоанновича IV былъ обдѣланъ кирпичемъ и самыя стѣны Кремля построены въ 1508 году. Бока этого рва были укрѣплены бастіонами съ двумя кирпичными на аркахъ мостами для проѣзда въ Кремль какъ въ Спасскія ворота, такъ и въ Никольскія, впослѣдствіи же, на одномъ изъ мостовъ, на Спасскомъ, по обѣимъ сторонамъ сдѣланы были небольшія лавочки, въ которыхъ производилась книжная торговля, а у самаго въѣзда въ ворота по сторонамъ стояли двѣ часовни.

Это все существовало до 1812 года; послѣ изгнанія французовъ ровъ былъ засыпанъ и бастіонныя башни сломаны, а арки моста засыпаны; ихъ не ломали, а просто завалили, какъ и боковую отдѣлку; рва тоже не разбирали, а просто засыпали.

Въ прошедшемъ столѣтіи изъ одиннадцати крестныхъ ходовъ въ году девять проходили Спасскими воротами, а въ нынѣшнемъ столѣтіи изъ тринадцати крестныхъ ходовъ восемь проходятъ этими воротами.

Внутренность свода воротъ заставляетъ предполагать, что въ четырехъ сдѣланныхъ въ стѣнахъ его углубленіяхъ или выемкахъ нѣкогда были поставлены иконы, потому что въ другихъ кремлевскихъ проѣздныхъ воротахъ этихъ углубленій въ стѣнахъ нѣтъ. Съ западной стороны, во внутрь Кремля, изображена Печерская икона Богоматери, на верху главы изображенъ Нерукотворный образъ Спасителя; по сторонамъ Богоматери предстоятъ великіе святители московскіе свв. Петръ и Алексѣй.

Въ 1813 году кіота этого образа была возобновлена и колонны у ней обиты мѣдными латунными золочеными листами.

Зданіе башни трехъ-этажное, вся постройка четыреугольная, окончательная часть зданія въ восьмигранномъ видѣ, наверху которой сдѣлана восьмиарочная часовая колокольня и надъ ней восьмигранный шпиль, на верху этого шпиля поставленъ мѣдный вызолоченый шаръ, а на немъ вызолоченый двуглавый орелъ или гербъ, сдѣланный изъ листовой мѣди. Но въ половинѣ XVII столѣтія, по словамъ Л. Бѣлянкина [92]), на этой башнѣ былъ устроенъ гербъ деревянный. Онъ основывается на слѣдующемъ повѣство-

Воскресенскія ворота въ Москвѣ.

Съ рисунка приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

ваніи, «что когда, въ 1633 году, въ августѣ мѣсяцѣ, горѣлъ въ Кремлѣ дворъ князя Ал. Ник. Трубецкого и Спасское подворье, и переходы, и Чудовъ монастырь, и Вознесенскій, и подворье монастырское, князя Ивана Борисовича дворъ изъ огня отняли, и Кирилловское подворье и на Флоровской башнѣ орелъ сгорѣлъ...»

Часы же на этой башнѣ едва ли не первые по величинѣ своей въ Россіи. Куранты на нихъ безъ дѣйствія. При Петрѣ I была измѣрена Спасская башня; въ ней оказалось вышины $29^1/_2$ саженъ, длины $6^2/_3$ сажени, ширины также $6^2/_3$ сажени.

Въ 1812 году, когда французы были въ Кремлѣ, нѣсколько хищниковъ покушались снять съ образа башни ризу, но попытки остались безуспѣшными; также и взорвать Спасскую башню на воздухъ французамъ не удалось; подъ нея былъ сдѣланъ подкопъ и уже тлѣлъ пороховой фитиль, но отрядъ казаковъ, подъ предводительствомъ генерала Иловайскаго, успѣлъ не допустить оставленному зажженному фитилю добраться до пороха.

О первыхъ постройкахъ двухъ часовенъ у воротъ нѣтъ никакихъ преданій или извѣстій. Существующія же построены по повелѣнію императора Александра I въ 1802 году, когда и Спасская башня была возобновлена. До возобновленія надъ образомъ Спаса въ прежде бывшей жестяной кіотѣ была слѣдующая надпись: «1737 года, обновленъ сей святый образъ всея твари создателя Христа Бога, по бывшемъ великомъ пожарѣ, который, въ 1737 году мая 29-го, въ самый день праздника сошествія Святого Духа, во время колѣнопреклоненныхъ молитвъ начался и продолжался даже до утра, въ таковомъ томъ огненномъ горѣніи и сей святый образъ опалился; нынѣ Его Всемогущаго Творца поспѣшеніемъ, въ 1738 году, изрядно обновленъ пожеланіемъ и иждивеніемъ нѣкоего человѣка Іоанна». Въ 1785 году кіота была вновь возобновлена и въ образѣ звѣзды и рѣзная рамка червоннымъ вѣсовымъ золотомъ вызолочены были иждивеніемъ доброхотныхъ дателей.

Ближайшія къ этой башнѣ древнія зданія съ восточной стороны противъ самыхъ воротъ—это не менѣе историческое «Лобное мѣсто», единственный въ Россіи памятникъ, существующій около четырехъ вѣковъ. Онъ давно утратилъ свое первоначальное значеніе въ жизни государственной и народной, но удержалъ одно религіозное; здѣсь еще по сейчасъ во время крестнаго хода архіерей съ духовенствомъ и св. иконами восходитъ на Лобное мѣсто, обставляемое хоругвями, и, послѣ молитвословія, осѣняетъ народъ благословеніемъ на всѣ четыре стороны. Карамзинъ предполагаетъ,

что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь амвонъ, сбирался народъ на вѣче въ XIV вѣкѣ, во время нашествія Тохтамыша, когда великій князь оставилъ съ дворомъ своимъ Москву, а народъ, выпустивъ изъ города митрополита съ боярами, позвонилъ во всѣ колокола къ вѣчу, чтобы на немъ, по древнему праву, рѣшить свою судьбу большинствомъ голосовъ.

О Лобномъ мѣстѣ существуетъ еще легендарное преданіе. Въ началѣ XVI вѣка Москвѣ угрожало гибельное нашествіе Магмета-Гирея «за беззаконія, въ ней умножавшіяся».

Въ это время одна благочестивая монахиня Вознесенскаго монастыря, что въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ, чудесно получившая прозрѣніе послѣ долговременной слѣпоты, ночью, когда усердно молилась Богу объ избавленіи отъ бѣдствія города, внезапно услышала звонъ колоколовъ и узрѣла видѣніе: ей привидѣлось, будто изъ Кремля, во Фроловскія ворота, выходитъ цѣлый соборъ святителей московскихъ съ священниками и діаконами, въ сонмѣ видны были многіе митрополиты и епископы, въ числѣ которыхъ можно было распознать и великихъ чудотворцевъ московскихъ Петра, Алексѣя и Іону и ростовскаго Леонтія, нѣкоторые изъ нихъ несли чудотворную икону Божіей Матери; навстрѣчу имъ явились преподобные Варлаамъ Хутынскій и Сергій Радонежскій у того мѣста, гдѣ теперь Лобное мѣсто, и молили ихъ не оставлять отечественнаго города на жертву врагамъ. Святители вняли молитвѣ чудотворцевъ, совершили съ ними молебствіе предъ подворотною иконой Спасителя и потомъ возвратились въ Кремль, а татары вскорѣ побѣжали изъ предѣловъ московскаго царства.

Въ память этого, вѣроятно, изображены на иконѣ Спасителя, осѣняющей Спасскія ворота, св. Варлаамъ и Сергій, а на другой иконѣ, на внутренней сторонѣ, изображены московскіе святители Петръ и Алексій.

На Лобномъ мѣстѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, совершались торжественные священные обряды, обнародовались царскіе указы и самъ царь или бояринъ обращалъ свое слово къ народу. Олеарій называлъ Лобное мѣсто «Theatrum proclamationum». Польскіе послы, въ донесеніяхъ своихъ къ королю въ 1671 году, при описаніи этого мѣста, говорятъ, что, между прочимъ, здѣсь государь однажды въ годъ являлся предъ народомъ, и когда минетъ наслѣднику его шестнадцать лѣтъ, объявлялъ его подданнымъ своимъ.—Это подтверждаетъ и Колинсъ, англійскій докторъ царя Алексѣя Михайловича: «Царевича—пишетъ онъ въ книгѣ своей о Россіи—ни народъ, ни дворянство не видятъ до пятнадцати лѣтъ

его возраста, но когда ему исполнится пятнадцать лѣтъ, онъ является предъ народомъ; его несутъ на плечахъ и ставятъ на Лобное мѣсто на площади, чтобы предохранить государство отъ самозванцевъ, которые часто возмущали Россію».

Лобное мѣсто носило названіе также «Царево» и никто изъ иностранцевъ не говоритъ, что на немъ совершались казни, да и можно ли было допустить, что, при благоговѣніи царя и народа къ этому мѣсту, его попирали палачъ и преступникъ.

Многіе изъ нашихъ писателей смѣшиваютъ Лобное мѣсто съ Лобною площадью и Лобнымъ рынкомъ, какимъ въ началѣ XVII вѣка называлась Красная или Старая площадь въ Китай-городѣ

Карамзинъ, живописуя намъ ужасную эпоху казней при Іоаннѣ Грозномъ, говоритъ: «Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на Лобномъ мѣстѣ».

Лобное мѣсто наружнымъ видомъ есть ни что иное, какъ круглый каменный помостъ, съ такимъ же вокругъ обводомъ и лѣстницею. На годуновскомъ чертежѣ Москвы такъ объясняется этотъ амвонъ городской: «Налобное мѣсто, или возвышенный помостъ, конклавъ, построенный изъ кирпича; тамъ во дни молебствій патріархъ возглашаетъ нѣкоторыя молитвы, также объявляются царскіе указы».

По словамъ г. Снегирева, въ московскомъ Лобномъ мѣстѣ соединено значеніе Іерусалимскаго Краніева мѣста и Лиѳостротона, ибо оно, какъ подобіе крестнаго жертвенника, освящалось молебствіями и благословеніями святителей и вмѣстѣ было судейскимъ трибуналомъ и царскимъ трономъ и каѳедрою.

Въ святомъ градѣ оно заимствовало свое имя, какъ полагаютъ, или отъ сходства холма съ лбомъ, т. е. Краніемъ (черепомъ человѣческимъ), или отъ поверженныхъ тамъ череповъ, или, по преданію всего Востока, отъ Адамовой головы, тамъ погребенной. Въ Москвѣ оно сооружено на взлобьѣ горы въ Китай-городѣ, у позорища казней на Лобной площади, гдѣ также валялись лбы (головы) преступниковъ.

Какъ въ Іерусалимѣ Лобное мѣсто возвышалось предъ однѣми изъ шести воротъ городскихъ, за коими, по исконному обычаю на Востокѣ, исполнялись приговоры суда, такъ и въ Москвѣ оно сооружено предъ однѣми изъ шести главныхъ воротъ Кремля, именовавшихся прежде Іерусалимскими, отъ смежной съ ними церкви Іерусалимъ, т. е. Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Какъ въ этомъ священномъ памятникѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, очевидно подражаніе святымъ мѣстамъ Іерусалима. Московскіе великіе князья и цари, получая свѣдѣніе о нихъ отъ святителей,

Церковь Василія Блаженнаго и Лобное мѣсто въ XVII столѣтіи.

Съ старинной голландской гравюры.

паломниковъ и зодчихъ, хотѣли видѣть въ своей столицѣ подобіе и названіе такихъ памятниковъ.

На Лобномъ мѣстѣ Іоаннъ Грозный, послѣ всѣхъ ужасовъ и жестокостей своего царствованія, въ 1550 г. собралъ со всего государства избранныхъ людей. Со страхомъ явились народные представители на Красную площадь передъ Лобнымъ мѣстомъ,—но не гнѣвнаго, а кроткаго нашли избранные люди царя,—они увидѣли Іоанна со смиреніемъ восходящимъ на Лобное мѣсто и со слезами на глазахъ обращающимся къ патріарху, который слѣдовалъ за нимъ въ недоумѣніи, колеблясь между страхомъ и надеждою, съ просьбою, чтобы онъ былъ ходатаемъ у Престола Всевышняго за все зло, доселѣ имъ содѣланное, представляя въ оправданіе свое нерадивое попеченіе о его воспитаніи, коварство и смуты боярскія. Грозный просилъ архипастыря быть свидѣтелемъ предъ лицомъ Бога и представителями народа его обѣта—загладить прежніе проступки любовью и попеченіемъ о своихъ подданныхъ, быть обороною слабаго передъ сильнымъ, защитою угнетенныхъ, утѣшителемъ сирыхъ и убогихъ.

Въ «Степенной книгѣ» приведена рѣчь царя. Послѣ рѣчи народъ рыдалъ вмѣстѣ съ царемъ, забылъ жестокости и славилъ однѣ его милости. Грозный требовалъ всеобщаго примиренія, и враги кинулись въ объятія другъ друга.

Съ Лобнаго мѣста читали грамату Самозванца Лже-Дмитрія и москвичи, забывъ присягу, данную незадолго юному сыну Годунова, провозгласили Отрепьева царемъ русскимъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обезображенный и окровавленный трупъ Дмитрія Самозванца лежалъ уже на Лобномъ мѣстѣ съ маскою, дудкою и волынкою въ рукѣ, а трупъ его клеврета Басманова валялся тутъ же у ногъ его.

Въ 1610 году съ Лобнаго мѣста мятежнымъ Ляпуновымъ было изречено сверженіе съ престола Шуйскаго. Съ Лобнаго же мѣста окроплялъ святою водою патріархъ Никонъ царя Алексѣя Михайловича и рать его, готовую выступить въ славный походъ противъ поляковъ, исходомъ котораго было возвращеніе древнихъ городовъ русскихъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и Кіева. Здѣсь же, на Лобномъ мѣстѣ, патріархъ Іоакимъ благословлялъ, окропляя святою водою, грозное ополченіе, собранное на защиту Кіева и Украйны отъ турокъ и возложилъ на князя Черкаскаго крестъ Константина, а на Долгорукова—икону Сергія Радонежскаго. На этомъ же Лобномъ мѣстѣ честный слуга-арабъ боярина Матвѣева, во время стрѣлецкаго бунта, когда никто не смѣлъ приблизиться къ Лобному

мѣсту, собралъ изъ грязи останки своего боярина и перенесъ въ церковь Божію.

Здѣсь же, какъ мы выше упоминали, совершалось празднество «Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ». Въ Вербное воскресенье съ этого мѣста совершалъ патріархъ ходъ въ Покровскій соборъ, причемъ царь или близкій къ царю родственникъ велъ патріархова осла. Въ книгѣ Московскаго стола, за № 19 [93]), описана церемонія, происходившая въ Вербное воскресенье. «13-го апрѣля 1679 года строили и отпускали окольничій Алексѣй Головинъ, да разрядный думный дьякъ Василій Семеновъ съ товарищами, а за золотчиками везли вербу, а на вербѣ стояли и пѣли стихари цвѣтоносію патріаршіи поддьяки меньшихъ статей, а за вербою шли протопопы и священники немногіе. А какъ великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи у Лобнаго мѣста всѣлъ на осля и пошелъ къ собору въ Кремль къ соборной церкви, и великій государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ изволилъ въ то время у осля узду принять по конецъ повода и везть въ городъ къ соборной церкви, а посреди повода держалъ и осля за нимъ великимъ государемъ велъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, а передъ великимъ государемъ и по обѣ стороны его государя шли бояре и окольничіе и думные, и ближніе люди, а за святѣйшимъ патріархомъ шли преосвященные митрополиты и иныя власти, а за ними гости; а по сторонамъ осляти шли и святѣйшаго патріарха оберегали его патріаршіе бояринъ и дьяки. А во время государскаго шествія по пути стлали сукна и портища суконныя разныхъ приказовъ стрѣльцы по наряду изъ Стрѣлецкаго Приказа. И изволилъ великій государь идтить, а святѣйшій патріархъ на осляти ѣхалъ до соборной церкви до западныхъ дверей и, пришедъ къ дверямъ, государь изволилъ идтить и святѣйшій патріархъ со властьми пошелъ въ соборную церковь, а за великимъ государемъ были бояре и окольничіе, и думные, и ближніе люди. А золотчики, пришедъ къ соборной церкви, стояли отъ западныхъ дверей съ головы по обѣ стороны пути до сѣверныхъ дверей и рундуковъ къ церкви архангела Михаила. И былъ великій государь въ соборной церкви идтить въ свои государевы хоромы; а святѣйшій патріархъ божественную литургію совершалъ въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. А во время всего дѣйства въ Кремлѣ и въ Китаѣ по обѣ стороны по площади и около Лобнаго мѣста стояли полуполковники и полуголовы и сотники стрѣлецкіе, а съ ними стрѣльцы и солдаты въ цвѣтномъ платьѣ ратнымъ обычаемъ, съ ружьемъ и со всякимъ полковымъ строемъ по наряду изъ Стрѣлецкаго Приказа».

Съ Лобнаго мѣста патріархъ раздавалъ освященныя имъ вербы и вайи царю, архіереямъ, боярамъ, окольничимъ и думнымъ дьякамъ. Въ продолженіе чтенія Евангелія протодіаконъ приводилъ къ подножію Лобнаго мѣста бѣлаго коня, снаряженнаго на подобіе осла; патріархъ садился на него бокомъ и ѣхалъ съ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ напрестольнымъ крестомъ въ другой; на пути сто отроковъ постилали красныя сукна и бросали къ стопамъ патріарха одежды свои. Въ этомъ шествіи везли бѣлые кони на великолѣпныхъ саняхъ огромную вербу, обвѣшанную искусственными цвѣтами и плодами.

Въ этотъ день у патріарховъ бывалъ парадный столъ и на столъ патріарху подавали: «сельди, паровые снимaны съ огурцы, икра осенняя, блюдо икры осетрьи свѣже, блюдо икры сиговые, сельди свѣжія подъ взваромъ, на паръ лещи живые, спина бѣлой рыбицы, спина лососья, язь жареный, труба бѣлужья, сходъ бѣлужій» и другія безчисленныя рыбныя яства.

Съ кончиною послѣдняго патріарха отправленіе этого обряда въ вербную недѣлю не исполняется, но какъ бы въ воспоминаніе о немъ сохранилась ежегодно продажа вербы около Лобнаго мѣста и въ Лазареву субботу гулянье въ экипажахъ по Лобной площади. Послѣднее началось съ царствованія Анны Іоанновны. Снегиревъ говоритъ, что митрополиты и патріархи, по вступленіи своемъ на святительскій престолъ, по три дня шествовали на осляти вокругъ города и съ Лобнаго мѣста преподавали благословеніе паствѣ своей.

1-го декабря 1812 года, когда стояла жестокая зима въ Москвѣ, преосвященный Августинъ, къ утѣшенію пострадавшихъ отъ французовъ москвичей, послѣ водосвятія на Лобномъ мѣстѣ, окропивъ св. водою городъ на всѣ четыре стороны, произнесъ: «Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ св. воды освящаетъ градъ сей, богоненавистнымъ въ немъ пребываніемъ врага нечестиваго, врага Бога и человѣка, оскверненный».

Въ 1830 году, когда Москву посѣтила холера, когда городъ былъ оцѣпленъ, по улицамъ тянулись возы съ умирающими и умершими, на дворахъ курился навозъ и можевельникъ. Въ это скорбное и тяжелое время митрополитъ Филаретъ съ одними монашествующими совершилъ въ день преподобнаго Сергія, 25-го сентября, крестное хожденіе и на Лобномъ мѣстѣ служилъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

Недалеко отъ Лобнаго мѣста существуетъ еще другое мѣсто, мимо котораго не проходитъ москвичъ неснявши шапки. Это— Иверская часовня. Икона Богоматери, находящаяся въ часовнѣ,

въ такомъ почтеніи, что нѣтъ въ цѣломъ году дня, въ который бы она съ утра до вечера не переходила изъ дома въ домъ. Исторія этого образа слѣдующая: въ 1653 году патріархъ Никонъ предположилъ соорудить на Валдайскомъ озерѣ монастырь во имя чудотворной иконы Иверской Божіей Матери, находящейся на Аѳонской горѣ. Для этого онъ послалъ архимандрита Пахомія на Аѳонъ для точнаго снятія списка съ образа.

Видъ посольскаго дома въ Москвѣ въ 1661 году.
Съ старинной голландской гравюры.

Въ 1666 году Пахомій привезъ требуемый списокъ, но въ это время Никонъ былъ подъ гнѣвомъ царя и жилъ въ Вологодской губерніи, царь не приказалъ ставить ее въ Никоновъ монастырь, а указалъ для нея поставить у Курятныхъ воротъ [94]) часовню. Въ 1791 году эта Иверская часовня пришла въ ветхость, Екатерина II приказала ее перестроить и она была перестроена при митрополитѣ Платонѣ.

Золотая риза на иконѣ Иверской Божіей Матери сдѣлана при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1758 году отъ вклада доброхотныхъ дателей, художникомъ Васильемъ Кункинымъ. Много драгоцѣнныхъ камней на ризѣ пожертвованы извѣстнымъ откупщикомъ Твердышевымъ. Золотая риза съ вѣнцомъ вѣситъ 27 фун-

товъ 59½ золотниковъ. Икона эта въ ночь предъ вступленіемъ французовъ въ Москву, въ 1812 году, была увезена въ Муромъ викаріемъ Августиномъ и возвращена въ Москву въ томъ же году, 10-го ноября.

Недалеко отъ описанныхъ нами Спасскихъ воротъ останавливаетъ на себѣ вниманіе прохожихъ оригинальная по неправильности постройки, вычурности, пестротѣ и затѣйливости украшеній церковь, весьма важная въ историческомъ отношеніи. Это—Покровскій соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго; его еще называли: «Іерусалимскимъ» и на Рву [95]). Преданіе говоритъ, что царь Іоаннъ, завоевавъ Казань, далъ обѣтъ построить храмъ въ память этого событія и по окончаніи храма, въ 1557 году, призвалъ къ себѣ зодчаго этой церкви (имя его неизвѣстно) и спросилъ: можетъ ли онъ построить храмъ лучше этого? Тотъ отвѣчалъ, что можетъ. Царь велѣлъ ослѣпить его, говоря: не хочу, чтобъ гдѣ нибудь была святыня лучше этой.

На мѣстѣ, гдѣ поставленъ былъ храмъ, стояла деревянная церковь Св. Троицы надъ Кремлевскимъ рвомъ, при которой было погребено тѣло св. Василія Блаженнаго. Въ ту эпоху всѣ церкви были съ кладбищами. Такъ, на Красной площади, отъ Спасскихъ или Флоровскихъ до Никольскихъ воротъ, стояло пятнадцать церквей съ кладбищами, которыя были огорожены надолбами и рѣшетками. Въ то время, какъ въ Кремлѣ, такъ и у другихъ большихъ церквей, особенно на Варварскомъ крестцѣ, въ Китаѣ и на другихъ крестцахъ были сборныя мѣста нищихъ; тамъ сходились удрученные бѣдностью, старостью или неудачами пѣвцы богатаго и убогаго Лазаря и Алексія Божія человѣка, по большей части слѣпые, и жалобными, заунывными голосами испрашивали себѣ подаяніе у прохожихъ и проѣзжихъ; тамъ же выставлялись гробы и даже тѣла убогихъ для сбора на ихъ погребеніе, а божедомы вывозили изъ убогаго дома въ телѣжкѣ подкидышей.

При царѣ Іоаннѣ Грозномъ между нищими на Флоровскомъ мосту нерѣдко являлся и лѣтомъ и зимой одинъ блаженный «нагоходецъ», нищій духомъ, отъ нищихъ охотнѣе принимавшій подаяніе, чѣмъ отъ богатыхъ; онъ былъ другомъ и утѣшителемъ убогихъ; этотъ нищій и былъ Василій Блаженный, въ память котораго называется вышеупомянутый храмъ, оригинальнѣйшій во всемъ свѣтѣ по своей архитектурѣ.

Иностранцы, бывшіе въ XVI-мъ вѣкѣ въ Москвѣ, говорятъ про русскихъ, что «москвитяне весьма заботятся о нищихъ, которымъ всякій подаетъ по своему достатку, одѣваетъ, кормитъ и вводитъ къ себѣ въ домъ».

Православная церковь искони была попечительницей и кормилицей нищихъ, убогихъ и калѣкъ, которыхъ она, какъ видно изъ церковныхъ судовъ великаго князя Владиміра, причисляла къ церковнымъ людямъ; священные притворы и паперти церквей служили для нихъ надежнымъ пристанищемъ и убѣжищемъ; къ ихъ оградамъ примыкали скудныя ихъ избушки, клѣти и кельи.

Въ XVII-мъ вѣкѣ нищіе въ Москвѣ дѣлились на соборныхъ, монастырскихъ, патріаршихъ, гуляющихъ и богадѣленныхъ. Послѣдніе жили при устроенныхъ при церквахъ богадѣльняхъ; первый устроитель такихъ общежитій былъ патріархъ Іоакимъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ особенно умножилъ такіе благотворительные дома, велѣлъ нищихъ кормить и содержать на иждивеніе патріаршаго дома и на этотъ предметъ общественнаго призрѣнія указано было собирать въ патріаршій домъ по три алтына съ церквей митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ. Такія пошлины сбирали чиновники святительскаго двора: десятинники, недѣльщики и намѣстники.

Петръ Великій въ 1701 году учредилъ тоже до шестидесяти нищенскихъ богадѣленъ при московскихъ церквахъ, для помѣщенія въ нихъ самыхъ старыхъ, дряхлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ, при которыхъ назначено было воспитывать и малолѣтнихъ до 10-ти лѣтъ.

До половины XVIII-го столѣтія нищіе жили при церквахъ, большею частію «подъ кровомъ бревеннымъ», т. е. въ скудныхъ избушкахъ. Императрица Елизавета въ 1748 году указала строить при церквахъ вмѣсто деревянныхъ богадѣленъ каменныя, съ крѣпкими каменными сводами, длиною въ жильѣ 5 саж., а шириною 3 саж. 3 арш. Первымъ примѣромъ въ дѣлахъ милосердія были нищелюбивые цари и пастыри. Отправляясь, напримѣръ, на богомолье или въ путь, цари и патріархи во всю дорогу раздавали ручную милостыню нищей братіи, которая ожидала ихъ на перекресткахъ, мостахъ, у городскихъ воротъ, на крыльцахъ у церквей и монастырей.

Встарину не было той улицы, гдѣ бы не было сотни нищихъ, а въ церквахъ и рядахъ отъ нихъ не было прохода. Были нищіе, которые просили по привычкѣ изъ ремесла: отъ подаянія они только богатѣли.

По стариннымъ разсказамъ, тогдашніе ростовщики всѣ прежде были нищими; они вначалѣ собирали себѣ съ міру по ниткѣ, да шили себѣ рубашки; но послѣ тотъ же міръ не расплачивался съ ними и кафтанами. Эти же нищіе держали у себя размѣнъ

мелкой монеты и получали почти всегда на промѣнъ вдвое и втрое сбора денегъ противъ вынесеннаго ими на сутки. Вотъ откуда берутъ начало наши мѣняльныя лавки и биржевая звонкая валюта.

Возвращаясь къ церкви Василія Блаженнаго, мы видимъ, что спустя 126 лѣтъ послѣ постройки этого храма царь Ѳедоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ приказали въ 1680 году разобрать за ветхостью бывшія въ то время на Красной площади деревянныя придѣльныя церкви, а вмѣсто нихъ построить новыя, сколько было старыхъ на монастырѣ Покровскаго или св. Василія Блаженнаго собора.

Старыхъ церквей было восемь, такое же число было устроено и новыхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались подъ сводами древняго собора, а нѣкоторыя близь собора на монастырѣ. Всего при Покровскомъ соборѣ въ 1680 году было двадцать церквей, которыя были устроены и сверху и снизу этого собора, и существовали до 1783 года.

При этихъ церквахъ до 1771 года, при каждой, были особые священники, но во время бывшей въ Москвѣ моровой язвы при этомъ соборѣ умерли одинъ протоіерей и 14 священниковъ; оставшіеся придѣльные священники были распредѣлены по приходскимъ церквамъ, и съ этого времени на мѣсто умершихъ ко всѣмъ придѣламъ никто не былъ произведенъ. Во время чумы оставался одинъ священникъ и діаконъ.

Встарину на Покровскомъ соборѣ вокругъ, на черепицѣ, была древняя надпись, изображенная желтыми литерами. Въ ней говорилось о годѣ (1554), когда начата церковь и по какому случаю, затѣмъ о времени возобновленія храма царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ и о покрытіи его желѣзомъ.

Позднѣе императрица Екатерина II на прибитой къ стѣнѣ мѣдной доскѣ добавила, что церковь ею «съ придѣлами возобновлена въ 1784 году, при главномъ начальствѣ и дирекціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Платона, архіепископа московскаго» и проч.

Возобновленіе производилось на выданную казенную въ десять тысячъ рублей сумму, «подъ смотрѣніемъ онаго собора протоіерея Іоанна Герасимовича».

Въ этомъ храмѣ замѣчательны два древнихъ иконостаса въ соборной Покровской церкви и въ придѣльной церкви Входа въ Іерусалимъ. Первый въ два яруса убранъ сплошь оловянными позолоченными узорчато-сквозными штуками, съ подложенною подъ нихъ разноцвѣтною слюдою и по сторонамъ иконъ съ винтообразными позолоченными колоннами и карнизами. Второй иконостасъ—одно-

ярусный, весь высеребренъ, по сторонамъ иконъ съ винтообразными золочеными колоннами и мѣстами украшенъ оловянными штуками, золоченными надъ разноцвѣтною слюдою. Изъ историческихъ достопримѣчательныхъ вещей въ соборѣ замѣчателенъ покровъ для накрытія надгробія св. Василія Блаженнаго: онъ шелковый, съ изображеніемъ св. Василія—надъ головою его изображена Св. Троица; все это вышито шелкомъ и обведено ниткою крупнаго жемчуга; вѣнецъ тоже жемчужный съ пятью драгоцѣнными каменьями.

Посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ гравюры того времени.

На краяхъ покрова вышито: «Представися преблажене Василіе стекашася царіе и князи вси собори, русстіи юноши и дѣвы, старцы твоимъ тѣлеснымъ мощамъ поклонитися и воскликнуша купно вси память успенія твоего Христа величающе». Подъ самымъ изображеніемъ выткано, что покровъ сдѣланъ повелѣніемъ царя Ѳедора Іоанновича и царицы Ирины, въ лѣто 1589. Лампада серебряная передъ иконою Покрова Богородицы принесена въ даръ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1638 году. Въ соборѣ имѣется также замѣчательный по древнему иконописному письму образъ; этотъ

образъ написанъ на стѣнѣ внѣ церкви; изображено на немъ Знаменіе Пресвятыя Богородицы; образъ этотъ почитается чудотворнымъ.

Въ 1812 году, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, соборъ былъ разоренъ непріятелемъ и, исключая внѣшности, во всѣхъ придѣлахъ все было разбросано, съ престоловъ сняты одежды и все остальное поломано. Въ церкви стояли лошади. Перваго декабря 1812 г., послѣ разоренія, соборъ былъ освященъ преосвященнымъ Августиномъ. Возобновленъ храмъ былъ въ 1813 году на сумму 13 тыс. руб., выданную изъ Святѣйшаго Синода. Окончательно же этотъ соборъ возобновленъ былъ, какъ снаружи, такъ и внутри, только начиная съ 1839 по 1845 годъ.

Въ это время всѣ стѣны во всѣхъ придѣльныхъ церквахъ были расписаны иконнымъ изображеніемъ; до этого времени стѣны были только выбѣлены.

Мѣстность отъ церкви Василія Блаженнаго встарину считалась богатою хорошимъ строеніемъ, притомъ здѣсь производилась главнѣйшая московская торговля и были ряды и лавки, въ которыхъ продавались всевозможные необходимые товары—лавки купцовъ кишѣли какъ иногороднымъ, такъ и мѣстнымъ купечествомъ; въ числѣ заѣзжихъ торговцевъ наибольшій процентъ составляли азіатцы.

Этотъ округъ города назывался изстари Китаемъ; съ этимъ словомъ въ простонародіи связывался всемірный рынокъ, и всякая иноземная ткань называлась «китайкою». Имя «Китая» въ Москвѣ до сихъ поръ еще необъяснимо, но, вѣроятно, оно произошло у насъ отъ торговли съ этою страною. Въ Рязанской губерніи въ простомъ народѣ слово Китай составляетъ насмѣшливое прозвище всякому барышнику и торгашу.

Съ распространеніемъ большого посада или Китая-города, гдѣ сосредоточивалась всякая торговля и всякаго рода промышленность и гдѣ слѣдовательно нужно было знать всякому время, на Спасской башнѣ, какъ мы уже упомянули, были поставлены большіе боевые часы — послѣдніе въ то время являлись также необходимостью и для должностныхъ лицъ крупнаго и мелкаго чина, обязаннаго являться въ Кремль ко двору государя къ назначенному часу, въ думу, на выходъ, на потѣху и т. д. Карманныхъ или «зипныхъ» часовъ въ то время въ Москвѣ едва ли было съ десятокъ, да и тѣ по своему раздѣленію времени не соотвѣтствовали русскимъ часамъ и слѣдовательно были неудобны для употребленія. Тогдашніе часы дѣлили сутки на часы денные и на часы ночные,

слѣдуя за восхожденіемъ и теченіемъ солнца[36]), такъ что въ минуту восхожденія на русскихъ часахъ былъ первый часъ дня, а при закатѣ — первый часъ ночи; поэтому почти каждыя двѣ недѣли количество часовъ денныхъ, а также и ночныхъ постепенно измѣнялось. Въ 1625 году старые боевые часы на Спасскихъ воротахъ были проданы на вѣсъ ярославскому Спасскому монастырю, а вмѣсто нихъ построены новые англичаниномъ Христофоромъ Галовеемъ; послѣдній для нихъ и выстроилъ надъ воротами, на мѣсто деревяннаго шатра, существующій по сейчасъ каменный, въ готическомъ стилѣ; при этомъ русскій колокольный литецъ, Кирилло Самойловъ, слилъ къ часамъ тринадцать колоколовъ.

Часы были сдѣланы съ «перечасьемъ» или съ музыкою. Хотя въ слѣдующемъ году ихъ значительно попортилъ пожаръ, но они снова были устроены тѣмъ же мастеромъ. На Спасской башнѣ часы были длиною въ 3 аршина, вышиною 2½ аршина, поперекъ 1½ аршина; колеса, на которыхъ были указныя слова, въ діаметрѣ имѣли 7¼ арш. Указныя или узнатныя колеса, т. е. циферблаты, были съ двухъ сторонъ, одно въ Кремль, другое въ городъ, и состояли изъ дубовыхъ связей, разборныхъ на чекахъ, укрѣпленныхъ желѣзными обручами.

Каждое колесо вѣсило около 25-ти пудовъ. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазурью, а по ней раскидывались золотыя и серебряныя звѣзды съ двумя изображеніями—солнца и луны. Очевидно, что это изображало небо. Вокругъ въ каймѣ располагались указныя слова, т. е. славянскія цифры, мѣдныя, густо вызолоченныя, а между ними помѣщались получасовыя звѣзды посеребренныя. Указныя слова на Спасской башнѣ мѣрою были въ аршинъ.

Такъ какъ въ этихъ часахъ вмѣсто стрѣлки оборачивался самый циферблатъ или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный лучъ или звѣзда съ лучомъ, въ родѣ стрѣлки, и притомъ съ изображеніемъ солнца.

При Петрѣ Великомъ, въ 1705 году, старинные русскіе часы вышли изъ употребленія и, по указу царя, спасскіе часы были передѣланы и противъ нѣмецкаго обыкновенія на 12 часовъ, для чего государь выписалъ изъ Голландіи боевые часы съ курантами за 42,474 руб. Часы эти были «съ танцами противъ манира, каковы въ Амстердамѣ». Ставилъ ихъ въ 1705—1709 годахъ часовой мастеръ Екимъ Гарновъ. При тѣхъ же башенныхъ часахъ находились особые колокола-набаты, выбивавшіе тревожныя повѣстки на случай пожара.

Мейерберъ въ своемъ описаніи Москвы говоритъ, что въ Китай-городѣ, близь Лобнаго мѣста, стояла еще церковь св. Меркурія Смоленскаго, а съ другой стороны находился земскій приказъ, зданіе, покрытое землею, съ двумя огромными орудіями наверху и съ другими двумя внизу, на землѣ.

На Красной площади, по словамъ Олеарія, предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и праздполюбцы, а вблизи Лобнаго мѣста сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія.

На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, многіе приказы, дома знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегіи англичанъ, обращенный въ тюрьму, три гостиныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла Овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами; она упиралась въ рыбный рынокъ, по разсказамъ иностранцевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью и непроходимой грязью.

Въ XVII еще столѣтіи въ Москвѣ улицы не имѣли порядочной мостовой; на улицахъ лежали круглыя деревяшки, сложенныя плотно сплошь одна съ другою. Гдѣ же не было такой настилки и гдѣ особенно было грязно, тамъ черезъ улицы просто перекидывали доски. Въ Москвѣ собирали съ жителей поборъ, подъ именемъ «мостовщины», и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю.

Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе, какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Въ Москвѣ еще существовалъ особый классъ рабочихъ, называемыхъ «метельщиками», обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялось не мало дохлой скотины и другой падали.

Кому обязана старая до-петровская Москва украшеніемъ улицъ, постройками и первыми мостовыми, это князю Василью Васильевичу Голицыну, боярину, прозванному иностранцами «Великимъ Голицынымъ». По образованію Голицынъ въ свое время былъ первый въ Россіи; онъ говорилъ по-латыни какъ на родномъ языкѣ; носилъ онъ санъ «царственныя большія печати, государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя».

Въ молодые годы онъ уже служилъ при дворѣ стольникомъ и чашникомъ; красотою, умомъ, учтивостью и великолѣпіемъ своего

Домъ Дворянскаго Собранія и Охотный рядъ въ Москвѣ.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

наряда онъ превосходилъ всѣхъ придворныхъ. По разсказамъ иностранцевъ, онъ не терпѣлъ крѣпкихъ напитковъ и свободное время проводилъ за бесѣдой. Домъ его отличался великолѣпіемъ; онъ былъ покрытъ снаружи мѣдью, а внутри убранство комнатъ ничѣмъ не отличалось отъ лучшихъ европейскихъ дворцовъ; здѣсь были богатыя восточныя ткани, венеціанскія зеркала и картины извѣстныхъ иностранныхъ художниковъ. Невиль, посланникъ польскаго

Князь В. В. Голицынъ.
Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Тарасевича.

короля, пишетъ: «Я былъ пораженъ богатствомъ его дворца и думалъ, что нахожусь въ чертогахъ какого нибудь итальянскаго государя». Голицынъ построилъ въ Кремлѣ зданіе для посольскаго приказа, по образцу своего дома, и затѣмъ великолѣпныя каменныя палаты для присутственныхъ мѣстъ; потомъ каменный мостъ на Москвѣ рѣкѣ о двѣнадцати аркахъ, и подѣлалъ деревянныя мостовыя на всѣхъ улицахъ въ Москвѣ.

Подражая ему, жители Москвы украсили въ его время эту столицу каменными домами. Голицынъ выписалъ изъ-заграницы двадцать докторовъ и множество рѣдкихъ книгъ; онъ убѣждалъ бояръ, чтобы они обучали дѣтей своихъ, отправляя ихъ заграницу и приглашая къ себѣ иностранныхъ наставниковъ. Голицынъ любилъ бесѣдовать съ іезуитами, которыхъ изгнали изъ Москвы на другой день послѣ его паденія. Во время его управленія иностранными дѣлами, голландцы получили позволеніе присылать въ Астрахань своихъ лоцмановъ и плотниковъ, которые построили тамъ два фрегата; они содѣйствовали плаванію по Каспійскому морю до Шемахи, но татары сожгли ихъ, и послѣ голландцамъ не дозволено уже строить новыхъ фрегатовъ. Голицынъ велѣлъ отыскать кратчайшую дорогу въ Сибирь, и при немъ были построены отъ Москвы до Тобольска избы для крестьянъ, родъ первыхъ станціонныхъ почтовыхъ дворовъ, на каждыхъ пятидесяти верстахъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ смежныхъ земель; при этомъ каждый хозяинъ получилъ по три лошади, съ условіемъ, чтобы ихъ содержалъ всегда въ томъ же комплектѣ, взимая съ проѣзжающихъ, исключая отправляемыхъ по казенной надобности, за десять верстъ по три копѣйки на лошадь. Голицынъ велѣлъ разставить длинные шесты по всей Россіи, вмѣсто верстъ, а въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ лошади не могли ходить, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, водворилъ ссыльныхъ, снабдивъ ихъ деньгами, провіантомъ и большими собаками.

Но Голицынъ при всемъ своемъ просвѣщенномъ умѣ не могъ освободиться отъ предразсудковъ и суевѣрія своего вѣка. Такъ, напримѣръ, дворянинъ Бунаковъ, шедшій за нимъ по улицѣ, внезапно упалъ вслѣдствіе припадка падучей болѣзни, и по суевѣрію взялъ съ того мѣста горсть земли, которую завязалъ себѣ въ платокъ. Голицынъ, сочтя Бунакова чародѣемъ, велѣлъ пытать его за то, что «онъ вынималъ будто бы слѣдъ его для порчи».

По его же приказанію сожженъ въ Москвѣ мечтатель Квиринъ-Кульманъ, будто бы за ересь.

Также безславными подвигами этого сановника были и его крымскіе походы съ двухсотъ-тысячною арміею; онъ мечталъ о завоеваніи полуострова, полагаясь на свое счастіе и силы, но крымскій ханъ велѣлъ сжечь за Самарою на 200 верстъ степь, чрезъ которую надлежало имъ проходить. Голицынъ принужденъ былъ возвратиться, походъ его оказался вполнѣ неудачнымъ, но правительница Софія своего любимца наградила жалованной граматой, золотой медалью въ 300 червонцевъ, украшенною алмазами, на золотой

цѣпи, съ изображеніемъ на одной сторонѣ двухъ царей, на другой царевны (на наши деньги эта медаль теперь стоила бы болѣе 30,000 руб.), кафтаномъ на черныхъ соболяхъ и кубкомъ золоченымъ и увеличеніемъ получаемаго имъ жалованья.

Ранѣе этого Голицынъ за подписаніе въ Москвѣ выгоднаго договора о дѣйствіяхъ противъ турокъ и татаръ съ полномочными польскаго двора награжденъ былъ золотою чашею вѣсомъ въ два фунта съ половиною и атласнымъ кафтаномъ на соболяхъ; подобнаго рода подарки въ то время цѣнились весьма дорого, не только какъ знаки особой царской милости, но и какъ вещи чрезвычайной стоимости.

Голицынъ получилъ еще на придачу волости, въ которыхъ считалось болѣе трехъ тысячъ дворовъ крестьянскихъ. По пріѣздѣ въ Москву изъ крымскаго похода, Голицынъ не былъ допущенъ юнымъ Петромъ къ себѣ на аудіенцію и въ это же время, когда открылись властолюбивые замыслы царевны Софьи противъ Петра, Голицынъ, по повелѣнію Петра, былъ взятъ подъ стражу, потомъ передъ царскимъ крыльцомъ ему и сыну его былъ прочтенъ приговоръ думнымъ дьякомъ Деревкинымъ.

Главныя вины Голицына состояли въ томъ, что онъ и его приверженцы о всѣхъ дѣлахъ докладывали ранѣе царевнѣ, а не государямъ, писали отъ нея граматы и печатали имя Софьи въ книгахъ безъ соизволенія царскаго и что вслѣдствіе неудачныхъ походовъ его въ Крымъ казна понесла великіе убытки. За все это Голицынъ былъ лишенъ боярства, всего имѣнія и высланъ въ гор. Яренскъ. Голицынъ съ твердостью выслушалъ приговоръ и произнесъ вслухъ: «мнѣ трудно оправдаться передъ царемъ!»

Въ тайникахъ его палатъ были найдены скрытыми въ погребѣ 100,000 червонцевъ и 400 пудовъ серебряной посуды; кромѣ другихъ сокровищъ ему принадлежало богатое подмосковное село Медвѣдково, принадлежавшее прежде князю Д. Пожарскому.

При этомъ еще обнаружилось, что знаменитый бояринъ, не довольствуясь милостью царевны, пріобрѣталъ богатство и другими еще нечестными способами. Такъ, въ числѣ разныхъ описанныхъ у него драгоцѣнностей, найдена была осыпанная алмазами булава, отнятая имъ у малороссійскаго гетмана Дорошенки, получившаго ее въ подарокъ отъ турецкаго султана Селима IV. Другая такая же булава была пожалована ему царями при отправленіи его въ крымскій походъ. Желябужскій пишетъ, что въ 1686 году, при заключеніи мира съ Польшею, изъ 200,000 руб., слѣдовавшихъ къ уплатѣ Польшѣ, Голицынъ выговорилъ себѣ тайно половину этой суммы.

*

Онъ же говоритъ, что князь, остановившись у Перекопа, взялъ отъ крымскихъ татаръ двѣ бочки съ золотой монетой, почему и донесъ въ Москву, что дальше идти нельзя, такъ какъ нѣтъ ни хлѣба, ни воды. Татары, однако, надули Голицына; когда взятыя имъ у нихъ золотыя монеты явились въ продажѣ въ Москвѣ, то онѣ оказались мѣдными съ тонкою лишь позолотою. Впослѣдствіи Голицынъ былъ переведенъ въ Пинегу, гдѣ ему на каждый день выдавалось на содержаніе по 30 алтынъ и 2 деньги.

Князь Голицынъ тамъ и умеръ въ 1713 году, 80 лѣтъ; тѣло его погребено въ Красногорскомъ монастырѣ, въ 16-ти верстахъ отъ Холмогоръ.

У князя Василія было двое сыновей: князь Михаилъ, умершій бездѣтнымъ, и князь Алексѣй, женатый на М. И. Квашниной, отъ которой и имѣлъ двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ, князь Михаилъ, состоялъ шутомъ при дворѣ императрицы Анны Іоанновны, онъ извѣстенъ подъ именемъ Квасника; названіе это онъ получилъ за обязанность свою подавать императрицѣ квасъ, а также присматривать за любимой собачкой; за охраненіе послѣдней онъ при заключеніи бѣлградскаго мира получилъ 3,000 рублей. Внукъ знаменитаго боярина былъ отъ природы слабоумнымъ; онъ служилъ при Петрѣ I въ полевыхъ полкахъ, гдѣ дослужился до маіорскаго чина. Потерявъ первую свою жену, онъ испросилъ себѣ позволеніе отправиться заграницу, гдѣ, во время пребыванія во Флоренціи, влюбился въ простую итальянку, женился на ней и перешелъ въ католичество. По пріѣздѣ въ Москву, онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое ренегатство и жену, но это скоро обнаружилось и дошло до государыни. Поступокъ его былъ объясненъ крайнимъ слабоуміемъ; его велѣно было представить ко двору. Государыня осталась отъ него въ восхищеніи [97]) и писала къ Салтыкову: «благодарна за присылку, онъ здѣсь всѣхъ дураковъ побѣдилъ; ежели еще такой же въ его пору сыщется, то немедленно увѣдомь». Голицынъ былъ вскорѣ обвѣнчанъ, въ историческомъ Ледяномъ домѣ на Невѣ съ калмычкою Авдотьею, по прозванію Бужениновой.

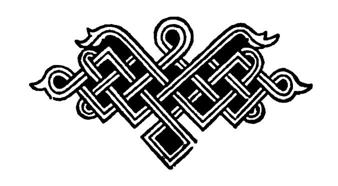
Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этой свадьбы императрица скончалась и должность придворнаго шута упразднилась. Голицынъ отправился въ Москву, гдѣ жена его вскорѣ умерла, и князь уже около семидесяти лѣтъ вступилъ въ четвертый бракъ съ А. А. Хвостовой, съ которой прижилъ трехъ дочерей. Онъ умеръ въ 1778 г., въ глубокой старости; могила его еще видна въ с. Братовщинѣ, по дорогѣ отъ Москвы въ Сергіевскую лавру.

Въ описываемый нами «Китай-городъ» встарину въѣзжали черезъ москворѣцкія ворота, у которыхъ стоялъ «Мытный дворъ», и здѣсь, по всей вѣроятности, былъ осмотръ всѣхъ привозимыхъ товаровъ въ Москву. Встарину казна взимала пошлины со всего, что покупалось и что продавалось, отчего внутренняя торговля тогда весьма стѣснялась.

Старый Мытный дворъ лежалъ постройкой къ Москвѣ-рѣкѣ; это было большое, обширное каменное зданіе въ видѣ параллелограма съ дворомъ внутри, гдѣ помѣщались товары, по большей части привозимые на баркахъ. Названіе «Мытный» происходитъ отъ слова «мытъ», т. е. пошлина и «мытникъ», сборщикъ податей. Оба эти слова—наидревнѣйшія и извѣстны уже были въ 1037 году: они упоминаются въ «Русской Правдѣ» Ярослава I-го.

На Мытный дворъ свозились товары и лежали до заплаты пошлины и осмотра ихъ мытными головами и мытными цѣловальниками. Названіе послѣднихъ чиновниковъ происходило отъ присяги или вѣрнѣе цѣлованія креста.

Князь Щербатовъ говоритъ, что въ древности были нѣкоторые холопы и другого званія люди, которые платили дань опредѣленнымъ для сбора чиновникамъ; но какъ эта дань не была приведена въ извѣстность, то эти сборщики и должны были присягать или цѣловать крестъ въ томъ, что все, что ни соберутъ, безъ утайки доставятъ своему государю. Но иногда вмѣсто цѣловальниковъ собирали пошлины служилые люди, напримѣръ, стрѣлецкіе головы, а цѣловальники были при томъ только свидѣтелями.



ГЛАВА XX.

Родовой домъ бояръ Романовыхъ.— Прапрадѣдъ царя Михаила Ѳеодоровича. — Жизнь боярина Никиты Романовича.—Патріархъ Филаретъ.—Знаменскій монастырь.—Возобновленіе каменныхъ палатъ Романовыхъ.—Заиконоспасскій монастырь.—Славено-греко-латинская академія.—Печатный дворъ.—Монастырь Стараго Николы.—Старый домъ князя Воротынскаго.—Древніе поединки.—Церковь Св. Троицы въ Поляхъ.—Бояринъ Мих. Мих. Салтыковъ.—Судьба старыхъ могилъ въ Москвѣ.—Храмъ у Красныхъ колоколовъ.—Царь-колоколъ.—Исторія его отливки.—Другіе историческіе колокола.—Аристократическій центръ древней Москвы.—Московскіе дворяне, бояре и ближніе люди.—Грабежи и разбои въ Москвѣ.— Замѣчательные разбойники. — Кабаки и повальное пьянство. — Первый табакъ и чай. — Жизнь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ

Въ КИТАѢ-ГОРОДѢ уцѣлѣлъ древнѣйшій памятникъ гражданскаго зодчества—боярская каменная палата, въ которой родился царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

При восшествіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, этотъ родовой домъ бояръ Романовыхъ отданъ былъ государемъ подъ Знаменскій монастырь; онъ сталъ тогда называться «старый государевъ дворъ, что на Варварскомъ крестцѣ, или у Варвары горы». Вопросъ о времени основанія дома бояръ Романовыхъ на Варварской улицѣ связанъ съ вопросомъ о домѣ предковъ ихъ близъ Георгіевской церкви на Дмитровкѣ. Несомнѣнно, что домъ прапрадѣда царя Михаила Ѳеодоровича, Юрія Захарьевича, умершаго въ 1505 году, былъ при каменной церкви св. Георгія на Дмитровкѣ.

Такимъ образомъ, начало стараго государева двора на Варваркѣ не можетъ восходить ранѣе XVI вѣка. Хотя дочерью Юрія Захарьевича, Ѳеодосіею, основанъ былъ при Георгіевской церкви монастырь, но самый домъ былъ его, Романа Юрьевича, давшаго фамилію нынѣ Царствующему роду; по свидѣтельству записокъ Георгіевскаго монастыря, въ домѣ своего дѣда и отца при Георгіевскомъ монастырѣ воспитывалась Анастасія Романовна и отсюда взята въ супруги царю Іоанну Васильевичу; близь Георгіевскаго монастыря бывшая церковь Анастасіи узорѣшительницы, разобранная въ 1793 году, основана Анастасіею Романовною, въ память воспитанія ея около этого мѣста.

Въ жизнеописаніи Геннадія Любимоградскаго сказано, что этотъ подвижникъ былъ въ домѣ вдовы Романа Захарьевича и благословилъ дѣтей ея, Даніила и Никиту Романовичей, и, благословляя Анастасію, пророчески сказалъ: «Ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будеши намъ государыня царица», что̀ исполнилось 3-го февраля 1547 года, когда совершенъ бракъ ея съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, и царица впослѣдствіи много благодѣтельствовала монастырю Геннадія въ костромскихъ предѣлахъ. Дворъ на Варварской улицѣ поступилъ во владѣніе младшему сыну Никитѣ Романовичу.

Въ 1541 году, во время нашествія крымскаго хана Девлетъ-Гирея, когда вся Москва, кромѣ Кремля, была предана пламени, по всей вѣроятности пострадалъ много и дворъ Никиты Романовича.

Спустя десятилѣтіе послѣ этого и самъ хозяинъ дома подвергся опалѣ грознаго царя. Послѣ брака своего съ Маріею Нагою царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ на дворъ Никиты Романовича 200 стрѣльцовъ: они расхитили оружіе, посуду, лошадей и всѣ пожитки на 40,000 фунтовъ стерлинговъ. Никита Романовичъ, кромѣ того, лишился всѣхъ своихъ помѣстьевъ, остался въ такой бѣдности, что на другой день послѣ разграбленія послалъ въ сосѣднее съ нимъ англійское подворье, близь церкви Максима Исповѣдника, просить бумажной ткани на одежду себѣ и дѣтямъ.

Англичанинъ Іеронимъ Горсея, бывшій въ то время въ Россіи, разсказываетъ, что Никита Романовичъ не чуждался сближенія съ англичанами, и одинъ изъ нихъ, приказчикъ торговаго дома, давалъ его сыну, Ѳедору Никитичу, уроки латинскаго языка; впослѣдствіи этотъ Ѳеодоръ былъ патріархомъ россійскимъ. Умирая, грозный царь возвратилъ милость свою своему шурину по первой своей женѣ и назначилъ Никиту Романовича въ числѣ че-

тырехъ ближайшихъ совѣтниковъ сыну своему царю Θеодору Іоанновичу.

Со времени заключенія Θеодора Никитича царемъ Борисомъ въ темницу въ 1599 году и постриженія его съ именемъ Филарета въ Сійскомъ монастырѣ Архангельской области, домъ Романовыхъ, надо полагать, долго оставался безъ хозяина и хотя потомъ Филаретъ Никитичъ былъ въ Москвѣ при самозванцахъ, но не на долгое время и, какъ монахъ, не жилъ въ своемъ домѣ. По избраніи Михаила Θеодоровича на престолъ, родовой домъ былъ исправленъ и при немъ уже тогда, какъ показываютъ росписи того времени, былъ тамъ въ Знаменской церкви протопопъ Іаковъ съ двумя священниками и другими лицами клира. Въ тѣ времена степень протоіерейства, предполагавшая большой клиръ, была рѣдка и показываетъ особенное вниманіе царя къ старому своему дому.

Въ 1626 году, мая 3-го, пожаръ, опустошившій Москву, не пощадилъ и Государева двора; слѣдствіемъ его было расширеніе Варварской линіи; но каменная палата на углу этой улицы и Псковскаго переулка оставлена на старомъ мѣстѣ. Знаменскій монастырь изъ домовой церкви бояръ Романовыхъ былъ основанъ въ 1631 году, въ годъ кончины матери царя Михаила, инокини Марθы Іоанновны.

Въ этотъ же годъ граматою царя Знаменскій монастырь былъ надѣленъ родовыми царскими населенными имѣніями и угодьями, бывшими за инокинею Марθою Ивановною.

Въ 1668 году, во время большого пожара, пострадалъ и Знаменскій монастырь; по этому случаю игуменъ Арсеній доносилъ царю Алексѣю Михаиловичу: «Бьютъ челомъ богомольцы твои Знаменскаго монастыря, что на вашемъ Государевѣ старомъ дворѣ твое царское богомоліе—монастырь выгорѣлъ со всѣми монастырскими службами и съ запасьемъ, на церквахъ кровли обгорѣли и ваше государское старинное строеніе—палаты—отъ ветхости и отъ огня развалились, а намъ, богомольцамъ твоимъ убогимъ, нынѣ построить нечѣмъ; мѣсто скудное; погибаемъ въ конецъ».

Но скоро нашлись богатые царскіе родственники Милославскіе и ихъ иждивеніемъ возстановлены старинныя палаты и другія многія зданія монастырскія и вмѣсто бывшей деревянной ограды возведена новая, каменная. Монастырь обновился, но по слабости грунта все отъ ограды до собора было выстроено на дубовыхъ сваяхъ и притомъ на косогорѣ и потому долговѣчности не обѣщало.

Въ выходахъ государей находимъ, что въ XVII вѣкѣ Знаменская обитель часто принимала величественный видъ; государь съ боярами и патріархъ со властьми бывали въ монастырѣ на праздникъ у малой вечерни, всенощной и у обѣдни. Передъ праздникомъ на Сытномъ дворѣ наливалась въ монастырь лампада воску. Отъ монастыря въ этотъ день подносились иконы Знаменія Богородицы, со святою водою въ вощанкахъ, всѣмъ членамъ царской фамиліи, патріарху и именитымъ боярамъ.

Палата бояръ Романовыхъ, въ возобновленномъ видѣ.

Въ царствованіе императора Петра Знаменскій монастырь претерпѣлъ многія невзгоды; въ это время слабость грунта и косогоръ оказали свое дѣйствіе на каменныя зданія и ограду монастырскія. Крыши тоже разрушились. Вдобавокъ, въ 1704 г.

сюда помѣстили колодниковъ и арестантовъ съ солдатами, въ кельяхъ у заднихъ воротъ. Послѣдніе крикомъ и прошеніемъ милостыни отгоняли богомольцевъ отъ монастыря; къ довершенію бѣдъ послѣдовавшій въ 1720 году указъ о каменныхъ мостовыхъ въ конецъ разорилъ этотъ монастырь, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ улицами; имѣя еще въ городѣ за Москвою-рѣкою землю, онъ долженъ былъ вымостить болѣе 500 квадр. саж. Троицкій пожаръ 1737 года, испепелившій большую и лучшую часть Москвы, нанесъ также не малый вредъ монастырю.

Императрица Елисавета въ 1743 году повелѣла исправить ветхости въ монастырѣ и возобновить старинное жилище Романовыхъ. Въ 1776 году профессоръ Чеботаревъ еще видѣлъ остатки «родительскаго дома фамиліи Романовыхъ». Позднѣе, для поддержанія монастыря, «Романовская палата» отдавалась въ наемъ разнымъ лицамъ; здѣсь жили московскій купецъ Иванъ Болховитиновъ, грекъ купецъ Метакса и затѣмъ другой нѣжинскій грекъ Георгій Горголи. Послѣдній кое-какъ починилъ палаты.

Въ годъ отечественной войны въ монастырѣ помѣщался французскій провіантмейстеръ, бывшій прежде въ русской службѣ, и монастырь уцѣлѣлъ отъ огня и разрушенія; по выходѣ французовъ здѣсь на время жилъ архіепископъ Августинъ. Архивъ монастырскихъ дѣлъ отъ основанія монастыря до конца XVIII вѣка, во время 1812 года, былъ заставленъ въ ризницѣ въ углубленіи каменной стѣны неподвижными шкафами и сохранился тоже въ цѣлости.

Послѣ 1812 года монастырь кое-какъ поправили, но дѣлать дальнѣйшія поправки въ немъ комиссія не допустила, потому что зданіе выступало за проектированную линію по Варваринской улицѣ. Въ 1821 году архимандритъ Аристархъ входилъ съ прошеніемъ къ митрополиту Филарету, предполагая сломать палату Романовыхъ и вмѣсто нея построить новую, но разрѣшенія на это не получилъ.

Въ 1858 году, по повелѣнію императора Александра Николаевича, августа 31-го, начали возобновлять прародительскую палату бояръ Романовыхъ, находящуюся на углу монастыря по Варваринской улицѣ и Псковской горѣ. На закладкѣ при входѣ на паперть государя встрѣтилъ митрополитъ Филаретъ, съ напрестольнымъ крестомъ въ рукѣ—вкладомъ матери царя Михаила, великой инокини Мареы. При митрополитѣ стоялъ придворный протодіаконъ съ кадиломъ патріарха Филарета Никитича. Подъ сѣнію хоругвей оба іеромонаха держали въ рукахъ храмовой образъ Знаменія Богоро-

дицы, родовой бояръ Романовыхъ, царское моленье Михаила Θеодоровича.

Въ приготовленное мѣсто для закладки государемъ и августѣйшей фамиліей были положены новыя и древнія монеты, поднесенныя членами комиссіи по постройкѣ. Такъ, И. Снегиревымъ были поданы на блюдѣ серебряныя и золотыя монеты чекана 1856 года, въ память коронованія государя—годъ, въ который повелѣно возобновить Романовскую палату; А. Вельтманомъ—золотыя и серебряныя монеты 1858 года, въ свидѣтельство дѣйствительнаго начала работъ для обновленія этого древняго памятника; г. Кене—золотыя и серебряныя монеты временъ царя Михаила Θеодоровича въ память того, что въ означенномъ домѣ родился и возросъ этотъ государь, первый изъ поколѣнія Романовыхъ; извѣстнымъ нашимъ археологомъ архитекторомъ А. А. Мартыновымъ—серебряныя монеты царствованія Іоанна Грознаго, какъ свидѣтельство, что зданіе было построено при этомъ государѣ.

Возобновленіе палаты было окончено 22-го августа 1859 года и она освящена въ этотъ же день въ присутствіи государя императора. Древняя боярская палата была построена въ четыре этажа: первый, подвальный этажъ, или такъ называемые въ древности погребье съ ледникомъ и медушею; второй, нижній этажъ или подклѣтье съ людскою, кладовою, приспѣшнею или поварнею; третій, средній этажъ, или житье съ сѣнями, дѣвичьею, дѣтскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, гдѣ находятся—вышка, опочивальня и свѣтлица.

Всѣ комнаты внутри были убраны старинными предметами или сдѣланными по стариннымъ образцамъ. На восточной сторонѣ палаты въ среднемъ жильѣ выступаетъ висячее крыльцо или балконъ, глядѣльня. Надъ нимъ въ клеймѣ—гербъ Романовыхъ; подъ нимъ въ нишѣ—надпись на камнѣ, начертанная уставною вязью, гласящая, при комъ и когда начата и окончена постройка.

До 1771 года въ Знаменскомъ монастырѣ существовало кладбище, на которомъ было погребено значительное число разныхъ лицъ, что доказываютъ часто находимые въ землѣ надгробные памятники при новыхъ постройкахъ.

Ив. Снегиревъ говоритъ, что въ 1748 г., по Высочайшему повелѣнію, были дѣланы запросы: гдѣ находится палатка въ Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ погребенъ былъ Карпъ юродивый, и не было ли отъ него чудесъ, не поютъ ли надъ нимъ панихиды, и проч.?

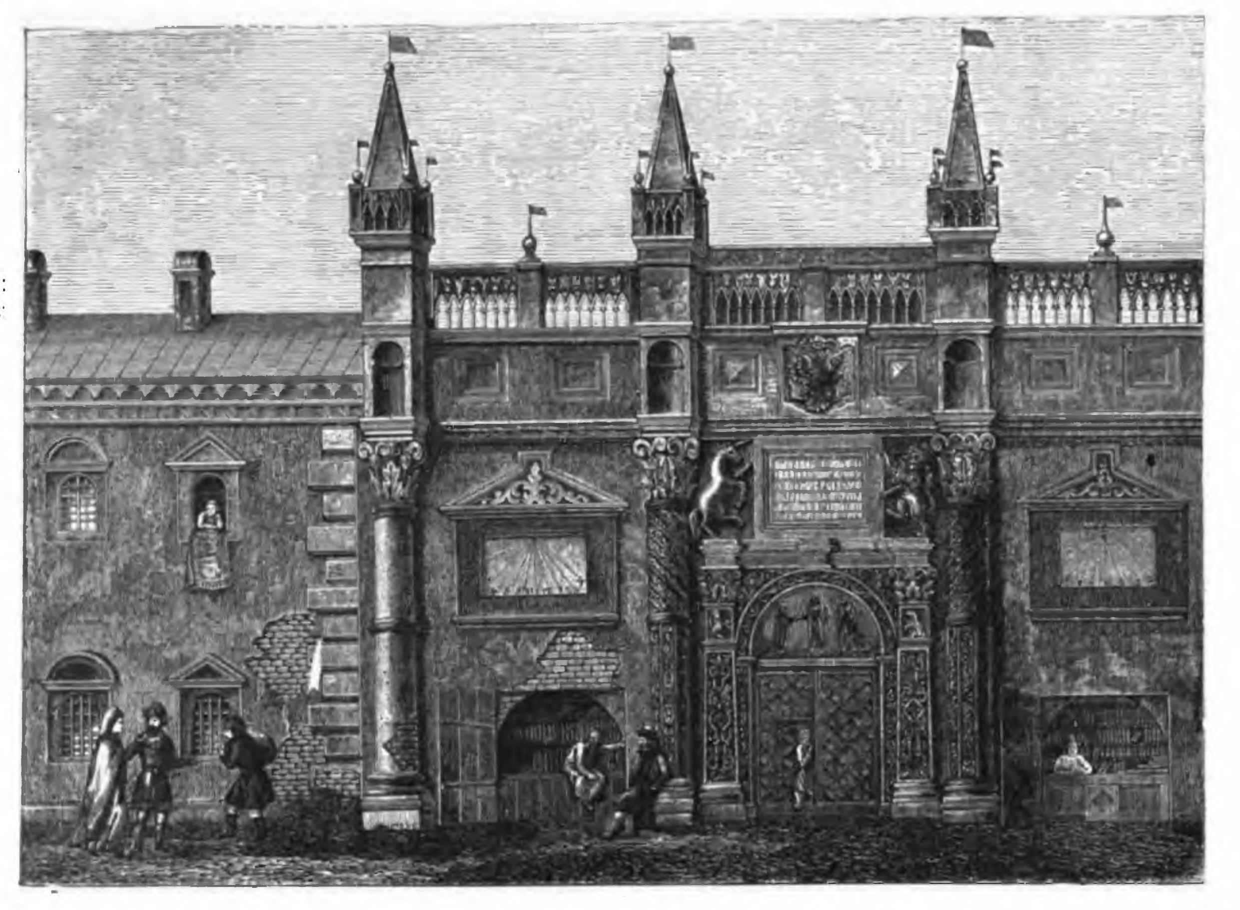
Въ числѣ историческихъ зданій въ Китаѣ-городѣ находится Заиконоспасскій монастырь. Названіе свое онъ получилъ отъ того,

что стоитъ за Иконнымъ рядомъ и главная церковь въ немъ во имя Нерукотвореннаго Образа Всемилостиваго Спаса. Построенъ монастырь по повелѣнію царя Алексѣя Михаиловича и по обѣщанію боярина Ѳедора Волконскаго въ 1660 году. Монастырь этотъ особенныхъ достопамятностей не имѣетъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ существовала сто тридцать лѣтъ Славяно-греко-латинская Академія, давшая многихъ замѣчательныхъ лицъ, пріобрѣтшихъ въ наукѣ и государственной дѣятельности извѣстность.

Домъ, гдѣ помѣщалась академія, былъ каменный трехъ-этажный, съ хорами, надъ воротами была надпись: «Славено-греко-латинская Академія», поверхъ надписи висѣла картина съ изображеніемъ горящей свѣчи, съ надписью: «Non mihi sed aliis». Эта вывѣска существовала до 1812 года. Исторія возникновенія этой академіи слѣдующая. Іерусалимскій іеромонахъ Тимоѳей первый представилъ царю Ѳедору Алексѣевичу о необходимости учебнаго заведенія въ Москвѣ. «Царь[99]), услыша сіе, умилился, и взявъ совѣтъ отъ патріарха Іоакима, дозволилъ Тимоѳею «насадити и умножити ученіе».

Извѣстно, что еще царь Борисъ Годуновъ думалъ о заведеніи въ Москвѣ училищъ и приглашалъ нѣмецкихъ ученыхъ въ столицу, но въ исполненіи своего желанія встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства. Благодушная старина боялась западной новизны; наше образованіе тогда ограничивалось немногимъ болѣе знанія букваря.

Въ академію въ первое время было принято тридцать человѣкъ; въ помощь Тимоѳею были даны еще два учителя, изъ грековъ же. Для чтенія, письма и языка «греческаго міра» — Мануилъ, и на тотъ же предметъ и для свободныхъ наукъ—греческій іеромонахъ Іоакимъ. Царь и патріархъ ежедневно посѣщали не только училище, но и заведенную при немъ типографію. Вскорѣ потребованы были царемъ отъ вселенскихъ патріарховъ и другіе учителя, но ихъ уже государь не дождался; они прибыли послѣ его кончины. Это были братья Лихуды, іеромонахи Іоанникій и Софроній. Первыми учениками типографскому искусству поступило пять человѣкъ: Алексѣй Кириловъ, Николай Семеновъ, Ѳедоръ Поликарповъ, Ѳедоръ Агѣевъ, Іосифъ Аѳанасьевъ и монахъ Чудовскаго монастыря Іовъ. Въ то же время указано синклитскимъ и боярскимъ дѣтямъ учиться въ той же новозаведенной школѣ. Изъ наукъ, на двухъ языкахъ — греческомъ и славянскомъ, преподавались: риторика, діалектика, логика и физика; грамматика же и піитика только на греческомъ. Переводчиками необходимыхъ книгъ были



Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ «Древностяхъ Россійскаго Государства».

ученики, и ученое дѣло шло весьма хорошо; но тутъ явились — Сильвестръ Медвѣдевъ и другъ его Ѳедоръ Шекловитовъ и училище едва не было закрыто. Медвѣдевъ [100]) и Шекловитовъ были казнены, но друзья и родственники казненныхъ продолжали питать начатую злобу.

Патріархъ Адріанъ повѣрилъ клеветѣ и разослалъ учителей по монастырямъ. Мѣсто ихъ заняли ученики ихъ, Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ; но они учили только на одномъ еллино-греческомъ языкѣ. Дальнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній объ академіи мы не приводимъ.

Въ исторіи академіи различаютъ три періода. Первый — отъ Лихудовъ до Палладія Роговскаго [101]), 1685—1700 гг.; въ это время преобладаетъ образованіе греческое и академія называется эллино-греческою. Второй—отъ Палладія Роговскаго до временъ митрополита Платона, 1700—1775 гг.; характеръ образованія въ эту эпоху чисто латинскій и академію зовутъ латинскою или славяно-латинскою. Третій періодъ—отъ временъ Платона до преобразованія академіи и перемѣщенія ея въ Троицкую лавру, 1775—1814 гг.; въ это время называется она—академія славяно-греко-латинская; съ послѣдняго года сюда переводится изъ монастыря св. Николая на Перервѣ московская семинарія, а тамъ остается низшее духовное училище. Академія управлялась ректоромъ и префектомъ или инспекторомъ; по уставу академіи послѣдніе должны быть такими, «которыхъ ученіе и труды уже извѣстны», а префектъ долженъ быть «не вельми свирѣпый и не меланхоликъ» и оба должны быть «тщательны въ своемъ дѣлѣ».

Начальникамъ академіи давались многія ученыя порученія. Такъ, ректору въ 1722 г. были даны взятыя въ лавкахъ на Спасскомъ мосту писанныя подозрительныя тетради и такъ называемыя волшебныя тетради; пойманныхъ съ такими тетрадями наказывали плетьми и потомъ отсылали къ ректору на увѣщаніе. Полиція, находя волшебныя записи, гадательныя книги у простодушныхъ людей, зараженныхъ суевѣріемъ и обольщавшихъ колдовствомъ, отсылала ихъ къ ректору академіи.

Такъ, въ 1726 году были найдены такого рода письма у одного іеродіакона Прилуцкаго монастыря, Аверкія, который для вразумленія былъ представленъ ректору Гедеону. Любопытный также случай разсказывается въ бумагахъ этого же года. Къ ректору Гедеону изъ полиціймейстерской канцеляріи былъ присланъ дворовый человѣкъ князя Долгорукова, Василій Даниловъ, который, вступивъ въ сношеніе съ дьяволомъ, укралъ по его наущенію золотую ризу съ иконы Богоматери и попался въ руки правосудія,

отъ которыхъ, не смотря на просьбы, не былъ избавленъ дьяволомъ. Ректоръ долженъ былъ выслушать исторію его видѣній и, по двухдневномъ увѣщаніи, возвратилъ его въ полицію. Присылали для увѣщеванія «записного бородача и раскольника» и иконоборца, который въ воскресную литургію зажегъ смоляными щепами образъ Спасителя.

Къ лицамъ, требовавшимъ увѣщанія, относили и такихъ, которыя впадали въ задумчивость и въ душевное разстройство. Въ этихъ случаяхъ предписывалось психическое врачеваніе больного. Въ 1744 году къ ректору Порфирію былъ присланъ студентъ Академіи Наукъ, Яковъ Несмѣяновъ, впавшій въ «меленхолію». Въ бумагѣ предписано: «опредѣля его къ кому изъ учителей, велѣть разговаривать и увѣщевать, и притомъ усматривать, не имѣетъ ли онъ въ законѣ Божіи какого сумнѣнія». Ученики въ академіи были всякаго званія. Въ 1736 году сюда поступило 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и другіе. Среди этого общества находились подъяческіе, канцелярскіе, дьяческіе, солдатскіе и конюховы дѣти. А также во главѣ общества учениковъ почти во время каждаго курса находились лица, имѣвшія уже іерархическія степени, священники, дьяконы и монашествующіе.

Часто студента богословія, не окончившаго курса, опредѣляли въ одну изъ церквей священникомъ, но онъ обязанъ былъ ходить въ академію до окончанія курса. Число учениковъ простиралось отъ 200 до 600, годы ученія иногда тянулись до двадцати лѣтъ и нерѣдко случалось, что студенты богословія кончали 35-ти лѣтъ. Не имѣвшихъ способности къ ученію, но отличавшихся добрымъ поведеніемъ, держали въ академіи, ожидая, не откроется ли у нихъ современемъ дарованія, и если ожиданія были тщетны и ученикъ приходилъ въ зрѣлыя лѣта, его исключали. Въ 1736 году такихъ «непонятливыхъ и злонравныхъ» было исключено сто человѣкъ, двухъ новокрещенныхъ калмыковъ держали въ одномъ классѣ девять лѣтъ и, наконецъ, исключили по неспособности къ ученію.

Вообще начальство не любило карать учениковъ исключеніемъ и выгоняло только тогда, когда «буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокоривъ и, буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть ему невозможно, хотя бы и остроуменъ былъ, выслать изъ академіи, чтобы бѣшеному меча не дать».

Экзамены въ академіи были торжественные и продолжались три дня въ собраніи многочисленныхъ посѣтителей. Диспуты открывались пѣніемъ учениковъ иногда съ присоединеніемъ оркестра. Диспуты риторическіе и піитическіе состояли въ разговорахъ нѣсколькихъ учениковъ о какомъ нибудь предметѣ изъ области природы, науки или искусства, въ чтеніи стихотвореній, въ произнесеніи рѣчей и т. д.

Къ торжественнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ принимали участіе ученики, принадлежали встрѣчи царственныхъ особъ; такъ, послѣ полтавской побѣды, учениками на Никольской улицѣ, около академіи, были говорены разныя ораціи, у академіи были устроены тріумфальныя ворота, украшенныя эмблематическими картинами съ латинскими и греческими надписями. Когда процессія приблизилась, ученики въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ вышли на встрѣчу государя, полагали предъ нимъ вѣнки и вѣтви и пѣли канты.

Изъ академіи вышло много замѣчательныхъ лицъ прошедшаго столѣтія; здѣсь получилъ образованіе извѣстный сатирикъ князь Антіохъ Кантемиръ; онъ, еще будучи 11 лѣтъ, сочинилъ на греческомъ языкѣ похвальное слово Дмитрію Солунскому, которое и говорилъ съ дозволенія Петра Великаго, въ его присутствіи въ церкви Заиконоспасскаго монастыря. Въ этой же академіи былъ первый по успѣхамъ Ломоносовъ и, вступивъ въ классъ піитики, написалъ свой чуть не первый опытъ стихами:

Услыхали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли;
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ! плачутъ убоги,
Меду полизали
А сами пропали.

За этотъ поэтическій опытъ учитель его, Θедоръ Квѣтницкій (впослѣдствіи архіепископъ Θеофилактъ), подписалъ ему: «pulchre».

Здѣсь же получилъ свое образованіе сынъ купца изъ Гороховца Михаилъ Ширяевъ, бывшій впослѣдствіи любимцемъ Петра Великаго; онъ писалъ стихотворенія и жилъ у царя при дворѣ, государь называлъ его княземъ, великимъ ораторомъ; Петръ любилъ его за острый умъ. Въ этомъ же заведеніи воспитывался извѣстный своими лирическими произведеніями Василій Петровъ, лю-

бимецъ свѣтлѣйшаго князя Тавриды и придворный библіотекарь императрицы Екатерины II.

Также значится ученикомъ академіи Иванъ Магницкій, сочинитель первой ариѳметики, напечатанной въ 1703 году. Первый профессоръ философіи Московскаго университета, Николай Поповскій, тоже былъ одинъ изъ учениковъ академіи. Поповскій считается также первымъ издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей». Извѣстный своимъ описаніемъ Камчатки С. П. Крашенинниковъ тоже получилъ свое образованіе въ этой академіи.

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ «Древностяхъ Россійскаго Государства».

Первый переводчикъ гомеровой «Иліады», не менѣе популярный піита своего времени, Ермилъ Ивановичъ Костровъ тоже обучался сперва въ этой академіи и затѣмъ уже окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью бакалавра.

Здѣсь же окончилъ курсъ богословскихъ наукъ другой піита, Петръ Буслаевъ, служившій дьякономъ въ Успенскомъ соборѣ. Онъ напечаталъ въ 1734 году поэму на смерть Строгановой, про которую Тредьяковскій сказалъ: «Если бы въ стихахъ Буслаева

было паденіе стопъ, возвышающихся и понижающихся, что могло-бъ быть и глаже и плавнѣе Буслаева стиховъ?»

Изъ числа учениковъ академіи можно назвать еще В. Г. Рубана, издававшаго три журнала, написавшаго исторію Малороссіи, описаніе городовъ: Петербурга и Москвы, затѣмъ нѣсколькихъ любопытныхъ календарей и переводившаго много книгъ съ греческаго и латинскаго языка, затѣмъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, Антона Барсова—соредактора перваго редактора «Московскихъ Вѣдомостей», и знаменитаго архитектора В. И. Баженова, украсившаго Москву и Петербургъ многими капитальными зданіями. Въ аудиторіи академіи стекались слушатели всѣхъ сословій.

Изъ всегдашнихъ посѣтителей здѣсь встрѣчались оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ, графъ Ив. А. Остерманъ. Изъ посѣтителей были и такіе, что приводили къ каѳедрѣ своихъ дѣтей, повторяя имъ, чтобы они слушали и помнили здѣшнихъ проповѣдниковъ.

Изъ замѣчательныхъ зданій Китая-города по Никольской улицѣ находимъ «домъ Синодальной типографіи», въ древности извѣстный подъ именемъ «Печатнаго двора», построеннаго въ 1553 году по повелѣнію царя Ивана Васильевича. Въ первое время это большое каменное зданіе было о двухъ житьяхъ, или этажахъ, съ подклетами или погребами; оконницы въ немъ были слюдяныя, кровли и другія пристройки деревянныя.

Самый типографскій дворъ былъ огороженъ острымъ деревяннымъ тыномъ, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ кровлею. Въ 1643 году, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, на печатномъ дворѣ, на пространствѣ въ длину 39 саженъ по Никольской улицѣ, были сооружены двухъэтажныя каменныя палаты, а два года спустя была окончена постройка каменныхъ воротъ съ башнею. Надворная башня имѣла въ вышину 13 саженъ.

Зданіе этого двора красивой готической архитектуры, смѣшанной съ арабскимъ и итальянскимъ вкусомъ; въ срединѣ воротъ надъ створами въ большомъ овалѣ лѣпное изображеніе всевидящаго ока въ лучахъ.—Въ бель-этажѣ надъ воротами находятся вѣрнѣйшіе солнечные часы; послѣднихъ двое и помѣщены они по сторонамъ въ симетріи.

На срединѣ надъ бель-этажемъ англійскій гербъ. Послѣдній повелъ къ предположенію, что будто домъ этотъ нѣкогда принадлежалъ англійскимъ посламъ, и что царь Алексѣй Михаиловичъ, разгнѣванный на нихъ за то, что они умертвили своего законнаго короля Карла I, отнялъ его отъ нихъ.

Но это предположеніе вполнѣ опровергается слѣдующею надписью на домѣ: «Божіею милостію и повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Михаила и сына его государева царевича великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи, сдѣлана бысть сія палата на дворѣ надъ воротами книгопечатнаго тисненія въ лѣто 7155 (1645) мѣсяца іунія въ 30 день».

Эта надпись, какъ видимъ, относится только къ наружному на улицу строенію, а не къ тому, что находится внутри двора. По-

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ «Древностяхъ Россійскаго Государства».

слѣднее, какъ извѣстно, построено Іоанномъ Грознымъ, который первый завелъ въ Москвѣ печатный дворъ; думать надо, что фигуры коня и единорога, почитаемыя за гербъ Англіи, есть не что иное, какъ гербъ самого Грознаго царя московскаго, который употреблялъ фигуры этихъ животныхъ на своей печати.

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича на печатномъ дворѣ была совершена слѣдующая еще пристройка, въ сентябрѣ 1681 года; по царскому указу велѣно весь иконный рядъ, который находился на Никольской улицѣ, идя отъ Кремля на лѣво впередъ Заиконо-

спасскаго монастыря, перемѣстить на печатный дворъ, гдѣ и выстроено было для иконныхъ торговцевъ по обѣимъ сторонамъ двора десять деревянныхъ лавокъ.

Торговля иконами на большой проѣзжей улицѣ найдена была въ это время неприличною—царь указалъ по своему именному указу, что въ Китаѣ-городѣ, на Никольскомъ крестцѣ, чтобъ промѣнъ св. иконъ и иконный рядъ были въ сокровенномъ мѣстѣ, а не на большой проѣзжей улицѣ...

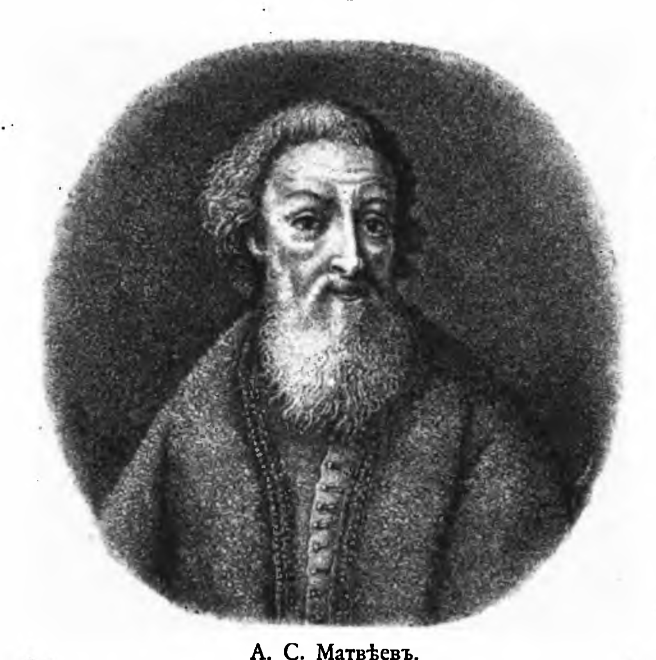
Въ царствованіе Михаила Θеодоровича въ Москвѣ уже получались многія печатныя нѣмецкія вѣдомости; при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Москва уже получала до двадцати иностранныхъ газетъ и журналовъ.

Въ посольскомъ приказѣ тогда было 50 переводчиковъ и 70 толмачей для греческаго, латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго, польскаго и татарскаго языковъ. Для государя и двора они переводили изъ газетъ статьи о замѣчательныхъ явленіяхъ въ мірѣ физическомъ и политическомъ, о достопамятностяхъ историческихъ и географическихъ въ чужихъ краяхъ и т. д.

Такія ихъ выписки, извѣстныя подъ именемъ «Курантовъ», хранятся въ Москвѣ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Куранты въ формѣ свитковъ столбцами и переписаны на нѣсколькихъ листахъ склеенной бумаги; переписываемыя досужными грамотѣями, газетныя статьи нерѣдко входили въ составъ сборниковъ-алманаховъ того времени: письменные куранты послужили предуготовленіемъ къ печатнымъ русскимъ газетамъ.

Первое путешествіе Петра заграницу показало ему, какое имѣютъ значеніе, ходъ и нравственную силу въ народѣ газеты; это внушило ему мысль замѣнить письменные куранты печатными русскими газетами, которыя бы сообщали народу извѣстія о военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ; 16-го декабря 1702 г. послѣдовало именное повелѣніе Петра о печатаніи газетъ. Первый нумеръ «Вѣдомостей» появился въ Москвѣ 2-го января 1703 г. Относительно появленія первыхъ «Вѣдомостей» въ печати было высказано много библіографическихъ противорѣчій и неточностей. Академикъ Георги говоритъ, что онѣ восприіяли начало въ 1708 году, Сопиковъ высказываетъ, что онѣ появились въ 1728 г., очевидно, смѣшивая ихъ съ петербургскими академическими, которыя дѣйствительно явились на свѣтъ въ это время. Теперь доказано, что «Вѣдомости» появились въ началѣ 1703 года и съ этого времени изданіе безпрерывно продолжалось до 1728 года. Печатали ихъ въ восьмую долю листа, церковными буквами, но уже съ 1704 года царь сталъ

заботиться о перемѣнѣ шрифта, придавая ему округленность латинскихъ буквъ. Въ слѣдующемъ году онъ заказалъ такой шрифтъ въ Амстердамѣ. «Вѣдомости» печатались въ количествѣ тысячи экземпляровъ; предполагаютъ, что редакторомъ ихъ былъ графъ Ѳ. А. Головинъ. Типъ нынѣшней нашей гражданской печати «Вѣдомости» имѣютъ только съ 1717 года; по преданію, Петръ самъ держалъ иногда корректуру. Но какъ въ Москвѣ немного было «охочихъ грамотѣевъ», то и газеты не имѣли большого распространенія и дѣйствія, хотя царь и завелъ для этого, по образцу



А. С. Матвѣевъ.
Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изданному въ 1776 году.

иностранному, австеріи, т. е. ресторацiи, куда заманивалъ читать даровымъ угощеніемъ. «Нашъ народъ», говорилъ Петръ I, «яко дѣти, не ученія ради, но которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены будутъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ».

Первыми же заводчиками и художниками типографскаго дѣла въ Москвѣ были при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ—діаконъ Кремлевской церкви Николая Гостунскаго Іоаннъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, по прозванію «Мстиславецъ». Напечатанная ими книга была «Апостолъ»; издана книга была «подъ надзираніемъ датча-

нина Ганса или Ивана Бодбиндера, копенгагенскаго уроженца, какъ гласитъ предисловіе или, вѣрнѣе, «послѣсловіе», потому что въ старыхъ книгахъ до Никона титулъ и предисловіе печатались не въ началѣ, а въ концѣ.

Гдѣ стоитъ нынѣшній Николаевскій греческій монастырь, встарину тамъ находился монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ, извѣстный подъ именемъ Николы Стараго и Большая глава и, «что у крестнаго цѣлованія», какъ говоритъ Н. Соловьевъ [102]); послѣднее названіе обитель носила потому, что въ ея церкви были приводимы къ присягѣ подсудимые въ сомнительныхъ случаяхъ. Видѣвшій эту обитель въ XVII вѣкѣ Рейтенсфельсъ разсказываетъ, что она «малымъ чѣмъ уступала греческому кварталу въ Римѣ».

Набожные обитатели этой мѣстности, проходя по вечерамъ мимо часовни, заходили помолиться и брали изъ нея огонь въ сумерки, которымъ зажигали свѣчи и ночники въ своихъ домахъ. Этотъ обычай существовалъ до царствованія Екатерины II. Іоаннъ Грозный далъ монастырь аѳонскимъ монахамъ для временного пребыванія; позднѣе, при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ, это подворье называлось Аѳонскимъ, и здѣсь въ первое время помѣщалась Иверская икона Богородицы. Въ этой церкви погребены молдавскій господарь князь Дмитрій Кантемиръ и нѣсколько грузинскихъ князей.

На мѣстѣ, на которомъ помѣщается теперь гостинница «Славянскій базаръ», при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ стоялъ домъ ближняго его боярина и стольника (чашника) князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, послѣдняго изъ рода этихъ князей; женатый на одной изъ дочерей Спѣшнева, онъ приходился свойкомъ царю.

Князь былъ любимцемъ царя: въ путешествіяхъ онъ сидѣлъ съ нимъ въ одной каретѣ по правую руку; ему въ отсутствіи государя поручаемъ былъ городъ; онъ былъ въ числѣ первыхъ совѣтниковъ царя въ государственныхъ дѣлахъ, и при торжественныхъ засѣданіяхъ и церковныхъ обрядахъ, какъ старшій сановникъ, нерѣдко замѣнялъ самого царя. Воротынскому поручался также пріемъ иностранныхъ пословъ, которымъ царь хотѣлъ оказать особую почесть. Князь умеръ въ 1680 году и погребенъ въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей въ Китаѣ-городѣ находится древній храмъ во имя Живоначальной Троицы, въ поляхъ; слово «въ поляхъ» понимается не въ прямомъ его значеніи, а въ смыслѣ «поединка». Татищевъ говоритъ въ примѣчаніи своего «Судебника»:

«Поле разумѣемъ поединокъ—предъ судьями биться палками во дѣлахъ, неимущихъ достаточнаго доказательства; ибо ротою, т. е. клятвою или присягою утверждать или оправдаться опасались душевредства». Судебнымъ дѣломъ рѣшались самыя важныя запутанныя тяжбы—такой судъ звали «Судомъ Божескимъ». Приступающіе къ поединку облекались всегда въ полные доспѣхи и вооружались ослопами, т. е. дубинами, но уже съ XVI столѣтія употребляли и другія оружія. Бой происходилъ на назначенномъ мѣстѣ на обширной полянѣ, со всѣхъ сторонъ огороженной, въ присутствіи судей.

Кто одолѣлъ, тотъ былъ правъ, а уступившій силѣ своего противника признавался виновнымъ и платилъ пошлину чиновнику и служителямъ, которые должны были присутствовать при боѣ и наблюдать за порядкомъ. Алексѣевъ, составитель церковнаго словаря, говоритъ, что такое поле—«у Троицы въ Поляхъ» [103]), за городскою стѣною на берегу рѣчки Неглинной, гдѣ были три полянки съ нарочною канавой; здѣсь тягавшіеся дрались до крови, а иногда и другъ друга до смерти убивали. Онъ же описываетъ и болѣе легкіе поединки; наприм., спорящіе становились тамъ одинъ по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонивъ головы, хватали одинъ другого за волосы и кто кого перетягивалъ, тотъ и правъ бывалъ. Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ чрезъ Неглинную. Предъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и мировую, о чемъ напоминаетъ намъ старая пословица «Подавайся по рукамъ! легче будетъ волосамъ». Въ противномъ случаѣ они хватались за волосы.

Церковь Троицы въ поляхъ была построена въ 1657 году бояриномъ Мих. Мих. Салтыковымъ, роднымъ племянникомъ матери царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи принявшимъ схиму подъ именемъ Мисаила. Про этого Салтыкова разсказываетъ Яблочковъ [104]), что онъ со своимъ братомъ Борисомъ, до пріѣзда государева отца, патріарха Филарета, изъ Польши, пользовались мягкосердіемъ и малоопытностью молодого царя, только и дѣлали, что себя и родню свою богатили, земли крали и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобы при государевой милости, кромѣ себя, никого не видѣть.

Они изъ личныхъ выгодъ разстроили бракъ государя съ дѣвицей Хлоповой, оговоривъ ее въ неизлечимой болѣзни. По пріѣздѣ Филарета изъ Польши, патріархъ обнаружилъ преступленія Салтыковыхъ, сославъ ихъ въ ссылку, мать ихъ заключили въ монастырь, помѣстья и вотчины отобрали въ казну за то, что они государской радости и женитьбѣ учинили помѣшку. Но по смерти

Филарета Никитича царь немедленно возвратилъ Салтыковыхъ съ прежними чинами.

До постройки церкви во имя Живоначальныя Троицы Салтыковымъ, здѣсь была прежде церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца, построенная, какъ полагають, какимъ нибудь оправданнымъ судомъ Божіимъ въ знакъ благодаренія.

При земляныхъ работахъ въ близь лежащихъ къ этой церкви домахъ найдена въ разное время большая масса костей человѣческихъ, хорошо сохранившихся парчевыхъ лоскутковъ, башмаковъ и т. п. вещей, свидѣтельствующихъ, что здѣсь когда-то было большое кладбище.

Такъ, въ 1825 году при рытіи рвовъ, на глубинѣ семи аршинъ, были найдены двѣ каменныя растреснувшія гробницы изъ цѣльныхъ камней, съ крышами изъ бѣлой плиты, безъ надписей. Обѣ гробницы были сдѣланы въ мѣру человѣка; въ такихъ въ древности погребали богатыхъ и знаменитыхъ умершихъ вмѣсто нынѣшнихъ склеповъ или могильныхъ сводовъ. Въ одной изъ нихъ видны были остатки длинныхъ волосъ и подошвы отъ башмаковъ, а костей мало.

Много намогильныхъ плитъ, камней и монументовъ было уничтожено повсемѣстно при церквахъ въ 1722 году. Когда въ этомъ году послѣдовалъ указъ, по которому предписывалось «обрѣтающіеся въ Москвѣ у приходскихъ церквей, также и у монастырей положенные надъ гробами погребенныхъ тамо человѣческихъ тѣлесъ камни, которые лежатъ неуравнено съ землею, окопавъ, опустить въ землю такою умѣренностію, дабы оные съ положеніемъ мѣста лежали ровно, а ежели множество тѣхъ камней надлежащему уравненію будетъ неудобовмѣстно, то излишніе камни употребить въ церковное строеніе». Съ этого времени, полагать надо, многія историческія могилы навсегда уничтожены.

Въ Китаѣ-городѣ, въ Юшковомъ переулкѣ, имѣется церковь св. Николая, названная у Красныхъ колоколовъ. Храмъ этотъ построенъ въ 1626 году, но стиль строенія, какъ говоритъ Ив. Снегиревъ, гораздо древнѣе XVII столѣтія. Храмъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь похоронена голова мятежнаго Соковнина, посягавшаго на жизнь Петра Великаго; трупъ его былъ отвезенъ въ убогій домъ, но голову съ честью похоронили его родственники при этой церкви. Названіе церкви у «Красныхъ колоколовъ», потомъ у «Краснаго звона» и даже «у хорошихъ колоколовъ» показываетъ что она славилась еще за два вѣка своими колоколами или звономъ. Преданіе, будто она такъ названа отъ колоколовъ, покры-

тыхъ красною краской, не имѣетъ основанія; звонъ красный—значитъ веселый, благозвучный, усладительный.

Въ церковномъ уставѣ звонъ на Святой недѣлѣ именуется краснымъ. Изъ древнѣйшихъ колоколовъ на этой церкви уцѣлѣлъ только одинъ замѣчательный полиелей: на стѣнкахъ его отлиты

Прежній, старый памятникъ, стоявшій на могилѣ А. С. Матвѣева и разобранный въ 1820 году.

въ клеймахъ три лиліи съ буквами «Е. Т.» и сбивчивая надпись: Expoir en tout..... de ce cloche es Chenaem st. tas en fraci». Неизвѣстно, откуда и когда поступилъ этотъ древній колоколъ. Но извѣстно, что во время счастливой войны царя Алексѣя Михаиловича съ Польшею, во многіе города Россіи и даже въ Сибирь

были посланы вмѣстѣ съ поляками и литовцами и плѣнные колокола. Колокола на Руси дѣлятся на царскіе, плѣнные, ссыльные, золоченые и лыковые.

Первые колокола при церквахъ на Западѣ введены въ употребленіе въ концѣ VI вѣка. Изобрѣтеніе колоколовъ приписываютъ Павлину, епископу нольскому, что въ Кампаньи; думаютъ, что отъ этого и произошло латинское ихъ названіе Campena и Nola; во Франціи они введены съ 550 года. Въ XI вѣкѣ построены въ Аугсбургѣ при главномъ соборѣ обѣ колокольни, и на нихъ повѣшены два большихъ колокола. Въ Парижѣ при церкви Богоматери повѣшенъ большой колоколъ въ 1680 году; онъ имѣлъ въ окружности 25 футовъ и вѣсилъ 310 центнеровъ. Но вылитый въ Вѣнѣ въ 1711 году вѣсилъ 334 центнера; одинъ языкъ его въ 8 центнѐровъ и въ длину 9 футовъ. Величайшимъ колоколомъ въ Австріи считается ольмюцкій; вѣсъ его 358 центнеровъ.

Но всѣ эти колокола передъ колоколами на Иванѣ Великомъ, на храмѣ Спасителя и въ Троицкой лаврѣ кажутся пигмеями, не говоря уже о томъ, который лежитъ въ Кремлѣ и носитъ названіе «Царь-колоколъ». Послѣднее названіе имѣлъ у насъ встарину еще другой колоколъ, висѣвшій въ брусяномъ срубѣ между Ивановской колокольней и соборами Успенскимъ и Архангельскимъ. Онъ былъ вѣсомъ въ тысячу пудовъ и отлитъ около половины XVI вѣка. Въ него ударяли три раза, съ большою разстановкою, въ рѣдкихъ случаяхъ: какъ напр. при смерти царя или патріарха. Впослѣдствіи онъ былъ перелитъ, съ добавленіемъ мѣди, названъ «Праздничнымъ» и повѣшенъ на пристройкѣ къ Ивану Великому.

Свѣдѣнія о большомъ колоколѣ, лежащемъ въ землѣ, близь Ивановской колокольни, крайне сбивчивы. Одни полагаютъ, что отломокъ края у него произошелъ отъ неискуснаго литья, другіе, напротивъ, увѣряютъ, что онъ былъ отлитъ, поднятъ и висѣлъ подъ шатромъ на столбахъ, но отъ дѣйствія огня въ случившійся пожаръ, въ 1737 году, упалъ въ яму, причемъ вышибенъ ему край ударившимся въ него брусомъ. Въ запискахъ графа Миниха находимъ о немъ слѣдующее: «Вскорѣ потомъ, когда императрица вознамѣрилась вмѣсто прежняго разбитаго преогромнаго московскаго колокола, висѣвшаго на Иванѣ Великомъ, заказать вылить другой—въ девять тысячъ пудъ, то и препоручено мнѣ отыскать въ Парижѣ искуснаго человѣка, дабы сдѣлать планъ колоколу купно со всѣми размѣреніями. По сей причинѣ обратился я къ королевскому золотыхъ дѣлъ мастеру и члену академіи наукъ

Жерменю, который по сей части преискуснѣйшимъ считается механикомъ. Сей художникъ удивился, когда я объявилъ ему о вѣсѣ колокола и сначала думалъ, что я шутилъ; но какъ послѣ его увѣрилъ, что имѣю про то Высочайшее повелѣніе, то онъ взялся сіе исправить. Принесши ко мнѣ планъ, вручилъ я его графу Головкину для отсылки; но колоколъ послѣ отлитъ не по назначенному плану, а по другому, еще въ двѣ тысячи пудовъ тяжелѣе вышепоказаннаго вѣса. Онъ вылился весьма красиво и удачно, и стоялъ уже въ готовности, чтобы поднять на колокольню, какъ по несчастію въ бывшій, въ 1737 году, въ Москвѣ большой пожаръ отъ упавшаго на него разгорѣвшагося бревна расшибся».

Отливка колокола происходила въ 1735 году по чертежамъ и моделямъ артиллеріи колокольныхъ дѣлъ мастера Ивана Ѳедоровича Маторина, и вышла очень удачна. Колоколъ пострадалъ отъ пожара, жертвою котораго сдѣлалась большая часть Кремля. Пожаръ произошелъ во время обѣдни въ день св. Пятидесятницы, отъ зажженной передъ образомъ копѣечной свѣчки женкою Марьею Михайловою, въ домѣ отставного прапорщика Александра Милославскаго (съ этого времени стала извѣстна на Руси пословица: «Москва отъ копѣечной свѣчи сгорѣла»). Предположенія о перелитіи расшибленнаго уже колокола начались съ 1747 г., брался его перелить мастеръ Слизовъ, который переливалъ другіе колокола, находящіеся на Ивановской колокольнѣ.

Потомъ еще въ 1770 году архитекторъ Форстенбергъ придумалъ еще впаять вышибленный край въ колоколъ, увѣряя, что отъ этого ни мало не пострадаетъ звукъ колокола. Въ настоящее время такая починка возможна при электрической спайкѣ, изобрѣтенной г. Бернадосомъ.

Царь-колоколъ превосходитъ своею величиною всѣ извѣстные колокола на земномъ шарѣ. Онъ первоначально отлитъ былъ съ прибавкою мѣди отъ разбившагося Годуновскаго колокола и содержитъ въ себѣ вѣсу 12,327 пудовъ и 19 фунтовъ, вышиною въ 19 футовъ и 3 дюйма, а окружностью въ 60 футовъ и 9 дюймовъ; стѣны его толщиною равняются двумъ футамъ. Съ наружной стороны, вверху, отлиты грудныя изображенія царской фамиліи, а въ срединѣ лики московскихъ патріарховъ. Надпись на немъ слѣдующая: «Блаженныя и вѣчно достойныя памяти вел. гос. царя и вел. кн. Алексѣя Мих., всея Вел. и Мал. и Бѣл. Руси самодержца повелѣніемъ къ первособорной церкви Пресвятыя Успенія Богородицы, слитъ былъ великій колоколъ осмь тысячъ пудъ мѣди въ лѣто 1654 г.; изъ мѣди сего благовѣстить началъ въ лѣто 1668 г.

и благовѣстилъ до лѣта 1700 г., въ которое мѣсяца іюня 19-го дня отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара поврежденъ... до 1731 г. пребылъ безгласенъ. Благочестивѣйшія, самодержавнѣйшія вел. гос. имп. Анны Іоанновны, въ славу Бога въ Троицѣ славимаго въ честь Пресвятыя Богородицы къ первособорной церкви славнаго Ея Успенія отлить колоколъ изъ мѣди прежняго, осмь тысячъ пудъ колокола, пожаромъ поврежденнаго съ прибавленіемъ матерій двухъ тысячъ пудъ отъ созданія міра въ 7.... отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1734 г. благополучнаго ея величества царствованія въ четвертое лѣто»...

Иванъ Великій служитъ колокольней для всѣхъ большихъ кремлевскихъ соборовъ. На немъ всѣхъ колоколовъ 34, изъ которыхъ самыхъ большихъ четыре. Замѣчательный изъ нихъ «Праздничный» или «Успенскій»; вѣсу въ немъ 4,000 пудовъ. Отлитъ онъ Богдановымъ изъ стараго, разбившагося при взрывѣ 1812 года. Въ этотъ колоколъ звонятъ въ большіе праздники и ударяютъ три раза по смерти государей. Этотъ колоколъ даетъ начало торжественному звону всѣхъ московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой. Второй послѣ него «Реутъ», въ 2,000 пудовъ, отлитый въ 1689 г. мастеромъ Чеховымъ; въ 1812 г. онъ упалъ, но не разбился. Третій—«Вседневный», въ 1,017 пудовъ, отлитый изъ стараго въ 1782 году и четвертый—«Семисотенный», литый въ 1704 году. Колокола эти работы русскихъ мастеровъ: Богданова, Чехова, Завьялова и Маторина, но между другими есть здѣсь древнѣйшія иностраннаго литья. Торжественный большой колоколъ на храмѣ Спасителя, вѣсомъ 1,654 пуда, отлитъ на заводѣ Н. Д. Финляндскаго. По большей части всѣ наши глашатаи общественнаго богослуженія отлиты въ Москвѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Вяткѣ,—но не мало есть колоколовъ и иноземныхъ, не только въ Россіи, но и въ далекой Сибири. Такъ, одинъ изъ колоколовъ тобольской Богоявленской церкви, какъ гласитъ надпись на колоколѣ, отлилъ въ Амстердамѣ Иванъ де Граве: me fecit Jean Albert de Grave Amsterodami Anno Domini, 1719; въ томъ же Тобольскѣ виситъ и ссыльный углицкій колоколъ, самый замѣчательный въ историческомъ отношеніи. Онъ называется также «карноухій»,—это тотъ самый, въ который били въ Угличѣ въ набатъ, по случаю умерщвленія царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ, не терпя изобличителей своего преступленія, одушевленныхъ—отправилъ въ Пелымъ, а не одушевленнаго, съ отсѣченіемъ уха, сослалъ, въ 1593 г., въ Тобольскъ. Присланныхъ благочестивыми царями въ разные города колоколовъ насчитывается нѣсколько десятковъ.

Имѣются также еще колокола, какъ мы выше говорили — «золоченые». Такихъ небольшихъ въ городѣ Тарѣ штукъ шесть; вызолочены они однимъ любителемъ церковнаго благолѣпія. Существуютъ еще колокола и лыковые: это тоже опальные, сначала разбитые, а потомъ перевязанные лыкомъ,—такой есть въ одномъ изъ монастырей Костромской губерніи.

На колокольнѣ Ивана Великаго нѣкогда имѣлось нѣсколько колоколовъ съ историческимъ прошлымъ, но впослѣдствіи они были перелиты; изъ такихъ передѣланныхъ въ Екатерининское время извѣстенъ такъ называемый «Лебедь», онъ вылитъ былъ въ 1532 году,

Памятникъ боярину А. С. Матвѣеву, при церкви св. Николая на Столпахъ, поставленный въ 1821 году.

на немъ была надпись: «Hikiwas obraker 537» и напротивъ этихъ словъ—по-русски: «дѣлалъ Никола», вѣсу въ немъ 445 пуд. Другой такой колоколъ былъ перелитъ во времена царицы Анны, ранѣе онъ былъ вылитъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ 1556 году, и назывался «Новгородскимъ». Затѣмъ цѣлы еще тамъ по сейчасъ колокола: «Широкій», отлитый въ 1679 году, затѣмъ «Слободскій», вылитый въ 1641 году, еще «Ростовскій», вылитый въ домовый Бѣлогостинный монастырь, при царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ; изъ замѣчательныхъ тамъ же имѣется колоколъ «Медвѣдь», вылитый въ Новомъ-городѣ въ 1501 году, затѣмъ два иностранной

работы—одинъ безъ имени, другой прозванный «Нѣмчинъ»; послѣ этихъ колокола: «Глухой», «Даниловской», «Марьинскій», «Кореунскій», «Новый» и мног. другіе.

Китай-городъ, какъ ближайшій къ жилищу царя, изстари былъ самымъ аристократическимъ мѣстомъ; здѣсь стояли дома многихъ знатныхъ сановниковъ, бояръ, дворянъ и именитыхъ людей.

По тогдашнимъ правиламъ московскіе дворяне всѣ были люди служилые, должны были постоянно жить въ столицѣ, и не могли отлучаться изъ Москвы безъ царскаго отпуска, подъ страхомъ жестокаго наказанія безъ всякой пощады [105]). Но чтобы облегчить имъ службу, царь приказалъ, въ 1653 году, стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ расписать въ четыре перемѣны и до службы указалъ имъ быть въ Москвѣ, перемѣняясь по три мѣсяца. Московскіе дворяне различались по чинамъ и должностямъ.

При родовомъ составѣ дворянскаго сословія, лица изъ одного рода были постоянно въ однихъ и тѣхъ же чинахъ. Такъ, например, самый первый чинъ боярина при Алексѣѣ Михаиловичѣ получали только немногіе представители знатнѣйшихъ фамилій; члены этихъ фамилій поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничьяго.

Даже любимцевъ своихъ, большею частью изъ худородныхъ, царь съ трудомъ проводилъ до боярства. Второй чинъ окольничьяго возводился изъ родовъ менѣе знатныхъ, окольничіи были придворными, распоряжались при придворныхъ церемоніяхъ. Третій чинъ были думные дворяне; они назначались изъ добрыхъ и высокихъ родовъ, «которые еще въ честь не пришли, за причиною и недостиженіемъ»; послѣдующіе чины были: думные дьяки, спальники, стольники, стряпчіе, московскіе дворяне, дьяки, и затѣмъ жильцы.

Послѣдній чинъ былъ самый многочисленный, ихъ было до 2,000 человѣкъ; это были дѣти дворянскія, дьячьи и подъяческія, они сидѣли на царскомъ дворѣ для всякихъ посылокъ. Изъ нихъ выслуживались въ стряпчіе, стольники и думные люди—они назначались начальниками къ конницѣ, пѣхотѣ, къ рейтарамъ и солдатамъ; всѣ чины исполняли должности какъ придворныя, такъ и другія. Котошихинъ говоритъ: «Что всѣмъ боярскихъ и окольничихъ и думныхъ людей дѣтямъ первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ такова же, только по породѣ своей одни съ другими не ровны».

При царскомъ дворѣ были царевичи касимовскіе и сибирскіе, крещеные въ христіанскую вѣру. Честью они были выше бояръ, но въ думѣ не сидѣли, служба ихъ была: когда въ праздникъ царь идетъ въ церковь, они ведутъ его подъ руки и каждый день послѣдніе обязаны были быть у царя на поклоненіи; получали они

отъ царя ежемѣсячно денежный кормъ; дѣти и внуки этихъ царевичей назывались тоже царевичами.

По взятіи въ плѣнъ семейства сибирскаго царя Кучума, все семейство послѣдняго содержалось въ Посольскомъ подворьѣ въ Китай-городѣ. Только одни потомки удѣльныхъ князей назывались князьями. Котошихинъ говоритъ: «Царь московскій не можетъ никого пожаловать вновь княземъ, потому что не обычай тому есть и не повелось. Также не бываетъ и графовъ и вольныхъ господъ».

При пожалованіи въ дворяне не давали ни граматъ на дворянство, ни гербовъ. Давались только граматы на помѣстья и вотчины. Всѣ чины обязаны были ежедневно съѣзжаться къ царскому дворцу. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пріѣзжали каждый день рано утромъ къ царю ударить челомъ. Государь съ ними разговаривалъ, слушалъ дѣла, они стояли передъ царемъ, а уставши выходили сидѣть на дворъ. Пріѣзжали они къ царю и послѣ обѣда, къ вечернѣ. Они собирались всѣ наверху, въ передней палатѣ, и ждали царскаго выхода изъ покоя.

Ближніе же бояре входили прямо къ царю въ палату. Стольники, стряпчіе, жильцы, московскіе дворяне, полковники, головы не входили въ палату, оставались на крыльцѣ предъ палатами непокоевыми, другіе же чины не имѣли права доходить и до этого мѣста, оставались на площади, ожидая приказаній отъ царя. Такъ ежедневно толпились передъ дворцомъ всѣ чиновники.

Ко дворцу старики ѣхали въ каретахъ, зимою въ саняхъ, молодые — верхомъ; не доѣзжая до царскаго дворца, вдалекѣ отъ крыльца, выходили изъ каретъ, слѣзали съ лошадей и уже пѣшкомъ шли къ крыльцу. На царскій дворъ не пускали лошадей, также не смѣли ходить по немъ съ оружіемъ и кто шелъ съ оружіемъ, того пытали и казнили.

Какъ мы уже сказали, дома бояръ и ближнихъ людей находились по большей части въ Китай-городѣ. Котошихинъ говоритъ: «Бояре и ближніе люди живутъ въ домѣхъ своихъ каменныхъ и въ деревянныхъ безъ всякаго устроенія и призрѣнія. И живутъ съ женами и съ дѣтьми своими покоями и держатъ въ своихъ домахъ мужского и женскаго полу человѣкъ по 100 и по 200, 300, 500 и 1,000, сколько можно, смотря по своей чести и животамъ. Такимъ же образомъ и иныхъ чиновъ люди держатъ въ домахъ своихъ кому сколько можно прокормити, вѣчныхъ и кабальныхъ, а не кабальныхъ людей въ домахъ своихъ держати не велѣно никому».

О числѣ людей на боярскихъ дворахъ можно судить по слѣдующему. Въ 1653 году въ Москвѣ была моровая язва. На бояр-

скихъ дворахъ у Бор. Морозова умерло 343 человѣка, осталось 19, у князя Ал. Ив. Трубецкого умерло 270, осталось 8, у Ник. Ив. Романова умерло 352 человѣка, осталось 134 человѣка и т. д..

Содержаніе значительнаго количества слугъ при боярскихъ домахъ въ Москвѣ съ одной стороны вызываемо было необходимостью, такъ какъ бояре съ своими людьми хаживали на войну и по наряду царскому обязаны были высылать болѣе или менѣе значительное количество даточныхъ конныхъ людей на встрѣчу иностраннымъ посламъ, часто пріѣзжавшимъ въ Москву, а съ другой стороны—основывалось на честолюбіи, потому что бояре за честь себѣ считали при ѣздѣ по городу имѣть человѣкъ пятьдесятъ слугъ, предшествующихъ имъ пѣшкомъ.

Жены бояръ стыдились даже показываться на улицу, безъ свиты въ 20 или 30 слугъ, онѣ даже иначе не ходили къ обѣднѣ въ свою приходскую церковь. Историкъ Соловьевъ отмѣчаетъ, что въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и ограбилъ его, но у этого знатнаго боярина или окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожій. — Разбои особенно усилились въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.—Какъ въ глубинѣ лѣсовъ, среди непроходимыхъ болотъ, въ ущельяхъ, оврагахъ, такъ и въ городахъ и въ столицѣ были шайки и станы разбойниковъ.—Шайки не были многочисленны, но всегда отчаянно дерзки въ своихъ нападеніяхъ.—Разбойники были изъ бѣглыхъ холоповъ, бездомныхъ горожанъ и обнищавшихъ крестьянъ, но случалось, что въ ихъ страшное общество вступали люди и другихъ сословій, потомки нѣкогда славныхъ родовъ. — Такъ извѣстенъ былъ разбойникъ и смертный убійца князь Иванъ Лихутьевъ и товарищъ его гор. Зарайска дьячковъ сынъ Михаилъ Аѳанасьевъ. Дѣйствія ихъ были ужасны, многихъ подробностей, сохранившихся въ преданіяхъ, и передать невозможно, до того онѣ отвратительны и ужасны.—Теперь проѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ значитъ сдѣлать прогулку, а было время, когда отправившагося за двадцать верстъ оплакивали какъ обреченнаго на вѣрную гибель.

Путешественника въ то время никакія предосторожности не спасали, если не отъ убійствъ, то по крайней мѣрѣ отъ грабежа. Съ трепетомъ путникъ въѣзжалъ въ пригородный лѣсъ, приближался къ оврагу; изъ глубины лѣса или изъ оврага раздавался

свистъ или крикъ и не было спасенія несчастному путнику. Названія многихъ овраговъ: Грѣховый, Страшный, Бѣдовый по сейчасъ сохраняютъ ужасную славу ихъ. Не безопасны были въ то время для путешественника и нѣкоторые постоялые дворы. Случалось, что нерѣдко, остановившись въ какомъ нибудь домѣ на ночной покой, онъ успокоиваемъ былъ навѣкъ.

Царь-колоколъ.

По Владимірской и Рязанской дорогамъ еще извѣстны въ устныхъ разсказахъ похожденія знаменитыхъ воровъ и удальцовъ, какъ напримѣръ: Ѳедотыча, Козьмы Рощина, Перфильича, Краснощокова и Веревкина; кто не слыхалъ, какъ Ѳедотычъ ходилъ одинъ на сотню подводъ обозныхъ.

Про Веревкина, напримѣръ, разскажутъ и покажутъ мѣсто, гдѣ онъ остановилъ многолюдную свиту богатаго рязанскаго помѣщика

Волынскаго и взялъ у него все, оставивъ ему только по разсчету, сколько было нужно на проѣздъ, на молебенъ и на свѣчу къ чудотворной иконѣ. На этой дорогѣ укажутъ мѣсто на крутой горѣ, гдѣ онъ спускалъ богатыхъ купцовъ кубарями, и для примѣра двоихъ лихоимцевъ отправилъ за рыбными процентами на дно Оки.

Про этого Веревкина много разсказывали небылицъ, такъ его, напримѣръ, неоднократно окружала военная команда; но Веревкинъ выпивалъ завѣтный ковшъ вина и самъ исчезалъ въ томъ же ковшѣ, въ другой разъ его совсѣмъ было схватили и связали, но вдругъ вся изба обнялась дымомъ и пламенемъ. Долго и никогда можетъ быть Веревкинъ не попался бы, если бы не измѣнила ему женщина: одна прелестница, вывѣдавъ тайныя чары Веревкина, выдала его. Это случилось во время Екатерины II. Удалецъ не сталъ однакожъ ждать конца своей судьбы: онъ отравился. М. Н. Загоскинъ многія изъ чудесъ этого разбойника приписалъ разбойнику Рощину.

Шайку воровъ и убійцъ въ Москвѣ въ XVII и XVIII вѣкѣ еще составляли такъ называемые «кабацкіе ярыги»; этотъ классъ пьяницъ былъ изъ людей хорошаго происхожденія — дворянъ и дѣтей боярскихъ, допившихся до-нага. Они жили во всеобщемъ презрѣніи, толпились у кабаковъ, гдѣ просили милостыню.

Со введеніемъ Борисомъ Годуновымъ казенныхъ кабаковъ или «царевыхъ», пьянство у русскаго народа сдѣлалось поголовное. Чтобы положить границы такому неистовому пьянству въ кабакахъ, правительство вмѣсто ихъ завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино мѣрою не болѣе кружекъ, но и это не помогало, пьяницы сходились толпами и пили тамъ по цѣлымъ днямъ или ходили въ тайныя корчмы или ропаты.

Въ этихъ притонахъ разврата вмѣстѣ съ виномъ были игры, продажныя женщины и табакъ; послѣдній въ XVII вѣкѣ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его съ Востока и отчасти отъ малороссіянъ.

Табакъ въ Россіи былъ строго запрещенъ, имъ торговали удалые головы, готовые изъ-за копѣйки рисковать всѣмъ. При продажѣ табаку его не называли настоящимъ именемъ, а условнымъ названіемъ, напр., свекольнымъ листомъ, яблочнымъ и др. Табакъ курили не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посрединѣ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду; курильщики затягивались до того, что въ два-три пріема оканчивали большую трубку и падали безъ чувствъ.

Нѣсколько такихъ молодцовъ сходились «попить заповѣднаго зелья—табаку» и передавали другъ другу трубку до одуряющаго дѣйствія.

Что же касается до чая, то послѣдній только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ первый разъ въ Россіи, какъ рѣдкость и новость. Онъ былъ присланъ въ даръ царю отъ монгольскаго государя, и во второй половинѣ XVII столѣтія знатныя лица употребляли его какъ лекарство, приписывая ему цѣлительную силу.

Иностранныя вина, въ родѣ: мальвазіи, бастръ, алканъ, венгерское, ренское, романея, явились въ Москвѣ при дворѣ еще въ XVI вѣкѣ, но въ слѣдующемъ столѣтіи въ Москвѣ завелись винные погреба, гдѣ не только продавали этихъ сортовъ вина, но туда уже сходились пить веселыя компаніи.

Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича жили въ Москвѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ прежде; тишайшій царь имѣлъ прекрасныя качества души и покорялъ сердца своихъ подданныхъ добротою и снисходительностью. Онъ удивлялъ своею милостью, но не пользовался правомъ сильнаго.

Иностранные писатели увѣковѣчили его имя хвалами. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1670 году, когда царю было тридцать лѣтъ, описываетъ его наружность такъ: «Росту онъ средняго, имѣетъ лицо полное, нѣсколько красноватое, тѣло довольно тучное, волосы цвѣта средняго между чернымъ и рыжимъ, глаза голубые, поступь величавая, на лицѣ его выражается строгость вмѣстѣ съ милостью, взглядомъ внушаетъ каждому надежду и никогда не возбуждаетъ страха.

«Нравъ его истинно царскій: онъ всегда важенъ, великодушенъ, милостивъ, благочестивъ, въ дѣлахъ государственныхъ свѣдущъ и весьма точно понимаетъ выгоды и желанія иностранцевъ.

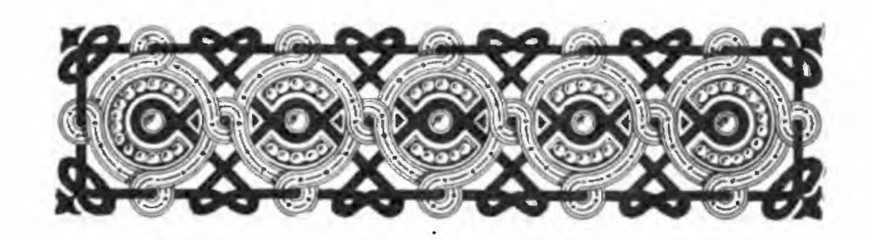
«Большую часть дня употребляетъ онъ на дѣла государственныя, не мало также занимается благочестивыми размышленіями и даже ночью встаетъ славословить Господа пѣснопѣніями; на охотѣ и въ лагерѣ бываетъ рѣдко, посты, установленные церковью, наблюдаетъ строго.

«Въ напиткахъ очень воздерженъ и имѣетъ такое острое обоняніе, что даже не можетъ подойти къ тому, кто пилъ водку. Благотворительность царя простирается до того, что бѣдные почти каждый день собираются ко дворцу и получаютъ деньги цѣлыми горстями, а въ большіе праздники преступники освобождаются изъ темницъ и, сверхъ того, еще получаютъ деньги».

Мейербергъ точно также восхваляетъ человѣчный нравъ царя. Онъ присовокупляетъ: «Истинно достойно удивленія то, что облеченный высшею неограниченною властью надъ народомъ, преобыкшимъ безмолвно повиноваться волѣ своего владѣтеля и всякимъ дѣйствіямъ оной, царь сей никогда не позволялъ себѣ оскорблять кого либо изъ своихъ подданныхъ какъ лично, такъ и въ имуществѣ или чести ихъ. Хотя, подобно всѣмъ великимъ людямъ съ живыми чувствами, онъ подверженъ иногда порывамъ гнѣва, но и тогда изъявленіе онаго ограничивается нѣсколькими ударами или толчками».

Видъ Каменнаго моста и его окружностей въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры Делабарта, 1796 г.



ГЛАВА XXI.

Старые боярскіе дома на Никольской улицѣ.—Наталья Борисовна Долгорукова.— Князь Ив. Мих. Долгоруковъ.—Характеристика его.—Родовой домъ князя Долгорукова въ Москвѣ.—Разсказы Лаврентія о французахъ. — Портретная галерея.—Сыновья князя.—Старый русскій обычай давать разныя имена дѣтямъ.— Царская невѣста Марія Хлопова.—Доброта князя Долгорукова.—Судьба невѣсты Петра II.—Князь Василій Долгоруковъ.—Упадокъ построекъ въ Китай-городѣ.— Сломка части стѣны Китая-города.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время почти всѣ дома на Никольской улицѣ принадлежатъ торговымъ людямъ, за исключеніемъ одного дома Шереметевыхъ, но было время, когда тамъ, какъ мы упоминали выше, возвышались одни дворы бояръ.

Руководствуясь описью Китая-города 1626 г., мы видимъ, что въ шести саж. отъ Спасскаго монастыря стояли каменныя палаты князей Юрія Хворостинина и Өеодора Волхонскаго, а подлѣ Никольскаго монастыря былъ дворъ князя Юрія Буйносова и потомъ князя Кантемира. Между Мироносицкимъ монастыремъ и дворомъ нѣмчина Юрія Клинкина находился дворъ князя Өеодора Телятевскаго.

Далѣе были дворы бояръ: князя Воротынскаго, Ивана Шереметева, Маріи Воронцовой, у старыхъ полей къ пушечнымъ воротамъ, дворы Алексѣя Левашева, князей Дм. Трубецкаго, Ив. Хованскаго, Мих. Долгорукова; въ 1644 году, по словамъ И. Снегирева, на Никольской улицѣ, упоминается дворъ князя Ал. Юр. Сицкаго, противъ церкви Успенія Богородицы.

Въ 1793 году, въ приходѣ «Женъ Мироносицъ» имѣлъ домъ генералъ кригсъ-комиссаръ Мих. Серг. Потемкинъ. Изо всѣхъ боярскихъ домовъ, какъ мы уже замѣтили, уцѣлѣлъ на этой улицѣ одинъ только домъ Шереметева, прежде бывшій князя Черкасскаго; строеніе его занимало обѣ стороны улицы; на одной были его палаты, а на другой, гдѣ домъ Глазунова, стоялъ потѣшный дворъ.

На главномъ дворѣ возвышались обширныя палаты фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Въ январѣ 1730 года, въ хоромахъ его выставлено было нѣсколько оконицъ на улицу; подъ однимъ изъ оконъ стояла въ слезахъ убитая горемъ молодая дочь его Наталья Борисовна и съ ужасомъ глядѣла на печальную процессію, которая проходила по улицѣ.

На колесницѣ, увѣнчанной императорской короной, везенъ былъ гробъ юнаго монарха, покрытый державной мантіей; шнуры отъ балдахина съ золотыми кистями держали полковники.

Предъ ними шли архіерей и архимандриты съ знатнымъ духовенствомъ; генералы и полковники несли на бархатныхъ подушкахъ короны и государственныя регаліи; орденъ св. Андрея Первозваннаго несъ женихъ Шереметевой, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, въ гвардейскомъ маіорскомъ мундирѣ, сверхъ его въ длинной черной епанчѣ, съ флеромъ на шляпѣ до земли; волосы у него были распущены, самъ блѣденъ какъ смерть.

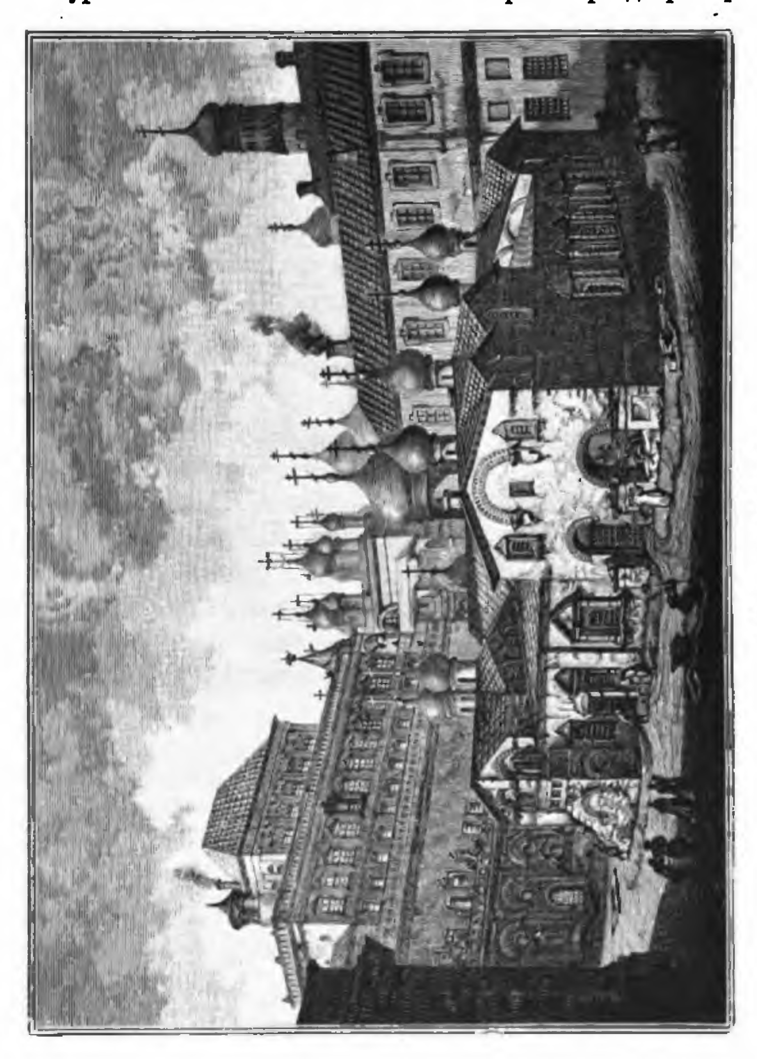
«Поровнявшись съ окномъ», какъ пишетъ княгиня Наталья Борисовна, «Долгорукій взглянулъ плачущими глазами съ такою миною: кого погребаемъ? кого въ послѣдній разъ провожаю? Я такъ обезпамятѣла, что упала на окошко, не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ—отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ, а какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволяло, разсуждая мыслію своей: какое это сокровище земля принимаетъ!..

Дочь Шереметева оплакивала благодѣтеля своего жениха, императора Петра II, скончавшагося отъ оспы въ Головинскомъ дворцѣ, на 15 году своего возраста. Она хорошо знала, что̀ теряютъ они съ кончиною императора; ждала опалы, но никакъ не думала, что ей предстоитъ ссылка въ Сибирь, а мужу ея—четвертованіе въ Новгородѣ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ старшій изъ внуковъ знаменитаго князя Григорія Өедоровича. Родился онъ въ 1708 году и воспитывался въ Польшѣ подъ надзоромъ дѣда своего. Въ 1725 году онъ былъ назначенъ гофъ-юнкеромъ ко двору царевича Петра Алексѣевича, вскорѣ сдѣлался его любимцемъ и неразлучнымъ

собесѣдникомъ съ утра до ночи и спутникомъ всѣхъ его поѣздокъ и забавъ.

По вступленіи на престолъ Петра II былъ призванъ, къ собственному несчастію, принять дѣятельное участіе въ событіяхъ той бурной и жестокой эпохи. Въ то время при дворѣ враждовали



Терема въ Москвѣ.
Съ старинной гравюры Казакова.

двѣ партіи; самую многочисленную составляли приверженцы старинныхъ обычаевъ: князья Долгоруковы, Трубецкіе, Голицыны, Рѣпнины, Ромадановскій, Нарышкины, сильные огромнымъ богатствомъ и родствомъ съ царскимъ домомъ; не менѣе богатые Апраксины и такіе же состоятельные Лопухины, изгнанные отъ двора

и близкіе родствомъ съ юнымъ императоромъ, родная бабка котораго, первая супруга Петра Великаго, разведенная и постриженная царица Евдокія Ѳедоровна, была изъ роду Лопухиныхъ.

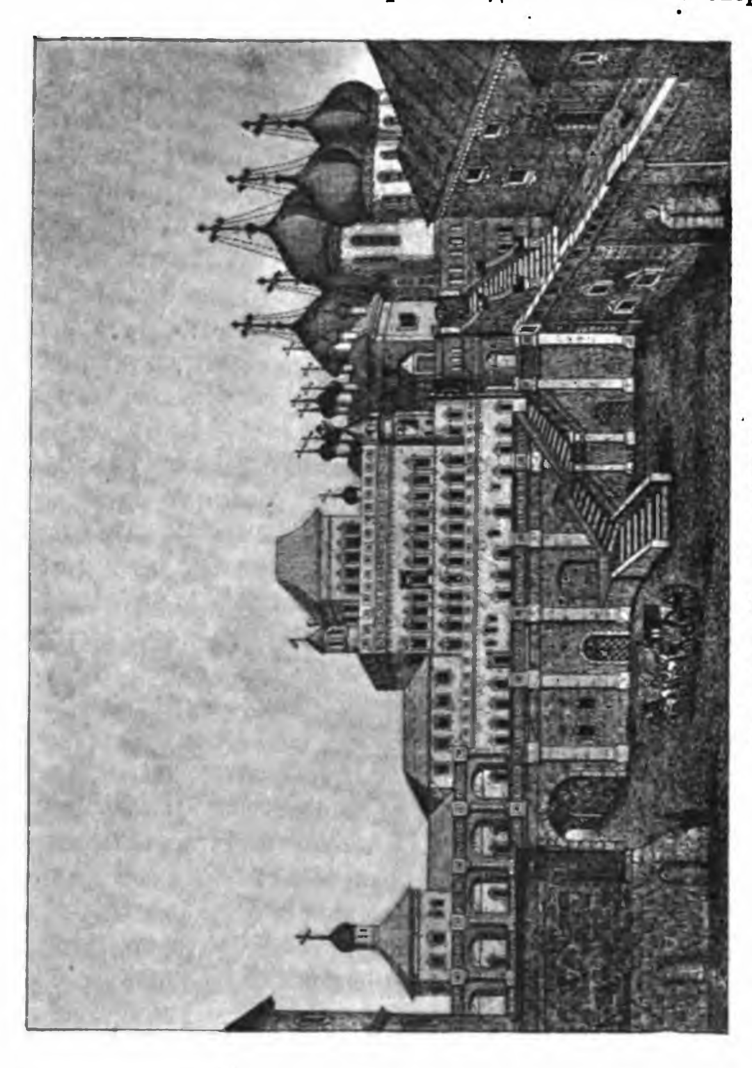
Къ этой партіи примыкало почти все духовенство и большая часть родовитаго дворянства. Вожакомъ этой партіи былъ при воцареніи Петра II князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, старшій братъ фельдмаршала, человѣкъ очень умный и, по словамъ современниковъ, «мужъ надменности великой, ненавидѣвшій чужеземцевъ и безпрестанно повторявшій: «какая нужда намъ въ обычаяхъ заморскихъ, дѣды наши обходились и безъ нихъ, а мы развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ?» Ненавидѣла эта партія особенно князя Меншикова, графа Петра Андр. Толстого и барона Остермана. Вторую партію составляли всѣ иностранцы, служившіе въ Россіи и нѣсколько русскихъ, вѣровавшихъ въ предначертанія Петра Великаго.

Изъ числа нѣмцевъ были: вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, воспитатель юнаго Петра II, затѣмъ генералъ Минихъ, полководецъ блистательный, недавно поступившій на русскую службу, но уже пріобрѣвшій большое вліяніе на войско, затѣмъ графъ Левенвольде, тайный агентъ герцогини Курляндской, графъ Девьеръ, князь Меншиковъ, отецъ обрученной невѣсты императора, Толстой, П. И. Ягужинскій и затѣмъ родня Анны Іоанновны—Салтыковы и Спѣшневы. Возрастающее могущество главнаго лица этой партіи, Меншикова, внушало общее опасеніе и молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, снабжаемый наставленіями враговъ Меншикова, съумѣлъ въ разговорахъ поколебать во мнѣніи юнаго Петра честолюбиваго Меншикова.

Наговоры подѣйствовали, и всемогущій баловень судьбы, въ теченіе цѣлой четверти вѣка сокрушавшій всѣ козни придворныя, палъ предъ происками девятнадцатилѣтняго юноши. По словамъ испанскаго посла, Дюка де-Лиріа, Петръ II одаренъ былъ умомъ отъ природы необыкновенно бѣглымъ, соображеніемъ быстрымъ, душою доброю и благородною;—но былъ молодъ! Неограниченный властелинъ своей особы и желаній на тринадцатомъ году отъ роду, уже юноша въ отношеніи крѣпости тѣлесной, юный монархъ жилъ безъ руководителей на свободѣ.

Царица Евдокія Ѳеодоровна, освобожденная юнымъ внукомъ, хотя и думала управлять имъ, но ей это не удавалось. Петръ ежедневно бывалъ у ней въ монастырѣ, ласкалъ ее, но избѣгалъ даже оставаться съ нею наединѣ. Въ чаду забавъ Петръ не слышалъ наставленія посѣдѣвшаго въ дѣлахъ своего министра Остермана,

и когда тотъ рѣшался говорить ему истину, то Петръ обнималъ его, цѣловалъ, называлъ своимъ другомъ, но чрезъ полчаса отправлялся на охоту или къ забавамъ другого рода. Царевна Елизавета Петровна тоже не любила говорить о дѣлахъ и хотя сперва къ



Дворецъ въ Кремлѣ въ XVIII столѣтіи.
Съ старинной гравюры Дюрфельда.

ней племянникъ и питалъ нѣжную привязанность, но вскорѣ охладѣлъ и пересталъ съ нею видѣться.

Въ январѣ 1728 года Петръ II со всѣмъ дворомъ отправился въ Москву для коронованія. Пребываніе въ Москвѣ понравилось царю; обширные лѣса, въ то время окружавшіе Москву, представляли много удобствъ и приволья для охоты, такъ любимой Петромъ,

а его придворнымъ приверженцамъ старинныхъ обычаевъ не трудно было убѣдить его навсегда основать пребываніе въ Москвѣ, оставивъ Петербургъ провинціальнымъ городомъ.

Юный монархъ въ частыя поѣздки свои на охоту въ окрестностяхъ Москвы посѣщалъ подмосковное село Горенки, отца князя Ивана Долгорукаго; здѣсь онъ увидѣлъ сестру его Екатерину, красавицу, плѣнявшую стройностью своего стана, бѣлизною лица, глазами томными, очаровательными, полюбилъ ее и рѣшился на ней жениться. Княжна уже любила молодого секретаря австрійскаго посольства графа Милезино, но по просьбѣ родныхъ отказала ему и согласилась на бракъ съ Петромъ. Петръ II, проживъ въ Горенкахъ девять недѣль, возвратился въ Москву и, собравъ весь дворъ, велѣлъ Остерману объявить о предстоящемъ своемъ бракѣ, и всѣ шли цѣловать руку княжны, которую въ то же время велѣно было поминать на эктеніи, и данъ ей титулъ «ея высочества государыни-невѣсты». 30-го ноября, въ день св. Андрея, совершилось обрученіе.

Въ этотъ день весь дворъ и дипломатическій корпусъ собрались въ большой залѣ. По словамъ князя Щербатова, во время обрученія «государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полка гренадерами, которые кругъ ихъ подъ начальствомъ своего капитана князя Ив. Ал. Долгорукова, батальонъ каре составляли»: князь Иванъ ранѣе обряда самъ отправился за своею сестрою въ Головинскій дворецъ, гдѣ она пребывала со своею фамиліею. Изъ Головинскаго дворца торжественное шествіе отправилось въ золотыхъ каретахъ.

По приближеніи невѣсты ко дворцу, вдовствующая царица съ царевнами вошла въ залу, посреди которой былъ постланъ большой персидскій коверъ; на верхнемъ концѣ поставленъ былъ столъ, покрытый золотою парчею, на столѣ золотое блюдо съ крестомъ и двумя золотыми тарелками, а на тарелкахъ лежали обручальныя кольца. При входѣ княжны ее встрѣтилъ гофмаршалъ Д. А. Шепелевъ и оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Абисбахъ.

Прибывъ въ залу, она сѣла въ кресла, подлѣ аналоя, имѣя около себя вдовствующую царицу, царевенъ и свою мать съ родными. Кресла для императора были приготовлены напротивъ. По правую сторону было назначено стоять иностраннымъ министрамъ, а по лѣвую князьямъ Долгорукимъ. Оберъ-камергеръ подвелъ невѣсту подъ балдахиномъ, который держали шесть генераловъ.

Архіепископъ новгородскій Өеофанъ Прокоповичъ совершилъ обрученіе. Всѣ, за исключеніемъ вдовствующей царицы, цѣловали

руки у обрученныхъ. Существуетъ разсказъ: когда подходили къ рукѣ невѣсты, то эту руку, лежавшую на подушкѣ, поддерживалъ самъ императоръ; вдругъ невѣста встаетъ со своего кресла и сама подаетъ свою руку одному изъ подошедшихъ; этотъ одинъ былъ графъ Милезино. Друзья подхватили его тотчасъ подъ руки и увезли домой. Потомъ отправились смотрѣть фейерверкъ, а съ фейерверка—на балъ, недолго продолжавшійся по случаю усталости невѣсты, которая возвратилась домой въ семь часовъ пополудни въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми, въ сопровожденіи кавалергардовъ, пажей и гайдуковъ.

Свадьбѣ назначено было совершиться 19-го января. Императоръ пожаловалъ отцу невѣсты 12,000 дворовъ крестьянскихъ. За обрученіемъ слѣдовали безпрерывныя празднества. Такъ, 6-го января, въ день Крещенія, при совершеніи водосвятія, полки Преображенскій и Семеновскій выстроены были на льду Москвырѣки, подъ начальствомъ князя Ивана. Невѣста прибыла на эту церемонію въ саняхъ, на запяткахъ которыхъ стоялъ самъ государь. Ихъ сопровождала большая свита и кавалергарды. Они пробыли на льду четыре часа.

Въ тотъ же вечеръ Петръ жаловался на головную боль, а на другой день у него открылась оспа. Во время болѣзни императоръ по неосторожности подошелъ къ раскрытой форточкѣ и простудился еще сильнѣе, и 17-го января всякая надежда на выздоровленіе была потеряна. Петръ II скончался въ половинѣ втораго часа съ 18-го на 19-е января, въ тотъ самый день, когда назначено было бракосочетаніе.

Опасность болѣзни императора была извѣстна всему двору, и потому въ ночь его смерти было большое собраніе какъ сановниковъ государства, такъ и духовныхъ лицъ.

Послѣ кончины императора, князь Иванъ Долгоруковъ вышелъ изъ его опочивальни и, сказавъ всему собранію, что умершій императоръ объявилъ своею преемницею на престолъ свою обрученную невѣсту: «да здравствуетъ императрица Екатерина!» закончилъ онъ, обнажая свою шпагу; но ни одинъ голосъ не раздался въ отвѣтъ ему.

Такое недовѣріе сильно смутило брата провозглашенной императрицы; онъ, вложивъ шпагу въ ножны, вышелъ изъ дворца и уѣхалъ домой. Политическая его роль была сыграна, но права невѣсты скончавшагося императора были еще разъ предъявлены въ верховномъ совѣтѣ его отцомъ.

Князь Алексѣй Долгорукій представилъ верховному собранію духовную, подписанную, будто бы, императоромъ Петромъ II о на-

*

значеніи его невѣсты наслѣдницей русскаго престола, но, потерявъ вскорѣ всякую надежду защитить это завѣщаніе, онъ долженъ былъ взять его назадъ.

Вскорѣ члены совѣта рѣшили избрать курляндскую герцогиню Анну Іоанновну, но просили, однакожъ, до полученія ея отвѣта, не объявлять народу ни о кончинѣ Петра II, ни объ избраніи новой государыни, ни для того, чтобъ не поминали ея на эктеніи самодержицею, ибо, объявить объ условіяхъ, ограничивающихъ власть ея, члены совѣта не рѣшались до полученія ея собственнаго согласія на эти условія.

Между тѣмъ необходимо было поминать на эктеніи или императора, или императрицу, и потому хотя вся Москва знала о кончинѣ Петра II, но все-таки въ церквахъ, послѣ его смерти долго молились о его здравіи и долгоденствіи. Впрочемъ это подлежитъ еще большему сомнѣнію. Но прежде еще вступленія на престолъ Анны Іоанновны, всѣ уже предвидѣли паденіе семьи Долгоруковыхъ.

Въ то утро, когда скончался Петръ II, родные графини Натальи Борисовны Шереметевой съѣхались къ ней въ домъ такъ рано, что она еще спала; когда она проснулась, ей объявили о смерти императора. Это извѣстіе поразило ее ужасомъ: «ахъ, пропала, пропала! твердила она, я довольно знала обыкновеніе, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать?» Вечеромъ того же дня пріѣхалъ ея женихъ, и они возобновили другъ другу клятву, что ихъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти.

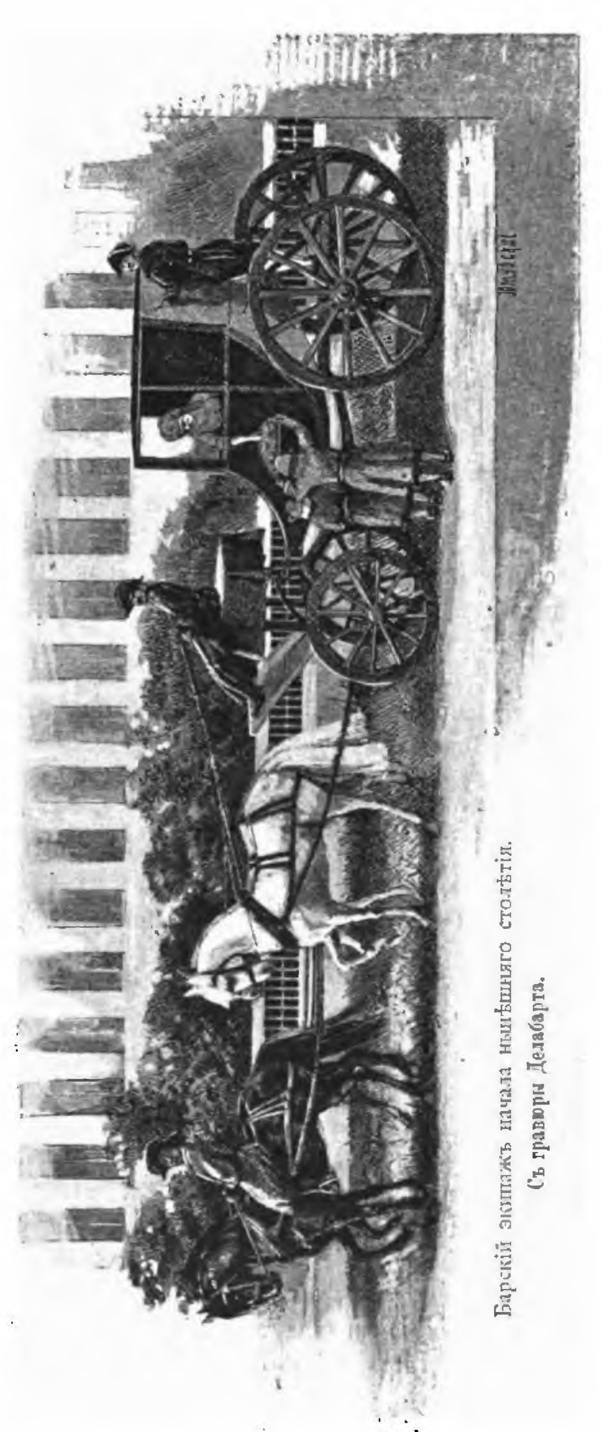
Долгорукимъ между тѣмъ становилось все опаснѣе и опаснѣе. Биронъ о нихъ публично отозвался, что не оставитъ дома этой фамиліи. Каково было тогда княжнѣ Натальѣ Борисовнѣ!

Родные не переставали убѣждать ее, чтобы она кинула Долгорукова, но она была непреклонна и не хотѣла оставить человѣка, которому дала слово любить его неизмѣнно и навсегда. Попробовали было отложить свадьбу, но и это не помогло; тогда всѣ отступились отъ непоколебимой дѣвушки: она можетъ выйти замужъ, но никто изъ родныхъ не повезетъ ея къ вѣнцу. «Самъ Богъ отдавалъ меня замужъ, а больше никто», говоритъ она въ своихъ запискахъ.

Старшій братъ ея былъ боленъ оспою, младшій, боясь заразиться этою болѣзнію, жилъ въ другомъ домѣ; всѣ родные оставили ее, и только двѣ старушки, дальнія ея родственницы, рѣшились проводить ее изъ Москвы въ село, въ которомъ жили Долгоруковы и гдѣ назначена была въ апрѣлѣ свадьба.

Свадьба была самая скромная и ничѣмъ не походила на пышное обрученіе, на которомъ была вся императорская фамилія, всѣ чужестранные министры и весь генералитетъ.

Обрученіе было въ домѣ Шереметева, наканунѣ Рождества Христова; совершалъ его архіерей съ двумя архимандритами. Кольца жениха и невѣсты стоили 18,000 рублей. Родственники жениха одарили невѣсту богатыми дарами: часами, брилліантовыми серьгами и пр. галантереями, а братъ невѣсты подарилъ жениху шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляги золоченыя. На третій день, когда княгиня Наталья Борисовна съ мужемъ собралась ѣхать съ визитами къ роднымъ молодого, пріѣхалъ изъ сената секретарь и объявилъ отцу кня-



Барскій экипажъ начала нынѣшняго столѣтія.
Съ гравюры Делабарта.

зя, чтобъ онъ совсѣмъ своимъ семействомъ немедленно ѣхалъ изъ Москвы въ дальнія деревни, изъ которыхъ безъ указа никуда бы не выѣзжалъ.

Отправились они въ дорогу въ самую распутицу, на тяжелыхъ городскихъ лошадяхъ съ неопытными кучерами; ночевать имъ приходилось иногда прямо въ полѣ, даже на болотѣ, и не разъ несчастной женщинѣ приходилось испытывать смертельный страхъ; однажды имъ пришлось ночевать въ деревнѣ, которая ожидала нападенія разбойниковъ.

Скоро ихъ нагналъ капитанъ гвардіи и объявилъ имъ высочайшій манифестъ, что они, князья Алексѣй и Иванъ Долгоруковы, состоя при Петрѣ II, не хранили его здравія, не допускали его жить въ Москвѣ, но, подъ видомъ забавъ и увеселеній, увозили его въ дальнія мѣста; не смотря на его младыя лѣта, которыя еще къ супружеству не приспѣли, довели его до сговора съ дочерью князя Екатериною, разстроили его здоровье, разграбили императорскія дорогія вещи на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыя у нихъ отобраны, и потому за всѣ эти продерзости и преступленія лишаются они чиновъ и кавалерій.

Объявленные преступники по пріѣздѣ въ деревню помѣстились въ крестьянской избѣ. Здѣсь думали они прожить въ забвеніи, но забыты Бирономъ они были только три недѣли. Послѣ этихъ дней пріѣхалъ сюда гвардейскій офицеръ съ солдатами, разставилъ караульныхъ у всѣхъ дверей и объявилъ князю указъ, которымъ повѣлено сослать его съ женою и дѣтьми въ Березовъ и держать ихъ тамъ безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ.

По пріѣздѣ на мѣсто ссылки у нея родился сынъ Михаилъ. Болѣе девяти лѣтъ прожили въ Березовѣ несчастные князья Долгоруковы. Князь отецъ и жена его тамъ скончались.

Въ 1739-мъ году мужъ Натальи Борисовны былъ схваченъ ночью и увезенъ изъ своего семейства подъ строгимъ карауломъ. Это новое гоненіе Бирона было уже окончательное.

Всѣхъ Долгорукихъ свезли въ Новгородъ, тамъ ихъ судили, пытали въ разныхъ преступленіяхъ и, наконецъ, осудили и казнили 8-го ноября. Князьямъ Василію Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ отрубили головы, а князя Ивана Алексѣевича колесовали.

Всѣ они умерли героями, съ твердостью. Князь Иванъ Алексѣевичъ во все время страшной казни молился Богу.

О несчастной судьбѣ своего мужа Наталья Борисовна не знала до восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны; въ

ея царствованіе послѣдняя была возвращена въ Петербургъ. Здѣсь она не могла привыкнуть къ свѣтской жизни и удалилась въ Кіевъ въ монастырь, гдѣ и окончила свою трудную и скорбную жизнь схимницею 3-го іюля 1771 года.

Несчастія и житейскія напасти не щадили княгиню Наталью Борисовну даже и тогда, когда она была подъ схимой. Одинъ изъ ея сыновей, князь Димитрій Ивановичъ, воспитанный въ Москвѣ, статный, красавецъ, одаренный прекраснымъ сердцемъ, влюбился въ одну бѣдную и незнатную дѣвушку. Родственники вооружились противъ этого брака. Онъ долго боролся съ чувствомъ сильной любви, но сердце превозмогло разсудокъ и онъ сошелъ съума—ему было только двадцать лѣтъ; подъ присмотромъ матери онъ жилъ въ Кіевѣ и въ Никольскомъ монастырѣ проходилъ монашескій искусъ. Жизнь пустынная успокоивала его, но не исправляла разсудка; мать его, ни о чемъ уже не помышлявшая, какъ о душѣ и спасеніи ея, захотѣла постричь его—она просила на то дозволенія у Екатерины, но царица не согласилась на это и князь остался только послушникомъ, ходилъ въ церковь, постился, надѣлъ власяницу и вскорѣ умеръ.

Родной внукъ этой Наталіи Борисовны былъ извѣстный поэтъ своего времени князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, прозванный современниками «губаномъ» и «балкономъ» за непомѣрно широкую нижнюю челюсть и толстую губу. Онъ десяти лѣтъ былъ полковникомъ—этотъ чинъ выпросилъ ему у короля польскаго, Станислава Понятовскаго, дядя, баронъ Ал. Ник. Строгановъ, командовавшій тогда Кирасирскимъ полкомъ гдѣ-то на границѣ съ Польшею. Четырнадцати лѣтъ князь поступилъ въ московскій университетъ; онъ такъ отлично говорилъ по-латыни, что на этомъ языкѣ объяснилъ римскому императору Іосифу II устройство одной машины, которую ему тамъ показывали. Двадцати лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, сперва въ московскій гарнизонъ и затѣмъ въ гвардію. Служба гвардейская сдѣлала его извѣстнымъ великому князю Павлу Петровичу, наслѣднику престола. Князь очень понравился ему за свое остроуміе. Долгорукій часто игралъ на тогдашнихъ благородныхъ спектакляхъ; актеръ онъ былъ очень талантливый и разъ, играя у принцессы Гольштейнъ-Бекъ, былъ принятъ даже за извѣстнаго актера Офрена, до того игра этого любителя была превосходна. Слава первокласнаго актера довела его до двора цесаревича въ Гатчинѣ; здѣсь въ спектаклѣ, который давала великая княгиня Марія Өеодоровна для сюрприза своему супругу, ему привелось играть роль отца въ драмѣ «L'hon-

nète Criminel». Долгоруковъ, чтобы не попасться на глаза великому князю, проживалъ въ какой-то нежилой комнатѣ дворца, выходилъ гулять только по ночамъ и питался чуть ли не однимъ печенымъ картофелемъ. Этотъ спектакль утвердилъ вполнѣ славу хорошаго актера за Долгорукимъ. Въ награду за спектакль ему хотѣли подарить золотые часы, но ему выпала еще лучшая награда: онъ жилъ въ Гатчинѣ еще три дня, обѣдая и ужиная за столомъ великаго князя; съ этого времени начинается его личное знакомство съ великимъ княземъ и въ это же время онъ познакомился со своею будущей женой Смирной, играя съ нею въ придворныхъ спектакляхъ.

Жена его многимъ была обязана своему несчастью; отецъ ея былъ казненъ Пугачевымъ. Мать съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми осталась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ одно изъ путешествій Екатерины, она нашла случай подать ей просьбу объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Первая супруга Павла, княгиня Наталья Алексѣевна, взяла четырехлѣтнюю дочь ея подъ свое покровительство, помѣстила въ Смольный монастырь и затѣмъ по окончаніи взяла себѣ во фрейлины. Смирная и жила во дворцѣ. Свадьба ея съ Долгоруковымъ была отпразднована великолѣпно при дворцѣ.

Какъ о самой свадьбѣ, такъ и объ этомъ времени Долгоруковъ воспѣлъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Везетъ».

Везло, и мнѣ...
Везло, когда въ дворянску шайку
Попалъ театрить во дворцѣ!..
. . . .
Ходилъ за столъ къ его обѣду;
И на вечернюю бесѣду
Дверей никто не затворялъ!
А какъ женился я, то, право,
Такой былъ балъ, огонь, забава,
Какихъ я вѣчно не давалъ!

Князь Долгоруковъ былъ женатъ два раза, второй разъ на вдовѣ Пожарской, урожденной Безобразовой; обѣ его жены были красавицы и очень его любили, не смотря на то, что онъ былъ очень некрасивъ или, вѣрнѣе, даже безобразенъ. Долгоруковъ это зналъ и чувствовалъ и очень мило надъ собою подшучивалъ, говоря: «мать натура для меня была злою мачихой, оттого у меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу матеріала она не пожалѣла и ужъ такую мнѣ благодатную губу скроила, что изъ нея и двѣ могли бы выйти, и тѣ не маленькія, а очень изрядныя».

Князь также очень мало обращалъ вниманія на свой туалетъ и былъ очень неряшливъ въ домашнемъ быту и съ короткими своими. Его современница Е. П. Янькова разсказываетъ: не смотря на свою неприглядность, князь заставлялъ забывать въ разговорѣ, что некрасивъ собой; бывало, слушаешь его умныя рѣчи и замысловатыя шутки, а каковъ онъ изъ себя—объ этомъ и позабудешь.

Преосвященный Августинъ отзывался о немъ какъ о человѣкѣ большого ума. «Князь, говорилъ онъ, вельми уменъ, но не вельми благоразуменъ». А. Т. Болотовъ говоритъ о немъ, что онъ на про-

Коляска конца прошлаго столѣтія.
Съ гравюры Делабарта.

казы былъ большой ходокъ и въ бытность пензенскимъ вице-губернаторомъ въ провіантскихъ дѣлахъ и подрядахъ такъ напакостилъ, что на все государство былъ разруганъ отъ сената. Та же Янькова говоритъ про него, что онъ человѣкъ честный и хорошій, въ дружбѣ очень преданный, онъ все имѣлъ, чтобъ сдѣлать себѣ карьеру и при этомъ, какъ самъ говаривалъ, «никогда не могъ выбиться изъ давки».

Онъ всю жизнь свою провелъ подъ тяжелымъ гнетомъ долговъ и враговъ. Это потому, быть можетъ, что онъ былъ великій мастеръ на всякія пріятныя, но ненужныя дѣла, а какъ только предста-

влялось какое нибудь дѣло важное и нужное, точно у него дѣлалось какое затмѣніе ума: онъ принимался хлопотать и усердно хлопоталъ и все портилъ, и много разъ совершенно бы погибъ, если бы вліятельные друзья и сильные помощники не выручали его изъ бѣды!

Долгоруковъ мѣсто вице-губернатора получилъ довольно отважно; онъ адресовалъ на имя императрицы письмо, въ собственныя руки, въ которомъ говорилъ, что желалъ бы трудиться и быть полезнымъ. Отвѣтомъ было назначеніе его вице-губернаторомъ.

О своей службѣ въ Пензѣ онъ говоритъ, что тогда онъ еще любилъ службу страстно, «въ восхищеніи юнаго человѣка, который на все смотритъ съ желаніемъ—образовать свѣтъ и сдѣлать лучшимъ, я писалъ не приказнымъ слогомъ, и не авторскимъ, а вдохновеннымъ самой природою, т. е. такъ, какъ я думалъ и чувствовалъ».

Возвращаясь къ характеристикѣ князя И. М. Долгорукова, мы видимъ, что въ Пензѣ онъ прослужилъ до самой кончины Екатерины II. Довольный своей судьбою, здѣсь онъ написалъ «Каминъ въ Пензѣ». Это произведеніе имѣло большой успѣхъ, было переведено на французскій языкъ и даже Делиль просилъ прислать ему въ Парижъ этотъ переводъ. Въ Пензѣ князь испыталъ много непріятностей. Такъ его даже «въ клобъ съ подпиской не пускали».

Живя въ этомъ городѣ, князь любилъ по вечерамъ поиграть въ карты безъ чиновъ, со всякимъ даже разночинцемъ, по этому случаю онъ говоритъ: «вездѣ выказывать свой чинъ, по моему, есть самое низкое свойство; я любилъ въ своемъ мѣстѣ быть настоящимъ предсѣдателемъ, а дома или въ гостяхъ человѣкомъ лѣтъ въ тридцать, рѣзвымъ и веселымъ. Что за польза государю и отечеству въ принужденной измѣнѣ нашихъ нравовъ, когда они въ настоящемъ видѣ не ведутъ къ развращенію нравовъ».

На этотъ случай князь написалъ комедію въ стихахъ: «Дурылом или выборъ въ старшины». Главное лицо въ ней былъ владимірскій оригиналъ Дуровъ, кромѣ его еще три лица списаны съ натуры; прочіе характеры вымышлены. При восшествіи на престолъ императора Павла онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ, но вскорѣ опять получилъ мѣсто въ Москвѣ; здѣсь онъ продолжалъ службу до восшествія на престолъ императора Александра I.

Въ 1802 году князь получилъ мѣсто владимірскаго губернатора; здѣсь Долгоруковъ выстроилъ зданіе для сохраненія ботика и остатковъ дома Петра I и богадѣльню для матросовъ-инвалидовъ, и открылъ, въ 1805 году, Владимірскую губернскую гимназію.

Послѣ этого онъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета; онъ надѣлъ университетскій мундиръ съ чувствомъ благородной гордости. «Этотъ кафтанъ», пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, «который я по-истинѣ могу назвать благопріобрѣтеннымъ, будетъ во всю жизнь мою лучшимъ моимъ нарядомъ. Ни клевета, ни зависть—его съ меня не снимутъ!»

Про эксентричный характеръ Долгорукова много разсказывалъ М. Дмитріевъ—послѣдній говоритъ, что онъ дурачился до безумія.—Бывало придетъ къ нему и скачетъ по стульямъ, по столамъ, такъ и уйдешь отъ него, не добившись слова благоразумнаго. Любилъ хорошо ѣсть и кормить; какъ скоро заведутся деньги, то задавалъ обѣды и банкеты.—Долгоруковъ, какъ добавляетъ Дмитріевъ, весьма странно одѣвался и ходилъ по улицамъ въ одеждѣ полуполковой и полуактерской, изъ платья игранныхъ имъ ролей.

Въ 1812 году онъ получилъ отставку отъ службы — этотъ тяжелый годъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ чернымъ годомъ для Долгорукова; онъ выѣхалъ изъ Москвы 31-го августа за два дня до вступленія непріятеля; родовой домъ уцѣлѣлъ отъ пожара—спасъ его лакей Лаврентій, «препьяный человѣкъ», какъ его характеризуетъ князь. Онъ остался въ домѣ самовольно.

Во время нашествія французовъ въ домъ Долгорукова были поставлены два генерала. Лаврентій у нихъ сдѣлался и шутомъ, и слугой; онъ съ солдатами вмѣстѣ пилъ и гулялъ, а начальникамъ прислуживалъ, и такъ имъ понравился, что былъ у нихъ дворецкимъ и распорядителемъ по части увеселеній.

Этого слугу сперва били и даже разъ ранили, но потомъ уже онъ самъ билъ и покровительствовалъ другимъ. Онъ служилъ при столѣ генераловъ, прибиралъ трупы солдатъ, которыхъ они разстрѣливали, таскалъ къ нимъ, вмѣстѣ съ ихъ деньщиками, всякую добычу, причемъ, вѣроятно, не забывалъ и себя, но при всемъ этомъ, когда загорѣлся домъ, онъ упросилъ генераловъ, чтобы они помогли его отстоять и генералы приказали солдатамъ работать. Домъ, такимъ образомъ, спасся отъ всеобщаго пожара и стѣны его остались цѣлы. Важнѣе всѣхъ услугъ въ глазахъ Долгорукова была еще услуга Лаврентія та, что онъ успѣлъ изъ домовой церкви вытащить антиминсъ, найденный имъ на полу,—съ сохраненіемъ послѣдняго Долгоруковъ не лишался права возобновить свою домашнюю церковь. Послѣ московскаго разгрома Долгоруковъ поселился въ этомъ уцѣлѣвшемъ домѣ.

Домъ князя былъ въ приходѣ Вздвиженія на Вражкѣ [107]): большія старинныя тесовыя хоромы въ одинъ этажъ стояли среди об-

ширнаго двора. Позади дома, къ Москвѣ-рѣкѣ, былъ большой заброшенный тѣнистый садъ.

Вдали, за Москвой-рѣкой, виднѣлись сады, лѣса, деревня Фили и кладбище, на которое постоянно, мечтая, сматривалъ хозяинъ дома. Внутренность дома была не только некрасива, но даже неопрятна, особенно передняя, гдѣ даже старые обои висѣли лоскутьями. Подъ конецъ жизни князь хотя и передѣлалъ двѣ-три комнаты, но непорядокъ все также царилъ въ хоромахъ.

Въ домѣ также не было никакихъ украшеній, но на стѣнахъ, и въ домѣ, и во флигелѣ были развѣшаны фамильные портреты князей Долгоруковыхъ. Тутъ были портреты Якова Ѳедоровича Долгорукова и несчастнаго фаворита Петра II, князя Ивана, портретъ жены его, Наталіи Борисовны, висѣлъ въ домовой церкви. Былъ здѣсь и портретъ императора Петра II и княжны Екатерины Долгоруковой, на которой онъ былъ помолвленъ, надъ портретомъ была надпись: «добрая надежа».

Въ одной изъ залъ былъ построенъ домашній театръ. Домъ князя всегда былъ полонъ родныхъ и гостей; здѣсь жили его сестра съ мужемъ и воспитанницей, какая-то еще дальная родственница-старушка съ племянницей и простодушный старичокъ, И. Н. Классонъ; большой почитатель Наполеона и доктора Гала, онъ служилъ когда-то въ военной службѣ и потомъ жилъ тридцать лѣтъ въ домѣ князя. Нѣкогда онъ съ княземъ подвизался въ приготовленіи французскихъ кушаній.

Въ домѣ же Долгорукова жили и всѣ его дѣти, которыя, по странностямъ отца, имѣли по два имени: одно, данное имъ при крещеніи, а другое, данное имъ самимъ отцомъ, которымъ они и назывались. Такъ, Рафаилъ назывался Михайлой, Антонина—Варварой, Евгенія — Наталіей. Обычай такой давать два, три имени у насъ, на Руси, употреблялся издавна и водился еще въ удѣльныя времена. У русскихъ, по словамъ Н. Костомарова, долго было въ обычаѣ, кромѣ христіанскаго имени, имѣть еще другое прозвище или некрестное имя.

Въ XVI и XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя употреблялись чаще крещеныхъ именъ, напримѣръ: Смирный, Козелъ, Паукъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Бѣляница, Нехорошко, Поспѣлко, Роспута, Мясоѣдъ, Кобякъ, Китай [108]); даже священники носили такія имена. Прозвища классическія, столь обыкновенныя впослѣдствіи въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ; такъ, еще въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ.

Иногда у нѣкоторыхъ было три имени: прозвище и два крещеныхъ, одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ.

Торговецъ на ларѣ.
Съ гравюры Гейслера.

Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человѣка, могутъ дѣлать ему вредъ чародѣйственными способами и вообще иногда легко сглазить человѣка.

Случалось, что человѣка, котораго всѣ знакомые знали подъ именемъ Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовникъ по-

миналъ Өедотомъ, и только тогда открывалось, что онъ былъ Өедотъ, а не Дмитрій.

Иногда крещеное имя перемѣнялось на другое по волѣ царя; напримѣръ, дѣвицу Марію Хлопову, взятую въ царскій дворъ съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали въ Анастасію; но когда государь раздумалъ и не захотѣлъ взять ее себѣ женою, тогда она опять стала Марія.

Судьба этой несчастной красавицы, жертвы интригъ придворныхъ страстей, очень романична. Считаемъ не лишнимъ привести вкратцѣ ее скорбную повѣсть: Марія Хлопова была подруга дѣтства царя Михаила Өеодоровича, по вступленіи на престолъ царя была выбрана имъ себѣ въ невѣсты и жила уже въ «верху». Но вслѣдствіе непріятныхъ отношеній родственниковъ Хлоповой къ Салтыковымъ, послѣдніе рѣшились погубить ее во что бы то ни стало. Будущую царицу окружили всякими предосторожностями, но ея враги достигли своей цѣли.

Преданіе говоритъ, что въ селѣ Покровскомъ, куда ѣздилъ царь съ невѣстой на гулянье, онъ вручилъ Маріи на прощанье ларецъ съ сахарными леденцами и заѣдками, зная, что она ихъ любитъ, но одна изъ подкупленныхъ женщинъ подмѣнила нѣкоторыя изъ нихъ отравленными; Марія, не подозрѣвая послѣдняго, поѣла, у нея ночью явилась ужасная боль въ желудкѣ, а затѣмъ рвота и упадокъ силъ.

Недоброжелатели ея встревожили дворъ словами «черная немочь, черная немочь!» и этого было достаточно для пагубы Хлоповой. Слухи эти были приговоромъ для Маріи, слѣдствіемъ котораго вышло распоряженіе сослать нареченную Анастасію «съ верху», а затѣмъ послѣдовалъ и указъ о сосланіи несчастной Маріи съ родственниками въ Сибирь, въ Тобольскъ.

Въ ссылкѣ Марія провела, въ Тобольскѣ, четыре года; послѣ чего она была перемѣщена по указу царя въ Верхотурье; здѣсь ей дано хорошее помѣщеніе, въ половинѣ воеводскаго дома. Затѣмъ Хлопову перемѣстили по указу опять же царя изъ Верхотурья въ Нижній-Новгородъ.

Посылая послѣдній указъ, государь тайно вручилъ посланцу письмо къ Настасьѣ и нѣсколько подарковъ. Царь Михаилъ опять объявилъ царицѣ-матери, что онъ хочетъ вступить въ бракъ съ Хлоповой, но послѣдняя на то ему согласія не дала; назначенный осмотръ невѣсты подтвердилъ, что Анастасія во всемъ здорова. Салтыковы же, признанные въ этомъ дѣлѣ виновными, были удалены въ ссылку и подверглись опалѣ патріарха Филарета Ники-

тича. Послѣ этого уже былъ посланъ въ Нижній бояринъ Шереметевъ, который и объявилъ отцу Хлоповой, что царь взять ее себѣ въ супруги не изволилъ. И повелѣно Хлоповой со всѣмъ семействомъ жить въ Нижнемъ и велѣно давать имъ кормъ противъ прежняго болѣе и ежегодно отпускать значительную сумму денегъ. Марія вскорѣ умерла, боготворимая всѣми за свою кротость и любовь къ ближнимъ.

Торговка полотномъ.

Съ рисунка Барбье 1806 года.

Но, возвращаясь къ Долгорукому, мы видимъ, что онъ, не смотря на недостаточность состоянія, умѣлъ дѣлиться и съ другими.

Самъ князь не нажилъ ничего, отецъ его не оставилъ ему тоже наслѣдственнаго богатства. Главною причиною упадка ихъ состоянія было паденіе фамиліи князей Долгорукихъ при Биронѣ.

Какъ мы уже выше говорили, неожиданная кончина Петра II уничтожила могущество этой фамиліи и конфискація развѣяла все ихъ богатство.

Такимъ образомъ не смотря на свое болѣе чѣмъ скромное житье, князь И. М. Долгоруковъ иногда давалъ званые вечера или домашніе благородные спектакли, на которые къ нему пріѣзжала вся московская знать.

Театръ былъ его страстью, спектакли у князя были лучшіе въ Москвѣ; на его театрѣ играли Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Ал. Мих. Пушкинъ, лучшіе тогдашніе актеры-любители. Самъ князь являлся всегда въ роляхъ комическихъ, его игра была превосходна, непринужденно-естественна и свободна и ничѣмъ не напоминала декламаторскую игру его учителя Офрена. Глядя на него, всѣ помирали отъ хохота.

Многіе изъ тогдашнихъ москвичей осуждали страсть Долгорукова играть на театрѣ. Это дошло до князя и онъ въ запискахъ своихъ на это обвиненіе отвѣчаетъ такъ. «Говорили, что мнѣ не подъ лѣта и несогласно съ моимъ чиномъ выходить на сцену. Объ этомъ да позволятъ мнѣ поспорить. Я сдѣлаю только одинъ вопросъ: позволительно ли было мнѣ въ мои года и моемъ чинѣ играть по цѣлымъ днямъ въ карты и разоряться въ большихъ партіяхъ и съ большими господами, изъ одного подлаго имъ угожденія, или, спрятавшись дома, кое съ кѣмъ осушивать за жирнымъ столомъ дюжину бутылокъ шампанскаго? или, наконецъ, держать въ тайнѣ сераль наложницъ и наполнять воспитательный домъ несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнѣе ли это театра? О! если бы я все дѣлалъ по примѣру другихъ, я увѣренъ, что меня менѣе бы злословили! Мнѣ было пятьдесятъ лѣтъ, это правда; но я былъ здоровъ и живъ! Я былъ тайный совѣтникъ, но въ отставкѣ; слѣдовательно, не занимая никакой должности въ государствѣ, обращался въ массу гражданъ, свободныхъ распоряжаться своими забавами!»

Въ великомъ посту у князя собиралось литературное общество, членами котораго были: С. Т. Аксаковъ, М. Н. Загоскинъ, А. А. Волковъ, А. Д. Курбатовъ и М. П. Телѣгинъ. Умеръ князь Долгоруковъ въ Москвѣ 4-го декабря 1823 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Князь при жизни много писалъ стихотвореній; онъ, какъ самъ выражается, сдѣлался поэтомъ потому только, что ему некуда было дѣвать излишество мыслей и чувствованій, переполнявшихъ его душу. Къ собранію своихъ стихотвореній онъ поставилъ эпиграфъ:

Угоденъ—пусть меня читаютъ,
Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ!
Трубы похвальной не ищу!

Трудно опредѣлить общій характеръ стихотвореній князя Долгорукова: по внѣшней формѣ они принадлежатъ къ лирическимъ, а по содержанію—къ сатирѣ. Пѣсни князя Долгорукова въ свое время многія были положены на музыку и пѣлись.

Изъ другихъ Долгорукихъ, занимавшихъ также видную роль при Петрѣ II, былъ еще князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ

Графъ П. С. Салтыковъ.
Съ портрета, принадлежащаго графу А. П. Шувалову.

(1667—1746), крестный отецъ императрицы Елисаветы Петровны. Молодость свою онъ провелъ въ Малороссіи, гдѣ отецъ его былъ городовымъ воеводою, самъ же онъ служилъ въ корпусѣ Мазепы и затѣмъ состоялъ при Скоропадскомъ.

Князь считается однимъ изъ лучшихъ представителей боярства XVII вѣка; онъ былъ строгой честности и говорилъ всегда одну

только правду. Скупой на похвалы, испанскій посолъ Дюкъ де-Лиріа про него говоритъ слѣдующее: «фельдмаршалъ Долгоруковъ былъ человѣкъ съ умомъ и значеніемъ, честный и достаточно свѣдущій въ военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться и его недостатокъ заключался въ излишней откровенности и искренности. Онъ былъ отваженъ и очень тщеславенъ,—другъ ревностный, врагъ непримиримый. Онъ не былъ открытымъ противникомъ иностранцевъ, хотя не очень ихъ жаловалъ. Велъ онъ себя всегда благородно и я могу сказать по всей справедливости, что это былъ русскій вельможа, болѣе всѣхъ приносившій чести своей родинѣ».

Князь Долгоруковъ отличался храбростью во время шведской войны и прутскаго похода; Петръ, зная его безупречную честность, выбралъ его въ предсѣдатели комиссіи для разсмотрѣнія злоупотребленій князя Меншикова и послѣдній былъ жестоко, но справедливо обвиненъ Долгорукимъ.

Долгоруковъ, будучи генералъ-поручикомъ и андреевскимъ кавалеромъ, лишился въ 1718 году, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, чиновъ, ленты и всего имѣнія и былъ отправленъ въ ссылку въ Казань. По розыску открылось, что онъ хулилъ Петра за строгія реформы и на него пало еще подозрѣніе, что онъ помогъ царевичу бѣжать заграницу.

Въ день коронованія Екатерины I онъ былъ принятъ на службу полковникомъ и черезъ годъ ему были возвращены прежніе ордена и чины и даже часть имѣнія, оставшаяся послѣ раздачи другимъ лицамъ.

Но Меншиковъ не могъ терпѣть Долгорукаго, и онъ былъ отправленъ на Кавказъ главнокомандующимъ Низовымъ корпусомъ, расположеннымъ во вновь завоеванныхъ персидскихъ земляхъ. Князь здѣсь привелъ въ подданство Россіи девять провинцій, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря, основалъ новыя крѣпости и улучшилъ состояніе нашихъ войскъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Петра II, князь былъ вызванъ въ Москву и возведенъ въ фельдмаршалы, и ему подарены были богатыя волости и болѣе тысячи душъ крестьянъ. Но недолго князь Василій Владиміровичъ пользовался своими наградами; съ воцареніемъ императрицы Анны Іоанновны онъ впалъ, какъ и всѣ Долгорукіе, въ немилость; имѣніе было отобрано, самъ онъ сосланъ сперва въ Ивангородъ и затѣмъ, послѣ, въ Соловецкій монастырь, гдѣ и пробылъ до восшествія на престолъ Елисаветы Петровны.

Эта государыня возвратила ему все отнятое у него. Онъ умеръ въ Москвѣ, въ 1746 году, бездѣтнымъ, имѣніе его перешло къ род-

нымъ его братьямъ, въ числѣ которыхъ былъ предокъ недавно скончавшагося князя Владиміра Андреевича Долгорукаго, бывшаго долгое время московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Возвращаясь опять къ описанію «Китай-города», мы видимъ, что во времена Петра Великаго, по перенесеніи столицы въ Петербургъ, эта часть Москвы стала замѣтно падать и приходить въ разрушеніе. Стѣны Китая въ эти годы стали обваливаться, въ башняхъ открыты были лавки мелкими чиновниками.

Къ стѣнамъ также были пристроены лавчонки, погреба, сараи, конюшни отъ домовъ. Нечистота при стѣнахъ все больше и больше увеличивалась, заражала воздухъ. Болѣе всего такихъ лачужекъ и плохихъ построекъ въ этомъ центрѣ города было на земляхъ, захваченныхъ духовными властями. Церковное духовенство не только въ подворьяхъ, но и на церковныхъ земляхъ завело погреба, харчевни, и даже подъ церквами подѣлало цирюльни [109]).

Начальникъ кремлевской канцеляріи, П. С. Валуевъ, входилъ къ оберъ-полиційместеру, А. А. Беклешову, въ 1806 году, съ прошеніемъ; послѣдній предлагалъ митрополиту Платону свести такія заведенія съ церковныхъ земель. Платонъ не согласился, представивъ въ отвѣтъ, что оттого много потерпятъ какъ церковные доходы, такъ и церковнослужители, которыхъ состояніе было весьма посредственно и близко къ бѣдному.

Особенно во всемъ Китаѣ-городѣ было мѣсто самое грязное и неблагообразное, такъ называемое «пѣвчія», большая и малая, т. е. дома, принадлежавшіе владѣнію синодальныхъ пѣвчихъ, которые сами здѣсь не жили, а отдавали постройки въ наймы. Дома эти были большею частью деревянные, раздѣленные перегородками на маленькія комнаты, углы и чуланы, въ которыхъ въ каждомъ помѣщалось особое заведеніе или жила семья.

Здѣсь съ давнихъ поръ были «блинни», харчевни, малыя съѣдобныя, трактиры, кофейныя и разныя мастерскія, чрезвычайно набитыя мастеровыми и жильцами. На случай пожара эта мѣстность представляла большую опасность вслѣдствіе близости къ торговымъ рядамъ и невозможности тутъ дѣйствовать пожарнымъ. Въ 1804 году здѣсь всѣ деревянныя строенія, какъ противозаконныя, были сломаны и оставленъ былъ одинъ трактиръ.

При китайской стѣнѣ были построены 204 деревянныя лавки, въ 1783 году, съ дозволенія графа З. Г. Чернышева, а каменныя, въ 1786 г., по волѣ графа Я. А. Брюса; земля для нихъ дана была безъ платы, съ тѣмъ, чтобы только застроили пустое мѣсто и содержали тутъ мостовую. Прочія зданія при стѣнахъ построены, по

словесному дозволенію оберъ-полицiймейстера Архарова, около 1780 года, а большая часть владѣльцевъ и сами не знали, какъ они достались ихъ предкамъ и не имѣли на нихъ никакихъ документовъ.

За стѣною отъ Воскресенскихъ до Никольскихъ воротъ стояли постройки не менѣе безобразныя. Встарину предполагали стѣну отъ Никольскихъ до Варварскихъ воротъ сломать для площади и для сдѣланія удобной проѣзжей дороги, вмѣсто тогда здѣсь бывшей тѣсной и излучистой, проходившей мимо церкви Іоанна Богослова, что подъ Вязомъ между Ильинскими и Никольскими воротами.

Отъ Варварскихъ воротъ до Москворѣцкаго моста стѣна была больше другихъ всѣхъ, по низменности мѣста и потому, что больше другихъ была заложена пристройками отъ домовъ, лавками и амбарами, такъ что одни только ея зубцы были видны. Къ этой-то стѣнѣ больше всего стекали нечистоты, застаивались и производили смрадъ.

Скопленію нечистотъ много содѣйствовали фортификаціонныя земляныя укрѣпленія, бастіонъ и ровъ, которыхъ въ древности никогда не было. Ими были заложены всѣ стоки изъ города, издавна проведенные и прежде строго оберегавшіеся.

Въ 1807 г. часть стѣны Китая въ полѣ, противъ воспитательнаго дома, мимо которой былъ запрещенъ и проѣздъ, обрушилась на $2^1/_2$ сажени, а смежныя растрескались. На починку ихъ нужно было 190,000 руб. сер. А. А. Беклешовъ еще въ 1805 году представлялъ стѣну Китая съ башнями отъ воротъ Никольскихъ до Москворѣцкаго моста сломать, какъ ненужную и ветхую, а на мѣстѣ ея сдѣлать бульвары для гулянья — императоръ Александръ I на это не согласился, желая сохранить всѣ древнія строенія въ Москвѣ въ ихъ первобытномъ видѣ.

Ровъ подлѣ стѣны Китай-города былъ вездѣ заваленъ мусоромъ, особенно противъ присутственныхъ мѣстъ. Онъ служилъ свалкою всякихъ нечистотъ и ямою для окрестныхъ жителей и прохожихъ — его расчистили только въ 1802 году.

ГЛАВА XXII.

Домъ гетмана Мазепы.— Любовныя похожденія этого авантюриста.— Смерть и похороны послѣдняго полновластнаго гетмана Малороссіи.—Лопухины.—Первая супруга Петра Перваго. — Абрамъ Лопухинъ.—Несчастная судьба Натальи Лопухиной. — Домъ бригадира Н. А. Сумарокова.—Родовая усыпальница Сумароковыхъ.— Комнатный стольникъ И. Б. Сумароковъ.—Панкратій Сумароковъ.— Дѣти Василья Сумарокова.—П. П. Сумароковъ.—Ссылка въ Сибирь.—А. П. Сумароковъ.—Нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни.—П. С. Сумароковъ и служебная его карьера.—Его московскій домъ съ минералогическимъ кабинетомъ.

Въ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОМЪ переулкѣ, на Покровкѣ, гдѣ теперь стоитъ лютеранская церковь св. Петра и Павла, находился нѣкогда домъ малороссійскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы, извѣстнаго авантюриста Петровскаго времени.

Онъ родился въ селѣ Мазепинцахъ, въ Кіевской губерніи, и происходилъ родомъ изъ малороссійскихъ дворянъ. Предокъ его, будучи полковникомъ, сожженъ поляками въ мѣдномъ быкѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Наливайкою. Мазепа воспитывался въ Польшѣ у іезуитовъ и въ совершенствѣ зналъ многіе иностранные языки; въ молодости онъ отличался пріятною наружностью и нравился польскимъ дамамъ.

Существуетъ преданіе, что одинъ польскій магнатъ засталъ его со свою женою, приказалъ раздѣть его, облить дегтемъ, обсыпать пухомъ, привязать веревками къ дикой лошади и пустить въ степь. Это случилось на границѣ Малороссіи; казаки спасли его отъ не-

минуемой смерти. Такое жестокое наказаніе не вылечило Мазепу отъ ухаживанія за чужими женами и дѣвицами. Впослѣдствіи мы видимъ, въ числѣ многихъ обольщенныхъ имъ женщинъ, крестницу его Матрену (названную Пушкинымъ Маріею), дочь генеральнаго судьи Кочубея и родственницу короля Лещинскаго, княжну Дульскую, для полученія руки которой Мазепа хотѣлъ привести Малороссію въ подданство польское.

Любовныя похожденія Мазепы въ его юности, подробно разсказанныя шляхтичемъ Паскомъ, не разъ служили канвою поэтическихъ вымысловъ, начиная съ Байрона, Пушкина и Булгарина. Романъ Мазепы съ дочерью Кочубея въ подробностяхъ мало извѣстенъ. Повидимому, онъ сталъ сватать дочь Кочубея, Матрену, свою крестницу. Кочубей, не желая быть законопреступнымъ отцомъ и маловѣрнымъ христіаниномъ, на бракъ не согласился. Мазепа, однако, до того приворожилъ къ себѣ крестницу, что она стала «бѣгать» къ соблазнителю изъ отцовскаго дома, стала «плевать» на отца и мать.

Изъ сохранившихся «рукописныхъ грамотокъ» Мазепы къ Матренѣ видно, что страсть разгоралась постепенно, что у гетмана достаточно было времени одуматься. Въ одномъ письмѣ, вѣроятно въ началѣ этой любви, Мазепа пишетъ: «Запечалился я, услыхавъ о твоемъ гнѣвѣ, что отослалъ тебя домой, а не оставилъ у себя. Посуди сама, чтобъ изъ этого вышло: во-первыхъ, родные твои не преминули бы разгласить, что, захвативъ дочь ихъ, ночью держу у себя за наложницу; а другое, оставаясь у меня, ни я, ни ты не смогли бы сохранить благоразумія, стали бы жить какъ въ бракѣ живутъ, а засимъ явилось бы неблагословеніе отъ церкви и клятва, чтобъ намъ вмѣстѣ не жить. Куда же бы я тогда подѣлся? Да и тебя было бы жаль, чтобъ потомъ на меня не плакала».

Но благоразуміе стараго гетмана было недолгое; въ слѣдующихъ письмахъ встрѣчаемъ уже такія фразы: «Вспомни только свои слова, вспомни свою присягу, посмотри на свою руку, которую не разъ давала мнѣ въ залогъ, что до смерти любить будешь, что будешь женою, хоть не будешь! Цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькія, и всѣ члонки тельця твоего бѣленькаго, моя любенько коханая». Благоразуміе исчезло; Мазепа сталъ жить съ Матреною «якъ малженство (бракъ) кажетъ». Но этого мало; соблазнивъ Кочубеевну, Мазепа, для поддержанія ея страсти, заставлялъ ее смотрѣть на отца и мать, какъ на враговъ.

Самъ Кочубей про страсть Мазепы писалъ къ царю такъ: «Прельщая своими рукописаными грамотками дщерь мою, непре-

станно къ своему зломыслію, посылая ей дары различные, яко единой отъ наложницъ, дабы азъ отъ печали животъ погубилъ; но едва не возмогъ лестію преклонися къ обаянію и чародѣянію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ еже дщери моей возбѣситеся и бѣгати, на отца и матерь плевати».

Любовь Мазепы не была продолжительна; отринутая Мазепой и родными, Матрена умерла отъ горя.

Мазепа былъ и женатъ, но о женѣ его только извѣстно, что она была вдова какого-то заднѣпровскаго шляхтича Фридрикевича; по крайней мѣрѣ, не разъ встрѣчаются въ архивныхъ бумагахъ извѣстія о пасынкѣ Мазепы, Криштофѣ Фридрикевичѣ.

Мазепа былъ росту средняго, смуглъ, худощавъ, имѣлъ небольшіе черные, огненные глаза, брови густыя, взоръ гордый и суровый, улыбку язвительную, усы воинственные.

И. С. Мазепа.

Съ портрета, находящагося на современной ему аллегорической гравюрѣ дьякона Мишуры.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, знавшій лично Мазепу, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Мазепа былъ скрытенъ и остороженъ въ величайшей степени; но когда надо ему было вывѣдать какую тайну, онъ прикидывался откровеннымъ и въ подобныхъ случаяхъ прибѣгалъ обыкновенно къ вину, притворялся пьянымъ, нападалъ на хитрыхъ людей, выхвалялъ чистосердечныхъ и непримѣтнымъ образомъ доводилъ разгоряченныхъ виномъ до откровенности».

Намѣреваясь присоединить вновь къ Польшѣ Малороссію и зная, какъ жители этого края не любили поляковъ за вводимую ими унію, онъ сталъ оказывать мнимое усердіе къ православію, созидалъ каменныя церкви, снабжалъ разные монастыри и храмы богатыми утварями; любочестіе Мазепы доходило до того, что онъ на колоколахъ, иконостасахъ, окнахъ церквей и въ алтаряхъ ставилъ изображеніе своего герба.

На однихъ царскихъ вратахъ въ Кіевѣ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго[110]), въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, еще виднѣлся портретъ Мазепы. Обманывая набожностью малороссіянъ, онъ отдалялъ у нихъ всякое подозрѣніе къ отступничеству отъ

русскихъ. Когда нужно было ему бездѣйствіе, то онъ притворялся тяжко больнымъ и дряхлымъ; доктора не покидали его ни на одну минуту, и онъ лежалъ въ постели, обложенный пластырями и мазями и стоналъ, и говорилъ языкомъ полумертваго человѣка.

Притворныя его страданія иногда увеличивались до того, что онъ прибѣгалъ и къ кощунству. Такъ, не желая участвовать въ военномъ совѣтѣ и идти съ войскомъ на подкрѣпленіе къ Шереметеву, онъ слегъ въ постель, не поворачивался въ ней безъ помощи слугъ и просилъ кіевскаго митрополита Іоасафа пособоровать его масломъ.

Долго Мазепа прикрывался мнимой своей вѣрностью къ царю и усердіемъ къ престолу русскому, и когда Янъ Собѣскій, ханъ крымскій и Станиславъ Лещинскій старались въ разное время преклонить его въ свою сторону, онъ оставался непоколебимымъ и отправлялъ въ Москву привезенныя ими бумаги.

Петръ не разъ награждалъ Мазепу по-царски; жаловалъ его кафтанами на соболяхъ, съ алмазными запонками, саблями въ драгоцѣнныхъ оправахъ и многими другими наградами.

Мазепа два раза былъ въ Москвѣ. Въ первый разъ 8-го февраля 1700 года онъ получилъ новоучрежденный орденъ св. Андрея Первозваннаго — онъ былъ вторымъ кавалеромъ этого ордена, и во второй—въ 1702 г. для поздравленія Петра съ побѣдой надъ шведами при Эрестферѣ. Въ 1703 году получилъ онъ отъ царя 1,900 душъ крестьянъ, а отъ польскаго короля Августа — орденъ Бѣлаго Орла.

Узнавъ о болѣзни Мазепы, въ 1686 году, государь посылалъ ему въ Батуринъ лекаря Романа Николаева, и три года спустя новаго доктора Яна Комнина. Мазепа находился въ большомъ уваженіи у царя.

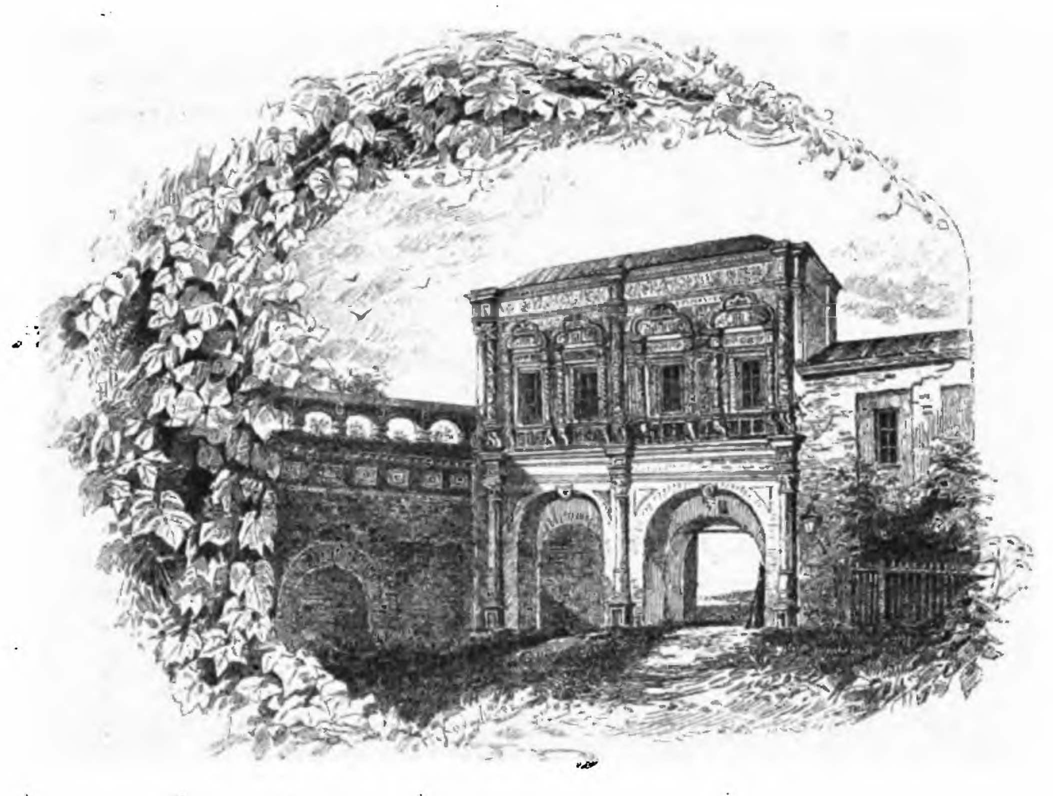
Во время проѣздовъ гетмана на дорогѣ были разставлены для него по триста пятидесяти подводъ. Каждый день отпускалось ему въ Москвѣ по восьми чарокъ вина двойного, по полведра меда вареннаго, по ведру меда бѣлаго, по два ведра пива добраго. Свитѣ были выдаваемы напитки особо.

Стряпчему Текутьеву велѣно смотрѣть: «чтобы гетманъ и всѣхъ чиновъ люди, имѣющіе съ нимъ пріѣхать, были во всякомъ удовольствіи и челобитья о томъ великому государю не было». Два капитана съ двадцатью четырьмя стрѣльцами провожали Мазепу до границы украинской.

Осыпанный милостями Петра I, честолюбивый Мазепа завелъ связи съ польскимъ королемъ, которому обѣщалъ Украйну, и, на-

конецъ, запутавшись въ своихъ собственныхъ политическихъ разсчетахъ и боясь разоблаченія своихъ плановъ, въ 1706 году передался Карлу XII.

Измѣнническую присягу въ вѣрности королю шведскому Мазепа принялъ въ Горкахъ, мѣстечкѣ Могилевской губерніи Оршанскаго уѣзда на рѣчкѣ Пронѣ.



Ворота Крутицкаго архіерейскаго дома.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

По словамъ лѣтописца, у старика Мазепы сверкали еще глаза, когда онъ вошелъ къ королю. Его провожали генеральный обозный, судья, писарь, два есаула, нѣсколько полковниковъ и около тысячи казаковъ; передъ нимъ несли знаки его достоинства — бунчукъ и гетманскую булаву. Мазепа произнесъ королю рѣчь на латинскомъ языкѣ; онъ просилъ его принять казаковъ подъ свою защиту, благодарилъ Бога за то, что король рѣшился освободить Украйну и отъ московскаго ига. Послѣ этого поцѣловалъ

руку короля и, какъ страдавшій падагрою, получилъ позволеніе сѣсть.

Петръ Великій очень огорчился измѣною «новаго Іуды», какъ назвалъ его царь, и немедленно было приказано избрать новаго гетмана. Меншиковъ, взявъ Батуринъ, обратилъ въ пепелъ прекрасный дворецъ Мазепы. 12-го ноября малороссійское духовенство въ Глуховѣ, въ присутствіи государя, предало вѣчному проклятію Мазепу и его приверженцевъ.

Въ тотъ же день вынесли на площадь набитую чучелу измѣнника. Прочитанъ приговоръ о преступленіи и казни его; разорваны княземъ Меншиковымъ и графомъ Головкинымъ жалованныя ему граматы на гетманскій урядъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго и снята съ чучела лента. Потомъ бросили палачу изображеніе измѣнника; всѣ топтали его ногами и палачъ тащилъ чучелу на веревкѣ по улицамъ и площадямъ городскимъ до мѣста казни, гдѣ и повѣсилъ.

Вскорѣ, къ чувствительному огорченію измѣнника, князь Голицынъ овладѣлъ Бѣлою Церковью и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми сокровищами Мазепы, простиравшимися до двухъ милліоновъ; скрытое въ Печерскомъ монастырѣ богатство Мазепы также досталось русскимъ.

Послѣ полтавской битвы Мазепа бѣжалъ съ Карломъ XII въ Бендеры, и когда потребовалъ Петръ отъ султана его выдачи, 22-го сентября 1709 года, Мазепа отравился. Принявъ ядъ, Мазепа велѣлъ сжечь при себѣ всѣ бумаги, находившіяся въ его ларцѣ: «Пускай одинъ я буду несчастливъ,— сказалъ онъ,— а не многіе, которыхъ враги мои, можетъ быть, и не думали, или думать не смѣли; но судьба жестокая все разрушила на неизвѣстный конецъ!»

На третій день происходили похороны его тѣла. Впереди шли музыканты, за ними одинъ штабъ-офицеръ несъ гетманскую булаву; нѣсколько казаковъ съ обнаженными саблями окружали дроги, запряженныя въ шесть бѣлыхъ лошадей; за гробомъ слѣдовали многія казачки-плакальщицы.

Старшины и рядовые съ опущенными знаменами и обращенными внизъ ружьями оканчивали шествіе. Тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ, близъ Бендеръ; имя Мазепы, проклинаемое церковью, сдѣлалось нарицательнымъ каждаго измѣнника. Послѣ домъ Мазепы въ Москвѣ принадлежалъ брату царицы Евдокіи Ѳеодоровны—Абраму Ѳеодоровичу, извѣстному ненавистнику иностранцевъ, оскорблявшему Лефорта даже въ присутствіи царя.

Шведскій резидентъ Кохенъ разсказываетъ, что однажды, когда государь обѣдалъ у Лефорта, въ жару спора Лопухинъ сталъ поносить Лефорта самыми непристойными выраженіями и, наконецъ, схватился въ рукопашную, и въ дракѣ сильно измялъ прическу перваго адмирала.

Петръ сейчасъ же вступился за своего любимца и наказалъ дерзкаго драчуна нѣсколькими пощечинами. Въ первое время по женитьбѣ государя на Лопухиной всѣ ея родственники пользовались расположеніемъ и вниманіемъ царя. Свадьба царя на Лопухиной была, по разсказамъ придворныхъ, предназначена еще царицей Натальей Кирилловной.

Обрядъ вѣнчанія совершался не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, а въ небольшой придворной церкви св. Петра и Павла; вѣнчалъ царя протопопъ Меркурій.

По случаю этого брака всѣ родственники царицы были пожалованы царемъ въ почетныя званія и надѣлены дарами. Отецъ царицы Евдокіи, Илларіонъ Абрамовичъ, послѣ бракосочетанія дочери былъ переименованъ царемъ въ Өеодора. Въ первое время послѣ женитьбы царь жилъ съ женою въ согласіи, но, спустя восемь лѣтъ, Петръ охладѣлъ къ своей женѣ. Чѣмъ провинилась царица передъ супругомъ—остается тайною посейчасъ.

Предполагать надо, что Евдокія Өеодоровна охладѣла царю оттого, что мучила его своею ревностью и упреками за привязанность къ иностранцамъ. Трудно согласиться, чтобъ безъ важныхъ причинъ Петръ рѣшился заточить свою супругу въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь. Царица Евдокія не признала осужденія царя и черезъ нѣсколько недѣль послѣ постриженія сняла монашеское платье и надѣла мірское.

Здѣсь явился Степанъ Глѣбовъ, красавецъ собой, сострадавшій бѣдствіямъ царицы; онъ началъ ухаживать за ней, дарилъ ее парами и соболями; приближенные царицы помогали ему. Только когда началось дѣло царевича Алексѣя, царь узналъ о Глѣбовѣ и дѣлалъ Евдокіи съ нимъ очную ставку на генеральномъ дворѣ и не пощадилъ царицу, приказавъ подтвердить сознаніе собственноручнымъ подписомъ.

Покровскій монастырь считается неблагонадежнымъ мѣстомъ ссылки и Евдокія переводится въ Новоладожскій монастырь, гдѣ, подъ страхомъ смертной казни, съ ней запрещается говорить. Ссылка ея въ Ладожскій монастырь была извѣстна только немногимъ и въ народѣ даже говорили, что она сожжена въ Петербургѣ, во время пожара на Конюшенномъ дворѣ въ 1721 году.

Въ это же время и братъ ея, Абрамъ Θеодоровичъ, былъ привезенъ въ оковахъ вмѣстѣ съ другими несчастными, прикосновенными къ дѣлу царевича, въ Петропавловскую крѣпость, и 9-го декабря 1718 года надъ нимъ былъ исполненъ смертный приговоръ.

Лопухинъ былъ казненъ послѣднимъ. Гордый братъ царицы принялъ смерть безстрашно: смѣло вошелъ на эшафотъ, перекрестился и положилъ голову на плаху. Онъ все время былъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и, негодуя на нововведенія царя, упорно воздерживался отъ дѣлъ и отстранялся отъ службы и отказывался отъ должностей.

Три года спустя послѣ этихъ казней, Берхгольцъ еще видѣлъ на площади шесты съ воткнутыми на нихъ головами.

Послѣ смерти Петра Екатерина I приказала перевезти царицу Евдокію Θеодоровну въ Шлиссельбургъ и заточила ее въ тѣсную каморку.

Берхгольцъ пишетъ, что въ 1725 году, обозрѣвая внутреннее расположеніе Шлиссельбургской крѣпости, онъ приблизился къ большой деревянной башнѣ, въ которой содержалась Лопухина. «Не знаю,—говоритъ онъ,—съ намѣреніемъ или нечаянно вышла она въ это время прогуливаться по двору. Увидя меня, она поклонилась и громко говорила, но словъ за отдаленностью нельзя было разслушать».

Со вступленіемъ на престолъ юнаго Петра II, царица была возвращена изъ ссылки. Трогательно было свиданіе бабки съ внукомъ; царица заливалась слезами и цѣлый часъ не могла промолвить слова.

Измученная горемъ царица тяготилась придворной жизнью и вскорѣ переѣхала въ Москву и поселилась тамъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. При ней былъ составленъ особый дворъ и назначенъ гофмейстеромъ Измайловъ. Она умерла 62 лѣтъ, въ 1731 году, и погребена въ этомъ же монастырѣ; на гробницѣ ея слѣдующая надпись: «1731 года, мѣсяца августа, 27-го числа, преставися раба Божія государя царя, перваго императора Петра Алексѣевича, супруга его первая Евдокія Θедоровна, родилась 17..., въ монахиняхъ Елена».

Такою же несчастною судьбою отличалась въ Елисаветинское время и Наталья Θедоровна Лопухина, бывшая замужемъ за двоюроднымъ братомъ Евдокіи. Наталья Θедоровна дочь генерала Балкъ-Полева; по словамъ современниковъ, она затмевала красотою всѣхъ придворныхъ дамъ и даже возбудила зависть самой царевны Елисаветы.

Толпа поклонниковъ окружала ее; съ кѣмъ танцовала она, съ кѣмъ говорила, на кого посмотрѣла, тотъ считалъ себя уже счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Изъ всѣхъ поклонниковъ у ней былъ одинъ только, который обращалъ вниманіе Лопухиной, это—графъ Левенвольдъ; счастливецъ этотъ состоялъ камергеромъ высочайшаго двора при Екатеринѣ I. Левенвольдъ былъ первымъ

Царица Евдокія Өеодоровна.
Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову.

вельможею въ свое время, отличался щегольскою одеждою и великолѣпными праздниками и велъ большую картежную игру.

Въ государственныя дѣла онъ не вмѣшивался, но при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ противъ воли принялъ участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ; когда Елисавета вступила на престолъ, въ тотъ же день Левенвольдъ былъ заключенъ въ крѣпость и преданъ суду; его приговорили къ смертной казни, но Елисавета

смягчила наказаніе лишеніемъ чиновъ, орденовъ, дворянства, имѣнія и ссылкою въ Сибирь, куда послѣдовала за нимъ и его жена. Манштейнъ говоритъ, что Левенвольдъ перенесъ свое несчастіе съ удивительною твердостью.

Князь Шаховской, которому поручено было отправить его въ мѣсто ссылки, отзывается иначе: «Лишь только я вступилъ въ темную и пространную казарму,—говоритъ онъ,—вдругъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ обнялъ мои колѣни и весьма въ робкомъ видѣ, въ смущенномъ духѣ говорилъ такъ тихо, что нельзя было вслушаться въ слова его: всклоченные волосы, сѣдая борода, блѣдное лицо, впалыя щеки, оборванная неопрятная одежда его внушали мнѣ мысль, что это какой-либо мастеровой, содержащійся подъ арестомъ. — Отдалите этого несчастнаго, сказалъ я сопровождавшему меня офицеру, и проводите меня, гдѣ находится бывшій графъ Левенвольдъ.—«Онъ передъ вами», отвѣчалъ офицеръ.

«Тогда живо представились воображенію моему долговременная служба его при дворѣ, отмѣнная къ нему милость монаршая, великолѣпныя палаты его, гдѣ онъ, украшенный всѣми орденами, блисталъ одеждою и удивлялъ всѣхъ пышностью».

По словамъ Дюка де-Лирія, Левенвольдъ возвысился посредствомъ женщинъ, едва вѣрилъ бытію Бога и жертвовалъ всѣмъ для достиженія своей цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ уменъ, великодушенъ, благороденъ въ поступкахъ, обходителенъ и умѣлъ придать блескъ празднествамъ императрицы. Левенвольдъ умеръ въ ссылкѣ въ 1758 г.

Со ссылкою въ Сибирь Левенвольда, негодованіе и досада овладѣли сердцемъ Наталіи Лопухиной, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій, посѣщала только одну графиню Бестужеву, родную сестру графа Головкина, сосланнаго также въ Сибирь, и очень понятно, осуждала тогдашній порядокъ вещей. Этого было достаточно; двое приближенныхъ Елисаветы, князь Никита Трубецкой и графъ Лестокъ, ради своихъ плановъ стали искать несуществующій заговоръ противъ императрицы въ пользу младенца Іоанна! Агенты Лестока—Бергеръ и Фалькенбергъ—напоили въ одномъ изъ герберговъ подгулявшаго юнаго сына Лопухиной и вызвали его на откровенность; Лопухинъ далъ волю языку и понесъ разный вздоръ.

Изъ этого вздора Лестокъ составилъ доносъ или, лучше, мнимое Ботто-лопухинское дѣло. Лестокъ и Трубецкой старались замѣшать въ это дѣло бывшаго австрійскаго посла при нашемъ дворѣ маркиза Ботта д'Адорна, который былъ въ хорошихъ отно-

шеніяхъ съ Лопухиной, и выставить его какъ главнаго зачинщика. Концомъ процесса было присужденіе Лопухиныхъ: Степана, Наталію и Ивана бить кнутомъ, вырѣзать языки, сослать въ Сибирь и все имущество конфисковать.

Казнь Лопухиной описываетъ аббатъ Шапъ-Датрошъ (см. стр. 77).

Казнь происходила на Васильевскомъ островѣ, у зданія 12-ти коллегій, гдѣ теперь университетъ. Наталія Ѳедоровна Лопухина пострадала очень отъ наказанія, потому что отбивалась изъ рукъ палача. Лишившись части языка, она могла объясняться впослѣдствіи только съ тѣми, кто довольно привыкъ къ звукамъ ея голоса. При казни Лопухиной палачъ, когда вырвалъ ей часть языка, громко крикнулъ, обращаясь съ насмѣшкой къ народу: «купите, дешево продамъ».

Въ ссылкѣ вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ она пробыла восемнадцать лѣтъ; возвращена она оттуда въ 1762 году императрицею Екатериною II, и снова жила въ высшемъ свѣтѣ, гдѣ уже толпа любопытныхъ, а не поклонниковъ, окружала ее. Она умерла въ 1763 году, за пять лѣтъ до смерти Лопухина, изъ лютеранства перейдя въ православіе.

Въ Екатерининское время въ Бахметьевскомъ переулкѣ, въ приходѣ Успенія на Могильцахъ, стоялъ домъ бригадира Н. А. Сумарокова, приходившагося племянникомъ извѣстному въ лѣтописяхъ нашей литературы А. Н. Сумарокову.

Домъ этого бригадира отличался всѣми затѣями прошлаго барства и съ утра до вечера кишѣлъ гостями и многочисленной челядью. Владѣлецъ богатыхъ имѣній въ Пензенскомъ и Калужскомъ намѣстничествахъ и болѣе 3 тысячъ душъ крестьянъ, Сумароковъ жилъ какимъ-то владѣтельнымъ князькомъ. Такъ, отличаясь набожностью, онъ выходилъ изъ дому въ церковь съ особенною торжественностью, окруженный своимъ семействомъ и большой свитой гайдуковъ, гусаровъ, лакеевъ и женской прислуги, сопровождавшей его жену и дочерей. Такіе выходы Сумароковъ совершалъ изъ своего дома къ церкви св. Николая въ Столпахъ, гдѣ погребены многочисленные родственники его фамиліи. У Сумарокова былъ большой хоръ своихъ пѣвчихъ, одѣтыхъ въ богатые парчевые кафтаны; хоръ этотъ славился стройностью своего пѣнія; имъ одно время управлялъ славный композиторъ Галуппи.

Родъ Сумароковыхъ былъ извѣстенъ еще въ XVI столѣтіи; родоначальникомъ его считается ученый иностранецъ, «зѣло искусный въ землемѣріи», происхожденіемъ шведъ.

Изъ потомковъ его первый извѣстенъ комнатный стольникъ царя Алексѣя Михайловича, Иванъ Богдановичъ, отличавшійся необыкновенною силою и охотничьею удалью: онъ неоднократно вступалъ въ единоборство съ разсвирѣпѣлымъ медвѣдемъ, и разъ, когда на охотѣ царю Алексѣю Михайловичу угрожала опасность, онъ въ одно мгновеніе заслонилъ царя, принялъ звѣря на рогатину и распоролъ ему животъ ножомъ.

Этотъ Сумароковъ носилъ прозвище Орла—за свою лихость. Во время правленія царевны Софіи, мятежники, заговорщики противъ Петра, посадили Сумарокова въ казематы въ Дѣвичьемъ монастырѣ, истязали тамъ пытками, желая склонить его на свою сторону и, подстрекая тайно убить брата Петра, царя Іоанна, говорили: «Орелъ, убей ты намъ того орла, который часто летаетъ на Воробьевы горы». У царя Іоанна на Воробьевыхъ горахъ былъ любимый лѣтній дворецъ, который онъ очень любилъ и часто живалъ тамъ.

Измученный пытками, вѣрный присягѣ, Иванъ Сумароковъ не вынесъ страданій и подъ истязаніями скончался въ одномъ изъ застѣнковъ Дѣвичьяго монастыря.

Меньшой его братъ, Панкратій, былъ вызванъ впослѣдствіи Петромъ изъ каширскаго имѣнія и записанъ въ «потѣшные». По преданію, Панкратій былъ такой же красавецъ, какъ и его братъ, и не было той красавицы на Москвѣ, которая не сходила бы съ ума отъ любви къ нему.

Женитьба послѣдняго отличалась романическою подкладкой: онъ увезъ у богатаго и гордаго боярина Зиновьева единственную его дочь-красавицу. На этотъ увозъ самъ царь посмотрѣлъ вначалѣ грозно, но, залюбовавшись на красоту новобрачныхъ, простилъ ихъ и, вдобавокъ, еще подарилъ имъ богатыя пензенскія вотчины.

Когда родился сынъ у Сумарокова, Петръ, то онъ уже не числился въ потѣшныхъ, а былъ по документамъ стряпчимъ съ ключемъ. Петръ Панкратьевичъ Сумароковъ съ самаго младенчества былъ облагодѣтельствованъ царемъ—Петръ Великій самъ крестилъ его и пожаловалъ ему на зубокъ тысячу душъ. Онъ служилъ въ гражданской службѣ и умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Крестникъ царя, Петръ Панкратьевичъ, жилъ въ своихъ богатыхъ имѣніяхъ по-барски; онъ былъ женатъ на П. И. Приклонской, у него было три сына и четыре дочери. При раздѣлѣ ихъ, богатое имѣніе отца распалось на семь частей и потомъ пошло дробиться до безконечности. Надъ потомками его тяготѣлъ какой-то несчастный фатумъ.

Торговка старыми вещами.
Съ гравюры Гейслера.

Двѣ его дочери были очень несчастливы въ замужествѣ. Мужъ одной изъ нихъ былъ въ свое время извѣстный всей Москвѣ скряга, котораго родной братъ жены его, Александръ Петровичъ, заклеймилъ именемъ Кащея и осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ пѣсняхъ, нанимая фабричныхъ пѣть эти пѣсни подъ его окнами. Мужъ другой былъ тоже крайне недобросовѣстный человѣкъ. Двѣ другія дочери также были очень несчастливы и одна изъ нихъ съ горя даже помѣшалась.

Но особенно преслѣдовала судьба потомковъ старшаго сына, Василія. Самъ онъ еще пользовался почетомъ и хорошимъ достаткомъ; чинъ его былъ генеральскій и занималъ онъ должность президента московской бергъ-коллегіи. По дѣламъ службы онъ жилъ постоянно въ Москвѣ и имѣніями занимался мало, поручивъ управлять ими ловкому и хитрому мошеннику, при которомъ сосѣдями, отъ которыхъ онъ бралъ взятки, и было отрѣзано имѣніе по частямъ при генеральномъ размежеваніи.

Въ то время, по разсказамъ, отрѣзку земли отъ прежняго владѣльца дѣлали очень не хитро, закормивъ и задаривъ землемѣра. Помнившіе генеральное размежеваніе описывали его такъ: Выѣдетъ, бывало, богатый помѣщикъ въ поле вмѣстѣ съ землемѣрами, въ длинной линейкѣ въ шесть лошадей, съ двумя форейторами, да съ вершниками въ охотничьихъ кафтанахъ и ѣдетъ онъ вокругъ своей дачи по смежнымъ землямъ, которыя задумалось ему захватить. Остановится гдѣ надо. Народъ и смежные владѣльцы собраны. Землемѣръ и закричитъ: «Слушайте, господа и народъ православный, вотъ эта вся земля, по которой мы ѣдемъ, принадлежитъ этому владѣльцу», т. е. тому, съ кѣмъ онъ сидитъ.—«Помилуйте, батюшка, плачутъ крестьяне, эта земля съизстари наша или такого-то помѣщика».—«Вздоръ! закричитъ землемѣръ: это неправильно, я вижу по писцовымъ книгамъ, что земля принадлежитъ ему, и какъ мнѣ законъ велитъ, такъ я отрѣжу». Бѣдный человѣкъ, у котораго отрѣзали землю, идетъ домой и кулакомъ утираетъ слезы, а богатый на той же межѣ съ землемѣромъ и своими приспѣшниками задаетъ пиръ горой. Часто случалось, что какой нибудь сильный вельможа, отрѣзавшій землю у бѣдняка, дарилъ землемѣру за это только какого нибудь иноходца или немудренаго рысачка своего завода.

У этого Василія Сумарокова былъ сынъ Платонъ, служившій въ межевой канцеляріи; послѣдній былъ пристрастенъ къ крѣпкимъ напиткамъ и впослѣдствіи сошелъ съ ума; въ числѣ его пяти дѣтей извѣстенъ по своей печальной судьбѣ Панкратій Платоно-

вичъ, поэтъ и издатель многихъ журналовъ въ свое время. Панкратій Сумароковъ до двѣнадцати лѣтъ жилъ въ деревнѣ, потомъ былъ взятъ въ Москву, въ домъ своего родственника, генералъ-маіора И. И. Юшкова, проживавшаго въ приходѣ Флора и Лавра, на Мясницкой улицѣ; здѣсь онъ получилъ блистательное образованіе съ полнымъ знаніемъ нѣсколькихъ языковъ. Когда ему исполнилось 18 лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ и записали въ Конно-гвардейскій полкъ; черезъ годъ онъ былъ уже корнетомъ гвардіи, что въ тѣ времена составляло огромный шагъ; черезъ два года послѣ того въ Петербургѣ разнесся слухъ, что гвардейскіе офицеры поддѣлываютъ ассигнаціи,—слухъ этотъ возникъ вслѣдствіе обыска, сдѣланнаго въ квартирахъ трехъ офицеровъ. Фальшивыхъ ассигнацій при обыскѣ не было найдено, но одинъ изъ нихъ признался въ сбытѣ фальшивой бумажки.

Наряженная военно-судная комиссія нашла, что это не была поддѣлка ассигнацій, а простой рисунокъ бумажки, набросанный перомъ на обыкновенной почтовой бумагѣ. Началось разбирательство, и вотъ подробности этого дѣла. Сумароковъ сидѣлъ больной дома и скуку развлекалъ рисованіемъ копіи съ гравюры перомъ, въ это время пришелъ къ нему товарищъ по полку, Куницкій, и долго любовался его мастерской работой, наконецъ сказалъ:

— Что за страсть марать бумагу и портить глаза?

Между тѣмъ какъ они разговаривали, вошелъ человѣкъ просить денегъ на покупку провизіи. Сумароковъ досталъ бумажникъ, въ которомъ было нѣсколько ассигнацій, и далъ ему одну изъ нихъ.

— Вотъ, сказалъ Куницкій:—если бы ты рисовалъ ассигнаціи, тогда бы ты точно придавалъ цѣну бумагѣ и я бы согласился, что ты дѣлаешь дѣло. Впрочемъ, я готовъ биться объ закладъ, что, не смотря на все твое искусство въ рисованіи, у тебя не достанетъ искусства нарисовать ассигнацію.

— Похожее на ассигнацію сдѣлать легко, сказалъ Сумароковъ, взялъ ассигнацію и принялся ее срисовывать, желая доказать своему товарищу, что это не такъ мудрено для него, какъ онъ думаетъ.

Роковая ассигнація была готова. На дворѣ стало смеркаться. Куницкій зашелъ опять къ Сумарокову и тотъ показалъ ему нарисованную имъ ассигнацію.

— Неужели это ты нарисовалъ? спросилъ Куницкій, подойдя къ окну и разсматривая поддѣлку.

— Натурально, очень натурально, признаюсь, я отъ тебя не ожидалъ этого, и теперь согласенъ, что ты большой мастеръ рисовать.

*

— Подай же ее назадъ, сказалъ Сумароковъ:—я сейчасъ велю зажечь свѣчку и мы сожжемъ ее.

— Нѣтъ, братецъ, позволь мнѣ ее разсмотрѣть получше на дворѣ: тамъ свѣтлѣе, я здѣсь хорошо не вижу, и, не дожидаясь отвѣта, Куницкій вышелъ изъ комнаты.

Проходитъ десять минутъ — онъ не возвращается; Сумарокова начинаетъ брать безпокойство. Онъ посылаетъ человѣка на дворъ поискать Куницкаго. Проходитъ часъ, Куницкаго нѣтъ. Сумароковъ приходитъ въ отчаяніе; наконецъ часа черезъ два является Куницкій, завернутый въ лисій мѣхъ. Сумароковъ спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ эту обновку.

— Не правду ли я говорилъ, говоритъ Куницкій,—что гораздо выгоднѣе рисовать ассигнаціи, чѣмъ картинки?

Тутъ онъ разсказалъ, что былъ въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ, купивъ лисій мѣхъ, воспользовался темнотою лавки и отдалъ за него ассигнацію, которая была нарисована совсѣмъ не для такого употребленія. Легко себѣ представить испугъ Сумарокова: онъ бранилъ товарища, просилъ его, чтобы онъ указалъ ему лавку, въ которой онъ обманулъ купца, но товарищъ, наскучивъ его упреками, ушелъ, сказавъ, что это все пустяки и объ этомъ не надо думать.

На другой день пришелъ къ Сумарокову другой его товарищъ, Ромбергъ. Сумароковъ разсказалъ ему, какъ было все дѣло, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ Куницкому, чтобъ уговорить его идти выкупить ассигнацію.

Но Куницкій боялся показаться купцу и сказалъ, что онъ положительно отказывается его отыскать, такъ какъ за ночною темнотою навѣрно не можетъ отыскать лавку.

Нѣсколько дней прошло въ нерѣшимости и безпокойствѣ; но, наконецъ, безпечность юности и время уменьшили первый ужасъ. Тайна осталась между троими, и, казалось, въ самомъ дѣлѣ нельзя было опасаться, чтобы она когда либо открылась.

Купецъ, продавшій мѣхъ Куницкому, тотчасъ, по выходѣ его, заперъ лавку, и ассигнація, которую онъ положилъ въ ящикъ, осталась наверху прочихъ денегъ, полученныхъ имъ во время торговли того дня.

Темнота не позволила ему хорошенько разсмотрѣть бумажку, но на другой день онъ ее узналъ. Лицо послѣдняго покупщика у него хорошо врѣзалось въ памяти. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого происшествія Куницкій разъ очень спокойно шелъ по улицѣ; вдругъ на поворотѣ, выйдя изъ-за угла, столкнулся носъ съ носомъ съ

обманутымъ имъ купцомъ. Тотъ останавливается, всматривается, узнаетъ его, кричитъ: «караулъ». Куницкій струсилъ и пускается въ бѣгство; его схватываютъ, спрашиваютъ, кто онъ, и ведутъ къ Михельсону, который въ то время командовалъ полкомъ.

Тамъ онъ во всемъ признался. Посылаютъ за Ромбергомъ и Сумароковымъ, и они подтверждаютъ сказанное имъ, и ихъ всѣхъ троихъ отправляютъ на гауптвахту. Судившая ихъ комиссія не взяла въ оправданіе ихъ молодость и не оправдала ихъ, а приговорила къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ сибирскіе города: перваго—какъ сбытчика фальшивой ассигнаціи, другого—какъ ея рисовальщика, третьяго — какъ укрывателя преступленія.

Исторія эта надѣлала много шума въ Петербургѣ. Мѣстомъ жительства ссыльныхъ былъ назначенъ Тобольскъ, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ А. В. Алябьевъ. Послѣдній взглянулъ на молодыхъ офицеровъ не какъ на преступниковъ, а какъ на странниковъ, занесенныхъ несчастіемъ въ край чужой и далекій; онъ доставилъ имъ полную свободу, а Сумарокову далъ возможность заниматься науками и литературой, въ которой послѣдній еще въ Петербургѣ дѣлалъ стихотворные опыты.

При обыскѣ квартиры Сумарокова, въ числѣ нѣкоторыхъ его литературныхъ произведеній, были найдены сатирическіе стихи на одного изъ начальствующихъ лицъ—командира полка. Эти-то стихи, какъ носились тогда слухи, много повредили исходу его дѣла. Сумароковъ въ Тобольскѣ сталъ издавать журналъ «Иртышъ», превратившійся въ «Иппокрену» [112]) и потомъ: «Библіотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную»; она состояла изъ 12 довольно объемистыхъ книгъ.

Въ 1799 г. онъ выпустилъ первый томъ своихъ стихотвореній. Но, не смотря на всѣ эти занятія, родина все мечталась невинному изгнаннику. Въ 1801 году онъ написалъ Александру I просительное письмо и получилъ прощеніе. Возвратившись въ Россію, онъ поселился въ деревнѣ своей въ Тульской губерніи, гдѣ не покидалъ своихъ литературныхъ трудовъ и, въ 1803 г., издавалъ «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія», а въ 1804 году началъ было издавать съ Карамзинымъ «Вѣстникъ Европы», но вскорѣ занемогъ и бросилъ его. Панкратій Сумароковъ умеръ въ 1814 году, на 49 году отъ рожденія.

Средній сынъ крестника Петра былъ извѣстенъ въ лѣтописяхъ нашего театра. Александръ Петровичъ родился въ 1718 году въ городѣ Вильманстрандѣ, въ Финляндіи. Драматическія произведенія

Сумарокова теперь преданы забвенію, но было время, когда смотрѣли на нихъ, какъ на геніальныя произведенія.

Александръ Петровичъ Сумароковъ былъ гордъ, раздражителенъ и самолюбивъ до крайности; самолюбіе его происходило не отъ пустой самоувѣренности въ своемъ талантѣ, но отъ успѣховъ, какіе онъ имѣлъ тогда на театрѣ, отъ вниманія самой императрицы и отъ похвалъ Вольтера.

Трудно обвинять въ самолюбіи и гордости человѣка, которому рукоплескали образованные люди тогдашней эпохи.

Онъ жилъ въ Москвѣ на Кудринской площади и часто его видѣли, какъ онъ отправлялся пѣшкомъ въ кабакъ черезъ Кудринскую площадь, въ бѣломъ шлафрокѣ, а по камзолу черезъ плечо— Анненская лента.

Современники видѣли въ немъ только человѣка безпокойнаго и неуживчиваго и смѣшного. Невозможно было удержаться отъ смѣха, говоритъ одинъ изъ нихъ, видя передъ собою высокаго, стройнаго мужчину, довольно пріятной наружности, щегольски разодѣтаго, безпрестанно суетящагося, готоваго изъ-за всякой бездѣлицы разсердиться до невозможности.

Въ обоихъ карманахъ камзола у него лежалъ нюхательный табакъ: онъ то изъ одного, то изъ другого вынималъ его горстями, поспѣшно нюхалъ и обильно посыпалъ имъ свой щегольской нарядъ и въ особенности тонкія кружевныя манжеты.

Трудно было также удержаться отъ смѣха, какъ этотъ господинъ изъ пустяковъ выходилъ изъ себя, топалъ ногами, кричалъ и проч. Особенно не долюбливалъ Сумароковъ подъячихъ и полицейскихъ чиновниковъ.

Разъ на подмосковной дачѣ Волынскаго, въ Троицынъ день, простой народъ веселился, пѣлъ и гулялъ. Полиція вздумала вмѣшаться и унимать развеселившихся мужичковъ и грубо расталкивать ихъ. Сумарокова это сильно раздосадовало; онъ вскочилъ на какую-то скамейку и закричалъ полицейскимъ: «Наша матушка бережетъ народъ, а вы что тутъ вздумали озорничать!» Пріятели еле могли его увести.

Онъ долго не могъ успокоиться и все твердилъ: «Да развѣ можно позволять полиціи такъ расталкивать народъ! Вѣдь это такіе-жъ люди, какъ и мы». Онъ, напримѣръ, не могъ хладнокровно слышать, если въ какомъ нибудь домѣ прислугу называли «хамовымъ отродьемъ». Стоило только сказать эти два слова, какъ онъ весь краснѣлъ и, забывая въ досадѣ проститься съ хозяевами, бѣжалъ вонъ изъ дома.

Сумароковъ не боялся сильныхъ вельможъ тогдашняго времени. Онъ много перенесъ отъ своего бѣшенаго, неукротимаго, но при всемъ томъ добраго и великодушнаго характера. Сумароковъ умеръ въ бѣдности въ Москвѣ; никто изъ родныхъ его не пришелъ отдать ему послѣдняго долга, за исключеніемъ только одного дальняго родственника, Юшкова; похоронили его московскіе актеры на свой счетъ; могила его на кладбищѣ Донского монастыря—ее отыскать нельзя, въ ней лежитъ другой покойникъ.

Женатъ Сумароковъ былъ два раза: въ первый разъ на бывшей фрейлинѣ Екатерины, когда послѣдняя была еще великой княгиней; второй разъ Сумароковъ былъ женатъ чуть ли не на своей кухаркѣ.

Въ сочиненіяхъ Сумарокова есть сторона очень важная и любопытная: это взглядъ на любовь и женщину. Женщина русская, только что выпущенная изъ терема, была, въ XVIII вѣкѣ, еще страннымъ явленіемъ въ обществѣ, не смотря на стеченіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Каковы были, по большей части женщины того времени — мы можемъ судить по современнымъ запискамъ, напр., хоть по письмамъ леди Рондо. Преобладающихъ типовъ было два: щеголиха и не совсѣмъ еще освободившаяся отъ идей XVII вѣка женщина.

Оба типа выводимы были много разъ Сумароковымъ, напримѣръ: Деламида (въ «Пустой ссорѣ») и Минодора («Мать совмѣстница дочери»), щеголиха и Хавронья (въ «Рогоносцѣ по воображенію»)— совершенно старо-русская барыня.

Такъ представлялъ Сумароковъ отрицательные женскіе типы; но у него есть стремленіе представить и положительный типъ.

Такой типъ онъ представлялъ въ своихъ трагедіяхъ и, разумѣется, создалъ типъ идеальный, въ которомъ преобладаетъ нѣжность и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрность долгу, такъ что часто драма происходитъ отъ столкновеній этихъ чувствъ.

Выводя въ трагедіяхъ женщину, Сумароковъ изображаетъ и любовь. Любовь въ его представленіи отзывается большою сентиментальностью. Причина понятна и происходило это, разумѣется, большею частью вслѣдствіе подражанія, а подражать въ этомъ случаѣ приходилось потому, что дѣйствительность была слишкомъ далека отъ идеала.

Поэтому не удивительно, что героини трагедій Сумарокова, какъ и Озерова, отзываются Расиномъ, а пастушки—Фонтенелемъ.

Извѣстенъ въ лѣтописяхъ дворцовыхъ событій восемнадцатаго вѣка еще Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ (родился въ 1705 году,

умеръ въ 1786 году). Въ началѣ своей карьеры онъ служилъ камеръ-юнкеромъ у Гольштинскаго герцога, послѣ былъ посылаемъ въ Митаву Ягужинскимъ и врагами Долгорукихъ увѣдомить герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, что она можетъ принять условія верховниковъ, а при восшествіи на всероссійскій престолъ ихъ уничтожить. Сумароковъ хотя и успѣлъ исполнить порученіе, на обратномъ пути былъ однако задержанъ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, закованъ въ кандалы и чуть ли не наказанъ батогами, и освобожденъ былъ только прибывшею въ Москву императрицею Анною Іоанновною. Не смотря на свое усердіе, онъ не былъ любимъ императрицею.

Эта нелюбовь объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сумароковъ служилъ при ненавистномъ ей гольштинскомъ дворѣ. Сумароковъ былъ впослѣдствіи оберъ-шталмейстеромъ, при Елисаветѣ и Екатеринѣ II, и, кромѣ этого, состоялъ директоромъ Шляхетнаго кадетскаго корпуса.

Сумароковъ былъ также въ вѣчной враждѣ съ Орловыми и въ силу этого обстоятельства жилъ всегда, какъ недовольный дворомъ, въ Москвѣ. Домъ его въ Москвѣ былъ невдалекѣ отъ Лубянской площади и отдѣланъ былъ роскошно; владѣлецъ его обладалъ очень хорошимъ минералогическимъ кабинетомъ, въ числѣ рѣдкостей котораго былъ огромный кусокъ магнита, державшій двухъ-пудовой якорь. Магнитъ этотъ былъ подаренъ ему Никитой Акинфіевичемъ Демидовымъ. По смерти Сумарокова, эта диковинка была поднесена императрицѣ Екатеринѣ II.

Село Измайлово въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

ГЛАВА XXIII.

Бульварная Москва до пожарной эпохи.

ВЪ ПЕРВЫХЪ ГОДАХЪ нынѣшняго столѣтія, въ Москвѣ, появились сатирическія стихотворенія, написанныя на тогдашнее общество; обыкновенно стихи эти, или, вѣрнѣе, вирши, затрогивали излюбленныя мѣста прогулокъ москвичей: вокзалъ, Тверской бульваръ и Прѣсненскіе пруды. Тогда въ Москвѣ существовалъ только одинъ бульваръ—Тверской, насаженный березками. Позднѣе березки замѣнили липами и устроили другіе бульвары уже послѣ нашествія французовъ.

На бульваръ и въ другія мѣста въ то время являлись москвичи каждый день. Гуляли они, держа шляпы подъ мышкою, потому что высокая прическа, пудра, помада и шпильки, особенно у дворянъ, слѣдовавшихъ законамъ моды, такъ отягчали и парили головы, что невозможно уже было, особенно лѣтомъ, ходить съ накрытой головой.

Купцы и нечиновный людъ стояли рядами по бульвару, не сближаясь съ аристократіею; у купцовъ, ходившихъ въ нѣмецкомъ платьѣ, на шляпахъ были темныя кокарды, у дворянъ съ такими же пуговками свѣтлыя. Вельможи носили чванливо звѣзды на плащахъ, камзолы ихъ были по большей части красные, съ позументами, съ раззолочеными ключами на спинахъ. Орденскіе знаки и ленты въ то время не покидали, даже когда ѣзжали въ баню.

Встрѣчались тогда на улицахъ во множествѣ и бригадиры, въ своихъ бѣлоплюмажныхъ шляпахъ; отставные военные носили панталоны изъ трико въ обтяжку и высокіе гусарскіе сапоги съ кистями; на фракахъ были пуговки золотыя, воротники торчали высокіе, жабо тоже большое, часовыя цѣпочки двѣ, со множествомъ огромныхъ печатей; у нѣкоторыхъ были кожаныя перевязи, а у большей части франтовъ виднѣлись въ ушахъ серьги.

Молодежь ходила обыкновенно въ очкахъ, нерѣдко сильно набѣленная, нарумяненная и съ насурмленными бровями; у нѣкоторыхъ изъ военныхъ были придѣланы искусственныя плечи, чтобы казаться молодцоватѣе.

Чтобы прослыть модникомъ, тогда нужно было имѣть своихъ собственныхъ лошадей съ рыдваномъ, въ которомъ иной повѣса и катался цѣлый день:

Съ кладбища на сговоръ, съ крестинъ на погребенье,
Съ бульвара на пруды, съ прудовъ въ дворцовый садъ и т. д.

Въ описываемую нами эпоху прекрасный полъ появлялся на улицу одѣтый въ очень короткія платья, почти открытыя, на зарукавьяхъ были змѣйки, пояса находились очень высоко, почти у самой груди; косы въ то время были обрѣзаны, головы завиты барашками. Нѣкоторыя модницы попадались съ гребенками въ курчавыхъ волосахъ величиною до полу-аршина; у пожилыхъ дамъ волосы были взбиты башней и на лбу виднѣлось нѣсколько мушекъ.

Въ первый разъ уличная сатира коснулась москвичей въ девяностывъ годахъ прошедшаго столѣтія. Въ это время въ Москвѣ хошелъ въ большую моду «англійскій вокзалъ». Послѣдній стоялъ близь Рогожской заставы и Дурного переулка.

Мѣсто это теперь застроено домами послѣ пожара 1812 года. Вокзалъ содержалъ иностранецъ Медоксъ, происхожденіемъ грекъ или англичанинъ.

Въ вокзалѣ былъ устроенъ красивый лѣтній театръ; тутъ играли небольшія комическія оперетки и такія же одноактныя комедіи. За представленіемъ на театрѣ слѣдовалъ балъ или маскарадъ, который заканчивался хорошимъ ужиномъ; за входъ въ вокзалъ платили одинъ рубль мѣди, а съ ужиномъ пять рублей.

По обыкновенію, сюда стекалось до пяти тысячъ человѣкъ и болѣе. Вокзальный театръ былъ приготовительнымъ для молодыхъ артистовъ; здѣсь они учились и испытывали свои способности передъ публикою. Для открытія вокзала В. И. Майковъ сочинилъ небольшую оперу: «Аркасъ и Ирика», къ ней написалъ музыку

Керцелли. Этотъ капельмейстеръ и композиторъ, какъ уже говорено было раньше, былъ глухой, но зналъ свое дѣло превосходно.

Въ этомъ воксалѣ часто гулялъ плѣнный шведскій адмиралъ графъ Вахтмейстеръ, взятый адмираломъ Грейгомъ 6-го іюля 1788 года, близь острова Гохланда, вмѣстѣ съ 70-ти-пушечнымъ кораблемъ «Prince Gustave».

Присутствіе на гуляньяхъ Вахтмейстера возбуждало самое нескромное любопытство. За нимъ бѣгали толпами женщины. На это неизвѣстнымъ обличителемъ было написано слѣдующее стихотвореніе:

Умы дамски возмутились,
У всѣхъ головы вскружились,
Какъ сказали, что въ воксалъ
Будетъ шведскій адмиралъ.

Далѣе зоилъ пѣлъ:

Дочерей и внукъ толкаютъ,
Танцовать съ нимъ посылаютъ:
«Пошла, дура, не стыдись,
Съ адмираломъ повертись»!

Въ пѣснѣ также говорилось, что шведскій адмиралъ весьма неосторожно сдѣлалъ какой-то дамѣ глазки. Здѣсь піита уже впадалъ въ оплошность. Графъ Вахтмейстеръ былъ кривъ и не могъ дѣлать глазки.

Впослѣдствіи императрица Екатерина II, разсердившись на шведскаго короля, приказала плѣннаго адмирала взять изъ Москвы и отослать въ Калугу.

На этотъ воксалъ была сложена еще другая пѣсенка, въ которой была воспѣта какая-то «знатная и многолѣтняя богатая барыня», которая мастерски переманивала жениховъ отъ невѣстъ. Въ пѣснѣ говорилось, что «она сперва приголубливала ихъ сама, а потомъ, скучая то тѣмъ, то другимъ, впослѣдствіи выдавала ихъ за такихъ невѣстъ, за какихъ хотѣла, со своимъ приданымъ», и т. д..

Авторомъ этихъ стихотвореній въ то время называли молодого Мамонова, только не графа М. А. Дмитріева-Мамонова, а служившаго подъ его начальствомъ; тогдашній московскій главнокомандующій графъ И. В. Гудовичъ посадилъ Мамонова подъ арестъ. Это взорвало Дмитр. Мамонова и онъ въ сенатѣ, послѣ засѣданія, наговорилъ дерзостей Гудовичу; послѣдній пожаловался на него императору.—Впослѣдствіи стихи эти приписывали одному молодому военному красавцу, сатира котораго въ то время заставляла трепетать многихъ и отворяла ему двери во всѣ дома, со многими привилегіями.

Тогда считали благоразумнѣе обезоружить автора гостепріимствомъ, чѣмъ мстить или бѣжать отъ него. Гдѣ появлялся этотъ красавецъ, тамъ, по словамъ современника, и настоящій поэтъ прижимался къ углу.

Всякій боялся попасть въ стихи къ риѳмоплету, который, пожалуй, навяжетъ ему жену дуру «Ѳетинью» или назоветъ въ своихъ виршахъ и самого скотомъ. Про этого воина-красавца тогда всѣ знали, что онъ не отличается нравственною чистоплотностью, и что побѣды его самаго мирнаго сорта у какой-то пребогатой графини, предавшейся ему и сердцемъ, и карманомъ. Тогда не проходило ни одного дня, въ который бы этотъ ловеласъ не притащилъ отъ старухи бриллiантовъ или денегъ къ зеленому столу и не поставилъ бы всего этого къ ногамъ карточныхъ дамъ.

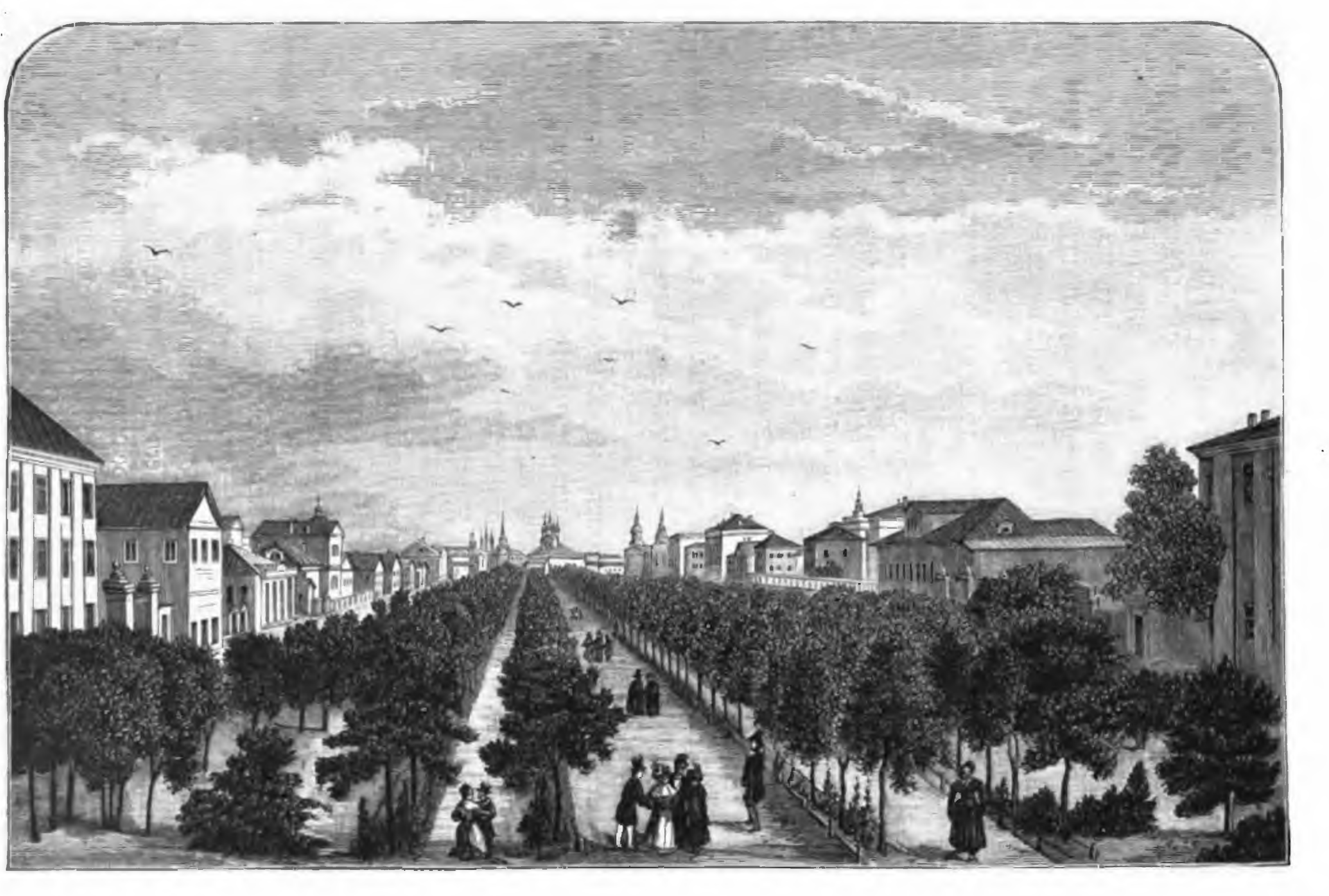
Былъ у этого молодца и пріятель, всегда готовый къ его услугамъ; это былъ товарищъ его по оружію; послѣдній только и зналъ, что дуэли; вѣчно зашнурованный рукавъ сюртука, два большихъ шрама: одинъ—на щекѣ, другой—на бородѣ свидѣтельствовали о его подвигахъ на такомъ бранномъ поприщѣ. Кажется, намекъ о немъ находимъ у графа Л. Н. Толстого, въ его романѣ «Война и Миръ». Затѣмъ, позднѣе, авторами бульварнаго острословія были два извѣстныхъ тогда въ высшемъ обществѣ молодыхъ человѣка, А. Д. Копьевъ и С. Н. Маринъ.

Первый изъ нихъ былъ сынъ пензенскаго вице-губернатора Д. С. Копьева; говорили, что послѣдній былъ еврейскаго происхожденія, но вѣрно только то, что онъ принадлежалъ къ числу благородно-мыслящихъ людей.

Про сына Копьева, котораго тогда знала вся Россія, пишетъ князь Долгоруковъ[113]), что онъ славился необыкновеннымъ пострѣльствомъ, былъ уменъ, остеръ, хорошій писецъ, «ну, просто сказать, петля». Кто не помнитъ его безчисленныхъ проказъ? Славиться такими проказами онъ сталъ почти въ юношескую пору своей жизни.

Про него существуетъ разсказъ, что разъ, въ бытность свою въ караулѣ во дворцѣ, онъ побился объ закладъ съ товарищами, что тряхнетъ косу императора Павла за обѣдомъ. И однажды, будучи при немъ дежурнымъ за столомъ, схватилъ онъ государеву косу и дернулъ ее такъ сильно, что государь почувствовалъ боль и гнѣвно спросилъ, кто сдѣлалъ. Всѣ были въ испугѣ. Одинъ онъ не смутился и спокойно отвѣчалъ:

— Коса вашего величества криво лежала, я позволилъ себѣ выпрямить ее.



Тверской бульваръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ рисунка Кадолля.

— Хорошо сдѣлалъ, сказалъ государь,—но все же могъ бы ты сдѣлать это осторожнѣе.

Тѣмъ все и кончилось [114]).

Князь Вяземскій разсказываетъ: Въ другой разъ Копьевъ бился объ закладъ, что онъ понюхаетъ табаку изъ табакерки, которая была украшена брилліантами и всегда находилась при государѣ. Однажды, утромъ, подходитъ онъ къ столу возлѣ кровати императора, почивающаго на ней, беретъ табакерку, съ шумомъ открываетъ ее и, взявъ щепотку табаку, съ усиленнымъ фырканіемъ суетъ въ носъ.

— Что ты дѣлаешь, пострѣлъ? съ гнѣвомъ говоритъ проснувшійся государь.

— Нюхаю табакъ, отвѣчаетъ Копьевъ. Вотъ восемь часовъ уже дежурю; сонъ начиналъ меня одолѣвать. Я надѣялся, что это меня освѣжитъ, и подумалъ лучше провиниться передъ этикетомъ, чѣмъ передъ служебною обязанностью.

— Ты совершенно правъ, говоритъ Павелъ,—но какъ эта табакерка мала для двухъ, то возьми ее себѣ.

Вигель говоритъ про Копьева, что онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ молодыхъ людей, которые щеголяли безбожіемъ и безнравственностью, но болѣе въ рѣчахъ, чѣмъ въ поступкахъ, и это давало имъ видъ веселаго, но нестерпимаго безстыдства: Копьевъ же старался и ихъ превзойти. Будучи офицеромъ въ Измайловскомъ полку, онъ прославился насмѣшками надъ честнымъ и довольно строгимъ, но не отличавшимся умомъ начальникомъ своимъ—Арбеневымъ. Ему все сходило съ рукъ по-добротѣ этого начальника.

Репутація его, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова; послѣдній, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и т. д. Онъ помѣстилъ при себѣ и Копьева, который въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, пользуясь безнаказанностію, проказилъ немилосердно; Копьевъ былъ еще довольно молодъ, а молодости многое прощается. Проказничалъ же онъ болѣе рѣчами.

По вступленіи Павла на престолъ, Копьевъ остался безъ опоры со своими пресловутыми фарсами. Всѣ тогда роптали на перемѣну мундирной формы по старинному прусскому образцу, и Копьевъ выкинулъ штуку: заказалъ себѣ въ преувеличенномъ видѣ все: ботфорты, перчатки съ раструбами, прицѣпилъ уродливыя косу и букли и въ этомъ шутовскомъ нарядѣ явился къ императору, который, впрочемъ удовольствовался тѣмъ, что виновнаго

посадилъ на сутки подъ арестъ и велѣлъ отправить въ драгунскій полкъ, который стоялъ въ Финляндіи.

Анекдотовъ про Копьева была куча; онъ не унимался: по старой привычкѣ не переставалъ врать и проказничать. Это ему даромъ не прошло и онъ вскорѣ былъ разжалованъ въ рядовые и записанъ въ гарнизонный полкъ въ Финляндіи.

Въ бытность рядовымъ, онъ влюбился въ дочь одного богатаго помѣщика; впослѣдствіи императоръ Павелъ сжалился надъ нимъ и приказалъ его отставить отъ службы съ его прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но оставить его на жительствѣ въ Финляндіи.

Въ первые мѣсяцы царствованія Александра I онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и сравненъ съ чинами его сверстниковъ; ему прямо былъ данъ чинъ генералъ-маіора.

Въ пожилыхъ годахъ онъ отличался необыкновенною скупостію; какъ самъ онъ, такъ и его люди были оборваны, въ заплаткахъ и засалены. Онъ вѣкъ проходилъ въ зеленомъ фракѣ; тогда увѣряли, что послѣдній былъ сшитъ изъ остатковъ съ билліардовъ и что замѣтны были даже пятна, напоминающія мѣста, гдѣ становились шары.

Разсказывали, что онъ, чтобы убѣдить крестьянъ своихъ внести ему разомъ годовой оброкъ, говорилъ имъ, что взносъ будетъ послѣдній, а что съ будущаго года станутъ они уплачивать всѣ повинности и отбывать воинскую поставкою одной клюквы.

Копьевъ былъ извѣстенъ не одними только остротами, но не менѣе также и худобою своей малокормленной четверни лошадей. Князь Вяземскій разсказываетъ:

«Однажды ѣхалъ онъ по Невскому проспекту, а Сергѣй Львовичъ Пушкинъ (отецъ поэта) шелъ пѣшкомъ по тому же направленію. Копьевъ предлагаетъ довезти его.

— «Благодарю, отвѣчалъ Пушкинъ,—но не могу: я спѣшу».

Копьевъ былъ очень смуглъ, съ черными выразительными глазами, которыми поминутно моргалъ; говоря, онъ нѣсколько картавилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчеканивалъ слова свои съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ. Онъ любилъ, какъ говорили тогда, русить иностранныя слова; онъ выдумалъ слово «апропѣе»; про лифляндскихъ помѣщиковъ говорилъ онъ, что у кого изъ нихъ болѣе помѣстьевъ, тотъ и «фоннѣе».

Вигель говоритъ, что онъ всегда острилъ надъ семейными и супружескими добродѣтелями, и для краснаго словца не щадилъ ни отца, ни матери, ни сестеръ, къ которымъ, впрочемъ, какъ и къ дѣтямъ своимъ, былъ нѣжно привязанъ и женѣ своей вѣренъ и преданъ.

Особенно много доставалось отъ Копьева графу Хвостову; послѣдній его иначе не называлъ, какъ «съ позволенія сказать». Копьевъ умеръ 5-го іюля 1846 года. Помимо множества сатирическихъ стихотвореній, которыя писалъ онъ не для печати, извѣстны его комедіи: «Обращенный мизантропъ или лебедянская ярмарка», въ 5 дѣйствіяхъ, Спб. 1791 г. и «Что наше, таво намъ и не нада», ком. въ 1 дѣйствіи, Спб. 1794 г., затѣмъ: «Княгиня Муха» и другія. Всѣ эти пьесы были играны въ свое время на театрѣ съ успѣхомъ. Братъ его, М. Копьевъ, извѣстенъ какъ переводчикъ многихъ романовъ.

Другой такой же свѣтскій шутникъ, веселый товарищъ и образованный человѣкъ, владѣвшій стихомъ очень бойко, хотя писалъ довольно небрежно и мало для печати, былъ Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, преображенскій офицеръ.

Въ бытность въ Преображенскомъ полку портупей-юнкеромъ, Маринъ какъ-то на вахтъ-парадѣ, на площади Зимняго дворца, проходя мимо императора Павла, сбился съ ноги, государь прогнѣвался и разжаловалъ его въ рядовые. Спустя нѣкоторое время, стоялъ онъ на часахъ у проѣзда императора, государь замѣтилъ молодца солдата, который отдалъ ему честь.

— Кто этотъ молодецъ?

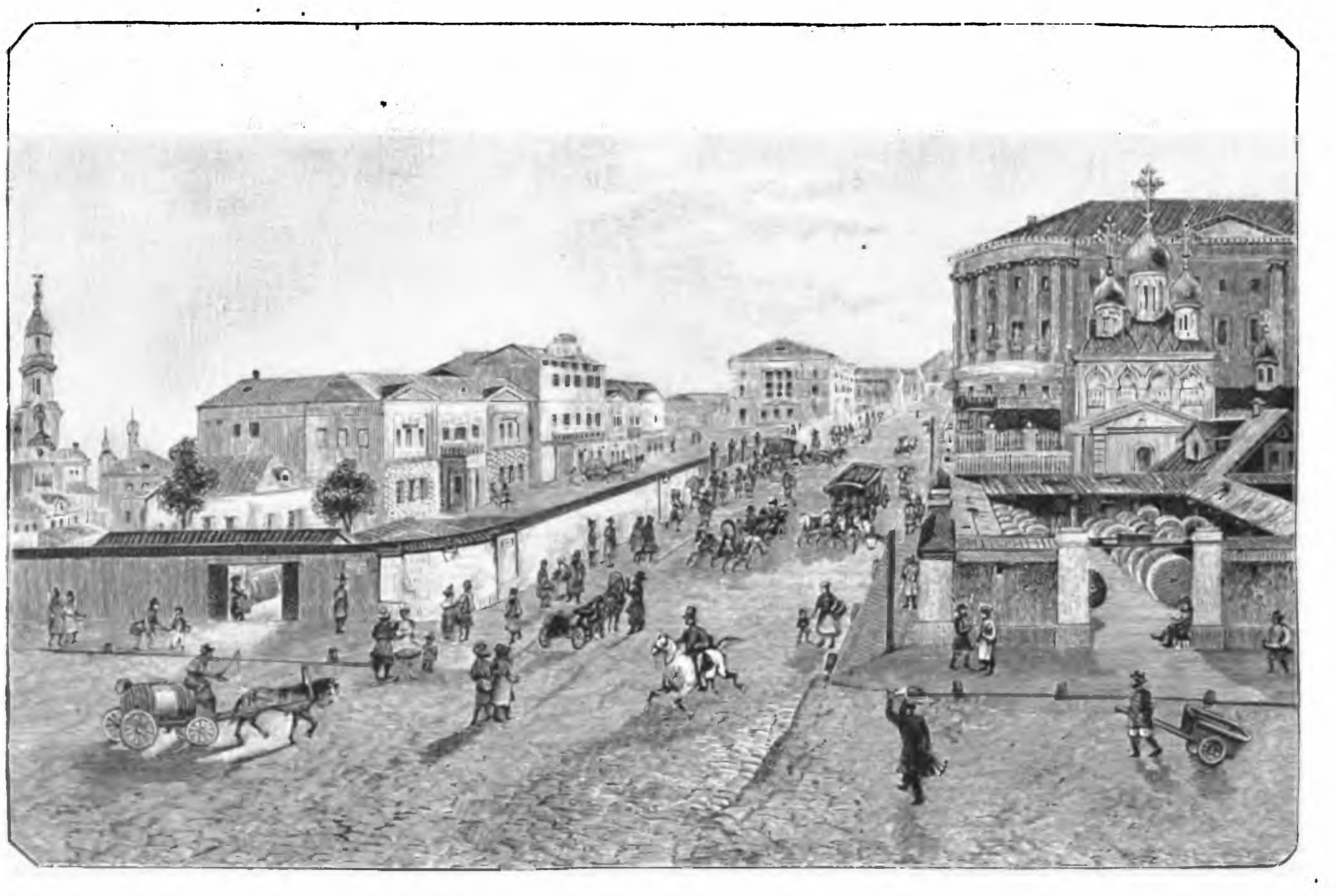
Тогда ему доложили, что это разжалованный дворянинъ.

— Маринъ, сказалъ государь:—поздравляю тебя прапорщикомъ и ударилъ его по плечу.

Маринъ оставался въ ротѣ его величества въ Преображенскомъ полку до смерти Павла. Впослѣдствіи онъ былъ флигель-адъютантомъ Александра I и игралъ блистательную роль въ кругу петербургской молодежи.

Еще въ концѣ царствованія Екатерины II и при Павлѣ I стали появляться разныя шуточныя стихотворенія его, по большей части пародіи на извѣстныя тогда оды Ломоносова и Державина. Большая часть его сатирическихъ стихотвореній посвящена описанію разныхъ личностей; изъ числа такихъ стихотвореній въ свое время большою извѣстностью пользовалась его ода на учителя исторіи въ кадетскомъ корпусѣ Гаврила Васильевича Геракова [115]). Маринъ былъ другомъ Ал. Львовича Нарышкина, въ домѣ котораго и жилъ почти безвыѣздно. Маринъ скончался 36 лѣтъ отъ роду и похороненъ въ Невской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Въ старые годы въ Москвѣ, до появленія Грибоѣдова и Пушкина, жадно переписывались сотнями рукъ сатирическія стихо-



Московскій почтамтъ на Мясницкой улицѣ.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

творенія, написанныя на Тверской бульваръ, Прѣсненскіе пруды и т. д. Стихи эти не отличались литературными достоинствами, но злость и ругательства, какъ говоритъ князь Вяземскій, современникъ той эпохи, тогда имѣли соблазнительную прелесть въ глазахъ почтеннѣйшей публики.

Самыми популярнѣйшими въ то время стихами были—на Тверской бульваръ; вотъ образчики этого бульварнаго остроумія:

«Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ!
Туда не хотя идешь...
Тамъ на милыхъ смотришь даромъ,
И утѣхи даромъ рвешь.

Вездѣ группою прекрасны
Представляются глазамъ,
А сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ.

Тамъ въ зелененькомъ корсетѣ
Тихо Дурова идетъ,
Ее въ плисовомъ жилетѣ
Братецъ подъ руку ведетъ.

Оба нѣжно воздыхаютъ
И бульваръ ужъ имъ не милъ,
Отъ любви они страдаютъ,
Цѣлый свѣтъ для нихъ постылъ...

Д. П. Дуровъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ владимірскій и тамбовскій помѣщикъ, оба—братъ и сестра—отличались глупостью и большимъ суевѣріемъ, притомъ Дуровъ былъ еще большой охотникъ до всякихъ церемоній; про него извѣстный поэтъ того времени, князь И. М. Долгорукой, написалъ комедію «Дурыломъ» [116]).

Далѣе бульварный пѣснопѣвецъ рисуетъ большого франта Ив. Анд. Евреинова, богатаго московскаго домовладѣльца, вышедшаго изъ купечества имѣвшаго два дома на Тверской улицѣ, гдѣ теперь дома Мамонтова и Фирсанова.

Къ нимъ Евреиновъ прекрасный
Тожъ подъ пару подстаетъ,
Женщинъ милыхъ врагъ опасный,
Склоня голову, идетъ...

Евреиновъ служилъ въ главномъ кригсъ-комиссаріатѣ; онъ былъ большой Донъ-Жуанъ своего времени, ходилъ вѣчно раздушеный и накрашеный. Позднѣе его изображеніе находимъ и у Долгорукова, въ его сатирѣ. Вотъ и пятистишіе по его адресу:

. . . . Душистый автоматъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ!

Евреиновъ былъ изъ числа тѣхъ «бульварныхъ лицъ», по выраженію Грибоѣдова—«которые полвѣка молодятся».

Слѣдуя далѣе, въ бульварной сатирѣ находимъ изображенія и другихъ извѣстныхъ личностей того времени:

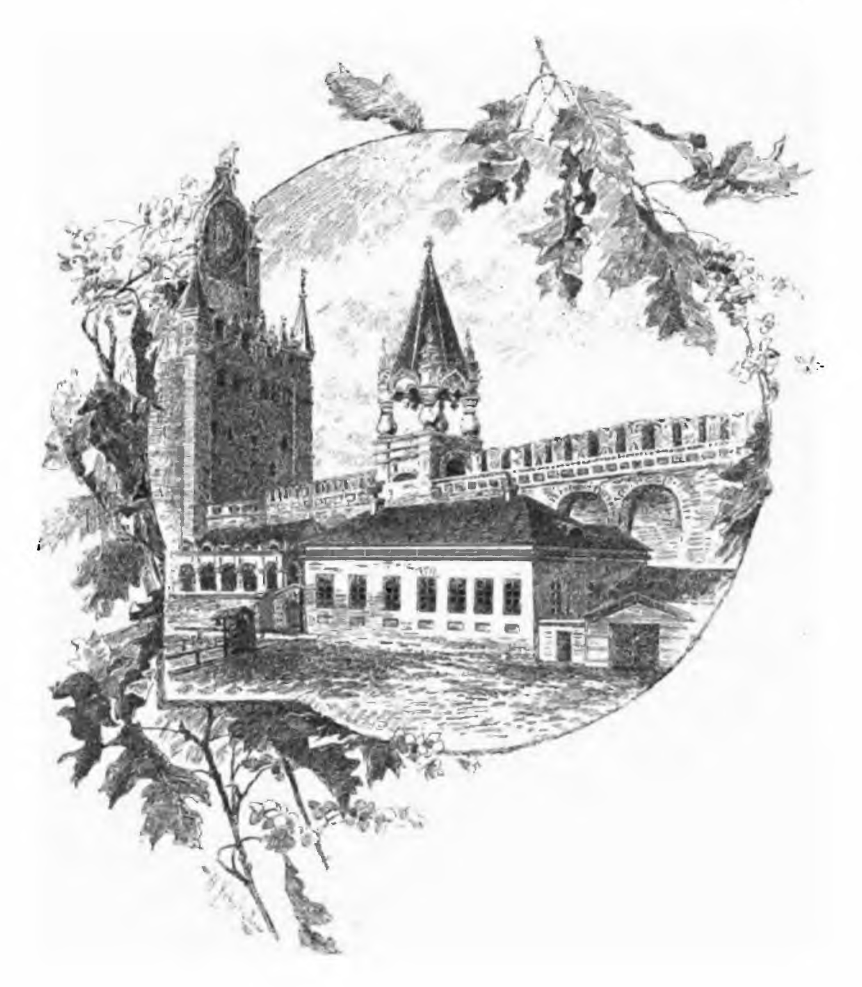
Вотъ Анюта Трубецкая
Сломя голову бѣжитъ,
На всѣ стороны кивая,
Всѣхъ улыбками даритъ.
За ней дѣдушка почтенный
По слѣдамъ ея идетъ,
Покой внучки драгоцѣнной
Пуще глазу бережетъ.
Вѣтерокъ ли тихо вѣетъ—
Онъ платочкомъ заслонитъ,
Или солнце жарче грѣетъ—
Онъ отъ жару защититъ.

Трубецкой, князь Сергѣй Николаевичъ, отставной генералъ-поручикъ, жилъ на Покровкѣ; домъ князя, по странной архитектурѣ, называли: «домъ-комодъ», а по дому и все семейство Трубецкихъ «Трубецкіе-Комодъ». Князь Вяземскій [117]) говоритъ, что Москва тогда особенно славилась прозвищами и кличками своими (Этотъ обычай, впрочемъ, встрѣчался и въ древней Руси). Такъ былъ въ Москвѣ князь Долгоруковъ «Балконъ», прозванный такъ по сложенію своихъ губъ. Былъ князь Долгоруковъ «Каламбуръ», потому что онъ каламбурами такъ и сыпалъ. Былъ еще князь Долгоруковъ l'enfant prodigue, который въ теченіе немногихъ лѣтъ спустилъ богатое наслѣдство, полученное отъ отца. Дочь его была прозвана:

Киргизкайсацкая царевна,
Владычица Златой орды,

потому что въ ея красивомъ и оживленномъ лицѣ было что-то восточное. Была еще красавица княгиня Масальская (домъ которой былъ на Мясницкой) la belle sauvage—прекрасная дикарка. Мужъ ея, «Князь-мощи», потому что онъ былъ очень худощавъ. Затѣмъ извѣстенъ былъ въ Москвѣ «Раевскій», уже довольно пожилыхъ лѣтъ, котораго не звали иначе, какъ «Зефиръ Раевскій», потому что онъ вѣчно порхалъ изъ дома въ домъ. Наѣзжалъ еще въ Москву помѣщикъ Сибилевъ, краснолицый и очень толстый, который являлся

безмолвно на бульварахъ и имѣлъ привычку въ театрахъ ходить по ложамъ всѣхъ знакомыхъ, что тогда не принято было въ свѣтѣ. По краснотѣ лица и круглой его фигурѣ онъ былъ названъ «арбузъ», а по охотѣ его лазить по ложамъ «ложелазъ»; послѣдняя кличка



Настѣнная башня въ Московскомъ Кремлѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

была смѣшнѣе: она напоминала ловеласа, на котораго Сибилевъ былъ совсѣмъ не похожъ.

Былъ еще князь Трубецкой по прозванію «Тарара», потому что это слово было его любимая и обыкновенная поговорка. Существовалъ еще одинъ Василій Петровичъ, котораго всѣ звали Василисой

Петровной. Были на Москвѣ баре, которыхъ называли одного неаполитанскимъ королемъ, а другого «польскимъ»; первый былъ генералъ Бороздинъ, имѣвшій много успѣховъ по женской части, второй былъ Ив. Никол. Корсаковъ, одинъ изъ временщиковъ царствованія Екатерины II, прозванный за то королемъ польскимъ, что всегда по жилету носилъ ленту Бѣлаго орла.

Далѣе бульварный борзописецъ пѣлъ:

А за ними адъютантомъ
Князь Голицынъ тамъ бѣжитъ.
Съ камергерскимъ своимъ бантомъ
Всѣхъ насъ со смѣху моритъ.

Этотъ князь Голицынъ, въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго вѣка, славился своими забавными и удачными каррикатурами на тогдашнее общество; въ молодую свою пору онъ былъ соперникомъ Карамзина по части сердечныхъ похожденій.

По разсказамъ одного изъ современниковъ [118]) нашего исторіографа, послѣдній, проживая въ описываемые нами годы въ Москвѣ, велъ образъ жизни, общій всѣмъ молодымъ людямъ: вставалъ рано, въ 6 часовъ утра, одѣвался тотчасъ если не во фракъ, то въ бекешь, въ сюртукѣ его рѣдко видали, и шелъ въ конюшню, смотрѣлъ свою верховую лошадь, заходилъ въ кухню поговорить съ поваромъ, затѣмъ возвращался въ кабинетъ и занимался тамъ до 12 часовъ, завтракалъ и потомъ ѣхалъ верхомъ, обыкновенно по бульварамъ; здѣсь встрѣчали его друзья и они ѣхали вмѣстѣ.

Ни въ какое время года—ни осенью, ни зимою, ни въ дождь, ни въ вѣтеръ—прогулка эта не прерывалась. Зимою костюмъ Карамзина былъ слѣдующій: бекешь подпоясывалась краснымъ шелковымъ кушакомъ, на голову надѣвалась шапка съ ушами, на руки—рукавицы, на ноги—keньги; такъ что ноги съ трудомъ входили въ стремена. Прогулка длилась часъ. Въ гости онъ ѣздилъ рѣдко и то къ людямъ самымъ близкимъ. Говорилъ Карамзинъ тихо, складно, въ спорахъ не горячился. Взглядъ его на вещи былъ добрый и снисходительный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было глубокое чувство правды и независимости; росту Карамзинъ былъ средняго; видомъ онъ былъ худощавъ, но не блѣденъ; на впалыхъ щекахъ его игралъ румянецъ здоровья, свѣжія губы и пріятная улыбка выражали привѣтливость, а въ свѣтло-карихъ его глазахъ виденъ былъ умъ и проницательность. Въ сорокъ лѣтъ волосы у него уже рѣдѣли, но не серебрились еще и онъ ихъ тщательно зачесывалъ. Одѣвался онъ просто и всегда опрятно. Обыкновенно на немъ былъ бѣлый галстукъ, бѣлыя гофрированныя манжеты,

жилетъ съ полустоячимъ воротникомъ, казимировый, оранжеваго цвѣта съ узорами панталоны въ сапоги съ кисточками. У него не было тогда камердинера, а горничная Наташа; гардеробъ его висѣлъ въ кабинетѣ въ переднемъ углу; въ стѣну были вбиты гвозди и на нихъ висѣли шуба, шинель или по тогдашнему капотъ, бекешъ, кушакъ и шапка. Карамзинъ былъ необыкновенно любезенъ со всѣми, поклоны отдавалъ первый, тихо снималъ шляпу и т. д.

Допожарная Москва на улицахъ поражала роскошью и картинностью женскихъ уборовъ и нарядовъ; на шеяхъ и на груди и платьяхъ знатныхъ барынь укладывались цѣлые капиталы. Особенно такими богатыми уборами щеголяли купчихи — у нихъ на головѣ намѣсто шляпокъ возвышались кики, разукрашенныя золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, изъ-подъ кики, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры; задняя часть кики дѣлалась изъ соболинаго или боброваго мѣха. На окраинѣ всей кики шла жемчужная бахрома, называемая поднизью,—у небогатыхъ женщинъ были на головахъ просто кокошники, обложенные бусами. Жемчугъ встарину употреблялся при нарядномъ платьѣ во всѣхъ сословіяхъ. Безъ жемчужнаго ожерелья, которое называли «перло», считали за стыдъ показаться въ собраніе. Дамы высшаго общества появлялись на улицахъ въ платьяхъ фуро,—этотъ фасонъ платьевъ долго держался въ модѣ, но только съ небольшими перемѣнами, иногда обшивали его блондами, накладками изъ флера или дымкой, бахромой золотой или серебряной, смотря по тому, какая лучше подходила къ матеріи. Лифъ у старинныхъ фуро былъ очень длинный и весь въ китовыхъ усахъ, рукава были до локтя и обшиты блондами, передъ распашной; чтобъ платье казалось пышнѣе, надѣвали фижмы изъ китовыхъ усовъ и стеганныя юбки.

Въ концѣ царствованія Екатерины II вошли въ большую моду платья «молдаваны»; затѣмъ, при Павлѣ, стали носить «сюртучки», лифъ у сюртучка былъ не очень длинный, рукава въ обтяжку и длиною до самой кисти; если сюртукъ былъ атласный, то юбка къ нему была флеровая на тафтѣ, къ сюртучку надѣвали камзольчикъ глазетовый или другой какой, только изъ дорогой матеріи; у сюртучковъ и фуро были длинные шлейфы.

Для прогулокъ и верховой ѣзды надѣвали сюртучки почти такіе же, какъ у мужчинъ, со свѣтлыми пуговицами. Дамы высшаго общества на голову накладывали цвѣты, страусовыя перья, ленты, бархатъ. Былъ одно время въ модѣ уборъ въ родѣ берета, съ цвѣтами и страусовыми перьями; его называли тюрбанъ и шарлотка. Перчатки дамы носили длинныя, шелковыя, до локтя; чулки тоже

шелковые, башмаки матерчатые или шитые золотомъ, серебромъ, шелкомъ; они дѣлались изъ глазета, парчи или другой плотной матеріи, каблучки были высокіе, обтянутые лайкой. Французскія новыя моды перешли къ намъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Первыя поклонницы модъ производили на московскихъ улицахъ цѣлую сенсацію. Въ бульварномъ стихотвореніи описаны двѣ такія модницы. Первая изъ нихъ, это жена извѣстнаго тамбовскаго помѣщика и конно-заводчика Болховская; вотъ что писалъ о ней бульварный пѣснопѣвецъ:

Вотъ летитъ и Болховская,
Искрививши правый бокъ,
Криворукая, косая,
Точно рвотный порошокъ.
Да и младшая сестрица
Не уступитъ ей ни въ чемъ,
Одинакихъ перьевъ птица,
Побожиться можно въ томъ...

Бѣлокаменная въ то время была особенно обильна дѣвицами. Князь Вяземскій говоритъ [119]), что въ Москвѣ на одной улицѣ проживали княжны-дѣвицы, которыя всякій день сидѣли каждая у особеннаго окна и смотрѣли на проѣзжающихъ и проходящихъ, выглядывая себѣ суженаго; Копьевъ сказалъ о нихъ: «На каждомъ окошкѣ по лепешкѣ», и съ тѣхъ поръ другого имъ имени и не было, какъ княжны-лепешки. Въ допожарной Москвѣ жили еще старыя дѣвицы, три сестры Левашевы. Ихъ прозвали «тремя парками». Эти три сестрицы были непремѣнными посѣтительницами всѣхъ баловъ, всѣхъ съѣздовъ и собраній. Какъ всѣ онѣ ни были стары, но все же третья была меньшая изъ нихъ; на ней сосредоточивалась любовь и заботливость старшихъ сестеръ, онѣ не спускали съ нея глазъ, берегли ее съ какимъ-то материнскимъ чувствомъ и не позволяли ей выѣзжать одной изъ дома. Пріѣзжали на балъ онѣ первыя и уѣжали послѣднія. Кто-то разъ замѣтилъ старшей:

— Какъ это вы, въ ваши лѣта, можете выдерживать такую трудную жизнь? Неужели вамъ весело на балѣ?

— Чего тутъ весело, батюшка, отвѣчала она.—Но надобно иногда и потѣшить нашу шалунью. Этой шалуньѣ въ то время было 62 года.

Изъ большихъ московскихъ модницъ въ то время была жена Д. Д. Шепелева, извѣстнаго впослѣдствіи героя отечественной войны; про эту модницу пѣлъ бульварный борзописецъ слѣдующее:

Дольше взоры поражаетъ
Блескъ каменьевъ дорогихъ...
Шепелева то блистаетъ
Въ пышныхъ утваряхъ своихъ.

Варварскія ворота.
Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ.

Мужъ гусаръ ея въ мундирѣ
Себѣ въ голову забралъ,
Что красавца, какъ онъ, въ мірѣ
Еще рѣдко кто видалъ...
Усы мѣрой въ полъ-аршина
Отростилъ всѣмъ на показъ,
Пресмѣшная образина
Шепелевъ въ глазахъ у насъ...

Этотъ Шепелевъ отличался большою напыщенностью и говорилъ со всѣми высокопарнымъ слогомъ. Шепелевы были очень богаты; богатство они получили отъ женъ: одинъ Шепелевъ былъ женатъ

на дочери желѣзнаго заводчика Баташева, а другой—на племяницѣ князѣ Потемкина, Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

Описана бульварнымъ стихотворцемъ урожденная Баташева; послѣдняя отличалась еще наивностью въ разговорахъ. Такъ, возвратившись изъ заграницы, она разсказывала, что въ Парижѣ выдумали и ввели въ большую моду какія-то прозрачныя рубашки, о которыхъ она отзывалась съ восторгомъ:

— Вообразите, что это за прелестныя сорочки: какъ падѣнешь на себя́, да осмотришься, ну такъ-таки все насквозь и виднехонько.

Далѣе піита на бульварѣ видѣлъ молодого человѣка, вышедшаго изъ купечества въ гусарскіе офицеры, собою очень красиваго, любезнаго, вѣжливаго, принятаго въ лучшіе дома и извѣстнаго въ Бѣлокаменной по долголѣтней связи съ одною изъ милѣйшихъ московскихъ барынь.—Піита рисовалъ его слѣдующими строфами:

А Гусятниковъ, купчишка,
Въ униформѣ золотой,
Крадется онъ изъ-подтишка
Въ кругъ блестящій и большой.

Жихаревъ про этого Н. М. Гусятникова разсказываетъ, что онъ былъ большой англоманъ, и только и говорилъ, что про графа Ѳед. Гр. Орлова, который, по его словамъ, былъ человѣкъ большого природнаго ума, сильнаго характера, простъ въ обхожденіи и чрезвычайно оригиналенъ иногда въ своихъ мысляхъ, сужденіяхъ и образѣ ихъ изъясненія. Напримѣръ, онъ никогда не предпринималъ ничего, не посовѣтовавшись съ кѣмъ нибудь однимъ, но терпѣть не могъ совѣтоваться со многими, говоря: «умъ—хорошо, два лучше, но три—съума сведутъ». Онъ уважалъ науки и искусства, но называлъ ихъ прилагательными; существительною же наукою называлъ одну «фифіологію», т. е. умѣнье пользоваться людьми и своевременностью, равно какъ и важнѣйшимъ изъ искусствъ—искусство терпѣливо сидѣть въ засадѣ и ловить случай за шиворотъ.

Послѣ Гусятникова слѣдуетъ описаніе двухъ извѣстныхъ въ то время въ Москвѣ господъ Малиновскаго и Ватковскаго:

Вотъ поповичъ Малиновскій
Выступаетъ также тутъ.
За нимъ полненькій Ватковскій,
Въ коемъ вѣсу тридцать пудъ.
Онъ жену ведетъ подъ ручку
Наравнѣ съ нимъ толщиной.
Какъ на смѣхъ, всѣ жирны въ кучку
Собралися межъ собой.

Колокольня Ивана Великаго.

Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

Малиновскій Алекс. Фед., 1763—1840 гг., сынъ протоіерея Московскаго университета, былъ начальникъ московскаго архива инстранной коллегіи, извѣстный литераторъ своего времени, написавшій оперу, пользовавшуюся большимъ успѣхомъ, подъ названіемъ «Старинныя святки». Онъ издалъ также театральныя пьесы Коцебу, которыя заставлялъ переводить молодыхъ людей, служившихъ у него въ архивѣ. Эти пьесы тогда носили названіе: «Коцебятины». Малиновскій не зналъ ни слова по-нѣмецки, онъ только исправлялъ слогъ, печаталъ и отдавалъ за деньги Медоксу, содержателю вокзала; лучшія изъ этихъ пьесъ были: «Сынъ любви» и «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Его опера «Старинныя святки» такъ понравилась публикѣ, что ее играли лѣтъ тридцать сряду.

Малиновскій былъ очень друженъ съ Петровымъ, извѣстнымъ поэтомъ временъ Екатерины; про Петрова онъ разсказывалъ, будто тотъ писалъ нѣкоторыя оды ходя по Кремлю, а за нимъ носилъ кто-то бумагу и чернильницу. При видѣ Кремля онъ приходилъ въ восторгъ, останавливался и писалъ. Петровъ имѣлъ важную наружность. Онъ познакомился съ Потемкинымъ, когда они оба были студентами, и дружба ихъ продолжалась до конца жизни. Стансы, посвященные имъ Потемкину, исполнены искренняго чувства; онъ хвалитъ въ Потемкинѣ не одного полководца, но болѣе вельможу доступнаго, человѣка просвѣщеннаго, любителя литературы и поэзіи.

Ватковскій, о которомъ говоритъ піита, состоялъ камергеромъ при Большомъ дворѣ, а младшій братъ его, Ив. Ѳедор., служилъ въ Семеновскомъ полку и былъ замѣшанъ въ извѣстную шварцовскую исторію. Ватковскіе были сыновья извѣстнаго Ѳедора Ивановича, который, командуя Семеновскимъ полкомъ, содѣйствовалъ Екатеринѣ ко вступленію на престолъ. Ватковскій, о которомъ говорится въ стихахъ, отличался необыкновенною тучностью—онъ подъ конецъ своей жизни такъ и не выходилъ изъ вольтеровскихъ креселъ. Ватковскій извѣстенъ также былъ въ обществѣ какъ занимательный разсказчикъ.

Вотъ и Майковъ, музъ любитель,
Декламируя идетъ.
Какъ театра управитель,
Онъ актеровъ всѣхъ ведетъ.
    Мочаловъ, Зубовъ, Колпаковъ
    Его съ почтеньемъ провожаютъ,
    Лисицынъ, Зловъ и Кондаковъ
    Ему дорогу очищаютъ.

За нимъ всѣ авторы стремятся,
Въ рукахъ трагедіи у нихъ.
Они всѣ давятся, тѣснятся,
Приносятъ даръ умовъ своихъ.
Возьми, возьми,—провозглашаютъ,
О, Майковъ, ты труды сіи!
И съ этими словами всѣ швыряютъ
Въ него трагедіи свои.

Бригадиръ Аполлонъ Алекс. Майковъ, писатель, состоялъ старшимъ членомъ, при Ал. Льв. Нарышкинѣ съ правомъ исправлять должность директора театровъ, на случай отсутствія послѣдняго. Полновластно онъ управлялъ московскими театрами только впослѣдствіи.

Актеръ Мочаловъ, отецъ извѣстнаго трагика, игралъ роли серьезныхъ молодыхъ людей, отличался необыкновенно красивою сценическою наружностью и имѣлъ большой успѣхъ въ оперѣ «Иванъ Царевичъ». Позднѣе онъ игралъ въ Петербургѣ.

Зубовъ, актеръ и пѣвецъ, имѣлъ превосходный голосъ, но былъ невзраченъ по фигурѣ на сценѣ. Колпаковъ былъ актеръ на роли благородныхъ отцовъ. Лисицынъ, по словамъ С. П. Жихарева [120]), былъ любимецъ райка. Гримаса въ разговорѣ, гримаса въ движеніи—словомъ, олицетворенная гримаса даже и въ роляхъ дураковъ, которыхъ онъ представлялъ. Зловъ, умный актеръ и хорошій собесѣдникъ, игралъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ и всюду былъ хорошъ; былъ безподобенъ въ драмѣ «Сынъ любви», въ роли пастора. Кондаковъ, резонеръ, былъ превосходный Тарасъ Скотининъ.

Затѣмъ бульварный піита восклицаетъ:

Но какое вдругъ явленье
Поражаетъ весь народъ,
На всѣхъ лицахъ удивленье,
Всѣ глядятъ, разиня ротъ,
Ужъ не чудо ли морское
На бѣду нашу катитъ.
Иль страшилище какое
Къ намъ по воздуху летитъ.
Нѣтъ, пустое. Это вздоры.
То Кирилушка бѣжитъ,
Всѣмъ умильно мечетъ взоры,
На всѣхъ ласково глядитъ...

Кирилушкой пѣснопѣвецъ называетъ сына графа Разумовскаго, который живалъ въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія въ великолѣпномъ своемъ домѣ.

Далѣе неразборчивый бульварный піита затрогиваетъ безукоризненно-честнаго и благороднаго вельможу Юрія Алекс. Нелединпа

скаго-Мелецкаго, занимавшаго весьма почетное и видное мѣсто въ московскомъ обществѣ, которое въ то время, вмѣстѣ съ именемъ Нелединскаго, могло еще гордиться такими именами, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ, И. В. Лопухинъ, Н. М. Карамзинъ, Ханыковъ (бывшій посланникъ нашъ въ Дрезденѣ, писавшій французскіе стихи), князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, П. В. Мятлевъ, князь Бѣлосельскій, князь А. И. Вяземскій и другіе. Домъ послѣдняго изъ этихъ баръ былъ въ Москвѣ средоточіемъ жизни и всѣхъ удовольствій тогдашняго просвѣщеннаго общества. На Колымажномъ дворѣ въ это время устраивались «московскія карусели». Это была лучшая школа верховой ѣзды тогдашняго барства. Палаты князя стояли у Колымажнаго двора, окруженные обширнымъ тѣнистымъ садомъ; они не блистали богатствомъ и роскошью—единственное богатство ихъ была большая библіотека. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ тѣснилось здѣсь обширное московское общество; тутъ молодежь танцовала подъ акомпаниментъ флейты-самоучки и доморощенной скрипки. Всѣ путешественники (особенно англичане: князь былъ женатъ на шотландкѣ д'Орелли) ученые, художники находили въ этомъ домѣ русское гостепріимство. «Любезныя женщины, красавицы той эпохи, которая была золотымъ вѣкомъ свѣтской образованности и утонченности, поочередно, а иногда и совмѣстно, въ сей избранной и мирной области царствовали», какъ говоритъ Нелединскій-Мелецкій въ своей «Хроникѣ» [121]).

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, котораго затрогиваетъ піита, былъ самымъ любезнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, въ высшей степени привлекательнымъ своею безъискусственною простотою и всегда веселымъ юморомъ. Острый и наблюдательный умъ его никогда не касался личностей. Низенькій ростомъ, довольно плотный, съ виду флегма, съ добродушной улыбкой при невозмутимомъ спокойствіи, онъ умѣлъ придавать особую прелесть своимъ неожиданнымъ, свободнымъ выходкамъ остроумія. Но не такимъ видитъ его дешевый бульварный острословъ.

Вотъ какимъ описываетъ онъ его.

Вотъ катится чудный шарикъ,
Съ красной лентой, со звѣздой.
То Нелединской сударикъ
И пьянчуга дорогой
    Иноходцемъ запускаетъ,
    Не жалѣя ничего;
    Въ галерею поспѣшаетъ—
    Тамъ мадера ждетъ его.

Банкъ ли пометать пуститься
Или штосъ сдѣлать порой,
Онъ всегда на все годится
Малый этотъ золотой.

Юр. Ал. Нелединскій служилъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній при императорѣ Павлѣ. Въ то время обязанности между статсъ-секретарями были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: тайный

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.
Съ гравированнаго портрета Тейхеля.

совѣтникъ Трощинскій докладывалъ государю прошенія, присылавшіяся по почтѣ, Нелединскій — прошенія, подававшіяся лично на Высочайшее имя, статскій совѣтникъ Брискорнъ — какъ тѣ, такъ и другія, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ.

Нелединскій былъ человѣкъ самый мягкій, самый добрый и сострадательный, по своимъ обязанностямъ могъ дѣлать много добра и дѣлалъ его. Склонять монарха на милость, на всесильное заступ-

ничество угнетенныхъ и обиженныхъ было постоянно его заботою, нерѣдко находившею себѣ награду въ успѣхѣ.

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и анекдотовъ о томъ времени приведемъ одинъ случай: однажды былъ назначенъ разводъ на плацу противъ дворца, къ концу доклада Нелединскаго. Часъ подходилъ, а площадь была пуста. Императоръ Павелъ безпрестанно вскакивалъ, подбѣгалъ къ окну и обнаруживалъ замѣтные признаки крайняго раздраженія. Оно сказывалось и въ тѣхъ отрывочныхъ резолюціяхъ, которыя онъ давалъ своему статсъ-секретарю: всѣ онѣ были не въ мѣру строгаго содержанія. Видя, что дѣло плохо, Нелединскій незамѣтно собралъ всѣ дѣла и бумаги, еще недоложенныя, раскланялся и вышелъ. Но доложеннымъ и рѣшеннымъ явно несправедливо онъ не дѣлалъ никакого исполненія, а отложилъ ихъ въ сторону и, пропустивъ мѣсяцъ или болѣе, сталъ докладывать ихъ вторично какъ бы вновь поступившія, пропуская по одному или по два въ массу другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ сошло благополучно три или четыре дѣла, но на пятомъ императоръ прервалъ своего докладчика и, уставивъ въ него глаза, сказалъ ему: «Это дѣло вы, сударь, мнѣ уже докладывали». Нелединскій обомлѣлъ.

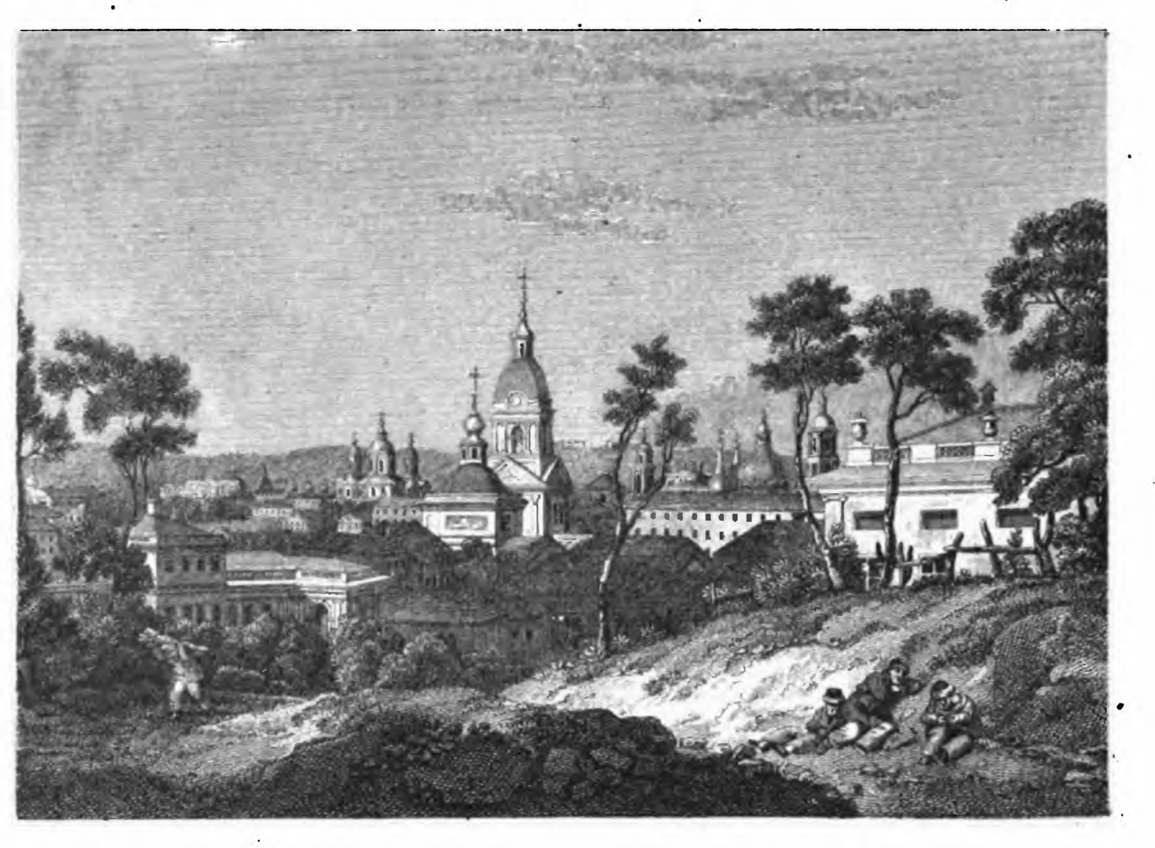
Императоръ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него въ упоръ, пока въ немъ, какъ видно, боролись противоположныя побужденія, наконецъ, онъ проговорилъ: «Я васъ, сударь, понялъ и не осуждаю, продолжайте». Такимъ образомъ, спасено было нѣсколько несчастныхъ.

Біографъ Нелединскаго говоритъ [122]): можно сказать три лица: императрица (Марія Θеодоровна), Нелидова (Ек. Ив.) и Нелединскій въ началѣ царствованія Павла стояли какъ бы на стражѣ у престола, дѣйствуя заодно въ духѣ любви и примиренія.

Къ сожалѣнію, этотъ союзъ трехъ близкихъ къ государю лицъ продолжался недолго. Нелидова была удалена опять въ Смольный монастырь, а потомъ въ замокъ Лоде, близь Ревеля, а затѣмъ и Нелединскій былъ уволенъ въ отставку.

Гнѣвъ государя на Нелединскаго навлекъ его недругъ, графъ Кутайсовъ, воспользовавшись слѣдующимъ случаемъ, чтобъ возбудить страшно развитую подозрительность Павла Петровича.

Нелединскій, проходя разъ довольно поздно внутреннимъ корридоромъ Петергофскаго дворца изъ комнатъ императрицы, встрѣтился съ императоромъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидѣвъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ государю: «вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ императрицѣ». Легко себѣ



Домъ графа Мамонова и его окрестности.

Съ гравюры Гедалля, 1820 г.

представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно приказано было Нелединскому удалиться отъ двора, но такъ какъ слѣдующій день былъ высокоторжественный, то исполнить это было невозможно безъ огласки, а потому Нелединскій съ женою и дѣтьми долженъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходившей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, взаперти, не смѣя ни самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ комнаты.

Уволенный отъ службы, Нелединскій переѣхалъ съ семействомъ въ Москву, гдѣ онъ и нашелъ прежній кружокъ друзей и литераторовъ. Свободный отъ всякаго злобнаго чувства, онъ безъ ропота переносилъ свою опалу. Нелединскій съ чувствомъ глубокой скорби проводилъ ежегодно день кончины императора Павла.

Князь Вяземскій въ своихъ запискахъ говоритъ: «Я видѣлъ слезы отца своего и Нелединскаго, оплакивающихъ Павла. Слезы такихъ людей—свидѣтельства похвальныя. Въ императорѣ Павлѣ были царскія великодушныя движенія могущества. Они плѣняли приближенныхъ къ нему и современниковъ, искупая порывы гнѣва и изступленія».

Домашняя жизнь Нелединскаго отличалась необыкновенной простотой. Передавъ все состояніе дѣтямъ, онъ жилъ однимъ жалованьемъ. Большой охотникъ покушать, онъ не былъ разборчивъ въ выборѣ утонченныхъ блюдъ, но ѣлъ очень много, и преимущественно простыя русскія кушанья. При дворѣ, когда онъ пріѣзжалъ лѣтомъ къ императрицѣ въ Павловскъ, государыня приказывала готовить для него особыя блюда, въ числѣ которыхъ любимая имъ была «щучина».

Вотъ какъ описывалъ самъ Нелединскій свой недѣльный меню: «Маша повариха точно по мнѣ! Вотъ чѣмъ она меня кормитъ, и я всякій день жадно наѣдаюсь: 1) рубцы, 2) голова телячья, 3) языкъ говяжій, 4) студень изъ говяжьихъ ножекъ, 5) щи съ печенью, 6) гусь съ груздями—вотъ на всю недѣлю, а коли съѣмъ слишкомъ, то на другой день только два соусника кашицы на крѣпкомъ бульонѣ и два хлѣбца бѣлыхъ».

Далѣе онъ пишетъ: «Крѣпко теперь взялся за экономію, сижу за одной сальной свѣчой. Восковая свѣча стоитъ полтину, а сальная свѣча 12 копѣекъ, слѣдовательно 38 копѣекъ экономіи въ день составляетъ въ недѣлю слишкомъ половину расхода моего на разныя удовольствія!»

Онъ былъ дома образцовымъ, безукоризненнымъ супругомъ, проникнутымъ самою теплою любовью къ дѣтямъ, внѣ дома же

Домъ Пашкова въ Москвѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры Делабарта 1798 г.

имѣлъ всегда кумиръ, предъ которымъ страстно благоговѣлъ и, какъ Петрарка, страстно воспѣвалъ его; когда ему было уже 56 лѣтъ, его впечатлительное сердце все еще сохраняло первобытную свѣжесть молодости.

Изъ литературныхъ трудовъ Нелединскаго извѣстно нѣсколько одъ и пѣсенъ, изъ послѣднихъ самая популярная еще живетъ понынѣ, это «Выду я на рѣченьку». Нелединскій умеръ въ Калугѣ въ 1829 году на 77 году отъ рожденія.

Слѣдуя далѣе, мы въ стихотвореніи встрѣчаемъ фамиліи двухъ Алябьевыхъ; это были дѣти сенатора А. Алябьева; старшій изъ сыновей былъ извѣстный въ то время спортсмэнъ, младшій А. А. Алябьевъ служилъ въ военной службѣ и былъ позднѣе адъютантомъ у корпусного генерала Н. Бороздина; онъ былъ извѣстенъ какъ очень талантливый композиторъ романсовъ,—одинъ изъ нихъ «Соловей мой, соловей», посейчасъ у всѣхъ на памяти. Когда въ 1824 году былъ возобновленъ въ Москвѣ Петровскій театръ, простоявшій двадцать лѣтъ въ развалинахъ, онъ былъ открытъ прологомъ «Торжество музъ», а музыка къ этому прологу была написана А. А. Алябьевымъ и А. Н. Верстовскимъ. А. А. Алябьевъ кончилъ жизнь очень печально, чуть ли не въ Сибири, за убійство товарища во время азартной карточной игры. Стихи на Алябьевыхъ слѣдующія:

Выпивъ водки близко бочки,
Вотъ Алябьевы идутъ,
То-то, милые дружочки,
Едва голову несутъ.

Затѣмъ бульварный стихотворецъ описываетъ извѣстныхъ гулякъ того времени: коннозаводчика Мѣснова и безобразника Измайлова, Послѣдній, по разсказамъ, бывало напоитъ мертвецки пьяными человѣкъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ, посадитъ ихъ еле-живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому медвѣдю и въ такомъ видѣ спуститъ лодку съ горы въ рѣку; или проиграетъ тысячу рублей своему другу Шиловскому, вспылитъ на него за какое нибудь безъ умысла сказанное слово, броситъ проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставитъ подбирать его эти деньги подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко.

Послѣ упоминается еще въ стихахъ о князѣ Волконскомъ, у котораго въ Самотекѣ былъ собственный театръ, устроенный въ видѣ большого балагана; въ немъ помѣщалось до 300 человѣкъ.

Для открытія на этомъ театрѣ играли «Бѣглаго солдата», пьеса, какъ и исполненіе были не особенно удачны. Про хозяина этого театра стихотворецъ пишетъ слѣдующее:

И Волконскій съ карусели
Въ шпорахъ звонкихъ прикатилъ,
Весь растрепанъ, какъ съ постели,
Парень этотъ право милъ.

Въ бульварномъ острословіи находимъ еще незначительное описаніе двухъ извѣстныхъ тогдашнихъ московскихъ жителей, артиллеріи генерала Мерлина и великаго картежника, ходившаго на костылѣ, Вл. Калин. Благово.

Неизвѣстный піита заканчиваетъ свое стихотвореніе «Къ бульварамъ» слѣдующими словами:

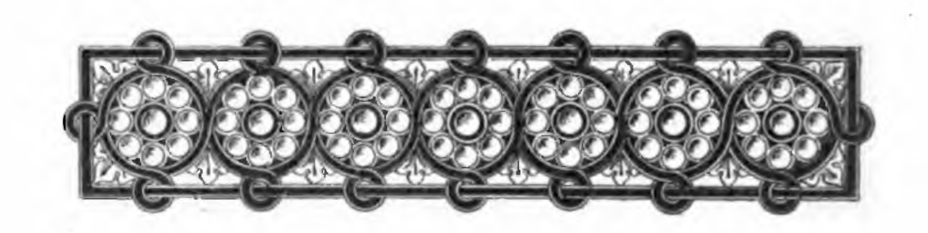
Но не всѣхъ же вѣдь до крошки
Намъ сюда переписать,
Не пора ли сѣсть па дрожки
Да домой ужъ ѣхать спать.

Тверской бульваръ былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ москвичекъ лишь до двѣнадцатаго года. Съ приходомъ французовъ въ Москву, лучшія липы этого бульвара были срублены непріятелемъ для топлива и на фонарныхъ столбахъ бульвара, передъ домомъ генерала И. Н. Римскаго-Корсакова, были повѣшены жители города, заподозрѣнные непріятелемъ въ поджигательствѣ.

Съ уходомъ непріятеля изъ столицы, бульваръ былъ снова обсаженъ липами, по сторонамъ дорожекъ расположены были куртины съ цвѣтами; по срединѣ бульвара выстроена арабская кондитерская, сдѣланы два фонтана, поставлены скамейки и т. д.

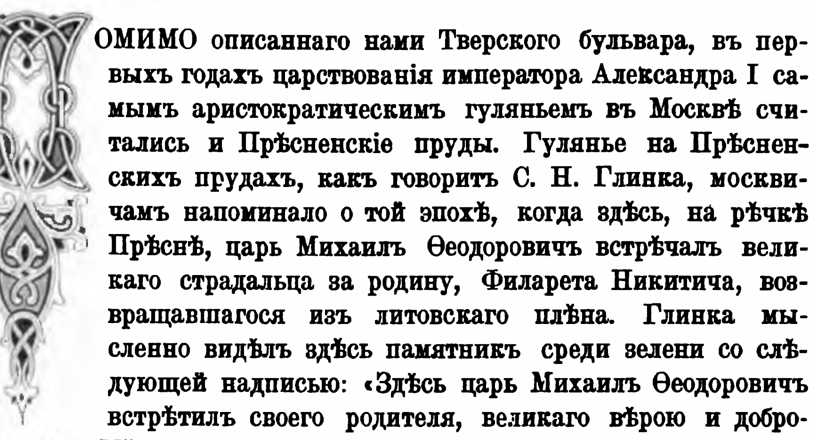
Но жизнь на бульварѣ уже болѣе не принималась. Въ то время сталъ моднымъ гуляньемъ только что разбитый Кремлевскій садъ, на мѣстѣ, гдѣ протекала по оврагу болотистая-рѣчка Неглинная; до 1820 года сюда сваливалась всякая нечистота, лежали кучи навоза и т. п. Садъ былъ открыть 30-го августа 1821 года. Главный входъ въ садъ былъ съ красивою чугунною рѣшеткою, отлитою на заводѣ Чесменскаго А. В. Нѣмчиновымъ. Въ саду былъ сдѣланъ павильонъ, гдѣ играла по воскресеньямъ и середамъ полковая музыка. Затѣмъ насыпана была искусственная земляная гора, внутри которой былъ устроенъ гротъ. Говорятъ, что на постройку этого грота вмѣсто камней пошли каменныя ядра, лежавшія въ Кремлѣ во множествѣ; послѣднія въ древности употреблялись вмѣсто чугунныхъ. Самое аристократическое гулянье въ Кре-

млевскомъ саду начиналось во второмъ часу дня и въ эти часы вся площадь передъ Воскресенскими воротами и все протяженіе улицы до экзерцирсгауза уставлено было экипажами. Въ четыре часа изъ гуляющихъ въ саду уже никого не было, но въ шестомъ часу картина вновь оживлялась, и въ этотъ часъ видѣли все высшее отборное общество, щегольски одѣтую молодежь съ очками и лорнетами и цѣлыя семейства, разгуливавшія толпами. Зимою здѣсь гуляли отъ двѣнадцати до трехъ часовъ дня.



ГЛАВА XXIV.

Прѣсненскіе пруды.



ОМИМО описаннаго нами Тверского бульвара, въ первыхъ годахъ царствованія императора Александра I самымъ аристократическимъ гуляньемъ въ Москвѣ считались и Прѣсненскіе пруды. Гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ, какъ говоритъ С. Н. Глинка, москвичамъ напоминало о той эпохѣ, когда здѣсь, на рѣчкѣ Прѣснѣ, царь Михаилъ Θеодоровичъ встрѣчалъ великаго страдальца за родину, Филарета Никитича, возвращавшагося изъ литовскаго плѣна. Глинка мысленно видѣлъ здѣсь памятникъ среди зелени со слѣдующей надписью: «Здѣсь царь Михаилъ Θеодоровичъ встрѣтилъ своего родителя, великаго вѣрою и добродѣтелью». Мѣсто, гдѣ лежатъ Прѣсненскіе пруды, было прежде болотистое, топкое; прекраснымъ своимъ нынѣшнимъ положеніемъ они обязаны Петру Степановичу Валуеву[123]), главноуправляющему кремлевской экспедиціей и оружейной палатой—автору извѣстнаго описанія древняго россійскаго музея и историческаго изслѣдованія о селѣ Коломенскомъ [124]). Неизвѣстный поэтъ прудовъ, въ первыхъ своихъ строфахъ, говоритъ:

Я приду къ прудамъ широкимъ
То къ сему, къ тому пруду
И съ почтеніемъ глубокимъ
Ницъ Валуеву паду.

Тамъ мы слушаемъ каскады,
Здѣсь лѣсокъ къ себѣ манитъ,
За усталость ногъ награду
Часто мягкій лугъ даритъ.
Но милѣй лѣсковъ и луга
Женщинъ-бабочекъ здѣсь рой,
Между нихъ любовь подруга
Поздней тащится порой.

По вечерамъ, по словамъ пѣвца прудовъ, гулянье здѣсь принимало видъ таинственности.

Далѣе поэтъ пишетъ:

Не жемчужная росина
На листкѣ цвѣтовъ блеститъ,
То Катюша—Катерина
Вельяминова глядитъ.
На сестрицѣ не сіяютъ
Штукатурка, алебастръ и т. д.

Мать этой Вельяминовой жила съ извѣстнымъ тульскимъ намѣстникомъ М. Н. Кречетниковымъ; въ запискахъ Болотова находимъ, что мужъ Вельяминовой, тульскій вице-губернаторъ, «жертвовалъ женою своею въ угодность сему вельможѣ». Извѣстно, что Кречетниковъ очень любилъ прекрасный полъ; онъ имѣлъ самъ очень красивую наружность и отличался щегольскимъ нарядомъ, даже подъ старость всегда носилъ шелковые чулки, башмаки съ красными каблуками, бѣлыя перчатки и очки новомодныя [125]).

Потемкинъ ему особенно покровительствовалъ и, зная его слабость къ женскому полу, иначе его не называлъ какъ «мадамъ», любимое слово Кречетникова. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что онъ имѣлъ еще и другую слабость — высокомѣріе и еще непомѣрную хвастливость и по этому случаю приводитъ слѣдующее:

Когда Екатерина II посѣтила Калугу, на хлѣбъ былъ плохой урожай. Ожидая прибытія императрицы, Кречетниковъ распорядился, чтобы по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой ей надлежало ѣхать, на ближайшія къ проѣзду десятины свезли сжатый, но еще не убранный хлѣбъ и уставили бы копны какъ можно чаще; при въѣздѣ въ городъ были устроены тріумфальныя ворота и украшены снопами ржаными и овсяными.

Государыня знала объ обманѣ, но обошлась съ намѣстникомъ милостиво. Она спросила его, однако, хорошъ ли былъ урожай? Кречетниковъ отвѣчалъ: прекрасный. Когда послѣ стола намѣстникъ доложилъ ей, что въ городѣ есть театръ и хорошая труппа и не соизволитъ ли государыня осчастливить театръ своимъ при-

Видъ Прѣсненскихъ прудовъ.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

сутствіемъ, она потребовала списокъ играемыхъ пьесъ и, возвращая его, прибавила:

— Ежели у васъ разыгрывается «Хвастунъ», то хорошо бы имъ позабавиться,—и пригласила намѣстника въ свою ложу.

Во время комедіи государыня часто посматривала на Кречетникова и милостиво ему улыбалась; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Въ тотъ же вечеръ былъ балъ, данный калужскимъ дворянствомъ; послѣ ужина государыня сказала Кречетникову:

— Вотъ вы меня угощаете и дѣлаете празднества, а самымъ дорогимъ угостить пожалѣли.

— Чѣмъ же, государыня? спросилъ Кречетниковъ: не понимая, чего могла пожелать императрица.

— Чернымъ хлѣбомъ, отвѣчала она и тутъ высказала ему свое неудовольствіе; я желаю знать всю правду, а отъ меня ее скрываютъ и думаютъ сдѣлать мнѣ угодное, скрывая отъ меня дурное!.. Здѣсь неурожай, народъ терпитъ нужду, а вы еще дѣлаете тріумфальныя ворота изъ сноповъ!

Екатерина была очень милостива къ Кречетникову: онъ былъ пожалованъ въ графы, но это извѣстіе было привезено курьеромъ на другой день его смерти.

Затѣмъ въ уличной сатирѣ поэтъ описываетъ извѣстнаго драматурга Ѳедора Ѳедоровича Иванова:

Вотъ Ивановъ нашъ въ мундирѣ:
То ни Марсъ, ни Фебъ,
Пусть бренчитъ себѣ на лирѣ,
Продаетъ стихи на хлѣбъ.
Водитъ въ рынокъ Мельпомену,
За безцѣнокъ отдаетъ,
Марѳу-дворницу на сцену
Пусть заикою ведетъ.

Ивановъ служилъ комиссіонеромъ 9-го класса въ комиссіи московскаго комиссаріатскаго депо. Онъ написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ «Марѳа Посадница или покореніе Новагорода», драму въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Награжденная добродѣтель или женщина какихъ мало». Съ большимъ успѣхомъ послѣдняя была играна въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1805 году. Затѣмъ комедіи: «Не все то золото, что блеститъ, или урокъ для отцовъ»; «Женихи или вѣкъ учись»; «Хоть не радъ, да будь готовъ»; «Семейство Старичковыхъ или за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ». Ивановъ умеръ въ 1816 году; жизнь его описана Мерзляковымъ въ «Трудахъ Московскаго Общества любителей россійской

словесности». По словамъ послѣдняго, Ивановъ отличался благородствомъ характера и добротой чисто евангельской.

Далѣе встрѣчаемъ описаніе гг. Эхользиныхъ и П. А. Обрѣзкова, молодыхъ московскихъ франтовъ, служившихъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Что Эхользины уныли,
Саша душенька такъ худъ?
Ахъ, вспорхнулъ румянецъ милый,
Слѣдъ бубновый виденъ тутъ.
Точно глистъ въ каррикатурѣ
Въ залъ судейскій входитъ пить,
Въ гибкой тоненькой фигурѣ
Нашъ Обрѣзковъ сибаритъ.

Ниже въ стихотвореніи находимъ описаніе старухи, Настасьи Дмитріевны Офросимовой, вдовы генералъ-маіора, очень извѣстной въ то время въ Москвѣ по почету и уваженію, которое ей всѣ оказывали. Офросимова въ сущности была своенравная и сумасбродная старуха: она требовала, чтобы ей всѣ, какъ знакомые, такъ и незнакомые, оказывали особый почетъ.

Всѣ трепетали передъ этой старухой. Какъ говоритъ Благово [126]) про нее: «Бывало сидитъ она въ собраніи и, Боже избави, если какой нибудь молодой человѣкъ или барышня пройдутъ мимо нея и ей не поклонятся».

— Молодой человѣкъ, пойди-ка сюда, скажи мнѣ, кто ты такой, какъ твоя фамилія?

— Такой-то.

— Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь; видишь, сидитъ старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повѣжливѣе былъ.

Тогда говорили, что она и въ своей семьѣ была презлая: чуть что не по ней, такъ и взрослыхъ своихъ сыновей оттреплетъ по щекамъ. Въ то время, бывало, когда матери со своими дочерьми ѣхали на балъ или въ собраніе, то непремѣнно твердили имъ:

— Смотрите же, что если увидите старуху Офросимову, подойдите къ ней да присядьте пониже.

Въ стихотвореніи о ней говорится слѣдующее:

Вотъ и мамушка Ратима
Офросимова бѣжитъ,
Съ ней ухваточка любима,
Кулаками всѣхъ даритъ.

Покровскій монастырь въ Москвѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» изд. Мартынова.

Кремлевскій садъ въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ старинной литографіи.

Урожденна Шаховская
Чемоданчикъ ей несетъ,
Слышно: маменька милая,
Дай скорѣй увидѣть свѣтъ.

Офросимова любила также заниматься сватовствомъ и множество устроила браковъ въ Москвѣ. Очень подробную характеристику этой старухи находимъ въ романѣ Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Жихаревъ [127]) про нее говоритъ, что она дама презамѣчательная своимъ здравомысліемъ, откровенностью и безусловною преданностью правительству.

Далѣе въ стихотвореніи находимъ описаніе одного изъ франтовъ того времени и большого игрока Г. Шиловскаго; про него говоритъ поэтъ, что онъ дорогу

Къ модной лавкѣ проложилъ
Шить чепцы, обуть и ногу,
Шаркать мило научилъ.

Въ тѣ года въ Москвѣ, какъ разсказываетъ С. Н. Глинка, высшее общество стало во всемъ подражать французамъ и вмѣстѣ съ Доринами, Парни нахлынули волокитство и любезность петиметровъ. Вечеромъ пошли балы и маскарады и домашніе французскіе спектакли, а по ночамъ закипѣлъ банкъ—тогда ломбарды все болѣе и болѣе наполнялись закладомъ крестьянскихъ душъ, и въ обществѣ быстры, внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію.

Въ большомъ свѣтѣ въ то время завелись мѣнялы. Днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ, съ корзинками, наполненными разными бездѣлушками, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнныя каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ счастливцевъ, которые проигрывали свое имѣніе, и выманивали у нихъ почтенное подаяніе.

При Павлѣ былъ запрещенъ банкъ и всякія ночныя собранія. Вотъ одинъ случай захвата игроковъ въ Павловское время, разсказанный въ запискахъ С. Н. Глинки. Однажды московскій оберъ-полиціймейстеръ Эртель, проѣзжая ночью по Арбату, увидѣлъ огонь въ одномъ домѣ, входитъ туда и застаетъ игру; на бѣду здѣсь случился сибирякъ Безсоновъ, поручикъ Архаровскаго полка [128]), казначей этого полка. Не участвуя въ игрѣ, онъ спалъ въ комнатѣ на диванѣ. Эртель разбудилъ его:

— Оставьте меня, сказалъ Безсоновъ,—вы видите, я спалъ. Не стыдите меня передъ начальникомъ. Для меня честь дороже жизни.

— Ступайте! прикрикнулъ оберъ-полиціймейстеръ.

— Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

Въ четыре часа ночи привели игроковъ и Безсонова въ домъ начальника полка, гдѣ, по тогдашнему, обыкновенно стояли и полковыя знамена. Выходитъ Архаровъ въ колпакѣ и халатѣ. Взглянувъ на Безсонова, онъ сказалъ:

— Какъ, и ты здѣсь?

Посадили приведенныхъ подъ знамена. Послѣ допроса Архаровъ узналъ, что Безсоновъ былъ взятъ спящій.

— Грѣшно было тебѣ будить! сказалъ Архаровъ полиціймейстеру,—поди, братецъ, поправь свой грѣхъ.

Полиціймейстеръ пошелъ къ Безсонову и объявилъ ему, что онъ свободенъ.

— Поздно! закричалъ Безсоновъ:—я говорилъ тебѣ, не веди меня сюда. Ты привелъ: вотъ тебѣ!

Послѣдовалъ ударъ; Безсоновъ былъ отданъ подъ судъ.

Офицеры полка были судьями; они плакали, но, въ силу устава Петра I, вынесли приговоръ: лишить руки. И только вслѣдствіе просьбы тогдашняго московскаго градоначальника князя Ю. В. Долгорукова у императора Павла I приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Слѣдуя далѣе за прѣсненскимъ риѳмоплетомъ, мы встрѣчаемъ описаніе всѣхъ тогдашнихъ московскихъ волокитъ-петиметровъ. Въ ту эпоху такіе франты являлись на улицу во фракахъ съ длинными и узкими фалдами, жилеты были изъ розоваго атласа, сапоги съ кистями, на шеѣ огромные галстуки, закрывающіе подбородокъ; галстуки были длиною въ нѣсколько аршинъ—ихъ надо было обматывать до двадцати разъ вокругъ шеи. Затѣмъ множество ювелирныхъ вещей виднѣлось на каждомъ; часовъ непремѣнно двое, съ двумя цѣпочками и съ брелоками, которые длинно висѣли изъ жилетныхъ кармановъ; послѣдними обязательно владѣлецъ долженъ былъ побрякивать. На пальцахъ множество колецъ и перстней, затѣмъ большая запонка на груди въ рубашкѣ въ видѣ застежки и поверхъ жилета еще двѣ цѣпочки, которыя висѣли крестообразно.

Записной франтъ непремѣнно долженъ былъ румяниться, сурмить брови и бѣлить лицо; въ рукахъ щеголя того времени должна была быть соболья муфта, называемая «манька».

Про такихъ щеголей говоритъ пѣснопѣвецъ слѣдующее:

Вотъ они, что тянутъ тоны,
Сильна рвота модныхъ словъ,
Въ точь французски лексиконы
Въ кожу свернуты ословъ.

*

Затѣмъ піита отмѣчаетъ одного изъ такихъ франтовъ-волокитъ, Баташова, про котораго онъ говоритъ:

Не отвыкнувъ отъ привычки
Подбираться,—Баташовъ—
Это сѣть для бѣдной птички,
Это славный птицеловъ.

Ив. Ив. Баташовъ—сынъ Ивана Родіоновича, купца, получившаго дворянство за образцовое устройство желѣзныхъ заводовъ на Выксѣ.

Баташовъ владѣлъ громаднымъ богатствомъ въ Нижегородской, Тамбовской и Владимірской губерніяхъ. Тамъ у него имѣлось до семи заводовъ, при нихъ 17 тысячъ душъ крестьянъ и 200 тысячъ десятинъ строевого лѣса. Баташовъ Ив. Род. имѣлъ сыновей, которые умерли еще при жизни его; самъ онъ отличался особеннымъ долголѣтіемъ и умеръ чуть ли не ста лѣтъ отъ роду. Отъ сына его, Ивана, о которомъ здѣсь говорится, женатаго на Рѣзвой, осталась дочь Дарья, которую дѣдъ выдалъ въ 1817 году за Шепелева. Послѣдняя получила все богатство дѣда въ приданое, вмѣстѣ съ нимъ и роскошнѣйшій въ Москвѣ домъ, подъ названіемъ шепелевскій дворецъ на Вшивой горкѣ, построенный ея дѣдомъ и возобновленный имъ же послѣ пожара 1812 года. Про эту Шепелеву упомянуто въ XXIII главѣ.

Въ этомъ домѣ стоялъ Мюратъ, когда занялъ Москву Наполеонъ. По разсказамъ, отдѣлка дома послѣ пожара обошлась Баташову въ 300,000 руб. Всѣмъ богатствомъ Баташовъ былъ обязанъ брату своему, Андрею Родіоновичу, человѣку необыкновеннаго ума и непреклонной воли[129]); для достиженія своей цѣли онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, всѣ средства казались ему удобными; при всей своей алчности онъ отличался еще самымъ необузданнымъ нравомъ.

Баташовъ наживался правдой и неправдой, къ нему на заводы стекались толпой бѣглые и каторжники; онъ принималъ всѣхъ и заставлялъ работать за ничтожную плату. Онъ покровительствовалъ открыто разбойникамъ, скрывавшимся въ Муромскихъ лѣсахъ, пограничныхъ съ его заводами, и получалъ отъ нихъ свою долю грабежа.

Баташовъ, ободренный безнаказанностью, дошелъ, наконецъ, до неслыханныхъ границъ деспотизма и жестокости. До сихъ поръ еще на Выксѣ о немъ говорятъ съ ужасомъ и старики разсказываютъ о безобразіи его оргій, о возмутительномъ его кощунствѣ

Московская пожарная команда въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ старинной литографіи.

надъ святыней, о несчастныхъ, спущенныхъ въ колодцы, гдѣ добывалась руда, распятыхъ на крестѣ или заморенныхъ голодомъ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было приступлено къ перестройкѣ въ обветшаломъ его домѣ, то плотники открыли проведенный изъ комнаты его потайной ходъ въ подвалъ, въ которомъ нашли множество человѣческихъ костей.

Въ преданіяхъ рода Баташовыхъ сохранились двѣ страшныя драмы. Первая изъ нихъ — одинъ изъ его сосѣдей отказался ему продать свое имѣніе; Баташовъ видимо не разсердился на него, но пригласилъ его, наоборотъ, въ отъѣзжее поле. Охота продолжалась нѣсколько дней, послѣ которой помѣщикъ возвратился къ себѣ въ усадьбу, но, бѣдный, не отыскалъ и слѣда своей усадьбы: въ его отсутствіе она была снесена до основанія и даже по мѣсту, гдѣ она стояла, прошелъ плугъ и было засѣяно.

Къ другому сосѣду грозный Баташовъ обратился уже съ болѣе безцеремоннымъ требованіемъ: ему понравилась его жена и онъ просилъ его уступить ее. Мужъ не повиновался и прекратилъ свои посѣщенія къ Баташову.

Прошелъ мѣсяцъ, другой, Баташовъ зоветъ его обѣдать подъ предлогомъ — помириться. Сосѣдъ принялъ предложеніе и поѣхалъ къ Баташову; послѣдній угостилъ гостя на славу, не сдѣлавъ и намека о прошломъ, и послѣ обѣда предложилъ всѣмъ гостямъ отправиться на заводъ; какъ скоро гости подошли къ домнѣ[130]), Баташовъ подалъ знакъ и въ мигъ рабочіе схватили несчастнаго и бросили въ печь.

Всѣ эти поступки Баташова подъ конецъ дошли до Екатерины, и она приказала снарядить слѣдствіе. Чиновника, которому поручено было дѣло Баташова, онъ не принялъ къ себѣ, а приказалъ отвести ему квартиру у мастерового и на другой день послалъ ему блюдо фруктовъ, подъ фруктами лежалъ пакетъ съ деньгами и записка слѣдующаго содержанія: «Фрукты съѣшь, деньги возьми и убирайся, пока живъ». Слѣдователь, по преданію, исполнилъ совѣтъ въ точности.

Андрей Род. Баташовъ былъ высокаго роста, брюнетъ; въ смуглыхъ, правильныхъ и красивыхъ чертахъ его лица виднѣлась гордость, сила и мощь; прожилъ онъ очень долго; годъ смерти его неизвѣстенъ.

Ниже въ стихахъ слѣдуетъ характеристика другой личности, тоже вышедшей изъ купечества, именно К. В. Злобина, сына знаменитаго въ Екатерининское время откупщика - благотворителя В. А. Злобина. Отецъ послѣдняго былъ крестьянинъ и служилъ

писаремъ въ Малыковской волостной избѣ; прежняя его фамилія была Половникъ, но такъ какъ онъ отличался буйнымъ и задорнымъ характеромъ, то отъ своихъ односельчанъ и былъ прозванъ Злобою или Злобинымъ; эта уличная кличка впослѣдствіи и перешла въ его фамильное прозваніе.

Родоначальникъ фамиліи Злобиныхъ прежде тоже исправлялъ должность отца своего и былъ такъ же бѣденъ, какъ онъ, ходилъ въ холщевомъ халатѣ и поярковой шляпѣ и, къ тому же, еще заикался въ разговорѣ, но нравомъ онъ былъ не таковъ, какъ отецъ, и не только не пилъ водки, но берегъ каждую копѣйку и скоро успѣлъ накопить небольшой капиталецъ. Съ пріѣздомъ въ Поволжскій край генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго Злобинъ умѣлъ понравиться князю; покровительствуемый имъ, онъ сдѣлался городскимъ головою, потомъ вскорѣ Вяземскій вызвалъ его въ Петербургъ и предложилъ ему взять винные откупа.

Злобинъ, при помощи князя, взялъ откупъ; тутъ счастіе повезло ему и онъ изъ бѣднаго мѣщанина сдѣлался милліонеромъ.

Злобинъ держалъ вино на откупу въ нѣсколькихъ восточныхъ губерніяхъ Россіи и въ Сибири; онъ имѣлъ также на откупу соль изъ Эльтонскаго озера и другихъ понизовыхъ озеръ. Злобинъ вмѣстѣ съ надворнымъ совѣтникомъ Чоглоковымъ былъ также откупщикомъ игральныхъ картъ во всей Россіи.

Живя въ Петербургѣ, онъ вошелъ въ связи съ государственными людьми; по словамъ Костомарова [131]), его привѣтливость, добродушіе и роскошные обѣды привлекали къ нему толпы гостей. Памятникомъ его возвышенія и его необыкновенной дѣятельности остается прежнее село Малыковка, теперь городъ въ Саратовской губерніи Вольскъ.

Есть преданіе, что Екатерина хотѣла назвать это село Злобинскомъ, но что Злобинъ отказался отъ этой чести и предложилъ вмѣсто этого названіе Екатериновольска (какъ учрежденнаго волею Екатерины), откуда будто бы и произошло настоящее имя этого города [132]).

Какъ много Вольскъ обязанъ Злобину, видно между прочимъ изъ того, что когда, послѣ бывшаго тамъ пожара, правительство готово было назначить жителямъ пособіе, то они отозвались, что, благодаря щедрости своего согражданина, не нуждаются въ помощи отъ казны. Злобинъ не любилъ обязательствъ на бумагѣ и говорилъ, что обоюдное честное слово драгоцѣннѣе и крѣпче всякихъ бумажныхъ сдѣлокъ. Вслѣдствіе этого его довѣренныя лица часто обманывали его. Когда ему замѣчали объ этомъ, онъ говорилъ, что у него не достанетъ духа показать недовѣріе къ тому, кого онъ

прежде облекъ своимъ довѣріемъ, что это значило оскорблять его и что еслибы подозрѣваемый оказался невиннымъ, совѣсть не давала бы ему покоя до смерти. Одинъ изъ его агентовъ въ Сибири представилъ дѣла въ самомъ жалкомъ видѣ, но одна генеральша пріѣзжаетъ къ Злобину и говоритъ ему, что этотъ агентъ торгуетъ у ней мѣдный заводъ; какъ ни былъ удивленъ этимъ извѣстіемъ Злобинъ, но спокойно сказалъ: «ваше превосходительство, можете продать ему». Вслѣдъ затѣмъ Злобинъ отправился въ Сибирь, призвалъ своего агента, обличилъ въ воровствѣ и прогналъ его; этимъ ограничилось его мщеніе.

Вся семья Злобина были заклятыми раскольниками и когда ближніе обличали его, что онъ ходилъ въ нашу церковь, то онъ имъ отвѣчалъ: «я христіанинъ и принадлежу душою всѣмъ церквамъ, гдѣ призывается имя Христово» [133]).

Злобинъ пережилъ свое благополучіе: неудачные винные откупа въ 1812 и 1813 годахъ, затѣмъ недостатокъ соли въ озерахъ и недобросовѣстность его агентовъ подорвали его коммерческое могущество и онъ былъ объявленъ банкротомъ и все его состояніе продано съ молотка.

Есть преданіе, что причиною его паденія было одно неумѣстное и заносчивое слово, сказанное имъ во время неудачъ государственному сановнику; по другимъ разсказамъ, сановникъ этотъ былъ графъ Гурьевъ и случай этотъ произошелъ у тогдашняго министра Кочубея. Злобинъ незамѣтно крупно заспорилъ съ Гурьевымъ и, раздраженный споромъ, бросилъ въ него булкой. Присутствовавшій тутъ оберъ-полицiймейстеръ, желая отвлечь спорщика, сказалъ ему:

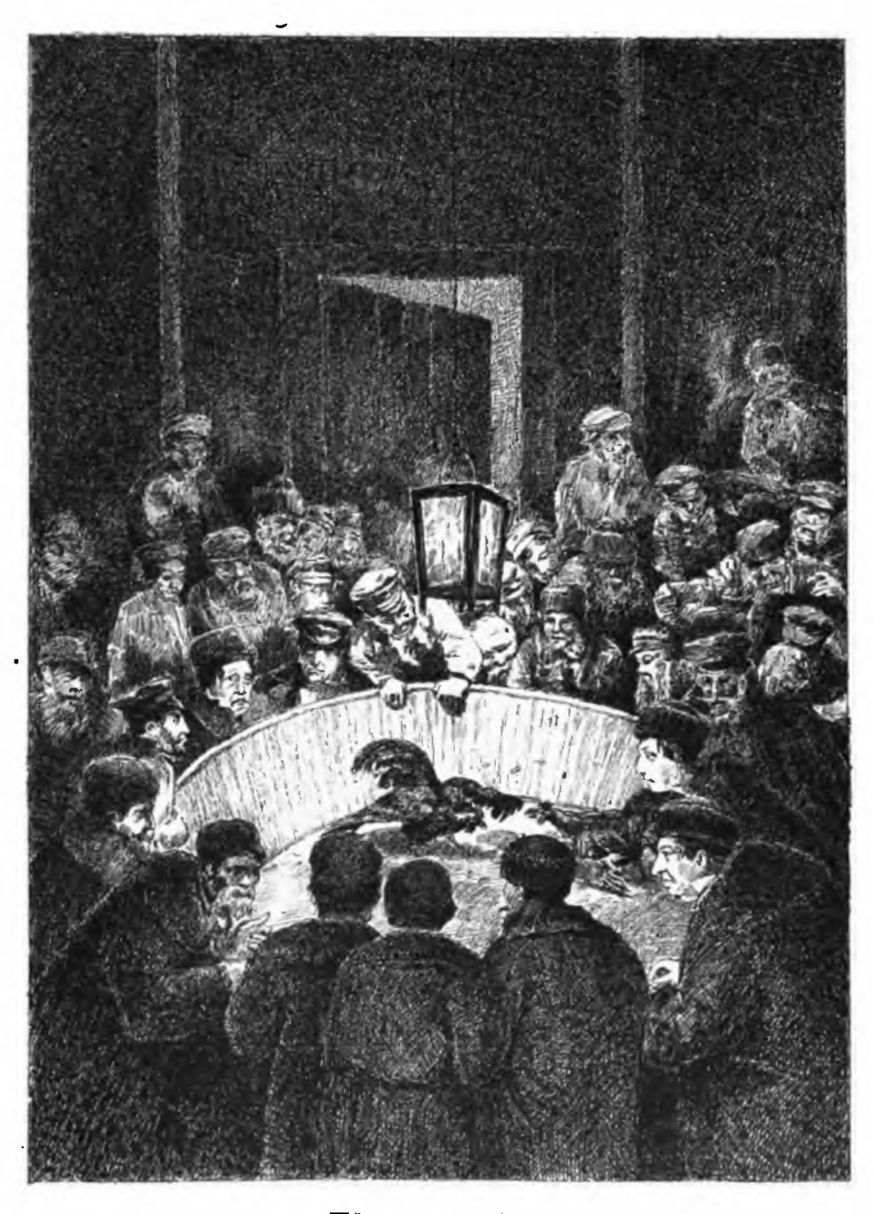
— Поѣзжайте домой, Василій Алексѣевичъ, въ вашей квартирѣ пожаръ, ваши откупныя дѣла горятъ.

— Вы оберъ-полицiймейстеръ, отвѣчалъ Злобинъ,—ваша обязанность быть на пожарѣ, а не мнѣ.

Гурьевъ впослѣдствіи вспомнилъ про обиду, и когда вмѣсто Кочубея сдѣлался министромъ, то немедленно потребовалъ отъ Злобина уплаты всѣхъ неустоекъ по откупамъ, которыя до этого отсрочивалъ Кочубей; это-то и разорило Злобина. Злобинъ былъ послѣдній въ Россіи «именитый гражданинъ» [134]), званіе это онъ носилъ по смерть: императоръ Александръ I именнымъ своимъ указомъ оставилъ ему одному это званіе.

Сыну Злобина, Константину Васильевичу, прѣсненскій стихотворецъ посвящаетъ слѣдущее:

Вотъ и нѣмецъ мылотворный
Злобинъ рожицу несетъ.
Королевичъ Бова вздорный,
Съ карусели онъ бредетъ.



Пѣтушиный бой.
Съ литографіи начала нынѣшняго столѣтія.

Злобинъ, къ которому относится это посланіе, былъ человѣкъ многосторонняго образованія. Державинъ, у котораго онъ числился на службѣ, выразился о немъ такъ [135]):

Поэтъ душой, купецъ породой —
Двоякъ въ себѣ съ твоей свободой и пр.

Злобинъ воспитывался въ Сарептѣ, у нѣмецкаго пастора, зналъ древніе и новые языки, занимался литературой и оставилъ въ печати нѣсколько стихотвореній.

Женатъ отъ былъ на англичанкѣ Маріаннѣ Стивенсъ, родной сестрѣ жены графа Сперанскаго. Злобинъ былъ масономъ, покинулъ гражданскую службу въ 1803 году. За учрежденіе въ родномъ городѣ Вольскѣ училища, подъ названіемъ «Пропилеи», онъ получилъ отъ императора Александра I орденъ св. Владиміра 4-й степени; умеръ онъ ранѣе своего отца, въ 1813 году. Послѣдній скончался въ 1814 году отъ горя, что потерялъ нѣжно любимаго сына.

Затѣмъ ниже въ стихотвореніи находимъ имя поэта Карина, про котораго стихотворецъ пишетъ:

За Барановой унылой
Тихо селезень плыветъ:
То поэтъ нашъ, Каринъ милый,
По-гвардейски онъ идетъ...

Ф. Г. Каринъ, другъ поэта Кострова, отставной военный, богатый помѣщикъ, сибаритъ, извѣстенъ былъ въ Москвѣ какъ ярый послѣдователь Вольтера и другъ Дидеро, для котораго нарочно пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Подъ старость Каринъ не покидалъ колпака и костюма, въ которомъ ходилъ фернейскій философъ; на пальцѣ у него былъ драгоцѣнный перстень и на столѣ всегда табакерка съ портретомъ Екатерины, усыпанная брилліантами. Каринъ жилъ въ Москвѣ, между Петровкою и Дмитровкою, близь церкви Рождества въ Столпникахъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи и отличался ловкостью и остротами. С. Н. Глинка говоритъ: однажды на пиру у Я. Б. Княжнина Потемкинъ за бокаломъ шампанскаго сказалъ Карину:

Ты, Каринъ,
Милый Кринъ
И лилеи
Мнѣ милѣе.

Каринъ отвѣчалъ князю Таврическому, что цвѣты скоро вянутъ а лавры его безсмертны.

Всѣ литераторы того времени были друзьями Карина. «Самъ Каринъ», какъ говоритъ его біографъ, «боялся имени сочинителя, и

особенно стихотворца, и для того мало ввѣрялъ произведенія своего пера печати. Неприступный стражъ красотъ и правилъ языка, онъ былъ цѣнитель строгій, но справедливый и весьма полезный для друзей своихъ, съ музами знакомства ищущихъ».

Каринъ, по словамъ своего біографа, весь жилъ въ трагедіяхъ Расина и переводилъ его «Ифигенію» нѣсколько разъ. У Карина было до семи тысячъ крестьянъ, впослѣдствіи у него осталась только половина и онъ былъ взятъ въ опеку. Опекуномъ его былъ извѣстный Нелединскій-Мелецкій.

У Карина былъ цѣлый полкъ нарядныхъ егерей, псарей и стрѣлковъ и большія стаи гончихъ и борзыхъ собакъ. За борзыхъ онъ плачивалъ по тысячѣ и болѣе рублей. Въ отъѣзжія поля, во Владимірское помѣстье, за Каринымъ тянулся обозъ съ винами и со всѣми роскошными причудами былого барича. На охоту къ нему стекались со всѣхъ сторонъ пріятели. Пиршества его на охотѣ не уступали пирамъ древнихъ азіатскихъ сатраповъ. Каринъ былъ несчастенъ въ женитьбѣ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ А. М. Голицыной, родной внучкѣ князя М. А. Голицына, женатаго на калмычкѣ Бужениной, свадьба котораго праздновалась въ ледяномъ домѣ, въ 1749 году, при Биронѣ. С. Н. Глинка разсказываетъ про Карина, что у него сердце было предоброе. Что по одному только имени онъ усыновилъ сиротъ своего однофамильца и даже ему разъ подалъ бумагу, сказавъ: «это ваше». То была на мое имя купчая или дарственная на шестьдесятъ калужскихъ его душъ. Я изорвалъ запись и сказалъ: «Не возьму; я никогда не буду имѣть человѣка какъ собственность» и пр. Каринъ выкупилъ изъ крѣпостной зависимости, отъ Бибикова, извѣстнаго композитора Д. Н. Кашина [136]).

Каринъ очень любилъ театръ и много перевелъ пьесъ для него. Такъ, если вѣрить Макарову [137]), то «Ифигенія», напечатанная въ Москвѣ, въ 1796 г., графомъ Хвостовымъ, переводъ не послѣдняго, а Карина. Помимо этой пьесы, извѣстны еще его переводы «Медеи» и «Фанеліи, или заблужденіе отъ любви».

Послѣ Карина прѣсненскій стихотворецъ упоминаетъ о Нелединскомъ-Мелецкомъ, характеристику котораго мы уже выше дали. Нелединскаго здѣсь стихотворецъ описываетъ въ слѣдующихъ строфахъ:

Тихо, сладко, нѣжно, плавно
По травѣ катитъ кубарь—
То Нелединскій нашъ славный
И «смазливыхъ тѣней» царь.

«Смазливыми тѣнями» въ то время называли всѣхъ дѣвицъ легкомысленнаго и не строгаго поведенія; ранѣе этого времени, въ царствованіе Екатерины, послѣднія извѣстны были подъ кличкою «Мартонъ» и «Неонилъ», по имени двухъ героинь извѣстныхъ тогда романовъ: «Пригожая повариха» [138]) и «Неонила» [139]). Первая изъ этихъ книгъ въ свое время имѣла большой успѣхъ. Извѣстенъ анекдотъ про Суворова, разсказанный Ростопчинымъ [140]). Однажды послѣдній, желая узнать мнѣніе Суворова о знаменитыхъ воинахъ и военныхъ книгахъ, приводилъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей, но «при каждомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказалъ мнѣ на ухо: «Юлій Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, «Домашній лечебникъ», «Пригожая повариха», и заговорилъ о химіи»...

Въ двадцатыхъ годахъ женщинъ описанной категоріи называли: Аспазіями, Омфалами, Доринами, Клеопатрами и другими именами классической Греціи. Въ тридцатыхъ годахъ онѣ извѣстны были подъ кличкою «вѣтряныхъ Лаисъ»; въ сороковыхъ годахъ ихъ звали «Агнесами нижнихъ этажей»; въ пятидесятыхъ годахъ «Камеліями» и т. д.

Въ стихотвореніи находимъ и описаніе вѣтряныхъ Лаисъ:

Вотъ китайскіе обои—
То П—ва между насъ,
Кирпичу бѣлилъ въ нихъ слои,
Стѣну сложишь въ добрый часъ.
　　Вотъ Аленушка-соловка
　　Въ садъ къ прудамъ бѣжитъ,
　　Маслитъ глазки очень ловко
　　И кудрями говоритъ.
Съ нею разныхъ птицъ подборы,
Гдѣ Загряжскій, [141]) бѣсъ косой,
Ей кукуетъ нѣжны взоры,
А Давыдовъ [142]) хоть не пой.

Въ то старое время ловкій и счастливый волокита считался весьма почтеннымъ въ обществѣ; любовныя похожденія придавали свѣтскому человѣку блескъ и извѣстность; нравы регентства были не чужды москвичамъ.

Князь Вяземскій [143]) разсказываетъ про нѣкоего г. Хитрово, который на разныя продѣлки въ любовномъ родѣ былъ не очень совѣстливъ. Не удавалось ему, напримѣръ, достигнуть гдѣ нибудь цѣли въ своихъ любовныхъ поискахъ, онъ вымещалъ неудачу, высылая карету свою, которая часть ночи стоитъ неподалеку отъ жительства непокорившейся красавицы. Иные подмѣчали это, выводили изъ того заключенія свои, а съ него было и этого довольно.

Русскія бани зимой.

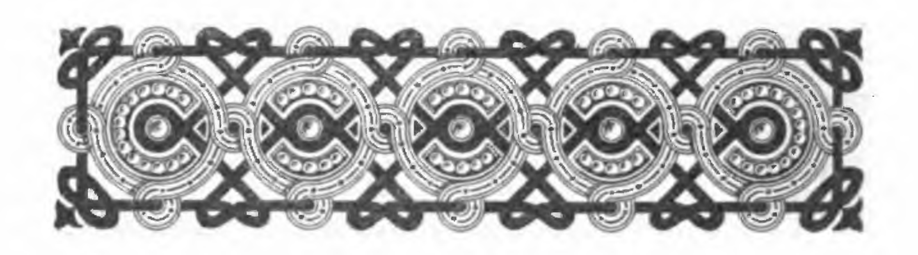
Съ гравюры Демартре, начала нынѣшняго столѣтія.

Похожденія съ «вѣтряными Лаисами» въ то время процвѣтали широко; въ Петербургѣ даже было веселое общество подъ названіемъ «Галера», спеціально трудившееся надъ своего рода женскимъ вопросомъ. Вотъ одно изъ приглашеній этого общества въ послѣдній день масляницы:

Плыви, Галера, веселися!
Къ Ліону [144]) въ маскарадъ пустися,
Одинъ остался вечеръ намъ,
Тамъ ждутъ насъ фрау боронесса
И съумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ.

Всего стихотворенія на Прѣсненскіе пруды мы не выписываемъ, такъ какъ полагаемъ, что приведенные строфы даютъ уже полное понятіе объ этой уличной сатирѣ начала XIX вѣка. Прибавляемъ только для полноты заключительныя строфы этой поэмы

Но пора къ своей постели,
Мѣсяцъ сталъ среди воды.
Ахъ, до будущей недѣли
Адью, милые пруды!



ГЛАВА XXV.

Историческое прошлое рынка Москвы. — Торговые дни. — Старый и новый Гостиный дворъ; разряды торговыхъ и промышленныхъ людей. — Люди гостиной, суконной и черной сотень; обязанности сотень въ отношеніи городского благоустройства. — Пріѣзжіе гости. — Гречане и персы. — Гильдіи. — Шестигласная дума. — Именитые граждане. — Права всѣхъ гильдій. — Московскіе ряды въ 1626 году. — Очистительная присяга у Казанскаго собора. — Крестное цѣлованіе. — Поединки. — Ограда Казанскаго собора. — Тріумфальныя ворота. — Страшное мѣсто «Яма». — Несостоятельные должники. — Жертвователи. — Приказные отъ «Казанской» и Иверскихъ воротъ. — Дѣленіе рядовъ. — Общая картина рядовъ и Гостинаго двора. — Зазывальщики и мелкіе торговцы.

СЪ НЕЗАПАМЯТНЫХЪ временъ рынкомъ Москвы былъ Китай-городъ; тамъ съ сѣдой древности были ряды, лавки, подворья всѣхъ главныхъ торговыхъ русскихъ городовъ, посольскій дворъ для пословъ иноземныхъ и «Гостиный дворъ» для иноземныхъ гостей-купцовъ, пріѣзжавшихъ съ товарами.

«Площадь передъ Кремлемъ», — писалъ Олеарій въ 1630 году, «есть главный рынокъ города. Въ продолженіе цѣлаго дня тутъ кишитъ народъ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и всѣ примыкающія къ ней улицы (рядъ) и свой кварталъ (четь); такъ что купцы, торгующіе шелкомъ, не мѣшаются съ продавцами сукна и полотна, ни золотыхъ дѣлъ мастера съ сѣдельщиками, сапожниками, портными, мѣховщиками и другими ремесленниками. Каждое производство и каждое ремесло имѣетъ свою улицу. Въ сред-

нихъ рядахъ, въ лавкахъ съ бѣльемъ, сидятъ торговки. Въ образномъ ряду не продаются, но мѣняются безъ всякаго торга образами. Есть такой пушной рядъ, который заваленъ пуховыми матрацами».

Изъ древнихъ другихъ сказаній видно, что церковь Пречистой Казанской Божіей Матери построена близь ряда, гдѣ ножевщики имѣютъ свои лавки. Каждому товару въ Москвѣ былъ назначенъ свой рядъ и свое мѣсто. Были ряды: пряничный, птичій, харчевой, калачный, крашенинный, сапожный, шапочный, коробейный, медовый, восчаный, домерный, гдѣ продавались бубны, домры и барабаны.

Въ «Китаѣ-городѣ» былъ «свѣжій рыбный рядъ». На берегу Москвы-рѣки существовалъ другой такой же рядъ, гдѣ лежала соленая и мороженая рыба; лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была такая нестерпимая, что иностранецъ не могъ пройти мимо, не зажимая себѣ носа, но русскіе, по замѣчанію иноземцевъ, не чувствовали этого запаха.

Передъ Кремлемъ, на Красной площади, можно было закупать всякія домашнія потребности. Этотъ рынокъ постоянно кишѣлъ народомъ. Близь полукруга, устроеннаго для торжественныхъ церемоній, было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали преимущественно свои домашнія издѣлія. Около самаго Кремля было разставлено множество шалашей, рундуковъ, скамей, гдѣ мелочные торговцы торговали всякой всячиной. Близь главнаго рынка былъ рядъ винныхъ погребовъ; по словамъ иностранцевъ, въ концѣ XVII столѣтія, ихъ было до двухъ сотъ; въ однихъ продавались иноземныя вина, въ другихъ меда и проч. На Ивановской площади происходилъ торгъ людьми; русскіе продавали плѣнниковъ своимъ и чужимъ и совершали купчія «крѣпости», которыя писались площадными подъячими.

Торговля производилась въ извѣстные дни и по указу царя Алексѣя Михайловича должна была прекращаться въ субботу, какъ начнутъ въ соборѣ благовѣстить къ вечернѣ. За три часа до вечера, ряды и торговыя бани затворялись.

По воскресеньямъ, съ пятаго часа дня, рядовъ не отпирали и ничѣмъ не торговали, а какъ четыре часа минетъ, начинали торговать всякимъ товаромъ и харчемъ; скотскій же кормъ, овесъ и сѣно продавали во всякіе дни и часы. Въ Господніе праздники наблюдалось то же самое, что и по воскреньямъ; во время крестныхъ ходовъ запрещено было торговать и отпирать ряды до тѣхъ поръ, пока изъ хода со крестами прійдутъ въ соборную церковь. Кто торговалъ и работалъ въ воскресные дни, тѣхъ брали, привозили въ съѣзжую избу, доправляли два рубля «заповѣди» и записывали

въ книги; если кого заставали въ другой разъ за такимъ дѣломъ, то брали четыре рубля «заповѣди» и сажали на недѣлю въ тюрьму.

Встарину въ Москвѣ и Новгородѣ были и такіе ряды, о которыхъ теперь не имѣютъ никакого понятія. Такъ былъ рядъ книжный, гдѣ сидѣли попы и дьяконы, и рядъ саадашный, гдѣ продавали военные люди все, что нужно для вооруженія.

Торговля съѣстными припасами встарину производилась, большею частію, на улицѣ. Мелочные рядскіе торговцы размѣщались, придерживаясь стариннаго обычая, и ставили свои товарныя избы,—пирожни, блинни, квасныя кади, шалаши подъ сусленые кувшины и всякія другія торговыя скамьи и лавочки, выдаваясь на улицы. Нынѣшнихъ повинностей тогда не существовало, а были пошлины въ родѣ: мыти, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейное, гостиное и другія мелкія, которыя уже лѣтъ двѣсти какъ позабыты и отмѣнены. Указомъ 1679 г. сентября 4 повелѣно: «Всякими товары торговать въ рядѣхъ, въ которыхъ коими указано и гдѣ кому даны мѣста. А которыя всякихъ чиновъ торговые люди нынѣ торгуютъ на Красной площади и на перекресткахъ и въ иныхъ не въ указанныхъ мѣстахъ, поставя шалаши и скамьи, и рундуки, и на векахъ всякими разными товары: и тѣ шалаши и скамьи, и рундуки, и веко съ тѣхъ мѣстъ великій государь указалъ сломать и впредь на тѣхъ мѣстахъ никому, ни съ какими товары не торговать, чтобы на Красной площади и на перекресткахъ и стѣсненія не было».

Самые цѣнные товары и оптомъ продавались въ Гостиномъ дворѣ. Зданіе Гостинаго двора сначала было каменное; строилось оно царскою казною, которая собирала съ нея доходъ—гости нанимали въ немъ лавки и палатки отъ казны; часто доходы съ лавокъ Гостинаго двора давались въ награду царскимъ дворянамъ за службу, точно такъ же какъ помѣстныя земли или дачи на извѣстное время, по жизнь или въ отчину, т. е. въ наслѣдіе.

Въ Гостиномъ дворѣ были мѣста и постройки, принадлежащія и многимъ вѣдомствамъ: камеръ-коллегіи, медицинской конторѣ, сибирскому приказу; кромѣ того, были тамъ ростовское подворье съ церковью Введенія Пресвятыя Богородицы, на которомъ были дома церковнаго причта, затѣмъ и казенные питейные дома; владѣнія здѣсь были очень перемѣшаны; были и такія здѣсь постройки, что низъ принадлежалъ частному лицу, а второй этажъ казнѣ.

Первый каменный Гостиный дворъ былъ выстроенъ въ 1626 году іюля въ 17 день, по указу царя Михаила Ѳеодоровича: «Устроили разнаго званія ряды по государеву указу окольничій князь Гр. Кон.

Торговецъ гречневиками.

Съ гравюры Гейслера.

Волконскій, да дьякъ Волковъ послѣ Китайскаго пожара». Гостиный дворъ въ первое время раздѣлялся на два двора: Старый и Новый.

Надъ воротами Стараго Гостинаго двора, противъ церкви великомученицы Варвары, была надпись: «Божіею милостію, повелѣніемъ благочестиваго и христолюбиваго великаго государя Михаила Өеодоровича и сына его христолюбиваго царевича, лѣта 6641».

Надъ воротами Новаго двора была другая надпись: «Божіею милостію повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчича и дѣдича, и наслѣдника и обладателя, здѣлали сей Гостиный дворъ въ 25-тое лѣто благочестивыя державы царствія его»...

Всей подписи мы не приводимъ; годъ постройки поставленъ 1664-й, началась же она съ 1661 года.

Гостиный дворъ послѣ уже раздѣлили на четыре двора: Старый, Новый, Соляной и Рыбный. Въ первыхъ двухъ были ряды съ лавками и амбарами; въ послѣднихъ лавки, шалаши и шалашныя мѣста.

Изъ рядовъ первыми были: Панской, Стекловый, Астраханскій и Хрустальный. Когда увеличились торговые обороты, то ряды Рыбный и Икорный, бывшіе въ старомъ Гостиномъ дворѣ и состоявшіе изъ шалашей и амбаровъ, переведены на Соляной рыбный дворъ.

Описывая Гостиный дворъ, не излишнимъ считаемъ объяснить различіе торговли прежнихъ временъ съ нынѣшней и разряды торговыхъ и промышленныхъ людей. Первыми изъ нихъ мы видимъ гостей, и гостиныя и суконныя сотни торговыхъ людей и затѣмъ черныя сотни. Эти разряды пополнялись переводомъ изъ низшаго разряда въ высшій, также переводомъ зажиточныхъ посадскихъ людей изъ городовъ и, по челобитью гостей и гостиныя сотни торговыхъ людей, сотни ихъ пополнялись изъ московскихъ черныхъ сотенъ, изъ слободъ и изъ городовъ лучшими людьми.

Посадскими людьми подразумѣвались въ городахъ всѣ торговые, ремесленные и промышленные люди, имѣвшіе въ городѣ свои тягловыя (обложенные податью) дворы.

Число московскихъ черныхъ сотенъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ простиралось до десяти; кромѣ сотенъ были еще полусотни, какъ напримѣръ такіе: «мясичная»; названіе послѣдней указываетъ на ея занятіе. Также названіе сотенъ давалось по мѣстности, гдѣ

онѣ жили въ частяхъ города, напримѣръ Дмитровская, Срѣтенская, Покровская, а нѣкоторыя носили названіе тѣхъ городовъ, откуда онѣ первоначально переведены, напримѣръ, Новгородская, Устюжская.

Обязанности черныхъ сотенъ, по словамъ Костомарова, лежали въ поддержаніи городского благоустройства, какъ-то: мощеніе улицъ, держаніе разнаго рода лицъ, которымъ отводились квартиры; онѣ давали за земскій дворъ цѣловальниковъ. Послѣднее слово встарину имѣло совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ теперь,—происходило оно отъ слова «цѣлованіе», означавшаго присягу. Князь Щербатовъ говоритъ: «Въ древности нѣкоторые холопы и другого званія люди, которые платили дань опредѣленнымъ для сбора чиновникамъ, но какъ дань не была приведена въ извѣстность, то эти первые собиратели ея должны были присягать или цѣловать крестъ въ томъ, что они все безъ утайки доставятъ своему государю».

«Гостями» назывались пріѣзжіе изъ другихъ странъ торговые люди, и тѣ изъ посадскихъ людей, которые по знанію какого либо рода промысла избирались на царскую службу по внѣшней торговлѣ и посылались съ товарами въ иностранныя земли. Изъ нихъ собственно и составлены были гостинная и суконная сотни.

За доставленную прибыль по царской службѣ и радѣнію давалось имъ въ награду почетное званіе «гостя», съ правомъ на вольный промыселъ и на откупъ нѣкоторыхъ статей казенной внутренней и внѣшней торговли.

Бывали примѣры, что гости были возводимы въ санъ думныхъ дьяковъ. Гости бывали призываемы царемъ на совѣтъ; они подавали разные финансовые проекты.—Такъ, напримѣръ, гость Веневитиновъ подалъ проектъ брать съ мордвы дань. — Случалось, что и иноземцы были возводимы въ санъ гостей; такъ, напримѣръ, въ 1660 году, братьямъ Бернардамъ пожалованъ титулъ гостей. Котошихинъ разсказываетъ о иноземныхъ гостяхъ или купчинахъ персидскихъ и гречанахъ, что пріѣзжали со своими товарами ко двору царя и «подносили ихъ въ дарѣхъ, а послѣ того тѣ товары цѣнились торговыми людьми и по оцѣнкѣ имъ давалось соболями и рухлядью; и такихъ товаровъ на всякой годъ покупалось множество, потому что боярамъ и иныхъ чиновъ людямъ купить окромя царя никому невольно»...

«Такихъ гречанъ и персіанъ на годъ въ Москву приходило по 50 и 100 человѣкъ, и живутъ они для продажи многіе годы и дается имъ кормъ и питье, довольное отъ царя. Персидскіе купчины пріѣзжали съ шелкомъ сырцомъ и вареными и всякими тамошними товарами, а гречане пріѣзжали ежегодно, привозя товары

*

всякіе: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные съ каменьемъ, съ алмазы, и съ яхонты, и съ изумрудами, и съ лалы, и золотны портища, и конскіе наряды, сѣдла, и муштуки, и узды, и чапраки со всякимъ каменьямъ, и царицѣ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники, и серги, и перстни съ разными-жъ каменьями не малое число». При царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ въ гостиной сотнѣ гостей и гостиной сотнѣ торговыхъ людей лучшихъ, среднихъ и младшихъ было 350 человѣкъ, а въ суконной сотнѣ 250 человѣкъ.

Торговые люди много теряли въ смутное время, и число ихъ быстро падало и требовало пополненія зажиточными людьми изъ другихъ городовъ.

Въ Москвѣ торговали и нѣкоторые служилые люди, такъ, напримѣръ, «стрѣльцы, которые набирались изъ людей гулящихъ отъ отцовъ дѣти, отъ братьевъ братья, отъ дядей племянники, подсосѣдники и захребетники, нетяглые, непашеные и некрѣпостные люди, которые были собою бодры и молоды, и рѣзвы, тѣ имѣли право торговать и промышлять своимъ рукодѣльемъ и покупали не въ скупъ, что носящее не отъ велика», отъ полтины или отъ рубля безтаможно и безпошлинно, а которые изъ нихъ торговали на сумму болѣе рубля, или въ лавкахъ сидѣли, тѣ платили въ казну тамгу, полавочныя и всякія пошлины, какъ и торговые люди.

Суконной сотни купцы торговали сукнами и другими шерстяными матеріями.—Всѣ эти сотни, взявъ отъ правительства проѣзжую грамоту, ѣздили въ заграничныя земли.

Черныхъ сотенъ и слободъ купцы и посадскіе имѣли только право торговать мелочнымъ товаромъ и внутри государства.—Изъ гостиной сотни избираемы были во внутреннія таможни въ бургомистры и головы; а изъ черныхъ сотенъ въ цѣловальники, къ продажѣ казенныхъ питей и соли.

Купечество вѣдомо было сперва въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, но когда учреждены были приказы, то—въ земскомъ приказѣ, а иногда въ казенномъ дворцѣ, какъ въ 1664 и 1665 годахъ; иногда же купечествомъ управляла и большая московская таможня.— Государственныя подати платили купцы съ промысловъ и съ достатка своего по мѣрѣ возвышенія или упадка своего. Петръ Великій, въ 1720 году, учредилъ купеческій магистратъ и городскихъ купцовъ раздѣлилъ на три гильдіи.

Слово гильдія, какъ увѣряетъ Татищевъ, происходитъ отъ слова «гильда», означающаго то же, что теперь цехъ.

Въ первую онъ помѣстилъ крупныхъ торговцевъ, во вторую — торгашей или лавочниковъ и хорошихъ ремесленниковъ, а въ

Кулачный бой.

Съ гравюры Гейслера.

третью—всякихъ простыхъ ремесленниковъ и мастеровъ. Древняя наша внутренняя торговля была ярмарочная. Каждый прозводитель, земледѣлецъ, ремесленникъ, платя подать своимъ произведеніемъ, везъ его въ извѣстное время года на ярмарку или въ городъ, торговалъ на возу, раскидывалъ палатку или заводилъ лавку.

Внѣшняя торговля была собственно царская, до временъ Петра Великаго; точно также учужные рыбные и соленые промыслы оставались за дворцовымъ обиходомъ, и только то, что оставалось, за царскимъ расходомъ, продавалось всякаго чину людямъ. Обычай выбирать изъ купленныхъ или вымѣненныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе сорта для царской казны не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простоемъ и ожиданіями.

Царская казна вообще вела торговлю всѣми предметами: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч. и промѣнивала на заграничные товары; все, что оставалось на долю купца, было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Купецъ въ старое время былъ всегда подъ надзоромъ власти; необезпеченный закономъ, онъ никогда не выходилъ изъ-подъ произвола воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей. Флетчеръ говоритъ, что русскій купецъ, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему какой чиновникъ, чтобы взять у него что получше и притомъ даромъ. Собиратель пошлинъ непремѣнно постарается сорвать съ торговца что нибудь лишнее на заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч. Кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки.

Правильныя повинности купцы стали нести при императрицѣ Екатеринѣ II, по объявленному ими капиталу въ шестигласной думѣ, съ котораго они платили въ казну по одному проценту со ста. Объявившій капиталъ отъ одной тысячи до пяти принадлежалъ къ третьей гильдіи и могъ отправлять мелочной торгъ; объявившій капиталъ отъ пяти до десяти тысячъ принадлежалъ ко второй гильдіи и торговалъ чѣмъ хотѣлъ, исключая торговли на судахъ, да еще не могъ держать фабрикъ; объявившій отъ десяти до пятидесяти тысячъ и платящій съ нихъ по одному проценту принадлежалъ къ первой гильдіи и могъ, сверхъ промысловъ второй и третьей гильдіи, производить иностранную торговлю и имѣть заводы.

Имѣвшіе корабли и дѣло не менѣе какъ на 100,000 рублей, или избранные два раза засѣдателями въ судахъ, отличались отъ

купцовъ первой гильдіи тѣмъ, что назывались «именитыми гражданами».

Это званіе давало имъ право ѣздить въ городѣ въ четыре лошади, имѣть загородныя дачи, сады, также заводы и фабрики; они, наравнѣ съ дворянами, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія.

Къ «именитымъ гражданамъ» причислялись также ученые, которые могли предъявить академическіе или университетскіе дипломы и письменныя свидѣтельства о своемъ знаніи или искусствѣ и которые, по испытаніямъ россійскихъ главныхъ училищъ, такими признаны. Также къ именитымъ гражданамъ причислялись художники четырехъ отраслей: архитектуры, живописи, скульптуры и музыкосочинители. Внукамъ именитыхъ гражданъ, если дѣдъ, отецъ и сами они безпорочно сохранили именитость, дозволялось старшему, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста́, просить о возведеніи въ дворянство. Званіе именитыхъ гражданъ было уничтожено при императорѣ Александрѣ I.

Купечество первой и второй гильдіи тоже освобождалось отъ тѣлеснаго наказанія. Купцамъ первой гильдіи дозволялось ѣздить въ городѣ въ каретѣ парою; второй—въ коляскѣ парою; третьей же гильдіи купцамъ запрещалось ѣздить въ такихъ экипажахъ и дозволялось въ экипажи впрягать зимою и лѣтомъ только одну лошадь. Въ Екатерининское время иностранное купечество, торговавшее оптомъ, носило названіе «иностранныхъ гостей», и если они не были записаны въ гильдію, то должны были платить пошлину одну половину голландскими ефимками, стоимость которыхъ была 1 р. 25 к., а другую—россійскою монетою.

Возвращаясь къ описанію московскихъ рядовъ, мы видимъ, что уже въ 1626 году, послѣ пожара, по новому чертежу на Никольской улицѣ были ряды: Иконный и Саадачный или Саадашный. Рыбный, Сапожный и Красный ряды были отведены на другое мѣсто. Какъ мы выше уже замѣтили, близь этихъ рядовъ гнѣздилась въ шалашахъ и прилавкахъ мелочная торговля; здѣсь же на выносныхъ очагахъ варилось и жарилось кушанье; кадки суслениковъ и квасниковъ предлагали прохожимъ вкусное питье, а колодцы у дворовъ — чистую воду, которую черпали изъ нихъ бадьями. На Никольскомъ крестцѣ стояли бочки, кади и скамьи. Тамъ съ утра до вечера толпились московскіе купцы, греческіе гости, торговые люди, слободчане и стрѣльцы.

Въ соборѣ Казанской Богоматери приводили купцовъ къ очистительной присягѣ; въ такіе часы раздавался унылый благовѣстъ съ колокольни этой церкви.

Близь Никольской находилось особое мѣсто у городской стѣны, въ переулкѣ, у церкви Троицы, въ Старыхъ поляхъ, гдѣ, кромѣ крестнаго цѣлованія, тяжущимся предлагались поединки. Здѣсь было нѣкогда позорище судныхъ поединковъ, которые, подобно крестному цѣлованію и испытанію желѣзомъ, составляли судебныя доказательства. Это поле или польце называлось «Божьею правдою», Божьимъ судомъ; тамъ истецъ съ отвѣтчикомъ бились въ присутствіи окольничаго и дьяка, также боярина, дворецкаго, казначея, недѣльщика, праветчика и подъячаго, а со стороны польщиковъ при стряпчихъ и поручикахъ, но посторонніе туда не допускались. Съ каждаго дѣла, рѣшеннаго полемъ, польщики взносили пошлину въ пользу судей. Приступая къ такому доказательству правоты, судьи спрашивали истца: «А ты лѣзешь ли на полѣ биться?»—Лѣзу, отвѣчалъ тотъ. Оружіемъ у отвѣтчика и истца были ослопы (дубинки).

По свидѣтельству Рафаила Барберини, въ Европѣ, въ XVI вѣкѣ польщики сражались въ доспѣхахъ; наступательнымъ ихъ оружіемъ было надѣтое на лѣвую руку желѣзо о двухъ остріяхъ, а въ правой рукѣ вилообразное копье, за поясомъ топоръ.

Изъ актовъ XVI столѣтія узнаемъ, что нерѣдко польщики, ставъ у поля, мирились и даже отъ поля бѣгали. Уставы церкви преслѣдовали такихъ поединщиковъ: убитыхъ на судебномъ поединкѣ лишали честнаго погребенія: церковь отвергала отъ общенія съ собою убійцъ и семь лѣтъ не допускала къ пріобщенію св. Тайнъ даже и того, кто и вышедъ на поле, сойдетъ не бившись.

Если вѣрить старому преданію, по словамъ Алексѣева, автора церковнаго словаря, то въ Китай-городѣ, близь Никольскихъ воротъ, прежде были три полянки съ канавою, у которой, по сторонамъ ставши соперники и наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетянетъ, тотъ и былъ правъ. Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на плечахъ черезъ рѣчку, которая была за стѣною на сѣверъ у Троицы въ Поляхъ.

Послѣдніе поединки были въ обычаѣ только у простонародія.

До 1812 года ограда собора Казанской Богоматери служила мѣстомъ выставки лубочныхъ картинъ, какія продавались и на Спасскомъ мосту.

Предъ вступленіемъ наполеоновскихъ войскъ въ Москву, здѣсь вывѣшивались каррикатуры Теребенева и Яковлева на Бонапарта и на французовъ; они питали и укореняли въ народѣ ненависть къ врагамъ; сюда стекались московскіе жители глядѣть и читать ихъ; они любили слушать толки и разсказы словоохотнаго торговца этими картинами, которыя выходили изъ фабрики Татьяны Ахметьевой.

Лѣтъ полтораста тому назадъ, у этого же собора возвышались богатыя тріумфальныя ворота, сооруженныя въ 1742 году отъ Святѣйшаго синода для коронаціи императрицы Елисаветы Петровны. На воротахъ былъ изображенъ св. благовѣрный князь Владиміръ лежащимъ, а изъ чреслъ его выросшее дерево, на вѣтвяхъ котораго изображался родъ царскій, начиная отъ равноапостольнаго Владиміра до императрицы Елисаветы, надъ ликомъ которой вид-

Торговка масломъ.

Съ рисунка Барбье, 1806 года.

нѣлась слѣдующая надпись на двухъ языкахъ: «Et documenta damus qua sumus origine nati». «Довольно показуемъ, откуда начало рожденія нашего имѣемъ».

Ближе къ Иверскимъ воротамъ, у собора Казанской Богоматери, во дворѣ губернскаго правленія помѣщалось еще въ недавнее время страшное мѣсто для купца — «яма». Мѣсто это теперь занято новымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ «яму» сажали несостоятельныхъ купцовъ; передъ этимъ купецъ скрывался. Искали его всюду, ѣздили въ Угрѣши, къ Троицѣ. Искавшему предлагали сходить даже къ Василію Блаженному къ ранней, тамъ его не застанетъ ли? Накрывали больше купца или на улицѣ, или въ пьяномъ видѣ у подруги сердца.

Случалось такъ, что тотъ же квартальный надзиратель, который у купца пилъ и ѣлъ, препровождалъ его и въ «яму». Обыкновенно, это бывало вечеромъ. Шли они другъ отъ друга на благородной дистанціи,—купецъ наровилъ не подпускать квартальнаго къ себѣ на пистолетный выстрѣлъ. Но у воротъ «ямы» квартальный быстро настигалъ купца и здѣсь уже сдавалъ его вмѣстѣ съ предписаніемъ.

У входа въ яму, гдѣ сидѣли неисправные должники, передъ дверьми стоялъ солдатъ съ ружьемъ, и еще ходилъ дежурный сторожъ, отставной солдатъ, который опрашивалъ и пускалъ черезъ цѣпь приходившихъ. Бывало, солдатъ угрюмо спрашивалъ подходившаго: «Вы съ подаяніемъ, что ли?»—Нѣтъ, такъ, посмотрѣть, говорилъ праздный зритель.—«Тутъ смотрѣть нечего», сурово замѣчалъ служивый.—А вы зачѣмъ? обращался онъ къ пожилой женщинѣ видимо изъ купчихъ.—«Такъ, поплакать пришла», отвѣчала благочестивая купчиха утирая глаза.

Въ большіе праздники купечество присылало въ «яму» корзины съ съѣстными припасами; болѣе всего приносились калачи. Бывали и такія пожертвованія: одинъ благочестивый купецъ на поминъ души бабушки къ рождественскому разговѣнію пожертвовалъ пятьсотъ бычачьихъ печенокъ.

Жертвовали и вещами: присылались къ празднику бумажные платки, правда слежавшіеся, выцвѣтшіе и въ дырьяхъ, или приносилось нѣсколько паръ резиновыхъ галошъ и все на одну ногу или дѣтскія.

«Яма» носила также названіе временной тюрьмы. Временною она называлась потому, что здѣсь содержались должники до тѣхъ поръ, пока выплатятъ долгъ. Названіе же «ямы» она получила отъ крутой отлогости къ сторонѣ Бѣлаго города. По другимъ преданіямъ, здѣсь нарочно было вырыто углубленіе для монетнаго двора,—это-то углубленіе и дало описываемой тюрьмѣ названіе «ямы», и дѣйствительно, подойдя къ ней съ дворика и облокотясь на перила, можно было видѣть внизу, сажени на три глубины, другой небольшой продолговатый дворикъ, устланный плитнымъ камнемъ, и вокругъ него жилье.

Замѣчательно также, что у воротъ «ямы» всегда впервые въ Москвѣ появлялись у разносчиковъ на лоткахъ свѣжіе огурцы, и первые свѣжіе грибы весною можно было найти тутъ же.

Уличный торгъ у Кремля въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Колпашникова.

Не менѣе замѣчательно было еще одно мѣсто: въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь свѣчныя лавки, прежде былъ винный погребъ; многіе помнятъ еще, какъ въ мрачномъ и длинномъ подвалѣ его засѣдали разные чиновники, выгнанные за темныя дѣла изъ службы: здѣсь обдѣлывались всевозможныя дѣла, платились деньги, писались просьбы и т. п. Въ погребѣ и около дверей его цѣлый день толпились подъячіе.

По уничтоженіи погреба, подъячіе размѣстились отъ Воскресенскихъ воротъ до Казанской, отчего и получили оставшееся до сихъ поръ за ними названіе: «отъ Казанской». Здѣсь ежедневно, въ десять часовъ утра, собирались они, выстраивались въ рядъ по тротуару, совершали разныя дѣла на улицѣ, въ трактирахъ и въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ и потомъ расходились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ и отсюда прогнали; ихъ мѣсто заняли торговцы, а они перешли къ трактирамъ, что противъ присутственныхъ мѣстъ, къ Маленькому Московскому и Егорову.

Къ оградѣ Казанскаго собора примыкалъ Ножевый рядъ.

Этотъ рядъ составляли каменныя лавки, палатки и пещуры, которыя тянулись уступами по улицѣ. Противъ собора и этого ряда, на другой сторонѣ, гдѣ были еще недавно бумажныя, книжныя и табачныя лавки, былъ прежде Саадачный рядъ, гдѣ, какъ мы выше говорили, продавались колчаны съ луками и стрѣлами; за Саадачнымъ рядомъ слѣдовалъ Сѣдельный, Манатейный, тоже что Епанечный, Кружевный и Ветошный, гдѣ торговали не только старымъ платьемъ, но и пушнымъ товаромъ.

На лѣвой сторонѣ, между маклерскими конторами, на мѣстѣ, гдѣ теперь книжная лавка, кажется, Свѣшникова, прежде былъ главный входъ въ Управу Благочинія. На этомъ мѣстѣ, предъ вступленіемъ непріятеля въ 1812 году въ древнюю столицу, раздавались и жадно расхватывались афиши графа Растопчина, возвѣщавшія о печальномъ жребіи Москвы.

Ограду Заиконоспасскаго монастыря по Никольской улицѣ до 1812 года занимали иконныя лавки и ступени. По указу 1753 г. повелѣно было сломать ихъ, потому что ими стѣснялась и безъ того тѣсная улица, вымощенная деревомъ, а вмѣсто нихъ сдѣлать каменную стѣнку. Въ это время засыпаны колодези на улицѣ у дворовъ и вырыты новые на самыхъ дворахъ.

Книжная торговля въ этомъ мѣстѣ открыта позднѣе. Въ Елисаветинское время торговали бумагою, церковными книгами, нѣмецкими потѣшными листами, молотковыми и простыми картами въ Овощномъ ряду, потомъ на Спасскомъ мосту, гдѣ первый изъ русскихъ бу-

кинистовъ, Игнатій Ѳерапонтовъ, началъ производить торгъ древними и старинными книгами и рукописями. Въ 1710 году, кромѣ Овощнаго ряда, продавались заморскіе листы въ Иконномъ и Ветошномъ рядахъ. Такая торговля тамъ существовала еще при Третьяковскомъ, который ссылался на стихотворцевъ Спасскаго моста, этого стариннаго пріюта для слѣпыхъ пѣвцовъ Лазаря и Алексія, Божія человѣка.

Отдавались отъ монастыря иконныя лавки; впослѣдствіи въ нихъ стали торговать книгами. Изъ первыхъ торговцевъ извѣстны: Таракановъ, Полежаевъ, Акоховъ, Козыревъ, Матушкинъ, Василій Глазуновъ, Сопиковъ, Селивановскій.

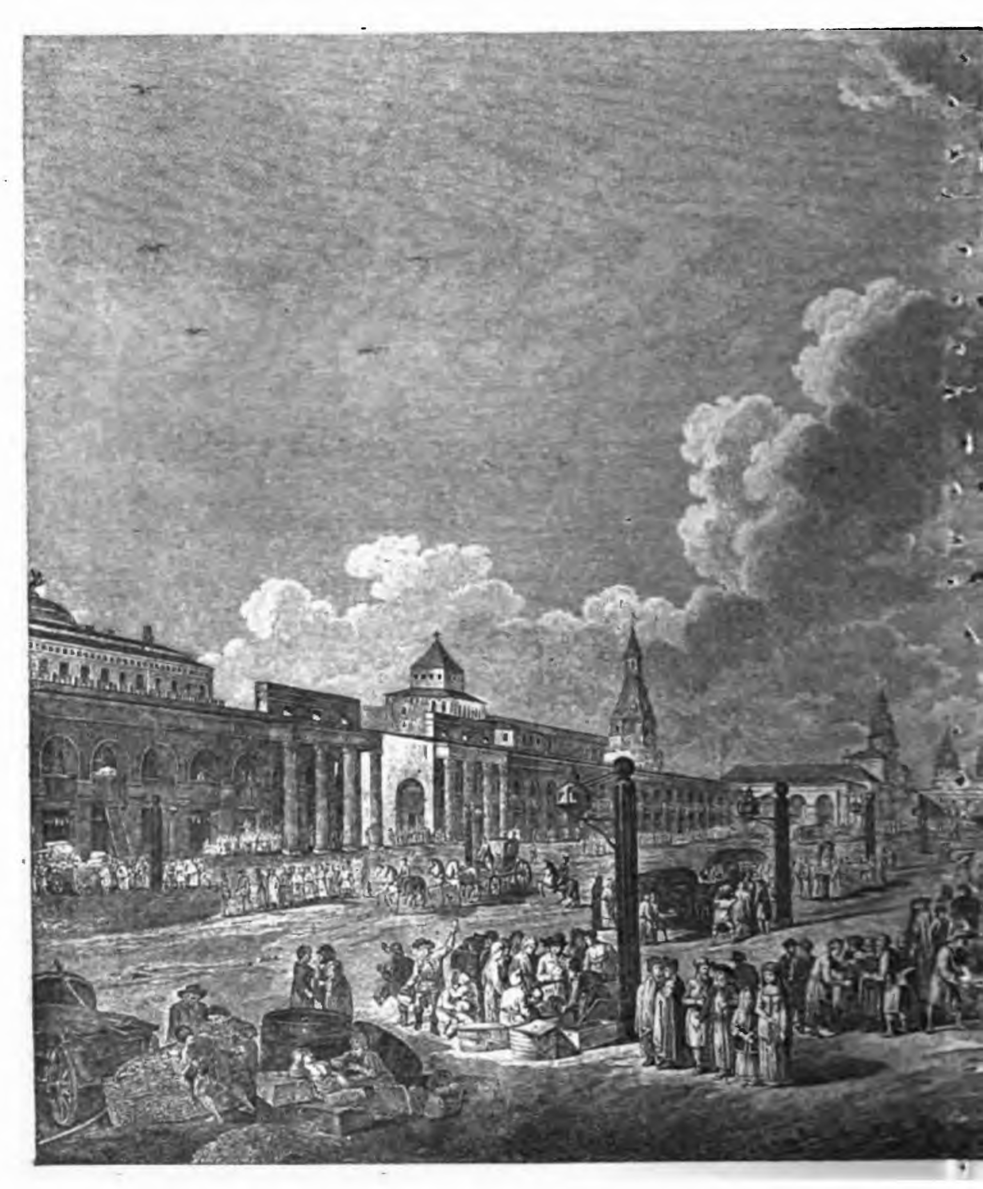
Московскіе торговые ряды раздѣлялись на три отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи, противъ Красной площади, пространство отъ Никольской улицы до Ильинской, въ длину заключало въ себѣ восемь дальныхъ рядовъ, имѣющихъ свои названія по роду товаровъ. Каждая линія заключала въ себѣ еще различные ряды. Такъ, линія торговыхъ рядовъ перваго отдѣленія имѣла восемь названій: Ножевая (лицевая, съ площади), Овощная, Шапочная, Суконная Большая, Суконная Малая, Скорнячная, Серебряная и Большая Ветошная или Покромная—ряды линій перваго отдѣленія; линія Ножевая имѣла ряды: Новый Овощный и Сѣдельный; линія Шапочная имѣла четыре ряда: Колокольный, Холщевый, Кафтанный и Шапочный; Большая Суконная линія — четыре ряда: Желѣзный, Лапотный, Малый Золотокружевный и Смоленскій Суконный; линія Суконная Малая — пять рядовъ: Сундучный, знаменитый своими пирожками и квасомъ, Нитяной и Малый Крашенинный, Большой Золотокружевный, Затрапезный и Московскій Суконный, поперекъ этой линіи шелъ Большой рядъ Крашенинный; линія Скорняжная дѣлилась на Бумажный, Епанечный, Скорнячный и Шелковый ряды; линія Серебряная на Иконный, Женскій Кружевный, Малый Ветошный и Серебряный; линія Большая Ветошная на Перинный рядъ, затѣмъ Большой Ветошный и Сальный, лицомъ на Ильинку — Панскій. 2-е отдѣленіе между улицъ Ильинской и Варваркой и между Москворѣцкой переулкомъ Хрустальнымъ или Гостинымъ дворомъ, имѣло 10 отдѣльныхъ линій, которыя содержали еще нѣсколько рядовъ. Линіи 2-го отдѣленія носили названія: Лицевая, Игольная, Кушачная, Овощная, двѣ Суровскихъ, Москательная, Скобяная, Зеркальная и Хрустальная или Лицевая къ Гостиному двору. Ряды линій 2-го отдѣленія — на лицевой два ряда: Фряжскій (погребъ съ винами) и Восковой; линія Игольная, съ Верхней Игольной; линія

Кушачная съ рядомъ Кушачнымъ. Овощная имѣла два ряда: Овощный и Сафьянный; линія Суровская дѣлилась на линіи: Суровскую, Юхотную, Судовую и Медовую; другая Суровская линія имѣла Малый Юхотный и Большой Новый Суровскій ряды; поперекъ всѣхъ линій шла Москательная линія, которая дѣлилась на два ряда: Нижній Игольный и Мѣдно-москательный; линія Скобяная имѣла два ряда: Скобяной и Большой Юхтяный. Линія Зеркальная имѣла два ряда: Зеркальный и Старо-Сняточный; здѣсь торговали шелковымъ товаромъ. Линія Хрустальная имѣла ряды: Бумажный и Хрустальный.

3-е отдѣленіе, между улицами Варварской и проулка Зарядья, лицевая сторона на Москворѣцкую улицу, а задняя въ линіи съ Хрустальнымъ рядомъ, заключала четыре линіи: на первой ряды Сѣмянный и Кулечный; на второй — Мясной и Коренной Рыбный и Нижній Медовой; третья и четвертая линія состояла изъ двухъ Юхотныхъ рядовъ. Отдѣленіе это отдѣлялось отъ Мытнаго двора Мяснымъ переулкомъ.

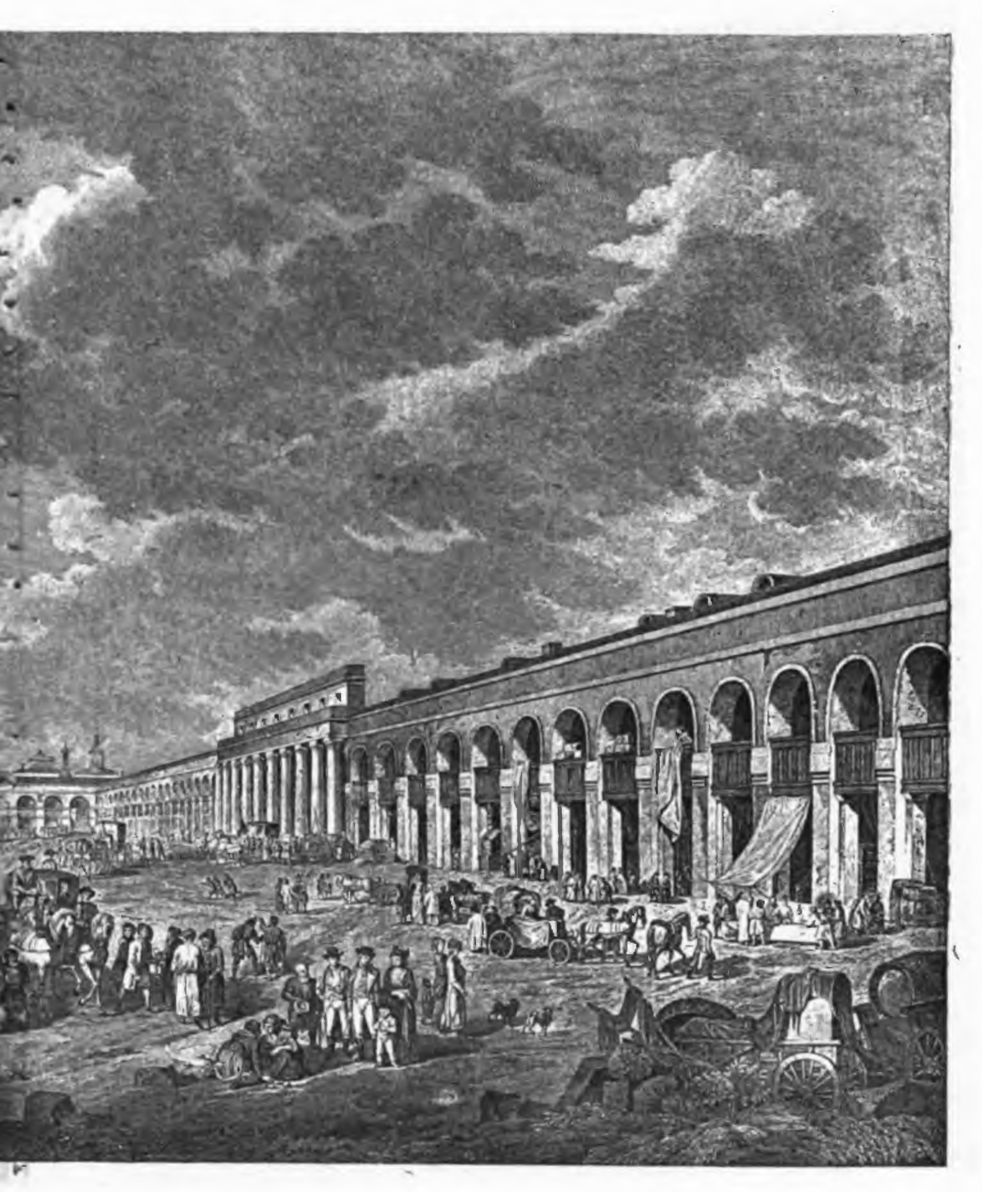
Кромѣ упомянутыхъ рядовъ, находились ряды: Книжный по Никольской улицѣ, противъ 1-го отдѣленія,—затѣмъ по Ильинкѣ, отъ Лобнаго мѣста: Сапожный, Шапочный, Платьяной—существуетъ еще Шапочный, на Ильинкѣ, близь воротъ, съ правой стороны. Затѣмъ на той же Ильинкѣ, съ правой стороны подъ Посольскимъ домомъ: Табачный, Мыльный, Нюрембергскій, противъ Гостинаго двора, въ переулкѣ, и общественный Рыбный; подлѣ церкви Василія Блаженнаго—Масляный; за этимъ рядомъ по обѣимъ сторонамъ Москворѣцкой улицы: Медовый и Бакалейный, и затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ той же улицы къ мосту: Мучной и Живорыбный. Гостиный же рыбный дворъ встарину стоялъ противъ церкви Варвары Великомученницы; онъ сломанъ въ 1792 году, построенъ же былъ, въ 1641 году, царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ. Что же касается ряда въ Охотномъ ряду, то онъ основанъ только въ 1791 году; по плану Москвы 1786 г. вся площадь, гдѣ онъ помѣщается, была застроена.

Въ старыя времена и времена, близкія до сломки, общая картина московскихъ рядовъ и Гостинаго двора представляла самую кипучую дѣятельность. Ночью вся эта часть, запертая со всѣхъ сторонъ, представляла какой-то необъятный сундукъ съ разными цѣнностями, охраняемый злыми рядскими собаками на блокахъ да сторожами. Но лишь только на небѣ занималась заря и вставало солнце, какъ вся эта безлюдная и безмолвная мѣстность вдругъ растворялась тысячами лавокъ, закипала жизнію и движеніемъ. Длинной



Видъ старой площади у Гостинаго дво

Съ гравюры Де



ъ. Москвѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.

тѣ 1795 года.

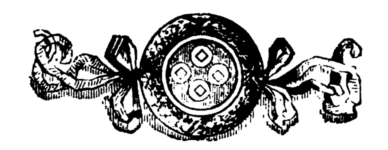
вереницей тянулись къ рядамъ тяжело нагруженные возы отъ Урала Крыма и Кавказа. Любопытствующій могъ здѣсь услышать имена всѣхъ значительнѣйшихъ городовъ земли русской и увидать всевозможныя произведенія какъ сырыя, такъ и отдѣланныя, начиная съ пеньки и желѣза и кончая бархатомъ, замкомъ, самоваромъ и т. д. Куда глазъ, бывало, ни взглянетъ, всюду движеніе и кипучая дѣятельность: здѣсь разгружаютъ, тамъ накладываютъ возы; артельщики такъ и снуютъ; тюки, короба, мѣшки, ящики, бочки, все это живой рукой растаскивается, скатывается въ лавки, въ подвалы, амбары и палатки, или накладывается на воза.

Длинные, извилистые полутемные ряды построены безъ плана и толку, въ которыхъ безъ путеводителя непривычному не пройти; всѣ эти ряды сохраняли и вмѣщали въ себѣ товары цѣною на милліоны рублей. Посмотрите эти склады товаровъ; они едва обозначены скромными вывѣсками; присмотритесь къ товарамъ, къ продавцамъ и къ покупателямъ, и удивленіе васъ встрѣтитъ на каждомъ шагу. Здѣсь есть лавки, гдѣ блескъ серебра переливается съ жемчугами и брилліантами, и недалеко отъ нихъ наваленъ чугунъ, свинецъ плитками. Тутъ, напримѣръ: парчи, бархатъ и атласъ, а у сосѣда продаются рогожи, цыновка. Здѣсь галантерейная лавка и рядомъ съ ней тряпичникъ; тамъ чай и сахаръ, а напротивъ москательный товаръ: скипидаръ, вохра; тамъ сукно, полотно, кожа, писчая бумага. Помимо, такъ сказать, главныхъ магазиновъ во всемъ городѣ по свѣтлой Ножевой линіи, отъ Никольской улицы къ Ильинкѣ, тянутся еще многочисленные шкафчики; они пристроены къ простѣнкамъ, находящимся между множества одинокихъ высокихъ и широкихъ стеклянныхъ дверей, въ нѣсколько растворовъ, служащихъ входомъ въ Ножевую линію съ Красной площади. Какъ на длинной чертѣ въ равномъ разстояніи разставленныя точки представляются взорамъ вашимъ эти шкафчики, стоящіе задомъ къ площади. Они окрашены бѣлою масляною краскою, и когда заперты, то имѣютъ видъ полуколлонъ; когда же отперты, то нижняя часть ихъ служитъ прилавкомъ, а верхняя привлекаетъ взоры мимоходящихъ размѣщенными въ ней разными недорогими товарами. Объ этихъ товарахъ вамъ кричатъ мальчишки, будто глухимъ: «ленты, шпильки, булавки, гребни, тесемки, шнурки, духи, помада, Самохотовъ бальзамъ, перчатки... что угодно? Пожалуйте-съ... пожалуйте-съ! У насъ покупали».

Или уже несется голосъ болѣе взрослаго изъ внутреннихъ темныхъ рядовъ: «почтенный господинъ, что покупаете-съ?.. У насъ фундаментальныя шляпы, обстоятельныя лакейскія шинели, солид-

ные браслеты, нарядные сапоги, сентиментальныя колечки, помочи, восхитительная кисея, презентабельныя ленты, субтильные хомуты, милютерные жилетки, интересное пике, нѣмецкіе платки, боръ десуа, бархатъ венецейской, разныя авантажныя галантерейныя вещи, сыръ голландскій, мыло казанское, гарлемскія капли... У насъ покупали!» и пр.

Часто такіе выкрики заглушаются болѣе неистовымъ крикомъ, непонятнымъ для обыкновеннаго смертнаго. Это вдругъ прокричитъ какой нибудь торгашъ съ большимъ лоткомъ на головѣ, и сколько другой ни бьется, а крика такого парня не разберетъ и не пойметъ, продаетъ же онъ самую обыкновенную вещь: или баранину, или бычьи почки; товаръ его всегда покрытъ сальною тряпкою и потребитель его—мѣстный купецъ-торговецъ. Идутъ здѣсь и другіе мелкіе торговцы, которые назойливо пристаютъ къ проходящимъ; вы видите ихъ тутъ и съ корзиночками, и съ метелочками, и со стеклянными фигурками, и съ статуэтками, и душатъ же они васъ своими причитаніями; ходятъ и бабы, кричащія пронзительно: «ниточекъ, ниточекъ!», при чемъ съ визгомъ ударяется на букву «и». Далѣе кричатъ: «шнурочковъ, чулочковъ». Такія торговки зорко глядятъ, нельзя ли гдѣ что нибудь украсть, или вытащить у зазѣвавшагося изъ кармана. Ходили еще и старцы, продававшіе свѣтильни для лампадокъ и курительныя монашки и пр. Словомъ здѣсь была всегда пестрая ярмарка съ самыми разнородными товарами и съ всевозможными сортами покупателей.



ПРИМѢЧАНІЯ.

1) См. И. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царей». «Отеч. Зап.» 1851 г., № 3.

2) См. «Хроника общественной жизни въ Москвѣ», ст. И. Забѣлина, стр. 7.

3) Модныя названія дней недѣли: «сѣринькій»—понедѣльникъ, «пестринькій» — вторникъ, «колетцо» — среда, «мѣдный тазъ» — четвергъ, «сайка»—пятница, «умойся»—суббота, «красное»—воскресенье.

4) Описаніе коронаціи императрицы Екатерины II взято изъ имѣющейся у насъ рукописи того времени.

5) Государыня выѣхала изъ Петербурга почти инкогнито 1-го сентября и прибыла въ подмосковье, село Петровское, 9-го сентября. На переѣздъ государыни изъ Петербурга потребовалось 19,000 лошадей и около 80,000 народа.

6) Подробности о посѣщеніи Троицкой лавры императрицей Екатериной II беремъ изъ имѣющейся у насъ рукописи того времени.

7) «Торжествующая Минерва» была выпущена въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Объяснительные стихи къ этому маскараду писалъ М. М. Херасковъ, а хоры сочинялъ А. П. Сумароковъ. Машины и аксессуарныя вещи къ нему дѣлалъ итальянецъ-машинистъ Бригонцій.

8) См. «Біографическій словарь» проф. Московскаго университета, т. II, стр. 447.

9) Херасковъ, дѣйств. тайн. сов., 1733—1809, кураторъ Московскаго университета, авторъ перваго русскаго романа «Кадмъ и Гармонія» и также первыхъ русскихъ эпопей «Россіада» и «Владиміръ».

10) До этого времени никакихъ пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей и подкидышей не было; только по указу Петра I ихъ принимали въ ничтожномъ числѣ и воспитывали въ Новодѣвичьемъ и Андреевскомъ монастыряхъ. До Петра основалъ «пріемницу сиротъ» митрополитъ Іовъ въ Холмской Успенской обители. Въ Петербургѣ для безпріютныхъ домъ основанъ въ 1714 году.

11) Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ на разныя благотворительныя учрежденія въ теченіе своей жизни пожертвовалъ около полутора милліоновъ рублей.

12) П. А. Демидовъ умеръ въ 1786 году, погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, за алтаремъ Срѣтенской церкви. Послѣ него осталось нѣсколько сыновей и дочерей — онъ былъ женатъ два раза. Сыновья Демидова воспитывались въ Гамбургѣ и, возвратясь въ Россію, съ трудомъ говорили на родномъ языкѣ. Деми

довъ не любилъ ихъ и давалъ имъ почти нищенское содержаніе. Императрица приказала ему выдавать болѣе приличную сумму на ихъ часть. Демидовъ купилъ имъ по тысячѣ душъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ показываться къ себѣ на глаза. Дочерей своихъ отдалъ замужъ за купцовъ и фабрикантовъ. Но когда одна изъ послѣднихъ объявила, что она выйдетъ лишь за дворянина, то онъ отыскалъ перваго такого попавшагося, Станиславскаго.

13) Всего въ Москвѣ съ апрѣля 1771 г. по мартъ 1772 г. умерло отъ моровой язвы 57,901 человѣкъ; въ другихъ мѣстахъ имперіи 75,393 человѣка. Всего—133,299 человѣкъ.

14) См. Бантышъ-Каменскаго: «Жизнь Амвросія».

15) Отъ этого дома переулки называются Большой и Малый Еропкинскій.

16) См. «Geschichte des Russischen Staats», von Herman, V, 713.

17) «Voyage en Siberie», Amsterdam, 1769.

18) На русскомъ языкѣ «Catechisme moral pour les vrais» былъ изданъ нѣсколько разъ. Позднѣе И. П. Тургеневъ, по плану Лопухина, сочинилъ книгу подъ заглавіемъ: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ?»

19) Отецъ Походяшина былъ простой извозчикъ, возившій руду на заводахъ въ Сибири; онъ составилъ себѣ милліонное состояніе открытіемъ мѣдныхъ рудниковъ.

20) В. И. Майковъ во время пребыванія Дидерота въ Петербургѣ состоялъ при немъ по приказанію Екатерины II и замѣчательно то, что Майковъ совсѣмъ не зналъ французскаго языка.

21) См. «Notice historique sur la F. M. dans l'Empire de Russie», par M. Thory.

22) См. соч. Ешевскаго, т. III, стр. 473, 499.

23) См. «Русскій Архивъ», 1878 г., ч. I, стр. 158.

24) Существуютъ двѣ старыя гравюры съ изображеніемъ дуба и кедра въ Коломенскомъ саду. На гравюрахъ надписи:

Сей дубъ присутствіемъ Петровымъ украшался;
Отецъ отечества подъ онымъ просвѣщался!
Подъ кедромъ Александръ здѣсь въ юности своей
Ученію внималъ—для счастья нашихъ дней!

25) Планъ стариннаго царскаго дворца въ Коломенскомъ приложенъ къ книгѣ Малиновскаго «Историческія свѣдѣнія о селѣ Коломенскомъ». Москва. 1809 года.

26) См. А. Корсакова: «Село Коломенское».

27) См. Ив. Снегирева: «Русскіе простонародные праздники».

28) Русскимъ ученикамъ-комедіантамъ положено было жалованья «смотря по персонамъ: за кѣмъ дѣла больше—тому дать больше, а за кѣмъ дѣла меньше—тому меньше».

29) Первымъ управляющимъ театральнымъ дѣломъ былъ бояринъ Матвѣевъ.

30) Типъ голландскаго шута, который перенесли на нѣмецкую сцену англійскіе актеры XVII вѣка.

31) Другой театръ у Красныхъ воротъ, выстроенный нѣмцами, былъ уже въ 1753 году сломанъ; онъ носилъ названіе «Деревянной комедіи». См. Полн. собр. закон. VII, учр. 10, 167.

32) См. «Русскій Архивъ» 1878 г., ч. 2, стр. 478.

33) См. книгу «Планы и фасады театра и маскарадной залы въ Москвѣ, по-

строенныхъ содержателемъ публичныхъ увеселеній, англичаниномъ Михаиломъ Медоксомъ напечатанную (sic) въ Универ. типогр., 1797» въ листъ.

34) Послѣ Шушерина его амплуа въ Петербургѣ занялъ актеръ Яковлевъ.

35) См. «Souvenirs d'une actrice par madame Louise Fusil».

36) См. «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 1889.

37) У Потемкина своего дома въ Москвѣ не было, онъ жилъ въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго, въ приходѣ Вознесенія Господня, на Большой Никитской улицѣ. Домовъ у князя Таврическаго въ Москвѣ было нѣсколько; лучшіе были въ приходѣ Грузинской Божіей Матери и въ приходѣ Николы въ Воробьинѣ на Гостиныхъ горахъ.

38) Извѣстіе о визитѣ Шешковскаго къ Потемкину въ мартѣ 1796 года — совершенно ложно. Шешковскаго не было уже въ живыхъ въ іюлѣ 1794 г., т. е. слишкомъ за полтора года до смерти П. С. Потемкина.

39) См. «Русскій Архивъ» 1880 г., стр. 385.

40) Подъемныхъ мостовъ въ Кусковѣ было два: одинъ при началѣ пруда и сада, чрезъ тотъ каналъ, гдѣ теперь простой деревянный мостъ и ворота, а другой по лѣвую сторону дома, противъ церкви, гдѣ теперь деревянный мостъ.

41) См. «Русскій Архивъ» 1874 г.

42) 9-й выпускъ пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

43) По каталогу, изданному въ 1781 году Палласомъ, рѣдкихъ ботаническихъ растеній въ саду П. А. Демидова было 2,224 сорта. См. «Enumeratio plantarum quae in horto viri illustris atque excell. D-ni Procopii à Demidoff».

44) Остальные кавалеры большого военнаго ордена Георгія Побѣдоносца (лента черезъ плечо) были: Суворовъ, адмиралъ Чичаговъ и фельдмаршалъ Репнинъ. Павелъ I никогда не носилъ его; онъ не получилъ его, бывши наслѣдникомъ престола, а ставъ императоромъ—не хотѣлъ носить его.

45) См. «Жизнь графини Анны Ал. Орловой-Чесменской», соч. Н. Елагина. Спб. 1853 г.

46) См. «Русскій Архивъ» 1878 г., стр. 292.

47) См. ст. «Архимандритъ Фотій». «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, стр. 308.

48) См. «Русская Старина», 1887 г., октябрь, стр. 7.

49) См. «Исторія царствованія Александра I», т. I, стр. 97.

50) См. «Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II».

51) См. «Русскій Архивъ» 1878 г., т. III, стр. 493.

52[1]) См. «Русская Старина» А. Мартынова и И. Снегирева.

52[2]) По духовному завѣщанію, это имѣніе князя Сергѣя Кантемира, вмѣстѣ съ 10 тысячами душъ крестьянъ, было отдано императрицѣ Екатеринѣ II. Впослѣдствіи императоръ Павелъ I подарилъ его канцлеру Безбородко — въ день своей коронаціи.

53) См. опытъ Н. Полевого «Повѣствованіе о Петрѣ Великомъ», «Сынъ Отечества», январь 1858 г.

55) См. «Царствованіе Петра II», соч. Арсеньева, стр. 109 и 146.

56) Графъ Вельегорскій женился на графинѣ Матюшкиной, бывшей княгинѣ Гагариной, фрейлинѣ императрицы. Графъ Валер. Зубовъ—на Потоцкой. Родителямъ предоставлено было на волю избирать вѣроисповѣданіе для ихъ дѣтей, въ той увѣренности, что въ третьемъ поколѣніи дѣти отъ русскихъ отцовъ и матерей примутъ православную вѣру, что и исполнилось почти безъ исключенія,—сынъ гр. Соллогуба былъ католикъ, а внукъ (извѣстный писатель) православный, равно какъ и князья Любомирскіе.

57) См. «Русская Старина» 1878 г., т. 21, стр. 538.

58) См. «Русская Старина», т. 21, стр. 539.

59) См. «Русскій Архивъ», 1873 г., стр. 1102.

60) «Русская Старина», г. Мартынова, II, стр. 115.

61) «Voyage en Pologne, Russie etc.» par Wiliam Cox.

62) См. А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ».

63) Нашъ посланникъ въ Неаполѣ, извѣстный по связямъ съ королевой неаполитанской, красавецъ собой, былъ необыкновенно гордъ. Графъ Растопчинъ разсказываетъ, что на одномъ изъ спектаклей въ Эрмитажѣ цесаревичъ Павелъ Петровичъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Сообщу тебѣ новость—сегодня Разумовскій первый поклонился мнѣ».

64) «Архивъ князя Воронцова».

65) «Манька», такъ называли въ то время модныя мужскія муфты.

66) Племянница Нарышкиной, дочь ея брата Вилима, переименованнаго по-русски въ Даніила Петровича, была извѣстная фрейлина Гамильтонъ, любовница Орлова, казненная по повелѣнію Петра Великаго.

67) См. очеркъ П. И. Мельникова (Печорскаго): «Авдотья Петровна Нарышкина».

68) См. роспись Москвы 1793 г.

69) См. «Русская Старина», соч. А. Мартыновымъ, годъ второй.

70) См. «Исторія академика Пекарскаго», т. II, стр. 455.

71) См. его «Московскія улицы».

72) Извѣстный дипломатъ графъ Спренгпортенъ.

73) Эта историческая коллекція теперь принадлежитъ г. Мятлеву.

74) Извѣстные впослѣдствіи наши посланники.

75) (Къ стр. 304). Въ Петербургѣ «Жизнь игрока» давалась въ переводѣ Р. М. Зотова.

76) См. «Русскія преданія» Макарова.

77) См. С. П. Жихарева: «Дневникъ студента».

78) М. Г. Какъ вы развлекались?—М. Г. Хотя вы предупреждены.

79) См. А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», стр. 213.

80) Анненковъ. «А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи», стр. 22.

81) Въ одномъ изъ этихъ старинныхъ дворцовъ «Маріинскомъ» жилъ князь Тюфякинъ, извѣстный впослѣдствіи директоръ театровъ.

82) Тамъ, гдѣ прежде стоялъ домъ графа Каменскаго, нынѣ помѣщается земледѣльческое училище.

83) Евг. Ковалевскій—авторъ книги «Графъ Блудовъ».

84) См. воспоминанія графини А. Д. Блудовой—журналъ «Заря».

85) См. «Voyage de Moscou à Wienne par le comte Delagard en 1811».

86) Другая такая церковь св. Нила Столбенскаго, разобранная послѣ 1812 г., стояла въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Солодовникова.

87) См. Карновича—«Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ».

88) «Ломберъ» и «шнипъ-шнаръ-шнуръ»—модныя въ Екатерининское время карточныя игры.

89) См. Карновича «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ».

90) См. указатель чертежей московскимъ церквамъ И. Н. Николаева.

91) Описаніе этихъ часовъ на стран. 410.

92) См. Л. Бѣлянкина «Историческія записки о Фроловскихъ воротахъ».

93) См. указатель чертежей московскимъ церквамъ И. Н. Николева.

94) Эти ворота, извѣстныя теперь подъ именемъ Воскресенскихъ и Иверскихъ—прежде назывались Неглинными—отъ рѣки Неглинной, и Львиными, отъ львинаго звѣринца, нѣкогда здѣсь бывшаго. Воскресенскими онѣ наименовались отъ надворотной иконы Воскресенія Христова. Подъ зубцами воротныхъ стѣнъ еще уцѣлѣли осадные стоки, черезъ которые осажденные лили на непріятелей кипятокъ, смолу, свинецъ и сѣру. Въ верхнихъ палатахъ, надъ воротами, помѣщался такъ называемый «огненный бой», гдѣ дежурили пушкари и стрѣльцы. Теперь тамъ помѣщается губернскій архивъ.

95) Названіе «на Рву» происходило отъ того, что онъ былъ построенъ на крутой горѣ Красной площади, имѣвшей къ сторонѣ рѣки Москвы очень неровный уступъ, а къ стѣнѣ Кремля глубокій ровъ; до 1811 года между нимъ и Кремлемъ, да и съ Москворѣцкой улицы, это возвышеніе осыпалось и представляло нѣчто безобразное. Въ этомъ году площадь вся выровнена, безобразный ровъ обложенъ тесанымъ камнемъ и кругомъ террасы поставлены желѣзныя перила.

96) См. «Бытъ русскихъ царей», соч. И. Е. Забѣлина.

97) См. С. Н. Шубинскаго «Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени».

98) Архим. Сергія описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря.

99) См. «Описаніе о начатіи греко-латинской академіи въ Москвѣ», сочинено въ 1726 г. справщикомъ Ѳедоромъ Поликарповымъ.

100) Сильвестръ Медвѣдевъ, родомъ изъ Курска, служилъ прежде подъячимъ, потомъ принялъ монашество; онъ имѣлъ главный споръ съ Лихудами «о времени пресуществленія евхаристіи», былъ преданъ анаѳемѣ, бѣжалъ въ Польшу, но былъ пойманъ, судимъ и отрекся отъ своего ученія. Обличенный въ соумышленничествѣ съ Милославскимъ и Щегловитымъ, казненъ отсѣченіемъ головы.

101) Палладій Роговскій былъ первый русскій докторъ.

102) См. Н. Соловьева: «Лѣтопись Московской Троицкой, что въ поляхъ, церкви», стр. 266.

103) Такихъ «полей» въ Москвѣ было нѣсколько: въ Бѣломъ городѣ, у церкви Параскевы Пятницы, въ Охотномъ ряду; церковь св. Георгія на Всполье, въ Кудринѣ, гдѣ храмъ Покрова и пр.

104) См. Яблочкова «Исторію дворянскаго сословія».

105) См. тамъ же.

106) (Къ стр. 474). «Каминъ въ Пензѣ» этотъ былъ напечатанъ у извѣстнаго типографа-помѣщика Струйскаго въ его с. Рузаевкѣ.

107) Домъ князя И. М. Долгорукова въ приходѣ Воздвиженія на Вражкѣ существовалъ въ своемъ первоначальномъ видѣ до 1851 года — въ этомъ году онъ былъ сломанъ и на мѣстѣ его построена какая-то фабрика.

108) Имя Китай имѣлъ князь Андрей Боголюбскій, мощи котораго почиваютъ во Владимірѣ подъ спудомъ.

109) Подъ Казанскимъ соборомъ по 1805 г. была харчевня.

110) См. «Исторію Малороссіи» Бантышъ-Каменскаго.

112[1]) (Къ стр. 501). Журналъ «Ипокрену» онъ издавалъ въ сотрудничествѣ съ И. И. Бахтинымъ, губ. прокуроромъ и Воскресенскимъ, учителемъ гимназіи. Всего вышло 28 книжекъ съ 1789 по 1791 г. Журналъ наполненъ мелкими статейками и стихотвореніями.

112[2]) (Къ 501 стран.). Похороненъ Панкратій Сумароковъ въ вышеназванной церкви—Николы въ Столпахъ.

113) См. «Капище моего сердца».

114) Выходку съ косой императора Павла I приписываютъ нѣкоторые современники и князю А. П Голицыну.

115) Стихотвореніе это начиналось:

Будешь, будешь сочинитель
И читателя тиранъ;
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь—и судьбы гласили—
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;
Лѣсъ и горы повторили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Гераковъ былъ родомъ грекъ, очень небольшого роста, человѣкъ вертлявый и слабенькій, жилъ въ барскихъ домахъ Нарышкина и Воронцова въ качествѣ шута; онъ издалъ нѣсколько книжекъ, написанныхъ самымъ высокимъ слогомъ, гдѣ на каждомъ шагу онъ плачетъ или впадаетъ въ восторгъ отъ прекраснаго пола, до котораго онъ былъ большой охотникъ. Самая забавная его книжка это «Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ». Въ этой книгѣ описано его путешествіе съ графомъ Ив. Ил. Воронцовымъ-Дашковымъ. Затѣмъ изъ изданныхъ имъ есть одна имѣющая серьезное значеніе: это описаніе подвига капитана Ильина, который по приказанію графа Алек. Орлова сжегъ турецкій флотъ при Чесмѣ. До этого описанія предполагали, что этотъ подвигъ совершенъ англійскимъ офицеромъ въ русской службѣ, Элфингстономъ. Иностранные писатели даже приписывали распоряженіе это не Орлову, а англичанину, адмиралу Грейгу. Подъ конецъ своей жизни Гераковъ жилъ у князя М. С. Воронцова, въ домѣ на Малой Морской, гдѣ и умеръ.

116) Въ комедіи «Дурыловъ» выведенъ провинціальный честолюбецъ, все честолюбіе котораго заключается въ томъ, чтобы быть старшиною губернскаго клуба, угощать на славу, властвовать надъ кухнею и экономомъ, распоряжаться пирами и быть первымъ и необходимымъ лицомъ въ городѣ по этой части.

117) См. Сочиненія П. Я. Вяземскаго, т. VIII, стр. 167.

118) Билевича, записки котораго еще не появлялись въ печати.

119) См. Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 467.

120) См. С. П. Жихарева: «Дневникъ Студента».

121) См. книгу Нелединскаго-Мелецкаго, вышедшую подъ названіемъ «Хроника», стр. 79.

122) См. «Хроника недавней старины». Спб., 1876 г., стр. 42.

123) Было даже предположеніе назвать Прѣсненскіе пруды—Валуевскими.

124) Обѣ эти, теперь рѣдкія книги—«Описаніе древняго россійскаго музея» и «Историческое изслѣдованіе о селѣ Коломенскомъ», соч. П. С. Валуева, были изданы: первая въ № 1807 года и вторая въ 1809 году.

125) Въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ нынѣшняго носить очки считалось модою; вскорѣ по выходѣ этой моды, на гуляньѣ появилась лошадь въ очкахъ, съ надписью на лбу «только трехъ лѣтъ». Позднѣе Карамзинъ на эту моду молодыхъ людей сказалъ:

Взгляните на меня, я въ двадцать лѣтъ старикъ—
Смотрю въ очки, ношу парикъ.

126) См. Благово: «Разсказы бабушки», стр. 189.

127) См. «Дневникъ студента», С. П. Жихарева, стр. 211.

128) Императоръ Павелъ изъ всѣхъ сводныхъ московскихъ баталіоновъ составилъ гарнизонный Архаровскій полкъ. Въ этихъ сводныхъ пѣхотныхъ баталіонахъ по большей части служили москвичи-гвардейцы—сержанты, не имѣвшіе средствъ нести блестящую гвардейскую службу въ Петербургѣ. Первый такой баталіонъ квартировалъ тогда въ Варсанофьевскомъ переулкѣ, въ приходѣ Вознесенія Господня. Командовали этими баталіонами полковники: Сухотинъ, Замятинъ и Волынскій. Въ приходѣ же Вознесенія Господня была и школа московскаго гарнизона. По разсказамъ Макарова, эту школу въ своихъ прогулкахъ навѣщали: Карамзинъ, Дмитріевъ и всего чаще князь Ив. М. Долгоруковъ (См. прибавленіе къ «Москов. Вѣд.» 1844 г., стр. 260, № 22).

129) См. «Нѣсколько словъ о семействѣ Баташовыхъ»—«Русскій Архивъ», 1871 г., стр. 2114.

130) Домка—большая (доменная) печь въ нѣсколько аршинъ вышины и ширины, гдѣ плавится желѣзо.

131) См. «Поѣздка въ городъ Вольскъ», «Памятная книжка Саратовской губерніи на 1859 годъ», стр. 88—98.

132) См. Я. Грота: «Соч. Державина», т. III, стр. 445.

133) См. «Первое столѣтіе Вольска», статья г. М. М. Владимірова.

134) Указомъ 3-го января 1810 г. отнималось у всѣхъ право носить званіе именитыхъ гражданъ. Причиною этого указа были какіе-то именитые граждане, которые весьма недобросовѣстно поступили въ коммерческихъ разсчетахъ въ Англіи.

135) См. «Другъ просвѣщенія» 1804 г., кн. XI, стр. 106.

136) Д. Н. Кашинъ, умершій въ 1844 г., ученикъ Сарти, авторъ многихъ народныхъ оперетъ и аранжировщикъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ былъ нѣкоторое время капельмейстеромъ московскаго театра и учителемъ музыки при университетѣ.

137) См. «Маякъ» 1846 г., кн. IV.

138) «Пригожая повариха или похожденія развратной женщины», ч. I. Спб. 1770 г.

139) «Неонила или распутная дщерь», справедливая повѣсть, сочиненіе А. Л., 2 ч. М. 1794 г.

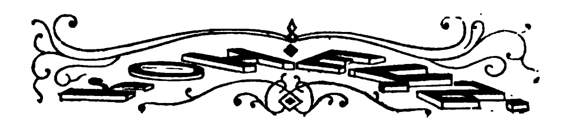
140) См. М. Лонгинова «Библіографическія записки», стр. 16.

141) Загряжскій, Ник. Алекс., оберъ-шенкъ.

142) Партизанъ-поэтъ Денисъ Ивановичъ Давыдовъ.

143) См. «Русскій Архивъ» 1877 года, кн. I, стр. 512.

144) Маскарады Ліона въ прошедшемъ столѣтіи происходили въ залахъ, гдѣ теперь помѣщается Учетный банкъ.



УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРАЯ МОСКВА".

А.

Б.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

МѢСТНОСТЕЙ, УЧРЕЖДЕНІЙ, ЗДАНІЙ И ПРОЧ.,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРАЯ МОСКВА".

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ КНИГѢ „СТАРАЯ МОСКВА".

Портреты.

Виды мѣстностей и разныхъ сооруженій.

Бытовыя и другія изображенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.